

100
И-30

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА ВЪ МОНОГРАФІЯХЪ.

Предшественники
новѣйшаго
соціализма

БИБЛИОТЕКА
СЕМИПАЛАТИНСКАГО
СОЮЗА ИЗОБРАТИТЕЛЕВЪ
Ивановъ, Л.
Сидоровъ, Л.
отдѣлъ II №

423.
94
II №

ЧАСТЬ II

Отъ Платона до анабаптистовъ

Карла Каутскаго

570.
8

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

3 335

Съ предисловіемъ К. Каутскаго къ этому русскому изданію

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе Е. и И. Леонтьевыхъ

1907

ИСТОРИЯ СОЦІАЛИЗМА

ВЪ

МОНОГРАФІЯХЪ

К. Каутскій, П. Лафаргъ, К. Гуго,
Э. Бернштейнъ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе Е. и И. Леонтьевыхъ

1907

335 ✓
К 30

1 ф + 3 к 51
К-30

3 к 9
К-30

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

+

НОВѢЙШАГО СОЦІАЛИЗМА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Отъ Томаса Мора до кануна великой французской революціи

IV отдѣлъ: Два первыхъ великихъ утописта:

Томась Моръ—К. Каутскій. Томмазо Кампанелла—П. Лафаргъ.

V отдѣлъ: Коммунистическія и демократосоціалистическія теченія въ англійской революціи XVII вѣка—Эд. Бернштейнъ.

VI отдѣлъ: Поселенія іезуитовъ въ Парагваѣ—П. Лафаргъ.

VII отдѣлъ: Соціализмъ во Франціи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ—К. Гуго.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Религіозныя коммунистическія общины въ С. Америкѣ—К. Гуго.

ВНОВЬ ПРОВѢРЕННЫЙ И ИСПРАВЛЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ

Е. и И. ЛЕОНТЬЕВЫХЪ

БИБЛИОТЕКА

СЕМИПАЛЯТИНСКАГО

СОЮЗА КООПЕРАТИВОВЪ

Пивен. п. № 33 370

Систем. № 6

3 отдѣлъ. № 335

№ 570

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ
СЕРИИ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Ближайш. № 2

Типографія М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28

1907-1/2. Днон

с.р. 7545
ф. 4033.

3563

О Г Л А В Л Е Н И Е.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Два первыхъ великихъ утописта.

	СТР.
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Томась Моръ.	
I. Экономическое положеніе Англии въ началѣ XVI вѣка (1).—	
II. Біографы Мора (4).—III. Жизнь Мора (5).—IV. „Утопія“ (11).—	
V. Мѣсто „Утопін“ въ исторіи социализма (23)	1
	К. КАУТСКІЙ.
ГЛАВА ВТОРАЯ. Томмаво Кампанелла.	
I. Біографія Кампанеллы (30).—II. Философія Кампанеллы (38).—	
III. Политика Кампанеллы (48).—IV. Городъ солнца (50)	30
	П. ЛАФАРГЪ.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Коммунистическія и демократо-соціалистическія теченія въ английской революціи XVII вѣка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Введеніе	64
ГЛАВА ВТОРАЯ. Англія до середины XVII вѣка.	
I. Экономическое и соціальное развитіе (68).—II. Политическія и религиозныя условія. Возстаніе Кета (73).—III. Утопія государственнаго канцлера Бэкона (86)	68
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Первые годы правленія Карла I, молодость Джона Лилъбурна и начало преслѣдованій его	89
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Парламентъ и королевская власть. Пресвитеріане и индепенденты. Опасныя для государства секты. Народъ и парламентъ	96
ГЛАВА ПЯТАЯ. Распаденіе индепендентовъ на левеллеровъ и „джентльменовъ“	109
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Борьба за демократію. „Очистка“ парламента. „Народный договоръ“ левеллеровъ	120
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Атеистическія и коммунистическія тенденціи въ движеніи левеллеровъ. „Истинные левеллеры“	131
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Коммунистическая утопія Джерарда Винстэнлп	146

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Возстаніе левеллеровъ въ арміи, дальнѣйшая судьба и смерть Лилъбурна	158
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Оцѣнка дѣятельности Лилъбурна и левеллеровъ. Различныя теченія, на которыя распалось ихъ движеніе. Заговоры. Чартисты—преемники левеллеровъ	175
ПРИЛОЖЕНІЕ. Органъ левеллеровъ	189
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Буржуазная государственная философія 17 вѣка: „Левіаѳанъ“ Гоббса и „Оцеана“ Гаррингтона	193
ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ. Квакеры до Джона Беллерса. I. Возникновеніе квакерства и его сущность (210).—II. Джемсъ Нейлоръ, царь израильскій (219).—III. Соціально-экономическая сторона квакерства (226).—IV. Петерь Корнелиусъ Плокбой (231).—V. Джонъ Беллерсъ, адвокатъ бѣдныхъ: а) „College of industry“ (239).—б) „Опыты“ (Essays) и прочія сочиненія Беллерса (251)	210
Эд. Бернштейнъ.	

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Поселенія іезуитовъ въ Парагваѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Христіанская республика	263
ГЛАВА ВТОРАЯ. Дикія племена Парагвая и завоеваніе страны испанцами.	266
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Поселенія іезуитовъ	271
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Жизнь индѣйцевъ въ миссіяхъ	279
П. Лафаргъ.	

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Соціализмъ во Франціи въ 17 и 18 столѣтіяхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Классовыя противорѣчія въ 16 и 17 столѣтіяхъ. I. Кальвинизмъ и лига (290).—II. Эпоха фронды (295).—III. Людовикъ XIV. (297).—IV. Хлѣбная политика Ancien Régime'a (301)	290
ГЛАВА ВТОРАЯ. Крестьяне и сельское духовенство. I. Крестьяне (304).—II. Сельское духовенство (327)	304
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Жанъ Мелье	328
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Промышленность въ XVI и XVII столѣтіяхъ	345
ГЛАВА ПЯТАЯ. Верассъ	354
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Политическіе романы и описанія путешествій XVII и XVIII столѣтій. I. La terre Australe (371).—II. Жакъ Массе (373).—III. Республика философовъ (374).—IV. La découverte australe и Lettre d'un singe Ренифа (379).—V. „Телемакъ“ Феелона (387).—VI. Les Voyages de Cyrus Рамзаи (389).—VII. Телѣра Пехмейн (390)	369
К. Гуго.	

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Религіозныя и коммунистическія общины въ Сѣверной Америкѣ.

I. Ефрата (393).—II. Шекеры (394).—III. Гармонисты (397).—IV. Зоаръ (400).—V. Общины Аврора и Бетель (403). VI. Амана (406).—VII. Община Бишопъ-Гилль (409).—VIII. Заключеніе (411)	
---	--

К. Гуго.

ОТЪ ТОМАСА МОРА

ДО КАМУНА ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

БИБЛИОТЕКА
СЕМИПАЛАТИНСКАГО
СОЮЗА ИМПЕРАТОРОВЪ

Инвент. № _____

Систем. № _____

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. ^{отдѣлъ} № _____

Два первыхъ великихъ утописта.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Томасъ Моръ.

I. Экономическое положеніе Англiи въ началѣ XVI вѣка.

Мы оставили Англiю въ концѣ XIV вѣка послѣ крестьянскаго возстанія 1381 года, которое хотя и не доставило побѣды крестьянамъ, но и не кончилось полнымъ пораженіемъ ихъ, такъ что феодалы не могли наложить на нихъ прежняго ярма. Вскорѣ послѣ этого въ Англiю пало крѣпостное право, а вмѣстѣ съ нимъ и старое феодальное сельское хозяйство.

Переворотъ въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ въ XV и XVI вв. характеризуется двумя моментами: появленіемъ арендатора капиталиста и расширеніемъ пастбищнаго хозяйства.

Землевладѣльцамъ показалось слишкомъ труднымъ хозяйничать самимъ, когда они лишились труда крестьянъ, обязанныхъ работать на нихъ, и когда имъ пришлось имѣть дѣло съ наемными рабочими. Поэтому они предпочитали отдавать свои имѣнія въ аренду. При этомъ имѣнія либо дробились и отдавались мелкимъ арендаторамъ, которые сами ихъ обрабатывали, либо сдавались цѣликомъ предпринимателямъ, обладавшимъ капиталомъ и знаніемъ дѣла, необходимыми для наиболѣе выгодной эксплуатаціи земли. Рука объ руку съ этимъ процессомъ шель еще и другой. Мы уже не разъ имѣли случай указать на важное значеніе англійскаго овцеводства, дававшего наилучшую во всей Европѣ шерсть. Чѣмъ больше развивалось повсемѣстно производство суконъ, чѣмъ болѣе улучшались пути и средства сообщенія, особенно на морѣ, тѣмъ болѣе расширялся рынокъ для англійской шерсти. Въ концѣ XV вѣка послѣдняя доставлялась уже въ Италію и Швецію ¹⁾. Цѣны на шерсть возросли и вмѣстѣ съ тѣмъ возросло

¹⁾ Это явствуетъ, между прочимъ, изъ двухъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ въ 1490 году Генрихомъ VII съ Даніей и Флоренціей. Craik, The history of british commerce, I, стр. 203, 204.

также стремление расширить овцеводство. Замѣна барщины крѣпостныхъ крестьянъ наемнымъ трудомъ тоже содѣйствовала этому. Лозунгомъ стараго феодальнаго сельскаго хозяйства было привлеченіе рабочихъ силъ и ихъ прикрѣпленіе, лозунгъ новаго капиталистическаго сельскаго хозяйства гласилъ: экономить, экономить на рабочей силѣ, гдѣ только возможно обходиться съ меньшимъ числомъ рабочихъ. Этому лозунгу вполне отвѣчало овцеводство, обуславливавшее собою пастбищное хозяйство.

Однако съ ростомъ капиталистическаго производства и съ расширеніемъ рынка для шерсти безпредѣльно возросла также жадность землевладѣльцевъ къ землѣ. Притомъ имъ нужна была уже не земля съ людьми, а пастбище, пустыня.

Эта жажда тѣмъ легче могла развиваться, что какъ разъ въ это время все почти старое дворянство погибло въ ужасной междоусобной войнѣ Алой и Бѣлой Розы. Одною изъ причинъ этой войны послужилъ, вѣроятно, именно переворотъ въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ. «Новое дворянство было дитя своего вѣка, и для него деньги были самой могущественной силой» ¹⁾. Его духъ предпріимчивости не стѣснялся никакими феодальными традиціями и фантазіями. Гдѣ только у него была сила, — а послѣдней у него было достаточно, — тамъ оно захватывало у крестьянъ ихъ общинную землю, разоряя ихъ такимъ образомъ, или прямо сгоняло ихъ съ земли, чтобы превратить ихъ пахатную землю въ пастбище. Считается, что въ царствованіе Генриха VIII было уничтожено 50.000 крестьянскихъ хозяйствъ, а вмѣстѣ съ крестьянами погибло также не мало мелкихъ городовъ, существовавшихъ большею частью ремесломъ и торговлей съ крестьянами.

Послѣдствіемъ всего этого явился колоссальный ростъ пролетаріата. Какъ на всемъ европейскомъ материкѣ вообще, такъ и въ Англии къ концу XV столѣтія также кончился золотой вѣкъ крестьянства и всѣхъ трудящихся классовъ вообще. Но въ то время какъ на материкѣ угнетеніе крестьянства выразилось прежде всего въ увеличеніи лежавшихъ на немъ тягостей, а ростъ количества безземельныхъ представлялъ явленіе второстепеннаго значенія, въ Англии упадокъ крестьянства выразился прежде всего въ ростѣ пролетаріата.

Въ началѣ XVI вѣка науперизмъ нигдѣ не иривялъ еще такихъ угрожающихъ размѣровъ, какъ въ Англии. Его боялись и имъ занимались всѣ, кто не извлекалъ изъ него прямой выгоды. Въ то время отсутствіе собственности у массъ еще не сдѣлалось основой національнаго богатства; крупная капиталистическая промышленность, нуждающаяся въ большихъ массахъ пролетаріевъ, и капиталистическая колоніальная политика, получившая вскорѣ громадное значеніе для экономическаго подъема Англии и немислимая безъ наличности извѣстнаго числа оторванныхъ отъ земли, отчаявшихся людей, — только-что зарождались. Бѣдность массъ не была еще тогда необходимымъ элементомъ общественнаго строя, и во всѣхъ классахъ существовало стремленіе устранить ее.

Въ этомъ направлеиіи дѣлались всевозможныя попытки; двумя полюсами въ стремленіи устранить бѣдность являлись еретическій коммунизмъ и кровавое законодательство. Что первый находилъ для себя почву въ описанныхъ выше условіяхъ, что ученіе доллардсвъ ожило, и идеи анабаптистовъ нашли себѣ откликъ въ Англии — весьма понятно. Но историческаго значенія, въ эпоху

¹⁾ Магх, Капиталь, I, стр. 608, изд. О. Поповой.

Мора, въ Англіи, они не приобрѣли. Между господствующими классами не было большихъ, глубокихъ конфликтовъ, которые позволили бы коммунистамъ открыто вмѣшаться въ ходъ историческаго развитія; до этого дѣло не доходило при Тюдорахъ; это случилось лишь въ слѣдующемъ столѣтіи, когда на англійскій престолъ вступили Стюарты. Существованіе коммунистовъ обнаруживалось только въ преслѣдованіяхъ ихъ и мученичествѣ; особенно въ послѣдніе годы царствованія Генриха VIII указы противъ анабаптистовъ и казни послѣднихъ сильно участились. Въ 1535 и въ слѣдующіе годы въ числѣ казненныхъ встрѣчается поразительно много голландцевъ¹⁾.

Но не только коммунизмъ подавлялся кровавыми мѣропріятіями. Достаточно было сдѣлаться безработнымъ, чтобы попасть въ руки палача. «Кровавое законодательство противъ бродяжничества»²⁾ появилось въ Англіи въ концѣ XV столѣтія.

Законодательство это получило свое начало при Генрихѣ VII, царствовавшемъ съ 1485 по 1509 годъ и положившемъ начало династіи Тюдоровъ, но особеннаго развитія оно достигло при Генрихѣ VIII (1509—1547), его сынѣ. Этотъ послѣдній объявилъ, напр., въ 1530 году: «Престарѣлые и нетрудоспособные нищѣ получаютъ позволеніе просить милостыню. Здоровые же бродяги, наоборотъ, присуждаются къ наказанію плетью и къ заключенію въ тюрьму. Ихъ слѣдуетъ, привязавъ къ тачкѣ, бичевать до тѣхъ поръ, пока кровь не начнетъ струиться изъ тѣла; тогда они должны дать клятву возвратиться на родину или туда, гдѣ они жили послѣдніе три года, и «привыться за работу». Какая жестокая пропія! Законъ 1536 года повторяетъ прежній статутъ и усиливаетъ его строгость еще нѣкоторыми добавленіями. Если кто-нибудь попадаетъ въ бродяжничествѣ вторично, то его опять наказываютъ плетью и отрѣзываютъ половину уха, въ третій же разъ онъ долженъ быть казненъ, какъ тяжкій преступникъ и врагъ общества» (Марксъ).

Что режимъ Генриха VIII не любилъ шутить, явствуетъ изъ того, что при немъ, по словамъ современнаго лѣтописца, были казнены «72.000 большихъ и малыхъ воровъ».

Между этими двумя крайностями, т.-е. объявленіемъ бѣдности и безработности преступленіемъ, достойнымъ смертной казни, и стремленіемъ воскресить древне-христіанскій коммунизмъ, заключаются всѣ тогдашніе попытки, желанія, стремленія и проекты разрѣшенія соціальной проблемы. Одинъ только единственный человѣкъ, единственный во всѣхъ отношеніяхъ, былъ настолько смѣлъ и дальновиденъ, что смогъ выйти изъ границъ идей своей эпохи и смогъ указать, какъ на путь къ разрѣшенію соціального вопроса, на новый коммунизмъ, глубоко отличающійся отъ древне-христіанскаго и еретическаго, и представляющій собой не возвращеніе къ прошедшему, но шагъ къ новому общественному строю, въ который должны были войти всѣ элементы культуры, созданные эпохой Возрожденія и Реформаціи. Этимъ человѣкомъ, нарисовавшимъ невиданную дотолѣ картину современнаго коммунизма, былъ Томасъ Моръ.

¹⁾ Th. Crosby, The history of the English Baptists. Лондонъ 1738, I. стр. 33, 39.

²⁾ Marx, Капиталь, I т., изд. Поповой, стр. 621. «Отцы теперешняго рабочаго класса съ самаго начала подверглись карѣ за то, что ихъ превратили въ бродягъ и науперовъ. Законодательство считало ихъ „добровольными“ преступниками и предполагало, что отъ ихъ доброй воли зависитъ продолжать работать при несуществующихъ уже болѣе прежнихъ условіяхъ жизни».

II. Биографы Мора.

Большая часть написанных до сих пор биографий Томаса Мора страдают недостатком, как раз обратным тому, который нами замечен в описаниях Мюнцера и мюнстерскаго движения их современниками. Последнія сдѣланы не перомъ историка, а прокурора, и представляютъ собой лишь односторонніе обвинительные акты, а биографіи Мора, особенно болѣе раннія, представляютъ собой весьма односторонніе хвалебные гимны. Онѣ воскуряютъ фиміамъ, «не тотъ фиміамъ, который благодарное потомство воскуряетъ передъ людьми особенно содѣйствовавшими, по его мнѣнію, развитію человѣчества, но тотъ, который католическая церковь возноситъ передъ своими святыми, чтобы отуманить чувства вѣрующихъ»¹⁾.

Надо знать, что Моръ умеръ мученикомъ католицизма, католическая же церковь со временъ реформаціи насчитывала въ числѣ своихъ послѣдователей не особенно много великихъ мыслителей и характеровъ, поэтому она неустанно воспѣвала себѣ, въ лицѣ Мора, хвалебные гимны. Однако съ точки зрѣнія католической церкви далеко не всѣ поступки Мора заслужили похвалы и поэтому всестороннее, объективное изображеніе его дѣятельности не соответствовало интересамъ этой церкви. Вотъ почему его биографіи такъ односторонни.

Самой безпристрастной является старѣйшая изъ его биографій, написанная зятемъ его, Вильямомъ Роперомъ (вѣроятно въ 1557 году)²⁾. Роперъ шестнадцать лѣтъ прожилъ въ домѣ Мора; онъ честный, простой, разсудительный человѣкъ и повѣствованіе его заслуживаетъ полного довѣрія. Но въ то же время онъ былъ слишкомъ ограниченъ для того, чтобы понять значеніе Мора и сообщить характеризующіе послѣднее факты. Если бы до насъ дошла одна только биографія Ропера, мы, напр., не знали бы даже, что Моръ написалъ «Утопію».

Слѣдующій биографъ Мора, Томасъ Степльтонъ, англійскій католическій священникъ, написавшій въ изгнаніи въ Дуэ биографію Мора, появившуюся въ 1588 году³⁾, въ интеллектуальномъ отношеніи далеко превосходитъ Ропера. Онъ дополняетъ послѣдняго, описывая литературную дѣятельность Мора; особенно большую пользу онъ принесъ собраніемъ и опубликованіемъ богатаго матеріала, главнымъ образомъ писемъ Мора и его современниковъ. Но сочиненіе Степльтона не историческая книга, а книга для назидательнаго чтенія; она даетъ не историческій очеркъ, а пеструю смѣсь анекдотовъ, легендъ и чудесныхъ исторій.

И такой характеръ носятъ всѣ католическія биографіи Мора до настоящаго времени, поскольку я съ ними ознакомился. Исключеніе составляетъ новѣйшее сочиненіе о Морѣ, книга достопочтеннаго Т. Е. Бриджета: «Life and Writings of Sir Thomas More» (Лондонъ 1891 г.), въ которой также очень рѣзко проявляется католическая точка зрѣнія, а Моръ-гуманистъ и тѣмъ болѣе социалистъ совсѣмъ лишенъ значенія; но авторъ пользуется приемами современной науки и воздерживается отъ всякихъ пошлостей. Однако о безпристрастномъ

¹⁾ Каурскій, Томасъ Моръ, стр. 102.

²⁾ „The Life of Sir Thomas More, written by his son in law William Roper“.

³⁾ „Tres Thomae seu res gestae St. Thomae Apostolis, S. Thomae Archiepiscopi Cantuarensis et Martyris, Thomae Mori, Angliae quondam cancellarii. Autore Thoma Stapletono“: Мы пользовались кельскимъ изданіемъ 1612 года.

историческомъ изложеніи не можетъ быть рѣчи даже и въ этомъ научномъ твореніи современнаго католицизма. Моръ въ этомъ сочиненіи является такимъ же узкимъ католикомъ, какъ и самъ авторъ.

Выше религіозной ограниченности Бриджета стоятъ два другихъ біографа Мора XIX столѣтія: Рудгартъ и Зебоомъ ¹⁾. Рудгартъ добросовѣстевъ, прилеженъ и честенъ, но мелоченъ, и трудъ его имѣетъ мало значенія. Зебоомъ говоритъ только о гуманистической дѣятельности Мора до 1519 года; онъ смѣлѣе Рудгарта, но зато фантастичвѣе его и любитъ рискованныя гипотезы.

Онъ не лучше остальныхъ упомянутыхъ мною біографовъ Мора сумѣлъ понять «Утопію»; такъ какъ ни одинъ изъ этихъ господъ не имѣлъ представленія о социализмѣ, то они, разумѣется, не могли понять значенія этого сочиненія для развитія социалистическихъ идей. Поэтому же имъ и въ голову не могло прийти изслѣдовать зависимость «Утопіи» отъ социальной среды, окружавшей Мора.

Пишущій эти строки сдѣлалъ попытку разрѣшить эти задачи въ своей уже упомянутой выше книгѣ: «Thomas More und seine Utopie».

III. Жизнь Мора.

Томасъ Моръ родился 7 февраля 1478 года. Отецъ его былъ судьей королевской скамьи (Kings Bench) въ Лондонѣ. Научившись въ школѣ св. Антонія латинскому языку и проживъ нѣкоторое время въ домѣ архіепископа, впоследствии кардинала Мортонна, важнаго государственнаго дѣятеля, Моръ поступилъ въ высшую школу въ Оксфордѣ (1492 г.). Туда успѣли уже проникнуть гуманистическія идеи, и молодой Моръ горячо принялся за нихъ. Вынесенныя имъ тогда впечатлѣнія имѣли рѣшающее вліяніе на всю его жизнь. Правда, отецъ, противъ его воли, взялъ его изъ университета и заставилъ посѣщать юридическую школу въ Лондонѣ, но Томасъ, покоровшійся и, въ концѣ концовъ (1501 г.), сдѣлавшійся адвокатомъ, остался вѣренъ своей первой любви, классической философіи и искусствамъ. Онъ приобрѣлъ репутацію замѣчательнаго ученаго и дружбу самыхъ замѣчательныхъ гуманистовъ, особенно главы ихъ въ Германіи, Эразма Роттердамскаго, съ которымъ онъ познакомился въ 1498 году.

Высокое гуманистическое образованіе является очень существенной чертой, отличающей Мора отъ другихъ социалстовъ его эпохи. Правда, среди нихъ встрѣчались люди, изучавшіе гуманистическія науки. Стоитъ вспомнить Гребеля, Манца, Денка, Губмейера. Но богословское образованіе все-таки брало въ нихъ перевѣсъ, и не одинъ изъ нихъ не получилъ такого широкаго философскаго образованія, какъ Моръ.

Одно время, впрочемъ, и самъ Моръ находился подъ вліяніемъ христіанскаго, хотя и не еретическаго коммунизма. На эту мысль наводитъ тотъ фактъ, что онъ съ 1501 по 1504 годъ жилъ вблизи монастыря картезіанцевъ, принималъ участіе въ ихъ религіозныхъ обрядахъ и самъ хотѣлъ сдѣлаться монахомъ. «У него было также серьезное намѣреніе сдѣлаться францисканцемъ», говоритъ Степльтонъ, «чтобы болѣе совершеннымъ образомъ служить Господу. Но

¹⁾ G. Th. Rudhart, Thomas Morus, Нюрнбергъ 1829. F. Seebohm, Oxford Reformers. Лондонъ, 2 изд., 1869 г.

онъ оставилъ это намѣреніе, когда убѣдился, что англійское духовенство утратило свою прежнюю суровость и воодушевленіе». По мнѣнію Эразма, здѣсь сыграло роль еще то обстоятельство, что Томасъ очень серьезно относился къ обѣту цѣломудрія, но не считалъ себя въ силахъ выполнить его.

Онъ вернулся къ мірской жизни и въ 1505 году; женился на Джени Колетъ, дочери помѣщика. Когда она умерла въ 1510 году, подаривъ ему четырехъ дѣтей, онъ женился вторично на Алисъ Мидлтанъ.

Забота о семьѣ поставила для него на первый планъ вопросъ о заработкѣ, и тогда классически образованный ученый и благочестивый мечтатель оказался весьма практичнымъ дѣльцомъ. Онъ приобрѣлъ большую извѣстность въ качествѣ адвоката и сдѣлался довѣреннымъ лицомъ лондонскаго купечества. Капиталисты увидѣли въ социалистѣ лучшаго представителя ихъ интересовъ.

Эта тѣсная связь съ лондонскими капиталистами, безъ сомнѣнія, повліяла до извѣстной степени на социалистическіе взгляды Мора. Купечество являлось въ то время классомъ, представлявшимъ экономическій прогрессъ, и особенно въ Лондонѣ купечество стояло очень высоко. Въ эпоху Мора уже стали обнаруживаться послѣдствія упомянутыхъ нами выше измѣненій въ путяхъ сообщенія съ востокомъ. Центръ тяжести экономической жизни Европы съ береговъ Средиземнаго моря перемѣстился на берега Атлантического океана и составляющихъ часть его морей. Англія, хотя и далекая еще отъ господства на морѣ, стала уже принимать участіе въ міровой торговлѣ; недаромъ она находилась возлѣ самаго оживленнаго пути того времени, Па-де-Кале, соединявшаго важнѣйшіе центры тогдашней европейской торговли, Лиссабонъ и Антверпенъ. На ряду съ этими двумя городами и съ Парижемъ Лондонъ приобрѣлъ значеніе мірового города.

Благодаря всему вышесказанному, Моръ достигъ такого пониманія экономическихъ отношеній, какимъ могли похвастать немногіе его современники. Благодаря глубокому философскому образованію и политической дѣятельности, Моръ въ пониманіи экономическихъ явленій не остановился на узкой частнохозяйственной точкѣ зрѣнія купца, а сумѣлъ охватить всю хозяйственную жизнь націи.

Неутомимый Моръ принималъ также дѣятельное участіе въ политической жизни государства. Уже въ 1504 году онъ былъ избранъ въ парламентъ — къ сожалѣнію, неизвѣстно отъ какого избирательнаго округа; несмотря на свою молодость, онъ сейчасъ же приобрѣлъ значительное вліяніе въ парламентѣ. Роперъ говоритъ, что, благодаря вмѣшательству Мора, парламентъ отклонилъ налогъ, введенія котораго требовалъ король Генрихъ VII. Генрихъ былъ внѣ себя отъ того, что безбородый мальчишка лишилъ его значительнаго дохода, а такъ какъ неприкосновенность членовъ парламента тогда еще вовсе не была гарантирована, то Моръ очутился въ серьезной опасности. Ему пришлось отказаться отъ общественной жизни, онъ даже на время оставилъ Англію и посѣтилъ Нидерланды и Францію. Это путешествіе во всякомъ случаѣ сильно расширило его умственный горизонтъ и содѣйствовало развитію его общественныхъ взглядовъ. Опасаясь мести короля, Моръ думалъ даже эмигрировать изъ своего отечества, но смерть Генриха VII (1509 г.) совершенно измѣнила положеніе дѣла. Съ восшествіемъ на престолъ новаго короля, Генриха VIII, начался, конечно, «новый курсъ»; Моръ не только оказался внѣ опасности, но, въ качествѣ повѣреннаго лондонскаго купечества, получилъ ответственную должность. Въ 1510 г. онъ сдѣлался

помощником лондонскаго шерифа (шерифъ—нѣчто вродѣ гражданскаго судьи), а въ 1505 году, когда было отправлено посольство во Фландрію для заключенія торговаго договора съ Нидерландами, Моръ, какъ представитель лондонскаго купечества, оказался въ числѣ пословъ. Онъ пробылъ въ Нидерландахъ шесть мѣсяцевъ. Переговоры оставляли ему больше досуга, чѣмъ онъ имѣлъ въ Лондонѣ, исполняя должность судьи и занимаясь адвокатской практикой. Моръ воспользовался этимъ досугомъ, чтобы написать «Утопію» — описаніе идеальнаго государства, которому были чужды всѣ востроенія современныхъ государствъ. Это сочиненіе явилось плодомъ соединенія философскаго образованія съ экономическимъ и политическимъ. Въ то время политическое образованіе было далеко не такъ распространено, какъ теперь. Громадное большинство населенія серьезно интересовалось только своими мѣстными дѣлами и не имѣло даже возможности понимать дѣла государственныя. Развитие началъ современнаго государства всюду шла рука объ руку съ монополизацией политики и политическаго образованія «верхами общества».

Рѣдкое въ ту эпоху политическое образованіе еще рѣже сочеталось съ познаніями въ области экономіи, со знаніемъ дѣла и съ философскимъ образованіемъ. Ученые въ то время, какъ и теперь, были теоретиками безъ всякаго практическаго опыта; это относится особенно къ германскимъ странамъ. Государственные дѣятели, вербовавшіеся обыкновенно изъ аристократіи и духовенства, также въ большинствѣ случаевъ страдали недостаткомъ широкаго политическаго образованія и отсутствіемъ глубокаго пониманія экономическихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи тоже дѣло мало измѣнилось съ XVI вѣка.

Соединеніе всѣхъ названныхъ выше качествъ въ одномъ лицѣ встрѣчалось крайне рѣдко. Совершенно единственнымъ въ своемъ родѣ оно было у Мора потому, что сочеталось съ особенностями характера, которыя въ сущности противорѣчили перечисленнымъ качествамъ. Пониманіе сущности капитализма, поскольку онъ тогда успѣлъ развиться, не могло быть пріобрѣтено путемъ теоретическаго изученія, потому что тогда не существовало еще экономическихъ теорій; это пониманіе давалось только практической дѣятельностью, а послѣдняя въ то время естественно развивала жадность и своекорыстіе. Условія пріобрѣтенія политическаго образованія въ то время, когда ближайшее будущее принадлежало абсолютизму, когда еще не было почвы для дѣятельной политической демократіи,— эти условія развивали хамство и безхарактерность по отношенію къ высшимъ, грубость и безцеремонность по отношенію къ стоящимъ ниже. И ученые, ничего не ждавшіе отъ народа, отлично знавшіе, что дѣло трудящихся классовъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, безнадежно, жившіе, въ качествѣ ученыхъ, милостями богатыхъ и знатныхъ людей, легко соединяли въ себѣ испорченность торгашескую съ испорченностью политической.

Еретиками-коммунистами воплію основательно чувствовали отвращеніе къ торговлѣ, а также къ учености и особенно къ политикѣ: и та, и другая, и третья дѣйствовали тогда развращающе.

Настоящимъ феноменомъ явился Моръ, сдѣлавшій очень много во всѣхъ этихъ областяхъ, понявшій, что ближайшее будущее принадлежитъ абсолютизму и капитализму, посвятившій имъ свои силы и все-таки оставшійся простымъ безкорыстнымъ человѣкомъ, смѣлымъ и упрямымъ по отношенію къ высшимъ, самоотверженно преданнымъ всѣмъ эксплуатируемымъ и угнетеннымъ. Въ этомъ от-

ношеніи онъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ, это привело его на эшафотъ, но это же самое создало ему безсмертную славу.

Лишь такой единственный въ своемъ родѣ человѣкъ могъ, въ началѣ XVI вѣка, написать такое произведеніе, какимъ является «Утопія», но именно поэтому онъ былъ осужденъ оставаться непонятымъ, пока не явились условія, сдѣлавшія доступными для широкихъ круговъ идеи социализма болѣе высокаго, чѣмъ христіанскій.

«Утопія» осталась непонятою, но не прошла незамѣченной и произвела извѣстное впечатлѣніе, потому что Моръ предпослалъ своему описанію идеальнаго государства критику политическихъ и экономическихъ условій своего времени, критику, которая по рѣзкости и убѣдительности достигала крайнихъ предѣловъ того, что въ то время могъ сказать извѣстный политикъ, не рискуя своей головой¹⁾. Многіе политическіе и социальныя критики Англіи въ XVI вѣкѣ и даже позже находились подъ вліяніемъ Моровой критики²⁾, проникшей даже въ народъ.

Уже при самомъ своемъ появленіи, «Утопія» произвела большую сенсацію въ кружкахъ ученыхъ и политиковъ. Первое изданіе появилось въ 1516 году въ Льежѣ, второе вышло въ 1518 году въ Базелѣ у Фробена, третье—въ 1590 г. въ Парижѣ, а затѣмъ слѣдуетъ безконечный рядъ новыхъ изданій и переводовъ вплоть до настоящаго времени.

Быстрое повтореніе первыхъ изданій уже показываетъ, какъ велико было впечатлѣніе, произведенное «Утопией». Она сразу поставила Мора въ ряду первыхъ политиковъ Англіи. Но при Генрихѣ VIII никто не могъ занимать такое положеніе, не будучи преданнымъ королю и не находясь у него на службѣ, тѣмъ болѣе человѣкъ, за которымъ стояло сильное купечество всемогущаго Лондона. Еще до появленія «Утопіи» Мору предложили поступить на службу къ королю. Онъ отказался по причинамъ, изложеннымъ въ его сочиненіи. Теперь, послѣ опубликованія послѣдняго, Генрихъ употребилъ всѣ силы, чтобы привлечь къ себѣ на службу замѣчательнаго политика, но теперь и для Мора сдѣлалось рискованнымъ отказываться, такъ какъ отказъ этотъ означалъ бы его оппозицію королю, и послѣдній постарался бы устранить непокорнаго. Не слѣдуетъ забывать, что въ лицѣ Генриха VIII королевская власть въ Англіи достигла высшей степени самодержавнаго могущества³⁾.

Въ 1518 году Моръ сдѣлался чиновникомъ королевскаго двора, прежде всего «Master of Requests», докладчикомъ о поступающихъ прошеніяхъ. Вскорѣ послѣ этого послѣдовало возведеніе его въ дворянство, и съ тѣхъ поръ онъ занималъ различныя первыя должности въ государствѣ,—теперь сказали бы: мини-

¹⁾ Морова критика господствовавшей тогда политики написана почти въ то же самое время, когда Макіавелли привелъ эту политику въ систему. „Государь“ Макіавелли появился за годъ до опубликованія „Утопіи“.

²⁾ Такъ, въ 1682 году сэръ Вильямъ Пети въ своемъ Essay „of the Growth of the City of London“ ссылается на „Утопію“ Мора, въ первой части которой доказывается, что „было бы противно природѣ, если бы кто-нибудь рисковалъ жизнью, здоровьемъ или свободой (занимаясь воровствомъ), чтобы поддержать жалкое существованіе, имѣя возможность, путемъ умѣреннаго труда, достигнуть благосостоянія“. Въ 1824 году Робертъ Сутэй ведетъ съ духомъ Мора свои „Colloquies on Society“.

³⁾ Причины этого явленія подробно изложены въ моемъ „Томасѣ Морѣ“, стр. 157 и слѣд. Повтореніе ихъ здѣсь отвлекло бы насъ слишкомъ далеко.

стерскіе посты. Политическая дѣятельность предоставляла ему часто возможность дѣлать добро въ отдѣльных случаяхъ, но о политикѣ въ духѣ его «Утопіи», да и вообще о какой бы то ни было самостоятельной политикѣ Морю нечего было и думать. Онъ оказался умнымъ, честнымъ и добросовѣстнымъ исполнителемъ; для болѣе высокой дѣятельности ему не представилось случая. Но хотя ему и не удалось вести самостоятельную политику, все же онъ не сдѣлался безвольнымъ передворцемъ; онъ не боялся отказывать въ повиновеніи даже королю, когда послѣдній требовалъ отъ него что-нибудь противорѣчащее его убѣжденіямъ.

Благодаря этому Морь и сдѣлался мученикомъ католицизма.

Онъ такъ же, какъ въ началѣ и Генрихъ VIII, относился враждебно къ реформаціи не изъ религіозныхъ мотивовъ, ибо часто выражался о католическихъ учрежденіяхъ и догматахъ такъ же критически и свободно, какъ любой лютеранинъ или цвингліанецъ; болѣе того: онъ въ своей «Утопіи» нарисовалъ картину идеальной религіи, возвышающейся не только надъ католицизмомъ, но даже и надъ христіанствомъ. Онъ провозгласилъ въ своемъ сочиненіи принципъ религіозной терпимости и слѣдовалъ ему на практикѣ. Онъ даже давалъ въ своемъ домѣ пріютъ лютеранамъ и помогалъ имъ.

Но какъ политикъ, онъ не былъ заинтересованъ въ отдѣленіи Англій отъ папства. Со времени Виклефова движенія и отдѣленія церкви Англіи фактически сдѣлалась независимой отъ папства. Отъ англійскаго правительства, отъ короля и парламента зависѣло разрѣшить папству извлекать пользу изъ англійской церкви и вліять на нее. Для насильственнаго отдѣленія, какое произошло въ Германіи, въ Англій въ началѣ XVI столѣтія не было ни малѣйшихъ поводовъ.

Въ качествѣ англійскаго политика, Морь не имѣлъ основанія желать разрыва съ папствомъ. Тѣмъ болѣе, онъ долженъ былъ относиться враждебно къ такому разрыву въ качествѣ гуманиста и монархиста. Хотя онъ очень любилъ народъ, но всякое народное движеніе было ему чрезвычайно непріятно. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы дѣйствительный и благодѣтельный государственный переворотъ могъ бы быть произведенъ кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ правителя, и онъ тогда, съ своей точки зрѣнія, былъ совершенно правъ. Но лютеранское движеніе первоначально приняло форму революціоннаго народнаго движенія и свой революціонный характеръ оно утратило лишь послѣ страшнаго кровопусканія, произведеннаго надъ народомъ и возмутившаго Мора еще больше, чѣмъ самое народное движеніе. Морь не желалъ для Англій ни того, ни другого и поэтому, при появленіи лютеранства въ Германіи выступилъ рѣшительнымъ противникомъ его. Воплотивъ естественно, что онъ такъ же относился и къ другимъ демократическимъ формамъ реформаціоннаго движенія. Впрочемъ, намъ здѣсь до нихъ нѣтъ никакого дѣла; насъ интересуетъ только отношеніе Мора къ реформаціи Генриха VIII и къ его государственной церкви.

Генрихъ VIII, такъ же какъ и Морь, относился къ нѣмецкой реформаціи враждебно; но у послѣдней вскорѣ обнаружилась особенность, показавшаяся англійскому королю очень симпатичными: она позволила нѣмецкимъ князьямъ конфисковать церковныя имущества. Съ начала двадцатыхъ годовъ XVI столѣтія Генрихъ постоянно нуждался въ деньгахъ, и тогда примѣръ нѣмецкихъ князей началъ ему очень нравиться. Кромѣ того, нѣмецкіе реформаторы стали отвергать и традиціонныя семейныя отношенія. Они объявили разводъ, а многіе даже

и многоженство дозволенными. Это тоже понравилось сладострастному Генриху и соответствовало его политикѣ.

Для укрѣпленія союза съ Испаніей, Генрихъ женился на Екатеринѣ Аррагонской, но съ тѣхъ поръ какъ Нидерланды, Испанія и Германская Имперія соединились въ рукахъ Карла V, испанское могущество стало угрожать Англии. Для протіводѣйствія испанскому могуществу, Англія стала склоняться къ союзу съ Франціей; но вмѣстѣ съ испанскимъ союзомъ, сдѣлался также ненужнымъ и бракъ со старой Екатериной. Генрихъ потребовалъ отъ папы, чтобы тотъ развелъ его съ супругой. Папа съ удовольствіемъ оказалъ бы ему эту услугу, но онъ находился въ зависимости отъ Карла V, а послѣдній, конечно, и слышать не хотѣлъ объ удаленіи испанской принцессы.

Этотъ случай ощутительно показалъ Генриху, что папа не безвольное оружіе въ его рукахъ, и что церковь является для него не такимъ удобнымъ орудіемъ власти, какимъ оно служитъ его реформированнымъ коллегамъ въ Германіи.

Это послужило толчкомъ къ разрыву Англии съ католической церковью. Генрихъ самого себя объявилъ папой англійской церкви и съ тѣхъ поръ хозяйничалъ съ ней и въ ней по своему произволу. «Нигдѣ не обнаружилось такъ открыто и съ такимъ безстыдствомъ, какъ въ Англии, что церковный расколъ былъ просто результатомъ сладострастія, корыстолюбія и властолюбія абсолютизма».

Придворное дворянство и придворное духовенство, разумѣется, послушно участвовали въ переворотѣ, но въ народѣ реформація Генриха VIII была очень непопулярна. Она положила конецъ церковной эксплуатаціи только для того, чтобы замѣнить ее гораздо худшимъ видомъ эксплуатаціи. Церковь являлась въ Англии единственнымъ землевладѣльцемъ еще мало затронутымъ вновь возникшими формами капиталистическаго хозяйства, и попрежнему щедро помогала нищимъ. Теперь громадныя земельныя имущества сначала монастырей, а затѣмъ и гильдій были конфискованы и раздарены жаднымъ фаворитамъ и не мѣше жаднымъ спекулянтамъ. Государственному казначейству эта спекуляція не принесла никакой пользы, но она въ высшей степени услила главную болѣзнь, которою страдала Англія, страшно увеличивъ пролетаріатъ.

Англійскій народъ, отнюдь не симпатизировавшій подобнаго рода реформаціи, все больше озлоблялся противъ нея. Въ концѣ концовъ, послѣ смерти Генриха VIII и короткаго регентства, продолжавшаго прежнее хищническое хозяйничаніе, народъ возсталъ, свергнулъ протестантскую камарилью и возвелъ на престолъ католичку Марію, дочь изгнанной Екатерины.

Только при ней реформація сдѣлалась популярной, ибо при ней между Англійей и Испаніей возникъ рѣзкій антагонизмъ, потому что Испанія мѣшала подъему британской торговли. Этотъ антагонизмъ сдѣлался національнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣла популярность вражда къ римскому папѣ, къ послушному орудію національнаго врага Англии. «На почвѣ этой вражды выросъ популярный протестантизмъ Елизаветы; лишь благодаря ей, реформація въ Англии получила характеръ національнаго дѣла, которое при Генрихѣ VIII съ экономической точки зрѣнія представляло просто воровскую продѣлку запутавшагося въ дѣлахъ правителя и нѣсколькихъ также запутавшихся сластолюбцевъ».

Моръ не дожидъ до этого переворота, онъ умеръ въ самомъ началѣ его;

но мы изложили его здѣсь, потому что благодаря этому становится понятнымъ отношеніе Мора къ реформациі Генриха VIII. Было бы крайне ошибочно заключать изъ отношенія Мора къ этой реформациі, что онъ былъ фанатикомъ католическихъ догматовъ. Стать во враждебныя отношенія къ реформациі въ Англии заставила его непреклонность характера и любовь къ народу. За это именно онъ умеръ мученической смертью.

Въ 1529 году Моръ сдѣлался лордомъ-канцлеромъ (государственнымъ канцлеромъ). Онъ былъ первымъ, занимавшимъ эту должность, не будучи духовнымъ лицомъ и не принадлежа къ высшей аристократіи. Тогда дѣло о разводѣ уже началось, и Моръ нисколько не скрывалъ, что не одобряетъ образа дѣйствія короля. Если послѣдній думалъ склонить Мора на свою сторону назначеніемъ его лордомъ-канцлеромъ, — онъ ошибся. Въ борьбѣ между Генрихомъ и папой Моръ попробовалъ остаться нейтральнымъ, но въ концѣ концовъ онъ понялъ, что дальнѣйшее пребываніе въ должности канцлера несовмѣстимо съ его достоинствомъ. 11 февраля 1531 года англійское духовенство признало Генриха главою церкви. Ровно черезъ годъ послѣ этого Моръ отказался отъ своей должности. При тогдашнихъ условіяхъ въ глазахъ короля такой поступокъ являлся мятежомъ и государственной измѣной, и Генрихъ, конечно, не успокоился, пока ему не удалось устроить, при помощи презрѣнныхъ судей, комедію процесса о государственной измѣнѣ своего бывшего канцлера. Благодаря подкупленному свидѣтелю, процессъ кончился приговоромъ, осуждавшимъ обвиняемаго на мучительную казнь.

Милосердный король милостиво замѣнилъ ему эту казнь отсѣченіемъ головы.

Первый великій утопистъ безстрашно и бодро умеръ на эшафотѣ 6 Іюля 1535 года, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ первая диктатура революціоннаго коммунистическаго пролетаріата была погашена въ своей крови (въ Мюнстерѣ).

Зарождающійся современный социализмъ получилъ свое кровавое крещеніе.

IV. «Утопія».

Моръ оставилъ многочисленныя сочиненія: поэтическія, историческія, философскія, политическія и богословскія. Намъ лично интересно только одно: его «Золотая книжечка о наилучшемъ устройствѣ государства и о новомъ островѣ Утопін»¹⁾.

Какъ въ платоновомъ сочиненіи о государствѣ, такъ и въ «Утопін», взгляды автора излагаются въ формѣ діалога. Такой способъ изложенія не только дѣлаетъ сочиненіе живѣе и убѣдительнѣе, но допускаетъ также большую свободу и смѣлость, ибо рѣзкая критика существующихъ порядковъ и похвала коммунизму излагаются не отъ лица Мора; послѣдній въ своемъ сочиненіи, наоборотъ, фигурируетъ въ качествѣ сторонника существующаго строя. Свои истинные взгляды онъ влагаетъ въ уста вымышленнаго лица, Рафаэля Гитлодея.

¹⁾ „De optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia libellus vere aureus“. Мы пользовались базельскимъ изданіемъ 1518 года. Слово Утопія образуется изъ греческихъ словъ ου (у) — пять и Топос — мѣсто.

Чтобы приступить къ изображенію своего идеальнаго государства, Моръ начинаетъ съ дѣйствительности и постепенно переходитъ въ область фантазій. Прежде всего онъ рассказываетъ о своемъ посольствѣ во Фландрію въ 1515 г. Пользуясь перерывомъ въ переговорахъ, онъ посѣщаетъ Антверпенъ и здѣсь, однажды, на улицѣ встрѣчаетъ своего друга, Петра Джильса, въ обществѣ незнакома, похожаго на моряка. Это былъ Рафаэль Гитлодей, португалецъ, сопровождавшій Америго Веспуччи въ его путешествіяхъ въ Америку, куда, послѣ удачной поѣздки Христофора Колумба (1492 г.), устремилась масса искателей приключеній. Рафаэль отдѣлился отъ своихъ спутниковъ на берегу Бразиліи и попалъ въ новыя, еще неизвѣстныя страны, между прочимъ, также и на островъ Утопію, гдѣ оставался пять лѣтъ. Оттуда онъ проѣхалъ въ Индію, а затѣмъ вернулся на родину на португальскомъ кораблѣ.

Моръ заинтересовался этимъ человѣкомъ, который такъ много путешествовалъ, и пригласилъ его вмѣстѣ съ Джильсомъ къ себѣ. Здѣсь разговоръ между ними продолжается. Моръ выражаетъ изумленіе, почему Рафаэль не примѣняетъ своихъ обширныхъ познаній на службѣ у какого-нибудь правителя. Это даетъ поводъ къ указанной нами уже выше критикѣ политическихъ и экономическихъ условій тогдашняго времени. Мы не можемъ передать здѣсь этой критики, потому что она заняла бы слишкомъ много мѣста.

Но вотъ, послѣ критики дѣйствительности возникаетъ вопросъ, какъ помочъ злу, какъ уничтожить все нестроеніа.

«Откровенно говоря, дорогой Моръ, — говоритъ Гитлодей, — по-моему не подлежитъ сомнѣнію, что тамъ, гдѣ паритъ частная собственность, гдѣ деньги являются для людей масштабомъ всего, — трудно и почти невозможно, чтобы общество процвѣтало и справедливо управлялось, развѣ только если считать справедливымъ, когда все хорошее приходится на долю дурныхъ людей или если называть процвѣтаніемъ, когда все принадлежитъ немногимъ людямъ, впрочемъ тоже чувствующимъ себя не очень хорошо, между тѣмъ какъ остальные влачатъ поистинѣ жалкое существованіе.

«Насколько мудрѣе и возвышеннѣе кажутся мнѣ учрежденія утопійцевъ, при которыхъ, съ помощью немногихъ законовъ, все управляется такъ хорошо, что всякій трудъ вознаграждается по заслугамъ, и каждый человѣкъ живетъ въ роскоши, хотя ни одинъ не получаетъ больше другого. Сравни съ этимъ другія націи, непрестанно фабрикующія новыя законы и все-таки никогда не имѣющіе ни одного хорошаго закона, націи, гдѣ каждый воображаетъ, что пріобрѣтенное имъ составляетъ его собственность, и гдѣ все-таки издаваемые ежедневно безчисленные законы не въ состояніи гарантировать каждому, что онъ сможетъ пріобрѣсти собственность или сохранить ее, или отличить ее отъ собственности другого. Эта несостоятельность законовъ обнаруживается во множествѣ процессовъ, которые ежедневно возникаютъ и никогда не кончаются. Размышляя объ этомъ, я нахожу, что Платонъ правъ, и не изумляюсь тому, что онъ не желаетъ давать законы народамъ, отвергавшимъ общность имущества. Тотъ мудрецъ понялъ, что единственный путь къ благосостоянію общества заключается въ эконоическомъ равенствѣ всѣхъ людей, а послѣднее, по-моему, невысказано тамъ, гдѣ каждый владѣетъ своимъ имуществомъ на правахъ частной собственности; ибо тамъ, гдѣ каждый, подъ всевозможными предлогами, прикрываясь яко бы правомъ, можетъ накопить столько, сколько онъ въ силахъ, — тамъ все богатство

попадаетъ въ руки немногихъ, а на долю всей прочей массы остается только нужда и лишенія. При томъ же въ большинствѣ случаевъ судьба въ отношеніи тѣхъ и другихъ несправедлива, потому что богатые обыкновенно жадны, склонны обманывать и бездѣлничать, а бѣдные, наоборотъ, скромны, просты и приносятъ своимъ трудомъ больше пользы обществу, чѣмъ самимъ себѣ.

«Поэтому я глубоко убѣжденъ, что ни равномерное и справедливое распредѣленіе благъ, ни всеобщее благосостояніе невозможно, пока не будетъ упразднена частная собственность. Пока она существуетъ, тягости и бѣдствія нищеты будутъ участью большинства и притомъ лучшихъ людей. Я согласенъ, что есть иныя средства, кромѣ общности имущества, которыя могутъ облегчить современное положеніе вещей, но не могутъ устранить его. Можно опредѣлять закономъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ имѣть болѣе извѣстнаго количества денегъ или земли; чтобы королю не принадлежала слишкомъ большая власть, но чтобы и народъ не дѣлался слишкомъ своевольнымъ, можно установить, чтобы должности достигались не окольными путями, не куплей и не подкупомъ, и чтобы занимающій ту или иную должность не обнаруживалъ излишней роскоши, такъ какъ все это даетъ поводъ выжимать потраченные деньги изъ народа и отдаетъ должности въ руки самыхъ богатыхъ, а не самыхъ способныхъ. Такого рода законами можно до нѣкоторой степени облегчить нестройенія въ государствѣ и обществѣ, подобно тому, какъ неизлечимый больной при хорошемъ уходѣ можетъ существовать нѣкоторое время, но о полномъ выздоровленіи и укрѣпленіи нечего и думать, пока каждый является хозяиномъ своей собственности. Даже болѣе того: улучшая такими законами часть общественного организма, вы усиливаете болѣзнь его въ другой части; помогая одному, вы наносите ущербъ другому, потому что вы можете дать одному лишь то, что отняли у другого».

«Я держусь противоположнаго мнѣнія, — отвѣчаетъ Моръ, т.-е. Моръ «Утопія», облеченный въ костюмъ Евгенія Рихтера XVI вѣка, а не настоящій, ибо взгляды настоящаго высказываетъ Рафаэль. — Я думаю, что люди при общности имущества не будутъ никогда чувствовать себя хорошо. Можетъ ли царить избытокъ благъ, когда каждый будетъ стараться увильнуть отъ работы? Надежда на выгоду не будетъ побуждать къ работѣ, а возможность разсчитывать на трудъ другихъ непременно создастъ лѣность, и если вдругъ среди людей начнется нужда, а законъ не будетъ гарантировать человѣку того, что онъ приобрѣлъ, тогда вѣдь среди людей неминуемо должны свирѣпствовать мятежи и кровопролитія. При такихъ обстоятельствахъ должно исчезнуть всякое уваженіе къ властямъ, и я вообще не могу себѣ представить, какую роль онѣ будутъ играть, когда всѣ люди будутъ равны».

«Меня нисколько не удивляютъ твои взгляды, — отвѣчаетъ Рафаэль, — потому что ты совсѣмъ не можешь представить себѣ такого общества или же представляешь его совсѣмъ въ ложномъ видѣ. Если бы ты побывалъ вмѣстѣ со мной въ Утопіи, если бы ты познакомился съ тамошними нравами и законами, какъ я, прожившій тамъ пять лѣтъ и никогда бы не оставившій эту страну, если бы меня не влекло желаніе оповѣстить міръ о ея существованіи, — ты согласился бы, что никогда не видалъ общества, лучше устроеннаго».

Здѣсь представляется удобный случай перейти къ изображенію Морова идеальнаго общества.

Разсмотримъ послѣднее теперь поближе.

«На островѣ Утопи, — повѣствуетъ Рафаэль, — находится двадцать четыре большихъ и прекрасныхъ города, сходныхъ между собою по языку, нравамъ, законамъ и учреждениямъ. Всѣ они распланированы и построены одинаковымъ образомъ, насколько это позволяетъ разнообразіе мѣстности.

«По всей странѣ у нихъ имѣются прекрасно расположенные и обильно снабженные сельскохозяйственными орудіями усадьбы. Въ послѣднихъ живутъ граждане, попеременно отправляющіеся изъ городовъ въ деревню. Въ каждой сельскохозяйственной семьѣ должно быть не менѣе сорока членовъ, мужчинъ и женщинъ, и два постоянно находящихся въ усадьбѣ (*ascriptici*) батрака. Главными семьи являются отецъ дома и мать дома, — умныя, опытные лица, а во главѣ каждыхъ тридцати семей стоитъ филархъ (или сифогрантъ).

«Изъ каждой такой семьи ежегодно двадцать человекъ, пробывши два года въ усадьбѣ, возвращаются въ городъ и замѣняются двадцатью другими, — горожанами, которые учатся земледѣлю у остальныхъ двадцати, уже прожившихъ годъ въ усадьбѣ и потому знающихъ сельское хозяйство. Новоприбывшіе должны уже на слѣдующій годъ обучать другихъ. Это установленіе было введено изъ опасенія, что въ одинъ прекрасный день можетъ явиться недостатокъ въ средствахъ къ жизни, если всѣ земледѣльцы окажутся одновременно неопытными новичками. Очередь для земледѣльцевъ вводится для того, чтобы никто противъ воли не былъ вынужденъ слишкомъ долго заниматься тяжелымъ и кропотливымъ сельскохозяйственнымъ трудомъ. Но многимъ деревенская жизнь такъ нравится, что они испрашиваютъ разрѣшенія на болѣе продолжительное пребываніе въ усадьбѣ.

«Сельскіе жители обрабатываютъ поля, ухаживаютъ за скотомъ и рубятъ дрова, которыя они перевозятъ въ городъ, смотря по обстоятельствамъ, или сухимъ, или воднымъ путемъ. Они занимаются искусственнымъ выведеніемъ цыплятъ, при помощи особыхъ аппаратовъ для высиживания яицъ, и т. д.

«Хотя у нихъ точно установлено, сколько пищевыхъ продуктовъ нужно для каждаго города и относящагося къ нему округа, все-таки они сѣютъ больше зерна и разводятъ больше скота, чѣмъ нужно имъ самимъ, и отдаютъ излишекъ сосѣдямъ.

«Все, что нужно для сельскихъ жителей, чего нельзя найти въ полѣ и въ лѣсу, они достаютъ въ городѣ, гдѣ власти охотно и безвозмездно даютъ имъ все необходимое. Каждый мѣсяцъ въ праздникъ многие изъ нихъ отправляются въ городъ. Когда приближается время жатвы, филархи земледѣльческихъ семей извѣщаютъ городскія власти, сколько рабочихъ имъ нужно изъ города. Послѣдніе въ назначенный день являются въ усадьбу, и съ ихъ помощью, если только погода этому благоприятствуетъ, весь урожай убирается въ одинъ день.

«Главнымъ занятіемъ утопійцевъ является земледѣліе; имъ заняты мужчины, женщины, и всѣ знакомы съ нимъ. Знакомство это они пріобрѣтаютъ съ малыхъ лѣтъ, отчасти въ школахъ, путемъ преподаванія, отчасти путемъ упражненія на поляхъ, вблизи города, гдѣ ихъ обучаютъ сельскохозяйственному труду, какъ забавѣ. Такимъ образомъ, они не только дѣлаются опытными работниками, но и укрѣпляются также физически.

«На ряду съ сельскимъ хозяйствомъ, которымъ, какъ я уже сказалъ, занимаются всѣ, каждый изъ утопійцевъ обучается еще ремеслу, какъ своей специальности. Ремесла ихъ преимущественно заключаются въ обработкѣ шерсти и льна;

кромя того существуетъ ремесло каменщика, кузнеца и плотника; остальные отрасли труда имѣютъ очень мало примѣненія.

«Ибо платье на всемъ островѣ имѣетъ одинаковый покрой, только мужская одежда отличается отъ женской, а одежда женатыхъ отъ одежды неженатыхъ. Покрой всегда одинъ и тотъ же, удобный и пріятный для глаза, не мѣшающій движеніямъ и поворотамъ тѣла, равно приспособленный какъ для жары, такъ и для холода. Одежду каждая семья изготовляетъ для себя сама. Но изъ другихъ ремеслъ каждый долженъ обучиться одному, при томъ не только мужчины, но и женщины. Послѣднія, какъ болѣе слабыя, занимаются болѣе легкой работой, особенно обработкой шерсти и льна. Болѣе трудными ремеслами занимаются мужчины.

«Большую часть каждый обучается ремеслу своего отца, потому что, обыкновенно, чувствуетъ къ этому склонность. Но если кто-нибудь предпочитаетъ другое ремесло, то его принимаютъ въ семью, занимающуюся послѣднимъ. Не только отецъ, но и власти заботятся о томъ, чтобы онъ попалъ къ честному и добросовѣстному отцу дома.

«Если кто-нибудь уже знаетъ одно ремесло, онъ впоследствии, все-таки, при желаніи, можетъ заняться другимъ. Если онъ знаетъ два ремесла, онъ можетъ заниматься тѣмъ, которое ему больше нравится, за исключеніемъ случаевъ, когда одно изъ нихъ бываетъ для города нужнѣе, чѣмъ другое.

«Главной, почти единственной задачей сифогрантовъ (филарховъ) является наблюденіе за тѣмъ, чтобы никто не бездѣльничалъ, чтобы каждый съ надлежащимъ рвеніемъ занимался своимъ ремесломъ. Этимъ я вовсе не хочу сказать, что утопійцы съ ранняго утра до поздней ночи непрерывно должны трудиться, подобно вьючнымъ животнымъ; ибо это хуже самаго ужаснаго рабства. А, между тѣмъ, это — участь рабочихъ повсюду, за исключеніемъ Утопіи. Въ послѣдней сутки дѣлятся на двадцать четыре часа и только шесть часовъ предназначено для работы: три съ утра, послѣ которыхъ обѣдаютъ и отдыхаютъ два часа, и три послѣ обѣда. Затѣмъ слѣдуетъ ужинъ. Около восьми часовъ вечера они ложатся спать (первымъ считается первый часъ послѣ обѣда). Сну посвящается восемь часовъ. Временемъ, остающимся отъ сна, работы и ѣды, каждый распоряжается по своему желанію. Но чтобы не дѣлать себѣ ложныхъ представлений, слѣдуетъ помнить одно: услышавъ, что утопійцы употребляютъ на работу только шесть часовъ, многіе пожалуй подумаютъ, что слѣдствіемъ этого можетъ явиться недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ для жизни предметахъ, — совсѣмъ наоборотъ: этого короткаго рабочаго времени не только достаточно, но даже болѣе чѣмъ достаточно для производства избытка вещей, нужныхъ не только для здоровой, но и для пріятной жизни».

Въ доказательство этого, Рафаэль указываетъ на то, что въ Утопіи трудъ не растрчивается такъ непроизводительно, какъ въ современномъ обществѣ, потому что всякая работа регулируется и совершается цѣлесообразно. Къ тому же въ Утопіи совершенно неизвѣстна масса праздныхъ людей и рабочихъ, занятыхъ въ ненужныхъ ремеслахъ, между тѣмъ какъ въ европейскомъ обществѣ праздные люди и такіе рабочіе составляютъ значительную часть.

Въ Утопіи господствуетъ всеобщая рабочая повинность; освобождены отъ работы только руководители общества, «которые, однако, не уклоняются отъ работы, чтобы своимъ примѣромъ поощрять другихъ, хотя законъ освобождаетъ

ихъ отъ труда. Освобождаются отъ работы также тѣ, которые, по рекомендаціи священниковъ и по выбору сифогрантовъ, получили отъ народа разрѣшеніе посвятить себя исключительно и постоянно наукѣ. Если же такой человѣкъ не оправдаетъ возлагавшихся на него надеждъ, то онъ снова переводится въ разрядъ ремесленниковъ. Иногда, наоборотъ, случается, что ремесленникъ свое свободное время посвящаетъ наукамъ и дѣлаетъ въ нихъ такіе успѣхи, что его освобождаютъ отъ ручного труда и переводятъ въ разрядъ ученыхъ. Изъ числа послѣднихъ назначаются высшія должностныя лица.

«Такъ какъ всѣ заняты производительнымъ трудомъ и въ каждомъ ремеслѣ требуется лишь немного рабочихъ, то часто случается, что у нихъ во всемъ имѣется избытокъ. Тогда безчисленныя толпы выходятъ изъ городовъ для починки дорогъ. Но иногда, когда и эту работу не нужно дѣлать, число рабочихъ часовъ уменьшается особымъ указомъ».

Сельскіе жители производятъ продукты для себя и для горожанъ. Послѣдніе съ своей стороны работаютъ на городъ и на сельскія мѣстности. Но, наряду съ регулировкой производства для каждаго города и принадлежащаго къ нему округа, Морю — и это весьма замѣчательно — извѣстна также регулировка производства для всей націи.

«Каждый городъ ежегодно посылаетъ въ Амауротумъ (столицу Утопіи) въ качествѣ депутатовъ трехъ мудрѣйшихъ своихъ старцевъ, которые рѣшаютъ общія для всего острова дѣла. Они собираютъ свѣдѣнія, въ какихъ предметахъ и гдѣ именно ощущается недостатокъ или избытокъ, и тогда первый устраняется при помощи другого. Это дѣлается безъ всякаго вознагражденія, потому что города, отдающіе свой избытокъ другимъ, не получая отъ нихъ за это ничего, сами получаютъ отъ другихъ все, что имъ нужно, безъ всякаго вознагражденія. Такимъ образомъ, весь островъ составляетъ какъ бы одну семью».

Деньги въ Утопіи совершенно неизвѣстны.

Таковы важнѣйшія особенности производства у утопійцевъ. Намъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы занялись подробнымъ рассмотрѣніемъ другихъ особенностей, какъ, напримѣръ, объѣма товарами съ другими странами или выполненія грязныхъ работъ, при помощи принудительнаго труда, отчасти каторжниковъ, отчасти наемныхъ рабочихъ изъ сосѣднихъ странъ, — такое разрѣшеніе этого вопроса очень повнятно, пока не изобрѣтена машина, выполняющая эти работы.

Какъ же при этомъ способѣ производства организованы семья и бракъ? О семьяхъ сельскихъ мѣстностей мы уже говорили.

«Каждый городъ состоитъ изъ семей, составленныхъ, по мѣрѣ возможности, изъ родственниковъ. Жена, какъ только она, достигнувъ законнаго возраста, выходитъ замужъ, — переселяется въ домъ мужа. Дѣти мужского пола и ихъ потомки того же пола остаются въ своей семьѣ, во главѣ которой стоитъ старѣйшина. Если послѣдній отъ старости впадаетъ въ дѣтство, его замѣняетъ слѣдующій по возрасту. Но для того, чтобы установленное закономъ число гражданъ не уменьшалось, постановлено, что ни одна семья, — а ихъ въ каждомъ городѣ шесть тысячъ (въ это число не входятъ живущіе въ деревенскихъ усадьбахъ) — не можетъ состоять менѣе, чѣмъ изъ 10 и болѣе, чѣмъ изъ 16 взрослыхъ членовъ; число дѣтей не ограничено. Такая нормировка легко осуществляется путемъ переселенія излишнихъ членовъ слишкомъ большихъ семей въ семьи слишкомъ малыя».

Возможность перенаселенія предупреждается основаніемъ колоній.

«Старѣйшій, какъ уже было сказано выше, является главою семьи. Женщины новинуются мужчинамъ, дѣти—родителямъ и младшіе—вообще старшимъ.

«Каждый городъ раздѣленъ на четыре равныя части; посреди каждой такой части имѣется рыночная площадь со складами всевозможныхъ продуктовъ. Туда въ извѣстныя зданія привозятся продукты труда отдѣльныхъ семей и складываются тамъ, такъ что продукты одного рода лежатъ въ одномъ помѣщеніи. Оттуда каждый отецъ семьи или старѣйшина хозяйства беретъ все, что нужно ему и его домашнимъ, не уплачивая за это денегъ и, вообще, безъ всякаго эквивалента съ своей стороны. Да и почему ему могли бы отказать въ чемъ-нибудь? Всѣ вещи имѣются въ избыткѣ, и нѣтъ никакого основанія опасаться, что кто-нибудь потребуеъ больше, чѣмъ ему нужно. Почему можно было бы предположить, что кто-нибудь потребуеъ больше, чѣмъ нужно для удовлетворенія его потребностей. Когда каждый увѣренъ, что ему никогда не придется терпѣть нужду. Несомнѣнно, жадность и корыстолюбіе вызываются у всѣхъ живыхъ существъ страхомъ передъ нуждой, у человѣка—еще гордостью, потому что онъ считаетъ чѣмъ-то особенно пріятнымъ возможность превзойти всѣхъ остальныхъ людей расточительной и тщеславной роскошью. Такіе пороки не имѣютъ почвы для своего развитія у утопійцевъ».

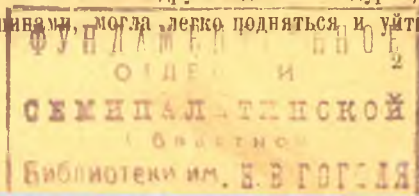
Рядомъ съ этими рынками находятся рынки для съѣстныхъ припасовъ, куда привозится мясо зарѣзаннаго скота уже очищеннымъ. Убой скота происходитъ внѣ города, возлѣ рѣки. для того, чтобы въ городѣ не было нечистотъ и запаха разлагающихся отбросовъ, вызывающихъ болѣзни.

«На каждой улицѣ, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, построены большіе, великолѣпные дворцы, изъ которыхъ каждый имѣетъ особое названіе. Въ нихъ живутъ сифогранты (главы каждыхъ тридцати семей). Къ каждому изъ этихъ дворцовъ принадлежатъ тридцать семей, живущихъ по обѣ стороны его. Завѣдующіе кухнями этихъ дворцовъ въ опредѣленные часы являются на рынокъ, гдѣ каждый беретъ необходимые съѣстные припасы, соотвѣтственно численности относящихся къ его дворцу семей. Лучшіе продукты прежде всего посылаются для больныхъ въ госпитали, расположенные внѣ города и устроенные такъ хорошо, что почти каждый больной предпочитаетъ госпитальное леченіе леченію на дому.

«Въ опредѣленные часы, въ обѣдъ и вечеромъ, вся сифогрантія по данному сигналу направляется къ дворцу, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которые находятся въ госпиталѣ или лежатъ больными дома. Послѣ того какъ во дворцы взято все нужное, никому не препятствуется брать съ рынка съѣстные припасы, ибо всѣ знаютъ, что никто этого не сдѣлаетъ безъ достаточнаго основанія. Нѣтъ никого, кто добровольно обѣдалъ бы дома, такъ какъ это считается неприличнымъ, и къ тому же было бы глупо изготавлять съ большимъ трудомъ плохую пищу дома, когда рядомъ, во дворцѣ, готова хорошая.

«Въ этихъ дворцахъ вся неприятная, грязная и трудная работа выполняется батраками, но приготовленіе кушаній и прислуживаніе за обѣдомъ лежить на обязанности женщинъ, и онѣ занимаются этимъ поочередно.

«Смотря по своей численности, семьи размѣщаются возлѣ трехъ или болѣе столовъ. Мужчины сидятъ вдоль стѣны, а женщины—по другую сторону стола, для того, чтобы каждая изъ нихъ, если бы ей вдругъ сдѣлалось дурно, что часто случается съ беременными женщинами, могла легко подняться и уйти отъ

сп 1545 ф 4038

стола въ дѣтскую. Дѣло въ томъ, что женщины съ грудными младенцами сидятъ въ особо отведенной для нихъ комнатѣ, въ которой имѣется огонь, а также изобиліе чистой воды и колыбелей, такъ что онѣ могутъ укладывать своихъ младенцевъ, переи́нать имъ бѣлье, сушить послѣднее и забавлять дѣтей.

«Каждая мать сама кормитъ своего ребенка, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда это невозможно, благодаря смерти или болѣзни. Если случается то или другое, жены сифогрантовъ быстро отыскиваютъ кормилицу, что совсѣмъ не трудно, потому что способныя къ этому женщины занимаются кормленіемъ охотнѣе, чѣмъ какимъ-либо другимъ дѣломъ. Происходитъ это оттого, что такое проявленіе милосердія цѣнится очень высоко, а выкормленный ребенокъ признаетъ вполнѣдствіи кормилицу своею матерью.

«Вмѣстѣ съ кормящими грудью женщинами, въ дѣтской находятся также дѣти моложе пяти лѣтъ. Мальчики и дѣвочки старше этого возраста, но не достигшіе еще возраста, когда имъ разрѣшается выйти замужъ или жениться, прислуживаютъ при столѣ или, если они еще слишкомъ малы для этого, стоя и молча смотря на взрослыхъ. Они ѣдятъ то, что имъ подаютъ со стола, и для нихъ нѣтъ особо опредѣленнаго времени для принятія пищи..

«Такъ они живутъ въ городахъ. Въ деревнѣ же семьи живутъ на большемъ разстояніи другъ отъ друга, и поэтому каждая изъ нихъ ѣсть отдѣльно: но онѣ ни въ чемъ не нуждаются, потому что сами заготавливаютъ съѣстные припасы для жителей городовъ».

Сказаннымъ о хозяйствѣ утопійцевъ мы и ограничимся. Теперь перейдемъ къ браку, который страннымъ образомъ разсматривается въ главѣ о рабствѣ. Дѣвушки выходятъ замужъ не раньше восемнадцати лѣтъ, а юноши женятся не раньше двадцати двухъ. Кто до брака предается запрещеннымъ половымъ сношеніямъ, — все равно, мужчина или женщина, — тотъ подвергается очень строгому наказанію, и ему запрещается вступленіе въ бракъ, если князь не смируется и не проститъ его. Такое преступленіе навлекаетъ также тяжелый упрекъ на настоятеля и настоятельницу семьи, въ которой оно случилось, ибо предполагается, что они плохо исполняли свои обязанности. Это преступленіе наказывается такъ строго вслѣдствіе опасенія утопійцевъ, что лишь немногіе вступали бы въ бракъ, привязывающій ихъ на всю жизнь къ одному человѣку и налагающій тяжелое бремя, если бы безпорядочныя связи не преслѣдовались такъ строго.

«При выборѣ супруговъ они примѣняютъ способъ, который намъ (Гитлодею и его товарищамъ) показался очень смѣшнымъ, но котораго они вполнѣ серьезно и строго придерживаются. До вступленія въ бракъ почтенная женщина показываетъ жениху невѣсту, все равно, дѣвушку или вдову, совершенно нагую, а затѣмъ солидный мужчина такимъ же образомъ показываетъ жениха невѣстѣ. Мы смѣялись надъ этимъ обычаемъ и говорили, что онъ неприличенъ, но утопійцы, съ своей стороны, изумлялись безразсудству другихъ націй. Покупая лошадей, — говорили они, — когда дѣло идетъ только о томъ, чтобы истратить немного денегъ, каждый дѣйствуетъ осторожно; снимаетъ сбрую и сѣдло, чтобы посмотреть, вѣтъ ли подъ ними нарыва и, вообще, тщательно осматриваетъ лошадь, а при выборѣ жены, отъ которой зависитъ счастье или несчастье всей жизни, люди дѣйствуютъ наугадъ и связываются съ нею, не выдавъ ничего, кромѣ ея лица. Не всѣ мужчины настолько мудры, чтобы взять жену ради

однихъ ея хорошихъ душевныхъ качествъ, и даже мудрецы думаютъ, что красивое тѣло увеличиваетъ прелесть души. Не подлежитъ никакому сомнѣнью, что подъ одеждой можетъ скрываться уродство, которое можетъ оттолкнуть мужчину отъ женщины тогда, когда ему уже нельзя будетъ разойтись съ нею. Если онъ найдетъ въ ней недостатокъ лишь послѣ брака, ему остается только безропотно покориться судьбѣ; поэтому утопійцы считаютъ благоразумнымъ предупредить возможность такого обмана.

«Это особенно разумно въ Утопiи, потому что это единственное государство въ той странѣ свѣта, въ которомъ многоженство не допускается вовсе, а разводъ—только въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности или невыносимо дурного поведения одной изъ сторонъ. Въ такихъ случаяхъ сенатъ расторгаетъ бракъ и невинной сторонѣ даетъ разрѣшеніе снова вступить въ бракъ. Виновный объявляется безчестнымъ, и новый бракъ для него запрещенъ. Никто не можетъ отречься отъ своей жены, если она заболѣетъ или какимъ бы то ни было образомъ будетъ искалѣчена. Съ одной стороны, утопійцы считаютъ верхомъ жестокости покидать кого-нибудь, когда онъ наиболѣе нуждается въ помощи и утѣшеніи, а съ другой стороны они думаютъ, что возможность развода при такихъ обстоятельствахъ открываетъ весьма печальные виды на старость, которая влечетъ за собой множество болѣзней и сама, въ сущности, не что иное, какъ болѣзнь».

«Иногда, однако, случается, что мужчины и женщины не могутъ ужиться вмѣстѣ и находятъ другихъ товарищей, съ которыми надѣются устроить свою жизнь счастливѣе; тогда они по обоюдному соглашенію расходятся и вступаютъ въ новый бракъ, но только съ особаго разрѣшенія сената. Такое разрѣшеніе дается лишь послѣ тщательнаго разслѣдованія дѣла сенаторами и ихъ женами. Вообще разрѣшеніе дается не легко, такъ какъ утопійцы думаютъ, что слишкомъ большая легкость развода не можетъ содѣйствовать укрѣпленію супружеской любви».

«Нарушившіе супружескую вѣрность подвергаются самымъ жестокимъ карамъ. Иногда раскаянныя виновнаго и неизмѣнная любовь невиннаго супруга такъ трогаютъ ирравителя, что онъ прощаетъ перваго. Но кто послѣ этого еще разъ нарушаетъ супружескую вѣрность, тотъ наказывается смертью».

Къ этому можно прибавить еще нѣсколько постановленій, характеризующихъ положеніе женщинъ въ Утопiи: «Мужчины наказываютъ своихъ женъ, родители — дѣтей, въ тѣхъ случаяхъ, когда проступокъ не заслуживаетъ публичнаго наказанія».

«Никто не принуждается противъ воли идти воевать за границы государства; съ другой стороны, женщинамъ, желающимъ сопровождать своихъ мужей на войну, не препятствуютъ въ этомъ; ихъ, наоборотъ, хвалятъ и одобряютъ; въ сраженіи онѣ борются рядомъ со своими супругами, окруженныя дѣтьми и родственниками, такъ что тѣ, которые находятся близко другъ къ другу, имѣютъ полную возможность оказывать взаимно помощь. Считается большимъ позоромъ для супруга вернуться изъ сраженія безъ супруги, для сына — вернуться безъ отца».

«Священники женятся на самыхъ выдающихся женщинахъ страны. Женщины не устращаются отъ священства, но выбираютъ въ священники крайне рѣдко и то только престарѣлыя вдовы».

Утопія представляет демократическое союзное государство, въ которомъ каждый городъ съ прилежащимъ къ нему округомъ представляетъ отдѣльный кантовъ.

«Каждая тридцать семей ¹⁾ ежегодно выбираютъ должностное лицо, которое на ихъ древнемъ языкѣ называлось сифогрантъ, а теперь филархъ. На каждыхъ десять филарховъ съ подчиненными имъ семьями приходится другое должностное лицо, называвшееся прежде траниборъ, а теперь протофилархъ. Всѣ сифогранты, въ числѣ двухсотъ, давъ клятву, что они будутъ подавать голосъ за достойнѣйшаго, путемъ тайнаго голосованія выбираютъ князя изъ четырехъ кандидатовъ, избираемыхъ народомъ по городскимъ округамъ и представляемыхъ сенату. Должность князя — пожизненная. Онъ лишается ея лишь въ томъ случаѣ, если на него падеть подозрѣніе, что онъ стремится къ самодержавію. Траниборы выбираются ежегодно, но смѣняются только по уважительнымъ причинамъ. Всѣ остальные должностныя лица избираются на годичный срокъ. Траниборы собираются съ княземъ каждый третій день, а въ случаѣ надобности — и чаще, и обсуждаютъ общественныя дѣла, а иногда и личные споры, которые хоть и рѣдко, но все-таки случаются. Въ каждомъ засѣданіи присутствуютъ два сифогранта, которые всякій разъ мѣняются. Подъ страхомъ смертной казни, запрещено въѣ сената или народнаго собранія постановлять рѣшенія по общественнымъ вопросамъ. Это постановленіе, по словамъ утопійцевъ, было сдѣлано, чтобы предупредить возможность низверженія государственнаго строя путемъ заговора князя съ траниборами или путемъ угнетенія народа. Поэтому, когда вопросъ касается дѣла первостепенной важности, дѣла эти должны быть представлены сифогрантамъ, которые сообщаютъ ихъ семьямъ своего округа и, послѣ совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, представляютъ рѣшенія ихъ сенату. Иногда какой-нибудь вопросъ подвергается голосованію всего острова»...

«Каждый городъ ежегодно посылаетъ въ Амауротумъ (столицу острова) трехъ мудрѣйшихъ старцевъ, для обсужденія дѣлъ, касающихся острова». Этотъ сенатъ, какъ мы знаемъ, долженъ собрать статистическія свѣдѣнія о потребностяхъ и производительности каждаго города и уравнивать избытокъ и недостатокъ отдѣльныхъ общинъ.

Что касается функций отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, то мы уже знаемъ, что «главной и почти единственной задачей сифогрантовъ является наблюденіе за тѣмъ, чтобы никто не бездѣльничалъ и чтобы каждый съ надлежащимъ усердіемъ занимался своимъ ремесломъ.

«Кто слишкомъ жадно стремится къ какой-нибудь должности, тотъ можетъ быть увѣренъ, что никогда не достигнетъ ея,—говорится въ другомъ мѣстѣ. Они мирно живутъ вмѣстѣ, потому что чиновники не горды и не жестоки. Ихъ называютъ отцами, и они поступаютъ, какъ таковые. Имъ добровольно оказываютъ знаки почета, но этихъ знаковъ ни отъ кого не требуется». Какъ и всѣ остальные чиновники, такъ и священники избираются народомъ. Они должны слѣдить за нравственностью населенія и воспитывать юношество. Вѣроисповѣданіе — личное дѣло каждаго.

«У нихъ очень немного законовъ, такъ какъ послѣдніе при ихъ учре-

¹⁾ Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, мужчины и женщины.

ждеших не нужны. Они очень порицаютъ безчисленное множество законовъ и комментарий къ нимъ у другихъ націй, которымъ вѣчно еще мало ихъ».

Какъ внутреннія отношенія утопійцевъ, такъ и внѣшнія чрезвычайно просты. Они не заключаютъ договоровъ съ другими націями, такъ какъ знаютъ, что таковыя будутъ выполняться лишь до тѣхъ поръ, пока будутъ выгодны. Они рассчитываютъ только на себя и на экономическую зависимость своихъ сосѣдей отъ нихъ.

«Они ненавидятъ войну, какъ звѣрство, которому, однако, ни одинъ звѣръ не предается такъ часто, какъ люди. Въ противоположность всѣмъ почти націямъ, они считаютъ военную славу самой незавидной. Хотя они ежедневно учатся владѣть оружіемъ, не только мужчины, но въ извѣстные дни и женщины, для того, чтобы знать военное дѣло, когда это будетъ необходимо, все же они никогда не предпринимаютъ войну иначе, какъ для защиты своей родины или своихъ друзей противъ несправедливыхъ нападений или для освобожденія угнетеннаго народа отъ ига тираніи... Самой справедливой причиной для войны они считаютъ, когда купцы дружественнаго народа угнетаются или обманываются въ чужой странѣ подъ законнымъ предлогомъ, благодаря дурнымъ законамъ или извращенію хорошихъ».

Въ послѣдней фразѣ въ Морѣ ясно сказывается купецъ.

Прибавивъ къ сказанному еще нѣсколько цитатъ, характеризующихъ положеніе науки въ Утопіи, мы исчерпаемъ всѣ существенныя черты Морова утопизма. Ученые, какъ мы видѣли, въ большомъ почетѣ. Они освобождаются отъ физическаго труда, но занятія наукой не являются монополіей ученыхъ.

«Обыкновенно рано утромъ происходитъ публичное чтеніе, посѣщать которое обязаны только тѣ, кто специально посвятилъ себя наукамъ. Но на эти чтенія является всегда много другихъ людей, мужчинъ и женщинъ, смотря по склонности, они слушаютъ чтенія по тѣмъ или другимъ предметамъ».

«Цѣль учрежденія этого государства, — говорится въ другомъ мѣстѣ, — заключается прежде всего въ томъ, чтобы предоставить всѣмъ гражданамъ возможность посвящать время, остающееся послѣ удовлетворенія потребностей общины, не физическому труду, а свободной дѣятельности и развитію своего духа. Ибо въ этомъ они видятъ счастье жизни».

* * *

«Итакъ я, по мѣрѣ моихъ силъ, — заключаетъ Гитлодей свой рассказъ, — описалъ вамъ устройство этого государства, которое, по моему мнѣнію, не только лучшее въ мірѣ, но единственное, заслуживающее названія государства. Въ другихъ мѣстахъ, правда, также говорятъ объ общемъ благѣ; но на самомъ дѣлѣ каждый заботится только о своемъ собственномъ. Въ Утопіи, гдѣ нѣтъ частной собственности, каждый дѣйствительно занимается только дѣлами общества и какъ въ Утопіи, такъ и въ другихъ государствахъ люди имѣютъ достаточно основаній поступать именно такъ, а не иначе. Въ другихъ государствахъ каждый знаетъ, что какъ бы ни процвѣтала его родина, все же ему придется умереть съ голоду, если онъ не позаботится о себѣ. Поэтому онъ прямо вынужденъ предпочитать свое собственное благо благу общества. Въ Утопіи же, гдѣ все имущество общее, каждый знаетъ, что никто не можетъ терпѣть нужду, если только будутъ заботиться о томъ, чтобы общественные магазины были полны.

Ибо все у них распредѣляется равномерно, такъ что никто не бѣденъ, и хотя ни у кого изъ нихъ нѣтъ собственности, все-таки они всѣ богаты. Можетъ ли быть большее богатство, чѣмъ спокойная и беззаботная жизнь? Въ Утопiи каждому отдѣльному лицу не приходится заботиться о своемъ существованiи; жена не мучаетъ его безконечными жалобами, ему нечего опасаться за будущее сына, нечего заботиться о приданомъ для дочери. Онъ знаетъ, что обезпечены не только его жизнь и благосостоянiе, но также жизнь и благосостоянiе его дѣтей, внуковъ и правнуковъ, до самыхъ отдаленныхъ поколѣнiй. Къ тому же у утопiйцевъ о слабыхъ и потерявшихъ работоспособность заботятся такъ же, какъ и о тѣхъ, которые еще работаютъ. Я хотѣлъ бы видѣть человѣка, который бы осмѣлился сравнить со справедливостью утопiйцевъ справедливость другихъ народовъ. Накажи меня Богъ, если я найду у другихъ народовъ хоть признакъ справедливости и права. Что это за справедливость, когда дворянинъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ ¹⁾ или ростовщикъ, однимъ словомъ всѣ тѣ, кто ничего не дѣлаютъ или заняты бесполезнымъ дѣломъ, при своемъ бездѣльи или при ненужной дѣятельности живутъ хорошо и беззаботно, между тѣмъ какъ поденщики, ломовики, кузнецы, плотники и сельскохозяйственные батраки, трудъ которыхъ тяжеле труда вьючныхъ животныхъ и при томъ же необходимъ для общества, влечать такое жалкое существованiе и живутъ хуже рабочаго скота. Послѣднему не приходится работать такъ долго, пища его лучше, и покой не отвлекается заботой о будущемъ. Рабочаго же постоянно угнетаетъ безнадежность его труда и вѣчно мучаетъ мысль объ ожидающей его нищетѣ въ старости, ибо вознагражденiе его такъ ничтожно, что не покрываетъ даже ежедневныхъ потребностей и нечего даже думать о томъ, чтобы этотъ человѣкъ могъ отложить что-нибудь про черный день. Ужели можно назвать иначе, какъ несправедливымъ и неблагодарнымъ то общество, въ которомъ благородные, какъ они себя называютъ, дворяне, золотыхъ дѣлъ мастера и другiе люди, бездѣльничающiе, занятые бесполезнымъ дѣломъ или живущiе лѣстью, пользуются всевозможными благами и которое, съ другой стороны, нисколько не заботится о бѣдныхъ земледѣльцахъ, углекопахъ, поденщикахъ, ломовикахъ, кузнецахъ, хотя оно не могло бы существовать безъ нихъ. Использовавъ ихъ по мѣрѣ возможности и выжавъ изъ нихъ всю силу молодости, ихъ оставляютъ на произволъ судьбы, когда старость, болѣзни и нужда сломать ихъ, и въ награду за преданный трудъ, за ихъ важныя услуги имъ даютъ умереть съ голоду.

«Болѣе того, не довольствуясь тѣмъ, что они понизили заработную плату рабочихъ разными частными некрасивыми приѣмами, богатые издають еще и законы съ этой цѣлью. Тому, что вѣчно было несправедливостью и неблагодарностью по отношенiю ко всѣмъ, кто всегда вѣрно служилъ обществу, они придали еще болѣе отвратительный видъ, облекши его силой закона и прикрывъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, именемъ справедливости.

«Богъ свидѣтель, когда я думаю обо всемъ этомъ, каждое изъ современныхъ государствъ мнѣ представляется заговоромъ богатыхъ, которые подъ предлогомъ общаго блага преслѣдуютъ свои собственныя выгоды и путемъ всевозможныхъ ухищренiй и уловокъ стараются обезпечить себѣ обладанiе тѣмъ, что

¹⁾ Въ эпоху Мора золотыхъ дѣлъ мастера были въ то же время мѣнителями и банкирами.

приобрѣли неправыми путями. Къ тому же они стремятся какъ можно дешевле купить трудъ бѣдняковъ и какъ можно больше эксплуатировать его. Свои постыдныя постановленія богатые дѣлаютъ отъ имени всего общества, слѣдовательно и бѣдныхъ, и называютъ ихъ законами.

«Но, раздѣливъ между собою все то, чего было бы достаточно для всего народа, эти несчастные со своей ненасытной жадностью очень далеки отъ того счастья, которымъ наслаждаются утопійцы. У послѣднихъ употребленіе денегъ и жадность къ нимъ уничтожены, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожена цѣлая гора заботъ, важнѣйшая причина преступленій. Кто не знаетъ, что обманъ, воровство, грабежъ, ссоры, мятежъ, убійства, отравленія могутъ быть наказаны строгостью закона, но не могутъ быть предупреждены имъ, между тѣмъ какъ всѣ они исчезли бы, если бы исчезли деньги. Съ исчезновеніемъ послѣднихъ были бы забыты тревоги, заботы, горести, затрудненія и бессонныя ночи людей. Сама бѣдность, которая, повидимому, такъ нуждается въ деньгахъ, исчезла бы, если бы только были упразднены деньги».

V. Мѣсто «Утопіи» въ исторіи социализма.

Кто прочелъ настолько же страстное, насколько и глубоко продуманное обвиненіе противъ буржуазнаго общества и восторженное прославленіе коммунизма, которымъ Рафаэль Гитлодей кончаетъ свое описаніе Утопіи, тотъ, казалось бы, не долженъ испытывать никакихъ сомнѣній, относительно произведенія Мора, даже если бы не прочелъ ничего, кромѣ этихъ словъ Гитлодея. Но буржуазная ученость, повидимому, осуждена становиться пемвѣняемой, какъ только она встрѣчается съ социализмомъ, и вотъ историки, какъ ультрамонтаны, такъ и либералы, очень любятъ называть «Утопію» «веселой шуткой веселой души», «фантастической игрою мысли въ досужій часъ» или ученою забавою, вариацией платоновской «Республики».

Совсѣмъ иное представленіе получается, когда уяснишь себѣ, какую роль играла «Утопія» въ исторіи социалистическихъ идей.

Являясь отнюдь не подражаніемъ платоновскаго коммунизма, коммунизмъ Мора по существу своему отличается отъ него, а также и отъ христіанскаго коммунизма. Онъ созданъ былъ не книжной мудростью, но глубокимъ пониманіемъ потребностей и средствъ для ихъ удовлетворенія той эпохи. Моровскій коммунизмъ отличается отъ платоновскаго и древне-христіанскаго въ той же мѣрѣ, въ какой Англія Гевриха VIII отличается отъ Аѳинъ временъ Пелопонесской войны и отъ государства цезарей.

Правда, у Мора есть много чертъ, общихъ съ его предшественниками; такъ, напримѣръ, почетное положеніе женщинъ напоминаетъ Платона такъ же, какъ и общая трапеза. Но во всѣхъ существенныхъ пунктахъ коммунизмъ Мора стоитъ выше всѣхъ прежнихъ формъ коммунизма.

До появленія «Утопіи» былъ извѣстенъ только общинный или товарищескій коммунизмъ. Въ идеяхъ, какъ и въ дѣйствительности, коммунизмъ ограничивается отдѣльными общинами или корпораціями. Моръ первый сдѣлалъ попытку приноровить коммунизмъ къ вновь возникающему современному государству, въ противоположность не однимъ только своимъ предшественникамъ, для

которых это государство еще не существовало, но и своимъ современникамъ-коммунистамъ, христіанско-демократическимъ анабаптистамъ. Моръ былъ первымъ, у кого явилась смѣлая мысль объ организаціи производства въ рамкахъ большаго національнаго государства.

Здѣсь мы коснулись уже второй существенной отличительной черты Мора коммунизма; для ея характеристики мы еще разъ должны сдѣлать экскурсію въ область исторіи Англій.

Соціальное состояніе Англій въ эпоху Мора во многихъ отношеніяхъ походило на состояніе Италіи во времена Гракховъ. Но въ одномъ, очень существенномъ отношеніи, онѣ отличались: въ Италіи крестьянское хозяйство было вытѣснено системой хозяйства, въ экономическомъ отношеніи стоявшей ниже его. Для излѣченія недуговъ общества видѣли только одно средство: возсозданіе крестьянства, возвращеніе къ прошлому, а не шагъ впередъ, къ высшему способу производства. Но люмпенпролетаріатъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ; онъ требовалъ хлѣба и зрѣлищъ, а не работы и обладанія средствами производства. Въ концѣ концовъ, одна часть общества погрузилась въ тупое, безнадежное отчаяніе, а въ другой части проявились тенденціи къ коммунизму на средства потребленія.

Иначе обстояло дѣло въ Англій XVI столѣтія. Тогда былъ основанъ не только новый государственный строй, но и новый, высшій способъ производства, построенный не на рабскомъ трудѣ, а на трудѣ рабочихъ, свободныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, оторванныхъ отъ всякой собственности, а также и отъ хозяйства имущаго, къ которому принадлежалъ рабъ, подмастерье, батракъ. Такіе свободные немущіе пролетаріи въ большомъ числѣ до тѣхъ поръ встрѣчались только въ формѣ паразитирующаго люмпенпролетаріата. Число трудящихся пролетаріевъ было сравнительно ничтожно, но въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія оно стало возрастать. На ряду съ городскими поденщиками и кустарями, которыхъ эксплуатировали капиталисты (купцы), образовался горнопромышленный пролетаріатъ, надрывающій свои силы въ пользу капиталистовъ, акціонеровъ горныхъ промысловъ. И, наконецъ, во многихъ мѣстахъ, особенно же въ Англій, появился новый видъ пролетаріата: сельскохозяйственные наемные рабочіе, продававшіе свою рабочую силу либо прямо землевладѣльцу, либо арендатору-капиталисту.

Потребности этого рода пролетаріевъ совсѣмъ иныя, чѣмъ потребности люмпенпролетаріевъ. Послѣдніе требуютъ не работы, а хлѣба; если они додумываются до мысли о коммунизмѣ, то только о коммунизмѣ на средства потребленія. Истинный, наемный пролетарій не только экономически, но и нравственно возвысившійся надъ уровнемъ люмпенпролетарія, получаетъ хлѣбъ только благодаря труду. Первая его цѣль—трудъ. При этомъ онъ въ извѣстной степени сходитя съ желаніями капиталиста. Послѣднему нуженъ пролетаріатъ, требующій труда, а не милостыни. Онъ ненавидитъ благотворительность, потому что она уменьшаетъ наплывъ свободныхъ рабочихъ силъ на рынокъ труда. Съ другой стороны, не въ его интересахъ дать умереть съ голоду рабочему, который ему въ данный моментъ не нуженъ. Онъ, можетъ быть, послѣ сумѣетъ использовать его, и наличность его всегда понижаетъ заработную плату. Разъ безработные не могутъ содержать себя сами, разъ благотворительность не должна оказывать имъ вспомошествованія, то для предохраненія ихъ отъ голодной смерти

остается только дать имъ работу въ такой формѣ, которая не мѣшаетъ капиталистической эксплуатаціи.

При извѣстныхъ обстоятельствахъ право на трудъ дѣлается потребностью не только наемнаго пролетаріата, но и класса капиталистовъ.

Право на трудъ въ капиталистическомъ смыслѣ впервые было практически осуществлено въ Англии изданнымъ въ 1601 году королевой Елизаветой закономъ о бѣдныхъ, который обязывалъ общины давать заработокъ трудоспособнымъ бѣднякамъ. Это не было право на цѣлесообразный, полезный, хорошо вознаграждаемый трудъ, а лишь право на бессмысленный томительный трудъ за самое жалкое вознагражденіе. Рабочій домъ (workhouse) сдѣлался мѣстомъ мученій, гдѣ рабочій прямо мечталъ о возвращеніи подъ иго капиталиста.

Уже задолго до того, какъ законодательство Елизаветы формулировало капиталистическое пониманіе права на трудъ, Моръ нашелъ единственное условіе, при которомъ это право на трудъ можетъ быть осуществлено, какъ основа благосостоянія въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ трудящійся пролетаріатъ. Этимъ условіемъ является обобществленіе средствъ производства.

Послѣднее въ «Утопін» играетъ совсѣмъ иную роль, чѣмъ во всѣхъ разсматривавшихся нами до сихъ поръ формахъ сознательнаго коммунизма. О первобытномъ коммунизмѣ мы вообще не говоримъ. Въ «Утопін» оно составляетъ основу общества, между тѣмъ какъ въ болѣе раннихъ формахъ сознательнаго коммунизма оно, если вообще имѣло мѣсто, представляло собою только побочное обстоятельство и результатъ коммунизма на средства потребленія.

Для Мора какъ разъ коммунизмъ послѣдняго рода имѣетъ второстепенное значеніе. Онъ говоритъ, правда, объ общихъ трапезахъ, но только для городского населенія; однако и для него онѣ не обязательны, хотя и общеупотребительны, благодаря своей рациональности. Вообще же въ Утопін господствуетъ частное домашнее хозяйство, и притомъ въ формѣ, наиболѣе соответствующей ремеслу и крестьянскому хозяйству. Болѣе высокаго техническаго развитія общество въ эпоху Мора еще не достигло. Коммунизмъ «Утопін», по существу своему, — коммунизмъ производства.

Это основное различіе между коммунизмомъ Мора и коммунизмомъ его предшественниковъ повлекло за собою также существенныя различія въ ихъ отношеніи къ семьѣ и браку. Морово идеальное общество не враждебно семьѣ и единобрачію и допускаетъ ихъ не только по непослѣдовательности, какъ Платонъ и христіанскіе коммунисты. Но, съ другой стороны, коммунизмъ въ средствахъ производства противорѣчитъ той формѣ семьи и брака, въ которой глава хозяйства является повелителемъ надъ членами своей семьи, повелителемъ жены и дѣтей, также какъ рабовъ и батраковъ. Экономически это господство основывается на частной собственности, особенно же на частной собственности на средства производства. Мужъ и отецъ повелѣваетъ семьей, какъ собственникъ средствъ къ ея существованію. Гдѣ нѣтъ частной собственности на средства производства, тамъ нѣтъ также экономическихъ основаній патріархальнаго принудительнаго брака и принудительной семьи; въ капиталистическомъ обществѣ они исчезаютъ для пролетаріата, а въ коммунистическомъ обществѣ для всѣхъ членовъ послѣдняго. Жена дѣлается экономически независимой отъ мужа, дѣти — отъ родителей. Непрестанное сокращеніе количества работы для частнаго хозяйства, вызываемое развитіемъ техники, дѣйствуетъ въ томъ же направленіи.

Уничтоженіе частной собственности на средства производства отнюдь не обуславливает собою упраздненія семьи и единобрачія, но оно весьма существенно измѣняетъ ихъ характеръ. Узы, связывающія при такихъ условіяхъ мужа и жену, родителей и дѣтей, могутъ быть весьма разнообразны. Особенное значеніе при этомъ могутъ имѣть индивидуальная половая любовь и далеко не такая естественная, какъ материнская, любовь отца, явившаяся продуктомъ долгаго культурнаго развитія и въ настоящее время уже значительно окрѣпшая. Но семья и бракъ перестаютъ быть экономическими институтами и основаны уже не на господствѣ мужа и отца.

Моръ подѣ влияніемъ экономической отсталости своей эпохи непослѣдователенъ, сохраняя въ своемъ идеальномъ государствѣ принудительный бракъ и принудительную семью съ господствомъ мужчинъ, но онъ въ своемъ родѣ настолько же логиченъ и послѣдователенъ, сохраняя единобрачіе и семью, какъ былъ логиченъ и послѣдователенъ Платонъ, отвергая эти учрежденія для своего идеальнаго государства.

Достоинъ вниманія еще одинъ пунктъ: отношеніе Мора къ наукѣ.

Христіанско-демократическій коммунизмъ, какъ мы видѣли, былъ враждебенъ учености, ибо она въ то время являлась однимъ изъ орудій власти. Этотъ коммунизмъ возникъ не на почвѣ глубокаго научнаго пониманія, но на почвѣ инстинктивной потребности и такого же инстинктивнаго возмущенія немущихъ и эксплуатируемыхъ, а также всѣхъ симпатизирующихъ имъ людей. Коммунизмъ этотъ, распространившійся лишь на небольшія общины, для своего уясненія и проведенія на практикѣ не нуждался въ наукѣ. Здѣсь достаточно было того житейскаго опыта, который давала повседневная жизнь даже низшихъ классовъ.

Въ Утопіи наука играла большую роль. Это вполне естественно въ идеальномъ государствѣ гуманиста. Но высокое положеніе науки вовсе не было дѣломъ личной симпатіи. Соціалистическая община въ рамкахъ національнаго государства, даже въ той простой формѣ, въ какой даетъ ее Моръ, слишкомъ сложна для того, чтобы идея ея могла возникнуть въ не философски развитомъ умѣ. Лишь мыслитель, не только глубоко уразумѣвшій всю экономическую и политическую жизнь своей эпохи, но также расширившій и очистившій отъ предразсудковъ свой умственный горизонтъ путемъ изученія социальныхъ условій прошлаго и ихъ духовныхъ продуктовъ, мыслитель, изощрившій свой умъ на самыхъ высокихъ и смѣлыхъ образцахъ античной философій, привыкшій развивать мысль до крайнихъ ея выводовъ и угадывать при зарожденіи какой-нибудь тенденціи конечные ея результаты,—лишь такой мыслитель былъ въ состояніи для разрѣшенія социальныхъ проблемъ своей эпохи построить систему коммунистическаго государства, подобнаго Утопіи.

У Мора впервые послѣ Платона наука снова попадаетъ на службу къ коммунизму; наука, казавшаяся христіанско-демократическому коммунизму только враждебной, теперь сама начинаетъ строить фундаментъ новой высшей формы коммунизма.

Но у Платона наука, сообразно аристократическому характеру его коммунизма, составляетъ монополію аристократіи, коммунизмъ же Мора демократиченъ. Онъ созданъ не угрожающимъ упадкомъ аристократіи, но ростомъ массоваго пролетаріата, цѣлью его является уничтоженіе всякаго господства и эксплуатациіи и доступность всѣхъ наслажденій равно для всѣхъ.

У него наука не должна быть ни средством господства, ни доступным лишь немногим средством наслаждения; онъ дѣлаетъ ее доступной всѣмъ, какъ высшее наслажденіе.

Правда, эпоха Мора была еще далека отъ эпохи машиннаго производства, но Морю достаточно было планомерности производства и равной для всѣхъ обязанности трудиться, чтобы сокращать время производительнаго труда для каждаго до нѣсколькихъ часовъ ежедневно. Такимъ образомъ у каждаго для занятія наукою остается еще достаточно времени.

Эта мысль и въ голову не могла прійти христіанско-демократическимъ коммунистамъ. Для нихъ не только не представляло никакого интереса даваемое ею разрѣшеніе вопроса, такъ какъ они относились къ наукѣ отрицательно, но они не могли даже и думать о сокращеніи рабочаго времени въ той мѣрѣ, въ какой оно было проведено въ «Утопіи», ибо христіанско-демократическіе коммунисты составляли только незначительныя общины внутри существующаго общества и не могли уничтожить ни безсистемности въ немъ, ни эксплуатаціи. Тамъ, гдѣ ихъ, какъ въ Моравіи, терпѣли, это происходило именно потому, что они представляли прекрасный объектъ для эксплуатаціи; они работали не только для себя, но также для своихъ хозяевъ, землевладѣльцевъ и князей. Поэтому ихъ рабочее время не отличалось отъ рабочаго времени ихъ товарищей не-коммунистовъ. Коммунизмъ давалъ имъ большую хозяйственную обезпеченность, большее благосостояніе, но врядъ ли онъ онъ уменьшалъ тяжесть ихъ труда. Наоборотъ, повсюду говорится именно о прилежаніи богемскихъ братьевъ, моравскихъ анабаптистовъ, меннонитовъ и т. д. ¹⁾

Разсмотримъ теперь всѣ эти особенности Моровой Утопіи: распространеніе коммунизма на большое національное государство, обоснованіе общества на коммунизмъ производства, примиреніе коммунизма съ единобрачіемъ и семьей, а также, при полномъ сохраненіи демократическаго духа, съ наукой. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ коммунизмъ Мора отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему формъ коммунизма, но зато всѣ его характерныя черты болѣе или менѣе ясно выражены, хотя и не всегда всѣ вмѣстѣ, во всѣхъ тѣхъ, явившихся послѣ Мора, формахъ коммунизма, которыя имѣли какое-нибудь значеніе.

«Утопіей» Мора начинается современный социализмъ.

Правда, въ нѣкоторыхъ частностяхъ ея сказывается отсталость ея эпохи. Ставя, напр., женщину выше, чѣмъ это вообще дѣлалось въ XVI вѣкѣ, открывая ей доступъ къ наукѣ, «Утопія» все-таки подчиняетъ женщину мужчинѣ; она прикрѣпляетъ каждаго къ извѣстному ремеслу, хотя допускаетъ извѣстныя исключенія; въ ней встрѣчаются даже принудительныя работы.

Съ другой стороны многія изъ позднѣйшихъ социалистическихъ системъ, особенно новѣйшія, блещутъ всевозможными болѣе богатыми и сложными учрежденіями, но какъ бы великолѣпны и какъ бы современны ни были эти социальныя построенія, основы ихъ тѣ же, что и у «Утопіи». Дальше этого социализмъ до первой половины XIX столѣтія не пошелъ. Во многихъ позднѣйшихъ системахъ встрѣчаются даже шаги назадъ, такъ, напр., инья отка-

¹⁾ У моравскихъ баптистовъ рабочий день продолжался съ восхода солнца до его захода съ часовымъ обѣденнымъ перерывомъ. Loserth, Der Kommunismus der mährischen Wiedertauffer, стр. 134.

зываются отъ государственной основы и строить социализмъ на коммунальныхъ или товарищескихъ началахъ.

Еще въ одномъ существенномъ отношеніи «Утопія» можетъ считаться прообразомъ для социализма до указаннаго выше времени, а именно въ чертѣ, получившей даже названіе отъ нея, въ «утопизмъ».

Мы видѣли, что Моръ былъ противникомъ народныхъ движеній; таковымъ онъ являлся не только какъ государственный дѣятель и гуманистъ, но также и какъ коммунистъ. Коммунистическія народныя движенія были ненавистны ему, между прочимъ и движеніе анабаптистовъ. Вотъ что онъ писалъ Иоганну Кохлеусу: «Германія производитъ теперь ежедневно больше чудовищъ, чѣмъ когда-либо производила Африка. Что можетъ быть чудовищнѣе анабаптистовъ?»

Отвращеніе къ народнымъ движеніямъ составляетъ особенность большинства позднѣйшихъ социалистовъ, даже въ нашемъ столѣтіи, даже въ то время, когда уже начало развиваться могучее рабочее движеніе, когда дѣло демократіи было уже далеко не такъ безнадежно, какъ въ началѣ XVI столѣтія. Но эти социалисты смотрѣли на общество не какъ на развивающійся организмъ, но какъ на часовой механизмъ, который, сохраняя разъ приданную ему форму, дѣйствуетъ всегда одинаково. Они не сравнивали пролетаріата своей эпохи съ пролетаріатомъ, существовавшимъ пятьдесятъ, сто лѣтъ раньше, поэтому и не видѣли, что онъ идетъ впередъ, что это прогрессирующій классъ, и что ему принадлежитъ будущее. Они сравнивали пролетаріатъ съ имущими классами своей эпохи и находили, что послѣдніе настолько превосходятъ первый, что всякое самостоятельное движеніе пролетаріата неизбежно должно казаться безнадежнымъ, и что только высшіе классы могутъ создать силу, которая осуществитъ социализмъ.

По Морю, коммунизмъ въ Утопіи вводится просвѣщеннымъ правителемъ. Впослѣдствіи кредитъ просвѣщеннаго деспотизма былъ сильно подорванъ, и надежды стали возлагаться на буржуазную филантропію, на просвѣщенныхъ милліонеровъ и на магическія формулы, примѣненіе которыхъ сразу якобы должно было установить новый общественный строй. Классовая борьба пролетаріата не пользовалась популярностью; она не только казалась безнадежной, но даже нарушала расчеты социалистовъ, отталкивая тѣхъ буржуазныхъ филантроповъ, которыхъ социалисты желали привлечь въ качествѣ сторонниковъ.

Кромѣ убѣжденія, будто рабочій классъ неспособенъ самъ освободить себя, у утопизма была еще одна особенность: стремленіе къ подробному изображенію будущаго общества. Это стремленіе было вполне естественно и неизбежно. Утопизмъ рассчитываетъ не на энтузіазмъ тѣхъ, кому нечего терять, кромѣ цѣпей, а на энтузіазмъ и филантропію тѣхъ, кому въ существующемъ обществѣ живется хорошо, кто своимъ положеніемъ доволенъ. Для того, чтобы возбудить чувство человѣколюбія, нужно картинно изобразить нужду, о распространенности которой большинство состоятельныхъ людей не имѣетъ никакого представленія, и рѣзко отгнать всѣ вообще существующіе недостатки. Эта именно критическая сторона обыкновенно представляетъ самую блестящую и захватывающую часть сочиненій утопистовъ. Но ея недостаточно для того, чтобы довести человѣколюбіе до энтузіазма, который является необходимымъ условіемъ для проведенія такой громадной задачи, какъ осуществленіе коммунизма. Для этого нужно убѣдительно доказательство, что идеальное общество въ самомъ дѣлѣ стоитъ

трудова благородныхъ людей. Чѣмъ пластичнѣе и нагляднѣе изображеніе этого общества, тѣмъ больше его пропагандистское вліяніе въ кругахъ имущихъ.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы на примѣрѣ романа Беллами „Looking backwards“ видѣли, какъ велико можетъ быть вліяніе такого нагляднаго описанія, какъ великъ, но какъ безсиленъ и непроченъ въ то же время энтузіазмъ, возбуждаемый утопизмомъ. Теперь уже никто не думаетъ больше объ угоніи американца.

Кромѣ разсчета на пропагандистское значеніе, есть еще и другое обстоятельство, заставляющее утопистовъ изображать «государство будущаго», и оно имѣетъ рѣшающее значеніе.

Потребность въ коммунизмѣ возникаетъ всюду, гдѣ имѣется находящійся въ безвыходномъ положеніи массовый пролетаріатъ. Смотри по характеру послѣдняго, смотри по тому, трудящійся ли это пролетаріатъ или люмпенпролетаріатъ, развивается также и характеръ соответствующаго его потребностямъ коммунизма. Послѣдній является коммунизмомъ либо на средства потребленія, либо на средства производства. Но появленіе находящагося въ безвыходномъ положеніи массоваго пролетаріата и возникновеніе потребности въ коммунизмѣ отнюдь не совпадаютъ съ появленіемъ необходимыхъ для его осуществленія условій.

Пока коммунизмъ не является неизбѣжнымъ конечнымъ результатомъ болѣе или менѣе близкаго развитія общества, есть только одинъ возможный путь къ его осуществленію: выработка возможно широкаго плана новаго общественнаго строя и пріобрѣтеніе необходимыхъ для его осуществленія средствъ. Общество представляется подобнымъ зданію, форма котораго зависитъ отъ произвола архитектора, но къ постройкѣ котораго нельзя приступить, прежде чѣмъ будутъ кончены необходимые планы и разсчеты. Этотъ взглядъ представляетъ собой характерную черту утопизма.

Послѣдній все болѣе и болѣе терялъ почву, благодаря экономическому и политическому развитію тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ XIX вѣка, но вполне сознательно, послѣдовательно и окончательно онъ былъ уничтоженъ только Марксомъ и Энгельсомъ, которые своимъ коммунистическимъ манифестомъ 1847 года положили начало новой эрѣ социализма.

Говорить о нихъ подробнѣе здѣсь не мѣсто, объ этомъ будетъ рѣчь въ другой части нашего труда. Мы хотѣли только указать на то, что до основанія научнаго социализма Марксомъ и Энгельсомъ, т.-е. въ теченіе трехсотъ лѣтъ слишкомъ, социалистическія идеи не выходили за предѣлы, намѣченные Моромъ.

Сочиненіе, которое буржуазнымъ историкамъ кажется шуткой или забавой, сдѣлалось поворотнымъ пунктомъ въ исторіи человѣческой мысли; въ исторіи социализма имъ началась эпоха, обнимающая нѣсколько столѣтій, оно дало форму социализма, непосредственно предшествовавшую той его формѣ, въ которой онъ завоеуетъ весь міръ.

Только сопоставивъ значеніе этого сочиненія съ экономической отсталостью его эпохи и съ трудностью понять социальныя явленія, можно вполне оцѣнить важную роль перваго социалиста въ современномъ смыслѣ.

Томасъ Моръ не только одна изъ самыхъ симпатичныхъ и безкорыстныхъ, изъ самыхъ сильныхъ и смѣлыхъ, но также и одна изъ самыхъ гениальныхъ личностей въ исторіи человѣчества.

Н. Каутскій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Томмазо Кампанелла.

I. Біографія Кампанеллы.

Перенесемъ теперь съ сѣвера на нѣкоторое время въ Италію,—отечество Іоахима Фіорійскаго, св. Франциска Ассизскаго и Дольчино, и остановимся на родинѣ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, Іоахима,—Калабрѣ, которая съ конца XV вѣка стонала подъ тяжкимъ игомъ Испаніи.

Тамъ 5 сентября 1568 года родился второй великій утопистъ, Томмазо (Тома) Кампанелла, въ мѣстечкѣ Стило, въ нынѣшней провинціи Реджіо.

Уже въ дѣтствѣ онъ отличался необыкновеннымъ, не по возрасту раннимъ развитіемъ: такъ, будучи тринадцати лѣтъ, онъ могъ произнести экспромптомъ рѣчь на любую заданную тему, притомъ безразлично, въ прозѣ или стихахъ. Съ этимъ столь цѣннымъ въ средніе вѣка даромъ краснорѣчія онъ соединялъ страстную любовь къ изученію философіи. Уже тогда онъ погрузился въ изученіе «Суммъ» св. Тома Аквинскаго, которыя оказали рѣшающее вліяніе на его призваніе. Отецъ Томмазо, предназначавшій его къ юридической карьерѣ, отправилъ его въ Неаполь, для изученія юридическихъ наукъ подъ руководствомъ его дяди, профессора права. Но юный Томмазо, который вкусилъ уже отъ ученія одного монаха, преподававшаго въ монастырѣ въ Стило философію, въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ вступилъ въ Козенцъ въ духовный орденъ доминиканцевъ, который уже былъ прославленъ Альбертомъ Великимъ, Томай Аквинскимъ и Савонароллою и изъ котораго выходили самые мужественные и независимые монахи.

Способность Кампанеллы быстро усваивать всякія знанія, а также его замѣчательный ораторскій талантъ были причиной того, что онъ скоро выдѣлился среди монаховъ и среди своихъ учителей, которые старались развивать его остроуміе и завладѣть имъ. Монастыри тогда все еще служили, какъ и въ средніе вѣка, убѣжищемъ для стремящихся къ знанію умовъ и гордость свою полагали въ томъ, чтобы имѣть у себя ученыхъ, философовъ и ораторовъ, орденъ же доминиканцевъ, по числу вышедшихъ изъ его среды знаменитыхъ людей, считался наиболѣе выдающимся. Но въ концѣ XVI вѣка орденъ іезуитовъ, основанный въ 1537 году Ігнатіемъ Лойолой для преслѣдованія еретиковъ и поддержанія авторитета папы, началъ затмевать собою другія духовныя братства. Доминиканцы, боровшіеся противъ столь опаснаго соперничества и старавшіеся защитить бывшее могущество, усердно поддерживали Кампанеллу и содѣйствовали ему въ его рвеніи къ знанію, такъ какъ надѣялись въ лицѣ его пріобрѣсть борца, таланты котораго помогутъ имъ вернуть прежній блескъ ихъ корпораціи.

II Кампанелла скоро имѣлъ случай выказать себя. Монастыри поддерживали и охраняли съ величайшей заботливостью страсть къ схоластическимъ спорамъ; они вызывали на нихъ другъ друга, чтобы на такомъ ораторскомъ турнирѣ, къ которому допускалась и посторонняя публика, защищать теологическіе и философскіе тезисы. Профессоръ философіи въ Санъ-Джорджіо, который приглашенъ былъ въ Козенцу францисканцами, защищать на публичномъ диспутѣ

ученіе своего ордена, передъ самымъ отъѣздомъ заболѣлъ и назначилъ своимъ замѣстителемъ ученика своего, Кампанеллу. Когда этотъ послѣдній появился на собраніи, молодость его произвела весьма невыгодное впечатлѣніе, такъ какъ всѣ думали, что ученый профессоръ лишь въ знакъ своего пренебреженія прислалъ вмѣсто себя этого безбородаго диспутанта. Однако, лишь только онъ заговорилъ, неудовольствіе превратилось въ удивленіе. Онъ выполнилъ свою задачу стель блестяще и съ такимъ остроуміемъ, что сами францисканцы принуждены были признать его побѣдителемъ. «Геній Телезіуса ¹⁾ возродился въ немъ», говорили они по свидѣтельству Ницерона.

Кампанелла вдохновился этой словесной борьбой; въ теченіе десяти лѣтъ послѣ этого странствовалъ онъ по Италіи изъ города въ городъ, ведя диспуты на религіозныя и философскія темы, которыя занимали умы его эпохи. Вездѣ онъ одерживалъ блестящія побѣды, которыя опьяняли его, но въ то же время вызывали зависть и навлекали на его голову гнѣвъ и злобу другихъ духовныхъ орденовъ, въ особенности іезуитовъ. Послѣднимъ онъ прямо объявилъ войну и требовалъ ихъ уничтоженія, такъ какъ они «искажаютъ чистое евангельское ученіе, чтобы заставить его служить деспотизму властителей». Но всеобщій гнѣвъ противъ себя онъ вызвалъ своими рѣзкими нападками на Аристотеля, изученіемъ котораго ученые занимались, пожалуй, не меньше, чѣмъ изученіемъ библіи. Кампанеллѣ не было еще двадцати лѣтъ, когда онъ опубликовалъ свою первую книгу, направленную противъ философа изъ Стагиры и его защитника, Марта ²⁾. Онъ нанесъ своимъ противникамъ чувствительное оскорбленіе, обнаруживъ недостатокъ почтенія къ ихъ учителямъ и старымъ философамъ. Вслѣдствіе этого іезуиты воспользовались озлобленіемъ, которое онъ вызывалъ повсюду, куда ни приходилъ, обвинили его въ ереси и колдовствѣ и добились отъ папы запрещенія его проповѣдническихъ путешествій; онъ получилъ приказаніе вернуться въ монастырь въ Стило, потому что, по свидѣтельству Петра Джіанони, онъ вызвалъ въ Римѣ всеобщее неудовольствіе и тревогу. Кампанелла послушался и старался въ своемъ уединеніи заняться наукой и поэзіей; такъ, онъ принялся писать трагедію, темою которой была смерть Маріи Стюартъ. Какъ и Джіордано Бруно, который, подобно ему, также былъ доминиканцемъ, Кампанелла, вѣроятно, бѣжалъ бы изъ монастыря, «этой тѣсной и мрачной темницы, гдѣ заблужденіе такъ долго держало меня въ своихъ цѣпяхъ», какъ говорилъ энергичный апостоль новой мысли,—если бы не нашелъ для себя области, въ которой онъ могъ, даже и находясь въ уединеніи, удовлетворить своей потребности въ дѣятельности ³⁾.

¹⁾ Телезіусъ, род. въ 1508 году въ Козенцѣ, итальянскій натурфилософъ. Далѣе о немъ будетъ сказано подробнѣе.

²⁾ *Philosophia sensibus demonstrata*. Неаполь, 1590.

³⁾ Чтобы понять, насколько угнетеннымъ чувствовалъ себя въ монастырѣ такой свободный духъ, какъ Кампанелла, слѣдуетъ прочесть пронической сонетъ Джіордано Бруно: „Похвала глухости“. Вотъ онъ:

„О святая и блаженная глухость, святое невѣжество и святая тушость, о блаженное благочестіе, лучше удовлетворяющее души, чѣмъ могли бы это сдѣлать всѣ пытливыя стремленія разума:

„Самый кропотливый трудъ, усердное ночное бдѣніе, философскія размышленія—ничто не можетъ привести въ тотъ рай, гдѣ находится твое жилище.

„О пытливая души! Стоитъ ли вамъ изслѣдовать и изучать природу, стоитъ ли добираться, изъ чего созданы звѣзды,—изъ огня, земли или воды:

Теперь мы подходимъ къ важнѣйшему событію въ жизни Кампанеллы, относительно котораго, однако, имѣются лишь недостоверныя свѣдѣнія; въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ онъ не говоритъ объ этомъ ничего да и съ друзьями своими, послѣ того какъ кончилось его долгое, двадцатисемилѣтнее заточеніе, онъ, кажется, не былъ сообщителемъ. Ницеронъ, который познакомился съ нимъ въ Парижѣ и посвятилъ ему біографическую замѣтку въ своихъ «Мемуарахъ, посвященныхъ памяти знаменитыхъ людей», обходитъ это обстоятельство молчаніемъ. Также и Нодеусъ, съ которымъ Кампанелла находился въ близкихъ отношеніяхъ, упоминаетъ лишь вскользь въ своихъ «Политическихъ воззрѣніяхъ на государственный переворотъ», будто Кампанелла добивался провозглашенія себя королемъ Калабріи. Одинъ лишь Піетро Джіанони говоритъ вполне опредѣленно, въ своей «Гражданской исторіи неаполитанскаго королевства» (Неаполь 1723 г.), о заговорѣ, организованномъ Кампанеллой, съ цѣлью освободить Калабрію отъ испанскаго ига: этотъ же авторъ утверждаетъ, что приводимыя имъ обстоятельства почерпнуты изъ неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ документовъ, относящихся къ процессу Кампанеллы.

Онъ говоритъ: «Кампанелла былъ близокъ къ тому, чтобы сокрушить Калабрію; онъ распространялъ тамъ новыя идеи и строилъ планы республиканской свободы. Онъ увлекся до того, что хотѣлъ реформировать государства, вводить новые законы и устанавливать новую систему государственнаго управленія». Безъ сомнѣнія, у Кампанеллы уже тогда явилась идея его «Города солнца» (Civitas solis), которую онъ обработалъ и изложилъ письменно лишь позже; онъ старался свое возстаніе на политической почвѣ превратить въ социальную революцію, подобно тому, какъ многіе еретики среднихъ вѣковъ къ своей реформѣ въ области религіи присоединяли преобразованіе общественнаго строя на коммунистическихъ началахъ.

Кампанелла, который вѣрилъ въ астрологію, подобно наиболѣе выдающимся и положительнымъ умамъ своего времени, каковы, напр., папы Павелъ V и Урбанъ VIII, Ришелье и даже самъ Беконъ, нашель среди созвѣздіи знаки, которые предвѣщали революцію по всей землѣ, и въ особенности въ Неаполитанскомъ королевствѣ и въ Калабріи. Онъ внушилъ свою вѣру и монахамъ своего монастыря и убѣдилъ ихъ воспользоваться случаемъ свергнуть испанское иго и на мѣсто монархіи учредить теократическую республику, изъ которой іезуиты, въ случаѣ необходимости подлежащіе полному истребленію, должны быть исключены. Онъ говорилъ, что Богъ избралъ его для такого предпріятія; по словамъ Нодеуса, онъ утверждалъ, подобно Францу изъ Зале, что имѣть частыя сношенія съ Богомъ, и заставлялъ называть себя Мессіей. Планы Кампанеллы были чрезвычайно обширны, и для ихъ достиженія онъ предполагалъ пользоваться и словомъ, и оружіемъ; словожъ онъ проповѣдывалъ свободу, осуждалъ тиранію князей и прелатовъ, а для подкрѣпленія словъ онъ предполагалъ воспользоваться оружіемъ многочисленныхъ тогда бандитовъ и изгнанниковъ. Онъ рассчитывалъ, что удастся подстрекнуть народъ сломать двери тюрьмы и освободить

„Святая и блаженная глупость все это презираетъ. Колѣнопреклоненная, со сложенными для молитвы руками, она ждетъ спасенія только отъ Господа.

„Ничто не тревожитъ, ничто не занимаетъ ея, кромѣ заботы о вѣчномъ покоѣ, который Господь милостиво даруетъ намъ послѣ смерти“.

заключенныхъ, а бумаги, относящіяся къ ихъ дѣламъ, сжечь; освобожденные же примкнули бы къ возстанію. Кромѣ того онъ надѣялся на поддержку визиря Гассана Цикала, который командовалъ турецкимъ флотомъ, стоявшимъ на якорѣ въ водахъ Гвардафала. Цикала былъ уроженецъ Калабрін, но покинулъ свою родину, чтобы избѣжать испанскаго владычества, и перешелъ въ исламъ.

Различныя обстоятельства благопріятствовали планамъ Кампанеллы; въ Калабріи находилась масса изгнанниковъ, а непомѣрные налоги угнетали народъ. Патеръ Діонисъ Пончіо изъ Никастро взялъ на себя распространеніе мятежа въ провинціи Катанцаро, и принялся за дѣло съ большой энергіей и краснорѣчіемъ; онъ говорилъ о Кампанеллѣ, какъ о посланникѣ Божьемъ, который призванъ установить свободу и «освободить народъ отъ притѣсненій министровъ испанскаго короля, торгующихъ человѣческой кровью и притѣсняющихъ бѣдныхъ и слабыхъ». Монахи той провинціи горячо поддержали его; въ одномъ только монастырѣ въ Пинцолі у него было двадцать пять довѣренныхъ монаховъ, которые вербовали изгнанниковъ; болѣе трехсотъ доминиканцевъ, августинцевъ и францисканцевъ примкнули къ движенію; въ моментъ, назначенный для начала возстанія, двѣсти проповѣдниковъ должны были разойтись по странѣ, чтобы раздуть пламя мятежа, тысяча восемьсотъ изгнанниковъ находились въ боевой готовности, дворянство должно было оказать поддержку возстанію, и современники называли епископовъ Никастро, Гераца, Мелито и Оппидо участниками заговора. Возстаніе должно было начаться въ концѣ 1599 года; все было уже готово, какъ вдругъ два измѣнника выдали заговоръ.

Вице-король неаполитанскій, графъ Лемось, подъ предлогомъ защиты береговъ противъ турокъ, выслалъ войска, которыя, напавъ внезапно на заговорщиковъ, побѣдили ихъ и отвезли моремъ въ Неаполь. Чтобы показать устрашающій примѣръ, вице-король приказалъ четвертовать живыми двухъ заговорщиковъ на галерѣ, на которой ихъ везли, а четверыхъ другихъ повѣсить на ряхъ. Патеръ Діонисъ Пончіо былъ арестованъ передѣтымъ въ мирскую одежду и умерщвленъ. Кампанеллу нашли въ хижинѣ пастуха, куда его спряталъ отецъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ему удалось, послѣ долгихъ переговоровъ, тянувшихся цѣлый день, убѣдить одного лодочника перевезти его на турецкій корабль. Кампанеллу посадили въ Неаполѣ въ крѣпость дель'Ово въ томъ самомъ 1600 году, когда Джіордано Бруно былъ сожженъ въ Римѣ.

Кампанелла ожидалъ, что народъ поднимется по первому призыву; да и могло ли быть иначе? Вѣдь онъ несъ этому народу свободу, онъ хотѣлъ ввести его въ землю обѣтованную. Какъ, однако, печально должно было быть его пробужденіе отъ этого пріятнаго сна, когда онъ очутился одинъ, всѣми покинутый, и долженъ былъ торговаться съ лодочникомъ, который отказывалъ ему въ суднѣ для побѣга! Безъ сомнѣнія, въ воспоминаніе объ этомъ горькомъ разочарованіи написалъ онъ тотъ вѣрный, лишенный всякихъ иллюзій сонетъ, въ которомъ пробивается его глубокое состраданіе къ народу и гдѣ онъ высказываетъ мысли и чувства, которыя должны быть извѣстны революціонерамъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

Народъ ¹⁾.

«Народъ — это измѣнчивый неразумный звѣрь, который самъ не знаетъ своихъ силъ и терпѣливо переноситъ самые тяжелые удары и тягости; онъ позволяетъ управлять собою слабому дитяти, которое могъ бы однимъ толчкомъ сбросить на землю.

«Но онъ боится этого дитяти и служить ему во всѣхъ его капризахъ. Онъ не знаетъ, какъ сильно его боятся, не знаетъ, что его господа приготовляютъ для него волшебный напитокъ, который одурманиваетъ его.

«Невиданное зрѣлище! Народъ побиваетъ и заковываетъ самъ себя, собственными руками, онъ борется и умираетъ за каждый карлино ²⁾, который доставляетъ королю.

«Все, что находится между небомъ и землею, принадлежитъ ему, но объ этомъ онъ не знаетъ, и, если кто-нибудь откроетъ ему его права, онъ побиваетъ того на смерть камнями».

Долгими и тяжкими мученіями заплатилъ Кампанелла за свои революціонныя попытки и за борьбу съ іезуитами, ибо очень вѣроятно, что не будь ненависти іезуитовъ, гнѣвъ испанскаго правительства противъ столь легко побѣжденнаго заговорщика, за котораго, хотя онъ и обвинялся въ ереси, вступился папа, — что этотъ гнѣвъ охладѣлъ бы.

Въ предисловіи къ своему «*Atheismus triumphatus*» ³⁾ Кампанелла рассказываетъ о своихъ страданіяхъ: «Я перебивалъ въ заключеніи въ пятидесяти различныхъ тюрьмахъ и семь разъ подвергался жесточайшимъ пыткамъ. Въ послѣдній разъ мученія продолжались сорокъ часовъ. Меня душили туго затянутыми веревками, которыя прорѣзали мясо до костей, и затѣмъ, связавъ руки за спинной, подвѣсили надъ острымъ коломъ, такъ что кровь моя текла ручьемъ. Черезъ сорокъ часовъ рѣшили, что я мертвъ, и мученіямъ моимъ былъ положенъ конецъ; одни носили меня и, чтобы усилить мои мученія, дергали веревку, на которой

¹⁾ Poesie filosofiche di Tommaso Campanella. Въ Италіи опубликовано въ первый разъ Гаспаромъ Орелли, Лугано 1834 г.

²⁾ Карлино была желтая монета въ Неаполѣ. Въ одномъ изъ своихъ сонетовъ, посвященномъ швейцарцамъ, состоящимъ въ качествѣ наемныхъ солдатъ на службѣ у короля, Кампанелла снова возвращается къ тѣмъ же мыслямъ:

„Если свобода къ вамъ тѣмъ ближе, чѣмъ выше ваши альпійскія горы и скалы, то зачѣмъ каждый тиранъ обращаетъ руки вашихъ сыновъ на то, чтобы удерживать въ рабствѣ другіе народы?“

„За кусокъ хлѣба вы, швейцарцы, проливаете потоки крови... Поэтому вашу храбрость презираютъ... Все принадлежитъ свободному человѣку. Рабамъ отказываютъ въ одеждѣ и нищѣ благородныхъ людей, также какъ и въ бѣломъ крестѣ. (Швейцарцы не могли дѣлаться мальтійскими рыцарями).

„О, станьте же снова свободными, соединитесь съ героями и отнимите у королей то, что принадлежитъ вамъ по праву и что, тѣмъ не менѣе, продаютъ вамъ за столь дорогую цѣну“.

³⁾ Изданный въ 1631 году „*Atheismus triumphatus*“ (побѣжденный атеизмъ), послужилъ оружіемъ противъ Кампанеллы; утверждали, что онъ боролся противъ атеистовъ лишь для виду, на самомъ же дѣлѣ помогать имъ; что онъ далъ имъ въ руки такіе доводы, о какихъ они и не думали никогда, и на которые онъ возражалъ весьма слабо. Одинъ изъ его противниковъ говорилъ, что сочиненіе свое ему скорѣе слѣдовало бы называть: „*Atheismus triumphans*“ (торжествующій атеизмъ).

и былъ подвѣшенъ, другіе же шопотомъ славли мое мужество. Ничто не могло поколебать меня и отъ меня не могли добиться ни единого слова ¹⁾. Выздоровѣвъ чудеснымъ образомъ, спустя шестнадцать мѣсяцевъ, я былъ ввергнутъ въ темницу. Пятнадцать разъ представалъ я передъ судомъ. Въ первый разъ мнѣ задали слѣдующіе вопросы: Какъ знаешь ты то, чему не учился? Имѣешь ли ты въ своемъ распоряженіи демона? Я отвѣчалъ: чтобы изучить то, что я знаю, я истребилъ ламповаго масла больше, чѣмъ вы выпили вина... Меня обвиняли въ томъ, что я написалъ появившуюся еще до моего рожденія книгу «De tribus Impostoribus» ²⁾, что я принадлежу къ послѣдователямъ ученія Демокрита, ... что я распространяю предосудительныя мнѣнія противъ ученія церкви и ея устройства, и наконецъ, что я еретикъ. Подъ конецъ я былъ обвиненъ не только въ ереси, но и въ мятежѣ, за то, что я, вопреки Аристотелю, который приписывалъ міру вѣчную и постоянную неизмѣняемость, утверждалъ, будто на солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ находятся знаки, предвѣщающіе перевороты во всемъ мірѣ».

Цѣлыхъ 27 лѣтъ провелъ Кампанелла въ неаполитанскихъ тюрьмахъ. Въ одномъ трогательномъ стихотвореніи онъ такъ молить Бога освободить его:

«Пусть вѣчная любовь, изъ милосердія, дастъ смягчить себя мовми страданіями; пусть высшая мудрость склонитъ ко мнѣ милосердіе божественнаго всемогущества. Ты, Господи, безъ моихъ словъ видишь тяжкія страданія, причиненныя мнѣ долговременными пытками! Двѣнадцать лѣтъ ужъ я страдаю и чувствую боль всѣмъ своимъ существомъ. Мое тѣло пытали семь разъ; невѣжды проклинали меня и издѣвались надо мной. Меня лишили солнечнаго свѣта, мускулы мои разорваны, кости разбиты, тѣло мое истерзано, я сплю на твердой землѣ, прикованный къ одному мѣсту. Кровь мою проливали, меня подвергали самымъ ужаснымъ мученіямъ. Нища моя испорчена и мнѣ даютъ ея мало. Неужели этого не достаточно, о Господи, неужели я не могу еще надѣяться, что ты заступишься за меня?»

Сильные міра сего тончутъ ногами тѣла людей и превращаютъ души ихъ въ плѣнныхъ птицъ... страданія и слезы людей улаждаютъ ихъ преступную жестокость, изъ человѣческихъ костей они дѣлаютъ рукоятки для орудіи пытки, которыми насъ мучатъ; наши вздрагивающіе члены служатъ имъ шпионами и жесвидѣтелями, обвиняющими насъ, даже когда мы не виновны... Но ты видишь это лучше меня, со своего высокаго престола судьбы, и если твоя справедливость и зрѣлище моихъ страданій не могутъ вооружить тебя, Господи,—да вооружитъ

¹⁾ Кампанелла, который во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ хранитъ молчаніе относительно событій, сопровождавшихъ его заключеніе, въ „Городѣ солнца“ говоритъ о перенесенныхъ имъ мученіяхъ. Онъ гордо рассказываетъ о себѣ: „Философа, несмотря на мученія, которымъ подвергали его въ теченіе сорока часовъ враги, нельзя было принудить произнести хоть звукъ относительно того, о чемъ онъ рѣшилъ молчать“.

Современникъ его Россси, писавшій подъ псевдонимомъ I. Н. Эритреусъ, рассказываетъ въ своей „Pinacotheca imaginum illustrium“ (1643—1648 гг.), будто Кампанелла въ теченіе тридцати пяти часовъ подвергался тяжелымъ пыткамъ, „вены и артеріи вокругъ его задняго прохода были разорваны такъ, что нельзя было остановить льющуюся изъ раны кровь, но несмотря на эти пытки, онъ держался съ величайшей твердостью и ни разу у него не вырвалось ни единое слово, недостойное философа“.

²⁾ Это же обвиненіе было предъявлено и Пистелю, одному изъ тѣхъ замѣчательныхъ высокоразвитыхъ фаватиковъ XVI столѣтія, съ которымъ у Кампанеллы измѣлись общія черты въ духовномъ отношеніи.

тебя тогда всеобщее бѣдствіе, и да бодрствуетъ тогда надъ нами твое Провидѣніе».

Когда Богъ оказался глухимъ къ его жалобамъ, Кампанелла обратился къ солнцу, которое онъ, также какъ и Телезіи, считалъ одушевленнымъ существомъ, творцомъ всѣхъ низшихъ созданій, растений, животныхъ и т. д. Богомъ созданъ, по его мнѣнію, одинъ только человѣкъ.

Гимнъ весеннему солнцу.

«Такъ какъ молитва моя еще не услышана, я обращаюсь теперь къ тебѣ, о Фебъ.

«Я вижу тебя сіяющимъ въ знакѣ Овна и оживляющимъ вновь все существующее.

«Ты возвращаешь къ жизни всѣхъ погибающихъ, всѣхъ умирающихъ.

«Верни же къ жизни, изъ милости, и меня, любящаго тебя превыше всего.

«Какъ можешь ты оставлять въ душевной, сырой и темной тюрьмѣ того, кто всегда прославлялъ тебя?

«Дай мнѣ покинуть тюрьму въ то же самое время, когда зеленая трава пробивается изъ-подъ земли.

«Ты заставляешь подниматься въ деревьяхъ сокъ и превращаешь его въ цвѣты, изъ которыхъ современемъ вырастаютъ плоды...

«Ты будишь отъ долгаго сна кротовъ и хомяковъ, ты даруешь силу и движеніе самому ничтожному червячку...

«О солнце! Нашлись люди, отрицающіе въ тебѣ разумъ и жизнь и ставящіе тебя такимъ образомъ ниже насѣкомыхъ.

«О нихъ я писалъ, что они еретики, что они неблагодарны и мятежны по отношенію къ тебѣ, и они похоронили меня живьемъ, потому что я тебя защищалъ...

«Если я погибну, кто тогда будетъ защищать тебя? кто будетъ называть тебя живымъ храмомъ, изображеніемъ и высокочтимымъ ликомъ истиннаго Бога, высшимъ благодѣтельнымъ свѣтомъ міра, блаженнымъ повелителемъ звѣздъ, жизнью, душою и чувствованіемъ всѣхъ низшихъ существъ?

«О смилуйся надо мною, божественный и плодотворный источникъ свѣта, дабы свѣтъ твой наконецъ просіялъ надо мной».

Но терзанія пытки не сломили стоическаго духа Кампанеллы: «онъ вынесъ и побѣдилъ страданія» — сказалъ онъ самъ о себѣ. Отчаявшись въ возможности вынудить у него какое-нибудь признаніе, палачи подвергли мученика одиночеству безконечнаго тюремнаго заключенія. Онъ наполнялъ его своими мечтами. Въ одномъ изъ своихъ сонетовъ онъ говоритъ:

«Закованный въ цѣпяхъ и все-таки свободный, предоставленный одиночеству, но не одинокій, покорный и вздыхающій, я посрамляю своихъ враговъ. Въ глазахъ простаго народа я безумецъ, но для божественнаго Провидѣнія я мудрецъ.

«Угнетенный на землѣ, я поднимаюсь въ небеса съ истерзаннымъ тѣломъ и веселой душой, и, когда тяжесть бѣдствій повергаетъ меня въ бездну, крылья моего духа поднимаютъ меня высоко надъ міромъ.

«...На челѣ моемъ запечатлѣна любовь къ истинѣ; я увѣренъ, что современемъ достигну тѣхъ мѣстъ, гдѣ я буду понять, даже не произнося ни слова».

Заключеніе Кампанеллы было нѣсколько облегчено, когда неаполитанскимъ вице-королемъ былъ назначенъ герцогъ Оссинскій. Последнему также пришлось потерпѣть отъ преслѣдованій испанскаго двора; онъ подружился съ калабрскимъ заговорщикомъ, геніальности котораго удивлялся, часто посѣщалъ его и пользовался его совѣтами въ государственныхъ дѣлахъ, разрѣшилъ ему работать, переписываться съ друзьями и даже принимать ихъ у себя въ тюрьмѣ. Изъ глубины своей темницы Кампанелла наполнилъ всю Европу своей славой. Папы, Іаковъ I, король англійскій, и другія власть имущія лица обращались къ нему за совѣтомъ, въ виду его астрологическихъ познаній, Гассенди и другіе великіе умы обмѣнивались съ нимъ, въ письмахъ, мнѣніями по философскимъ и научнымъ вопросамъ; двое нѣмецкихъ ученыхъ, Тобіасъ Адами и Каспаръ Шоппе (Sciorpius), изъ которыхъ послѣдній присутствовалъ при казни Джордано Вруно, добыли рукописи Кампанеллы, которыя были напечатаны въ Германіи и затѣмъ распространены во Франціи, Англии и Италіи.

Герцогъ Оссинскій навлекъ на себя гнѣвъ іезуитовъ за то, что противился учрежденію въ неаполитанскомъ королевствѣ инквизиціи. Поддерживаемые могущественными врагами, которыхъ онъ оставилъ при мадридскомъ дворѣ, іезуиты интриговали, чтобы столкнуть его съ его мѣста, на которое онъ былъ назначенъ за блестящій успѣхъ въ борьбѣ съ венеціанцами и за предусмотрительность и честность въ управленіи. Не дожидаясь своего увольненія, онъ предпочелъ объявить независимость отъ Испаніи и провозгласить себя королемъ Неаполя и Калабріи. Онъ признается, что Кампанелла подстрекалъ и ободрялъ его, такъ какъ полагалъ, что въ лицѣ его будетъ имѣть орудіе, путемъ котораго ему удастся совершить политическую и соціальную революцію. Однимъ изъ соучастниковъ Оссини былъ Германо, который, спустя тридцать семь лѣтъ, руководилъ заговоромъ Мазаниелло; вѣроятно, онъ также имѣлъ сношенія съ Кампанеллой. Но планъ былъ открытъ, Оссина смѣненъ кардиналомъ Борджиа и заключенъ въ крѣпость Альмейры, гдѣ и умеръ въ 1621 году. Строгость заключенія для Кампанеллы снова была усилена.

Спустя два года послѣ наденія Оссини въ Римѣ умеръ заступникъ Кампанеллы, папа Павелъ V, который напрасно хлопоталъ передъ Филиппомъ III о его помилованіи. Смерть эта повергла Кампанеллу въ глубокое отчаяніе. «Только избавившись отъ жизни, — я избавлюсь и отъ тюрьмы», восклицаетъ онъ. Но въ папѣ Урбанѣ VIII онъ нашелъ себѣ новаго защитника, которому послѣ пятилѣтнихъ хлопотъ наконецъ удалось добиться его освобожденія, только подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ хочетъ подвергнуть его, какъ еретика, суду святой инквизиціи въ Римѣ. Поэтому онъ былъ освобожденъ лишь достигнувъ столицы папы; но ненависть іезуитовъ преслѣдовала его и здѣсь. Они направили на него гнѣвъ черни. «Это скандалъ, — говорили они, — что папа позволяетъ Кампанеллѣ разгуливать на свободѣ. Этотъ еретикъ и безбожникъ — врагъ и разрушитель церкви. Какой смыслъ негодовать на Лютера и Кальвина, когда Римъ питаетъ изъ своихъ устъ гораздо болѣе страшную змѣю». «Никогда и никому еще не приходилось видѣть столько неистовой злобы изъ-за бѣднаго слабого монаха», говоритъ одинъ современный писатель. Чтобы избѣгнуть гнѣва возбужденной іезуитами черни, Кампанелла, переодѣтый, въ парадной каретѣ французскаго посла покинулъ Римъ

(1634 г.). Онъ направился въ Марсель, гдѣ его радушно принялъ Пейрескъ, совѣтникъ парламента города Э, котораго Байль называлъ «генеральнымъ адвокатомъ литературы» за его просвѣщенное и либеральное покровительство наукѣ и ученымъ. Тамъ Кампанелла прожилъ мѣсяць, наслаждаясь радостью бытія, которой онъ не испытывалъ уже въ теченіе почти тридцати лѣтъ. Приглашенный Ришелье въ Парижъ, онъ снова долженъ былъ покинуть это спокойное мѣсто и плакалъ, разставаясь съ Пейрескомъ. «Жесточайшія мученія, — сказалъ онъ при этомъ, — не заставили меня выжать ни единой слезы, теперь же я плачу отъ признательности и умиленія».

Кампанелла былъ приглашенъ ко двору. Людовикъ XIII пошелъ на встрѣчу славному старцу, согбенному годами и перенесенными страданіями, и поцѣловалъ его въ обѣ щеки. Одно исполнившееся предсказаніе еще усилило то глубокое уваженіе, которое питали къ его познаніямъ въ области астрологій. Ниперонъ рассказываетъ, что Ришелье, обезпокоенный бездѣтностью Людовика XIII, спросилъ Кампанеллу, не вступитъ ли на тронъ герцогъ Орлеанскій. Кампанелла отвѣчалъ: «Imperium non gustabit in aeternum» (Онъ никогда не достигнетъ власти). И дѣйствительно, спустя нѣкоторое время королева разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, носившимъ въ послѣдствіи имя Людовика XIV, для котораго Кампанелла составилъ героскопъ.

Ришелье почувствовалъ расположеніе къ Кампанеллѣ за его ненависть къ испавцамъ; когда возникла война между Франціей и Испаніей, онъ былъ приглашенъ въ королевскій совѣтъ, гдѣ долженъ былъ высказать свой взглядъ на положеніе Итали. Онъ поступилъ снова въ доминиканскій монастырь въ Парижѣ, гдѣ и жилъ спокойно, занимаясь изслѣдованіемъ астрологическихъ, юридическихъ и философскихъ вопросовъ.

Онъ предсказалъ, что солнечное затменіе, долженствующее случиться 1 Іюня 1639 года, будетъ для него роковымъ. Онъ хотѣлъ наложить заклятіе на угрожающую ему опасность, для чего употребилъ всѣ тѣ астрологическіе приемы, которые описываетъ въ своемъ «Городѣ солнца», и которые практикуютъ жители этого государства для защиты отъ зараженныхъ испареній небесъ». Онъ заперся въ комнатѣ съ выбѣленными стѣнами, обрызганной благовонными эссенціями и освѣщенной семью ароматическими факелами, и старался разсѣять свою тревогу звуками музыкальныхъ инструментовъ и бесѣдой съ монахами, которые считали его сумасшедшимъ.

Кампанелла умеръ въ возрастѣ 71 года. 21 мая 1639 года, т.-е. за десять дней до предсказаннаго затменія.

II. Философія Кампанеллы.

«Я рожденъ, чтобъ бороться съ тремя великими пороками: тираніей, софистикой и лицемеріемъ», говоритъ Кампанелла въ одномъ советѣ. И дѣйствительно, вся его жизнь была долгой борьбой со схоластической философіей и съ Аристотелемъ, этимъ «тираномъ душъ». Въмѣстѣ съ Телезіемъ, Джіордано Бруно и Бекономъ, онъ принадлежалъ къ фалангѣ энергичныхъ гениальныхъ людей, стоящихъ въ первомъ ряду того запутаннаго и смутнаго, но проникнутаго мечтательнымъ пыломъ и вдохновеніемъ движенія, которое стремилось тогда къ воз-

рожденію человѣческаго духа и освобожденію его отъ философской и теологической догматики, а также отъ схоластическихъ словопреній, настолько же безсодержательныхъ и 'безкопечныхъ, насколько замысловатыхъ и неудоборазрѣшимыхъ. Подвергая мозгъ утомительной гимнастикѣ ума, схоластическія словопренія сообщали ему необычайную гибкость и дали ему возможность выработать изумительную способность къ анализу и критикѣ, такъ блестяще обнаружившуюся въ XVII вѣкѣ, но онѣ въ то же время ослабляли мозгъ, дѣлали его неспособнымъ къ воспріятію окружающей его реальной дѣйствительности. Привычка обсуждать и придирааться, вмѣсто того, чтобы примѣнять опытъ и наблюденіе, вошла въ плоть и кровь, и для того, чтобы освободиться отъ нея, понадобились цѣлыя столѣтія. Даже въ XVII столѣтіи, когда Гарвей сдѣлалъ замѣчательное открытіе законовъ кровообращенія и опубликовалъ его, нагляднымъ доказательствамъ этого явленія противопоставляли авторитетъ Аристотеля, Галлена, Авиценны и философскія разсужденія, а также совершенно не поддающіеся обсужденію богословскіе аргументы ¹⁾.

Для этихъ достойныхъ сожалѣнія споровъ Аристотель приспособлялся соотвѣтствующимъ образомъ, такъ какъ онъ философствовалъ еще въ то время, когда науки едва только зарождались, а большая часть изъ нихъ еще не была извѣстна. Онъ не обладалъ достаточно обильнымъ матеріаломъ, чтобы понимать вселенную и объяснять ее; однако, такъ какъ онъ признавалъ, что явленія природы необходимо должны управляться опредѣленными законами, то и старался отыскать эти послѣдніе a priori, путемъ дедукціи, исходя отъ нѣсколькихъ первопричинъ. Это обычный пріемъ всѣхъ мыслителей древности. Пифагорейцы, напр., мистическія числовыя теоріи которыхъ имѣли на Кампанеллу столь роковое вліяніе, разсматривали числа, какъ единственно неизмѣнныя и понятныя элементы и какъ внутреннюю сущность вещей; они видѣли въ нихъ не средство для уясненія міровыхъ законовъ, но необходимыя первоосновы этихъ законовъ; по ихъ ученію, тотъ, кто зналъ скрытыя свойства чиселъ, могъ a priori открыть законы физическаго и духовнаго міра.

Мыслители средних вѣковъ, для созданія своихъ духовныхъ твореній, имѣли въ своемъ распоряженіи также лишь безсистемныя знанія, и сверхъ того, официальное управленіе мыслью находилось подъ наблюденіемъ церкви, которая отвергала міръ, эту грѣховную юдоль скорби, и осуждала науку о природѣ, какъ со-

¹⁾ Философскія словопренія дошли до того, что перешагивали своимъ ребячествомъ даже словесныя упражненія риториковъ эпохи греко-римскаго упадка, выбиравшихъ темами для своихъ философскихъ собесѣдованій предметы, вроде мухи, бороды и т. д. Чѣмъ незначительнѣе былъ предметъ, тѣмъ больше таланта выказывалъ обсуждавшій его. Въ средневѣковыхъ школахъ совершенно серьезно обсуждался вопросъ: имѣлъ ли Адамъ пушокъ, будутъ ли у святыхъ, когда они воскреснутъ, внутренности, бываютъ ли въ раю испраженія и т. д. Рабле въ достаточной мѣрѣ высмѣялъ эти схоластическіе споры; онъ изображаетъ ссору двухъ пьяницъ, спорившихъ изъ-за того, что сначала обнаруживается: потребность или желаніе папцаться? Очень серьезно, между прочимъ, спорили о томъ, что существовало раньше, курица или яйцо. Самые возвышенные умы не брезгали такого рода духовной пищей. Альбертъ Великій и св. Тома Аквинскій обсуждали вопросъ, почему Христосъ не былъ гермафродитомъ и почему онъ для своего воплощенія не выбралъ женскаго пола. Эта тема имѣла религіозное значеніе, потому что въ библіи говорится, что Богъ создалъ человѣка, мужчину и женщину, по своему образу и подобию сдѣловательно, Богъ, по книгѣ Бытія, былъ гермафродитомъ, и Иисусъ, чтобы не терять семейныхъ чертъ, долженъ былъ быть таковымъ же.

зданіе сатаны; поэтому у нихъ было еще больше основаній прибѣгать къ тому же методу мышленія. Они не нуждались въ Аристотелѣ, чтобы примѣнять дедуктивный методъ и ограничить науку искусствомъ аргументаціи. Правда, онъ далъ имъ дедуктивную логику, но лишь схоласты объявили, что правильный, логическій выводъ есть единственный вѣрный масштабъ достовѣрности, истины. Впрочемъ, знакомство ихъ съ его произведеніями было неполно и несовершенно, лишь черезъ посредство арабскихъ переводовъ и комментарій; только послѣ взятія Константинополя султаномъ Магометомъ II, въ 1453 году, благодаря эмиграціи византійскихъ ученыхъ, началось изученіе греческаго текста; когда передъ этимъ въ латинскомъ текстѣ встрѣчали греческое слово, его, не задумываясь, оставляли безъ вниманія, говоря: «Это по-гречески, этого нельзя прочесть». Въ школахъ XV столѣтія не дѣлали болѣе никакого употребленія изъ обратныхъ переводовъ съ арабскаго, профессора пользовались нѣсколькими руководствами, такъ называемой аристотелевой философіи перипатетиковъ, которыя и давали въ руки своимъ ученикамъ и толковали имъ; въ XIII столѣтіи обученіе грамматикѣ, ариѳметикѣ и философіи называлось: *legere in philosophia*.

Книга, а не дѣйствительность, сдѣлалась истиннымъ объектомъ изученія. Философы-схоласты обучали лишь толкованіямъ Аристотеля. Толкованіе ученія перипатетиковъ сдѣлалось ихъ единственнымъ занятіемъ, и благодаря искусству толкованія, дѣло дошло до того, что самыя противорѣчивыя философскія системы объединялись подъ именемъ Аристотеля: всѣ профессора имѣли притязаніе считаться его вѣрнѣйшими учениками. У Аристотеля находили все, считали, что все исходитъ отъ него; онъ считался авторитетомъ наряду съ священнымъ писаніемъ. «Къ чему вѣчно призывать авторитеты?» писалъ Вруно ректору парижскаго университета. «Кто можетъ сдѣлать выборъ между Платономъ и Аристотелемъ? Высшимъ критеріемъ истины можетъ быть лишь очевидная достовѣрность. Когда мы не имѣемъ этой достовѣрности, когда наши чувства и умъ молчатъ, тогда мы должны воздержаться отъ рѣшенія и усомниться. Авторитетъ находится не внѣ насъ, но въ насъ самихъ; онъ есть свѣтъ, который сіяетъ въ нашихъ душахъ, чтобы освѣщать и прояснять наши мысли».

Святой Тома Аквинскій, старавшійся доказать полное сходство католическихъ догматовъ съ ученіемъ перипатетиковъ, превратилъ Аристотеля въ столпъ церкви. Онъ сдѣлался козломъ отпущенія для грѣшниковъ схоластики: Постель обвинялъ его философію въ томъ, что она есть причина всѣхъ заблужденій и источникъ атеизма¹⁾. Беконъ сожалѣлъ, что никто не уничтожилъ его сочиненій. Иосифъ Мартини предавалъ аваемѣ логику, грамматику и механику, которыя онъ предлагалъ признать искусствами второго порядка и освободить отъ ихъ пагубнаго вліянія философію. «Ни логика, ни тонкости діалектики не составляютъ части философіи», говоритъ онъ. Томасъ Моръ также испытывалъ весьма мало восхищенія передъ ухищреніями схоластики. Его утопійцы «не открыли ни единого правила ограниченія, или амплификаціи, или замѣщенія» и игнорировали въ равной степени какъ софистику, такъ и діалектику.

Но дѣлать брешь въ Аристотелѣ и схоластической философіи было крайне рискованнымъ предпріятіемъ; надо было построить новую систему взамѣвъ разрушаемой. Выходя изъ области критики и не ограничиваясь однимъ только на-

¹⁾ *Eversio falsorum Aristotelis dogmatum*, Парижъ 1542 г.

меками на то, что дѣйствительность можно только понимать изъ самой дѣйствительности, неизбежно впадали въ ту же самую ошибку, противъ которой боролись, именно должны были а priori импровизировать всеобщую философію. А это было весьма не безопасно, такъ какъ заставляло связываться съ церковью, которая вмѣсто научныхъ доказательствъ примѣняла пытки и казни. Маркъ говоритъ въ предисловіи къ «Капиталу»: «Англійская церковь скорѣе проститъ нападку на 38 изъ 39 своихъ догматовъ, чѣмъ посягательство на ¹/₃₉ своихъ доходовъ», такъ какъ при критикѣ этихъ догматовъ доходы англиканской церкви не страдаютъ. Иначе обстояло дѣло въ то время, тогда на католическую церковь нанесли на духовной почвѣ лишь для того, чтобы экспроприровать ее на свѣтской. Религіозная реформа была только средствомъ для достиженія реформы экономической.

Телезіусъ былъ одинъ изъ первыхъ, начавшихъ борьбу противъ Аристотеля. «Мы преклоняемся передъ Телезіемъ, — говоритъ Беконъ, — мы признаемъ его другомъ истины и первымъ изъ новыхъ людей (*novorum hominum primus*)» ¹). «Этотъ истребитель ученій перипатетиковъ», упрекавшій Аристотеля за то, что тотъ прибѣгаетъ только къ разуму, а не къ опыту, справедливо осуждавшій схоластическую философію за то, что она ищетъ науку въ книгахъ, а не въ природѣ, и рекомендовавшій изученіе реальныхъ сущностей — *entia realia* — и «созерцаніе вещей и дѣйствующихъ въ нихъ силъ», — былъ вынужденъ заимствовать элементы тепла и холода изъ физики Парменида. Вообще, избѣжать Аристотеля можно было, только принявъ ученіе какого-либо другого философа древности. Телезіусъ превратилъ вышеназванные элементы въ метафизическія, нематеріальныя сущности: съ одной стороны у него было тепло, небесный элементъ, источникъ движенія и жизни, съ другой стороны холодъ, земной элементъ, причина неподвижности и смерти. На вселенную онъ смотрѣлъ какъ на результаты борьбы этихъ двухъ элементовъ за господство надъ матеріей, — основой всѣхъ вещей, чисто пассивнымъ элементомъ. Изъ борьбы тепла и холода, солнца и земли, возникли низшія существа, какъ говоритъ Кампанелла въ своемъ гимнѣ весеннему солнцу. Однако, лишитъ Бога всякихъ функций при сотвореніи міра было слишкомъ опасно, и поэтому Телезіусъ предоставилъ ему созданіе челоуѣка ²). Несмотря на эту уступку, Телезіуса обвинили въ еретичествѣ, и онъ, чтобы дать забыть о себѣ, оставилъ Неаполь и поселился въ глубокомъ уединеніи въ Козенцѣ, какъ разъ въ то время, какъ Кампанелла изучалъ въ тамошнемъ доминиканскомъ монастырѣ философію. Но учителя Кампанеллы, хотя и признавали отчасти ученіе Телезіуса, тѣмъ не менѣе запретили Кампанеллѣ посѣщать послѣдняго, несомнѣнно въ виду тѣхъ опасностей, какія представляло всякое знакомство съ еретикомъ.

Для того, чтобы начать борьбу съ господствующей философіей и довести ее до конца, нужно было мужество Кампанеллы и Джордано Бруно. Пробывши шесть лѣтъ въ свинцовой тюрьмѣ въ Венеціи и два года въ тюрьмахъ св. инквизиціи въ Римѣ, Бруно гордо отвѣтилъ инквизиторамъ, предлагавшимъ ему ку-

¹) Кампанелла посвятилъ ему сонетъ, начинавшійся слѣдующими словами: „Телезіей, стрѣлы твоего колчана уничтожили рой софистовъ. Ты обратилъ въ дикое бѣгство тираана мысли (Аристотеля), ты освободилъ истину“.

²) *De natura rerum juxta propria principia*. 1565 г.

пить жизнь отреченіемъ: «Вы больше боитесь объявить мнѣ смертный приговоръ, чѣмъ я услышать его». Жизнь свою онъ давно принесъ въ жертву. Въ сонетѣ, въ которомъ изображена душевная борьба этого непреклоннаго рыцаря мысли, онъ говоритъ:

«Отдавъ свои крылья желанію славы, я вижу у себя подъ ногами все больше пространства, я все больше отдаюсь уносящему меня быстрому вихрю и все больше презираю міръ, поднимаясь къ небесамъ.

«...Я знаю, что разобьюсь о землю, какъ сынъ Дедала, но какая жизнь стоила бы моей смерти?

«Я слышу надъ собою голосъ моего сердца, вызывающаго ко мнѣ: Куда ты влечешь меня, безумецъ? сложи свои крылья, ибо чрезмѣрная снѣбность рѣдко остается безнаказанной.

«Я отвѣчаю на это: почему бояться такого конца: Вознесемъ смѣло выше облаковъ и умремъ удовлетворенными, если небо предназначило намъ славную смерть».

Телезіусъ былъ первымъ учителемъ, вдохнувшимъ въ душу Кампанеллы мятежныя стремленія; онъ отвергъ книжныя ученія школы и искалъ философію въ природѣ. Въ одномъ сонетѣ онъ говоритъ:

«Всѣ книги, существующія въ мірѣ, не могутъ удовлетворить моей жажды знанія. Сколько ихъ я уже поглотилъ и все же умираю отъ недостатка питанія.

«Изученіе вселенной даетъ мнѣ лучшую пищу, и все же мой голодъ не уменьшается. Алчущій и жаждущій, я изслѣдую вселенную во всѣхъ направленіяхъ и чѣмъ больше я узнаю, тѣмъ меньше знаю».

Бурный темпераментъ Кампанеллы заставлялъ его преувеличивать. Недовѣріе къ философскимъ ученіямъ схоластическихъ руководствъ лишило его даже вѣры въ тѣ историческія свѣдѣнія, какія давались въ книгахъ. Въ своей поэтикѣ онъ признается, что сомнѣвался въ существованіи Карла Великаго, потому что зналъ о немъ только изъ историческихъ сочиненій. «Прежде чѣмъ повѣрить тому, что я прочелъ въ сочиненіяхъ Платона, Плинія, Галена, стоической школы и Телезія, — говоритъ Кампанелла въ своемъ разсужденіи «De libris rrgoriis», — я рѣшилъ сравнить эти сочиненія съ великой книгой природы и путемъ разсмотрѣнія оригинала убѣдиться въ вѣрности копій». Въ одномъ сонетѣ онъ говоритъ:

«Вселенная — это книга, въ которой Вѣчный Разумъ изложилъ свои собственные мысли. Она живой храмъ, который Онъ украсилъ живыми картинами, изображающими его твореніе и его подобіе».

...«Мы же, чьи души прикованы къ книгамъ и мертвымъ храмамъ, къ плохимъ копіямъ живой книги, мы предпочитаемъ первыя послѣдней».

Изученіе природы сдѣлалось цѣлью всѣхъ. «Философія написана въ великой книгѣ природы», возвѣстилъ Галилей. Романтическая литература, которой въ XVIII вѣкѣ положилъ основаніе Руссо, также провозгласила возвращеніе къ природѣ. Это литературное движеніе явилось протестомъ противъ искусственной жизни аристократическаго общества, подобно тому, какъ разсматриваемое нами философское движеніе представляло собою протестъ противъ догматическаго господства церкви.

Надо было составить себѣ другое представленіе о вселенной и о ея сотвореніи, чѣмъ то, какому учила христіанская религія.

Земля, эта юдоль плача католицизма, гдѣ сатана разставляетъ тысячи сѣтей для искушенія слабой плоти святыхъ, казалась Бруно сіяющей красотою, жизнь казалась ему прелестной, природа, даже въ самыхъ своихъ незначительныхъ твореніяхъ, достойной преклоненія и изумительной по своей силѣ. Телезіусъ безбоязненно провозгласилъ: «Вселенная истинное изображение Бога, — *Mundum esse Dei veram statuam*». Природа—это воплощенный въ вещахъ Богъ, — *Natura est deus in rebus*», сказалъ Бруно. Подобно первобытнымъ людямъ, Кампанелла одухотворялъ всю природу. «Вселенная — говоритъ онъ въ одномъ сонетѣ, — большое и совершенное животное, изображение Господа, созданное по подобію Его... Мы же несовершенныя существа, достойная сожалѣнія порода, живущая посреди міра. Мы для земли, которая сама представляетъ собою большое живое существо, обитающее въ еще большемъ, являемся тѣмъ же, чѣмъ для нашего тѣла являются черви, гложущіе его».

Воспринимая и развивая идеи Телезія, Кампанелла всѣ тѣла и всѣ существа, даже тѣ, которыя кажутся мертвыми и безчувственными, надѣляетъ соотвѣтствующей ихъ потребности самосохраненія способностью чувствовать. По мнѣнію Кампанеллы, небесныя свѣтила, элементы, растенія живутъ и одарены чувствами, такъ же точно какъ и трупы, ибо смерть только относительна. Животныя одарены разумомъ и способны размышлять. Кампанелла утверждаетъ, что у нихъ есть свой языкъ. Богъ живетъ во всѣхъ существахъ и во всѣхъ вещахъ вселенной, являющейся живымъ изображеніемъ его, *mundum esse Dei vivam statuam*¹⁾. «Богъ связанъ со вселенной, какъ художникъ, стоящій посреди нея и создающій ее, какъ связующая ее субстанція» — говоритъ Бруно. Постель думалъ, что вселенная оживляется одной всеобщей душой, *mens universi*.

Вещество, матерія вѣчны. Количество ея во вселенной, увѣряетъ Телезіусъ, не можетъ ни уменьшаться, ни увеличиваться. Постель полагалъ, что она должна быть способна къ превращенію, потому что она, по самой природѣ своей, не можетъ быть уничтожена, а между тѣмъ должна достигнуть абсолютнаго покоя. Бруно, —ясновидящій глава этихъ мыслителей, призывалъ только одинъ основной элементъ—матерію, только одну причину — движущую силу. Каждая вещь состоитъ изъ матеріи и силы. Въ этихъ ученіяхъ вновь ожилъ матеріализмъ Гераклита, Зенона и исторической школы.

Философскія теории и мистическія идеи, бродившія въ головахъ мыслителей, были распространены сочиненіями греческихъ философовъ, которыхъ печатали и переводили, читали и усердно изучали, а также и Каббалою, приводившею въ восторгъ всѣхъ ученыхъ XVI столѣтія.

* * *

Когда Кампанелла изучалъ въ доминиканскомъ монастырѣ въ Козенцѣ философію, онъ познакомился со старымъ раввиномъ, открывшимъ ему тайны науки, астрологію, магію и алхімію, а также и основныя начала Каббалы. Это таинственное ученіе, передававшееся только устно и подъ строжайшей тайной нѣкоторымъ ученикамъ, имѣло громадное вліяніе на образъ мыслей среднихъ вѣковъ.

¹⁾ De sensu rerum et magia libri IV. Pars mirabilis occultae philosophiae, ubi demonstratur, mundum esse Dei vivam statuam, Парижъ 1637 г. Сочиненіе это посвящено кардиналу Ришелье.

Пико-де-ла-Мирандола, Корнелій Агриппа, Парацельзь, Робертъ Флудъ, Ванъ-Гельмонтъ и многіе другіе были знакомы съ этимъ ученіемъ, и весьма вѣроятно, что св. Фома почерпнулъ изъ него часть своихъ философскихъ идей. Во всякомъ случаѣ онъ явился защитникомъ евреевъ, заслуги которыхъ въ философіи, наукѣ и торговлѣ онъ восхвалялъ изъ признательности къ нимъ.

Каббала была божественнаго происхожденія, ибо первая ея часть Сеферъ-Иецира, т.-е. книга созданія, была открыта Адаму ангеломъ, имя котораго извѣстно. Въ ней заключалась вся мудрость. Рейхлинъ и каббалисты увѣряли, что эта книга вдохновляла всѣхъ мудрецовъ древности, особенно пифагорейцевъ, позаимствовавшихъ изъ нея мысль о переселеніи душъ и свою теорію чисель. Гораздо вѣроятнѣе, что Каббала представляетъ собой резюме философскихъ теорій, собранныхъ евреями, разсѣянными почти по всему старому свѣту, преобразованныхъ въ еврейскомъ духѣ и пропитанныхъ религиознымъ мистицизмомъ Египта и Азіи. Каббала представляетъ собою необычайную и крайне спутанную смѣсь высшихъ философскихъ идей съ ребячливыми и фантастическими измышленіями оккультизма; она учитъ находить скрытый подъ буквальнымъ смысломъ мистической смыслъ Библии, путемъ комбинаціи буквъ, имѣющихъ числовое значеніе. Она открываетъ искусство заставлять высшія силы вліять на міръ и искусство, вызывая сверхъестественныя явленія: Исусъ Христосъ, по мнѣнію каббалистовъ, совершалъ свои чудеса при помощи тайнъ Каббалы.

Современные философы, у которыхъ хватило мужества изучить эту невѣроятную путаницу, находятъ въ ней философскій пантеизмъ изъ порядка идеалистическихъ умозрѣній. Законы, управляющіе явленіями матеріальнаго міра, *ordo et connexio rerum*, ставятся на ряду съ логическими правилами, на основаніи которыхъ связываются между собою проявленія духа, *ordo et connexio idearum*, и даже подчиняются имъ. Возникновеніе вселенной объясняется непрерывнымъ развитіемъ бытія — Гегель сказалъ бы: идеи; внѣ бытія и различныхъ его проявленій или, по выраженію Каббалы, эманаций, нѣтъ ничего.

Истинное бытіе называется эн-софъ. Пока оно остается безграничнымъ и неопредѣленнымъ до сотворенія имъ вселенной или, что тоже, до принятія имъ какой-либо формы, до того момента, когда оно положило предѣлъ и поставило цѣль своей безконечности, оно есть ничто, *nihil*, по-еврейски *ain*. «Бытіе само по себѣ не представляетъ ничего опредѣленнаго. Оно даже внѣ всего того, что можетъ быть какъ-нибудь названо на человѣческомъ языкѣ», — говорится во второй части Каббалы, въ Зогарѣ. Безграничное бытіе само себя не понимаетъ; оно какъ будто вовсе не существуетъ, какъ будто не бытіе. Оно не обладаетъ ни мудростью, ни могуществомъ, ни какимъ-либо другимъ качествомъ, ибо всякое качество предполагаетъ различіе и, слѣдовательно, какую-нибудь границу.

Чтобы овладѣть собой и выйти изъ своего неопредѣленнаго положенія, бытіе прежде всего обнаруживаетъ самое себя въ мысли и въ словѣ: въ мысли въ видѣ десяти сефиротъ, въ видѣ десяти первыхъ цифръ, символовъ абстрактнаго. Въ словѣ, т.-е. въ 22 буквахъ еврейскаго алфавита, въ элементахъ языка. Эти буквы, вмѣстѣ съ 10 сефиротами, представляютъ собой 32 пути премудрости.

Первой эманацией сефиротъ, которая называется вѣнцомъ или діадемой, является ограниченное, опредѣленное бытіе, въ противоположность бытію не-

ограниченному, неопредѣленному. Имя ея въ библии означаетъ: я есмь. Это первое откровеніе безграничнаго есть крайняя концентрація; символомъ ея является математическая точка и самая маленькая буква еврейскаго алфавита—iota, напоминающая своей формой математическую точку и представляющая знакъ числа 10. Эти символы означаютъ, что опредѣленное бытіе есть первое единство, начало и конецъ всѣхъ вещей, ибо математическая точка есть начало линіи, линія—начало плоскостей и всѣхъ тѣлъ, а число 10 представляетъ собой конецъ ряда цифръ. Концентрація опредѣленнаго бытія доходитъ до такой крайности, что въ ней нельзя отличить никакихъ свойствъ, поэтому она также называется небытіемъ: изъ этого-то небытія, а отнюдь не изъ ничего, созданъ міръ.

Изъ этого маленькаго и недѣлимаго, какъ атомъ, единства, рождаются одновременно двѣ сефироты: мудрость — мужской, и познаніе — женскій принципъ. Они въ свою очередь рожаютъ науку. Такимъ-то образомъ возникаетъ первое нераздѣльное тріединство. Отъ познанія исходятъ милость или могущество, и справедливость или величіе. Они соединяются для созданія красоты и составляютъ второе тріединство. Красота порождаетъ славу и торжество, которыя создаютъ десятую сефироту, въ которой сконцентрированы всѣ силы другихъ сефиротъ, подобно тому, какъ число 10 заключаетъ въ себѣ девять первыхъ цифръ. Символомъ первой сефироты является фаллусъ.

Породивъ само себя, бытіе приступаетъ такимъ же образомъ къ созданію другихъ существъ. Оно обнаруживается въ безконечномъ рядѣ эманаций, вытекающихъ одна изъ другой или, иными словами, въ цѣломъ рядѣ формъ существованій и силъ, создающихъ одна другую и дѣляющихся все слабѣе въ той же мѣрѣ, въ какой онѣ удаляются отъ своей исходной точки.

Матеріальное мірозданіе повторяетъ идеальное мірозданіе сефиротъ. На одномъ концѣ находится безконечная въ пространствѣ вселенная, макрокосмъ, а на другомъ представляющее собой высшую степень концентраціи твореніе, человекъ — микрокосмъ, въ которомъ сосредоточивается все мірозданіе: своей душой онъ участвуетъ во всѣхъ свойствахъ бытія, въ своемъ тѣлѣ онъ повторяетъ все, что существуетъ въ макрокосмѣ. Парацельсъ, борвшійся въ области медицины противъ ученій Авиценны и Галена, и черпавшій вдохновеніе изъ Каббалы, говоритъ: «нѣтъ ни одной части человѣческаго тѣла, которая не соответствовала бы какому-либо элементу, растенію, познанию, какой-либо мѣрѣ или чертѣ, первообразу—прототипу».

Стремленіе бытія къ распространенію себя, которое повело къ созданію вселенной и человекъ, должно смѣниться стремленіемъ бытія къ концентраціи въ самомъ себѣ, являющейся конечной цѣлью всего.

Благодаря идентификаціи бытія съ твореніемъ, Каббала смотритъ на послѣднее иначе, чѣмъ гностицизмъ александрійской философіи, иначе чѣмъ мистицизмъ индусовъ и христіанство, которые считаютъ сотвореніе существъ паденіемъ, смотрятъ на міръ, какъ на проклятіе, и считаютъ жизнь наказаніемъ, безцѣльно и безпричинно навязаннымъ злыми демонами людямъ. Для Каббалы же мірозданіе является, наоборотъ, проявленіемъ благодати и величія бытія, актомъ любви, благомъ. Нѣтъ ничего абсолютно дурнаго, ничего подвергнутаго вѣчному проклятію; не исключается въ этомъ отношеніи даже и сатана Адъ

долженъ исчезнуть и превратиться въ жилище блаженства, и тогда жизнь сдѣлается вѣчнымъ праздникомъ, безконечной субботой.

* * *

Метафизика Кампанеллы носить отпечатокъ Каббалы.

Безконечное бытіе обнаруживаетъ себя прежде всего познаніемъ самого себя, создавъ первую сефиру—я есмь. Кампанелла начинаетъ установленіемъ: я знаю достовѣрно, что я есмь; Декартъ сказалъ бы: я мыслю, слѣдовательно существую ¹⁾). Такъ какъ человѣческая душа участвуетъ въ свойствахъ бытія, то человѣку надо только обратиться къ своему сознанию, чтобы найти эти свойства. Утвердивъ свое бытіе, онъ устанавливаетъ что онъ можетъ, что знаетъ и что хочетъ. Эти три способности являются тремя основными свойствами бытія, а именно способностью или могуществомъ — *potentia*, знаніемъ—*sapientia*, симпатіей—*amor*. Противоположныя свойства, слабость или неспособность—*impotentia*, незнаніе—*insipientia*, антипатія—*odium metaphisicum*, относятся не къ ничто, которое само по себѣ не можетъ существовать, но къ небытію, которое является предѣломъ всѣхъ вещей и со всѣми связано. Это небытіе—то же неограниченное бытіе Каббалы. Всѣ творенія, люди и животныя, растенія и неодушевленные предметы въ различной степени одарены тремя основными свойствами, которыми въ полной мѣрѣ обладаетъ только бытіе. Последнее сообщаетъ ихъ всему существующему и вообще все существуетъ только потому, что заключаетъ въ себѣ небольшую часть трехъ основныхъ свойствъ, небольшую часть бытія. Поэтому бытіе — повсюду, во всемъ, оно все, подобно тому какъ небытіе является предѣломъ всего.

Сотворивъ вселенную путемъ непрестанныхъ эманаций, бытіе должно концентрироваться въ самомъ себѣ и поглотить все. Поэтому Кампанелла, установивъ принципъ и законъ развитія міра, открываетъ симптомы его болѣзни, его старости и его смерти. Но эта смерть будетъ условіемъ новой жизни. Все должно родиться, затѣмъ умереть, чтобы снова родиться. Постель дошелъ до того, что называлъ продолжительность жизни міра 6000 лѣтъ. Міросозерцаніе этого чудака-мечтателя, еще большаго мистика, чѣмъ Кампанелла, изумлявшего ученостью даже свою, изобилующую учеными эпоху, міросозерцаніе его, по которому міръ постоянно прогрессивно развивается, за каковымъ прогрессивнымъ

¹⁾ Вико остроумно смѣется надъ „догматизмомъ великаго мыслителя“, который требуетъ, чтобы каждый, „посвященный въ тайны его философіи, очистился не только отъ усвоенныхъ имъ въ молодости вѣрованій или, какъ любить выражаться, предразсудковъ, но также и отъ всѣхъ истинъ, которыя были ему преподаны другими науками“. Лишь послѣ такого очищенія онъ можетъ вмѣстѣ съ бытіемъ Каббалы начать съ знаменитаго: я есмь.

„Декартъ,—продолжаетъ Вико,—велитъ намъ считать первой истиной изреченіе: я мыслю, слѣдовательно существую. Однако, Платова Созій, Меркурій, принявшій его обликъ, доводитъ до того, что онъ сомнѣвается въ собственномъ существованіи, и его размышленія также заставляютъ его согласиться со слѣдующей первой истиной: поистинѣ, когда я смотрю на него,—думаетъ Созій,—и узнаю въ немъ мой обликъ, мнѣ кажется, будто я самого себя вижу въ зеркалѣ. Онъ вполнѣ похожъ на меня: та же шляпа, то же платье, все какъ у меня, даже ростъ, ноги, волосы, носъ, зубы, губы, щеки, подбородокъ, борода, шея, однимъ словомъ все, и если у него синяя покрыта рубидами, то это наибольшее изъ имѣющихся между нами сходствъ, и все же, когда я мыслю, то я несомнѣнно такой же, каковымъ былъ всегда“.

развитіємъ должно послѣдовать регрессивное, привело его къ открытію одного изъ законовъ исторіи, внослѣдствіи вновь открытаго Гегелемъ: всѣ революціи, всѣ историческія событія,—говоритъ Постель,—какъ бы онѣ ни казались неразумны, безцѣльны, противорѣчивы и безсмысленны, все-таки не бесполезны, ибо стремятся къ опредѣленной цѣли, къ единству человѣческаго рода, которое, по мнѣнію Постеля, будетъ достигнуто единствомъ религіи. Было однако по его собственному признанію одно обстоятельство, которое не укладывалось въ рамки этого развитія: а именно распространеніе Корана.

Подобно тому, какъ бытіе развивается въ мірѣ, человѣческій духъ развивается въ познаніи міра. Кампанелла рѣшилъ дать направленіе развитію духа, путемъ извѣстной классификаціи наукъ. Онъ расположилъ ихъ сообразно ихъ цѣлямъ (objet), между тѣмъ какъ Беконъ располагалъ ихъ съ гораздо болѣе общепринятой и произвольной точки зрѣнія, сообразно духовнымъ способностямъ, какія содѣйствуютъ ихъ возникновенію. Кампанелла дѣлитъ науки на науки божественныя — теологію, и на человѣческія микрологію. Выше тѣхъ и другихъ онъ ставитъ метафизику, охватывающую общіе двумъ первымъ классамъ наукъ принципы. Микрологія дѣлится далѣе на двѣ большія отрасли: науку о природѣ, заключающую въ себѣ пять спеціальныхъ наукъ, а именно, медицину, геометрію, космографію, астрономію и астрологію, и науку о морали, которая охватываетъ также пять спеціальныхъ наукъ: этику, политику, экономику, риторіку и поэтику. Въ числѣ прикладныхъ наукъ онъ называетъ магію, которую онъ раздѣляетъ на естественную, небесную и дьявольскую магію.

Кампанелла, подобно большинству своихъ современниковъ, твердо вѣрилъ въ астрологію: исключительно одна только его ренугація хорошаго астролога спасла его отъ кostrа, дала ему преданныхъ друзей среди палъ, королей и ихъ министровъ и послужила ему защитой отъ ненависти іезуитовъ и гнѣва испанскаго правительства. Всѣ сочиненія Кампанеллы испещрены астрологическими отвлеченіями, и кромѣ того онъ написалъ сочиненіе въ шести томахъ, въ которомъ, по своему убѣжденію, разбилъ суевѣрія арабовъ и евреевъ, и опираясь на св. Өому Аквинскаго и св. Писаніе, философски доказалъ истинность астрологій.

«Небесныя свѣтила,—говоритъ онъ,—вліяютъ на природу. Вѣдь и растенія также не могли бы цвѣсти, если бы солнце не согрѣвало ихъ. Тепло исходитъ отъ вселенной, т. е. отъ небесъ, поэтому мы, при всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, находимся подъ вліяніемъ неба». Связавъ констатированіе этихъ неопровержимыхъ фактовъ съ теоріями Каббалы, согласно которымъ микрокосмъ — человѣкъ, представляетъ собой копію и повтореніе макрокосма — вселенной, Кампанелла устанавливаетъ соотношеніе между человѣческими судьбами и движеніемъ небесныхъ свѣтилъ. Послѣднія являются причиной бѣдствій и посланниками божьими. «Конецъ міра, — говоритъ онъ, — будетъ возвѣщенъ знаменіями на солнцѣ и звѣздахъ». Постель утверждалъ, что «на звѣздномъ небѣ можно найти, благодаря расположенію свѣтилъ въ извѣстномъ порядкѣ, описаніе еврейскими буквами всего, что существуетъ въ природѣ», — 22 буквы еврейскаго алфавита, какъ уже было сказано выше, вмѣстѣ съ десятью первыми числами, составляютъ тридцать два пути премудрости Каббалы.

III. Политика Кампанеллы.

Кампанелла, подобно Постелю и другимъ мыслителямъ XVI вѣка, вѣрилъ въ единство человѣческаго рода и думалъ, что оно осуществится, если всѣ народы земли будутъ объединены подъ единой властью. Такимъ образомъ онъ безсознательно, философскимъ языкомъ, выражалъ настоятельную экономическую потребность капиталистической буржуазіи своей эпохи. Эта буржуазія въ самомъ дѣлѣ могла развиваться экономически и политически только при условіи уничтоженія автономіи городовъ и областей и созданія на ихъ развалинахъ тѣхъ національныхъ единствъ, образованіе которыхъ закончилось лишь въ наши дни. Этой буржуазіи было необходимо уничтожить мѣстные и провинціальныя ограниченія, препятствовавшія свободному обращенію товаровъ и даже совсѣмъ задерживавшія его; ей необходимо было упраздненіе мѣстныхъ и корпоративныхъ привилегій, мѣшавшихъ введенію мануфактурной промышленности: нужно было внушить уваженіе къ цѣнности золота и серебра королямъ и феодаламъ, чеканившимъ монету и фальсифицировавшимъ ее, и установить единство мѣръ и вѣсовъ, крайнее разнообразіе которыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ сильно мѣшало обмѣну.

Евреи, соединявшіе народы Азіи, Африки и Европы узлами очень широко распространенной торговли, были первыми, отразившими въ своей философіи эту экономическую потребность. Интернаціональная торговля навязала имъ идеологическую инициативу. Пантеизмъ и переселеніе душъ Каббалы не что иное, какъ метафизическое выраженіе цѣнности товаровъ и ихъ обмѣна. Цѣнность, подобно бытію, живущему во всякой созданной вещи, заключается во всякой вещи, которую можно купить или продать. Каждый товаръ обладаетъ опредѣленной величины цѣнностью, подобно тому, какъ каждый одушевленный или неодушевленный предметъ въ различной степени одаренъ свойствами бытія. Цѣнность товара переходитъ въ другой товаръ, ибо въ каждомъ товарѣ живетъ цѣнность сырого матеріала и части употреблявшихся при его изготовленіи орудій труда. Всѣ товары, какъ бы они ни были различны по своимъ свойствамъ, выражаютъ извѣстныя количества своей цѣнности въ деньгахъ, которыя становятся товаромъ *par excellence* и воплощаютъ въ себѣ единство товаровъ. Марксъ доказалъ, что капиталистическій обмѣнъ начинается деньгами, чтобы снова кончиться ими же, но уже съ извѣстной прибавкой: теософія Каббалы исходитъ отъ единства, отъ первой сефироты, чтобы привести къ сложному единству въ десятой сефиротѣ, ибо въ послѣдней заключаются свойства девяти предыдущихъ сефиротъ.

Въ средніе вѣка существовало два политическихъ единства: феодальная іерархія, объединявшая при помощи взаимныхъ правъ и обязанностей всѣхъ членовъ общества каждой страны, отъ крѣпостного до короля, и католическая іерархія, заключающая въ своихъ рамкахъ лишь ограниченное число лицъ, но зато носившая гораздо болѣе общій характеръ и распространенная среди всѣхъ христіанскихъ народовъ. Между этими двумя единствами завязалась борьба изъ-за господства; папы и ихъ ученые приверженцы напали на главу феодальной организаціи, королевскую власть, которая, по словамъ Григорія VII, «порождена діаволомъ и измышлена человѣческой гордыней». Надъ всѣми скоро-

преходящими и суетными земными властями св. Тома Аквинскій ставитъ духовную власть папы, котораго онъ отъ имени философіи и евангелія объявляетъ повелителемъ народовъ и королей и судьей въ ихъ распряхъ.

Кампанелла, монахъ-доминиканецъ, не сдѣлалъ попытки удовлетворить потребность въ единствѣ, волновавшую европейское общество, организаціей новаго политическаго строя. вмѣсто того, онъ направилъ свой взоръ назадъ и мечталъ о возстановленіи расползавшагося по всѣмъ швамъ папскаго авторитета. Подобно св. Томѣ, онъ въ своей «*Monarchia Messiae*» отъ лица человѣческой и божественной философіи доказываетъ права первосвященника на господство надъ всей землей. Постель думалъ, что единство религіи поведетъ за собой единство человѣческаго рода. Религіи надо было бороться съ тремя врагами: съ еврействомъ, магометанствомъ и язычествомъ. Онъ думалъ обратить ихъ въ христіанскую вѣру проповѣдью и силою аргументовъ; Кампанелла, членъ духовнаго ордена, воспитавшаго выдающихся инквизиторовъ, не боялся употребить насиліе, чтобы заставить покориться протестантовъ и магометанъ, мѣшавшихъ установленію теократическаго единства, которое должно было повести къ единству человѣческаго рода. Онъ одобрялъ властителей къ насильственному искорененію еретичества и совѣтовалъ папамъ собирать войско противъ протестантовъ.

Это объединеніе человѣческаго рода, осуществленія котораго онъ требовалъ отъ папской власти, по его мнѣнію, начало уже осуществляться при посредствѣ его величайшаго врага, испанской монархіи. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ испанскаго короля, когда писалъ свое знаменитое разсужденіе «*De monarchia hispanica*», которое тотчасъ же послѣ своего появленія было переведено на нѣмецкій и англійскій языки. «День, когда это единство человѣческаго рода осуществится, уже не далеко,—говорилъ онъ.—Онъ возвѣщенъ и предсказанъ на каждой страницѣ исторіи XVI столѣтія; гигантскій ростъ испанской монархіи дѣло рукъ Божіихъ. Богъ избралъ набожнѣйшій изъ европейскихъ народовъ и отпечатавъ его божественной печатью, чтобы воспользоваться имъ для цѣлей своего Провидѣнія. Онъ далъ ему ключи новаго міра для того, чтобы всюду, гдѣ свѣтитъ солнце, религія Иисуса Христа признавалась и почиталась. Католическій король объединитъ вселенную подъ своимъ скипетромъ; титулъ его уже не пустой звукъ. Съ распятіемъ въ одной рукѣ, съ мечомъ въ другой, онъ долженъ бороться противъ протестантизма и исламизма, пока не добьется ихъ исчезновенія съ лица земли, ибо миссія его заключается въ томъ, чтобы достигнуть торжества церкви уничтоженіемъ и покореніемъ его враговъ. Подобно новому Киру, онъ долженъ положить конецъ этому новому вавилонскому плѣненію». Однако событія подготовляли не торжество церкви, а торжество капиталистической буржуазіи.

Но религіознаго и политическаго единства, для осуществленія котораго Кампанелла смѣло призывалъ даже къ насилію, онъ желалъ только для того, чтобы положить конецъ раздорамъ и водворить на землѣ миръ и счастье. Въ теченіе всей его долгой страдальческой жизни дѣятельность его была направлена къ достиженію лишь одной цѣли, къ установленію коммунизма. Въ молодости, тридцати двухъ лѣтъ, онъ проповѣдывалъ и организовалъ возстаніе для осуществленія коммунизма. Заключенный въ тюрьму, подвергнутый пыткамъ, но не побѣжденный, онъ изъ заключенія устраиваетъ заговоръ съ герцогомъ Оссуной и утѣшается въ бѣдствіяхъ, создавая свою утопію.

Подобно Фурье, мечтавшему созвать въ Аахенѣ конгрессъ королей и капиталистовъ, чтобы заставить принять его фаланстерій, Кампанелла страстно увлекавшійся своей идеей, думалъ, что описаніе его философской республики увлечетъ всѣ народы міра. Онъ пророчитъ въ одномъ изъ своихъ сонетовъ скорое ея учрежденіе:

«Если нѣкогда царилъ счастливый золотой вѣкъ, почему бы ему не вернуться снова? Вѣдь каждая вещь, когда-либо существовавшая, окончивъ свой путь, возвращается къ своему началу.

«...Если бы люди сообща дѣлали все полезное, все, что нужно для счастья и нравственности, какъ я желаю и учу, то земля была бы раемъ».

Въ другомъ сонетѣ онъ предсказываетъ:

«Тогда вы можете молиться и усердно просить, чтобы настало время, когда воля Господня исполнится на землѣ...»

«...Ибо поэты увидятъ вѣкъ, который превзойдетъ всѣ остальные такъ, какъ золото превосходитъ всѣ другіе металлы.

«Тогда философы увидятъ ту совершенную, описанную ими республику, которая никогда еще не существовала на землѣ».

Никакія разочарованія не могли поколебать глубокой и пылкой вѣры Кампанеллы. «Къ позору безбожниковъ, — говоритъ онъ въ своемъ теологическомъ разсужденіи «*Atheismus triumphatus*» — я жду на землѣ осуществленія рая, счастливаго золотого вѣка, въ которомъ не будетъ мѣста сомнѣвающимся и невѣрующимъ».

IV. Городъ солнца.

«Городъ солнца» — написанная по-латыни утопія Кампанеллы, представляетъ собой часть его «*Philosophia realis*», которая появилась въ 1620—23 годахъ во Франкфуртѣ и вторично была издана въ Парижѣ, въ 1637 году, за два года до его смерти. Утопія заключается въ концѣ третьей части, въ политикѣ. Не пускаясь въ бібліографическія подробности, интересно однако отмѣтить, что какъ разъ въ эпоху расцвѣта утопическаго социализма, какъ называлъ его Энгельсъ, въ Парижѣ появилось два французскихъ перевода «*Civitas solis*», одинъ въ 1840 году, сдѣланный Вильгарделемъ, другой въ 1844, сдѣланный Жюлемъ Россе и снабженный біографическимъ предисловіемъ г-жи Луизы Коле. Въ 1885 году Генри Морлей издалъ книгу, озаглавленную «Идеальныя общества» (*Ideal commonwealths*), въ которой заключается «жизнь Ликурга» Плутарха, «Утопія» Томаса Мора, «Новая Атлантида» Бэкона, и «Городъ солнца» Кампанеллы. Последнее впервые было переведено на англійскій языкъ Т. В. Галидеемъ¹⁾.

Утопія Кампанеллы одна изъ самыхъ полныхъ, смѣлыхъ и красивыхъ утопій.

¹⁾ Изъ этого англійскаго изданія, какъ сообщаетъ въ предисловіи г. Морлей, исключены „двѣ или три подробности, которыя съ удобствомъ могутъ быть выпущены. Слѣдуетъ замѣтить, что онѣ относятся къ неприличной темѣ половыхъ отношеній и г. Морлей очень постарался поставить всѣ изданія имъ сочиненія именно въ этомъ отношеніи на высоту respectableнѣйшей respectableности своихъ соотечественниковъ“.

какія когда-либо были написаны. Въ организациі своей «философской республики» Кампанелла предусмотрѣлъ всѣ социальныя отношенія мужчинъ между собою, а также къ женщинамъ и дѣтямъ, не забывая даже мельчайшихъ подробностей частной жизни. Онъ съ полной откровенностью обсуждаетъ и рѣшаетъ социальныя проблемы своего времени, которыя и теперь еще волнуютъ человѣчество.

«Утопія» Томаса Мора — твореніе государственнаго дѣятеля; онъ знаетъ общество, которое критикуетъ и подчасъ горько высмѣиваетъ. Его возмущаетъ жестокость правосудія, ему глубоко жаль несчастныхъ, выгнанныхъ изъ своихъ жилищъ крестьянъ, вытѣсненныхъ стадами овецъ, попавшихъ нищими въ города и за малѣйшее воровство безъ милосердія подвергаемыхъ смертной казни черезъ повѣшеніе. Благодаря своимъ наблюденіямъ онъ пришелъ къ сознанію, что частная собственность и деньги являются причиной всѣхъ страданій, распрей и пороковъ человѣческаго общества.

Кампанелла, наоборотъ, не знаетъ свѣта. Проведя свое дѣтство среди коммунистическихъ порядковъ монастыря, онъ вполне отдается смѣлому полету метафизической мысли. Онъ еще молодымъ попадаетъ въ тюрьму и смотритъ на социальное положеніе человѣка сквозь очки пылкой и великодушной фантазіи, которая питается сочиненіями греческихъ мыслителей и рассказами путешественниковъ, повѣствующихъ о странныхъ нравахъ и обычаяхъ открытых незадолго до этого въ Азій и Америкѣ дикихъ варварскихъ народовъ. Онъ создаетъ свое идеальное государство какъ бы изъ одного куска, не принимая во вниманіе никакихъ препятствій, могущихъ возникнуть при его осуществленіи; и онъ предлагаетъ людямъ это государство съ твердымъ убѣжденіемъ, что народамъ стоитъ только познакомиться съ нимъ, чтобы осуществить его, между тѣмъ какъ Моръ сомнѣвается даже въ томъ, чтобы были проведены хотя бы самыя необходимыя реформы, изложеніе которыхъ онъ вкладываетъ въ уста своего возвратившагося изъ Утопіи путешественника.

Нужно быть идеалистомъ, какимъ былъ Кампанелла, совершенно незнакомымъ съ истинными условіями окружающаго насъ міра, чтобы думать, что стоитъ только выдумать коммунистическое государство, и тогда его осуществленіе сдѣлается сразу возможнымъ. Человѣчеству по волѣ рока пришлось пережить индивидуалистическій фазисъ, который былъ неизбеженъ въ силу экономическихъ явленій, долженствующихъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи уничтожить созданную ими же индивидуалистическую форму и подготовить новую, коммунистическую. Подобно тому какъ индивидуализмъ выросъ изъ коммунизма, такъ и коммунизмъ долженъ вырости изъ индивидуализма. Мыслители и дѣятели нашего времени должны изучить ходъ событій, чтобы ускорить его; не ихъ дѣло создавать утопіи, какъ этого хотѣлось бы филистерамъ. Если этимъ господамъ для развлеченія нужны утопіи, то мы имъ совѣтуемъ познакомиться съ гениальнымъ произведеніемъ Кампанеллы. Чтеніе его не отниметъ у нихъ слишкомъ много ихъ драгоценнаго времени.

Мы тоже охотнѣе всего напечатали бы весь «Городъ солнца», въ которомъ на небольшомъ числѣ страницъ разсматривается множество вопросовъ, но намъ приходится ограничиться по возможности краткимъ обзоромъ, который мы однако постараемся сдѣлать по мѣрѣ силъ всестороннимъ, для того, чтобы читатель могъ составить себѣ вѣрное понятіе о томъ представленіи о мірѣ, какое имѣлъ этотъ монахъ XVI столѣтія, ибо Кампанелла, хотя и умеръ въ 1639 году,

все же по смѣлости характера и по своему мистицизму принадлежит не XVII, а именно XVI столѣтію.

* * *

Постоянная война между отдѣльными областями, городами и даже между отдѣльными деревнями—вотъ въ чемъ заключалась вся жизнь только что кончившагося феодальнаго средневѣковья. Городскіе дома и даже монастыри представляли собой настоящія крѣпости, которыя могли выдерживать осады; все ихъ населеніе, мужчины, женщины и дѣти, свѣтскія и духовныя лица, очень часто были вынуждены прибѣгать къ оружію, если не для нападенія, то для самозащиты. Каждый заботился прежде всего о толстыхъ стѣнахъ, за которыми можно было бы оказать отпоръ врагу.

«Городъ солнца», находящійся на островѣ, раздѣленномъ на четыре соперничающихъ между собою королевства, представляетъ крѣпость, построенную какъ всѣ средневѣковые города, а также и Иерусалимъ, на холмѣ. Крѣпость эта окружена семью валами, снабженными амбразурами, а также пушками и другими военными приспособленіями. Для того чтобы занять ее, понадобилось бы семь атакъ. Морь также заботился объ укрѣпленіи Утопіи искусственными сооруже-ніями, изолирующими ее отъ материка, и объ обезпеченіи подвоза питьевой воды въ Амауротумъ, столицу Утопіи.

Платонъ, жившій въ приморскомъ торговомъ городѣ, населеніе котораго дѣлилось на различныя классы, поручаетъ защиту своей республики отряду вѣнговъ—философовъ и коммунистовъ, которыхъ онъ цинично сравниваетъ съ «худыми и бдительными собаками». Впрочемъ, собака для него философское животное, потому что умѣетъ защищать своего господина и нападать на его враговъ. Остальные граждане государства Платона занимаются торговлей и промышленностью, и для нихъ онъ не выработалъ коммунистической организаціи. Въ «Городѣ солнца» всѣ граждане, наоборотъ, безъ различія пола и возраста должны принимать участіе въ защитѣ. Всѣ воины; военное воспитаніе начинается съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Однако граждане «Города солнца», также какъ и дѣти феодальныхъ бароновъ, уже гораздо раньше приучаются ко всевозможнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, и съ двѣнадцатилѣтняго возраста ихъ учатъ нападать на врага, на лошадей и слоновъ, владѣть мечемъ и копьемъ, натягивать лукъ и дѣйствовать пращей; вскакивать на лошадь и управлять ею безъ узды, способомъ «неизвѣстнымъ даже татарамъ»; нападать и отступать, поддерживать боевой порядокъ, помогать въ опасности другу, — словомъ, ихъ обучаютъ всѣмъ военнымъ приемамъ. «Воспитаніе дѣлаетъ женщинъ пригодными къ войнѣ, какъ и всякому другому труду. Въ этомъ отношеніи граждане «Города солнца» сходятся съ Платономъ, у котораго я читалъ нѣчто подобное... и въ этомъ отношеніи я совершенно расхожусь съ Аристотелемъ». Война не только вещь неизбѣжная; она содѣйствуетъ также нравственному развитію и предохраняетъ гражданъ отъ изнѣженности. Въ этомъ случаѣ Кампипелла усваиваетъ себѣ образъ мыслей варваровъ. Цезарь рассказываетъ, что германскія племена, уже сдѣлавшіяся осѣдлыми и занявшіяся земледѣліемъ, все таки продолжали предпринимать военные походы, чтобы не терять военныхъ доблестей. Граждане «Города солнца» развиваютъ военную доблесть; въ вопросѣ о чести они такъ щепетильны, что хотя сами и не оскорбляютъ никого, но зато не выносятъ также никакого оскорбленія. Хотя

Кампанелла самъ монахъ, и хотя организація его государства носитъ отпечатокъ его монашескихъ привычекъ, все же онъ не сторонникъ христіанскаго ученія, предписывающаго подставлять правую щеку, когда получишь ударъ по лѣвой; да оно и весьма понятно, что это ученіе, очень хорошее для первыхъ христіанъ, для большинства рабовъ и вольноотпущенныхъ, было не особенно подходящимъ для свободныхъ и равныхъ людей его коммунистическаго общества.

Граждане «Города солнца», также какъ и войны Платона, берутъ съ собой въ сраженіе своихъ дѣтей, «для того, чтобы они учились драться, подобно тому, какъ молодые львы и волчата пріучаются своими родителями къ умерщвленію добычи». Ихъ вооруженныя женщины также сопровождаютъ ихъ, чтобы помогать, воодушевлять и перевязывать ихъ раны. Кампанелла несомнѣнно помнилъ рассказы Цезаря и Тацита о варварахъ, смѣявшихся надъ римскими легіонерами, потому что при нихъ не было женъ, которыя могли бы присутствовать въ сраженіи, воодушевлять ихъ, поощрять къ дальнѣйшему бою, въ случаѣ отступленія, и перевязывать ихъ раны. Во всякомъ случаѣ Кампанелла позаимствовалъ воинственные нравы гражданъ «Города солнца» отчасти у римскихъ писателей, такъ какъ онъ говоритъ, что генералы его государства укрѣпляютъ свои военные лагеря подобно римлянамъ, и что тотъ, кто первый во время штурма взошелъ на вражескую стѣну, награждается вѣнкомъ изъ зеленыхъ листьевъ. Вспоминая вѣроятно рыцарскіе турниры, Кампанелла заставляетъ раздавать награды героямъ въ присутствіи привѣтствующихъ ихъ женщинъ.

Женщины «Города солнца», также какъ амазонки и спартанки, подъ руководствомъ своихъ предводительницъ, обучаются всѣмъ военнымъ приѣмамъ. Ихъ учатъ главнымъ образомъ защищать укрѣпленія, бросать камни и горючія вещества и т. д. «Та, которая обнаружитъ сколько-нибудь страхъ, строго наказывается». Принадлежащая государству область, какъ внутри стѣнъ, такъ и внѣ ихъ, постоянно охраняется; ночью мужчинами, днемъ женщинами. Если вспомнить пошлыя и глупыя оскорбленія, наносившіяся женщинамъ св. Іеронимомъ и отцами церкви, если вспомнить соборъ, на которомъ серьезно обсуждался вопросъ, не слѣдуетъ ли причислить женщину къ животнымъ, не имѣющимъ души, и на которомъ большинствомъ одного только голоса признано было присутствіе у женщинъ души, — если вспомнить все это, то можно только удивляться тому, что Кампанелла сумѣлъ освободиться отъ освященныхъ религіей предрасудковъ своей эпохи, и что у него хватило смѣлости дать женщинамъ тѣ же права и обязанности, какъ и мужчинамъ ¹⁾).

¹⁾ Св. Ома Авинскій, который, также какъ и Кампанелла, былъ доминиканцемъ, и который въ смыслѣ невѣжества и пошлости нѣсколько отсталъ отъ отцовъ церкви, все-таки говоритъ: „Женщина быстро растущая сорная трава. Она несовершенный человекъ, homo imperfectus, тѣло котораго лишь потому скорѣе достигаетъ познанаго развитія, что оно имѣетъ меньшую цѣнность, и потому, что природа меньше занимается имъ... Женщины рождаются для того, чтобы всегда оставаться подъ игомъ своего господина и повелителя, котораго природа предназначила къ господству уже тѣмъ превосходствомъ, которымъ она во всѣхъ отношеніяхъ одарила мужчину“.

Кампанелла, повидимому, находится подъ вліяніемъ взгляда св. Омы, когда въ своемъ гимнѣ красотѣ говоритъ: „Соразмѣрность и соотношеніе частей тѣла, проворство, сила, здоровый цвѣтъ лица, грація въ движеніяхъ и манерахъ, таковы условія совершенной красоты тѣла. Богъ даровалъ мужчинамъ большее количество этихъ свойствъ, чѣмъ женщинамъ. Поэтому онъ прекраснѣе и божественнѣе и болѣе любимъ, чѣмъ любить

Способное къ военной службѣ населеніе всего «Города солнца» ежегодно одинъ разъ собирается для общаго смотра и военныхъ упражненій. Граждане, разсуждающіе по естественной логикѣ дикарей, рѣшаются на веденіе войны только послѣ созыва великаго совѣта всѣхъ гражданъ республики, достигшихъ двадцатилѣтняго возраста. Всѣ должны драться, слѣдовательно, всѣ должны принимать участіе въ совѣтѣ.

Но въ этомъ воинственномъ государствѣ, гдѣ всѣ граждане безъ различія пола и возраста воины, совсѣмъ нѣтъ лагерной жизни, какъ въ «Республикѣ» Платона.

* * *

Кампанелла не могъ написать ничего, что не носило бы отпечатка его идеалистической и мистической философій и астрологическихъ предразсудковъ. Невозможно правильно передать содержаніе его главнаго сочиненія, не затронувъ вышеозначенныхъ чертъ, искажающихъ его положительные и удивительно глубокіе взгляды. Поэтому мы должны начать съ разсмотрѣнія его астрологій, чтобы затѣмъ уже на свободѣ заняться его коммунистическимъ государствомъ. При этомъ не слѣдуетъ однако забывать, что мистическія идеи, которыя нынѣ кажутся недостойными такого смѣлаго и образованнаго ума, раздѣлялись многими замѣчательными современниками Кампанеллы, къ которымъ они перешли по традиціи. Такъ какъ человѣчество не могло вначалѣ составить себѣ позитивнаго представленія о мірѣ, то ему пришлось прибѣгать къ фантазіи, чтобы замѣнить ею фактическіе наблюденія и опыты: ему пришлось объяснять небесныя явленія, привлекавшія его вниманіе, не истинными матеріальными причинами, а вымышленными, идеальными.

Каббала развила изученіе мистическихъ свойствъ цифръ, которыя давно занимали мышленіе народовъ, вѣроятно, благодаря трудностямъ, которыя пришлось преодолѣть человѣческому уму прежде, чѣмъ ему удалось открыть основныя числа и ихъ комбинаціи, а также и благодаря услугамъ, какія оказывало людямъ счисленіе. Мыслители, пораженные абстрактными свойствами чиселъ, которыя оставались неизмѣнными во всѣхъ случаяхъ, по примѣру пифагорейцевъ хотѣли превратить ихъ въ имманентную первопричину всѣхъ вещей. Совершенно таковъ же ходъ мыслей современныхъ деистовъ, когда они доказываютъ существованіе своего Бога абсолютнымъ характеромъ математическихъ абстракцій. Кампанелла, вѣрившій въ скрытое значеніе чиселъ, упоминаетъ въ «Городѣ солнца» только каббалистическія числа.

Первое число, какое мы встрѣчаемъ — 7. Городъ окруженъ семью укрѣпленными валами; въ храмѣ находится 7 золотыхъ, вѣчно горящихъ лампадъ, носящихъ названія семи планетъ, которыя въ пифагоровой системѣ вращаются вокругъ неподвижной земли, издавалъ прекрасные, музыкальные, гармоническіе звуки, которые граждане «Города солнца» слышатъ, благодаря изобрѣтеннымъ ими особеннымъ инструментамъ. Число 7, являющееся мистическимъ для всѣхъ

самъ». Кампанелла, повидимому, мало имѣлъ случаевъ разсмотрѣть гражданокъ своего государства, ибо онъ убѣдился бы, что свободно воспитанныя женщины, привыкшія къ тѣмъ же тѣлеснымъ упражненіямъ, какъ и мужчины, также одарены природой, какъ и послѣдніе. Греческіе ваятели, понимавшіе толкъ въ этомъ дѣлѣ, придавали Аполлону, богу красоты, женскія формы.

народовъ, достигшихъ извѣстнаго уровня культуры, сильно занимало также и христіанъ. Весь Апокалипсисъ наполненъ имъ; Оригенъ, св. Августинъ, св. Иларій и самые знаменитые учителя церкви спорили о преимуществахъ этого числа, также какъ и о преимуществахъ числа 6. Въ догматахъ и обрядахъ католицизма число 7 также часто встрѣчается: считается 7 таинствъ, 7 смертныхъ грѣховъ и т. д. Въ «Городѣ солнца» встрѣчаются также часто числа, кратныя семи: священниковъ, занятыхъ наблюденіемъ неба, насчитывается 49, т.-е. 7×7 ; ученыхъ, которые преподають науки и искусства — 14, т.-е. 7×2 .

Развѣвующееся надъ куполомъ храма знамя «Города солнца» покрыто 36 знаками. Чтобы быть избраннымъ главой государства, нужно достигнуть тридцатишестилѣтняго возраста. Научное и художественное воспитаніе дѣтей начинается съ шестилѣтняго возраста, военное съ двѣнадцатилѣтняго и т. д. Но числа 36 и 12 представляютъ собой кратныя шести, а число 6, знакомъ котораго является третья буква имени Jahve, почиталось пифагорейцами и каббалистами, потому что въ немъ вновь соединяются единство, двойственность и тройственность. 1 и 2 и 3 составляютъ 6. Благодаря этому число 6 дѣлается символомъ совершенства.

Число 3, число мистическое *par excellence* (наблюденія надъ самыми первобытными дикарями доказали, что необходимо громадное умственное усиліе, чтобы постигнуть это число), должно было быть въ большомъ почетѣ у гражданъ «Города солнца», и мы его въ самомъ дѣлѣ встрѣчаемъ всюду: у нихъ есть 3 вождя, науки излагаются въ небольшихъ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ трехъ стиховъ. Эти стихотворенія записаны на стѣнахъ города и храма, дѣти начинаютъ обучаться азбукѣ съ трехъ лѣтъ и т. д.

Граждане «Города солнца» безусловно вѣрятъ въ астрологию; у нихъ есть священники, занятые исключительно наблюденіями надъ свѣтилами, и эти наблюденія даютъ имъ возможность угадывать будущее, лѣчить больныхъ, возвращать юность семидесятилѣтнимъ старцамъ и т. д. Въ конечномъ счетѣ граждане «Города солнца» управляютъ свѣтилами. У нихъ они спрашиваютъ совѣта при всевозможныхъ обстоятельствахъ, даже по самымъ незначительнымъ поводамъ, какъ, напр., при случкѣ лошадей, при выборѣ ремесла и т. д.

Они поклоняются солнцу, подобію Божію, солнце творецъ всего, что существуетъ на землѣ. «Солнце отецъ, а земля мать всего живущаго». Всѣ народы поклонялись солнцу какъ богу, и даже въ христіанствѣ есть много слѣдовъ его культа. Если Кампанелла въ этомъ отношеніи ошибался, то онъ ошибался далеко не одинъ, и тѣ, кто старается выставить его утопію въ смѣшномъ свѣтѣ, порицая свысока его астрологическія и мистическія воззрѣнія, просто доказываютъ, что они не знаютъ исторіи человѣческаго духа.

* * *

Городъ солнца «не республика, но и не монархія», ибо свѣтская и духовная власть главы государства—*Noh*—не подчинена никакому контролю и не передается по наслѣдству; должность главы государства выборная. Онъ что-то въ родѣ папы. Въ Каббалѣ чистое бытіе называется энсофъ; между этимъ именемъ и названіемъ верховнаго повелителя «Города солнца» существуетъ извѣстное звуковое сходство, и очень возможно, что это имѣетъ какое-либо особенное значеніе. Во всякомъ случаѣ *Noh*, имя котораго означаетъ—метафизика, дол-

жень обладать всѣми знаніями и добродѣтелями гражданъ «Города солнца», подобно тому, какъ чистое бытіе обладаетъ всѣми свойствами, которыми люди обладаютъ только по частямъ.

Знанія, обладаніе которыми является условіемъ для избранія на должность Нон'а, носили энциклопедическій характеръ. Нонъ долженъ былъ знать исторію всѣхъ народовъ, ихъ нравы, обычаи, религіозные обряды; затѣмъ онъ долженъ былъ также основательно знать математику, отвлеченныя науки, физику и, главнымъ образомъ, астрономію. Удивительнѣе всего, что это существо, олицетворяющее метафизику, должно было знать всѣ отрасли труда; Кампанелла былъ первымъ мыслителемъ, придавшимъ такое большое значеніе физическому труду. Также мало предразсудковъ было у него и въ области медицины. Врачи и хирурги его эпохи считали ниже своего достоинства изученіе анатоміи; по ихъ мнѣнію, это было ремесло, достойное только цирюльниковъ, и даже Парацельсъ, возставшій противъ всего врачебнаго искусства своей эпохи, не сумѣлъ отдѣлаться отъ презрѣнія къ анатоміи, а Кампанелла, монахъ-мистикъ, мечтатель, проведшій всю жизнь вдали отъ міра, въ монастырѣ или тюрьмѣ, вполне ясно понималъ важное значеніе анатоміи: онъ рассказывалъ, что граждане «Города солнца» изучаютъ человѣчскій организмъ, вскрывая трупы казненныхъ.

Путешественникъ, рассказывающій о чудесахъ «Города солнца», очень хорошо понимаетъ, что слушатели его могутъ изумиться, какимъ образомъ одинъ человѣкъ можетъ пріобрѣсти ту массу теоретическихъ и техническихъ знаній, какая требуется, чтобы быть избраннымъ на должность Нон'а. Поэтому онъ предусмотрительно прибавляетъ, что граждане «Города солнца», «считающіе Аристотеля логикомъ, а не философомъ», презираютъ пустую схоластическую болтовню и изучаютъ науки не по книгамъ, но путемъ изслѣдованія природы. Весь городъ ихъ,—говоритъ онъ,—большой музей: стѣны его покрыты геометрическими чертежами, картинами звѣзднаго неба, изображеніями животныхъ и растений; подъ каждымъ такимъ изображеніемъ помѣщается описаніе предмета въ трехъ небольшихъ, легко запоминающихся, стихахъ; для дополненія этого нагляднаго обученія стараются при каждой возможности, наряду съ изображеніемъ, помѣщать и самый предметъ, животное или растеніе. Даже алфавитъ изображенъ на стѣнахъ такъ, что маленькія дѣти учатся буквамъ, играя въ галлерейхъ. Благодаря этому новому методу преподаванія, граждане въ одинъ годъ пріобрѣтаютъ всѣ знанія, для пріобрѣтенія которыхъ въ европейскихъ школахъ, «гдѣ только рабски заучиваютъ наизусть слова», понадобилось бы десять лѣтъ.

Городъ управляется, подъ верховнымъ надзоромъ Нон'а, тремя, также какъ и онъ, выборными главами. Они соотвѣтствуютъ тремъ основнымъ свойствамъ чистаго бытія и даже носятъ имя ихъ, т.-е. называются могуществомъ, мудростью и любовью. Могущество занимается войной и военнымъ искусствомъ; мудрость, вмѣстѣ съ тринадцатью учеными, изъ которыхъ первый называется астрологомъ, заботится о научномъ и техническомъ воспитаніи; любовь заботится обо всемъ, что нужно для поддержанія жизни и для продолженія рода жителей. Любовь «случаетъ» людей и животныхъ, чтобы получить красивое потомство. Граждане «Города солнца», отлично знающіе наши нравы и обычаи, смѣются надъ нами, потому что мы обращаемъ столь большое вниманіе на

улучшеніе породы нашихъ собакъ и лошадей и ничуть не заботимся объ усовершенствованіи человѣческой расы». Ничто не предоставляется случаю: любовь опредѣляетъ время посѣва и жатвы, слѣдить за разведеніемъ скота, за приготовленіемъ и качествомъ пищевыхъ продуктовъ, за количествомъ одежды, за воспитаніемъ дѣтей и половыми сношеніями; все предусмотрено.

Эти три помощника Нох'а не только основательно знаютъ науки и искусства, необходимыя для выполненія ихъ функцій, но знакомы также и съ принципами, общими всѣмъ наукамъ и искусствамъ.

Нох и три его помощника завѣдуютъ всѣми отраслями государственнаго хозяйства и управляютъ людьми, «пороки которыхъ могутъ быть предупреждены искусными мѣропріятіями властей». Они распредѣляютъ награды и назначаютъ кары; храбрые воины получаютъ вѣнки и на нѣсколько дней освобождаются отъ военной службы. Бѣжавшіе изъ сраженія приговариваются къ смерти, какъ дѣлалось, по словамъ Тацита, у германцевъ, если все войско не попроситъ объ ихъ помилованіи. Кто не помогъ другу или союзнику въ сраженіи, тотъ прогоняется сквозь строй. Солдатъ, не повиновавшійся въ сраженіи приказу начальника, отдается на растерзаніе дикимъ звѣрямъ.

Проступки и преступленія не военныхъ подлежатъ суду цеховъ. Виновные судятся мастерами ихъ ремесла и наказываются изгнаніемъ, розгами, выговоромъ, недопущеніемъ къ общей трапезѣ и къ религиознымъ празднествамъ, а также лишеніемъ сношеній съ женщинами. Все правосудіе «Города солнца» проникнуто принципомъ око за око: убійство наказывается смертью и т. д. Тюремъ однако нѣтъ, и всѣ дѣла рѣшаются безъ долгой судебной волокиты; судъ выслушиваетъ обвинителей и свидѣтелей и на основаніи ихъ показаній постановляетъ приговоръ. Такъ какъ въ коммунистическомъ государствѣ свободныхъ и равныхъ людей нѣтъ мѣста палачу, то приговоръ выполняется всѣмъ народомъ, который побиваетъ осужденнаго камнями, причемъ первый камень бросаетъ обвинитель. Это, хотя и справедливое, но часто жестокое правосудіе, напоминающее правосудіе первобытныхъ людей, смягчается слѣдующимъ ограниченіемъ: приговоренный долженъ признать, что наказаніе имъ заслужено, въ противномъ случаѣ онъ ему не подвергается. Грѣхи искупаются сознаніемъ въ нихъ, въ нихъ исповѣдуются, какъ въ монастыряхъ, іерархически. Когда всѣ исповѣди достигаютъ Нох'а, онъ въ свою очередь исповѣдуетъ ихъ Богу и проситъ у него прощенія грѣховъ всего народа. При этомъ онъ предлагаетъ ему человѣческую жертву, но эта жертва должна быть добровольной. Нохъ ежегодно спрашиваетъ собравшійся народъ, кто желаетъ быть козломъ отпущенія и принести себя въ жертву Богу для блага своихъ согражданъ. Жертва, вмѣсто умерщвленія, сажается въ тюрьму, гдѣ она получаетъ ровно столько пищи, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду. Дней черезъ двадцать или тридцать, когда грѣхи искуплены, жертва искупленія становится священникомъ и никогда болѣе не возвращается къ своей семьѣ: она посвящена Богу. Люди всегда сохраняютъ отпечатокъ окружающей ихъ среды. Воспитанный на исторіи языческихъ и варварскихъ обычаевъ, смѣлый духъ Кампанеллы все-таки не смогъ отдѣлаться отъ монашескихъ тенденцій; онъ никогда не покидали его. Въ совѣтахъ, даваемыхъ имъ испанскому королю, онъ непрестанно обращаетъ вниманіе послѣдняго на монашескія общины, считая ихъ, повидимому, первыми грубыми зачатками тѣхъ коммунистическихъ организацій, которыя должны обезпечить человѣчеству счастье.

Граждане «Города солнца» думают, что дитя принадлежит обществу. «Они отрицают за мужчинами право имѣть при себѣ ребенка и воспитывать его, также какъ отрицаютъ за ними право распоряжаться своимъ ребенкомъ, своей женой и своимъ домомъ такъ, какъ будто они были ихъ собственностью. Они утверждаютъ, что дѣти должны воспитываться для сохраненія рода, а не для удовольствія отдѣльныхъ лицъ. Того же мнѣнія держится и св. Фома. Поэтому воспитаніе дѣтей регулируется съ точки зрѣнія общины, а не индивидуума, поскольку послѣдній не является составной частью общины».

Въ «Городѣ солнца» возстановлены обычаи спартанцевъ. Воспитаніе дѣтей начинается такъ сказать до ихъ появленія на свѣтъ и даже до ихъ зачатія. Для продолженія человѣческаго рода выбираются самыя красивыя женщины, и вообще пары, предназначенныя для воспроизведенія потомства, подбираются на основаніи философскихъ правилъ. Граждане «Города солнца» увѣряютъ, что у нихъ нѣтъ необходимости прибѣгать къ тѣмъ хитростямъ, которыя Платонъ рекомендуетъ примѣнять властямъ своей республики при распредѣленіи женщинъ. Платонъ это дѣлаетъ, чтобы не была возбуждена ревность, но для нихъ это опасно, ибо они не знаютъ страстей любви, которая у нихъ замѣняется дружбой. Шарль Фурье также думалъ, что въ его фаланстерахъ неизмѣнно должна ослабѣть любовь, т.-е. то чувство, которое христіанскіе народы называютъ любовью, ибо въ первую эпоху жизни человѣчества, вплоть до среднихъ вѣковъ, любовь носила совсѣмъ другой характеръ. Граждане увѣряютъ, что развитію любви исключительно къ одной какой-либо женщинѣ препятствуетъ то обстоятельство, что всѣ ихъ женщины одинаково красивы. Тѣлесныя упражненія, къ которымъ приучаютъ женщинъ съ самаго дѣтства, даютъ имъ здоровый цвѣтъ лица, крѣпкое, сильное, гибкое тѣло. Подъ красотой подразумѣвается сила и гармоническая пропорциональность частей тѣла. Граждане любятъ естественную, а не искусственную женщину; женщина, которая сдѣлала бы попытку нарумяниться, или набѣлиться, или носить высокіе каблуки, чтобы казаться выше, была бы подвергнута тяжелому наказанію, но судьямъ никогда не приходится мучиться назначеніемъ такого наказанія, ибо ни одной изъ женщинъ не приходится въ голову прибѣгать для своего украшенія къ искусственнымъ средствамъ, и если бы даже одна изъ нихъ вздумала это сдѣлать, у ней не было бы къ этому возможности. Кампанелла, сочувственно относившійся къ влюбленнымъ, добавляетъ, что если бы кто-нибудь все-таки терзался слѣпой и исключительной любовью къ какой-нибудь женщинѣ, то ему позволили бы развлекаться съ нею, но отнюдь не производить потомства, если бы отъ этого могла пострадать порода. Эти обычаи въ области половыхъ сношеній, получившіе силу правомѣрныхъ учреждений, покажутся верхомъ безнравственности филистерамъ обоого пола, знающимъ любовь только по романамъ и драматическимъ пьесамъ, вступающимъ въ бракъ лишь съ корыстными цѣлями и смягчающимъ скуку семейной любви при помощи проституціи. Кампанелла какъ будто предвидѣлъ, какое негодованіе онъ вызоветъ, когда въ своемъ сонетѣ «Купидону» писалъ слѣдующее:

«Люди уже три тысячи лѣтъ поклоняются слѣпой любви, имѣющей крылья и колючки. Эта любовь сдѣлалась глухой и безпощадной.

«...Она жадна къ деньгамъ и одѣвается въ мрачныя одежды; она уже не

обнаженное, откровенное и честное дитя, но хитрый старикъ, переставшій пользоваться стрѣлами съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтены пистолеты».

Всѣ граждане «Города солнца» считаютъ себя членами одной семьи. Ровесники называютъ другъ друга братьями и сестрами; тѣхъ, кто старше ихъ на 22 года, они называютъ отцомъ или матерью, а тѣхъ, что на столько же лѣтъ моложе — дѣтьми. Такое дѣленіе всего народа на группы по поколѣніямъ, о которомъ упоминаетъ уже Платонъ, вовсе не плодъ фантазій, ибо оно найдено у австралійскихъ дикарей, и по всей вѣроятности греческій философъ такъ же, какъ и Кампанелла, позаимствовалъ этотъ фактъ изъ разсказовъ путешественниковъ.

Женщины во время своей беременности живутъ окруженныя статуями героевъ, чтобы вдохновляться совершенствомъ ихъ формъ, какъ дѣлали афинянки. Этому художественному вліянію довѣряютъ настолько, что племенныхъ животныхъ окружаютъ прекрасными изображеніями быковъ, лошадей, собакъ и другихъ животныхъ. Женщины кормятъ своихъ дѣтей, подобно женамъ дикарей, въ теченіе двухъ лѣтъ и даже дольше, если врачъ считаетъ это пужнымъ.

Начиная съ трехлѣтняго возраста, дѣтей обучаютъ азбукѣ; для этой цѣли ихъ заставляютъ играть въ галлереяхъ, на стѣнахъ которыхъ нарисованы буквы. Съ шести лѣтъ ихъ начинаютъ учить естественнымъ и прикладнымъ наукамъ, причѣмъ стараются сообщить ученью характеръ игры. Несмотря на неуважительное отношеніе къ Аристотелю, граждане государства солнца при обученіи примѣняютъ методъ перипатетиковъ: преподаваніе происходитъ во время прогулокъ; занятія продолжаются не болѣе четырехъ часовъ ежедневно и ведутся четырьмя различными учителями, чтобы не утомлять вниманіе дѣтей. Послѣднія изучаютъ всѣ науки, «ибо тотъ, кто знаетъ только одну науку и кто почерпаетъ свои знанія только изъ книгъ, считается невѣждой и глупцомъ».

Чтобы соединить практику съ теоріей, дѣтей держатъ въ постоянномъ общеніи съ природой; такимъ образомъ ихъ обучаютъ минералогіи, ботаникѣ, земледѣлю и скотоводству, приучаютъ ихъ переносить лишенія и дѣлаютъ ихъ крѣпкими и выносливыми. Дѣти ходятъ босикомъ и съ открытой головой они, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, купаются въ рѣкахъ и постоянно охотятся, чтобы подготовиться къ войнѣ. Они не играютъ ни въ кости, ни въ шахматы, ни въ какую бы то ни было игру, при которой приходится сидѣть. Всѣ ихъ игры въ то же время и тѣлесныя упражненія. «Они заставляютъ молодыхъ людей посѣщать кухни, сапожныя, слесарныя и столярныя мастерскія, чтобы тѣ получили по возможности полное техническое образованіе и имѣли возможность выбрать себѣ ремесло съ полнымъ знаніемъ дѣла». Каждый гражданинъ обязательно долженъ знать нѣсколько ремеселъ, которыя у нихъ не бываютъ наследственными. Уже Платонъ возставалъ противъ практиковавшагося въ древности, а также и въ средніе вѣка, прикрѣпленія нѣсколькихъ поколѣній одной и той же семьи къ какому-нибудь опредѣленному ремеслу.

Гражданинъ цѣнится тѣмъ больше, чѣмъ больше ремеселъ онъ знаетъ. «Они смѣются также надъ нами, считающими рабочихъ низшимъ классомъ и называющими благородными тѣхъ, которые ничего не умѣютъ дѣлать и все-таки живутъ припѣваючи. Происходитъ это оттого, — говорятъ они, — что у насъ есть рабы, удовлетворяющіе наши потребности и заботящіеся о нашихъ удовольствіяхъ. Такимъ образомъ, мы устроили какъ бы школу пороковъ, гдѣ воспитываются злодѣи и лѣнтяи, приносящіе обществу погубель».

Всѣмъ дѣтямъ предоставляются одинаковыя средства для развитія, и различія, обнаруживающіяся въ ихъ духовныхъ способностяхъ и въ физической силѣ и ловкости, происходятъ не отъ разницы въ воспитаніи, какъ у европейцевъ, но отъ естественныхъ, врожденныхъ различій. Граждане «Города солнца» стараются использовать каждого сообразно его духовнымъ и физическимъ качествамъ. Неинтеллигентные субъекты занимаются, главнымъ образомъ, земледѣльческимъ трудомъ. Не остаются безъ занятій даже калѣки и уроды: хромые служатъ надзирателями, слѣпые чешутъ шерсть и т. д. «Нѣтъ такого физическаго недостатка, кромѣ глубокой старости, который поимѣшалъ бы приносить пользу обществу».

Всякій трудъ самъ по себѣ считается полезнымъ и благороднымъ. «Гражданинъ «Города солнца» не можетъ даже и представить себѣ, чтобы прислуживаніе у стола, приготовленіе пищи или обработка земли могли считаться занятіями безчестящими. Они каждую работу называютъ упражненіемъ и утверждаютъ, что сдѣлать полезную работу такъ же почетно, какъ ходить своими ногами, смотрѣть своими глазами, говорить своимъ голосомъ,—словомъ, выполнять какую бы то ни было естественную функцію. Они усердно стараются выполнить указанную имъ работу, и для нихъ является дѣломъ чести выполнить ее хорошо. Производство такъ хорошо организовано, что имъ приходится требовать отъ cadaго здороваго челоуѣка не больше четырехъ часовъ работы въ день; остальное время посвящается отдыху, наукамъ и развлеченіямъ. Самыя трудныя и опасныя работы считаются самими почетными».

Занятіе сельскохозяйственными работами считается праздникомъ: въ опредѣленные дни всѣ граждане большими вооруженными толпами, съ развѣвающимися знаменами и музыкой выходятъ на работу, на посѣвъ и на жатву. Въ Перу, до прихода христіанскихъ европейскихъ варваровъ, разрушившихъ легендарное коммунистическое государство инковъ, треть всей обрабатываемой земли принадлежала солнцу, богу инковъ. Получавшійся съ этой земли урожай, за вычетомъ того, что шло на поддержаніе культа, раздѣлялся между семьями. Принадлежащія богу земли обрабатывались всѣмъ населеніемъ, выходящимъ на работу въ праздничныхъ одеждахъ съ пѣніемъ гимновъ въ честь инковъ. Кампанелла вѣроятно слышалъ объ этой замѣчательной странѣ, открытой въ началѣ XVI столѣтія. Возможно, что знакомству съ нею онъ обязанъ нѣкоторыми подробностями въ устройствѣ своего идеальнаго государства, и что даже названіе его онъ позаимствовалъ оттуда. Различныя обстоятельства свидѣлствуютъ, по видимому, о томъ, что онъ былъ хорошо знакомъ съ правами и обычаями племени, населявшихъ вновь открытыя страны. Такъ, напр., дикарь уносить съ поля, предназначеннаго для посѣва, весь соръ, который по его мнѣнію могъ бы портить посѣвъ. Граждане «Города солнца» поступаютъ такъ же. «Они никогда не удобряютъ своихъ полей, ибо думаютъ, что качество плодовъ страдаетъ отъ прирѣненія удобренія и что удобреніе даетъ недостаточное и плохое питаніе, подобно тому, какъ женщины, старающіяся украсить себя румянами и бездѣлшемъ, рожаютъ только слабыхъ дѣтей».

Граждане «Города солнца» при сельскохозяйственныхъ работахъ пользуются машинами; между прочимъ у нихъ есть повозка съ парусами, которая, благодаря особому устройству механизма, можетъ двигаться даже противъ вѣтра.

У нихъ есть также корабли, двигающіеся безъ помощи веселъ и парусовъ, посредствомъ остроумнаго механизма.

* * *

Граждане «Города солнца» живутъ вмѣстѣ; они спятъ въ просторныхъ спальняхъ и ѣдятъ въ большихъ столовыхъ. Мужчины сидятъ на одномъ концѣ комнаты, женщины на другомъ. Прислуживаютъ за столомъ молодые люди, не достигшіе двадцатилѣтняго возраста. Пищу принимаютъ молча; во время ѣды кто-нибудь изъ молодыхъ людей читаетъ вслухъ, либо поетъ, либо играетъ на какомъ-нибудь инструментѣ. Граждане думали-было сдѣлаться вегетаріанцами, но потомъ убѣдились, что къ овощамъ необходимо прибавлять и мясо. Питаніе регулируется врачами сообразно съ временемъ года и возрастомъ людей; сообразно съ возрастомъ людей пища принимается чаще или рѣже. Взрослые ѣдятъ два раза въ день, старики три, а дѣти четыре раза. Съ десяти лѣтъ дѣтямъ начинаютъ давать смѣшанное съ водой вино. Старики пьютъ чистое вино.

Граждане «Города солнца» крайне чистоплотны. У нихъ въ самомъ дѣлѣ достаточно времени для того, чтобы заниматься уходомъ за своимъ тѣломъ. Они часто купаются и мѣняютъ бѣлье, которое стирается въ водѣ, «профильтрованной чрезъ сосуды, наполненные пескомъ». Они широко пользуются разными благовонными эссенціями, умащаютъ свое тѣло ароматическими маслами и ежедневно по утрамъ жуютъ укропъ, тминъ и петрушку для того, чтобы дыханіе ихъ было ароматнымъ.

Мужчины и женщины носятъ одинаковую «приспособленную для войны» одежду, только у мужчинъ туника кончается выше колѣнъ, а у женщинъ нѣсколько ниже ихъ. Они ввели равенство половъ, уничтоживъ неравенство, къ которому вело различіе въ занятіяхъ и общественномъ и семейномъ положеніяхъ, различіе въ одеждѣ, привычкахъ и обычаяхъ. Они ненавидятъ «также, какъ и навозъ, черный цвѣтъ, любимый цвѣтъ японцевъ». Внутри государства всѣ носятъ бѣлыя платья, за границей же красныя¹⁾. Одежда изготовляется изъ шерсти или шелка. Марко Поло рассказываетъ, что китайскіе татары въ первый день своего года надѣваютъ бѣлыя платья, какъ знакъ счастья; бѣлый конь былъ аллегорической эмблемой доминиканскаго ордена, къ которому принадлежалъ Кампанелла, позаимствовавшій нѣкоторыя подробности своей утопіи изъ рассказовъ венеціанскаго искателя приключеній. Городъ Кампанеллы своей постройкой напоминаетъ императорскій дворецъ въ Пекинѣ, который по-татарски называется Камбалукъ.

Спокойная гигиеническая жизнь, наполненная умственнымъ и физическимъ трудомъ и развлеченіями, не омрачаемая никакими тревогами и заботами о завтраш-

¹⁾ Цвѣтъ одежды имѣлъ значеніе для Кампанеллы, какъ символъ. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Кампанелла говоритъ:

„Нашему вѣку подобаешь носить траурную одежду... Наше столѣтіе стыдится веселыхъ красокъ, ибо оно плачетъ о своемъ концѣ, плачетъ о наполняющей его тиранинѣ, о цѣпяхъ и узахъ, о свинцовыхъ пуляхъ, о западняхъ, разставляемыхъ кровожадными героями, и объ опечаленныхъ душахъ праведниковъ.

„...Этотъ цвѣтъ является также символомъ доходящей до крайности глупости, которая сдѣлала насъ слѣпыми, унылыми и злыми.

„...Я предвижу наступленіе того времени, когда люди вернутся къ бѣлой туникѣ, когда воля Всевышняго подниметъ насъ изъ тины, въ которой мы погрязли“.

нежь днѣ, даетъ гражданамъ возможность всегда быть сильными и здоровыми. Они страдаютъ только довольно часто отъ одной болѣзни—эпилепсїи. Послѣдняя «болѣзнь выдающихся людей: Геракла, Скота, Сократа, Калимаха и Магомета». Ее лѣчатъ молитвами и соотвѣтствующими гимнастическими упражненїями. Искусство врачеванїя у нихъ настолько же оригинально, насколько и просто. Больнымъ предписываются главнымъ образомъ молочныя и винныя ванны, умѣренное, но постепенно увеличивающееся движеніе, музыка и пляска. Тутъ кстати будетъ вспомнить, что еще спартанки купали новорожденныхъ въ винѣ, чтобы они сдѣлались крѣпче, и что Демокритъ якобы лѣчилъ ревматизмъ и рѣзь въ почкахъ звуками флейты.

* * *

Предоставляя воспитаніе и содержаніе дѣтей обществу, жители «Города солнца» препятствуютъ образованію отдѣльныхъ семей. Они это дѣлаютъ для сохраненїя общности имущества, «ибо частная собственность возникаетъ и развивается лишь благодаря тому, что каждый изъ насъ имѣетъ собственный домъ, жену и дѣтей». «Всѣ вещи у нихъ общія и раздаются отдѣльнымъ лицамъ властями. Искусство, почетныя должности, развлечения — общи для всѣхъ, и все такъ хорошо организовано, что никто не можетъ завладѣть чѣмъ либо для своего исключительно личнаго потребленїя». Хотя они не поклоняются богу католиковъ, но охотно читаютъ сочиненїя отцовъ церкви и любятъ цитировать ихъ взгляды въ защиту своихъ коммунистическихъ обычаевъ. Они напоминаютъ разсказъ Тертуліана о томъ, что у первыхъ христіанъ все было общее и что св. Климентъ, «согласно съ ученїями апостоловъ и Платона, думалъ, что слѣдовало бы ввести общность женъ, также какъ и общность имущества».

Граждане отлично знаютъ возраженїя противъ коммунизма, которыя со временъ греко-римской древности передаются изъ рода въ родъ защитниками частной собственности. Но эти возраженїя вызываютъ у нихъ лишь улыбку состраданїя. Аристотелю, который возражалъ Платону, что въ коммунистическомъ обществѣ никто не захочетъ работать и каждый пожелаетъ воспользоваться трудомъ другихъ—это возраженїе повторяется и до нынѣ всѣми капиталистами и ихъ сикофантами, — жители «Города солнца» отвѣчаютъ указанїемъ на свое отечество, которому граждане его преданы болѣе, чѣмъ когда либо были преданы своей родинѣ римляне.

Св. Августинъ утверждаетъ, что въ коммунистическомъ обществѣ не можетъ существовать дружба, потому что друзья не могутъ представлять другъ для друга никакихъ выгодъ. Этотъ святой, считавшій рабство божественнымъ установленїемъ, подобно тому, какъ Аристотель считалъ его естественнымъ закономъ, имѣлъ очень жалкое представленіе о дружбѣ, которая по его мнѣнію основывается на корыстныхъ побужденїяхъ. Это чисто христіанскій взглядъ. Поло Ондегардо, одинъ изъ ученыхъ юристовъ, посланный его католическимъ величествомъ, испанскимъ королемъ въ Перу, для защиты интересовъ испанской короны противъ дикихъ цивилизаторовъ, опустошавшихъ государство инковъ, установилъ, «что тамъ нѣтъ ни одного бѣднаго или нуждающагося индѣйца», и рѣшилъ, что эта коммунистическая организація — дьявольское изобрѣтеніе, имѣющее цѣлью ожесточить сердца дѣтей, снявъ съ нихъ обязанность кормить престарѣлыхъ и пугающихся родителей, а также искоренить христіанскую лю-

бовъ къ ближнимъ, избавивъ богатыхъ отъ необходимости подавать милостыню бѣднымъ. Граждане «Города солнца» имѣютъ гораздо болѣе высокое представление о дружбѣ, чѣмъ св. Августинъ. По ихъ мнѣнію она основывается не на корыстныхъ интересахъ, а на перенесенныхъ вмѣстѣ на войнѣ опасностяхъ, на совмѣстныхъ наслажденіяхъ искусствами, на совмѣстныхъ занятіяхъ научными изслѣдованіями, на совмѣстныхъ играхъ, а также на состраданіи, вызываемомъ мученіями и болѣзнями.

Далекіе отъ мысли, что корыстные интересы должны служить связью, соединяющею людей, они наоборотъ стараются не допускать, чтобы кто-нибудь зависѣлъ отъ другого или могъ извлекать изъ этой зависимости какую-нибудь пользу. Всѣ граждане получаютъ отъ общества все, что имъ нужно, и власти, распределяющія блага жизни, заботятся о томъ, чтобы никто не получалъ больше, чѣмъ необходимо для удовлетворенія его потребностей. Никому не отказываютъ въ томъ, что нужно для жизни. «Они богаты, потому что ни въ чемъ не терпятъ недостатка, и бѣдны, потому что не имѣютъ никакой собственности; слѣдовательно они не рабы обстоятельствъ, а наоборотъ, обстоятельства являются ихъ слугами».

Такъ какъ у нихъ нѣтъ частной собственности, то имъ не нужно ни денегъ, ни торговли. Они однако покупаютъ предметы, которыхъ сами не могутъ производить, у другихъ націй. «Но не желая быть испорченными порочными привычками купцовъ, они вступаютъ съ послѣдними въ сношенія только въ гаваняхъ своего государства».

Тѣмъ не менѣе они очень гостеприимны. «Они вѣжливы и добры по отношенію къ посѣщающимъ ихъ чужестранцамъ и содержатъ ихъ на государственнѣйшій счетъ. Пріѣзжему иностранцу прежде всего моютъ ноги; ему показываютъ городъ, указываютъ мѣсто въ совѣтѣ и за общимъ столомъ и назначаютъ спеціально для услугъ ему опредѣленныхъ лицъ. Если чужестранецъ желаетъ сдѣлаться гражданиномъ города, его принимаютъ послѣ двухмѣсячнаго испытанія; половина этого времени проводится имъ въ городѣ, половина въ деревнѣ».

«Городъ солнца» открытъ для всѣхъ, и Кампанелла приглашаетъ всѣ народы міра заняться сообща тѣмъ, что служитъ матеріальному, духовному и нравственному развитію человѣка, для того, чтобы снова наступилъ золотой вѣкъ».

П. Лафаргъ.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Коммунистическія и демократо-соціалистическія теченія въ англійской революціи XVII вѣка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе.

Свою буржуазную революцію противъ абсолютной монархіи Англія произвела на полтора столѣтія раньше Франціи, при условіяхъ, значительно отличающихся отъ условій, господствовавшихъ въ эпоху великой французской революціи. Тѣмъ не менѣе положеніе дѣлъ и ходъ обѣихъ революцій представляютъ вполне очевидную аналогію. Въ статьѣ, по поводу прусской мартовской революціи, помѣщенной въ «Новой Рейнской Газетѣ» въ декабрѣ 1848 года, Марксъ проводитъ слѣдующую параллель между англійской революціей XVII вѣка и французской XVIII.

«Въ 1648 году (годъ, въ который, во время англійской революціи, партія индепендентовъ завладѣла властью. Э. Б.) буржуазія заключила союзъ съ новымъ дворянствомъ противъ короля, феодаловъ и господствующей церкви; въ 1789 году также буржуазія соединилась съ народомъ противъ короля, дворянства и господствующей церкви.

«Прообразомъ революціи 1789 года служитъ революція 1648 года, а прообразомъ этой послѣдней—возстаніе Нидерландовъ противъ Испаніи. Такимъ образомъ обѣ революціи опередили на сто лѣтъ своихъ предшественниковъ не только по времени, но и по внутреннему содержанию.

«Въ обѣихъ революціяхъ буржуазія являлась классомъ, дѣйствительно стоявшимъ во главѣ движенія. Пролетаріатъ и не принадлежація къ буржуазіи группы населенія либо не имѣли никакихъ отдѣльныхъ отъ буржуазіи интересовъ, либо не представляли еще самостоятельно развившихся классовъ или подклассовъ. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда они выступали противъ буржуазіи, какъ напр. во Франціи въ 1793—1794 гг., они все-таки боролись только за интересы буржуазіи, хотя и не изъ буржуазныхъ побужденій.

Весь французскій терроръ не что иное, какъ плебейскій приѣмъ расправляться съ врагами буржуазіи, съ абсолютизмомъ, феодализмомъ и мѣщанствомъ.

«Революціи 1648 и 1789 гг. были не англійской и французской революціями, но европейскими. Онѣ не были побѣдой одного опредѣленнаго общественнаго класса надъ старымъ политическимъ порядкомъ; онѣ были провозглашеніемъ политическаго строя для новаго европейскаго общества. Въ той и въ другой побѣдила буржуазія; но побѣда буржуазіи была тогда побѣдой новаго общественнаго строя, побѣдой буржуазной собственности надъ феодальной, національности надъ провинциализмомъ, конкуренціи надъ цехомъ, дробленія земельной собственности надъ майоратомъ, господства собственника земли надъ господствомъ земли надъ собственникомъ, просвѣщенія надъ суевѣріемъ, семьи надъ фамиліей, промышленности надъ героической лѣтнью, гражданского права надъ средневѣковыми привилегіями». («Neue-Rhein. Zeitung» отъ 15 декабря 1848 года).

Разумѣется въ отношеніи сказаннаго сейчасъ должна быть принята во вниманіе разниа во времени для обѣихъ революцій. Говоря вообще, Англія, во время своей революціи, въ общемъ развитіи стояла на сто лѣтъ позади Франціи 1789 года, и ея общественныя подраздѣленія въ значительной степени отличались отъ французскихъ. Однако разстояніе между ними не во всѣхъ отношеніяхъ было одинаковаго характера и не всегда выражало собою большую отсталость въ развитіи.

Въ Англіи сохранилась лишь часть стараго феодальнаго дворянства; владѣтельные титулы массы ея земельной аристокатіи были новѣйшаго происхожденія и въ веденіи хозяйства она придерживалась буржуазныхъ принциповъ. Англія располагала многочисленнымъ свободнымъ крестьянствомъ, и жители ея городовъ представляли собой уже значительную экономическую силу. Конечно эти послѣдніе еще въ значительной степени состояли изъ цеховыхъ элементовъ, жизненныя условія которыхъ еще грубы и умственный горизонтъ сильно ограниченъ, во всякомъ случаѣ ограниченъ болѣе, чѣмъ умственный уровень части общества, группирующейся вокругъ двора. Но духовная ограниченность совѣтъ не мѣшала могучему развитію торговли; въ односторонности часто заключается тайна политическаго успѣха, и наконецъ буржуазія и обуржуазившійся классъ землевладѣльцевъ Англіи XVII вѣка имѣли дѣло съ королевской властью, которая не достигла такого блестящаго самодержавія, какого достигли Бурбоны въ лицѣ Людовика XIV.

Подробнѣе о социальномъ строѣ Англіи наканунѣ революціи мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Несмотря на различіе, существующее въ этомъ отношеніи между нею и Франціей, несмотря на разницу въ политическомъ строѣ обѣихъ странъ къ началу ихъ революцій и на различіе исходныхъ точекъ послѣднихъ,— можно провести между ними параллель, какъ въ смыслѣ историческихъ результатовъ этихъ революцій, такъ и въ смыслѣ формъ, въ которыхъ онѣ протекали. Англійская революція, которую официальные англійскіе историки, до сихъ поръ, въ противоположность «славной революціи» вивогъ 1688 года, называли «мятежомъ», но которая съ каждымъ днемъ все болѣе завоевываетъ всеобщее признаніе, подобно великой французской революціи, пошла въ своемъ теченіи гораздо дальше провозглашенныхъ въ началѣ цѣлей. Вдохновляемая въ общемъ не столько греческой и римской литературой, сколько Ветхимъ Заветомъ, она также

какъ и французская, ведетъ къ обезглавленію противящагося ей помазанника Божія; во время ея также различныя партіи и стоявшіе за ними различные слои общества одни за другими выступаютъ на первый планъ и берутъ на себя, смотря по обстоятельствамъ, либо руководящую роль, либо, если они на это не способны, роль двигательной силы. Послѣ эпохи военной диктатуры англійская революція тоже приходитъ къ временной реставраціи, которая, также какъ французская, неспособна возстановить положеніе, существовавшее до начала возстанія, и въ концѣ концовъ заключается слабымъ сколкомъ съ послѣдняго — уже упомянутой выше революціей виговъ 1688 года, «реставрирующей» то, что въ политическомъ смыслѣ послужило исходной точкой ея. У англійской революціи есть свои жирондисты — пресвитеріане, свои якобинцы или монтаньяры — индепенденты, свои гебертисты и бабувисты — левеллеры. Кромвель былъ ея Робеспьеромъ и Бонапартомъ въ одномъ лицѣ, Маратомъ и Геберомъ былъ левеллеръ Джонъ Лильбурнъ.

Всѣ эти сравненія могутъ быть приняты, само собою разумѣется, лишь условно. Если, напр., индепенденты значительно превосходили пресвитеріанъ революціонной энергіей, то въ отношеніи церкви они были децентралистами, въ то время какъ пресвитеріане стояли за централизацію кальвинистской церкви. Левеллеровъ, въ свою очередь, лишь въ томъ смыслѣ можно сравнить съ гебертистами, что они, не достигнувъ никогда господства, являются партіей, представляющей самый радикальный элементъ въ революціонномъ движеніи, и что этотъ радикализмъ, не смотря на коммунистическія тенденціи отдѣльныхъ вождей, на практикѣ проявляется почти исключительно въ формѣ политическихъ требованій и такимъ образомъ сохраняетъ политическій характеръ. Лишь на высшей точкѣ своего развитія движеніе левеллеровъ въ сектѣ или группѣ «истинныхъ левеллеровъ» порождаетъ дѣйствительно коммунистическое направленіе, которое не только предприняло очень оригинальную попытку коммунистической самопомощи, но также оставило намъ замѣчательный проектъ полного плана коммунистической реорганизаціи общества, который, повидимому, страннымъ образомъ, остался неизвѣстнымъ всѣмъ историкамъ англійской революціи. Въ религіозномъ смыслѣ большинство левеллеровъ лишь слабо отличается отъ массы индепендентовъ; какъ и послѣдніе, они по существу своему пуритане, но черезъ все ихъ движеніе проходитъ черта, обнаруживающая довольно сильное вліяніе анабаптистской пропаганды, а извѣстная часть ихъ вождей, были, повидимому, даже представителями несомнѣнно атеистически-раціоналистическихъ идей. Хотя личность, около которой группировалось движеніе левеллеровъ, въ смыслѣ духовнаго значенія, далеко отставала отъ Марата, все же «свободно рожденный Джонъ» — «freeborn John», какъ часто называетъ себя Джонъ Лильбурнъ въ своихъ памфлетахъ, — въ смыслѣ здороваго демократическаго инстинкта, безстрашія и рѣзкости при защитѣ плебейскихъ интересовъ, можетъ быть названъ достойнымъ предшественникомъ «Ami du peuple». Можно было бы также сказать «Père Duchesne'a», но памфлеты Лильбурна совсѣмъ не носятъ преувеличенно вульгарнаго характера словоизліяній Гебера.

Однако буржуазная историографія долго обращалась съ Лильбурномъ не лучше, чѣмъ съ редакторомъ «Père Duchesne'a». Карлейль говоритъ о немъ всегда, какъ о существѣ вѣчно вызывающемъ непріятности и шумъ, и даже Вильямъ Годвинъ въ своей исторіи англійской республики во многихъ отноше-

нихъ безусловно вѣрно понималъ Лильбурна, хотя именно отъ автора «Политической справедливости» можно было бы ожидать лучшаго пониманія такого политическаго дѣятеля, какъ Лильбурнъ; впрочемъ Годвинъ не отрицаетъ ни твердости его убѣжденій, ни его замѣчательныхъ способностей ¹⁾. Во всякомъ случаѣ Годвинъ, по крайней мѣрѣ, такъ подробно занимается дѣятельностью Лильбурна и левеллеровъ, что вліяніе ихъ на ходъ политической борьбы до провозглашенія республики — «Commonwealth», — въ его книгѣ обнаруживается довольно ясно. Послѣ Годвина историки собрали массу матеріала объ этомъ эпизодѣ революціи. Самому обстоятельному разбору онъ подвергнутъ въ новѣйшемъ сочиненіи по исторіи той эпохи, прекрасной книгѣ Самуила Равсона Гардинера: «History of the Great Civil War». Но это выдающееся сочиненіе доведено только до начала 1649 г. ²⁾ и потому не даетъ полной картины этого движенія. Къ тому же отъ автора ускользнули нѣкоторыя замѣчательныя особенности его: у него можно найти матеріалы для оцѣнки вліянія левеллеровъ, но не самую оцѣнку. Недавно англійскій социалистъ Г. Г. Спарлингъ, сдѣлавшій движеніе левеллеровъ предметомъ особаго изученія, въ качествѣ перваго результата своихъ трудовъ, опубликовалъ въ лондонскомъ еженедѣльникѣ «Weekly Times and Echo» біографію Джона Лильбурна, которая значительно помогла намъ въ нашей работѣ. У Спарлинга однако замѣчается недостатокъ, противоположный недостатку Карлейля: онъ идеализируетъ Лильбурна и слишкомъ низко цѣнитъ Кромвеля, противъ котораго Лильбурнъ выступалъ; только въ Лильбурнѣ онъ признаетъ хорошія стороны, въ Кромвелѣ же видитъ лишь карьериста, а иногда и попросту «мошеника крупнаго калибра». Это чрезчуръ субъективное отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ сильно понижаетъ цѣнность труда Спарлинга, которому впрочемъ принадлежитъ немаловажная заслуга, заключающаяся въ томъ, что онъ спасъ отъ забвенія или, вѣрнѣе, воскресилъ изъ гроба съ трудомъ проникающихъ въ народъ историческихъ сочиненій одну изъ интереснѣйшихъ личностей въ исторіи новѣйшихъ народныхъ движеній. Связнаго, систематическаго изложенія всего движенія левеллеровъ, а также разыгравшихся одновременно съ нимъ или вытекавшихъ изъ него движеній въ пользу низшихъ классовъ народа, до сихъ поръ еще не было. Матеріалъ для исторіи его чрезвычайно разбросанъ и еще совершенно не тронутъ. Причиной этого является главнымъ образомъ то обстоятельство, что эти матеріалы заключаются въ сочиненіяхъ религіознаго характера, благодаря

¹⁾ Не лучше сужденія Годвина о Лильбурнѣ, но зато картиннѣе сужденіе о немъ біографа Мильтона, Массона: „Вообще я люблю его и радъ, что онъ принадлежитъ исторіи Англій, но я думаю, что онъ былъ осель“. Masson, Life of John Milton. IV, стр. 120). Массонъ полагаетъ, что Мильтонъ, получившій 26 марта 1649 г. отъ государственнаго совѣта порученіе написать возраженіе на памфлетъ Лильбурна, намѣренно тянулъ съ выполненіемъ этого порученія до тѣхъ поръ, пока сами обстоятельства сдѣлали его ненужнымъ. Такого же взгляда держится и С. Р. Гардинеръ. „Онъ (Мильтонъ) вѣроятно слишкомъ симпатизировалъ лильбурновой защитѣ личной свободы, для того, чтобы могъ чувствовать склонность выступать его противникомъ“. (History of the Commonwealth and the Protectorate. I, стр. 41). О Лильбурнѣ подробнѣе будетъ сказано въ девятой главѣ.

²⁾ Передъ самымъ окончаніемъ настоящаго труда появился еще 1 томъ сочиненія Гардинера „History of the Commonwealth and the Protectorate“, которое доведено до конца 1651 года. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я еще имѣлъ возможность воспользоваться имъ.

этому свѣтскіе и церковные историки смотрятъ на эти движенія просто какъ на уродливыя видоизмѣненія реформаціонныхъ религіозныхъ движеній и поэтому, каждый со своей точки зрѣнія, осуждаютъ ихъ. Бывало даже, что религіозная оболочка движенія левеллеровъ отталкивала отъ изученія его и социалистовъ. Они забывали, что одна и та же религіозная форма въ различныя времена имѣеть и различное значеніе. Мы впрочемъ увидимъ ниже, что эта религіозная оболочка была очень тонка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Англія до середины XVII вѣка.

І. Экономическое и социальное развитіе.

Англія въ XVII столѣтіи еще въ очень значительной степени была земледѣльской страной. Населеніе ея около середины этого столѣтія равнялось приблизительно пяти милліонамъ, и сельское населеніе составляло по крайней мѣрѣ $\frac{3}{4}$ изъ нихъ. Кромѣ Лондона, тогда уже сильно процвѣтавшаго, англійскіе города были не особенно многолюдны. Очень внимательный наблюдатель, Григорій Кингъ, писавшій въ концѣ того вѣка, предполагаетъ, что въ ту эпоху, при населеніи въ пять съ половиной милліоновъ, приходилось на:

Лондонъ	530.000	жителей.
Большіе города и торговыя мѣстечки	870.000	»
Деревни и села	4.100.000	»
Всего	5.500.000	жителей.

Подобное же отношеніе между Лондономъ и всѣмъ вообще королевствомъ приводится также въ опубликованномъ въ 1687 году «Essays on Political Arithmetic» Вильяма Петти. Петти считаетъ населеніе Лондона съ предмѣстьями равнымъ 696.000, а населеніе всей Англіи и Уэльса равнымъ семи милліонамъ. По его мнѣнію, въ средній XVII столѣтія въ Лондонѣ было около полумилліона жителей. Его сѣнка приблизительно вѣрна, такъ какъ онъ зналъ Лондонъ время революціи. Кромѣ Лондона Петти называлъ британской столицей Бристоль, населеніе котораго, по его мнѣнію, состояло изъ 48.000 человекъ. Бристоль въ XVII столѣтіи былъ дѣйствительно довольно значительнымъ портомъ; онъ поддерживалъ оживленную морскую торговлю съ Испаніей и Португаліей и былъ центромъ шерстяной промышленности юго-западной Англіи. Съ Бристолемъ соперничалъ Норвичъ, центръ шерстяной промышленности восточныхъ графствъ. Затѣмъ въ числѣ болѣе значительныхъ городовъ названъ Соутваркъ, къ югу отъ Лондона (теперь онъ составляетъ часть послѣдняго), Глочестеръ, Экзетеръ, Ковентри, Честеръ, Соутгамптонъ, Гуль, Ньюкестль-на-Тайнѣ и Йоркъ.

Промышленность въ общемъ была еще мало развита и во всѣхъ почти отрасляхъ отставала отъ промышленности континента. Еще въ XVI вѣкѣ въ самой Англіи изготовлялись только самые грубые продукты, всѣ же болѣе тонкіе при-

возились изъ-за границы. Англія производила самую тонкую шерсть, но обрабатывала она въ теченіе очень долгаго времени только самые грубые сорта, а болѣе тонкіе обрабатывались за границей, главнымъ образомъ во Фландріи. Дѣло совершенно измѣнилось, когда религіозныя войны и религіозныя преслѣдованія въ Нидерландахъ заставили уйти въ Англію цѣлыя толпы фламандскихъ ткачей. Съ ихъ появленіемъ во второй половинѣ XVI вѣка начался подъемъ англійскаго шерстянаго ткачества. Сначала оно сосредоточивалось главнымъ образомъ въ Норфолькѣ и нѣсколькихъ сосѣднихъ графствахъ, а затѣмъ распространилось на западъ, гдѣ оно въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, было уже сильно развито. Подобнымъ же образомъ протестантскіе выходцы изъ Нидерландовъ принесли въ Англію искусство перерабатывать хлопчатую бумагу въ ткани. Первыми центрами этой отрасли промышленности были города Манчестеръ и Больтонъ въ Ланкаширскомъ графствѣ.

Только въ XVII столѣтіи началась болѣе широкая эксплуатація минеральныхъ богатствъ Англіи, но въ разсматриваемую нами эпоху она еще не играла особенно значительной роли. Значеніе каменнаго угля для доменныхъ печей только что было открыто, и прошли цѣлыя десятилѣтія, прежде чѣмъ Англія сама стала производить нужное для нея желѣзо. Еще въ 1720 году по Макферсону (*Annals of Commerce*, III, стр. 114) Англія получала изъ-за границы двѣ трети—20.000 изъ 30.000 тоннъ потребляемаго ею сырого желѣза.

По расчетамъ Григорія Кинга въ 1688 году въ Англіи жило:

Земледѣлемъ	4.265.000	человѣкъ.
Обрабатывающей промышленностью .	240.000	»
Торговлей	246.000	»

При составленіи этой таблицы не принята, конечно, въ расчетъ весьма значительная въ то время домашняя промышленность (производство для собственныхъ потребностей); кромѣ того, при составленіи ея совсѣмъ не входили въ разборъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, когда занятіе сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью совмѣщалось. Такимъ образомъ таблица вообще не даетъ достовѣрной картины тогдашняго производства. Тѣмъ не менѣе она показываетъ, въ какой незначительной степени, даже въ концѣ XVII вѣка, промышленность обособилась отъ домашняго и сельскаго хозяйства. Поэтому она представляетъ довольно значительный интересъ для оцѣнки социальныхъ явленій той эпохи.

Живущее земледѣлемъ населеніе распалось на классы: крупную аристократію, сельское дворянство, земледѣльческихъ поденщиковъ, а также на большую массу бѣдныхъ, «пауперовъ». Крупная земельная аристократія, даже феодальнаго происхожденія, уже успѣла совсѣмъ почти освободиться отъ всѣхъ феодальныхъ обязанностей и хозяйничала, какъ полный собственникъ унаслѣдованной земли, которая обрабатывалась либо черезъ управляющихъ, либо арендаторами. Сельское дворянство состояло изъ землевладѣльцевъ средней руки, потомковъ покущиковъ феодальныхъ и монастырскихъ имѣній, изъ разбогатѣвшихъ арендаторовъ и т. д. Многочисленный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ составляли отчасти крестьяне, отчасти мелкіе арендаторы. Первые страдали отъ постоянно повторявшихся захватовъ земли крупными землевладѣльцами, отъ расхищенія общинной земли и т. д., а послѣдніе отъ повышенія арендной платы жадными къ деньгамъ лэндъ-лордами

«Ренты (арендная плата) XVII столѣтія, хотя и кажутся намъ весьма незначительными, первоначально были установлены конкуренціей, а затѣмъ очень быстро превратились въ голодные ренты. Подъ голодную я подразумѣваю такую ренту, которая едва даетъ возможность существовать земледѣльцу, такъ что онъ не можетъ ни сконить что-либо, ни произвести какія бы то ни было улучшенія», — пишетъ извѣстный историкъ-экономистъ Торольдъ Роджерсъ ¹⁾. «Однако въ нѣкоторыхъ частяхъ Англій. — добавляетъ онъ, — особенно въ восточныхъ графствахъ, на западѣ и сѣверѣ существовалъ побочный промыселъ, настолько значительный, что крестьянинъ-арендаторъ могъ сравнительно равнодушно относиться къ возрастанію арендной платы». Этимъ побочнымъ промысломъ было шерстяное и льняное ткачество, которымъ во многихъ округахъ занималось большинство крестьянъ. «Такимъ же побочнымъ промысломъ было шерстяное ткачество въ извѣстныхъ частяхъ Ланкашира и Йоркшира; это помнитъ еще если не все, то во всякомъ случаѣ часть живущаго теперь поколѣнія». (Ibid). Но въ Йоркширѣ и Ланкаширѣ въ XVII вѣкѣ шерстяная промышленность играла далеко не такую важную роль, какъ въ восточныхъ графствахъ, гдѣ мы и должны искать въ ту эпоху сравнительно независимаго отъ лэндлорда мелкаго арендатора ²⁾.

Сельскохозяйственные рабочіе были уже подчинены прелестному рабочему статуту Елизаветы, цѣль котораго по Торольду Роджерсу была тройкая: «1) Уничтожить союзы рабочихъ; 2) создать хорошо дѣйствующій механизмъ для контроля; 3) ограниченіемъ права ученичества въ промышленности сдѣлать земледѣльческихъ батраковъ низшимъ слоемъ наемныхъ рабочихъ, иными словами, значительно увеличить предложеніе труда» (ibid., стр. 40). Какъ извѣстно, рабочій статутъ устанавливалъ семилѣтній срокъ ученичества, кромѣ того, кунцы и мастера извѣстныхъ ремеселъ могли принимать въ ученье только сыновей крестьянъ, владѣющихъ землей, дающей опредѣленный минимальный доходъ. Вознагражденіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и рабочихъ въ нѣкоторыхъ

¹⁾ Th. Rogers, The Economic Interpretation of History, Лондонъ. Фишеръ Уинивъ, 1891 г., стр. 174.

²⁾ Можетъ показаться страннымъ, что, несмотря на начавшуюся въ концѣ XV вѣка и продолжавшуюся въ теченіе всего XVI-го эксплуатацію земли капиталистическими арендаторами, несмотря на массовое изгнаніе крестьянъ съ цѣлью превращенія пахатной земля въ пастбище, въ Англій все-таки существовало такое большое число крестьянъ и мелкихъ арендаторовъ. Однако земледѣльская революція протекала далеко не безпрерывно и не безпрепятственно. При Генрихѣ VII и его преемникахъ издавались всевозможные законы, имѣвшие цѣлью сохраненіе крѣпкаго крестьянства; и хотя эти законы передъ земельной жадностью крупной аристократіи оказывались обыкновенно не крѣпче нитокъ, все же они кое-гдѣ замедлили процессъ. Важно однако другое обстоятельство, которому Марксъ въ своемъ „Капиталѣ“ придаетъ значеніе главной причины явленія. „Англій, — говоритъ онъ, — является попеременно то страной преимущественно земледѣльской, то страной преимущественно скотоводческой; и въ связи съ этими колебаніями измѣняются также и размѣры крестьянскаго хозяйства“. Марксъ, Капиталъ, I, изд. О. Поповой, стр. 633. Такъ, напр., во время религіозныхъ войнъ въ Нидерландахъ сбытъ англійской шерсти въ эту страну понизился, а вмѣстѣ съ нимъ уменьшилось и скотоводство. Но, съ другой стороны, благодаря тому же обстоятельству, тѣмъ же распространилось въ деревняхъ въ видѣ домашней промышленности и, какъ нами было указано выше, помѣшало разоренію занимавшихся имъ мелкихъ арендаторовъ лэндлордами, увеличивавшими арендную плату. За ткачествомъ позднѣе послѣдовали и другія отрасли мануфактуры.

отрасляхъ промышленности устанавливалось ежегодно мировыми судьями, и почтенные «Догбери» такъ успѣшно выполняли свои обязанности, что Торольдъ Роджерсъ, просмотрѣвшій массу счетовъ, такъ и т. д., нашель, что несмотря на угрожавшіе штрафы, уплачиваемое фактически вознагражденіе всегда было выше установленнаго судьями. Для восьми различныхъ категорій рабочихъ— пять изъ нихъ обученные ремесленники, а три необученные или сельско-хозяйственные рабочіе,—Роджерсъ сравнилъ установленныя судьями и дѣйствительно уплаченныя вознагражденія съ 1593 до 1684 года: при этомъ онъ нашель, что въ среднемъ первые составляли 5 шиллинговъ 1 пенни въ недѣлю, а послѣдніе 6 шил. 6 пенсовъ, т.-е. почти на 30 процентовъ больше первыхъ. «Хозяинъ былъ великодушнѣе судьи» (ст. 44). Нерѣдко, вѣроятно, нарушение буржуазнаго закона вызывалось желѣзной необходимостью¹⁾.

Торольдъ Роджерсъ указываетъ еще на одинъ фактъ изъ эпохи, когда законъ еще примѣнялся на практикѣ (въ XVIII столѣтія онъ сдѣлался излишнимъ и поэтому не примѣнялся), и этотъ фактъ имѣетъ особое значеніе для насъ. Во время республики—«Commonwealth», устанавливаемая судьями такса заработной платы выше, чѣмъ до этого и послѣ этого, при монархіи. Въ 1651 году онѣ были ниже фактически уплачиваемыхъ вознагражденій на $4\frac{1}{4}$ пенса, въ 1655 году—только на $2\frac{1}{4}$ пенса; но какъ только монархія была восстановлена, судьи стали дѣйствовать попрежнему и понизили вознагражденія такъ, что они стали на 3 шиллинга ниже фактически уплачиваемыхъ. «Пуритане были, можетъ быть, строгими людьми, но у нихъ было извѣстное чувство долга. Кавалеры были, можетъ быть, вѣжливыми людьми, но у нихъ повидимому не было иной добродѣтели, кромѣ той, которую они называли лояльностью. Если бы въ XVII вѣкѣ я былъ деревенскимъ жителемъ, то, думается мнѣ, предпочелъ бы пуританъ» (Роджерсъ, *ibid.*, стр. 45²⁾).

¹⁾ В. Каннинггамъ утверждаетъ въ своемъ сочиненіи: *The Growth of English Industry and Commerce* (Кембриджъ 1890/92 гг.), въ противоположности Роджерсу, что при Яковѣ I статуть былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что штрафъ назначался только за уплату болѣе низкаго вознагражденія, чѣмъ установленное мировыми судьями. Поэтому статуть со временъ Якова едва ли могъ вліять неблагоприятно на заработную плату. Вѣрно, что рабочій статуть 1604 года предписываетъ штрафы лишь для тѣхъ, кто платитъ „не столько, сколько“ установлено, но во введеніи къ закону ничего не говорится о томъ, что эта новая формулировка должна выразить новыя принципы. Наоборотъ, цѣлью этого акта называется только распространеніе закона Елизаветы на суконщиковъ и т. д. и измѣненіе правилъ о процедурѣ установленія таксъ. Вообще же законъ полностью повторилъ прежнія правила и поэтому писавшій ихъ вѣроятно считалъ выраженіе „не столько“ равнозначущимъ съ выраженіемъ „больше или меньше“; впрочемъ тамъ, гдѣ были упразднены гильдіи, не было инстанціи, которая могла бы считать своей задачей доносить о тѣхъ случаяхъ, когда мастера по добровольному соглашенію платили болѣе, чѣмъ было установлено. Но тамъ, гдѣ болѣе высокія вознагражденія достигались путемъ комбинацій, можно было сослаться на гораздо болѣе суровыя наказанія за эти послѣднія.

По Каннинггаму вознагражденіе сельскохозяйственнаго рабочаго въ описываемую эпоху составляло обыкновенно 6 пенсовъ въ день лѣтомъ и 4 пенса зимой. Кромѣ того, три раза въ день давалась пища, въ составъ которой неизмѣнно должны были входить масло, молоко, яйца или сало. Если принять во вниманіе разницу между стоимостью денегъ и общими условіями жизни тогда и теперь, то окажется, что сельскохозяйственный рабочій въ то время экономически былъ поставленъ безусловно въ лучшія условія, чѣмъ теперь.

²⁾ „Пока существовала республика, все слои англійской народнои массы поднялись изъ того состоянія приниженія, въ которое они опустились при Тюдорахъ.“

Обція условія деревенской жизни не допускали развитія сильного классового противорѣчія между мелкимъ крестьянствомъ и сельскохозяйственными помещиками. По самому своему образу жизни и по роду труда эти классы, за исключеніемъ пролетаріевъ, превратившихся въ бродягъ, стояли слишкомъ близко другъ къ другу, для того, чтобы среди нихъ могли происходить иные конфликты, кромѣ чисто личныхъ или случайныхъ. Настоящее и во многихъ мѣстахъ сильно чувствовавшееся классовое противорѣчіе существовало только между мелкими арендаторами, мелкими крестьянами и солидарными съ ними земледѣльческими рабочими съ одной стороны, и крупными землевладѣльцами съ другой; тѣмъ болѣе, что послѣдніе были большею частью новѣйшаго происхожденія.

Положеніе дѣла въ ремеслѣ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, было аналогично этому. Вопросъ о заработной платѣ въ такой степени былъ урегулированъ закономъ или установленными послѣднимъ таксами вознагражденія, что оставалась возможность только вступать въ личныя соглашенія. Конфликты конечно случались, но ни одному подмастерью и въ голову не приходило сомнѣваться въ правѣ на существованіе мастеровъ, какъ «сословія». Не могли они также чувствовать себя «солидарными» съ подмастерьями другихъ ремеселъ. Кромѣ того, благодаря продолжительному сроку ученичества въ главныхъ отрасляхъ промышленности, число подмастерьевъ было очень ограничено. Но къ этому мы еще вернемся ниже. Болѣе сильный антагонизмъ существовалъ зато между рабочими ремеселъ, развивавшихся въ мануфактуры, съ одной стороны, и торгующими ихъ произведеніями купцами съ другой. Уже въ 1555 году ткачи жалуются, что «богатые и состоятельные торговцы сукнами всячески утѣсняютъ ихъ», давая работу на собственныхъ ткацкихъ ставкахъ необученнымъ рабочимъ, отдавая въ наемъ за извѣстную плату ткацкіе станки и, кромѣ того, «нѣкоторые изъ нихъ платятъ также гораздо меньше вознагражденія за тканье и изготовленія сукна, чѣмъ прежде». Такъ говорится во введеніи къ «закону, касающемуся ткачей», изданному при католической Маріи. Удовлетворяя цитированную выше жалобу, этотъ законъ ограничиваетъ число ткацкихъ станковъ, которымъ могло владѣть одно лицо, двумя въ городахъ и однимъ въ селахъ, и запрещаетъ сдачу ихъ въ наемъ. Этимъ способомъ развитіе мануфактуры, по видимому, довольно долгое время въ значительной степени задерживалось, но въ концѣ концовъ «духъ времени» оказался сильнѣе, и неудобное предписаніе обходилось всевозможными путями, о чемъ свидѣтельствуютъ постоянно возобновляющіяся жалобы мастеровъ на купцовъ. Однако извѣстно, что запретительныя предписанія этого рода въ XVIII столѣтіи повели къ тому, что громадныя техническія революціи въ процессѣ тканья и пряденья совершились не въ старой, шерстяной, а въ сравнительно молодой еще хлопчатобумажной промышленности. Во всякомъ случаѣ въ разсматриваемую нами эпоху между ткацкими мастерами и купцами существовало весьма ощутительное, настоящее классовое противорѣчіе. Такъ было и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ между производителемъ и потребителемъ становился купецъ. Большую

(Марксъ, Капиталь, I, изд. О. Поповой, стр. 633, примѣч.). Почему „извѣстное“ уриганское чувство долга, о которомъ говоритъ Роджерсъ, вдругъ обуяло судей—объясняется тѣмъ, что вліяніе рабочаго класса увеличилось, благодаря борьбѣ между королемъ и парламентомъ. Впрочемъ данныя Роджерса относятся къ сравнительно маленькой группѣ констатированныхъ имъ самымъ примѣровъ, которые, однако, можно считать типичными.

ненависть къ себѣ вызывали также продаваемые или сдаваемые на откупъ нуждающимися въ деньгахъ правительствами монополіи, благодаря которымъ во мвогихъ отрасляхъ промышленности цѣны на сырые матеріалы страшно возросли.

Это послѣднее обстоятельство приводитъ насъ къ обзору политическаго строя страны при вступленіи на престолъ Карла I.

II. Политическія и религіозныя условія. Возстаніе Кета.

Мы должны теперь вернуться нѣсколько назадъ. До Тюдоровъ Англія была феодальнымъ государствомъ, съ болѣе или менѣе сильною, смотря по обстоятельствамъ, центральной властью. Дворянство въ 1215 году вынудило у короля Іоанна Великую Хартію (Magna Charta), запрещающую королямъ вѣзять какіе бы то ни было налоги за исключеніемъ немногихъ постоянныхъ податей, безъ разрѣшенія парламента, не спросившись «совѣта» духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ 1265 году, Симонъ де Монфоръ, графъ Лейчестеръ, чтобы еще болѣе увеличить вліяніе парламента, издалъ отъ имени находившагося у него въ плѣну короля (Генриха III) распоряженіе, чтобы отъ каждаго графства въ парламентъ избирались два рыцаря¹⁾ и отъ каждаго города два гражданина. Это представительство «общинъ» впослѣдствіи развилось въ представительное учрежденіе, засѣдающее отдѣльно отъ лордовъ. Короли при случаѣ старались пользоваться имъ противъ послѣднихъ. Но съ другой стороны, вмѣстѣ съ ростомъ городовъ и возрастающимъ значеніемъ мелкаго сельскаго дворянства, это представительное учрежденіе стало пріобрѣтать все большее вліяніе на королей, а также на ихъ чиновниковъ и совѣтниковъ. Въ общемъ парламентъ, конечно, долгое время оставался машиной, соглашающейся на отпускъ денегъ, къ которой короли прибѣгали, когда имъ нужны были деньги, и которая, при удобномъ случаѣ, за свое согласіе выговаривала себѣ всякаго рода уступки. Такъ какъ сѣточное вознагражденіе депутатамъ выдавалось отъ графствъ и городовъ, пославшихъ ихъ, то нерѣдко случалось, что города вносили петиціи объ освобожденіи ихъ отъ права представительства, которое только обременяло ихъ. Самое право избранія также не было вовсе одинаково нѣмною всѣми привилегіей. Въ городахъ имъ, повидимому, долгое время пользовались только старшины городскихъ корпорацій, а въ графствахъ нерѣдко лишь незначительное число рыцарей и крестьянъ изъ ближайшихъ окрестностей того мѣста, гдѣ производились выборы, происходившіе публично. Причиной индифферентнаго отношенія къ выборамъ было то обстоятельство, что до XVI столѣтія еще не существовало партій въ вопросахъ, разбираемыхъ парламентомъ. Только въ 1430 году, при Генрихѣ VI, право голосованія въ графствахъ ограничивается владѣльцами свободной земли, дающей не менѣе 40 шиллинговъ годового дохода, потому что «выборы представителей отъ графства производились послѣднее время большими шумными толпами неумѣющихъ вести себя прилично людей, изъ которыхъ большинство были люди съ малыми доходами и незначительнымъ по-

¹⁾ Рыцаремъ долженъ былъ считаться всякій, кто получалъ ежегодно не менѣе 20 фунтовъ стерлинговъ чистаго дохода (при теперешней цѣнности денегъ, конечно гораздо больше).

ложеніемъ» (Statute 8, Henry VI, cap. 7, цитировано въ книгѣ Галлама «The constitutional History of England»), что доказываетъ, какъ сильно было чувство самоувѣренности въ «людяхъ съ небольшими доходами». При томъ же королѣ парламентъ добился важнаго права подавать вмѣсто петицій о законахъ, законопроекты. При Ричардѣ III парламентъ сдѣлалъ постановленіе, что король не имѣетъ права взимать никакіе принудительные налоги, дѣлать принудительные займы и принимать подарки («Benevolences»).

Но война Алой и Бѣлой розы и войны съ Франціей настолько опустошили ряды дворянства и такъ ослабили его, что при наслѣдникѣ Ричарда, «законномъ» королѣ Генрихѣ Тюдорѣ, а еще болѣе при его сынѣ Генрихѣ VIII, парламентъ сдѣлался просто безвольнымъ орудіемъ въ рукахъ короля. При этихъ короляхъ benevolences, — буквально — дары любви — и другія обязательства изъ феодальной эпохи, сильно въ ходу, «займы» короля нерѣдко объявляются недѣйствительными, распоряженія короля получаютъ силу законодательныхъ актовъ, создаются новыя государственныя преступленія и особенная государственная судебная палата для неудобныхъ государственныхъ преступниковъ (судъ «звѣздной палаты»); къ этому присоединяется при Елизаветѣ еще учрежденіе, объявленное въ 1583 году постояннымъ, а именно исключительная судебная палата («High Commission Court») для суда надъ тѣми, кто отрицаетъ верховную власть короля надъ церковью и надъ церковными дѣлами. Провозглашеніе верховной власти короля надъ церковью было вѣнцомъ «реформаціи» Генриха VIII. Оно имѣло цѣлю, во-первыхъ, положить конецъ вмѣшательству папы въ англійскія государственныя дѣла, а во-вторыхъ, и это было гораздо важнѣе, потому что вліяніе папы въ Англии было чрезвычайно незначительнымъ, — превратить духовенство въ орудіе абсолютной королевской власти. Въ-третьихъ, послѣ провозглашенія верховнаго главенства, послѣдовало разрушеніе монастырей и конфискація громадныхъ состояній ихъ, которыя расточительный король въ скоромъ времени израсходовалъ. Весьма понятно, что такого рода реформація не пользовалась единодушнымъ одобреніемъ даже тѣхъ, кто вообще то былъ противникомъ римской церкви, тѣмъ болѣе, что Генрихъ сохранилъ большинство догматовъ и обрядовъ послѣдней. Какъ католики, такъ и искренніе сторонники реформаціи были одинаково недовольны; произошло нѣсколько мятежей, въ которыхъ принимало особенно дѣятельное участіе сельское населеніе. При Генрихѣ VIII и его несовершеннолѣтнемъ сынѣ Эдуардѣ VI мятежи успѣшно подавлялись, но когда послѣдній въ 1553 году умеръ, побѣдоносное возстаніе низвергло продолжателей реформаціи и возвело на престолъ католичку Марію.

Большая часть этихъ мятежей происходила въ царствованіе Эдуарда VI, вступившаго на престолъ въ 1547 году. Такъ какъ онъ былъ несовершеннолѣтній, то вмѣсто него правилъ сначала его дядя и опекунъ, герцогъ Сомерсетскій. Въ іюнѣ 1549 года возстали девонширскіе крестьяне и потребовали возвращенія къ старой вѣрѣ. Они заставили священниковъ служить обѣдно по латыни и въ концѣ концовъ направились къ столицѣ графства, къ богатому Экзетеру, который и осаждали въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, пока предводительствуемое лордомъ Росселемъ и состоявшее большею частью изъ чужеземныхъ наемниковъ войско не перебило ихъ. Въ этомъ возстаніи обнаружилась главнымъ образомъ религіозная сторона оппозиціи, но зато возникшее въ томъ же мѣсяцѣ возстаніе сельскаго населенія Норфолька подъ предводительствомъ Ро-

берта Кета носило ясно выраженной социальнo-политическiй характеръ и было направлено противъ сельской аристократiи. Кетъ самъ былъ довольно состоятеленъ ¹⁾, и мотивы, заставившiе его стать во главѣ движенiя, не вполне ясны. Онъ два раза со своимъ мятежнымъ войскомъ бралъ Норвичъ и въ своемъ лагерьѣ подъ громаднымъ дубомъ открыто творилъ судъ. Народъ массаи стекался къ нему, но неопытные въ военномъ дѣлѣ крестьяне и рабочiе не въ состоянiи были бороться съ регулярнымъ войскомъ. Когда 28 августа 1549 года между повстанцами, подъ предводительствомъ Кета, и правительственнымъ войскомъ, подъ начальствомъ Джона Дудлея, графа Варвикскаго, дѣло дошло до сраженiя въ открытомъ полѣ, повстанцы потерпѣли страшное пораженiе. Кетъ и его брать были взяты въ плѣнъ и послѣ чисто формальнаго допроса — повѣшены, а въ мятежныхъ округахъ съ обычнымъ звѣрствомъ былъ восстановленъ порядокъ.

Какъ всѣ почти возстанiя бѣднѣйшихъ классовъ, такъ и это съ самаго начала и въ теченiе долгаго времени изображалось исключительно въ томъ освѣщенiи, какое ему давали его побѣдоносные враги. Главнымъ источникомъ «классическаго» историка этого движенiя Александра Невилля было сочиненiе Николая Сотертонна, по собственному его признанiю, ненавистнаго мятежникамъ и трусливо спрятавшагося отъ нихъ норвичскаго гражданина, который конечно былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы изобразить все движенiе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ ²⁾. Но несмотря на то, что его сочиненiе безусловно враждебно Кету и предводительствуемымъ имъ мятежнымъ крестьянамъ, все же оно, помимо воли, свидѣтельствуетъ объ умѣренности предъявленныхъ ими требованiй и объ ихъ бережномъ отношенiи къ человѣческой жизни. Въ томъ же родѣ описано возстанiе въ «Chronicles» Голлиншеда, который также опирался преимущественно на Сотертонново сочиненiе. Заслуга собранiя разсѣяннаго въ государственныхъ актахъ, въ частныхъ и мѣстныхъ хроникахъ материала объ этомъ возстанiи и правильнаго освѣщенiя его принадлежитъ появившемуся въ 1859 году въ Лондонѣ этюду Ф. В. Росселя «Возстанiе Кета въ Норфолькѣ». Онъ только составленъ нѣсколько безсвязно и въ немъ проглядываютъ мелко-буржуазные взгляды автора. Систематическое, но зато и болѣе холодное изображенiе общихъ чертъ возстанiя и связи его съ событiями того времени дано въ V томѣ книги I. А. Фруде, «History of England from the Fall of Wolsey to the Defeat of the Spanish Armada».

Связанныя съ проведенiемъ «реформацiи» въ Англии крестьянскiя возстанiя имѣютъ такое большое значенiе для нашей темы, что имъ можно было бы отвести отдѣльную главу. Но мы вынуждены ограничиться при изложенiи возстанiя Кета лишь указанiемъ на нѣкоторыя отдѣльныя важныя обстоятельства.

Названный по имени Кета мятежъ, какъ мы уже говорили выше, не представлялъ собою единичнаго явленiя. Среди сельскаго населенiя и его друзей повсюду происходило глухое броженiе, то тамъ, то здѣсь обнаруживавшееся яркими вспышками. Такъ, въ 1537 году, въ то время какъ на сѣверѣ (въ Йоркширѣ) народъ возстаетъ за католическую вѣру, въ Вальсингамѣ (Норфолькѣ) прежде-

¹⁾ Онъ происходилъ изъ древняго нормандскаго рода и принадлежалъ къ мелкому сельскому дворянству. Между прочимъ онъ былъ владѣльцемъ скорняжнаго заведенiя.

²⁾ Сочиненiе это озаглавлено: „The commoyson (commotion — возстанiе) in Norfolk“. Заглавiе труда Невилля слѣдующее: „De furoribus Norfolciensium Duce Ketto“.

временно раскрывается заговоръ противъ дворянъ и главари заговорщиковъ подвергаются казни. Вскорѣ послѣ этого государственному совѣту доносить, будто одна женщина, Елизавета Вудъ изъ Эльсгама (Норфолькъ), сказала: «жаль, что этихъ вальсингамцевъ открыли; ибо у насъ никогда не будетъ хорошихъ порядковъ, пока мы не соединимся и, по словамъ пѣсни, не

Сдѣлаемъ дѣла при помощи дубинъ
И сапогъ съ гвоздями,

«ибо намъ никогда не жилось хорошо, съ тѣхъ поръ какъ царствуетъ этотъ король» (Генрихъ VIII). Въ отчетѣ говорится, что она упрямая и противная («ongracious») женщина. Гораздо свирѣпѣе и ужаснѣе звучатъ слова, приписываемыя вѣскому Джону Валькеру изъ Грестона, произнесенныя въ 1540 году¹⁾. Но крупные земельные хищники не обращали вниманія на эти предостереженія. Они полагались на драконовскія мѣропріятія Генриха противъ всякихъ возстаній и продолжали изгонять крестьянъ, увеличивать арендную плату, присваивать себѣ монастырскія имущества за невѣроятно дешевыя цѣны и огораживать общинныя земли или захватывать ихъ подъ пастбища.

Сомерсетъ, опекунъ Эдуарда VI, какими бы онъ ни отличался вообще пороками, повидимому чувствовалъ извѣстную симпатію къ бѣднѣйшимъ классамъ, ибо вскорѣ послѣ того, какъ онъ взялъ на себя опеку, суровые законы противъ лоллардовъ были отмѣнены, и въ парламентъ былъ внесенъ законопроектъ противъ огораживанія. Однако, обѣ палаты и слышать ничего не хотѣли о послѣднемъ и внесеніе его приписывали просто желанію заслужить популярность. Впослѣдствіи Сомерсетъ прямо былъ обвиненъ въ томъ, что онъ своимъ мягкимъ отношеніемъ поддержалъ возстаніе Кета²⁾. Дѣло въ томъ, что Сомерсетъ въ 1548 году предписалъ созывъ комиссіи, которая должна была провѣрять за-

¹⁾ „Если бы три или четыре хорошихъ парня, снабженныхъ каждый колокольчикомъ, выѣхали ночью и кричали въ каждой попутной деревушкѣ: въ Свафгамъ, въ Свафгамъ! (мѣстечко, находящееся на разстояніи около шести миль отъ Норвича) то на слѣдующее утро собралось бы по крайней мѣрѣ десять тысячъ человѣкъ, и тогда слѣдовало бы выступить какому-нибудь смѣлому парню и сказать: люди добрые! вотъ мы здѣсь собрались; вы знаете, какъ поступаютъ съ нами всѣ эти господа и какъ мало они выказываютъ намъ доброжелательства. Пойдемте къ нимъ въ дома; тамъ мы найдемъ оружіе, деньги и съѣстные припасы. Тѣхъ изъ нихъ, которые не присоединятся къ намъ, мы убьемъ — да, мы убьемъ даже дѣтей ихъ въ колыбеляхъ, ибо было бы очень хорошо, если бы въ Норфолькѣ было столько господъ, сколько тамъ есть бѣлыхъ быковъ“. („For yt were a good thing if ther were so many gentylmen in Norfolk as ther by whyt bulles“).

²⁾ Въ названномъ выше сочиненіи Невилль повторяетъ эти обвиненія. „Гордъ протекторъ въ то время жестокимъ обращеніемъ со своимъ братомъ вызвалъ враждебныя отношенія со стороны простого народа. Чтобы вернуть себѣ его расположеніе, онъ въ началѣ мая выпустилъ прокламацію, въ которой говорилось, что всѣ лица, огородившія землю, принадлежавшую раньше общинамъ, должны были къ извѣстному дню уничтожить изгороди, подъ угрозой извѣстнаго штрафа за невыполненіе указа. Благодаря этому простонародье во многихъ частяхъ государства до того осмѣлилось, что не дожидаясь установленнаго прокламаціей срока, стало сходитья на мятежныя сборища, вырывало колья, раскапывало земляные валы, засыпало канавы и такимъ образомъ привело загороженную въ послѣднее время землю въ такой видъ, какой она имѣла прежде“. (Стр. 1 опубликованнаго въ 1750 году въ Норвичѣ англійскаго изданія). Очень сомнительно, чтобы „простонародье“ стало заботиться о судьбѣ честолюбиваго брата Сомерсета, Сеймура.

конность всѣхъ произведенныхъ послѣ извѣстнаго срока огораживаній, а въ случаѣ незаконности ихъ, должна была распорядиться снесеніемъ изгородей. Сельское же населеніе, узнавъ объ этомъ распоряженіи, взяло дѣло въ свои руки и начало по своему «ревизовать» изгороди. Тогда Сомерсетъ—въ маѣ 1549 года—якобы открыто сказалъ, что «дѣйствія народа ему чрезвычайно нравятся и корыстолюбіе господъ оправдываетъ движеніе» (Фруде, *ibid.* стр. 168). Разумѣется власти вездѣ приняли мѣры, но онѣ дѣйствовали безъ особенной энергіи, между тѣмъ какъ съ другой стороны коммиссія существовала, повидимому, только на бумагѣ. Вслѣдствіе этого, въ теченіе лѣта 1549 года среди сельскаго населенія происходили всевозможныя тайныя сборища, на которыхъ говорились озлобленныя рѣчи противъ аристократовъ. Невилль снабжаетъ ихъ риторическими украшениями, но содержаніе ихъ по существу вѣроятно не особенно отличалось отъ того, которое онъ передаетъ.

Вотъ образецъ этихъ рѣчей: «Мы не можемъ дольше переносить такія большія и жестокія несправедливости. Мы не можемъ дольше сложа руки допускать претензіи аристократіи и сельскаго дворянства; лучше намъ взяться за оружіе, лучше привести въ движеніе небо и землю, чѣмъ терпѣть такіе ужасы. Если природа создаетъ для нихъ тѣ-же плоды, какъ и для насъ, если она дала намъ такую же душу и тѣло, то мы желали бы знать, все ли это, чего мы можемъ ожидать отъ нея. Посмотрите на нихъ и затѣмъ взгляните на насъ: развѣ у всѣхъ насъ не одинаковое тѣло, развѣ всѣ мы не родимся одинаковымъ образомъ? Почему же ихъ образъ жизни, ихъ судьба совсѣмъ иная, чѣмъ наши? Мы ясно видимъ, что безобразія достигли крайняго предѣла, и рѣшили принять крайнія мѣры. Мы снесемъ изгороди и заборы, засыплемъ канавы, вернемъ общинныя земли и сравняемъ съ землей всѣ безъ исключенія загородки, возведенныя съ позорной низостью и безчувственностью». Еще раньше говорилось: «Они высосали у насъ кровь изъ жилъ и мозгъ изъ костей, общинныя земли, оставленныя нашими предками для пользованія намъ и нашимъ семьямъ, отняты у насъ. Земли, которыя на памяти нашихъ отцовъ были открыты, теперь окружены рвами и изгородями, пастбища тщательно огорожены, такъ что никто не можетъ попасть на нихъ» (Russel, *Life of Ket*, стр. 23, 24).

Въ началѣ іюля 1549 года дѣло дошло до открытаго возстанія. Устроенное въ честь Томаса Бекета празднество въ мѣстѣ жительства Кета, Уаймонтгамъ, на которое собралось множество сельскихъ жителей, было использовано для привлеченія новыхъ приверженцевъ, и тутъ же былъ данъ сигналъ къ возстанію. Съ празднества всѣ отправились въ расположенныя въ окрестностяхъ помѣстья одного особенно ненавистнаго лэндъ-лорда и свесли тамъ изгороди; когда питавшій за что-то злобу противъ Кета, благородный дворянинъ увидѣлъ, что всякое противодѣйствіе будетъ бесплодно, онъ предложилъ мятежникамъ денегъ, если они снесутъ изгороди также и у Кета. Они конечно охотно согласились на это, но когда они пришли къ Кету и на его вопросъ: что имъ нужно? сказали, что хотятъ у него, какъ и всюду, снести изгороди, онъ будто бы отвѣтилъ имъ, что это справедливо и что онъ не только не станетъ противо-дѣйствовать имъ, но наоборотъ первый приметъ за дѣло. Но для того, чтобы они могли довести свое дѣло до благополучнаго конца, — говорилъ онъ, — они должны организоваться и выбрать себѣ вождя. Если они желаютъ, — добавилъ

онъ,—то онъ готовъ стать во главѣ ихъ. Послѣ недолгихъ совѣщаній они приняли его предложеніе, и энергичный, очень талантливый, несомнѣнно честный человекъ, съ помощью своего брата Вильяма, сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы превратить безпорядочную толпу въ способное къ борьбѣ и противодѣйствію мятежное войско. На холмѣ, подѣ Норвичемъ—«Mousehold Hill» — онъ сѣдѣлъ свой лагерь, куда вскорѣ собралось свыше 10.000 человекъ, да и впоследствии не переставали стекаться все новые люди. Подѣ громаднымъ дубомъ, окрещеннымъ имъ дубомъ реформъ, онъ держалъ совѣтъ и творилъ судъ. Онъ дѣлалъ распоряженія, какія именно изгороди должны быть снесены, разсылалъ «отъ имени короля» вызовы въ судъ, приказывалъ производить реквизиціи и т. д., и т. д. Затѣмъ онъ составилъ петицію на имя правительства, въ которой перечислялъ жалобы и требованія сельскаго населенія, и заставилъ подписать ее норвичскаго мэра и его предшественника.

Требованія эти въ общемъ очень умѣрены и въ нихъ нѣтъ никакихъ слѣдствій коммунизма. Кромѣ жалобъ на огораживанье общинныхъ земель, онѣ содержатъ протестъ противъ флага ряда феодальныхъ злоупотребленій, противъ повышенія арендной платы и т. д. Постѣдняя должна была быть ограничена закономъ тѣми размѣрами, какіе она имѣла въ первый годъ царствованія Генриха VII. Замѣчательно требованіе, чтобы священникамъ было запрещено покупать землю, потому что оно опровергаетъ поднятое тогда противъ священниковъ обвиненіе, будто они затѣяли возстаніе¹⁾. Кетъ, повидимому, вообще считалъ религію частнымъ дѣломъ каждаго. Онъ позаботился о привлеченіи священниковъ, совершавшихъ въ лагерѣ богослуженія, но позволялъ проповѣдывать кромѣ нихъ и другимъ. Этимъ правомъ, между прочимъ, воспользовался нѣкій Матью Паркеръ, сдѣлавшійся впоследствии архіепископомъ Кентерберійскимъ. Подѣ дубомъ реформъ позволялось также говорить всякимъ людямъ, какъ друзьямъ, такъ и противникамъ возстанія.

Къ числу первыхъ принадлежало нѣсколько почетныхъ гражданъ Норвича, изъ которыхъ, впрочемъ, большинство впоследствии либо вели себя очень двусмысленно, либо прямо оказались измѣнниками. Такимъ былъ въ особенности подписавшій петицію Т. Альдрихъ. Но зато полную симпатію повстанцамъ выказывали на словахъ и на дѣлѣ мелкіе ремесленники и рабочіе Норвича. Они предупредили многія мѣропріятія городскихъ властей противъ мятежниковъ и при столкновеніяхъ не разъ оказывали имъ серьезную помощь²⁾.

¹⁾ Католическій историкъ Лингардъ поддерживаетъ это обвиненіе въ томъ смыслѣ, что причиной этого возстанія, также какъ и девонширскаго, считаетъ стремленіе возстановить старую (католическую) церковь. Что жадности къ деньгамъ новыхъ лэндъ-лордовъ противопоставляется относительная снисходительность монастырскихъ управленій, — это совершенно вѣрно; но вообще то въ этомъ возстаніи гораздо большую роль, чѣмъ католическія симпатіи, играло вліяніе доллардскихъ и анабаптистскихъ ученій. «Посмотрите внимательно, есть ли у васъ въ странѣ законъ и религія, — писалъ членъ государственнаго совѣта, серъ Вильямъ Паджетъ, Сомерсету 7 іюля. — Божье, что вы не найдете ни того, ни другого. Культъ старой религіи запрещенъ закономъ, а культъ новой въ ¹¹/₁₂ имперіи еще не виѣдрился въ души, хотя люди изо всѣхъ силъ стараются выполнять его виѣшнимъ образомъ, чтобы поправится тѣмъ, въ чьихъ рукахъ находится власть». Ссылаясь на примѣръ германской крестьянской войны, Паджетъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ расхитителей церковнаго имущества, настаивалъ на быстромъ подавленіи возстанія.

²⁾ Впоследствии городскія власти оправдывали свою временную уступчивость по

Мы не можемъ говорить здѣсь о подробностяхъ борьбы, о побѣдоносномъ отраженіи мятежниками перваго посланнаго противъ нихъ подъ предводительствомъ графа Нортгемптона войска. Перваго посланнаго къ нимъ лордомъ протекторомъ герольда, общавшаго при добровольномъ подчиненіи рассмотрѣніе жалобъ и помилованіе королемъ преступившихъ законъ, Кетъ отослалъ назадъ, сказавъ ему, что короли милуютъ преступниковъ, а не невинныхъ и справедливыхъ людей. Они (крестьяне и ихъ вожди) не заслужили никакого наказанія. Кетъ не хотѣлъ слагать оружія, пока не будутъ сдѣланы извѣстныя опредѣленныя уступки, потому что онъ отлично зналъ цѣну общаніямъ, выраженнымъ въ общей формѣ. Но если бы даже самъ Сомерсетъ былъ согласенъ сдѣлать такія уступки, этого не допустили бы остальные власть имущіе. Всѣ настаивали на энергичномъ подавленіи возстанія и въ концѣ концовъ ему, какъ было уже сказано выше, 26 августа былъ нанесенъ рѣшительный ударъ военной силой. Нѣмецкіе ландскнехты, — признаемся въ этомъ съ прискорбіемъ, — навели мятежникамъ пораженіе. Кетъ въ послѣднюю минуту проявилъ будто бы трусость, но бѣгство его, когда онъ увидѣлъ, что сраженіе проиграно, простительно. Повидимому онъ уже раньше оцѣнилъ превосходство войскъ Варвика и, по предложенію послѣдняго, былъ готовъ вступить съ нимъ въ переговоры, но одна изъ частыхъ во всемірной исторіи непріятныхъ случайностей помѣшала этому.

Въ качествѣ «народнаго судьи» Кетъ проявилъ необычную для того времени мягкость. Хотя о насиліяхъ творящихся въ лагерѣ Кета, говорилось очень много, но никто изъ обвиняющихъ его не называетъ имени ни одного плѣнника или заложника, убитаго подчиненными Кета. Всѣ плѣнники и заложники, названные по имени, цѣлыми и невредимыми вернулись домой, а Кетъ и его братъ, въ качествѣ мятежниковъ и измѣнниковъ, были подвергнуты позорной и жестокой казни. 7 декабря, — Сомерсетъ въ это время уже палъ и очутился въ Тоуэръ, — Кетъ, за нѣсколько дней до этого перевезенный на телегѣ для преступниковъ изъ Лондона, гдѣ его подвергали допросу, въ Норвичъ, былъ повѣшенъ на одной изъ высокихъ башенъ города и долженъ былъ висѣть тамъ «пока тѣло не упадетъ само собой». Тѣмъ не менѣе народъ вспоминалъ его съ уваженіемъ, и государственному совѣту постоянно доносили о проявленіяхъ этого уваженія¹⁾.

Послѣ рѣшительнаго сраженія Варвикъ еще двѣ недѣли оставался въ Норвичѣ и творилъ судъ надъ плѣнными крестьянами. Несмотря на всю свою жестокость, онъ показался лэндъ-лордамъ недостаточно кровожаднымъ. Они требовали все болѣе жертвъ²⁾, такъ что, наконецъ, Варвикъ сталъ убѣждать ихъ быть умѣреннѣе. Если убійства будутъ продолжаться, — говорилъ онъ этимъ господамъ, — вамъ придется скоро самимъ идти за плугомъ. Этотъ аргументъ по-

отношенію къ мятежникамъ указаніемъ на безвыходное положеніе, въ какое они были поставлены рѣшительнымъ поведеніемъ бѣднѣйшихъ классовъ города. (Подробнѣе объ этомъ см. книгу Blumenfeld'a History of Norfolk).

¹⁾ Потомки Кета, повидимому, не были недостойны его. Сынъ его предупреждаетъ заговоръ противъ иммигрировавшихъ изъ Голландіи бѣглецовъ; одинъ изъ его внуковъ, Френсисъ Кетъ, Master of Arts, въ 1588 году умираетъ на костре, какъ еретикъ, а когда въ слѣдующемъ столѣтіи квакерство, представлявшее собою въ то время радикальное движеніе, пустило корни въ Уаймонтгамъ, Вествудъ-Чапель, собственность семьи Кетъ, дѣлается домомъ для собраній «друзей».

²⁾ У нихъ вырывали внутренности и слагали ихъ у нихъ же передъ глазами.

дѣйствовать. Такъ разсказываютъ противники—враги мятежниковъ. Эксплуататоры-побѣдители всѣхъ странъ удивительно похожи другъ на друга; повсюду они проявляютъ одно и то же звѣрство.

Сомерсетъ былъ обезглавленъ 22 января 1552 года. Варвикъ, сдѣлавшійся послѣ него лордомъ-протекторомъ и заставившій назначить себя герцогомъ Нортумберлендскимъ, уже въ слѣдующемъ году кончилъ свою жизнь также на эшафотѣ, послѣ того какъ народъ возвелъ на престолъ католичку Марію. Однако весь ходъ дѣлъ въ царствованіе послѣдней показывалъ, что цѣлью народнаго возстанія вовсе не была церковно-католическая реакціонная политика. Предприятія при Маріи кровавыя мѣры противъ всѣхъ некатоликовъ-еретиковъ повели только къ тому, что различныя движенія протестантскаго характера сблизились, такъ что послѣ смерти Маріи, послѣдовавшей уже въ 1558 году, дѣло католичества было настолько же непопулярнымъ, насколько оно было популярнымъ въ 1553 году.

При Елизаветѣ (1558—1603 гг.) правительство снова принялось за реформацію и формально довело ее до конца, при чемъ дѣло снова не обошлось безъ мятежей. Ихъ однако подавляли жестокими кровавыми мѣропріятіями, и со стороны католиковъ противодѣйствіе было окончательно сломлено; но зато все больше организовывалось и укрѣплялось протестантское движеніе, — оппозиція «пуританъ» противъ новой государственной церкви.

Кто были пуритане? («Purits» или «Puritans» отъ pure — чистый). Этимъ именемъ обозначается не опредѣленная церковная секта, а цѣлое религиозно-соціальное теченіе. Это имя являлось собирательнымъ прежде всего для тѣхъ, по мнѣнію кого реформація пошла не достаточно далеко въ смыслѣ очищенія церкви отъ римскихъ обычаевъ и римскихъ установленій, а затѣмъ и для тѣхъ, которые съ требованіемъ очищенія религіи соединяли требованіе очищенія обычаевъ общественной жизни. Впослѣдствіи подъ этимъ же именемъ проявилось и политическое теченіе, оппозиція противъ абсолютизма въ государствѣ и церкви. Пуританизмъ не былъ движеніемъ отдѣльнаго класса; у него были послѣдователи въ высшемъ и низшемъ дворянствѣ, въ духовенствѣ, буржуазіи, среди ремесленниковъ и крестьянъ. Въ качествѣ соціального или нравственнаго движенія онъ соотвѣтствовалъ духу своего времени, когда подъ вліяніемъ усиливавшихся міровыхъ сношеній промышленная жизнь становилась все менѣе обезнеченной, когда все больше развивалась страсть, а подчасъ и необходимость собирать, «сбергать» деньги—средство обмѣна *par excellence*. Характернымъ признакомъ производства для собственного потребленія является правило: сегодня нужда, завтра изобиліе. Первая переносится, худо ли, хорошо ли, но терпѣливо, какъ нѣчто неизбежное, какъ «законъ природы»; вторымъ наслаждаются радостно, безудержно. Но съ распространеніемъ торговли и денежнаго обращенія, избытокъ, который не можетъ быть потребленъ на мѣстѣ, можно использовать другимъ образомъ, превратить его въ деньги, а деньги не ржавѣютъ. Потреблять больше чѣмъ нужно, потреблять то, что можетъ быть превращено въ деньги и сохранено въ такомъ видѣ, теперь начинаетъ казаться грѣхомъ, неразуміемъ. Такимъ образомъ бережливость, воздержность дѣлается соціальной добродѣтелью. Священники лоллардовъ проповѣдовали христіанскій аскетизмъ, какъ возвращеніе къ древнему христіанству, аскетическія ученія котораго явились реакціей противъ безумной роскоши упадочной римской аристократіи. Крестьяне

и ремесленники жадно воспринимали болѣе или менѣе коммунистическія проповѣди доллардовъ, нашедшихъ очень вліятельнаго, хотя и временнаго защитника и вдохновителя въ Іоаннѣ Виклефѣ ¹⁾, потому что эти проповѣди соотвѣтствовали ихъ озлобленію и ихъ борьбѣ съ аристократами въ государствѣ и церкви. Но отъ коммунизма они были также далеки, какъ и ихъ противники. «Доллардъ,—пишетъ Торольдъ Роджерсъ,—несомнѣнно, также какъ и пуританинъ, появившійся два вѣка спустя, былъ сдержаннымъ, скучнымъ, упрямымъ, неподвижнымъ человѣкомъ. Но онъ копилъ деньги и накоплялъ ихъ тѣмъ больше, что не хотѣлъ давать ни гроша священникамъ, или монахамъ, или торговцамъ отпущеніями» (ibid., стр. 79 и 80). Всѣ историки признаютъ, что доллардизмъ, о возникновеніи котораго мы не будемъ говорить здѣсь подробно ²⁾, никогда не исчезалъ въ Англіи и что онъ постоянно существовалъ главнымъ образомъ въ восточныхъ провинціяхъ, среди ткачей. Не слѣдуетъ однако думать, что ткачамъ и мелкому крестьянству, почитавшимъ евангеліе доллардовъ, все время жилось плохо. Наоборотъ, въ XV и XVI столѣтіяхъ Норфолькъ, гдѣ движеніе было сильнѣе всего, принадлежалъ, какъ доказываютъ различные податные реестры, къ числу богатѣйшихъ графствъ Англіи, хотя природа и не одарила его особыми богатствами. Констатирующій это Торольдъ Роджерсъ приписываетъ бережливость населенія вліянію проповѣдей ведущихъ тайную агитацію священниковъ доллардовъ. Однако, будетъ пожалуй вѣрнѣе предположить, что наоборотъ, евангеліе бережливости среди этого населенія имѣло успѣхъ, потому что соотвѣтствовало всему положенію дѣлъ ³⁾. Въ приморскихъ областяхъ, гдѣ торговля и вообще сношенія съ границей были наиболѣе оживлены, деньги должны были цѣниться болѣе всего; тамъ наиболѣе ярко должно было обнаружиться стремленіе къ наживѣ, и такимъ образомъ воображаемый «коммунистъ» сдѣ-

1) Сочиненіе Виклефа „De dominio civili“ заключаетъ въ себѣ толкованіе евангелія въ очень коммунистическомъ духѣ, также какъ и другое его сочиненіе „De dominio divino“. Въ „English Historical Review“ (часть VI, стр. 762 и слѣд.) говорится, что ихъ характеризуетъ „ихъ глубоко укоренившійся коммунизмъ и антагонизмъ ко всякому обществу“. Но это очень неутѣрное изображеніе вещей. Если напр. Виклефъ, соглашаясь со своимъ предшественникомъ, архіепископомъ Ричардомъ Фицъ-Ральфомъ Армагомъ (четыре части его разсужденія о бѣдности Христа приложены къ новому изданію цитированной нами Виклефовой книги), говоритъ, что источникомъ собственности является грѣхъ, то это и всѣ подобныя ему разсужденія на практикѣ направлены только противъ собственности монастырей и живущаго эксплуатаціей духовенства. То же можно сказать о его разсужденіи, будто право на господство люди теряютъ благодаря грѣхамъ. О церковныхъ и политическихъ взглядахъ Виклефа см. V главу, III отдѣла, I части этой книги (стр. 195 и слѣд.). Мы еще не были знакомы съ этой главой при составленіи настоящаго труда. Замѣчательно, что найденный когда-то въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ экземпляръ второго изъ названныхъ сочиненій Виклефа представляетъ изъ себя списокъ, изготовленный богемскими еретиками, и что отдѣльныя части, изъ которыхъ состоитъ этотъ списокъ, всѣ помѣчены извѣстными центрами доллардскаго движенія. Ихъ подлинность доказывается современными имъ политическими сочиненіями, направленными противъ нихъ.

2) Эта тема уже использована Карломъ Каутскимъ въ упомянутой выше главѣ.

3) Сравни съ этимъ разсужденіемъ Каутскаго на стран. 249, I т. Сходство этого и другихъ мѣстъ, гдѣ автору предлагаемаго труда приходилось говорить о явленіяхъ, которыя уже были изложены Каутскимъ въ I части этой книги, съ разсужденіями послѣдняго, объясняется одинаковостью примѣнявшагося нами метода изученія исторіи.

лался «собирателемъ сокровищъ». Этимъ я конечно не хочу сказать, что каждый крестьянинъ или ткачъ, сдѣлавшійся послѣдователемъ лоллардизма, дѣлался также капиталистомъ. Мы говоримъ здѣсь только о тенденціи, а тенденціи этихъ классовъ могли быть только буржуазными, хотя они вполне искренно могли мечтать о коммунистическомъ царствѣ божіемъ и хотя они несомнѣнно представляли собой ядро, цвѣтъ тогдашнихъ трудящихся классовъ. Съ соответствующими измѣненіями и къ нимъ можно примѣнить слова «Коммунистическаго манифеста»: «Первыя попытки пролетаріата, имѣвшія непосредственной цѣлью доставить торжество его классовымъ интересамъ, были произведены въ періодъ общаго возбужденія, въ періодъ крушенія феодальнаго общества; онѣ неизбѣжно должны были потерѣть фіаско, съ одной стороны — вслѣдствіе крайне низкой степени развитія самого пролетаріата, съ другой — вслѣдствіе отсутствія матеріальныхъ условій его освобожденія, — условій, которыя могли быть созданы только въ буржуазную эпоху. Революціонная литература, сопутствовавшая этимъ первымъ движеніямъ пролетаріата, по необходимости носила реакціонный характеръ. Она проповѣдовала общій аскетизмъ и равенство въ самой грубой его формѣ». (К. Марксъ и Фр. Энгельсъ. Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ, Изд. Алексѣевой, стр. 43).

По выраженію одного англійскаго писателя, лоллардизмъ былъ «періодомъ дѣтства пуританизма». (W. F. Collier, The History of England, стр. 282). Болѣе широкому распространенію аскетической доктрины лоллардовъ не мало содѣйствовали условія, сопровождавшія введеніе англійской реформации и самые методы осуществленія ея. Всякій не принадлежавшій къ римской церкви и въ то же время относившійся враждебно къ централистически-абсолютнстскому режиму въ государствѣ и церкви, послѣ насильственнаго подавленія всѣхъ вооруженныхъ возстаній, неизбѣжно долженъ былъ придти къ внутреннему религіозному углубленію, къ нравственному усовершенствованію. Такимъ путемъ должны были пойти даже члены тѣхъ классовъ, социальныя условія жизни которыхъ вообще не соответствовали аскетизму. Впрочемъ послѣдній понимался всѣми классами вовсе неодинаково и въ немъ вообще не видѣли Евангелія голода. Аскетизмъ выражался въ отказѣ отъ извѣстныхъ увеселеній и прежде всего отъ нарушенія святости субботы, отъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ богослуженія и т. д. Народъ съ жадностью воспринималъ кальвинистское Евангеліе, принесенное въ Англію бѣжавшими отъ преслѣдованій католической Маріи и вернувшимися послѣ ея смерти англичанами и переселившимися изъ Голландіи въ царствованіе Елизаветы эмигрантами. Своимъ ученіемъ о благодати, по которому каждый просвѣтившійся былъ избраннмъ, предназначеннымъ для блаженства воиномъ Господнимъ, — о предопредѣленіи, объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви, кальвинизмъ сильно питалъ духъ оппозиціи среди недовольныхъ ¹⁾. Наряду съ

¹⁾ Кальвинизмъ (названный такъ по Жаку Кальвину или Кольвину, очень даровитому и отличавшемуся сильнымъ характеромъ французу, жившему съ 1509 до 1564 года. Дѣятельность его протекала въ Женевѣ, съ короткимъ перерывомъ, съ 1536 года до его смерти) изъ всѣхъ такъ называемыхъ реформированныхъ церквей наиболѣе соответствовала стремленіямъ и потребностямъ окрѣпшей городской буржуазіи и буржуазнаго землевладѣнія. У Кальвина церковь поставлена рядомъ съ государствомъ, но въ ней очень силенъ мірской элементъ, и строгая церковная нравственность блюдется классомъ, изъ котораго набирается мірской элементъ церкви. Этимъ классомъ была, по са-

этимъ, повидимому, въ низшихъ классахъ народа, среди ремесленниковъ, рабочихъ и т. д. шла никогда очевидно не прекращавшаяся анабаптистская пропаганда. Такъ, напр., въ 1575 году въ Альдгатъ, тогда предмѣстья Лондона, былъ открытъ тайный союзъ баптистовъ, въ 1580 году — союзъ фамилистовъ, родственной анабаптистамъ секты, появившейся также изъ Голландіи.

При Елизаветѣ, правда, пуританизмъ и родственныя ему секты могли вер-

ному положенію вещей и по волѣ Кальвина, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, широкая масса имущихъ. На своей родинѣ, въ Женевѣ, кальвинизмъ былъ проведенъ на практикѣ республиканскимъ (враждебнымъ Пьемонту) крыломъ городской аристократіи, крайне рѣшительно подавившей все, что пыталось ей сопротивляться какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны. Въ Германіи же и въ Англии анти-папскимъ движеніемъ овладѣлъ абсолютизмъ или, гдѣ ему это не удавалось, пользовался плодами этого движенія. Гдѣ имущіе классы были достаточно сильны для того, чтобы сопротивляться абсолютизму, тамъ они, естественно, стали смотрѣть на Женеву, какъ на образцовое государство, гдѣ была восстановлена истинная религія. Поэтому кальвинизмъ быстро распространился въ Нидерландахъ, гдѣ вражда къ испанскому господству объединила буржуазную аристократію съ крупными патрицианскими родами. При аналогичныхъ же условіяхъ (только буржуазія была тамъ менѣе развита) кальвинизмъ распространился въ Богеміи и Венгріи. Подъ его знаменемъ собирались протестантскіе промышленники и землевладѣльцы Франціи, а также англійскіе протестанты. Политическое вѣроисповѣданіе Кальвина исключало какъ абсолютизмъ, такъ и плебейскую демократію, но между этими двумя крайностями оно оставляло широкое поле компромиссу. Поэтому-то могли возникнуть весьма различныя отбѣнки кальвинизма, поэтому же они могли идти подъ однимъ знаменемъ, пока всѣ находились въ оппозиціи.

О значеніи кальвинистской, т.-е. съ особенной послѣдовательностью подчеркиваемой Кальвиномъ догмы о благодати, для буржуазнаго класса той эпохи, Энгельсъ пишетъ: „Догма его была приурочена къ взглядамъ самыхъ смѣлыхъ изъ современныхъ ему буржуа. Его „благодать“ была религіознымъ выраженіемъ того факта, что въ мирѣ торговли и конкуренціи успѣхъ или банкротство зависятъ не отъ дѣятельности или счастья отдѣльнаго лица, но отъ обстоятельствъ, надъ которыми это лицо не властно. „Не отъ чьей либо воли или дѣятельности все зависитъ, а отъ милости“ высшихъ, но неизвѣстныхъ экономическихъ силъ. Это было особенно вѣрно въ эпоху экономического переворота, когда всѣ старыя торговые пути и центры были вытѣснены новыми, когда были открыты міру Америка и Индія, когда даже самыя древнія и почтенныя члены экономического символа вѣры — цѣнность золота и серебра — стали колебаться и давать трещины. Къ тому же устройство, данное Кальвиномъ церкви, было насквозь демократичнымъ и республиканскимъ. Но тамъ, гдѣ царство Божіе дѣлается республиканскимъ, могутъ ли царства міра сего оставаться въ подчиненіи у королей, епископовъ и феодалныхъ господъ? Нѣмецкое лютеранство сдѣлалось послушнымъ орудіемъ въ рукахъ мелкихъ нѣмецкихъ князей, кальвинизмъ же, напротивъ, основалъ въ Голландіи республику и создалъ сильныя республиканскія партіи въ Англии и особенно въ Шотландіи.

„Въ кальвинизмѣ второе крупное возстаніе буржуазіи нашло для себя готовую теорію борьбы. Возстаніе, о которомъ мы говоримъ, произошло въ Англии; его начала городская буржуазія, а среднее крестьянство (yeomanry) добилося его побѣды. Странное дѣло: во всѣхъ трехъ большихъ буржуазныхъ революціяхъ крестьяне составляли боевую армію и именно крестьянство представляетъ собою тотъ классъ, который, побѣдивъ, больше всего разорвется отъ экономическихъ послѣдствій своей побѣды. Черезъ сто лѣтъ послѣ Кромвеля среднее крестьянство Англии совершенно почти исчезло. Во всякомъ случаѣ только благодаря вмѣшательству этого крестьянства и плебейскаго элемента городовъ дѣло борьбы было тогда доведено до конца, и Карлъ I попалъ на эшафотъ. Но для того, чтобы буржуазія положила себѣ въ карманъ тѣ плоды, которые тогда созрѣли, было необходимо, чтобы революція пошла гораздо дальше своей первоначальной цѣли, совсѣмъ какъ въ 1793 году во Франціи и въ 1848 году въ Германіи. Такое, повидимому, и въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ законовъ развитія буржуазнаго общества.“

(Fr. Engels. Ueber Historischen Materialismus, „Neue Zeit“, 1892/93 г., т. I, стр. 43, 44).

Бовать сторонниковъ только тайкомъ; правительство Елизаветы дѣйствовало такъ успѣшно, оно было такъ сильно и, можно даже сказать, разумно, что не могло вызвать всеобщаго неудовольствія, настолько сильнаго, чтобы заставить массу населенія стать подъ знамя сектантовъ. Но зато еще въ ея царствованіе произошло отдѣленіе секты «сепаратистовъ» или «броунистовъ» — по ихъ первому главѣ, священнику и учителю, Роберту Броуну, отъ кальвинистовъ. Между тѣмъ какъ послѣдніе желали государственно-организованной или централизованной церкви, въ которой мірской элементъ долженъ былъ фигурировать въ общинахъ и церковныхъ собраніяхъ (синаодахъ) въ видѣ выборныхъ представителей, старѣйшихъ или пресвитеровъ, — почему они и названы были пресвитеріанами, — Броунъ рѣшительно выступилъ сторонникомъ полной независимости каждой общины (конгрегаціи) благочестивыхъ («godly»). Еще рѣшительнѣе Броунъ настаивалъ на этомъ его преемники. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Броунъ, прожившій годъ среди голландскихъ бѣглецовъ въ Нортфолькѣ, и вполнѣдствіи довольно долго въ самой Голландіи, находился подъ вліяніемъ анабаптистовъ, и «броунизмъ» вѣроятно съ самаго начала былъ сильно перемѣшанъ съ политически-демократическими тенденціями ¹⁾. Во всякомъ случаѣ изъ него развилась религія политически-радикальныхъ элементовъ, которые, соотвѣтственно своему требованію независимости для каждой общины, называли себя индепендентами. Вполнѣдствіи этимъ же именемъ обозначалась также политическая партія. Секта начала свою дѣятельность пропагандой возвращенія къ древнему христіанству, и восстановленія царствія Христа на землѣ. Каждая община призываетъ только одного главу, Христа, наполняющаго и освѣщающаго сердца ея членовъ; для сохраненія согласія въ общинѣ «святыхъ» достаточно одного духовнаго вліянія Христа, который дѣлаетъ излишнимъ всякое внѣшнее принужденіе — организованную кальвинистами церковную дисциплину. Индепенденты отвергаютъ касту священниковъ и главнымъ образомъ всякую церковную іерархію. «Другая секта, или, лучше сказать, фракція, — говорится въ сочиненіи индепендента Барроу: «Краткое разоблаченіе ложной церкви» о пресвитеріанахъ кальвинистахъ — а именно эти реформисты, даетъ народу немного свободы, чтобы помазать его медомъ по губамъ и заставить повѣрить, будто онъ самъ выбираетъ своихъ священниковъ. Но даже при этихъ такъ называемыхъ «выборахъ» они обманываютъ и надуваютъ народъ, оставляя только пустое названіе выборовъ и предписывая людямъ подавать голосъ за какого-нибудь университетскаго писака, штомца ихъ собственнаго заведенія для высиживанія умниковъ. Когда же выборы производятся не по предписанію, они сейчасъ же созываютъ синодъ и объявляютъ выборы, каковы бы они ни были на самомъ дѣлѣ, не дѣйствительными». (Цитировано по Benjamin Hanbury, Historical Memorials relating to the Independents, Лондонъ 1839). Не особенно ошибется тотъ, кто въ этихъ словахъ найдетъ родство съ анархизмомъ нашихъ дней. Вся литера-

¹⁾ Броунъ, отличавшійся весьма пылкимъ характеромъ, могъ похвастаться знакомствомъ съ 32 тюрьмами. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было до такой степени темно, что онъ даже среди дня не могъ разглядѣть своей руки. Только благодаря родству съ разными аристократами (между прочимъ съ могущественнымъ лордомъ казначейства Бурлеемъ) онъ избѣгнулъ худшаго. Продолжатели его пропаганды, развившіе дальше его доктрину, Барроу, Гринвудъ и проч., умерли мученической смертью, но самъ онъ передъ концомъ жизни примирился съ государственной церковью.

тура первых индипендентовъ носить анархистскій характеръ, а въ одноѣмъ сочиненіи епископа Галля Экзетерскаго «Путь къ истинѣ», датированномъ 1622 годомъ, ихъ называютъ даже: «эта анархистская фракція индипендентскихъ общинъ»; но ихъ «анархизмъ» относится только къ религіи и только къ послѣдователямъ христіанскаго евангелія. Между тѣмъ какъ въ государственной церкви эта послѣдняя является органомъ государства, а иногда, смотря по обстоятельствамъ, и орудіемъ его, между тѣмъ какъ въ пресвитеріанствѣ государство должно быть орудіемъ церкви, исполнительнымъ органомъ состоящаго изъ мірянъ и священниковъ церковнаго синода, ученіе индипендентовъ является предшественникомъ доктрины отдѣленія церкви отъ государства, провозглашеніемъ ограничивающагося вначалѣ только послѣдователями христіанства требованія автономности общины въ религіозныхъ вопросахъ.

При Іаковѣ I, вступившемъ на англійскій престолъ послѣ смерти Елизаветы въ 1603 году, оппозиціонныя теченія какъ въ государствѣ такъ и въ церкви получили обильную пищу. Парламентъ съ самаго начала обнаружилъ строптивость по отношенію къ сыну Маріи Стюартъ, который былъ болѣе шотландцемъ, чѣмъ англичаниномъ, но власть Іакова была достаточно сильна для того, чтобы игнорировать иногда постановленія парламента, однако она не была въ состояніи заглушить его голосъ и помѣшать распространенію въ Англии крайне непріятнаго Іакову пуританизма, который въ Шотландіи былъ уже очень силенъ и очень тревожилъ короля. Уже въ первомъ парламентѣ, созванномъ Іаковымъ, засѣдало много пуританъ, и хотя этотъ парламентъ по обычаю вотировалъ королю пожизненный доходъ отъ пошлинъ, (Tonnage and poundage), онъ, не входя въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ предложеній, касающихся содержанія короля, сталъ требовать себѣ права провѣрять мандаты и выборы своихъ членовъ, вопреки нѣкоторымъ мѣропріятіямъ короля. Съ того времени конфликты между королемъ и парламентомъ не прекращались, и хотя послѣдній не пытался насильственно противодѣйствовать незаконнымъ дѣяніямъ короля, все же онъ не далъ занугать себя ни угрозами, ни арестами парламентскихъ лидеровъ. Парламентъ не разъ энергично протестовалъ противъ нарушенія своихъ правъ и одинъ изъ этихъ протестовъ настолько озлобилъ короля, что онъ въ декабрѣ 1621 года собственноручно вырвалъ изъ протокольной книги Палаты Общинъ листъ, на которомъ былъ написанъ этотъ протестъ. Затѣмъ онъ распустилъ парламентъ и велѣлъ арестовать нѣкоторыхъ членовъ его, между прочимъ Джона Пима, представителя Тавистока, впоследствии вождя оппозиціи противъ Карла I. Другимъ членомъ тогдашней оппозиціи въ парламентѣ былъ Томасъ Вентвортъ, представитель графства Юркъ, сдѣлавшійся впоследствии, подъ именемъ лорда Страффорда, первымъ государственнымъ совѣтникомъ Карла I и, по ироніи судьбы, умершаго на эшафотѣ за сына Іакова.

Послѣдній всевозможными способами старался добыть себѣ денегъ: путемъ принудительныхъ займовъ, торговлей титулами и чинами, продажей монополій. Послѣдній парламентъ, созванный имъ, когда въ 1624 году началась война съ Испаніей, вотировалъ, правда, средства для веденія войны, но въ то же время добился того, что монополіи были признаны незаконными; кромѣ того, онъ обвинилъ секретаря казначейства Іакова, графа Мидльсекса, во взяточничествѣ, и Мидльсексъ былъ осужденъ. Въ 1625 году Іаковъ умеръ и оставилъ своему сыну, Карлу, государство въ крайне разстроеномъ состояніи.

III. Утопія государственнаго канцлера Бэкона.

Черезъ годъ послѣ смерти Іакова умеръ бывшій его государственннй канцлеръ, Френсисъ Бэконъ, баронъ Веруламскій, виконтъ Сентъ-Альбанъ. Бэконъ въ 1621 году по предложенію парламента былъ обвиненъ во взяточничествѣ и подкупности и присужденъ къ высокому денежному штрафу и тюремному заключенію на срокъ, «какой угодно будетъ королю». Но послѣдній, послѣ двухдневнаго заключенія, помиловалъ его. Лишенный своихъ должностей, знаменитый ученый посвятилъ себя литературной дѣятельности и научнымъ опытамъ. Среди оставленныхъ имъ бумагъ нашелся написанный по-латыни отрывокъ утопіи: «Nova Atlantis». Хотя она имѣетъ очень мало общаго съ социализмомъ, все же не безынтересно узнать, каковъ былъ спустя сто лѣтъ послѣ появленія «Утопій» общественный идеалъ этого просвѣщеннаго философа и мушкетера.

Заглавіе сочиненія намекаетъ на мнѳическую Атлантиду древнихъ, о которой говоритъ Платонъ въ «Тимее» и, подобно тому, какъ легенда о большомъ континентѣ по ту сторону Геркулесовыхъ Столбовъ наводитъ на мысль, будто древніе знали о существованіи Америки, такъ и бэконову «новую Атлантиду» истолковывали въ смыслѣ указанія на австраліійскій континентъ. Однако описаніе его плохо соотвѣтствуетъ дѣйствительности; впрочемъ о существованіи материка между Африкой и Южной Америкой вообще уже догадывались.

«Новая Атлантида», поскольку Бэконъ разработалъ ее, является скорѣе утопіей научной дѣятельности и техники, нежели социальной утопіей. Въ первомъ отношеніи она не безынтересна постольку, поскольку въ ней заключаются фантазіи въ области технологій мыслителя, стоявшаго на вершинѣ современныхъ ему знаній, но самыя эти фантазіи теперь конечно уже устарѣли. Что же касается социальной утопіи, то сохранившіяся въ «Новой Атлантидѣ» отрывочныя свѣдѣнія о ней не заставляютъ особенно жалѣть о томъ, что сочиненіе это имѣется только въ видѣ фрагмента. Несмотря на то, что авторъ постоянно прибѣгаетъ къ помощи сверхъестественнаго и чудеснаго, рассказъ ужасно прозаиченъ и мелоченъ. Самая утопія нигдѣ не выходитъ за предѣлы ближайшей дѣйствительности, нигдѣ не достигаетъ смѣлаго размаха «Утопій» Мора. Общество въ «Венсалимѣ» — такъ называютъ Новую Атлантиду ея жители, — по своей структурѣ, насколько это явствуетъ изъ разсказа, мало отличается отъ европейскаго общества XVII столѣтія. Въ немъ существуетъ собственность, различіе въ состояніяхъ, классы, священники, чиновная іерархія и король, который необычайно мудръ, но править, повидимому, самодержавно. Единственное отличіе представляетъ орденъ ученыхъ, усиленно занимающійся промышленными экспериментами. Институтъ этого ордена, носящій названіе «Домъ царя Соломона», является при этомъ и расадникомъ всевозможныхъ полезныхъ знаній, а въ описаніи учреждений, приспособленій и изобрѣтеній этого дома, которое дѣлаетъ одинъ изъ «отцовъ» ордена, дается научная утопія Бэкона. Орденъ считается многими прообразомъ возникавшаго тогда франкъ-масонства. Но онъ описанъ такъ поверхностно, что можетъ изображать собой все что угодно. Имя Соломона намекаетъ на Іакова I, котораго льстецы сравнивали съ царемъ іудейскимъ.

Семейное празднество, на которомъ присутствуетъ разсказывающій о Но-

вой Атлантидѣ, показываетъ, что семья покоится на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Англій въ эпоху Бэкона; она только нѣсколько идеализирована въ патриархальномъ духѣ, и кромѣ того мы узнаемъ, что въ Бенсалимѣ царитъ строгое единобрачіе и высшее цѣломудріе. Браки, заключенные безъ согласія родителей, не объявляются правда недѣйствительными, но рождающіяся отъ такихъ браковъ дѣти получаютъ не больше одной трети наслѣдства своихъ родителей. Прекрасный примѣръ буржуазной респектабельности той эпохи! Для удовлетворенія этой респектабельности, къ Морю вносятся поправки. «Въ книгѣ одного изъ вашихъ, говоритъ рассказчику еврей (въ Бенсалимѣ царитъ религіозная терпимость), я прочелъ о вымышленномъ обществѣ, въ которомъ желающимъ вступать въ бракъ разрѣшается видѣть предварительно другъ друга нагими. Въ нихъ (жителей Атлантиды) этотъ обычай вызываетъ отвращеніе. Отказъ послѣ такого интимнаго знакомства другъ съ другомъ они считаютъ издѣвательствомъ. У нихъ есть другой, болѣе цивилизованный способъ («а more civil way», — говорится въ оригиналѣ) открывать различные скрытые физическіе недостатки у мужчинъ и женщинъ». Другъ или родственникъ каждой изъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ могутъ видѣть жениха и невесту, когда они купаются». Какой прогрессъ въ сравненія съ варваромъ Моромъ!

Болѣе высокаго качества замѣчанія Бэкона о проституціи, хотя рекомендуемое имъ средство противъ нея—безусловное запрещеніе проституціи и строгое единобрачіе, показываютъ только безсиліе буржуазнаго моралиста. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ, бросающихъ свѣтъ на нравы и обычаи той эпохи.

«Знай же, что у нихъ нѣтъ домовъ терпимости, ни проституттокъ, ни чего-либо подобнаго. Болѣе того: они съ отвращеніемъ думаютъ о васъ, европейцахъ, и удивляются, что вы позволяете подобныя вещи. Они говорятъ, что вы лишили бракъ смысла, ибо бракъ установленъ, какъ средство противъ незаконныхъ половыхъ наслажденій, а естественное стремленіе къ половымъ наслажденіямъ является стимуломъ къ заключенію брака. Но когда у мужчинъ есть въ рукахъ средство, болѣе соотвѣтствующее ихъ извращеннымъ склонностямъ, бракъ становится имъ не нуженъ. Поэтому-то у васъ такъ безконечно много мужчинъ, которые не женятся, а предпочитаютъ оставаться холостяками и вести распутную и нечистую жизнь вмѣсто того, чтобы взять на себя иго брака. Многіе изъ тѣхъ, которые вступаютъ въ бракъ, женятся поздно, когда уже пройдетъ расцвѣтъ ихъ силы (Бэконъ самъ женился только въ 45 лѣтъ); а когда они наконецъ женятся, для нихъ бракъ является лишь простой сдѣлкой, путемъ которой они стараются пріобрѣсти себѣ связи, хорошее состояніе или почетное положеніе. Съ этимъ бываетъ связано вялое желаніе имѣть потомство. Похоже ли это на искренній брачный союзъ мужчины и женщины, какъ онъ былъ установленъ первоначально?.. Пребываніе въ домахъ терпимости или въ мѣстностяхъ, гдѣ процвѣтаетъ распутство (Европѣ) женатымъ воспрещается также мало, какъ и холостякамъ, а извращенная привычка къ разнообразію и наслажденіе лежать въ объятіяхъ блудницъ (превратившихъ грѣхъ въ искусство) дѣлаютъ бракъ скучнымъ ярмомъ, чѣмъ-то въ родѣ повинности или принужденія. Они слышали, что вы оправдываете все это тѣмъ, что это якобы предупреждаетъ худшее зло, напр., прелюбодѣяніе, лишеніе молодыхъ дѣвушекъ невинности, противоестественные пороки и т. д. Но они говорятъ, что это глупое мудрствованіе и сравни-

вають это съ жертвой Лота, который, чтобы избавить своихъ гостей отъ оскорбленій, отдалъ дочерей, даже болѣе того: они говорятъ, что ваше попустительство вовсе не достигаетъ цѣли, ибо всѣ пороки и вождельнія не исчезаютъ, а наоборотъ распространяются. Недозволенные наслажденія подобны растопленной печи: если ее закрыть—огонь погаснетъ, но стоитъ только впустить воздуха и онъ снова разгорится съ бѣшеною силой. Что же касается педерастій, то у нихъ нѣтъ и тѣни ея, а между тѣмъ нигдѣ въ мірѣ нельзя встрѣтить такой искренней и преданной дружбы, какъ у нихъ... У нихъ существуетъ поговорка, что не цѣломудренный человѣкъ не можетъ самъ уважать себя. При этомъ они полагаютъ, что главной уздой всѣхъ пороковъ, на ряду съ религіей, является самоуваженіе»...

Въ «Новой Атлантидѣ» усерднаго защитника реалистически-индуктивнаго метода, Бэкона, религія играетъ гораздо болѣе значительную и замѣтную роль, чѣмъ въ «Утопій» католика Мора. Евангеліе возвѣщено гражданамъ Бенсалима не людьми, а сверхъестественнымъ образомъ, благодаря чуду. Но вовсе не чудо это выдвиганіе религіи на первый планъ Бэкономъ; подчеркиванье религій было вполне естественно въ то время, когда церковная жизнь сама по себѣ перестала существовать, когда она стала просто дѣломъ приличія, хорошаго тона порядочнаго общества. Утопія Бэкона носитъ чисто буржуазный характеръ; это завѣтная мечта буржуазнаго до мозга костей идеолога. Эта утопія представляетъ собой тщательно очищенную отъ всякихъ некрасивыхъ пятенъ, искажавшихъ ее въ дѣйствительности, но въ общемъ по возможности точную копію существовавшего въ эпоху Бэкона общества; ея девизъ: никакихъ переворотовъ, никакихъ непрактичныхъ предложеній.

Только въ одномъ отношеніи Бэконъ даетъ полную волю своей фантазіи: богатство Новой Атлантиды, масса находящихся въ ея распоряженіи средствъ потребленія достигаютъ громаднхъ размѣровъ. Въ домѣ царя Соломона не философствуютъ ради философіи только; тамъ дѣлаются опыты, расчеты, тамъ производятъ. Утопія Бэкона, сообразно тенденціямъ самыхъ просвѣщенныхъ умовъ буржуазіи той эпохи, является утопіей производства. Но способы производства и потребленія по существу своему не мѣняются. «Цѣлью нашего учрежденія является познаніе причинъ и тайныхъ двигательныхъ силъ вещей, а также расширеніе границъ царства человѣка съ цѣлью достиженія всего возможнаго». Такъ начинается описаніе дома Соломонова. Въ эпоху открытій Бэконъ является провозвѣстникомъ эпохи изобрѣтеній. Это уже само по себѣ составляетъ немаловажную заслугу, но это суживаетъ горизонтъ и дѣлаетъ лейтмотивомъ непосредственную пользу. Отсюда изумительное убожество мысли въ организаціи общества какъ цѣлаго. Утопія Бэкона показываетъ, какой силы достигъ въ его эпоху буржуазный образъ мыслей. Она показываетъ, каковъ «идеаль» буржуазной ограниченности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первые годы правленія Карла I, молодость Джона Лильбурна и начало преслѣдованій его.

Въ рамки настоящаго труда не входитъ подробное изложеніе историческихъ событій, предшествовавшихъ англійской революціи, а также и самаго хода послѣдней. Однако, всякое движеніе можетъ быть понято только въ связи съ сопутствующими ему событіями, изъ изученія зависимости его отъ послѣднихъ и причинной связи между ними. Поэтому-то, и потому что исторія англійской революціи мало извѣстна среди нѣмецкаго рабочаго класса, мы считаемъ нужнымъ дать здѣсь хотя бы бѣглый очеркъ по крайней мѣрѣ тѣхъ ея сторонъ, которыя находятся въ непосредственной связи съ нашей темой. Такъ какъ движеніе левеллеровъ представляетъ собой центръ наиболѣе радикальныхъ теченій въ революціи и такъ какъ это движеніе, въ свою очередь, какъ мы уже указывали во введеніи, группировалось вокругъ личности Джона Лильбурна, то наше изложеніе будетъ тѣсно связано съ біографіей этого удивительнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что въ личной судьбѣ Лильбурна, до извѣстнаго періода, отражаются главные фазисы всей вообще революціи.

Джонъ Лильбурнъ родился около 1615 года (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ въ 1617 году) въ Гринвичѣ, вблизи Лондона. Отецъ его, Ричардъ Лильбурнъ, принадлежалъ къ англійской джентри, къ классу, состоявшему преимущественно изъ зажиточныхъ не-феодалныхъ землевладѣльцевъ, которые въ то время играли уже видную роль въ палатѣ общинъ. О немъ говорятъ, что онъ былъ послѣднимъ въ Англійи человѣкомъ, прибѣгшимъ для рѣшенія тяжбы къ публичному единоборству. Возможно, что Джонъ отъ него и унаслѣдовалъ свой воинственный характеръ. Родовое помѣстье семьи находилось въ Дургамѣ (сѣверная Англія); тамъ и въ сосѣднемъ Ньюкестлѣ Лильбурнъ провелъ свое дѣтство. Онъ былъ младшимъ сыномъ ¹⁾ и поэтому, по окончаніи курса ученія, долженъ былъ избрать себѣ приносящую доходъ карьеру. Въ 1630 году онъ поступилъ въ Лондонѣ ученикомъ къ крупному купцу Сити, торговцу полотномъ, Томасу Гьюсону.

Положеніе было уже крайне напряженнымъ. Карлъ I, какъ личность, не былъ такимъ отталкивающимъ, какъ его отецъ, который возстановилъ противъ себя всѣхъ не столько своимъ пьянствомъ и отвратительными манерами, сколько высокимъ мнѣніемъ о своей учености. И все-таки Карлъ I, пожалуй, еще лучше отца, сумѣлъ возстановить противъ себя всю массу націи. Онъ не былъ тупымъ

¹⁾ Его старшій братъ, Робертъ Лильбурнъ, во время гражданской войны былъ однимъ изъ высшихъ офицеровъ кромвелевой образцовой арміи и членомъ чрезвычайнаго государственнаго суда, приговорившаго Карла I къ смертной казни. Одинъ изъ младшихъ братьевъ Джона, Генрихъ Лильбурнъ, также служилъ въ парламентскомъ войскѣ и, по рекомендаціи Кромвеля (въ 1648 году), былъ назначенъ губернаторомъ Таймутъ-Кестля. Но, когда конфликтъ между парламентомъ и войскомъ сталъ обостряться, онъ отпалъ отъ послѣдняго и былъ убитъ въ сраженіи собственными солдатами въ то время, когда уже собирался сдать крѣпость шотландскимъ пресвитеріанамъ, слѣдившимъ въ 1648 году на помощь къ Карлу I.

человѣкомъ, но у него не хватало твердости характера, и этотъ недостатокъ онъ еще усугублялъ упрямствомъ и надменностью, проявлявшимися обыкновенно при самыхъ неудобныхъ случаяхъ. Роль злого рока сыграла для него также его жена, Генріэта французская, пропитанная идеями абсолютизма еще больше, чѣмъ Карль, и только развивавшая его склонности въ этомъ направленіи. Уже въ самомъ началѣ своего правленія онъ возстановилъ противъ себя многихъ вполнѣ лойяльныхъ людей тѣмъ, что ради согласія выдать за него замужъ Генріету, обѣщаль терпѣть католиковъ въ Англіи и помочь Ришелье въ борьбѣ съ гугенотами ¹⁾). Всѣ опасались католической реакціи и первый же парламентъ, созданный Карломъ лѣтомъ 1625 года, оказался враждебно настроеннымъ противъ него. вмѣсто того, чтобы вотировать королю пожизненное пользованіе пошлинами, парламентъ вотировалъ его только на одинъ годъ и требовалъ разсмотрѣнія многочисленныхъ жалобъ на мѣропріятія друзей и совѣтниковъ короля. Парламентъ былъ распущенъ, и Карль, нуждавшійся въ деньгахъ, сдѣлалъ заемъ. Въ началѣ 1625 года онъ созвалъ новый парламентъ, причемъ постарался улучшить свои шансы, передавъ нѣкоторымъ изъ наиболѣе оппозиціонно настроенныхъ личностей обязанности шерифа, благодаря чему ихъ нельзя было вновь избрать; а въ иныхъ случаяхъ онъ просто не послалъ въ нѣкоторыя графства вызова въ парламентъ. Однако, это ни къ чему не повело. Оппозиціонное настроеніе было настолько сильно, что новый парламентъ, едва успѣвъ собраться, назначилъ комиссію для установленія привилегій парламента, для изслѣдованія религіозныхъ дѣлъ и всего положенія страны. Затѣмъ парламентъ выставилъ обвиненіе противъ совѣтника и перваго министра короля, герцога Вукингамскаго. Возбѣщенный король велѣлъ арестовать двухъ внесшихъ интерпеляцію депутатовъ, но парламентъ объявилъ, что прекратить занятія до тѣхъ поръ, пока не будутъ возвращены его члены, и Карль освободилъ ихъ, не добившись отказа отъ обвиненія. Затѣмъ этотъ парламентъ былъ также распущенъ, и Карль прибѣгнулъ къ незаконному взиманію податей и къ объявленію большого принудительнаго займа, участіе въ которомъ со всѣхъ каедръ государственной церкви было объявлено обязанностью каждаго христіанина.

Между тѣмъ вліяніе государственной церкви на платежеспособное населеніе съ каждымъ днемъ уменьшалось. Богатые купцы Сити были почти всѣ пуритане, пуританами же были многіе средней руки сельскіе дворяне и землевладѣльцы-буржуа. Даже представители высшей аристократіи съ каждымъ днемъ все больше отворачивались отъ государственной церкви. Карль сумѣлъ испортить свои отношенія не только съ палатой общинъ, но и съ палатой лордовъ; впрочемъ, и тогда уже центръ тяжести лежалъ въ «нижней палатѣ», далеко превосходившей палату лордовъ по представляемому ею богатству. Въ 1628 году, по словамъ Юма, имущество, представляемое палатой общинъ, было въ три раза болѣе имущества, представляемаго палатой лордовъ ²⁾). Численностью пуританъ

¹⁾ Ради этого брака и вслѣдствіе его въ царствованіе Карла I и протестанты въ Германіи, поскольку это зависѣло отъ Англіи, были предоставлены самимъ себѣ (не слѣдуетъ забывать, что это происходило во время тридцатилѣтней войны!), что, конечно, еще удвоило озлобленіе многихъ англійскихъ протестантовъ.

²⁾ При Карлѣ I палата лордовъ состояла изъ 97 свѣтскихъ и 27 духовныхъ лордовъ. Палата общинъ изъ 90 представителей графствъ, 4 представителей университетовъ и болѣе чѣмъ изъ 400 представителей городовъ и мѣстечекъ.

тане въ то время превосходили вмѣстѣ взятыхъ крайнихъ сторонниковъ государственной церкви, умѣренныхъ ея сторонниковъ и католиковъ.

Послѣ двухлѣтняго противоконституціоннаго взиманія податей, послѣ безконечныхъ арестовъ лицъ, отказывавшихся отъ уплаты пошлинъ, и травли противниковъ короля военными постоями, Карль, потерпѣвшій неудачи и въ своихъ заграничныхъ предпріятіяхъ, былъ вынужденъ въ 1628 году созвать третій парламентъ. Пользуясь тѣмъ, что король крайне нуждался въ деньгахъ, парламентъ вынудилъ у него согласіе на знаменитую «Petition of Rights», по которой: 1) ни одинъ свободный гражданинъ не можетъ быть принуждаемъ къ поднесенію какихъ-либо подарковъ, къ займамъ, ко внесенію benevolenцій или податей, не вотированныхъ парламентомъ. 2) Ни одинъ свободный гражданинъ не можетъ быть арестованъ или содержимъ подъ арестомъ противозаконно. 3) Солдаты сухопутные и морскіе не должны посылаться на постой въ частные дома безъ согласія владѣльца. 4) Военносудныя комиссіи не должны болѣе назначаться.

Лишь послѣ того, какъ Карль удовлетворилъ эту петицію, парламентъ вотировалъ ему средства для продолженія войны съ Испаніей. Затѣмъ парламентъ прекратилъ засѣданія. Карль, давшій свою подпись лишь послѣ безчисленныхъ увертокъ, истолковывалъ значеніе ея совсѣмъ иначе, чѣмъ парламентъ, и снова началъ взимать подати, не вотированныя парламентомъ, снова сталъ арестовывать лицъ, отказывавшихся платить ихъ. Онъ привлекъ на свою сторону прежняго вождя оппозиціи, очень даровитаго и энергичнаго Вентворта, а во всѣхъ вопросахъ, касающихся церкви, слѣдовалъ совѣтамъ не менѣе энергичнаго епископа Лауда. Лаудъ былъ извѣстенъ, какъ покровитель священниковъ, относившихся снисходительно къ католикамъ, и какъ поклонникъ ритуала, смахивающаго на католическій. Назначеніе его пуритане сочли новымъ вызовомъ, и, когда въ январѣ 1629 года засѣданія парламента возобновились, борьба между послѣднимъ и королемъ возгорѣлась съ новой силой. На правительство посыпался цѣлый рядъ обвиненій. На требованіе короля прекратить засѣданія, парламентъ отвѣтилъ прямымъ противодѣйствіемъ, а запуганный королемъ спикеръ парламента силой принужденъ былъ выслушать жалобу. Затѣмъ король распустилъ парламентъ, велѣлъ арестовать девять главныхъ участниковъ «мятежнаго» дѣянія и, несмотря на ихъ ссылки на то, что они, въ качествѣ членовъ парламента, пользуются неприкосновенностью, заставилъ судей Королевской Скамьи, при помощи всевозможныхъ низкихъ крючкотворныхъ уловокъ, приговорить ихъ къ уплатѣ высокаго денежнаго штрафа и къ заключенію, впредь до изъявленія покорности. Высшее наказаніе понесъ «коноводъ», сэръ Джонъ Эліотъ. Его посадили въ Тоуэръ, гдѣ онъ и умеръ въ 1632 году, измученный тяжелымъ заключеніемъ, но не согласившись выразить хотя бы только формальную покорность.

Послѣ распущенія этого парламента, къ которому, между прочимъ, принадлежалъ молодой, перешедшій въ пуританство гражданинъ и землевладѣлецъ Гентингтона, родственникъ вождя оппозиціи, Джона Гампдена, Оливеръ Кромвель, въ теченіе одиннадцати лѣтъ продолжалось абсолютно произвольное правленіе. Министерство короля, наряду съ епископомъ Лаудомъ, составляли Вентвортъ и другіе перебѣжчики. Передъ этимъ приближеннымъ его былъ Букингамъ, павшій отъ руки мятежнаго Фельтона. Королевскіе министры взимали

незаконные налоги, незаконно сдавали на откуп монополии, производили незаконную конфискацию имущества, а также незаконно и жестоко преслѣдовали отдѣльных лицъ. Сначала Вентвортъ отправился въ Йоркъ, чтобы, въ качествѣ предсѣдателя сѣвернаго совѣта, «основательно» — онъ даже подписывалъ такъ свои письма, основательно — «thorough», — искоренить мятежныя стремленія среди пуританъ сѣверныхъ графствъ, занявшихъ угрожающее положеніе. Однако всѣ его преслѣдованія достигли той цѣли, что вооруженное возстаніе началось не сейчасъ же, а позднѣе. Пуритане тамъ, какъ и повсюду, ограничивались нѣкоторое время законными способами противодѣйствія; съ цѣлью разсылки странствующихъ и постоянныхъ проповѣдниковъ въ наиболѣе бѣдные округа, они образовали фонды для пропаганды, которые особенно усердно пополнялись лондонскимъ Сити. Лаудъ велѣлъ конфисковать эти фонды; пропаганда, однако, изъ-за этого, повидимому, совсѣмъ не ослабѣла. Всѣ эти незаконные поборы и другія, по существу своему часто даже воплотившія основательныя фискальныя мѣропріятія правительства, считавшіяся однако несправедливыми, потому что они были незаконны и предпринимались изъ явной вражды къ противникамъ правительства, все болше возстановляли народъ и постоянно увеличивали лагерь церковной и политической оппозиціи. Это относится прежде всего къ такъ называемому «корабельному сбору», — налогу для возмѣщенія фиктивныхъ расходовъ на защиту побережья. Сначала Карлъ взималъ его лишь съ прибрежныхъ графствъ, но впоследствии (въ 1635 году), противно всѣмъ традиціямъ, сталъ требовать его и съ внутреннихъ графствъ. Работные судьи объявили эти дѣйствія законными на томъ основаніи, что король вообще не можетъ дѣйствовать незаконно, и Джонъ Гампденъ, отказавшійся отъ уплаты корабельнаго сбора, былъ осужденъ. Съ массой населенія дѣло, конечно, не доходило до такихъ крайностей, но все же она оказывала своего рода пассивное сопротивленіе, и взиманіе корабельнаго сбора было такъ затруднительно, что въ концѣ концовъ расходы на него превзошли доходъ.

Большое возбужденіе вызвали церковныя новшества Лауда, назначеннаго въ 1633 году кентерберійскимъ епископомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ примасомъ государственной церкви. Благодаря этимъ новшествамъ ритуальнъ государственной церкви все болше приближался къ ритуалу римской. Не слѣдуетъ забывать, что все это происходило въ ту эпоху, когда въ Германіи свирѣпствовала тридцатилѣтняя война и когда католическая реакція въ Англіи могла пріобрѣсти роковое значеніе для протестантовъ всей Европы. Печати въ современномъ смыслѣ слова тогда еще не существовало — въ 1640 году появились первые листки съ извѣстіями — зато оппозиція выражалась въ памфлетахъ, печатавшихся болшею частью въ Голландіи, гдѣ въ то время у кормила правленія стояли кальвинисты и гдѣ ихъ англійскіе единовѣрцы находили пріютъ и свободу.

Преслѣдованія, исходившія отъ епископовъ и направленные главнымъ образомъ противъ духовенства, были еще болше жестоки, чѣмъ преслѣдованія чисто политическаго характера. Эпоха сжиганія еретиковъ миновала, но зато суды «звѣздной палаты» или государственная судебная коммиссія приговаривали виновныхъ къ наказанію кнутомъ, къ отрѣзанію носовъ, ушей и ко всевозможнымъ тому подобнымъ звѣрскимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Къ тому же налагаемые ими денежные штрафы были настолько высоки, что приговоренные къ нимъ рѣдко бывали въ состояніи уплатить ихъ и поэтому надолго оставались въ рукахъ своихъ преслѣдователей.

Таково было общее положеніе дѣлъ во время ученичества Лильбурна. Патронъ будущаго левеллера былъ строгимъ пуританиномъ, и Лильбурнъ, который, какъ онъ впоследствии выразился въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ, уже въ Ньюкестлѣ водилъ знакомство съ «людьми вліятельными и просвѣщенными», а въ первые годы своего пребыванія въ Лондонѣ все свободное время занимался чтеніемъ историческихъ и богословскихъ сочиненій, — еще будучи ученикомъ принималъ дѣятельное участіе въ религіозно-политической агитаціи. Въ этомъ не было ничего необычайнаго. Въ то время ученики играли вообще не маловажную роль въ общественной жизни Лондона. Исторія повѣствуетъ о различныхъ политическихъ демонстраціяхъ учениковъ, къ которымъ относились вполне серьезно; а между тѣмъ рабочіе и подмастерья, какъ таковыя, въ политическомъ смыслѣ не имѣли никакого значенія, и это вполне понятно. Ученики достопочтеннаго лондонскаго купечества въ частности были сыновьями «джентльменовъ» и умѣли владѣть оружіемъ. Къ тому же, благодаря семилѣтнему сроку ученичества, какъ въ торговлѣ, такъ и въ ремеслѣ, учениками бывали молодые люди двадцати лѣтъ и старше. Въ рабочемъ статутѣ Эдуарда VI, изданномъ въ 1547 году, между прочимъ говорится, что каждый имѣетъ право отнимать у бродягъ и отдавать въ ученіе дѣтей—мальчиковъ до двадцати четырехъ лѣтъ. Въ статутѣ Елизаветы, изданномъ въ 1563 году, говорится, что на каждыхъ трехъ учениковъ долженъ приходиться по крайней мѣрѣ одинъ подручный. Есть достаточно основаній думать, что на практикѣ учениковъ бывало больше. Такимъ образомъ подручные, уже по своему числу не могли играть значительной роли въ ремеслѣ; это доказывается еще тѣмъ, что англійскій языкъ, вообще очень точный и богатый, не имѣетъ слова, вполне соотвѣтствующаго понятію «подмастерья». Кто не «Master» и не «Apprentice», тотъ «Journeyman», а это слово скорѣе соотвѣтствуетъ понятію поденщика или просто рабочаго. Кончившій ученіе старался какъ можно скорѣе самостоятельно заняться своимъ ремесломъ, и тѣ, которымъ не удавалось сдѣлать это, при публичныхъ демонстраціяхъ присоединялись повидимому къ «ученикамъ».

Лильбурну было около двадцати лѣтъ, когда онъ, будучи еще ученикомъ, въ 1631 году настолько скомпрометировалъ себя организаціей распространенія запрещенныхъ и привезенныхъ контрабандой религіозно-политическихъ памфлетовъ, что былъ вынужденъ отправиться на нѣкоторое время въ Голландію, чтобы не попасть въ руки епископскихъ клеветовъ. Во время его отсутствія, авторовъ нѣкоторыхъ изъ этихъ памфлетовъ, доктора I. Баствика, съ которымъ Лильбурнъ былъ друженъ, адвоката В. Прина и священника Г. Буртона, по настоянію всемогущаго архіепископа Лауда, подвергли жестокому наказанію: имъ отрѣзали или, вѣрнѣе, отпилили уши. Кромѣ того Прину выжгли на щекахъ буквы S. L. (т.-е. Seditious Libeller—авторъ революціонныхъ памфлетовъ). Всѣхъ трехъ наказали розгами, заставили стоять у позорнаго столба, а затѣмъ отправили въ отдаленныя тюрьмы. На Прина былъ наложенъ денежный штрафъ въ 20.000 фунтовъ, что при современной цѣнности денегъ равнялось бы 200.000 рублей¹⁾.

¹⁾ Первое его преступленіе заключалось въ написаніи объемистаго, въ настоящее время уже почти неудобочитаемаго сочиненія противъ театра, подъ заглавіемъ „Histrionastix“ — бичъ актера, въ которомъ онъ доказываетъ, что театральныя представленія, «грѣховныя, языческія, безбожныя и безиравственныя зрѣлища». Онъ получилъ разрѣшеніе напечатать эту книгу отъ капеллана предшественника Лауда, архіе-

Конечно, Лильбурнъ въ «свободной» Голландіи не сидѣлъ сложа руки, и когда, въ декабрѣ 1637 года, онъ вернулся въ Англію въ твердой увѣренности, что его успѣли забыть, его сейчасъ же послѣ прибытія заманили въ ловушку и арестовали. Выдалъ его, по всей вѣроятности, подкупленный слуга одного изъ его друзей, сидѣвшаго тогда уже въ тюрьмѣ дегатировщика I. Вартона. По собственнымъ словамъ Лильбурна, упомянутый предатель былъ задержанъ при распространеніи запрещенныхъ изданій, а затѣмъ его убѣдили сдѣлаться сыщикомъ. Общавъ ему полную безнаказанность, — методъ, который примѣняется нѣкоторыми любителями еще и въ XIX столѣтіи.

Поведеніе Лильбурна въ этомъ его первомъ процессѣ характерно для его манеры держаться вообще при всѣхъ процессахъ. Онъ былъ идеальнымъ борцомъ за право. Обвиненіе гласило, что онъ въ голландскомъ городѣ Дельфтѣ отпечаталъ различные, «постыдные», т.-е. оппозиціонные летучіе листки и затѣмъ контрабанднымъ путемъ отправилъ ихъ въ Англію. Послѣ предварительнаго заключенія, продолжавшагося нѣсколько недѣль, Лильбурнъ предсталъ предъ адвокатомъ звѣздной палаты, т.-е. предъ обвинителемъ. Онъ энергично утверждалъ, что различныя дѣйствія, приписываемая ему обвиненіемъ, изложены совершенно невѣрно, и рѣшительно отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ показаній, не чувствуя въ себѣ ни призванія, ни надобности быть своимъ собственнымъ обвинителемъ. Само собою разумѣется, ему пришлось вернуться въ тюрьму. Десять или двѣнадцать дней спустя его снова хотѣли подвергнуть допросу въ зданіи звѣздной палаты, но онъ выказалъ при этомъ только еще большую рѣшимость не отступать ни на шагъ. Онъ категорически отказался выполнить формальности, соблюдая которыя, онъ призналъ бы законнымъ судъ звѣздной палаты, и ни угрозы, ни убѣжденія не могли заставить его дать установленную присягу, которая обязала бы его обвинить самого себя. Ему пришлось снова вернуться въ тюрьму, а черезъ пять недѣль, 9 февраля 1638 года, онъ предсталъ уже передъ самымъ всевластнымъ судилищемъ. Результатъ получился тотъ же; даже угрозы графа Дорсета и насмѣшки архіепископа Лауда не заставили его покинуть свою принципиальную точку зрѣнія. «За неповиновеніе суду» его три дня продержали подъ строгимъ арестомъ, и 12 февраля, одновременно съ Вартономъ, также отказавшимся давать показанія, приговорили къ денежному штрафу въ 500 фунтовъ стерлинговъ и къ пребыванію въ флитской тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока они согласятся подчиниться распоряженіямъ суда. Но для того, чтобы отбить у другихъ охоту подражать строптивцамъ, Лильбурна далѣе приговорили къ публичному наказанію кнутомъ и къ позорному столбу, у котораго онъ долженъ былъ стоять вмѣстѣ съ престарѣлымъ Вартономъ.

18 апрѣля приговоръ надъ обоими былъ приведенъ въ исполненіе съ боль-

пискона Аботта. Но такъ какъ книга появилась незадолго до одного спектакля въ Соммерсетъ-Гоузѣ, въ которомъ принимала участіе и королева, и такъ какъ Принъ давно уже вызывалъ всеобщую ненависть своимъ рѣзкимъ поведеніемъ, то напечатаніе книги всетаки послужило поводомъ къ уголовному преслѣдованію, и еще до приговора, о которомъ мы говорили выше, Прину пришлось перенести тяжелыя наказанія. Во время заключенія онъ написалъ брошюру: „Новости изъ Ипсвича“ (News from Ipswich), въ которой, съ непоколебимой смѣлостью фанатика, называетъ епископовъ государственной церкви жадными волками. Эта брошюра дала возможность подвергнуть Прину суду звѣздной палаты.

шой жестокостью. Всю дорогу отъ Флитскаго моста, гдѣ теперь находится Людгъ-циркъ, до Вестминстера треххвостая плеть свистала надъ обнаженной спиной Лильбурна. Но хотя онъ, дойдя до Вестминстера, былъ близокъ къ обмороку, на вопросъ, не желаетъ ли признать ошибочность своихъ поступковъ и избавиться такимъ образомъ по крайней мѣрѣ отъ стоянія у позорнаго столба, что, какъ извѣстно, связано съ физическими страданіями, онъ отвѣтилъ: Ради праваго дѣла, которое я защищаю, я не боюсь усилить свои страданія. Отверстіе позорнаго столба для головы было слишкомъ низко для Лильбурна; ему приходилось стоять съ согнутой спиной, и это причиняло ему еще большія страданія. Но онъ бодро вынесъ и это наказаніе, бросилъ въ толпу три подsunутыхъ ему экземпляра одного изъ преступныхъ «постыдныхъ» сочиненій упомянутаго выше доктора Баствика, объяснилъ толпѣ незаконность суда надъ собой и такъ краснорѣчиво охарактеризовалъ жестокость епископовъ, что присутствующій чиновникъ велѣлъ заткнуть ему ротъ кляномъ. Такъ онъ простоялъ еще полтора часа, молча, со страшной болью въ спинѣ, съ обнаженной головой, подъ палящими лучами полуденнаго солнца. Когда время наказанія кончилось, его первыя слова были: «я болѣе побѣдитель, чѣмъ вы, благодаря Тому, кто меня любитъ». За эти задорныя слова судъ звѣздной палаты распорядился заковать его по рукамъ и ногамъ и посадить въ отдѣленіе тюрьмы, предназначенное «для самыхъ низкихъ и ужасныхъ преступниковъ». Тутъ его должны были держать въ строгомъ одиночномъ заключеніи и даже не передавать ему денегъ отъ друзей. Распоряженіе это выполнялось въ точности и даже хирурга допустили къ нему только одинъ разъ. Желѣзные кандалы на рукахъ и ногахъ были слишкомъ тѣсны для него и для того, чтобы замѣнить ихъ новыми, изготовленными на его счетъ, понадобились безконечныя просьбы и подкупы. Сидя въ невыразимо грязной и вонючей камерѣ, онъ долгое время испытывалъ такіа ужасныя страданія, что нѣсколько разъ уже считалъ себя близкимъ къ смерти. Въ концѣ концовъ онъ согласился написать въ государственннй совѣтъ заявленіе, чтобы лучше съ нимъ обращались. Но, когда ему объявили, что заявленіе будетъ передано лишь въ томъ случаѣ, если онъ отречется отъ всѣхъ своихъ взглядовъ, онъ сейчасъ же отказался отъ заявленія. Онъ говорилъ, что пока ему не докажутъ его неправоту, онъ ни въ какомъ случаѣ не согласится на отреченіе, хотя охотно пошелъ бы въ Тибурнъ или Смитфильдъ (т.-е. охотнѣе подвергнулся бы колесованію или повѣшенію), только бы не оставаться дольше въ этой тюрьмѣ. Ему однако пришлось провести въ ней больше двухъ лѣтъ, и онъ оставался бы тамъ еще дольше или умеръ бы, какъ многіе другіе, въ заключеніи, если бы происшедшій зимой 1640—41 гг. политическій переворотъ не принесъ избавленія ему и многимъ его товарищамъ.

Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что насильственныя мѣропріятія противъ сектантовъ вызвали также усиленную эмиграцію ткачей изъ Норфолка, Суффолка и Йоркшира. Часть изъ нихъ уходила въ Нидерланды, гдѣ ихъ принимали съ распростертыми объятіями, какъ сто лѣтъ раньше въ Англии принимали голландскихъ бѣглецовъ, быть можетъ, дѣдовъ или прадѣдовъ тѣхъ, которые теперь уходили изъ нея. Иные искали счастья въ только что возникшихъ колоніяхъ Сѣверной Америки, но все же въ Англии оставалось достаточно людей, хранившихъ старыя традиціи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Парламентъ и королевская власть. Пресвитериане и индепенденты. Опасныя для государства секты. Народъ и парламентъ.

«Въ горахъ раздался первый выстрѣлъ». Карль I и Лаудъ сдѣлали попытку ввести епископальное устройство и новую, похожую на католическую, литургію англійской государственной церкви и въ Шотландіи, гдѣ съ 1592 года признанной государственной церковью была пресвитерианская. Они думали сломить противодѣйствіе шотландцевъ постепенными, но въ то же время твердыми мѣропріятіями, и имъ пришлось жестоко разочароваться. Уже въ 1637 году началось открытое возстаніе. Шотландцы учредили нѣчто вродѣ временнаго правительства, въ которомъ были представлены четыре класса: дворянство, джентри, горожане и духовенство. Въ то же время былъ провозглашенъ великій народный союзъ, національный «Covenant», которому всѣ присягнули. Не будучи въ состояніи сейчасъ же выступить противъ нихъ съ военной силой, Карль долженъ былъ вступить въ переговоры, которые тянулись довольно долго. Вѣрнѣе было бы сказать, что Карль старался затянуть ихъ какъ можно дольше, но это затягиваніе дало только возможность непреклоннымъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ шотландцамъ показать Карлу, что они не дадутъ обмануть себя очень хорошо знакомой имъ, его землякамъ, тактикой то угрозы, то лести, то обѣщаній всего, чтобы впоследствии не сдѣлать ничего ¹⁾). Лѣтомъ 1639 года въ Бервикѣ, на границѣ между Англійей и Шотландіей, куда шотландцы вышли навстрѣчу Карлу, собиравшемуся наказать съ нѣсколькими полками на Шотландію, былъ заключенъ миръ, продолжавшійся недолго. Такъ какъ у Карла не было никакого желанія выполнить данныя тамъ обѣщанія, то ему оставалось только собрать порядочное войско, а для этого нужно было больше денегъ, чѣмъ давали принудительные налоги и прочія его финансовыя мѣропріятія. По совѣту своего довѣреннаго, Страффорда—такъ назывался возведенный въ графское достоинство Вентвортъ, сумѣвшій хитростію и насиліемъ подчинить Ирландію и собрать тамъ покорный псевдо-парламентъ, — по совѣту этого-то безстыднаго насильника. Карль, послѣ одиннадцатилѣтняго неконституціоннаго правленія, весной 1640 года снова созвалъ англійскій парламентъ. Послѣдній собрался 13 апрѣля 1640 года въ Лондонѣ; но вмѣсто того, чтобы исполнить желаніе короля и вогнать ему средства для борьбы съ мятежными шотландцами, стоявшими уже на границѣ Англійи (Англія и Шотландія тогда еще были отдѣльными королевствами), парламентъ объявилъ, что онъ прежде всего желаетъ провѣрить законность предпринятыхъ Карломъ за истекшія одиннадцать лѣтъ его правленія фискальныхъ

¹⁾ Нѣсколько шотландцы были правы, не довѣряя Карлу, показываютъ сохранившіяся письма его къ намѣстнику Гамильтону. „Вы должны главнымъ образомъ стараться выиграть время, для того чтобы они (шотландцы), имѣли случай надѣлать глупостей, пока я буду въ состояніи подавить ихъ“, говорится въ одномъ изъ этихъ писемъ.

мѣропріятій и политическихъ преслѣдованій. Възбѣшенный Карль снова рѣшилъ распустить парламентъ. 5 мая онъ объявилъ о его распушеніи и еще разъ сдѣлалъ попытку собрать деньги насильственными мѣрами. Дѣлалъ онъ это подъ вліяніемъ Страффорда, полагавшаго, что Сити образумится, если повѣсится нѣсколькихъ ольдерменовъ. Но насильственные мѣры вызывали больше раздраженія, чѣмъ приносили денегъ. Поведеніе лондонскаго населенія и провинціи становилось все болѣе угрожающимъ, кое-гдѣ дѣло доходило до бунтовъ, заставившихъ короля перевезти свою жену, собиравшуюся рожать, въ Гринвичъ. Въ довершеніе всего, шотландцы, давно уже вступившіе въ соглашеніе съ вождями оппозиціи въ Англии, съ сильнымъ войскомъ перешли черезъ границу. Королю, положеніе котораго становилось все болѣе критическимъ, теперь оставалось только уступить и созвать новый англійскій парламентъ. Посланныя противъ шотландцевъ войска оказались ненадежными. Во время недолгаго похода, который они называли «войной епископовъ», они выказали больше вражды къ послѣднимъ и къ своимъ собственнымъ офицерамъ, чѣмъ къ шотландцамъ. При первой же встрѣчѣ съ послѣдними, они бѣжали послѣ первыхъ выстрѣловъ, и шотландцы безъ труда заняли четыре сѣверныхъ графства.

Карль сдѣлалъ еще попытку натравить лордовъ на палату общинъ, но эта попытка не удалась, и осенью 1640 года были объявлены выборы въ новый парламентъ. Естественно, эти выборы оказались еще менѣе благопріятными для короля, чѣмъ предыдущіе. Оппозиція основательно научилась вести агитацію во время преслѣдованій противъ нея. Въ новомъ парламентѣ едва ли бы можно было найти хоть двухъ безусловныхъ сторонниковъ короля, но тѣмъ болѣе многочисленны были его рѣшительные противники. Вожди оппозиціи рѣшили основательно использовать критическое положеніе, въ которое попалъ Карль, и добиться гарантіи правъ парламента. Эти упрямые кальвинисты больше держались ветхаго завѣта и ученій книги Самуила и пророковъ о монархіи, чѣмъ новозавѣтнаго — «воздайте кесарево кесареви». Они были настолько непатріотичны, что не безпокоили шотландцевъ въ занятыхъ ими графствахъ, пока не покончили своихъ собственныхъ счетовъ съ королемъ. Говорятъ даже, что Джонъ Гамиденъ, прославленный герой «легальной оппозиціи», самъ приглашалъ шотландскихъ вождей напасть на Англію. Народные пѣвцы воспѣвали шотландцевъ, какъ спасителей англійскаго народа, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что никто не смелъ бы предосудительнымъ и дальше тоже, въ случаѣ необходимости, идти противъ короля рука объ руку съ шотландцами. Впрочемъ, дальнѣйшія событія показали, что было весьма благоразумно оставлять шотландцевъ въ странѣ въ качествѣ резервовъ. Заговоры роялистскихъ вождей противъ парламента не прекращались и самъ Карль съ нетерпѣніемъ ждалъ того момента, когда ему можно будетъ съ оружіемъ въ рукахъ напасть на представителей своего возлюбленнаго народа.

Покажѣсть, впрочемъ, ему приходилось только дѣлать одну уступку за другой. Такъ, ему пришлось пожертвовать своимъ другомъ и совѣтникомъ Страффордомъ, который былъ обвиненъ парламентомъ въ государственной измѣнѣ, осужденъ ¹⁾ и 12 мая 1641 года обезглавленъ. Епископа Лауда также обвинили

¹⁾ Формально, впрочемъ, онъ былъ осужденъ совершенно незаконно. Цимъ, который обвинилъ его, съ прискорбіемъ долженъ былъ убѣдиться, что законъ знаетъ

въ государственной измѣнѣ и до конца процесса—приговоръ былъ постановленъ и приведенъ въ исполненіе лишь зимой 1644—45 года, —держали въ Тоуэрѣ. Карлу пришлось дать свое согласіе на новый законъ, согласно которому новый парламентъ долженъ былъ собираться не позже, чѣмъ черезъ три года послѣ распущенія стараго, даже въ томъ случаѣ, если король не хотѣлъ созывать его. Затѣмъ былъ изданъ законъ, гласившій, что парламентъ не можетъ быть распущенъ и засѣданія его не могутъ быть отложены помимо согласія самого парламента, и законы, упразднявшіе судилище звѣздной палаты и высшій церковный судъ и лишншіе государственный совѣтъ короля («Privy Council») права издавать приказы объ арестахъ и отмѣнять судебные приговоры. Лишь послѣ всего этого въ августѣ 1641 года произошло распущеніе шотландской арміи, и король рѣшилъ отправиться въ Шотландію, чтобы вступить въ переговоры съ тамошнимъ парламентомъ. Но англійскій парламентъ не довѣрялъ ему и опасался новыхъ интригъ съ его стороны. Поэтому отправили сопровождать короля Джона Гампдена, чтобы онъ слѣдилъ за его дѣйствіями. Парламентъ отложилъ свои засѣданія на время отсутствія короля и возобновилъ ихъ только въ концѣ октября, чтобы покончить свои счеты съ королемъ и съ епископами. Въ то время уже былъ внесенъ въ парламентъ и прочитанъ билль объ исключеніи епископовъ изъ палаты лордовъ и второй билль объ упраздненіи епископій вообще.

Парламентъ, конечно, не забылъ также и жертвъ королевскихъ и епископскихъ преслѣдованій. Наоборотъ: однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было освобожденіе Прина, Ваствика, Лильбурна и другихъ. Они вступили въ Лондонъ при торжественномъ звонѣ колоколовъ, и «народъ усыпалъ ихъ дорого цвѣтами» (Вэркли, «The Inner Life of Religious Societies»). Петицію Лильбурна объ удовлетвореніи за причиненныя несправедливости взялся доложить Оливеръ Кромвель и рѣчь его въ защиту этой петиціи была первой рѣчью, произнесенной имъ въ этомъ парламентѣ. 3 мая 1641 года Лильбурнъ уже принималъ участіе въ большой демонстраціи лондонскаго населенія, бурно протестовавшего противъ противодѣйствія, которое король и лорды оказывали въ процессѣ Страффорда. На слѣдующій послѣ этой демонстраціи день Лильбурна, за участіе въ ней, пригласили предстать предъ палатой лордовъ. Но дѣло, возбужденное противъ него по этому поводу, также какъ противодѣйствіе лордовъ и короля, кончилось ничѣмъ. Въ тотъ же самый день парламентъ, по предложенію спикера Кромвеля, объявилъ, что наложенное въ свое время звѣздной палатой на Лильбурна наказаніе «было незаконно, противно гарантированнымъ правамъ гражданъ государства, кромѣ того кровавадно, постыдно, жестоко, произвольно»; затѣмъ парламентъ постановилъ вознаградить Лильбурна за причиненныя ему незаконно страданія и убытки. Установленіе суммы вознагражденія было дѣломъ суда лордовъ, и прошло почти пять лѣтъ, пока послѣдній, въ мартѣ 1646 года, установилъ размѣръ причитавашагося Лильбурну вознагражденія. Изъ этого вознагражденія въ 2000 фунтовъ стерлинговъ Лильбурнъ получилъ однако едва третью часть, да и то гораздо позже, и до поры до времени онъ, чтобы обез-

только измѣну королю, но не измѣну странѣ или народу. Тѣмъ не менѣе смѣшно, когда просвѣщенный Юмъ, а вслѣдъ за нимъ и другіе называютъ казнь Страффорда болѣе чудовищнымъ преступленіемъ, чѣмъ всѣ совершенныя самимъ Страффордомъ насилія. Ибо власть имущій, который попрашаетъ законъ ногами, самъ стоитъ внѣ закона.

печатать свое существование, сдѣлался пивоваромъ. Однако, время тогда было настолько безпокойное, что онъ не могъ долго заниматься этимъ дѣломъ.

Въ октябрѣ 1641 года парламентъ снова собрался далеко не въ радужномъ настроеніи, потому что, по получившимся изъ Шотландіи свѣдѣніямъ, Карлъ не преминулъ интриговать и, путемъ подкуповъ, путемъ разжиганія личной вражды и всевозможными аналогичными средствами, сумѣлъ внести несогласіе въ ряды «ковенантцевъ» и очень усилить свое вліяніе. Кромѣ того, короля обвиняли въ участіи въ заговорѣ противъ нѣкоторыхъ изъ вождей шотландцевъ. Парламентъ хотѣлъ предупредить возможность подобныхъ продѣлокъ въ Англии, и однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было составленіе обширной записки — «Grand Remonstrance», въ которой въ 206 параграфахъ перечислялись всѣ противоконституціонныя мѣропріятія Карла, съ самаго восшествія его на престолъ, и требовались гарантіи противъ возможности повторенія ихъ. Записка была принята, несмотря на несогласіе меньшинства, сѣдѣвшаго заключить миръ съ королемъ, и послѣ врученія послѣднему была распространена во множествѣ списковъ по всей странѣ. Затѣмъ парламентъ продолжалъ кампанію противъ епископовъ, которые съ своей стороны объявили неконституціонными всѣ законы, принятые палатой лордовъ въ ихъ отсутствіе. Противъ епископовъ среди лондонскаго населенія происходили грандіозныя демонстраціи. Когда во время одной изъ такихъ демонстрацій, устроенной учениками, солдаты и приверженцы короля напали на участниковъ ея, послѣдніе на слѣдующій день, 28 декабря 1641 года, съ оружіемъ въ рукахъ двинулись на Вестминстеръ. Говорятъ, что въ происшедшей при этомъ схваткѣ впервые раздались ключки — «круглоголовые» для народной партіи, и «кавалеры» для партіи короля, — которыя впослѣдствіи сдѣлались обычными. Въ рядахъ первыхъ дрался и Лильбурнъ — давно уже не «ученикъ» — получившій при этомъ очень серьезную рану.

Король снова попытался совершить государственный переворотъ. Ему не удалось привлечь на свою сторону, предложеніемъ должности лорда казначейства, Пима, вождя оппозиціи — «короля» Пима — домъ котораго былъ главной квартирой оппозиціи. Тогда король, 3 января 1642 года, велѣлъ обвинить въ государственной измѣнѣ Пима, Джона Гампдена и нѣсколькихъ другихъ членовъ палаты общинъ, а также члена палаты лордовъ, лорда Кимбольтона, впослѣдствіи лорда Манчестера ¹⁾. Однако попытка арестовать ихъ, внезапно напавъ на нихъ, не удалась. Когда король 4 января проникъ съ солдатами въ парламентъ, чтобы насильно овладѣть своими противниками, послѣднихъ, предупрежденныхъ заранѣе, тамъ уже не оказалось, и хотя короля тогда еще почтительно выслушали, все же его при уходѣ провожали криками протеста: «Привилегія, привилегія!» Прокламація, предписывавшая закрытіе всѣхъ гаваней, для предупрежденія бѣгства обвиняемыхъ за границу, до крайности усилила па-

¹⁾ Здѣсь, въ противоположность процессу Страффорда, въ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ пунктахъ было право обвиненіе. Такъ, напр., въ 4 пунктѣ говорилось, что обвиняемые „измѣннически приглашали иностранную державу напасть на королевство его величества, Англію, и оказывали ей при этомъ поддержку“. Это и было сдѣлано по отношенію къ шотландцамъ, которые въ то время были еще чужестранцами. Впрочемъ, вопросъ о государственной измѣнѣ уже былъ изъятъ событіями изъ области юридической.

рившее въ Лондонѣ возбужденіе. Всѣ горожане до единого стали на сторону парламента, который для вящей своей безопасности перенесъ свои засѣданія въ Сити. Когда король показывался на улицахъ, ему вслѣдъ раздавались угрожающіе крики, и однажды торговецъ желѣзомъ бросилъ въ коляску, въ которой ѣхалъ этотъ сынъ «британскаго Соломона», записку съ зловѣщими словами: «Вернись въ свои шатры, Израиль!» — съ тѣми же самыми словами, которыми нѣкогда начался мятежъ противъ Ровоама. Вооруженные морскіе солдаты, ученики и другіе люди массами предлагали себя парламенту въ качествѣ охраны. Карлъ чувствовалъ, что парламентъ въ столицѣ въ большей безопасности, чѣмъ онъ самъ, и поэтому покинулъ ее 10 января, чтобы вернуться въ нее только черезъ семь лѣтъ, уже въ качествѣ плѣнника.

Теперь съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что конфликтъ долженъ разрѣшиться на полѣ сраженія. Королева съ фамилными драгоцѣнностями переехала на континентъ, чтобы заложить ихъ или вообще какимъ-нибудь образомъ достать займы денегъ, а король, часто мѣнявшій свое мѣстопробываніе, вербовалъ въ это время по всей странѣ солдатъ. Парламентская партія съ своей стороны также собирала деньги и вербовала войско, надъ которымъ былъ назначенъ главнокомандующимъ графъ Эссексъ. Конницей командовалъ графъ Бедфордъ. Въ этой-то конницѣ Кромвелъ служилъ командиромъ эскадрона. Лильбурнъ также предложилъ парламенту свои услуги, и такъ какъ онъ, въ качествѣ «джентльмена», владѣлъ оружіемъ, то ему дали какой-то низшій офицерскій чинъ въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Флотъ весь цѣлкомъ перешелъ на сторону парламента, а лондонская милиція также была все время наготовѣ.

Вербовка солдатъ и всевозможные переговоры тянулись всю весну и лѣто, но осенью дѣло дошло до открытаго столкновенія. Первая серьезная стычка между войскомъ короля, состоявшимъ изъ опытныхъ солдатъ, и войскомъ народа кончилась пораженіемъ послѣдняго. Но уже при второй ихъ встрѣчѣ, въ сраженіи возлѣ Брентфорда у Лондона (13—15 ноября 1642 года) народному войску удалось отбить атаку «кавалеровъ» и принудить короля отступить со своими приверженцами въ Оксфордъ. Лильбурнъ, уже принимавшій участіе въ упомянутомъ выше несчастномъ сраженіи при Эджилѣ и получившій тамъ рану, при Брентфордѣ, также выказалъ большое мужество, но былъ побитъ и взятъ въ плѣнъ королевскими войсками. Въ Оксфордѣ его судили за государственную измену и приговорили къ смерти. Но угроза парламента разстрѣлять, въ случаѣ его казни, плѣнныхъ кавалеровъ спасла его. Зато онъ пробылъ въ плѣну почти цѣлый годъ и долженъ былъ выносить очень дурное обращеніе. Онъ былъ освобожденъ только въ сентябрѣ 1643 года въ обмѣнъ на плѣнныхъ роялистовъ, и то лишь послѣ того, какъ парламентъ пригрозилъ королю, приказавшему казнить Лильбурна, жестоко отомстить за его смерть. Отказавшись отъ предложенной ему должности съ содержаніемъ въ 1.000 фунтовъ стерлинговъ, Лильбурнъ примкнулъ къ организовавшейся какъ разъ въ это время арміи восточныхъ графствъ. Здѣсь ему, по рекомендаціи Кромвеля, очень много сдѣлавшаго для организациіи этой арміи, дали патентъ майора въ конницѣ.

Кромвелъ принималъ участіе въ сраженіи при Эджилѣ и даже отличился въ немъ, но послѣ сраженія, кончившагося, какъ мы уже говорили, неудачно, онъ сказалъ своему двоюродному брату Гамидену, что съ войскомъ, состоящимъ

большою частью изъ старыхъ подмастерьевъ бочаровъ и городскихъ учениковъ¹⁾, никогда нельзя будетъ побѣдить «армію людей чести», что для этого нужны люди, защищающіе еще болѣе высокій принципъ, «религіозные люди». Зима 1642—43 года ушла на попытки реорганизациі арміи. За это время образовались союзы объединившихся графствъ, которые должны были заняться въ своихъ областяхъ вербовкой и обученіемъ войскъ. Однако, только ассоціація восточныхъ графствъ (Норфолькъ, Суффолькъ, Эссексъ и т. д.), душою которой былъ Кромвель, обнаружила прочность. Родина лоллардизма дала ядро парламентскаго войска, впоследствии «железные ряды» (Ironsides) Кромвеля²⁾.

Къ этому отдѣлу арміи принадлежалъ теперь и Лильбурнъ; онъ при различныхъ обстоятельствахъ такъ отличился, что въ маѣ 1644 года былъ назначенъ подполковникомъ драгунъ, находившихся подъ командой лорда Манчестера. Въ началѣ іюня того же года онъ въ стычкѣ при Векфильдѣ былъ равенъ пудей въ плечо, но уже 2-го іюля снова принялъ участіе въ битвѣ, а именно въ знаменитомъ сраженіи при Марстонмурѣ, кончившемся побѣдой парламентскихъ войскъ.

Въ это время, какъ въ самомъ парламентѣ, такъ и въ парламентскомъ войскѣ рѣзче сталъ обозначаться мало замѣтный до тѣхъ поръ антагонизмъ между пресвитеріанами и индепендентами. Генералы, принадлежавшіе къ первымъ, стали вести войну спустя рукавъ; на это у нихъ было много причинъ: между прочимъ они все еще надѣялись вступить въ компромиссъ съ королемъ. Манчестеръ такъ явно намѣренно упустилъ случай использовать выгоды, которыя предоставляла ему побѣда 27 октября 1644 года при Ньюбери, что Кромвель, который сумѣлъ пріобрѣсти большое значеніе въ арміи, отправился въ Лондонъ и обвинилъ его въ измѣнѣ, при чемъ ссылаясь, главнымъ образомъ, на свидѣтельство Лильбурна. Но вмѣсто того, чтобы настаивать на судѣ надъ Манчестеромъ, Кромвель успокоился, выживъ его изъ арміи. Онъ при помощи своихъ друзей провелъ въ парламентѣ такъ называемый билль о самоотреченіи, на основаніи котораго ни одинъ членъ той или другой палаты парламента не могъ въ то же время занимать мѣсто предводителя въ арміи. Послѣ этого Эссексъ, Манчестеръ и нѣкоторые другіе отказались отъ своихъ должностей, но для самого Кромвеля было сдѣлано исключеніе. Хотя онъ былъ членомъ парламента, его на извѣстный срокъ, который однако постоянно возобновлялся, назначили генералъ-лейтенантомъ вновь организованной («New Model») арміи, которой командовалъ храбрый генералъ Т. Ферфаксъ. Арміи трудно было обойтись безъ Кромвеля, тѣмъ болѣе, что король готовился нанести ей новый ударъ.

Всѣ эти дѣйствія Кромвеля Лильбурнъ считалъ кривыми путями, которые

¹⁾ Послѣдніе, впрочемъ, впоследствии въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ вели себя очень хорошо. Между прочимъ въ сраженіи при Ньюбери, гдѣ они своимъ стойкимъ сопротивленіемъ конницѣ Карла I, состоявшей большей частью изъ валлоновъ, лишили королевское войско побѣды.

²⁾ Послѣдствіемъ наплыва сектантскихъ элементовъ въ армію явился, между прочимъ, уходъ изъ нея пресвитеріанскихъ священниковъ. Вмѣсто нихъ стали говорить проповѣди міряне, чувствовавшіе призваніе къ этому, такимъ образомъ сама армія сдѣлалась разсадникомъ сектантства и своего рода школой сектантскихъ проповѣдниковъ. Ср. Neal, History of the Puritans, II, стр. 356.

ему, фанатику законности, были особенно ненавистны; Кромвель же казался ему просто карьеристомъ, который воспользовался имъ (Дилльбурномъ) лишь для того, чтобы избавиться отъ неудобнаго начальника. Поэтому онъ отказался занять мѣсто въ новой «образцовой» арміи, изъ которой вытѣснялись всѣ ненадежные элементы ¹⁾, вернулся къ частной жизни и прежде всего занялся защитой религіозной свободы отъ пресвитеріанъ.

Какъ всѣ политически болѣе радикальные элементы, онъ за это время успѣлъ отвернуться отъ пресвитеріанъ и примкнуть къ индепендентамъ. Для пресвитеріанъ не существовало религіозной свободы, кромѣ свободы ихъ религіи. Терпимость по отношенію къ другимъ сектамъ считалась у нихъ величайшей ересью, «первѣйшимъ средствомъ діавола». Шотландцы, съ которыми парламентъ, 25-го сентября 1643 года, когда король усиленно притѣснялъ его, заключилъ торжественный союзъ взаимности—«the Solemn League and Covenant»—и которые пришли послѣ этого на помощь съ 21.000 войска, особенно считали религіозную свободу «убійствомъ душъ». Среди писемъ Кромвеля есть одно, отъ 10-го марта 1643 года, адресованное шотландцу, служившему тогда уже въ англійскомъ войскѣ, генераль-маіору Крауфорду. Въ этомъ письмѣ Кромвель энергично заступаетъ за уволеннаго Крауфордомъ офицера. Тамъ, между прочимъ, говорится:

«Но «этотъ человѣкъ анабаптистъ». Увѣрены ли вы въ этомъ? Допустимъ даже, что онъ анабаптистъ; неужели же это дѣлаетъ его неспособнымъ служить обществу?.. Милостивый государь, когда государство выбираетъ себѣ на службу людей, оно не заботится объ ихъ взглядахъ; ему достаточно, если они хотятъ добросовѣстно служить ему» (Carlyle, «Cromwell's Letters and Speeches»; письмо № 15).

Въ настоящее время это кажется общимъ мѣстомъ, хотя далеко еще не имѣетъ мѣста повсюду. Тогда такіе взгляды были такъ необычны, что лордъ Манчестеръ воспользовался этимъ письмомъ, какъ оружіемъ противъ Кромвеля, желая обвинить послѣдняго передъ парламентомъ, въ которомъ пресвитеріане тогда составляли большинство, въ покровительствѣ сектантству. Въ самомъ дѣлѣ, въ войскѣ Кромвеля была масса сектантовъ всѣхъ оттѣнковъ, отъ самыхъ яростныхъ вѣрующихъ въ библію до чуть ли не атеистическихъ рационалистовъ. Сектанты составляли цвѣтъ войска, они были въ немъ самымъ храбрымъ, самоотверженнымъ и демократичнымъ элементомъ, но именно поэтому-то они впоследствии доставили столько хлопотъ диктатору Кромвелю, который, впрочемъ, тогда сталъ относиться къ революціоннымъ сектантамъ уже совершенно иначе; но до поры до времени они поддерживали Кромвеля, а Кромвель ихъ.

Парламентъ охотно уничтожилъ бы сектантовъ, но у него не было возможности сдѣлать это. Поэтому увѣщанія шотландскаго парламента, убѣждавшаго англійскій парламентъ положить конецъ безобразіямъ въ арміи, не имѣли

¹⁾ Ненадежными назывались всѣ, кто питалъ нѣкоторую слабость къ роялизму, и всякіе авантюристы. Элементы, превосходившіе радикализмомъ самыхъ вліятельныхъ представителей арміи, до поры до времени не считались еще ненадежными, а наоборотъ, являлись украшеніемъ арміи, и даже враги ихъ не могли не признавать открыто, что они, какъ на полѣ сраженія, такъ и въ лагерѣ ведутъ себя безукоризненно.

успѣха ¹⁾). Кромвель же, съ своей стороны, въ своихъ письмахъ съ поля сраженія постоянно заступаетъ за сектантовъ, служащихъ у него въ войскѣ. «Сударь, они вполне благонадежны. Именемъ Бога заклинаю васъ не лишать ихъ бодрости», писалъ онъ спикеру парламента послѣ сраженія при Назеби, въ которомъ Карлъ былъ разбитъ наголову. Послѣ взятія Бристоля онъ писалъ тому же лицу: «Пресвитеріане и индепенденты, всѣ они здѣсь въ своихъ вѣрованіяхъ и молитвахъ одушевлены однимъ и тѣмъ же духомъ; они одинаково привѣтствуютъ другъ друга, живутъ здѣсь въ мирѣ и согласіи и не носятъ различныхъ названій. Жаль, что въ иныхъ мѣстахъ дѣло обстоитъ иначе». (Письма отъ 14 іюня и 14 сентября 1645 года).

Въ другихъ мѣстахъ «дѣло дѣйствительно обстояло иначе». Не будучи въ состояніи превратиться изъ преслѣдуемыхъ въ преслѣдователей въ той мѣрѣ въ какой этого требовало ихъ ученіе, пресвитеріане дѣлали въ Лондонѣ все отъ нихъ зависящее и посылали проклятія противъ сектантовъ съ кафедръ и въ памфлетахъ. Въ засѣдашемъ съ 1643 года въ Вестминстерѣ «великомъ собраніи богослововъ» ²⁾, которые должны были совѣщаться объ общемъ для Шотландіи и Англіи церковномъ устройствѣ, въ этомъ собраніи, гдѣ громадное большинство составляли пресвитеріане, также раздавались страстные проклятія по адресу «отвратительнаго, достойнаго проклятія ученія о свободѣ совѣсти».

«Терпимость сдѣлала бы изъ этого королевства хаосъ, Вавилонъ, второй Амстердамъ, Содомъ и Египетъ»—говорится въ посланіи собранія парламенту: «Какъ первородный грѣхъ является первымъ грѣхомъ, носящимъ въ себѣ сѣмя и зародышъ всѣхъ грѣховъ, такъ терпимость чревата всѣми ошибками и всякимъ зломъ... Вся наша душа негодуетъ, и мы могли бы утонуть въ своихъ слезахъ, проливаемыхъ при мысли о томъ, какими продолжительными и тяжелыми трудами это королевство въ теченіе многихъ лѣтъ добывалось благословеннаго плода, основательной и чистой реформаціи. И вотъ теперь, въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ этихъ трудовъ, страданій и ожиданій истинная и основательная реформація подвергается опасности быть задушенной до появленія на свѣтъ какой-то беззаконной терпимостью, которая стремится осуществиться раньше ея».

Было бы совершенно ошибочно слышать въ этихъ словахъ только голосъ ограниченныхъ религіозныхъ фанатиковъ. Въ этихъ словахъ слышится голосъ имущаго городского населенія—купечество Сити держалось большею частью пресвитеріанства,—тотъ же голосъ, который въ настоящее время говоритъ, что религія должна быть сохранена въ народѣ. Въ эпоху, когда самыя радикальныя

¹⁾ Въ адресѣ шотландскаго парламента, посланномъ въ 1645 году англійскому парламенту, между прочимъ говорится: «Парламентъ нашего королевства убѣжденъ, что благочестіе и мудрость обихъ достопочтенныхъ палатъ отнюдь не потерпятъ какихъ-либо сектъ или ересей, противныхъ нашему торжественному договору или союзу». Сообщилъ Лекки, позаимствовавшій это изъ книги Neal'я History of the Puritans, II, стр. 211—222.

²⁾ «Assembly of Divines». Лилльбурнъ въ своихъ памфлетахъ насмѣшливо называлъ ихъ Assembly of Dry-vines, что значитъ приблизительно «собраніе сухихъ виноградныхъ лозъ». Это собраніе состояло изъ ста двадцати членовъ, въ числѣ которыхъ тридцать были миряне. Изъ нихъ 10 лордовъ и 20 членовъ палаты общинъ. Пресвитеріане съ своей стороны изъ инициаловъ Джона Лилльбурна составили анаграмму: «O I burn in hell,—O, я горю въ аду».

соціальныя теоріи обнаруживались преимущественно въ религіозной оболочкѣ, въ интересахъ существующаго строя было конечно не сохраненіе «религіи» вообще, а только сохраненіе опредѣленной формы ея, а для зарождавшейся тогда буржуазіи самой удобной религіей было пресвитеріанское пуританство ¹⁾. «Индепендентъ» было покажѣтъ еще неопредѣленнымъ понятіемъ, собирательнымъ именемъ, подъ которымъ подразумѣвались весьма многіе, но тѣмъ или инымъ причинамъ отвергавшіе религіозный абсолютизмъ, духовную центральную власть, подобно тому какъ на извѣстной ступени политическаго развитія понятіе либерализмъ, а впоследствии понятіе радикализмъ были собирательными именами тенденцій, сходящихся только на отрицаніи, а вообще носившихъ въ себѣ зародышъ самыхъ глубокихъ разногласій. Мы уже въ слѣдующей главѣ будемъ говорить о политическомъ расколѣ среди индепендентовъ. Какъ велики были различія въ религіозно-соціальному отношеніи, явствуетъ изъ того, что въ числѣ «индепендентскихъ сектъ» при случаѣ упоминались секты съ ярко выраженными коммунистическими тенденціями, какъ, напр., анабаптисты, и находившіеся подъ вліяніемъ анабаптистскихъ ученій фамилисты (уже самое названіе ихъ показываетъ, что это было нѣчто вродѣ союза для осуществленія братства людей, возникшаго въ Мюнстерѣ и черезъ Голландію проникшаго въ Англію). Затѣмъ приверженцы «пятого царства» ²⁾, о которомъ мы еще будемъ говорить ниже; далѣе, еще болѣе близкіе къ анархизму антиномисты (противники всякихъ писанныхъ религіозныхъ и нравственныхъ законовъ, исходящіе изъ того положенія, что внутреннее просвѣщеніе духомъ евангелія—вполнѣ достаточное руководство во всѣхъ дѣйствіяхъ, и приходившіе къ весьма радикальнымъ выводамъ), и крайніе представители этого направленія, рантеры ³⁾, которыхъ обыкновенно изображаютъ приверженцами свободной любви и тому подобныхъ ужасовъ, а также и другія секты.

Давать подробное описаніе всѣхъ сектъ той эпохи мнѣ кажется излишнимъ; о тѣхъ, которыя играли какую бы то ни было роль въ разсматриваемую нами эпоху, мы будемъ говорить при удобномъ случаѣ. Здѣсь же достаточно

¹⁾ Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Сити упорно держалось пресвитеріанства. Страхъ предъ возможной церковной тираніей, царившей въ палатѣ общины, не существовалъ для купцовъ и ремесленниковъ Сити. Путемъ занятія должностей старѣйшинъ, наблюдающихъ за церковной дисциплиной, купцы и ремесленники Сити сами составили бы церковь. Если церковная тиранія вообще была бы возможна, она исходила бы отъ нихъ самихъ" (Gardiner, History of the Great Civil war III, стр. 78, 79). Это противорѣчіе между парламентскими представителями буржуазныхъ классовъ и самими этими классами, представляетъ собой весьма характерное явленіе, которое часто повторяется во всей новѣйшей исторіи. Въ парламентахъ и въ парламентскихъ дѣятеляхъ классовый характеръ представительства видоизмѣняется или, если угодно, фальсифицируется всевозможными идеологиями, которыя въ массѣ представляемыхъ обыкновенно совершенно затушевываются. Неровное отношеніе лондонскаго Сити къ Кромвелю и парламенту представляетъ собой одну изъ самыхъ поучительныхъ главъ въ исторіи англійской революціи.

²⁾ Ссылаясь на одно мѣсто книги пророка Даніила, они надѣялись и стремились достигнуть царствія христова, которое должно наступить послѣ павшихъ одно за другимъ ассирійскаго, персидскаго, греко-македонскаго и римскаго міровыхъ царствъ. Въ царствѣ христовомъ не будетъ свѣтскихъ владыкъ, въ немъ будетъ господствовать полное равенство въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимали древніе христіане.

³⁾ Это слово значить приблизительно—необузданные, безпокойные.

будетъ констатировать существованіе и широкое распространеніе въ народѣ хилиастическихъ, т.-е. ожидающихъ наступленія тысячелѣтняго царствія божія, сектъ ¹⁾. Проклятія пресвитеріанъ были направлены преимущественно противъ этихъ именно сектъ. Противъ нихъ же раздавались анаэмы лондонскаго спеціально-пресвитеріанскаго собора «*Sion College'a*», и имъ же пресвитеріанское церковное свѣтило, Т. Эдвардсъ, посвятилъ въ 1646 году цѣлую книгу доносовъ, которой онъ далъ характерное заглавіе «Гангрена». Многія изъ сектъ, какъ, напр., антипомисты, исходили изъ тѣхъ же догматическихъ основныхъ понятій, какъ и пресвитеріане, но практическое примѣненіе ихъ было иное, а въ практикѣ-то и заключалось все дѣло.

Мысль, что ради собственности не слѣдуетъ трогать централизованную государственную церковь, совершенно опредѣленно и безъ обиняковъ была высказана тогда поэтомъ, извѣстнымъ своими изящными стихами и еще болѣе изящными измѣнами, Эдмундомъ Уоллеромъ. 27 мая 1641 года въ палатѣ общинъ началось обсужденіе предложенія объ отмѣнѣ епископальнаго устройства церкви. По этому поводу Уоллеръ, племянникъ Джона Гампдена и тогда еще сторонникъ парламентской партіи, выразился, что было бы очень благоразумно обрѣзать когти и сбить рога епископату, и что въ этомъ отношеніи можно, пожалуй, пойти еще нѣсколько дальше, но что полная отмѣна епископата все-таки очень рискованная мѣра. Именно то обстоятельство, что противъ епископата возстають массы, заставляетъ его, говорилъ онъ, относиться къ епископату благосклонно.

«Ибо я вижу въ немъ защитный валь или укрѣпленіе и говорю себѣ: если этотъ валь будетъ занятъ народомъ и послѣднему откроется тайна, что мы ни въ чемъ не можемъ отказать ему, когда онъ выставляетъ требованія всей массой, то на слѣдующій разъ намъ такъ же трудно будетъ защищать свое имуществу противъ народа, какъ было трудно защитить его противъ прерогативъ короны. Если онѣ (народныя массы) численностью своихъ рукъ или подаваемыхъ ими петицій добьются введенія равенства въ церковныхъ дѣлахъ, то слѣдующимъ изъ требованіемъ будетъ, пожалуй, *Lex Agraria* (законъ о раздѣленіи земли) требованіе такого же равенства въ свѣтскихъ дѣлахъ». Уоллеръ указываетъ на исторію древняго Рима, гдѣ одновременно съ преобладаніемъ массъ начался упадокъ республики. *Legem rogare* (просить о законѣ), говоритъ

¹⁾ Подробно объ этомъ предметѣ трактуетъ Германъ Вейнгартенъ, въ своемъ крайне добросовѣстномъ и заслуживающемъ вниманія трудѣ „*Die Revolutionskirchen Englands*“ (Лейпцигъ 1868). „Мы видимъ, что индепендентизмъ прогрессируетъ въ двухъ направленіяхъ,—пишетъ Вейнгартенъ, рассматривающій явленія съ точки зрѣнія историка мысли.—На ряду съ религіознымъ направленіемъ, которое обнаруживается въ формѣ сектъ и заключается квакерствомъ, существуетъ направленіе политическое, первой случайной формой котораго является движеніе левеллеровъ, между тѣмъ какъ основныя идеи этого направленія, въ качествѣ дѣятельныхъ факторовъ, продолжаютъ существовать въ политической жизни современности“ (*ibid.*, стр. 75). Очень полное описаніе сектъ первыхъ временъ революціи даетъ Массонъ въ своей книгѣ „*Life and Time of John Milton*“, III, стр. 142—159; на 15 и слѣдующихъ страницахъ V тома того же сочиненія имѣется характеристика сектъ въ эпоху протекторства. Много матеріала, но только въ узко-буржуазномъ освѣщеніи, даетъ Робертъ Бёркли, въ своей книгѣ „*The Inner Life of the Religious Societies of the Commonwealth*“, Лондонъ, 1876 г.

Уоллеръ, быстро превратилось въ *Legem ferre* — дѣлать законъ, а когда легионы поняли, что они могутъ сдѣлать диктаторомъ, кого имъ вздумается, они совершенно лишили сенатъ голоса. Возражаютъ, что епископатъ представляетъ собой не то, что указано въ священномъ писаніи, онъ (Уоллеръ) не оспариваетъ этого, однако —

«Однако я увѣренъ, что, когда потребуютъ равнаго распредѣленія земли и имущества, для доказательства справедливости этого требованія будетъ приводиться столько же цитатъ изъ библіи, сколько теперь приводится противъ духовенства и церковныхъ доходовъ. Что же касается злоупотребленій, то въ противовѣсъ приводимымъ въ «Ремонстранціи» расскажемъ о томъ, что терпѣлъ тотъ или иной бѣднякъ отъ епископовъ, вамъ могутъ привести тысячи примѣровъ такихъ же бѣдныхъ людей, жестоко потерпѣвшихъ отъ лэндлордовъ, тысячи рассказовъ о свѣтскихъ имуществахъ, которыя употреблялись во вредъ другимъ и въ ущербъ своимъ собственникамъ». Поэтому, по мнѣнію Уоллера, палата должна успокоить взволнованные умы рѣшеніемъ реформировать, но отнюдь не упразднить епископатъ. (См. біографію Уоллера въ книгѣ Самуила Джонсона, *Lives of the Poets*). Какъ видно, мудрость современныхъ консервативныхъ государственныхъ дѣятелей, пользующихся для охраны критикуемыхъ учреждений то краснымъ призракомъ, то рассказами о злоупотребленіяхъ въ другихъ учрежденіяхъ, — уже очень стара. Кстати Эдмундъ Уоллеръ похороненъ въ Биконсфильдѣ, гдѣ находится могила другого, не менѣе талантливаго перебѣжчика, Эдмунда Бѣрка. Дизраэли — родственникъ обоимъ политическій и литературный гений, заставилъ дать себѣ дворянскій патентъ съ именемъ той же мѣстности ¹⁾.

Вернемся теперь къ изложенію событій.

Въ январѣ 1645 года Лильбурнъ опубликовалъ открытое письмо, въ которомъ онъ защищалъ сектантовъ и горячо нападалъ на тиранію духа у пресвитеріанъ. Письмо это было отвѣтомъ на памфлетъ его прежняго учителя и предшественника Прина ²⁾, который исполненъ былъ пресвитеріанскаго духа преслѣдованія. Это письмо по настоянію Прина было объявлено парламентомъ «шутовскимъ, клеветническимъ и революціоннымъ». Противъ Лильбурна за это письмо возбудили уголовное преслѣдованіе, а когда онъ въ другомъ памфлетѣ вздумалъ критиковать это преслѣдованіе, его самого, по постановленію парламента, арестовали въ іюль 1645 г. Въ парламентѣ и среди кучества Сити пресвитеріане составляли большинство, но зато въ широкой массѣ лондонскихъ гражданъ Лиль-

¹⁾ Поэтъ Уоллеръ выразилъ словами то, что у многихъ было на умѣ. Въ маѣ 1646 года депутація отъ двухъ тысячъ жителей графствъ Букингемшира и Герфордшира подала парламенту петицію объ отмѣнѣ десятины. Эта петиція не нашла себѣ поддержки, и депутацію отправили во сносис, съ отеческимъ наставленіемъ убираться и повиноваться законамъ божескимъ и законамъ королевства, которыхъ они не понимаютъ. „Нѣкоторые члены (парламента) замѣтили, что арендаторы, желающіе теперь избавиться отъ десятины, скоро захотятъ также избавиться отъ арендной платы. Девять десятыхъ доходовъ отдаются лэндлорду на основаніи тѣхъ же законовъ, какъ и десятина духовенству“. (Gardiner, *History of the Great Civil war*, III, стр. 124). Какой свѣтъ бросаютъ эти документально засвидѣтельствованныя рѣчи на исторію той революціи!

²⁾ Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ этой эпохи Лильбурна называютъ бывшимъ служателемъ Прина, но это можетъ относиться только къ зависимости Лильбурна отъ него, какъ отъ политическаго вождя.

бурнь, между прочимъ горячо возстававшей противъ еще продолжавшейся продажи монополій крупнымъ купцамъ, былъ слишкомъ популяренъ, чтобы съ нимъ можно было обращаться по произволу. Депутація гражданъ напомнила парламенту за услуги Лильбурна въ «борьбѣ противъ тираніи прелатовъ и придворныхъ паразитовъ». Парламентъ обѣщалъ, что Лильбурна будутъ судить по всей справедливости и назначилъ для его содержанія до постановленія приговора 100 фунтовъ стерлинговъ. Депутація однако не удовлетворилась этимъ и кой кто изъ наиболее горячихъ сторонниковъ Лильбурна замыслили, повидному, нападеніе на тюрьму, въ которой онъ содержался. Узнавъ объ этомъ замыслѣ, Лильбурнь рѣшительно отвергъ его. Въ октябрѣ, когда должно было разбираться дѣло Лильбурна, парламентъ, вслѣдствіе постоянно поступавшихъ къ нему петицій, и принявъ въ соображеніе продолжительное предварительное заключеніе, велѣлъ освободить его. Палата находилась не въ особенно пріятномъ положеніи. Правда, короля нечего уже было бояться. Послѣ битвы при Нэзби онъ потерялъ уже всякую надежду на побѣду оружіемъ и снова вступилъ въ переговоры. Но войско Кромвеля состояло почти исключительно изъ индепендентовъ; значительная часть лондонскаго населенія была на ихъ сторонѣ, и если бы не удалось обуздать этотъ неудобный беспокойный элементъ, требовавшій реформъ отъ «корня до верхины» («root and branch»), то плоды побѣдъ могли бы быть потеряны. На индепендентовъ все чаще стали посматривать, какъ на враговъ.

Поэтому Лильбурнь недолго наслаждался своей свободой. Насчетъ его отношенія къ парламентскому большинству не могло быть никакого сомнѣнія. За нѣсколько дней до освобожденія онъ опубликовалъ противъ этого большинства двѣ очень рѣзкія статьи, самое заглавіе которыхъ уже показываетъ, каково ихъ содержаніе и направленіе. Первая статья носила названіе «Защита природныхъ правъ Англіи противъ всякой произвольной узурпаціи, королевской, парламентской и всякой другой, подъ какой бы маской она не обнаруживалась, съ добавленіемъ различныхъ щекотливыхъ вопросовъ, замѣчаній и жалобъ народа и объясненія, что теперешнія мѣропріятія нашего парламента прямо противорѣчатъ основнымъ принципамъ, оправдывавшимъ въ началѣ его дѣйствія противъ короля». Общее заглавіе второй статьи слѣдующее: «Достойная сожалѣнія тиранія Англіи, послѣдствіе произвола, жестокости и роскоши парламента, жадности, честолюбія и непостоянства священниковъ, глупости, безпечности и трусости народа». — Получивъ свободу, Лильбурнь сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ собраній лондонскихъ индепендентовъ, а на этихъ собраніяхъ постоянной темой разговоровъ тогда уже служилъ аристократическій характеръ нижней палаты. Прошу теперь читателя вспомнить, что говорилось во 2-й главѣ о составѣ нижней палаты и объ ея избирателяхъ. Въ смыслѣ послѣдняго, положеніе дѣлъ какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ значительно ухудшилось; теперь, когда избирательное право пріобрѣло уже извѣстное значеніе, люди лишенные его не столько по первоначальному смыслу закона, сколько по традиціи, чувствовали себя обойденными. Ибо въ городахъ избирательное право распространялось только на членовъ корпорацій, иногда даже на однихъ только старшинъ корпорацій, а въ деревняхъ — на меньшинство собственниковъ. Большія несообразности получались также въ отношеніи величины представляемыхъ городовъ и мѣстечекъ; отставшіе въ своемъ развитіи или пришедшіе въ упадокъ города и мѣстечки имѣли такое же представительство, какъ крупные торговые и промышленные центры.

Въ это самое время судъ лордовъ постановилъ, что судъ звѣздной палаты надъ Лильбурномъ былъ незаконный и что Лильбурнъ долженъ быть вознагражденъ за причиненную несправедливость. Вѣроятно въ виду этого онъ въ ту же зиму женился и завелъ собственное хозяйство. Но уже 14 апрѣля 1646 года его снова арестовали. Лильбурнъ, и не только онъ одинъ, обвинилъ пресвитеріанскаго офицера, полковника Эдуарда Кинга, въ томъ, что онъ своею преступной и намѣренной медлительностью далъ возможность королевскимъ войскамъ занять нѣкоторыя укрѣпленныя мѣста. Но Кингъ имѣлъ большія связи въ парламентѣ, такъ что противъ него не удалось возбудить судебное преслѣдованіе, онъ самъ обвинилъ Лильбурна въ злонамѣренной клеветѣ и добился того, что его подвергли предварительному заключенію.

Это дѣло разрослось для Лильбурна въ цѣлый рядъ процессовъ и преслѣдованій, о которыхъ мы скажемъ здѣсь лишь самое необходимое. Лильбурнъ дѣлалъ судебнымъ властямъ и парламенту заявленія, въ которыхъ доказывалъ незаконность принятыхъ противъ него мѣръ и требовалъ отмѣны ихъ; но въ одномъ изъ этихъ заявленій, которое онъ выпустилъ въ видѣ памфлета, подъ заглавіемъ «Оправданіе праваго человѣка», онъ упоминалъ о предательствѣ экс-генерала, лорда Манчестера. Послѣдній сдѣлался между тѣмъ спикеромъ палаты лордовъ; поэтому Лильбурнъ, вмѣсто требуемой имъ защиты закона, получилъ приглашеніе отвѣчать передъ лордами за свои нападки. Его нѣсколько разъ призывали къ допросу въ палатѣ лордовъ, но онъ упорно отказывался отвѣчать имъ и тѣмъ болѣе становился передъ ними на колѣни, ибо по его убѣжденію онъ не подлежалъ ихъ юрисдикціи въ уголовныхъ дѣлахъ; онъ нѣсколько разъ жаловался на нихъ, какъ на «превышающихъ свои права, и самовольно присваивающихъ себѣ права судей», обращаясь при этомъ къ своимъ «компетентнымъ, законнымъ и справедливымъ судьямъ, засѣдающимъ въ парламентѣ представителей общинъ Англіи». Но прежде, чѣмъ послѣдніе пришли къ какому-нибудь рѣшенію, лорды, 10 іюля, приговорили Лильбурна къ уплатѣ денежнаго штрафа въ 2000 фунтовъ стерлинговъ, къ лишенію права занимать когда-либо какую бы то ни было должность, и къ семилѣтнему заключенію въ Тоуэрѣ. На обращеніе съ нимъ въ Тоуэрѣ ему въ общемъ не приходилось жаловаться; въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ новое правительство выгодно отличалось отъ стараго. Но зато тюремные служащіе подвергали заключенныхъ вопіющей эксплуатаціи.

Лильбурна, однако, даже и въ тюрьмѣ нельзя было заставить замолчать. Онъ и его друзья непрестанно осаждали палату общинъ просьбами и требованіями возстановить его въ правахъ, и въ концѣ 1647 года добились таки его освобожденія подъ залогъ. Онъ воспользовался своею свободой для всевозможныхъ видовъ агитаціи и между прочимъ посѣщалъ мѣстности, гдѣ были расположены извѣстныя части войскъ, въ которыхъ у него были друзья. Ниже мы увидимъ, что его туда привлекло. Настроенный противъ него враждебно священникъ донесъ, что онъ принималъ участіе и говорилъ на митингѣ, на которомъ было рѣшено распространить тридцать тысячъ экземпляровъ написаннаго несомнѣнно самимъ Лильбурномъ летучаго листка, озаглавленнаго слѣдующимъ образомъ: «Серьезная петиція многихъ свободнорожденныхъ гражданъ этой націи». Благодаря этому доносу Лильбурну объявили, что онъ потерялъ право на снизхожденіе, и ему пришлось вернуться въ Тоуэръ.

Эта петиція является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ документовъ англійской революціи. Вообще слѣдуетъ сказать, что составленіе петицій и агитація въ ихъ пользу, были однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ пропаганды въ революціонную эпоху, и въ петиціяхъ отразилась значительная часть исторіи этой революціи. Въ названной здѣсь петиціи Лильбурнъ, повторяя употреблявшееся имъ уже раньше въ другомъ памфлетѣ выраженіе, называетъ палату общинъ «высшимъ авторитетомъ націи». Такое провозглашеніе суверенности выборнаго народнаго представительства казалось тогда настолько дерзкимъ, что парламентъ 29 мая девяносто четырьмя голосами противъ восьмидесяти шести постановилъ сжечь этотъ памфлетъ рукой палача, потому что онъ подвергаетъ сомнѣнію справедливость существующаго государственнаго устройства. Впрочемъ этотъ памфлетъ «подвергалъ сомнѣнію» еще очень многое другое: десятину, торговые монополіи и другія злоупотребленія, а также всю организацію судебного дѣла. Недостатки послѣдней въ памфлетѣ подвергаются рѣзкой критикѣ, причѣмъ энергично требуется коренная реформа какъ судопроизводства, такъ и самихъ судебныхъ установленій.

Друзья и приверженцы Лильбурна среди лондонскаго населенія съ своей стороны также не бездѣйствовали. Они подавали одну за другой петиціи относительно его и наконецъ, когда 1 августа 1648 года снова «десять тысячъ лондонскихъ гражданъ, мужчинъ и женщинъ» подали петицію, прося освободить Лильбурна или подвергнуть его законному суду, они добились того, что обѣ палаты пришли къ соглашенію между собою, освободили Лильбурна и отмѣнили наложенный на него штрафъ. Слѣдуетъ однако оговориться, что такая уступчивость по отношенію къ «народной волѣ» имѣла свои особыя причины.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Распаденіе индепендентовъ на левеллеровъ и «джентльменовъ».

Между тѣмъ во взаимныхъ отношеніяхъ парламентскихъ партій, а также въ ихъ отношеніяхъ къ королю и къ арміи произошли существенныя измѣненія. Нныя противорѣчія сгладились, нныя обострились.

Карль I весной 1646 года бѣжалъ въ шотландскій лагерь, но былъ выданъ шотландцами его противникамъ въ Англии, которые заключили его сначала въ замокъ Гольденби или Гольмби въ Нортгэмптонширѣ. Сидя тамъ, онъ старался воспользоваться поочередно то парламентомъ противъ арміи, то арміей противъ парламента. Армія представляла собой организованную демократію страны; главную массу ея составляли крестьяне и ремесленники ¹⁾; вождями послѣ ухода

¹⁾ Въ статьѣ, появившейся въ 1677 году подъ заглавіемъ: „Reasons for a limited exportation of wooll“, и помѣщенной Смитомъ въ *Chronicon Rusticum*, I, стр. 257, указывается на то, что особенно рабочіе шерстяной промышленности, ткачи и т. д. поставляли въ армію большой контингентъ солдатъ.

пресвитеріанскихъ генераловъ, были частью возвысившіеся крестьяне и ремесленники, частью же радикальные элементы имущихъ классовъ. Хотя между послѣдними и массой арміи уже обнаружилась кой-какія разногласія, все-таки у нихъ былъ одинъ общій интересъ, вражда къ парламенту, въ которомъ большинство составляли землевладѣльцы и крупная буржуазія. Какъ только король лишень былъ возможности вести борьбу вооруженными силами, у большинства въ парламентѣ быстро исчезъ энтузіазмъ къ собственному побѣдоносному войску, строптивость котораго была известна, и которому уже почти цѣлый годъ не платили жалованья. Парламентъ постарался уничтожить вліяніе войска, распустивъ часть полковъ и распредѣливъ остальные по различнымъ мѣстностямъ. Но какъ вожди такъ и солдаты замѣтили, къ чему это клонится, и провозгласили себя самостоятельнымъ учрежденіемъ. Солдаты создали себѣ глубоко демократической институтъ «агитаторовъ». Карлейль, а вслѣдъ за нимъ и другіе говорили, что это слово, впервые упомянутое въ адресѣ Ферфаксу, помѣченномъ 29 мая 1647 года, произошло отъ неправильно написаннаго слова «адъютаторъ», но они были совершенно неправы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто агитаторъ написано адъютаторъ — это дѣйствительно результатъ невѣрнаго правописанія. Слово агитаторъ происходитъ отъ «agitate» — вести чьи либо дѣла, и первоначально имѣло такое же значеніе, какое въ настоящее время имѣетъ делегатъ, довѣренное лицо. (Ср. Р. С. Гардинеръ, I. с., III, стр. 243 и слѣд.). Во всякомъ случаѣ агитаторы были скорѣе агитаторами въ современномъ смыслѣ слова, нежели просто «адъютаторами» высшихъ офицеровъ. Это были агенты простыхъ солдатъ, и какъ таковые, подъ вліяніемъ Лилъбурна, никогда не прерывавшаго сношеній съ ними, очень сильно воздѣйствовали на ходъ событій.

Офицеры и генеральный штабъ волей неволей должны были признать новый институтъ. Они пришли къ соглашенію съ солдатами, причемъ было рѣшено, что отъ каждаго полка будутъ избирать двухъ агитаторовъ, которые могутъ быть избраны только изъ рядовыхъ или унтеръ-офицеровъ. Вмѣстѣ съ офицерами, выбиравшимися также по два отъ каждаго полка, эти агитаторы должны были составлять «совѣтъ арміи». Долгіе переговоры конституировавшагося такимъ образомъ совѣта съ парламентомъ не привели къ желанному результату. Тогда произошло громадное собраніе арміи на лугу, возлѣ города Ньюмаркета. («Свиданіе на Ньюмаркетъ-Гитъ»). Тамъ 4 іюня 1647 года торжественно рѣшено было выпустить манифестъ, въ которомъ провозглашалось, что армія не наемное войско, нанятое для того, чтобы служить произволу государственной власти, но — я цитирую буквально — «свободные члены англійскаго народа, собравшіеся и оставшіеся подъ оружіемъ, съ пониманіемъ и сознаніемъ необходимости защищать свои права и вольности, а также права и вольности всего народа». Далѣе въ немъ говорилось, что офицеры и солдаты обязываются подписью своею не расходиться и не позволять дробить себя на полки и отдѣльные отряды, пока они не будутъ увѣрены, что «мы, какъ граждане государства и всѣ остальные свободно-рожденные члены англійскаго народа, не будемъ впродъ подвергаться такому гнету, такимъ насиліямъ и злоупотребленіямъ, какъ до сихъ поръ».

Еще гораздо бѣльшая демонстрація въ томъ же духѣ состоялась шесть дней спустя на Triploe Heath близъ Кембриджа. На эту демонстрацію собралось 21.000 человекъ. Всѣ отъ офицеровъ генеральнаго штаба до послѣдняго рядового единогласно рѣшили не позволять долѣе отдѣляться отъ себя

пустыми разговорами и отправились в Сентъ-Альбансъ, ближе къ столицѣ. Парламентъ отвѣтилъ на это прокламаціей, въ которой говорилось, что оставшіе армію сподна получать свое жалованье и, смотря по желанію, деньги на дорогу либо въ Америку, либо въ ирландскую гарнизонную армію. Затѣмъ парламентъ учредилъ «комитетъ безопасности», вступившій въ соглашеніе съ вождями милиціи Сити, съ цѣлью организаціи вооруженнаго сопротивленія арміи. Ученики Сити, вмѣстѣ съ уволенными солдатами («Reformadoes»), моряками и другими, съ молчаливаго согласія пресвитеріанъ Сити, 26 іюля проникли въ парламентъ, отрѣзали входъ въ него членамъ-индепендентамъ и вынудили у пресвитеріанскаго большинства враждебную арміи резолюцію. Вслѣдъ за этимъ армія, 7 августа 1647 года заняла Лондонъ, «чтобы защитить парламентъ». Одиннадцать пресвитеріанскихъ депутатовъ, проявившихъ особенное рвеніе при проведеніи направленныхъ противъ арміи резолюцій и мѣропріятій, исключаются изъ парламента и восемь изъ нихъ отправляются въ изгнаніе. Затѣмъ, 20 августа, Кромвель¹⁾, «держа руку на саблѣ», добился резолюціи парламента, отмѣняющей резолюцію, принятую въ то время, когда палата была терроризована. Согласно этой же резолюціи должны быть арестованы тѣ изъ числа членовъ палаты, участвовавшихъ въ засѣданіяхъ происходившихъ подъ давленіемъ террора, которые поддерживали послѣдній или дѣлали попытки провести упомянутыя выше резолюціи. Это заставило самыхъ горячихъ пресвитеріанъ въ теченіе дол-

¹⁾ Онъ присутствовалъ въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ парламента и самъ слышалъ рѣчи вождей пресвитеріанскаго большинства противъ арміи. „Эти люди не уйдутъ, пока армія не вытащитъ ихъ отсюда за уши“—эти слова будто бы прошепталъ Кромвель на ухо сидѣвшему рядомъ съ нимъ Эдмунду Лудлоу. Не слѣдуетъ забывать, что парламентъ присвоилъ себѣ право засѣдать сколько ему вздумается. По всему положенію вещей было вполнѣ естественно, что армія, одержавшая для парламента побѣду, воспротивилась теперь его попозвоновеніямъ на самодержавіе. Посланіе парламенту отъ 10 іюля 1647 года, подписанное Кромвелемъ и двѣнадцатыя другими представителями арміи, было написано въ чрезвычайномъ умѣренномъ тонѣ и празнавало за парламентскимъ пресвитеріанскимъ большинствомъ больше правъ, чѣмъ слѣдовало. Это большинство хотѣло однако овладѣть положеніемъ и вызвало этимъ изгнаніе одиннадцати своихъ коллегъ.

Внезапный переходъ „учениковъ“ на сторону парламентскаго большинства имѣлъ достаточныя причины. 8 и 17 іюля парламентское большинство, уступая непрерывнымъ петиціямъ учениковъ, петиціямъ о какой нибудь замѣнѣ отнятой у нихъ пуританскимъ празднованіемъ воскресенья возможности развлечься играми и т. под., постановило, что каждый второй вторникъ въ мѣсяцѣ, послѣ выполненія абсолютно необходимыхъ работъ, будетъ праздноваться школьниками, учениками и служащими („servants“), къ которымъ относились также и рабочіе. Это постановленіе очевидно было сдѣлано только съ цѣлью кунить временную поддержку „учениковъ“, и эта цѣль, какъ мы видѣли, была достигнута. Впрочемъ, ученики Сити оказались весьма удобными преторіанцами, когда нужно было вмѣстѣ съ парламентскимъ большинствомъ, солидарнымъ съ почтеннымъ купечествомъ, при молчаливомъ одобреніи милиціи Сити, демонстрировать и шумѣть противъ парламентскаго меньшинства. Но когда надо было противопоставить наступавшимъ опытнымъ полкамъ арміи хоть какое нибудь серьезное противодѣйствіе, тогда поддержка учениковъ, также какъ поддержка милиціи и наскоро набранныхъ перебѣжчиковъ изъ арміи оказалась совершенно недостаточной. Парламентъ сдѣлалъ смотръ этимъ „войскамъ“, убѣдился въ ихъ жалкомъ состояніи и поэтому, вмѣстѣ съ Сити, рѣшилъ уступить, не обмѣнявшись ни однимъ выстрѣломъ.

Любопытно однако, что прошло свыше двухсотъ лѣтъ прежде, чѣмъ англійскій парламентъ (въ Bankholiday-Act 1871 года) гарантировалъ служащимъ, рабочимъ и т. д. треть праздничныхъ дней, которые во время революціи сочли нужнымъ установить даже пресвитеріанскіе пуритане.

гаго промежутка времени не показываться въ парламентъ, такъ что перевѣсъ въ палатѣ постепенно сталъ переходить къ индепендентамъ.

Армія до поры до времени отступила въ предмѣстье Путней для наблюденія за дальнѣйшими событіями. До сихъ поръ все шло хорошо. Однако, послѣ временной побѣды надъ парламентомъ, противорѣчія въ лагерѣ индепендентовъ стали принимать болѣе опредѣленную форму. Въ началѣ іюня король былъ перевезенъ драгунскимъ отрядомъ подъ командой «агитатора» прапорщика Джойса, въ полку полковника Валлея, изъ замка Гольмби въ Ньюмаркетъ. Ходили слухи, будто это было сдѣлано по тайному порученію Кромвеля, но повидимому, увѣренія Кромвеля, что онъ не давалъ подобнаго порученія, до извѣстной степени соотвѣтствуютъ истинѣ. Вѣроятно Кромвель согласился послать въ Гольмби надежныхъ солдатъ для того, чтобы держать короля въ своихъ рукахъ и не допустить похищеніе его шотландцами, ведшими себя тогда уже крайне двусмысленно. Возможно, что агитаторы сочли наилучшей мѣрой для охраны Карла переводъ его въ непосредственное сосѣдство арміи, и собственной властью превысили приказъ. Во всякомъ случаѣ никто не передѣлалъ сдѣланнаго. Когда армія стала приближаться къ Лондону, мѣстопробываніе короля также постепенно переносилось все ближе къ столицѣ, и въ концѣ концовъ Карла поселили въ построенномъ кардиналомъ Уольсеемъ замкѣ Гамптонъ-Кортъ, возлѣ Лондона. Но вмѣсто того, чтобы прекратить теперь интриги, Карлъ сталъ заниматься ими больше прежняго. Въ парламентѣ, послѣ ухода отчасти изгнанныхъ, отчасти вышедшихъ добровольно пресвитеріанскихъ крикуновъ¹⁾, индепенденты и пресвитеріане имѣли приблизительно равныя силы, но послѣдніе теперь горѣли желаніемъ заключить съ королемъ компромиссъ. Это заставило индепендентскихъ вождей арміи съ своей стороны также вступить въ переговоры съ королемъ, чтобы предупредить возможное предательство пресвитеріанъ. Карлъ широко пользовалъ свое благопріятное положеніе. На интриги онъ всегда былъ мастеръ, а лгать и обманывать, если это могло только принести выгоду, онъ тоже никогда не задумывался. Изъ перехваченныхъ внослѣдствіи писемъ оказалось, что онъ готовилъ для Кромвеля петлю, а при сношеніяхъ съ нимъ дѣлалъ видъ, будто предназначилъ его на высшую почетную должность. Онъ старался склонить въ свою пользу партіи, вступившія съ нимъ въ переговоры, неопредѣленными общаніями, которыя онъ каждую минуту могъ взять назадъ, и безъ зарѣнія совѣсти велъ переговоры то съ Кромвелемъ и его зятемъ Айртономъ, то съ англійскими и шотландскими пресвитеріанами, то съ ирландскими католиками, чтобы имѣть возможность, смотря по обстоятельствамъ, воспользоваться тѣми или другими противъ остальныхъ. Онъ завелъ себѣ въ Гамптонъ-Кортъ настоящей дворъ, обращался съ лондонскими гражданами, тысячами приходившими къ нему, съ изысканной любезностью, и такимъ образомъ съ каждымъ днемъ усиливалъ свое вліяніе.

Солдаты и другіе болѣе радикальные элементы арміи смотрѣли на все это съ возрастающимъ озлобленіемъ. Для того ли они въ безчисленныхъ битвахъ сражались съ чужими наемными войсками Карла? Въ борьбѣ съ послѣднимъ они жертвовали жизнью и всѣмъ своимъ достояніемъ, а теперь ихъ вожди обмѣни-

¹⁾ Остальные роялисты уже въ 1644 году, когда Карлъ созвалъ анти-парламентъ въ Оксфордѣ, покинули Вестминстеръ.

вались съ нимъ любезностями и терпѣли, что ему, побѣжденному, оказывали почетъ побѣдителя. Какъ фальшива была игра, которую велъ Карлъ, это они также могли знать, какъ и ихъ вожди, но они ясно видѣли, какую цѣль онъ преслѣдуетъ, и что ихъ вожди играютъ крайне неумѣло и готовы измѣнить своему дѣлу не то изъ нерѣшительности, не то изъ честолюбія. «Бросалось просто въ глаза, — писалъ Лилъбурнъ въ сочиненіи, о которомъ мы будемъ говорить еще ниже, — какъ они (генералы и проч.) нянчились съ Карломъ въ Гамитонъ-Кортѣ, какъ они посѣщали его сами, какъ позволяли посѣщать его тысячамъ людей, которые цѣловали ему руки, и на которыхъ онъ умѣлъ вліять, благодаря чему его партія въ Сити и въ другихъ слояхъ очень пріободрилась, и какъ его агенты въ главной квартирѣ арміи чувствовали себя не хуже, чѣмъ при дворѣ». Въ арміи иронически стали говорить о «господахъ индепендентахъ» — the gentleman independents» и «грандахъ» арміи, въ противоположность къ «честному имени существительному солдатъ — the honest nouns substantive soldiers» — какъ называли себя въ войскѣ крестьяне и ремесленники. Послѣднихъ же, или вѣрнѣе, ихъ вождей, «гранды» арміи съ своей стороны упрекали въ томъ, что они мятежные уравнители — «левеллеры».

«Когда стали обнаруживаться истинныя намѣренія его величества, въ арміи образовалась ужасная «партія переворота», классъ людей требовавшихъ наказанія не только для обыкновенныхъ преступниковъ и мошенниковъ, вовлекшихъ націю въ кровавую войну, но также и для «главнаго преступника». Если караются мелкіе преступники, почему же остается безнаказаннымъ главный? Это классъ людей, которые не понимаютъ шутокъ, для которыхъ королевская мантия не является непроницаемой стѣной, которые, наконецъ, видятъ, что за королевской мантией скрывается человѣкъ отвѣтственный передъ Богомъ»¹⁾.

Въ концѣ концовъ недовольство настолько усилилось, что даже среди офицеровъ оказалось значительное число людей, недовольныхъ политикой вѣчныхъ переговоровъ и проволочекъ. «Агитаторы» составили республиканско-демократическій манифестъ, который озаглавили: «Народный договоръ на основѣ

¹⁾ Carlyle, Oliver Cromwell's Lettres and Speeches, примѣчаніе къ письму 44. Въ письмѣ 79, помѣченномъ 25 ноября 1648 года, Кромвель самъ впервые упоминаетъ о левеллерахъ. Письмо это адресовано его другу, полковнику Роберту Гаммонду, и написано съ цѣлью разсѣять его сомнѣнія относительно участи короля. Говоря о левеллерахъ, Кромвель дѣлаетъ слѣдующее характерное признаніе: „Не думаешь ли ты, что этотъ страхъ передъ левеллерами (которыхъ нечего бояться), страхъ, что они устранить дворянство и т. д., заставилъ многихъ дать подкупить себя и одобрить заключеніе такого гибельнаго, лицемѣрнаго договора? (намекъ на компромиссъ съ королемъ, заключенный пресвитеріанами въ то время, когда Кромвель находился на сѣверѣ). Развѣ это не повліяло на многихъ въ сущности хорошихъ людей? Я не хочу утверждать, что то, чего они боятся, произойдетъ съ ними, но если это все-таки случится, они будутъ виноваты сами. Развѣ нѣкоторые изъ нашихъ друзей, увлеченныхъ своими пассивными теоріями... не пренебрегли тѣмъ, что хорошо и справедливо, развѣ они не пришли къ выводу, что народъ божій однимъ способомъ можетъ достигнуть столько же благъ, если не больше, сколько другимъ. Ждать добра отъ этого человѣка, противъ котораго свидѣтельствовалъ самъ Богъ и котораго ты знаешь! Неужели же это ихъ истинное внутреннее убѣжденіе, или имъ это внушено извнѣ, насильно?“

Изъ дальнѣйшаго текста явствуетъ, почему Кромвель въ тотъ моментъ думалъ, что левеллеровъ нечего бояться, если только будетъ вестись достаточно твердая политика.

всеобщаго права. заключенный для объединенія всѣхъ, лишенныхъ предразсудковъ людей». Съ тѣхъ поръ народный договоръ—„Agreement of the people“ — сдѣлался паролемъ всѣхъ «левеллеровъ». Въ этомъ народномъ договорѣ заключались уже почти всѣ политическія и экономическія требованія, изложенныя въ манифестѣ левеллеровъ, изданномъ весною 1649 года подъ тѣмъ же заглавіемъ, о которомъ мы будемъ говорить еще ниже. «Народный договоръ», также какъ и другой манифестъ агитаторовъ, озаглавленный «Дѣло арміи» („The case of the army“), и жестоко критикующей беззастѣнчивое разграбленіе парламентомъ конфискованныхъ церковныхъ земель, и тому подобныя злоупотребленія, были объявлены парламентомъ мятежными, а авторы ихъ достойными наказанія. Генеральный штабъ вступилъ въ переговоры съ авторами манифеста, несмотря на то, что они напали на него не меньше, чѣмъ на парламентское большинство. Онъ не могъ круто расправиться съ левеллерами, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые высшіе офицеры открыто симпатизировали имъ. Полковники Ренборо и Прайдъ, памятуя свое плебейское происхожденіе,—одинъ изъ нихъ до поступленія въ армію былъ извозчикомъ, другой портнымъ,—были, напр., сторонниками всеобщаго избирательнаго права, между тѣмъ какъ Кромвель и другіе считали рискованнымъ даровать избирательное право людямъ, не «заинтересованнымъ въ дѣлахъ страны», т.-е. не обладающимъ ни землей, ни общественнымъ положеніемъ. Съ другой стороны, Кромвель не могъ еще открыто выступить противъ королевской власти, пока самъ велъ переговоры съ королемъ. Словомъ, переговоры, извѣстные подъ названіемъ «путнейской конференціи», кончились ничѣмъ. Недовольство и взаимное недовѣріе все увеличивались, и «агитаторы» въ концѣ концовъ стали угрожать, что они примутъ энергичныя мѣры на свой собственный рискъ и страхъ ¹⁾.

Королю атмосфера стала казаться слишкомъ тяжелой. 11 ноября 1647 года

¹⁾ Одинъ изъ приверженцевъ левеллеровъ, майоръ Джонъ Уайльдманъ, издалъ въ 1647 году подъ псевдонимомъ „Джонъ Лоуминдъ“ памфлетъ „Putney Projects or the old Serpentin a new form“, въ которомъ событія изображены въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они представлялись радикальной части арміи. Онъ заключаетъ въ себѣ озлобленныя нападки на Кромвеля и показываетъ полную несправедливость упрековъ, высказанныхъ пресвитеріанами и подхваченныхъ всѣми почти историками, будто Кромвель былъ тогда заодно съ радикальными агитаторами. Очень яркій и при томъ въ высшей степени интересный свѣтъ бросаютъ на эти переговоры лишь недавно открытые и опубликованные „Camden Society“ документы „Clarke Papers“,—воспоминанія офицера, служившаго секретаремъ совѣта арміи. Особенно интересенъ приведенный тамъ (т. I, стр. 226—363) протоколъ конференціи совѣта арміи, состоявшейся 28 и 29 октября подъ предсѣдательствомъ Кромвеля въ путнейской церкви. На этой конференціи присутствовали левеллеры и радикальные агитаторы, и на ней обсуждался, между прочимъ, договоръ (Agreement), составленный левеллерами. Кромвель сразу сталъ приводить противъ него оппортунистическіе аргументы. Въ немъ, правда, высказано много справедливыхъ мыслей,—говорилъ онъ,—но могутъ вѣдь прийти другіе люди и тоже составить программу, могутъ прийти третьи еще съ новой программой, и это можетъ повести къ большой смутѣ. „Развѣ Англія тогда не уподобилась бы Швейцаріи, развѣ одинъ кантонъ не возсталъ бы противъ другого, одно графство противъ другого“. Неизвѣстно еще, приготовлена ли страна ко всему этому? слѣдуетъ подумать о послѣдствіяхъ и выяснитъ пути и средства для достиженія желаемаго. „На пути къ этому окажутся очень большія препятствія“. На другой день рѣчь зашла о всеобщемъ избирательномъ правѣ, причемъ обнаружилось упоминутыя въ текстѣ противорѣчія.

онъ, якобы вслѣдствіе доноса о заговорѣ левеллеровъ на его жизнь ¹⁾, тайно покинулъ Гамптонъ-Кортъ и отправился на островъ Уайтъ, губернаторъ котораго, уже упомянутый выше полковникъ Гаммондъ, помѣстилъ его въ замокъ Керсброкъ. По мнѣнію левеллеровъ, это бѣгство короля устроили генеральный штабъ, «гранды» арміи и, главнымъ образомъ, Кромвель, для того, чтобы имѣть возможность незамѣтно и безъ помѣхи вести переговоры съ королемъ. Однако, письма, написанныя Кромвелемъ въ ту эпоху, показываютъ, что это подозрѣніе было довольно неосновательно. Во всякомъ случаѣ, недоувѣріе успѣло уже зародиться; его раздѣляли даже нѣкоторые изъ высшихъ офицеровъ. Агитаторы и солдаты, пріобрѣтавшіе все больше сторонниковъ, грозили возстаніемъ, если правительство не возьмется за проведеніе народнаго договора. Лильбурнъ, пользовавшійся въ то время сравнительной свободой передвиженія и бывший если не авторомъ «народнаго договора», то во всякомъ случаѣ однимъ изъ его составителей, изъ всѣхъ силъ поддерживалъ это настроеніе. Онъ пользовался значительнымъ вліяніемъ въ арміи, памфлеты его усердно читались послѣднею и солдаты, по словамъ отчета, представленнаго весной 1647 года палатѣ лордовъ, «цитируютъ ихъ, какъ государственные законы». (Гардинеръ, III, стр. 237). Въ другомъ документѣ, сообщенномъ Гардинеромъ (I. c. стр. 245), говорится: «Вся армія—это какъ будто одинъ Лильбурнъ; она больше склонна издавать законы, чѣмъ принимать послѣдніе отъ другихъ» ²⁾. Цѣлые полки, какъ, напримѣръ, конный полкъ брата Лильбурна — Роберта — и пѣхотный полкъ полковника Гаррисона, фанатическаго приверженца «пятого царства», горячо ратовали за этотъ договоръ. Неудачныхъ агитаторовъ при выборахъ проваливали и вмѣсто нихъ выбирали рѣшительныхъ республиканцевъ. Кромвель, который это, конечно, замѣтилъ и которому было даже донесено, что Лильбурнъ и другой левеллеръ, упомянутый уже выше Джонъ Уайльдманъ, хотѣли устранить его, убивъ, какъ измѣнника, понялъ опасность положенія и увидѣлъ, что этой агитаціи нужно какимъ-нибудь образомъ противодѣйствовать. Онъ долго колебался, вѣроятно, боясь привлечь Карла къ личной отвѣтственности и не имѣя законныхъ средствъ сдѣлать это; но армія все громче требовала «справедливости», а возстаніе большей части арміи было худшее, что могло случиться съ Кромвелемъ и его партіей. Безъ арміи они представляли въ парламентѣ безпомощное меньшинство, ибо, несмотря на изгнаніе пресвитеріанскихъ вождей, ихъ уже 13 октября снова побѣдили при троекратномъ голосованіи вопроса объ объявленіи пресвитеріанства государственнымъ установленіемъ; съ другой стороны, перехваченное Кромвелемъ и Айртономъ письмо Карла показало имъ, каковы истинныя намѣренія послѣдняго по отношенію къ Кромвелю. Надо было дѣйствовать, и Кромвель энергично принялся за дѣло. Были назначены три собранія отъ различныхъ полковъ; первое на 15 ноября въ Каркбушфильдѣ возлѣ Вара, вблизи Гергфорда (приблизительно въ 25 километрахъ отъ Лондона). На это первое собраніе были, будто бы намѣренно, созваны именно самые спокойные полки; можно было ожидать, что

¹⁾ Доносчикомъ былъ, будто бы, младшій братъ Лильбурна, Генри. Ср. стр. 111.

²⁾ „Ибо онъ—агитаторъ—постоянно держитъ въ одной рукѣ мечъ, а въ другой одно изъ посланій Лильбурна, которое онъ считаетъ всѣми, предназначенными для взвѣшиванія людей въ атомъ и будущемъ мірѣ“. Изъ опубликованнаго въ мартѣ 1648 года роялистскаго сочиненія: „The Agitator anatomised, or the Character of an agitator“.

высказанные ими взгляды не преминутъ повліять на болѣе спокойные элементы. Если тутъ былъ дѣйствительно расцѣтъ, то онъ оказался довольно вѣренъ, если довершила энергія и импонирующее поведеніе Кромвеля, какъ вождя.

Значительная часть солдатъ и многие изъ офицеровъ, собравшихся въ Варѣ, какъ эмблему своихъ убѣжденій, носили на шапкахъ экземпляры «народнаго договора» съ эпитафией: «Свобода народу, права — солдатамъ». Надо сказать, что кромѣ полковъ, подчинявшихся дисциплинѣ, прибыли въ Варѣ также всадники Роберта Лильбурна и пѣхотинцы Томаса Гаррисона, а также выдающіеся левеллеры изъ другихъ полковъ. Джонъ Лильбурнъ, полковникъ Ренсборо, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ вождей, особенно отличившійся при взятіи Бристоля, майоръ Скотъ и другіе республиканцы переѣзжали отъ одного отряда къ другому и убѣждали солдатъ быть стойкими, потому что дѣло идетъ о свободѣ. Въ рядахъ войска раздавались крики, не предвѣщавшіе для Кромвеля ничего хорошаго. Послѣдній, однако, сумѣлъ вполне овладѣть положеніемъ; вмѣстѣ съ Ферфаксомъ и другими членами генеральнаго штаба онъ поѣхалъ вдоль фронта сначала болѣе умѣренныхъ, а затѣмъ и всѣхъ полковъ. При этомъ читалась «ремонтранція», заключавшая въ себѣ опроверженіе предъявленныхъ агитаторами обвиненій и выяснявшая солдатамъ необходимость взаимной поддержки всѣхъ членовъ арміи, если они хотятъ, чтобы ихъ требованія, которыя являются также требованіями генераловъ, осуществились. Тонъ и содержаніе «ремонтранціи», а также дававшіяся въ ней обѣщанія, имѣли большой успѣхъ у солдатъ, и послѣдніе обѣщали подчиниться дисциплинѣ. Затѣмъ Кромвель добрался до полка Гаррисона. Этотъ полкъ также спокойно выслушалъ ремонтранцію и, въ виду данныхъ ему обѣщаній, согласился снять съ шапокъ эмблемы, которыя были названы Кромвелемъ «мятежными». Всадники Лильбурна повели себя иначе. Они встрѣтили Кромвеля и Ферфакса вызывающими криками и прерывали послѣдняго, когда онъ читалъ «ремонтранцію», ироническими замѣчаніями. Тогда Кромвель выѣхалъ впередъ и сказалъ: «Снимите бумажки съ шапокъ!» Въ отвѣтъ на это раздались крики: «Нѣтъ, нѣтъ!» Но Кромвелю не было уже надобности пускаться въ переговоры. Сопровождаемый другими офицерами, онъ выѣхалъ въ самую средину мятежниковъ и собственноручно сорвалъ съ шапокъ значки у солдатъ, частью смущенныхъ, частью боящихся оказывать физическое противодѣйствіе человѣку, предводительствовавшему имъ въ столькихъ битвахъ. Четырнадцать человѣкъ, обнаружившихъ особенную строптивость, Кромвель велѣлъ вывести изъ строя, какъ мятежниковъ. Состоялся военный судъ, и трехъ изъ обвиняемыхъ приговорили къ смертной казни. Двое изъ нихъ были освобождены по жребію, а третій, Ричардъ Арнольдъ, былъ казненъ согласно приговору. Относительно майора Скота и капитана Брая, выступившихъ на защиту мятежниковъ и назвавшихъ казнь Арнольда нарушеніемъ *Petition of Rights* (ибо въ ней содержалось требованіе отмены военнаго суда), парламентъ, по настоянію Кромвеля, издалъ приказъ объ арестѣ.

Такъ была подавлена эта первая попытка возстанія. Два другихъ собранія прошли безъ всякихъ инцидентовъ. Солдаты, державшіе руку левеллеровъ, всюду, для сохраненія единодушія въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, рѣшили принести жертву и покориться. Однако недовольство было только подавлено, но не исчезло. Память Арнольда, какъ мученика за правое дѣло, очень чтилась, и при каждомъ новомъ столкновеніи раздавалось требованіе искупить его «невинно проли-

тую» кровь. Огонь тлѣлъ подь золой, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ разгорѣться съ новой силой.

Кромвель съ своей стороны дѣйствовалъ такъ по необходимости. Съ дисциплинированнымъ войскомъ невозможно было держать пресвитеріанъ въ парламентѣ и выѣ его въ послушаніи. Имъ, также какъ и роялистамъ, все снова и снова собиравшимся съ силами, войско должно было противостоять, какъ объединенная сила. Поэтому Кромвель въ слѣдующіе мѣсяцы снова занялся всевозможными измѣненіями въ его организаціи, удаляя изъ него по мѣрѣ возможности всѣ непокорные и ненадежные элементы. Съ другой стороны Кромвель и его друзья провели въ парламентѣ резолюцію, что королю не должны быть подаваемы впредь никакіе адреса, и что ни одинъ членъ обѣихъ палатъ, безъ разрѣшенія послѣднихъ, не имѣеть права поддерживать какія либо сношенія съ королемъ. Тѣмъ не менѣе положеніе Кромвеля и его сторонниковъ было очень незавидно. Броженіе происходило всюду. «Король, съ которымъ невозможно вести переговоры, сидящій въ Керсброкѣ и представляющій собою центръ надеждъ всѣхъ недовольныхъ, а также цѣлой сѣти интригъ, распространяющихся даже за границу, — вотъ первый элементъ; большая роялистская партія, съ трудомъ побѣжденная, но каждую минуту готовая снова подняться, — вотъ второй элементъ, большая пресвитеріанская партія, во главѣ съ лондонскихъ Сити — «казначеемъ всего дѣла», очень недовольная оборотомъ, которые приняли обстоятельства, съ отчаяніемъ придумывающая новыя комбинаціи и жаждущая новой борьбы, — таковъ третій элементъ. Къ этому нужно еще прибавить безразсудную, мятежную, республиканскую или левеллерскую партію. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что въ занятіяхъ палаты общинъ принимало участіе только семьдесятъ человѣкъ, расколовшихся притомъ же на двѣ приблизительно равныя группы, между тѣмъ какъ остальные члены не принимаютъ участія въ занятіяхъ и ждутъ, что выйдеть изъ этой исторіи — изъ внутреннихъ несогласій и надвигающейся шотландской арміи».

Такова картина тогдашняго положенія дѣлъ, какъ ее рисуеть Карлейль, и въ общихъ чертахъ она вѣрна. Онъ только забываетъ добавить, что это положеніе дѣлъ наталкивало на политику, которой желала придерживаться «безразсудная и мятежная и т. д. партія». Кромвель сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы объединить анти-роялистскіе элементы. Онъ пригласилъ къ себѣ видныхъ дѣятелей парламента и арміи, отправился однажды вмѣстѣ съ ними на засѣданіе Сити, чтобы привлечь на свою сторону его главарей, но ему не удалось достигнуть соглашенія. Пресвитеріане болѣе радикальнаго направленія разсчитывали на своихъ друзей въ Шотландіи, гдѣ, между тѣмъ, одержала верхъ пресвитеріанско-роялистская партія, собравшая сорокатысячную армію для вторженія въ Англію. Въ апрѣлѣ 1648 года, какъ разъ на слѣдующій день послѣ посѣщенія Кромвелемъ засѣданія Сити, въ послѣднемъ вспыхнуло большое возстаніе «учениковъ», которое удалось подавить только на третій день. «Вогъ и король Карль» — таковъ былъ боевой кличъ бюргерскихъ сыновей, къ которымъ присоединились городскіе ремесленники, подевщики и проч. ¹⁾). Но это было еще только начало. Въ маѣ пожаръ охватилъ всю страну. Въ Кентѣ, Эссексѣ и

¹⁾ 1646—1651 годы были годами дороговизны. По словамъ Торольда Роджерса, 1648 годъ былъ самымъ тяжелымъ.

Уэльсъ поднялись сторонники короля, а изъ Шотландіи наступалъ вождь тамошнихъ монархистскихъ пресвитеріанъ, маркизь Гамильтонъ, съ сорокатысячнымъ войскомъ. Однако вожди индепендентовъ и ихъ арміи скоро овладѣли положеніемъ. На конференціи вождей въ Виндзорѣ они, укрѣпившись предварительно цѣлымъ днемъ молитвы¹⁾, рѣшили, если имъ удастся подавить возстаніе и вытѣснить шотландцевъ, привлечь къ отвѣтственности за всю пролитую имъ кровь, за все причиненное имъ зло, «этого кровожаднаго человѣка», Карла Стюарта. Это рѣшеніе, сообщенное несомнѣнно и арміи, возстановило повидимому добрыя отношенія между нею и ея вождями. Всѣ единодушно возстали противъ враговъ «божьяго дѣла». Ферфаксъ взялся покорить Эссексъ и Кентъ, Кромвель отправился сначала въ Уэльсъ, а затѣмъ навстрѣчу шотландцамъ. Пока онъ былъ еще на сѣверѣ, въ Лондонѣ пресвитеріане снова ободрились. Въ это именно время произошло упомянутое въ концѣ прошлой главы освобожденіе Лильбурна, а затѣмъ, шесть недѣль спустя, рѣшеніе парламента, согласно которому Лильбурну, вмѣсто присужденной ему, въ видѣ вознагражденія, денежной суммы, даруется ему гораздо болѣе цѣнный участокъ конфискованной земли.

Отсюда понятно, почему «honest John»,—такъ называлъ Лильбурна враждебный Кромвелю листокъ «Mercurius Pragmaticus»,—не выказывалъ ни малѣйшаго желанія заслужить знаки благожелательнаго отношенія со стороны пресвитеріанскихъ парламентаріевъ, относившихся къ нему до тѣхъ поръ крайне враждебно, усиленными нападками на Кромвеля²⁾. Лильбурнъ былъ вовсе не такимъ мстительнымъ человѣкомъ, какимъ его изображаютъ почти всѣ буржуазные историки. Выйдя изъ тюрьмы, онъ послалъ Кромвелю, черезъ капитана и бывшаго агитатора Эдуарда Сексби, письмо, въ которомъ предлагаетъ Кромвелю помириться, и вскорѣ послѣ этого, во время путешествія на сѣверъ, онъ даже самъ побывалъ въ лагерѣ у Кромвеля. Въ упомянутомъ письмѣ достойно вниманія слѣдующее мѣсто: «Хотя я за послѣднее время двадцать разъ имѣлъ возможность отмстить вамъ, еслибъ желалъ мести за суровое заключеніе, во время котораго чуть не умеръ съ голоду³⁾,—я отказываюсь отъ этого, тѣмъ

¹⁾ Подробное описаніе этой молитвы и послѣдовавшаго затѣмъ военнаго совѣта было опубликовано въ 1659 году генераль-адъютантомъ Алленомъ, анабаптистомъ или, вѣрнѣе, приверженцемъ „пятого царства“. Просвѣтленіе божіе—разсказываетъ Алленъ—привело ихъ къ сознанію, что „проклятыя плотскія конференціи, которыя мы вели въ предыдущемъ году, подъ вліяніемъ нашей воображаемой мудрости, нашихъ опасеній и нашего недостатка вѣры, съ королемъ и его партіей,—были равносильны отпаденію отъ Господа и заставили Бога отвернуться отъ насъ, вслѣдствіе чего и было принято упомянутое въ текстѣ рѣшеніе. А что было бы, если бы сохранить въ народѣ эту религію?

²⁾ Однимъ изъ самыхъ усердныхъ сторонниковъ освобожденія Лильбурна былъ серъ Джонъ Менардъ, который въ предыдущемъ году, по требованію арміи, былъ принужденъ выйти изъ парламента. «Ну, вотъ теперь, когда честный Джонъ опять на свободѣ, мы скоро увидимъ господина спикера и главу Кромвеля у позорнаго столба, ибо честный Джонъ намѣренъ помѣряться съ нимъ силами и это, утѣряю васъ, не шутка»,—говорится въ упомянутой статьѣ листка „Merc. Pragm.“

³⁾ Осенью 1647 года Кромвель, въ палатѣ общинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими требовалъ, чтобы комиссія, разслѣдовавшая жалобу Лильбурна на противозаконный приговоръ надъ нимъ лордовъ, прежде чѣмъ постановитъ окончательную резолюцію, установила прецедентъ. Руководился ли Кромвель при этомъ желаніемъ предотвратить слишкомъ рѣзкій вызовъ лордамъ, или желалъ воспрепятствовать преждевременному освобожденію Лильбурна—вопросъ нерѣшенный. Довольно того, что Лильбурнъ считалъ

болѣе, что вы побѣждены. Будьте увѣрены, что если я когда-нибудь подниму на васъ руку, то это случится тогда, когда вы будете прославлены и покинете пути правды и справедливости. Если же вы рѣшительно и безпристрастно захотите идти по этимъ путямъ, то я, несмотря на всѣ ваши прежнія жестокія мѣропріятія противъ меня, до послѣдней капли крови вашъ. Джонъ Лильбурнъ».

Это письмо, помѣченное: «Вестминстеръ, 3 августа 1648 года, на второй день послѣ моего освобожденія», и напечатанное между прочими въ 1653 году, въ книгѣ «Lieut.-Colonel Lilburne revived», было названо Спарлингомъ, въ его трудѣ о Лильбурнѣ, актомъ рыцарскаго донъ-кихотства. Но этотъ поступокъ можно назвать именно только рыцарскимъ. Донъ-кихотство въ этомъ письмѣ врядъ ли можно найти. Не болѣе удачно выраженіе Гардинера, который видитъ въ этомъ письмѣ проявленіе «забавнаго самодовольства», такъ какъ письмо вполне соотвѣтствуетъ тогдашнему положенію вещей. Только во второй половинѣ августа 1648 года Кромвель, благодаря своимъ блестящимъ побѣдамъ, снова одержалъ верхъ. Потерпѣлъ ли бы онъ пораженіе, затянулась ли бы только кампанія—и въ томъ и въ другомъ случаѣ это былъ критическій моментъ какъ для него, такъ и для республиканской демократіи. Поэтому нужно было использовать его щекотливое положеніе не для бесполезной мести, но для того, чтобы добиться отъ него какихъ-либо уступокъ левеллерамъ ¹⁾. Эта политика имѣла успѣхъ. Лильбурнъ, правда, не поддался убѣжденіямъ Кромвеля снова вступить въ армію, но вернувшись въ Лондонъ, заставилъ своихъ единомышленниковъ отпрать къ Кромвелю депутацію, которая объявила ему, что отъ него ждутъ содѣйствія побѣдѣ праваго дѣла. «Война (гражданская) можетъ быть оправдываема только какъ защита притязаній народа на справедливое правительство (при которомъ слава Господня равно будетъ осѣнять всѣхъ людей), и какъ средство достиженія свободы при такомъ правительствѣ». Эта приниска заставила Кромвеля поручить своимъ друзьямъ въ Лондонѣ, «джентльменамъ индепендентамъ», вступить въ переговоры съ левеллерами.

Несомнѣнно, Кромвель нуждался въ левеллерахъ не меньше, чѣмъ они въ немъ. Это было какъ разъ въ то время, когда парламентъ снова велъ усиленные переговоры съ королемъ и заключилъ съ нимъ упомянутое выше соглашеніе по которому парламентъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, долженъ былъ имѣть право распоряжаться войскомъ и офицерами, а пресвитеріанская церковь, пока что, на три года была объявлена государственной церковью. А диктатура парламента съ пресвитеріанскимъ большинствомъ, по многимъ причинамъ, была Кромвелю, пожалуй, еще болѣе ненавистна, чѣмъ левеллерамъ. Ихъ ненависть была принципиальная, если угодно, доктринерская, а ненависть Кромвеля была

Кромвеля виновникомъ того, что заключеніе его продлилось. Онъ возмущался поведеніемъ Кромвеля, тѣмъ болѣе, что послѣдній, за нѣсколько дней до вышеупомянутаго засѣданія парламента, посѣтилъ его въ тюрьмѣ и обѣщалъ ему свою поддержку, за что Лильбурнъ, въ свою очередь, обѣщалъ отказаться отъ политики и уѣхать въ Америку, какъ только будетъ установлено, что лорды не имѣютъ права судить члена палаты общинъ.

¹⁾ Какъ разъ въ то время, когда Лильбурнъ счелъ нужнымъ заключить миръ съ Кромвелемъ, довѣренный послѣдняго, майоръ Гентингдонъ перешелъ на сторону пресвитеріанъ роллистовъ и опубликовалъ всевозможныя разоблаченія махинацій, яко бы затѣянныхъ Кромвелемъ. Лильбурнъ не колебался назвать Гентингдона подлецомъ. «Это трусъ,—писалъ онъ,—который лжетъ, когда ему выгодно лгать».

въ значительной степени личнаго характера. Поэтому, когда левеллеры первые протянули ему руку примиренія, онъ былъ совершенно правъ, написавъ полковнику Гаммонду, что опасаться слѣдуетъ не левеллеровъ, а людей нерѣшительныхъ и тѣхъ, кто хлопочетъ о компромиссѣ съ королею (см. примѣчаніе на стр. 113). Возможно конечно, что при этомъ Кромвель думалъ, что еслибъ только удалось усмирить послѣднихъ, то и первыхъ не трудно будетъ держать въ рукахъ при наличности строгой дисциплины. Вѣдь въ Варѣ ему очень легко удалось усмирить «мятежниковъ».

Но въ то время армія была во всякомъ случаѣ вполне надежна. 29 декабря въ Донкастерѣ толпа кавалеровъ, подъ вымышленнымъ предлогомъ, проникла въ жилище храбраго и весьма популярнаго полковника Ренсборо и измѣнически убила его. Это убійство показало всѣмъ, что пора предпринять что-нибудь серьезное противъ человѣка, который вызвалъ все это кровопролитіе. 20 ноября изъ главной квартиры, находившейся въ Сентъ-Альбансѣ, была послана въ парламентъ, черезъ полковника Эвера, ремонстранція, требовавшая, чтобы былъ наконецъ назначенъ судъ надъ «главнымъ преступникомъ». Между тѣмъ какъ парламентъ еще обсуждалъ, слѣдуетъ ли вообще обращать вниманіе на эту непочтительную ремонстранцію, тотъ же полковникъ Эверъ, согласно распоряженію генеральнаго штаба арміи, перевезъ короля изъ Ньюпорта въ замокъ Герстъ, расположенный на южномъ берегу Англій, противъ острова Уайта, гдѣ короля стали держать подъ строгимъ присмотромъ. Ему оставили двухъ компаніоновъ; однимъ изъ нихъ былъ Джемсъ Гаррингтонъ, будущій авторъ «Океаны».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Борьба за демократію. «Очистка» парламента. «Народный договоръ» левеллеровъ.

Кромвель въ то время былъ уже фактически главою арміи, хотя Ферфаксъ и считался еще главнокомандующимъ. Прежде чѣмъ дѣло дошло до описанныхъ выше событій, приверженцы его вступили въ переговоры съ левеллерами и вошли съ ними въ соглашеніе относительно условій временнаго союза. Нельзя сказать, чтобы дѣло обошлось особенно мирно. Лильбурнъ и его друзья отлично поняли данный имъ въ Варѣ урокъ и не имѣли ни малѣйшаго желанія позволить джентльменамъ, хотя бы и на время только, прибрать къ рукамъ правительство, не получивъ предварительно какихъ либо гарантій. Джентльмены сдѣлались чрезвычайно рьяными; они всѣ были за «очистку», иные за насильственное распушеніе парламента и почти всѣ за обезглавленіе короля. Но Лильбурнъ и левеллеры желали получить сначала нѣкоторыя гарантіи для будущаго, прежде чѣмъ давать свою поддержку. Они сознавали, что одна только побѣда арміи не дастъ ничего существеннаго народу, и Лильбурнъ не преминулъ ясно и безъ обиняковъ дать понять это «джентльменамъ». Въ отчетѣ о переговорахъ между джентльменами и левеллерами, точность котораго въ этомъ отношеніи ни кѣмъ не оспаривалась, Лильбурнъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ резюмируетъ высказанные имъ взгляды.

«Правда, я считаю короля виновникомъ многихъ золъ, а многихъ изъ его сторонниковъ дурными людьми, но армія (здѣсь подразумѣваются, конечно, всегда руководители ея) обманула насъ въ прошломъ году. Она тогда отказалась отъ своихъ словъ и обѣщаній, и поэтому, совершенно естественно, не можетъ пользоваться нашимъ довѣріемъ, пока не представитъ намъ достаточныхъ гарантій. Если, поэтому, мы даже будемъ считать короля такимъ же тираномъ, какимъ считаете его вы, если парламентъ будетъ казаться намъ такимъ плохимъ, какимъ вы его выставляете,—все же, пока въ странѣ нѣтъ иной власти, могущей составить противовѣсъ арміи, кромѣ короля и парламента, въ нашихъ интересахъ поддерживать одного тирана въ противовѣсъ другому, пока мы не узнаемъ точно, какія вольности дастъ намъ тотъ тиранъ, который выдаетъ себя за наиболѣе честнаго. Мы желаемъ имѣть какую-нибудь опору, мы, насколько это въ нашей власти, не желаемъ терпѣть, чтобы армія подчинила своей волѣ и своему мечу правительство всей страны—чего, конечно, не потерпѣлъ бы ни одинъ разумный человекъ, мы не можемъ допустить, чтобы въ противовѣсъ арміи не имѣлось какой либо власти или отдѣльнаго лица. Если бы мы это допустили, то быть можетъ въ будущемъ наше рабство сдѣлалось бы худшимъ, чѣмъ оно было до сихъ поръ; поэтому я энергично настаиваю на составленіи народнаго договора и отвергаю всякую мысль обо всемъ остальномъ, пока договоръ не будетъ составленъ. Таково не только мое личное мнѣніе, но также, думается мнѣ, единодушное мнѣніе всѣхъ моихъ друзей, съ которыми я поддерживаю постоянныя сношенія». (Приведено въ сочиненіи Джона Лилъбурна «The Legal Fundamental Liberties of the People of England Revived Asserted and Vindicated»).

Вполнѣ понятно, что это сухое разъясненіе, въ которомъ обнаруживаются часто повторяющіяся въ исторіи англійской демократіи идеи, было совсѣмъ не по вкусу партіи «грандовъ». Во-первыхъ, оно имъ не понравилось высказаннымъ въ немъ, по ихъ мнѣнію, совершенно неосновательнымъ недовѣріемъ — по поводу котораго они, по словамъ Лилъбурна, «отчаянно горячились», а во-вторыхъ потому, что оно могло повлечь за собой потерю времени. Однако левеллеры не дали убѣдить себя ни протестами, ни увѣреніями, будто гранды стремятся къ тѣмъ же цѣлямъ, что и они. Будучи болѣе опытные, чѣмъ ихъ приверженцы солдаты, они не уступали, пока не состоялся компромиссъ, согласно которому съ каждой стороны должны были быть избраны по четыре представителя для совмѣстной выработки главныхъ пунктовъ предполагаемаго Agreement'a. Самые выборы въ эту комиссію не обошлись безъ жестокаго конфликта. Кромѣ Лилъбурна, со стороны левеллеровъ членомъ комиссіи былъ избранъ нѣкто Вильямъ Вальвинъ, среднихъ лѣтъ купецъ. Одинъ изъ джентльменовъ независимцевъ, Джонъ Прейсъ протестовалъ противъ его избранія, и это заставило Лилъбурна гнѣвно отвѣтить, что въ одномъ мизинцѣ Вальвина больше справедливости и честности, чѣмъ во всемъ тѣлѣ его противника. Затѣмъ Лилъбурнъ добавилъ, что онъ лучше совсѣмъ откажется отъ участія въ комиссіи, чѣмъ согласится засѣдать въ ней безъ Вальвина. Этотъ инцидентъ, кончившійся послѣ долгихъ препирательствъ тѣмъ, что Вальвинъ и Прейсъ, оба отказались отъ участія въ комиссіи, очень интересенъ потому, что въ опубликованномъ вскорѣ послѣ этого сочиненіи есть нападки на Вальвина, какъ на радикальнаго коммуниста и атеиста, между тѣмъ какъ въ официальныхъ прокламаціяхъ

левеллеровъ, изъ которыхъ многія подписаны между прочимъ Вальвиномъ, высказываются только радикально-демократическія требованія. Это сочиненіе ¹⁾ написано нѣкимъ Вильямомъ Кифиномъ, который въ началѣ самъ былъ сторонникомъ радикальныхъ индепендентовъ, затѣмъ перешелъ на сторону умѣренныхъ и въ послѣдствіи сдѣлался очень богатымъ. Мы коснемся содержанія этого сочиненія ниже, а здѣсь констатируемъ только, что оно не упрекаетъ Вальвина ни въ одномъ некрасивомъ поступкѣ и обвиняетъ его только въ томъ, что онъ притерживается атеистическихъ и коммунистическихъ теорій и очень ловко пропагандируетъ ихъ. Вѣроятно именно только эти убѣжденія послужили поводомъ къ исключенію Вальвина изъ комиссіи.

Комитетъ, число членовъ котораго сократилось до шести, 15 ноября выработалъ слѣдующіе пункты. Въ главной квартирѣ арміи долженъ быть образованъ комитетъ, составленный изъ представителей арміи и делегатовъ, «благонамѣренныхъ» ²⁾ жителей страны. Этотъ комитетъ долженъ разработать проектъ справедливаго основного закона для націи, — «the foundations of a just government» — затѣмъ этотъ проектъ долженъ быть поставленъ на голосованіе всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ страны ³⁾. Созданная такимъ образомъ конституція, вступивъ въ силу, должна стать выше всякаго другого закона страны, т.-е. явиться основнымъ закономъ — the paramount law — страны, котораго требовали уже годъ назадъ агитаторы и левеллеры. Этотъ законъ, заключающій въ себѣ также постановленіе относительно сферы вліянія парламента, долженъ подписать каждый депутатъ въ день своего избранія. Во избѣжаніе недоразумѣній левеллеры отказались отъ требованія немедленнаго распущенія парламента, высказаннаго ими 11 сентября 1647 года въ петиціи, которая по приказу парламента, была сожжена рукой палача; но за то они требовали, чтобы былъ установленъ извѣстный срокъ распущенія парламента, и чтобы «Agreement» было включено въ ремонстранцію, которую въ то время готовила армія.

Въ главной квартирѣ, находившейся тогда еще въ Сентъ-Альбансѣ, но перенесенной нѣсколько дней спустя въ Виндзоръ, всѣ были согласны на этотъ договоръ. Но въ ремонстранціи, переданной 20 ноября майоромъ Эверомъ парламенту, заключалось только требованіе прервать всѣ переговоры съ королемъ и

¹⁾ Оно носитъ заглавіе «Хитрости Вальвина» (Walwin's Wiles) и въ подзаголовкѣ обѣщаетъ раскрыть «коварныя» и искусныя ухищренія, атеистически богохульственные и пагубныя для души принципы и затѣи Вильяма Вальвина, и прибавитъ кой какія утѣшанія по адресу подполковника Джона Лильбурна и господина Т. Пренса. Лильбурнъ горячъ, а Пренсъ молодъ, — говоритъ авторъ. — Они, можетъ быть, въ душѣ еще не испорчены. Овертонъ — четвертый изъ довѣренныхъ лицъ левеллеровъ — какъ человекъ и какъ писатель настолько извѣстенъ своими мірскими взглядами, что ни одинъ порядочный христіанинъ не захочетъ имѣть съ нимъ дѣла, и по этому самому уже онъ безвреденъ, но Вальвинъ — волкъ въ овечьей шкурѣ, прикрывающійся маской снисходительнаго философа, и поэтому особенно опасный.

²⁾ Это слово — „Wellmeaning“ или „Wellaffected“ — въ эпоху англійской революціи играло ту же роль, какую въ эпоху французской играло слово патріотъ. Такъ назывались обыкновенно сторонники дѣла народа; роялисты же и ихъ союзники назывались враждебной имъ партіей неблагонамѣренными — „Malignants“.

³⁾ Это вѣроятно первый случай въ новѣйшей исторіи, когда появляется мысль примѣнить прямое законодательство въ большомъ государствѣ. Какъ извѣстно, въ самый разгаръ французской революціи было сдѣлано такое же предложеніе.

привлечь къ отвѣтственности всѣхъ виновниковъ безпорядковъ, а слѣдовательно и короля. Кромѣ того, ремонстранція требовала распущенія стараго парламента и избранія новаго и постановляла, чтобы въ будущемъ признавали только королей, избранныхъ самимъ народомъ. Левеллеры находили, что въ ремонстранціи высказывается только часть ихъ желаній, но за то имѣется много, чего они не желали. Однако они не хотѣли протестовать публично и отправились въ Виндзоръ, чтобы лично ознакомиться со взглядами «грандовъ» арміи. Послѣдніе встрѣтили ихъ очень привѣтливо и дѣлали видъ, будто они очень уступчивы, но какъ только дѣло дошло до обсуждения будущей конституціи, такъ сразу же обнаружилось довольно существенныя разногласія. Генераль-провіантмейстеръ Айртонъ, зять Кромвеля, напр. желалъ сохранить за парламентомъ право налагать наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда не нарушенъ никакой опредѣленный законъ, но когда этого требуютъ государственныя соображенія, т.-е. иными словами, сохранить за парламентомъ право распорядиться вопреки законамъ. Но Лильбурнъ, фанатикъ законности, не безъ основанія недовѣрившій всякому правительству, горячо возсталъ противъ этого. Айртонъ желалъ ограничить религіозную терпимость опредѣленными протестантскими формами культа, левеллеры же настаивали на самой широкой свободѣ совѣсти. Дѣло кончилось тѣмъ, что левеллеры внесли новое предложеніе. Члены парламента, которые держатъ сторону индпендентовъ, армія, индпенденты въ Лондонѣ и «мы, которыхъ въ насмѣшку называютъ левеллерами», должны избрать по четыре представителя, эти представители совмѣстно должны составить «Agreement» и къ нему-то всѣ безъ исключенія обязаны присоединиться. Въ своемъ стремленіи объединить всѣ не абсолютно роялистскіе элементы, Лильбурнъ зашелъ такъ далеко, что предложилъ даже предоставить четыре мѣста въ комитетѣ пресвитеріанамъ, если они этого пожелаютъ. «Гранды» согласились на все. Одни, какъ напр. полковникъ Гарризонъ, потому что искренно вѣрили въ возможность объединенія, другіе только для того, чтобы выиграть время. Были даже назначены мѣста для совмѣстныхъ собраній въ Лондонѣ; туда отправляются всѣ, и каждая партія выбираетъ своихъ представителей. Левеллеры, кромѣ Лильбурна и Вальвина, выбрали нѣкогого Максимиліана Петти и упомянутаго уже выше Джона Уайльдмана ¹⁾.

¹⁾ И не могъ установить родства между Максимиліаномъ Петти и его знаменитымъ современникомъ, сэромъ Вильямомъ Петти, однако оба они фигурируютъ въ качествѣ участниковъ основаннаго въ 1659 году Джемсомъ Гаррингтономъ „Rota Club'a“, о которомъ мы будемъ говорить ниже, въ главѣ посвященной Гарригтону. Въ этомъ клубѣ участвовалъ также и Джонъ Уайльдманъ (ср. Toland, Harrington's Oceana etc).

Уайльдманъ, повидимому, сдѣлалъ честь своему имени. Онъ былъ чѣмъ-то вроде радикальнаго демократа, очень страстнаго характера. Въ 1654 году его выбрали въ первый парламентъ эпохи протектората Кромвеля. Онъ однако отказался признать протекторатъ и въ февралѣ 1655 года былъ арестованъ въ Экстонѣ, какъ разъ въ то время, когда диктовалъ своему секретарю „Прокламацію свободныхъ и благонамѣренныхъ гражданъ Англіи, поднявшихъ оружіе противъ тирана Кромвеля“. Это былъ „безпокойный человекъ, пылкій и необузданный“, писалъ о немъ Карлейль. „Послѣ заключенія Freeborn John'a (Лильбурна) въ Джерсеѣ, это былъ, пожалуй, самый безпокойный человекъ во всей Англіи“. Раусонъ Гардинеръ называетъ его и Лильбурна „людямъ безусловно честнымъ“ (I. с. III).

Кромвель, отличавшійся деспотическимъ, но вовсе не жестокимъ или кровожаднымъ характеромъ, ограничился заключеніемъ Уайльдмана въ крѣпость Чепстоу. При

Изъ делегатовъ индепендентскихъ членовъ парламента мы назовемъ здѣсь горячаго («*reperer*») Томаса Скота, одного изъ «цареубійцъ», впоследствии при реставраціи повѣщенныхъ, и Генри Мартена или Мартина, котораго отъ той же участи спасло только воспоминаніе о томъ, что онъ просилъ о помилованіи роялистовъ, хотя онъ самъ, раньше чѣмъ кто либо другой, требовалъ казни Карла, мотивируя это требованіе тѣмъ, что лучше будетъ, если пострадаетъ одна семья, чѣмъ вся страна. Мартенъ былъ очень остроумный просвѣщенный человѣкъ, держался, также какъ и Скотъ, безусловно республиканскаго образа мыслей и въ религиозныхъ вопросахъ былъ большимъ радикаломъ. «Вольной селезенкой» (Карлейль) пресвитеріанинъ, Клементъ Валькеръ, 21 августа 1648 года писалъ о немъ въ своей «*History of Independency*»: «Онъ объявилъ себя сторонникомъ общности имущества и женъ и возстаетъ противъ короля, лордовъ, джентри, адвокатовъ, священниковъ и даже противъ самого парламента, отогрѣвшаго на своей груди эту змѣю, а также и противъ всякой власти вообще. Подобно второму Уату Тайлору (онъ хочетъ) истребить всѣхъ людей, владѣющихъ перомъ. Это мятежное («*levelling*») ученіе высказано въ памфлетѣ «Обезпokoенные нарушители покоя Англии» («*England's troubler troubled*»), въ которомъ всѣ богатые люди изображаются врагами низшихъ классовъ народа и въ которомъ имъ объявляется война¹⁾. (Валькеръ, I. с. I, стр. 136).

Говорилъ ли это Мартенъ, любившій прибѣгать къ насмѣшкѣ, серьезно,— вопросъ открытый²⁾. Фактъ лишь то, что онъ стоялъ очень близко къ левел-

реставраціи Уайльдманъ, повидимому, увлекшись враждой къ Кларендонъ-Гайду, попалъ зъ сѣти ловкаго соперника послѣдняго, графа Букнагама, министерство котораго, послѣ паденія Кларендона, внесло въ парламентъ законъ о вѣротерпимости. Въ 1683 году Уайльдманъ попалъ въ число заговорщиковъ, такъ называемыхъ *Rye-House*, но его заблаговременно предупредили о раскрытіи заговора, и онъ бѣжалъ въ Голландію. Въ концѣ концовъ онъ, повидимому, принималъ также участіе въ „*glorious revolution*“ 1688 года, которая возвела на англійскій престолъ Вильгельма Оранскаго. Въ изданномъ въ 1735 году сборникѣ статей, памфлетовъ и т. д., напечатанныхъ по случаю восшествія на престолъ Вильгельма, находится, между прочимъ, „меморіалъ англійскихъ протестантовъ ихъ высочества къ князю и княгинѣ Оранскимъ, касающійся ихъ жалобъ и рожденія якобы принца Уэльскаго“, съ примѣчаніемъ: „составлено, будто бы, майоромъ Уайльдманомъ“. Такимъ образомъ, пылкій республиканецъ въ концѣ концовъ превратился въ монархиста— правда, послѣ сорока лѣтъ непрерывныхъ разочарованій.

¹⁾ Такъ какъ Валькеръ былъ современникомъ Мартена, то существованіе упоминаемаго имъ памфлета не подлежитъ сомнѣнію. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось отыскать ни одного экземпляра его въ Британскомъ музеѣ.

²⁾ Въ сочиненіи Антонія Вуда „*Athenae Oxonienses*“ (это біографическій списокъ людей, жившихъ въ оксфордскомъ университетѣ) упрекъ Валькера повторяется, но слова Вуда, современника Мартена, не всегда заслуживаютъ довѣрія, когда дѣло касается радикальныхъ республиканцевъ, хотя онъ и очень старается соблюсти извѣстную безпристрастность. Образъ его мыслей характеризуется между прочимъ тѣмъ, что онъ страшно негодуетъ на Мартена, предававшагося свободной любви, и въ то же время не колеблясь называетъ отца Мартена образцомъ джентльмена, хотя самъ тутъ же рассказываетъ, что онъ заставилъ сына, несмотря на энергичные протесты послѣдняго, жениться изъ-за денегъ.

Мартенъ, повидимому, въ самомъ дѣлѣ, въ денежныхъ дѣлахъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, былъ прямою противоположностью своего добродѣтельнаго отца. Онъ былъ извѣстенъ чрезвычайной щедростью, и при всякомъ удобномъ случаѣ защищалъ интересы бѣднѣйшихъ классовъ. Будучи „язычникомъ“, онъ все-таки настаивалъ

лерамъ. Ему Лильбурнъ написалъ изъ изгнанія очень интересное письмо, наполненное подробными экскурсіями въ римскую исторію и разсужденіями о ней (напечатано въ «John Lilburne revived», Лондонъ 1653 г.). О немъ же разсказываютъ, что онъ—правда съ благимъ намѣреніемъ заступиться за Лильбурна—высказалъ часто повторяющуюся вполнѣ остроу: Если бы Джонъ Лильбурнъ былъ одинъ на свѣтѣ, то Джонъ съ Лильбурномъ и Лильбурнъ съ Джономъ навѣрно перессорились бы. Карлейль писалъ о немъ: «Это славный паренекъ, хотя нѣсколько легкомысленнаго образа жизни; его остроуы, подобно легкимъ стрѣламъ, проникаютъ сквозь толстый слой забвенія поколѣній и ясно показываютъ намъ, что это былъ чрезвычайно упрямый, смѣлый человѣчекъ, полный жгучаго огня и яркаго свѣта, отъявленный врагъ всякихъ фразъ, необузданный маленькій римскій язычникъ, а можетъ быть и кой-что получше» (I. с. часть седьмая).

«Гранды» арміи выбрали своими представителями, между прочими, Айртонъ и сэра Вильяма Констебля.

Между тѣмъ парламентъ 30 ноября рѣшилъ не принимать въ соображеніе ремонстранцію арміи и объявилъ письмо Ферфакса, требовавшаго уплаты жалованья солдатамъ и угрожавшаго, что въ противномъ случаѣ они возьмутъ деньги гдѣ найдутъ, «дерзкимъ и неприличнымъ письмомъ». Тогда совѣтъ арміи объявилъ отклоненіе ремонстранціи доказательствомъ того, что парламентъ обманулъ довѣріе народа, и провозгласилъ, что армія поэтому, помимо авторитета парламента, «будетъ апеллировать къ чрезвычайному суду Бога и всѣхъ добрыхъ людей». Когда левеллеры прибыли на совѣщаніе въ Виндзоръ, оказалось, что армія уже собиралась отправиться въ Лондонъ. Слѣдующій день послѣ полученія извѣстія объ отклоненіи ремонстранціи, армія, по предложенію майора Гоффе¹⁾, провела въ молитвѣ, прося Бога просвѣтитъ ее и указать ей истинный путь. Просвѣтленіе, охватившее этихъ благочестивыхъ людей, заключалось въ слѣдующемъ: надо очистить парламентъ и казнить Карла I. Волю Господню необходимо было исполнить. Левеллерамъ такой оборотъ дѣла не очень понравился, такъ какъ его-то именно они и боялись. Однако всѣ ихъ возраженія были напрасны; въ совѣтѣ грандовъ дѣло было уже рѣшено и все вообще положеніе дѣлъ было таково, что немедленное разрѣшеніе конфликта между парламентомъ и арміей сдѣлалось необходимымъ. 2 декабря армія направилась въ Лондонъ, заняла Уайтгаль, Сен-Джемъ и нѣкоторыя предмѣстья въ окрестностяхъ Сити. Въ Лондонѣ покамѣстъ совѣщанія съ левеллерами продолжались, но въ то же время принимались также извѣстныя мѣры. 5 декабря въ 8 часовъ утра парламентъ, послѣ долгихъ и ожесточенныхъ дебатовъ, рѣшилъ опубликовать прокламацію, въ которой объявлялось, что король перевезенъ помимо его желанія и согласія. Нѣсколько часовъ спустя 129 голосами противъ 83 была принята резолюція, гласившая, что уступки, сдѣланныя королемъ въ Ньюпортѣ, могутъ

на томъ, чтобы религіозная ифротерпимость распространялась также на римско-католиковъ. Будучи республиканцемъ еще раньше, чѣмъ Кромвелъ и остальные смѣли мечтать о республикѣ, онъ, при послѣдней, настоялъ на томъ, чтобы законы противъ людей, не желавшихъ признавать новаго порядка, не были распространены на женщинъ. Довольно того, что травить быковъ—сказалъ онъ въ парламентѣ.—Нечего травить еще и коровъ.

¹⁾ Гоффе, кстати сказать, очень храбрый воинъ, попадая въ критическое положеніе, не разъ заставлялъ другихъ усердно молиться и не менѣе усердно молился самъ.

быть положены в основу соглашения с нимъ. Какъ резолюція, такъ и прокламація были дерзкимъ вызовомъ арміи, вызовомъ, не имѣвшимъ за собой никакой дѣйствительной силы. Что могъ подѣлать противъ арміи парламентъ? На его сторонѣ была буржуазія Сити, но она еще при первомъ занятіи Лондона арміей (лѣтомъ, 1647 года, когда она специально вымуштровала свою милицію и, кромѣ того, имѣла еще въ своемъ распоряженіи войска), не сдѣлала ни малѣйшей попытки серьезно сопротивляться¹⁾. Отъ нея парламенту нечего было

¹⁾ Въ своей исторіи гражданской войны, написанной въ формѣ діалога, реакціонный въ политическомъ смыслѣ матеріалистъ Гобсъ довольно рѣзко высказываетъ свой гнѣвъ на слабость Сити. „Странно — говорится тамъ о событіяхъ въ августѣ 1648 года,—что майоръ и альдермены, имѣя за собой такую армію, столь быстро уступили“. Отвѣтъ гласитъ: „На мой взглядъ было бы странно, если бы было иначе. Я смотрю на большинство богачей, сдѣлавшихся таковыми благодаря удачѣ въ своемъ промыслѣ, какъ на людей, не видящихъ ничего, кромѣ своей минутной выгоды, слѣпыхъ по отношенію къ всему тому, что лежитъ въ сторонѣ отъ ихъ пути, и совершенно теряющихъ голову при одной только мысли о возможности быть ограбленными“. (Hobbes. Behemoth ed. Tönnies, стр. 142). „Мистеръ Гоббсъ“ былъ не совсемъ неправъ. Уже древніе такъ характеризовали разбогатѣвшихъ Shopkeeper'овъ, и такъ они, при равныхъ условіяхъ, должны вести себя всюду. Въ данномъ случаѣ, какъ впрочемъ и во многихъ другихъ, отцы Сити къ тому же имѣли за собой отнюдь не весь городъ. Большая часть мелкой буржуазіи и ея приверженцевъ симпатизировали арміи и многія предмѣстья, особенно большое предмѣстье Соутваркъ, гдѣ левеллеры имѣли значительное число сторонниковъ, привяли армію съ расиростертыми объятіями. За то лабазники Сити въ своей трусости могли сослаться на весьма внушительный примѣръ: большинство коллегъ ночтеннаго Гобса, ученые по специальности играли въ революціи такую же, если не болѣе жалкую роль, какъ и отцы Сити.

Гобсъ не могъ простить Сити главнымъ образомъ того, что оно шло одно время рука объ руку съ революціей. Вообще въ цитированномъ историческомъ сочиненіи великій философъ-матеріалистъ, гораздо больше чѣмъ въ своемъ „Левіагантѣ“, выказываетъ себя узкимъ представителемъ аристократическаго абсолютизма. Такъ напр., по его мнѣнію (I. c., стр. 81, 82), одной изъ величайшихъ неслѣдствій, совершенныхъ такъ называемымъ „маленькимъ парламентомъ“ 1653 года, было постановленіе, объявившее заключеніе брака гражданскимъ актомъ, для законности котораго достаточно простого заявленія мировому судѣ. Въ этомъ парламентѣ большинство составляли пуританскіе демократы, надъ которыми великій вольнодумецъ Юмъ непрестанно касмѣхался и о которыхъ онъ распространялъ всю ту ложь, которую выдумывали на нихъ ихъ противники. А они, эти пуританскіе демократы, несмотря на свой религіозный фанатизмъ, были гораздо большими вольнодумцами въ церковныхъ вопросахъ и гораздо болѣе прогрессивными въ вопросахъ свѣтскихъ, чѣмъ ихъ философски и политически просвѣщенные противники. Реформы, предпринятыя ими въ гражданскихъ, церковныхъ и правовыхъ учрежденіяхъ, дѣлають имъ только честь и такъ же какъ ихъ резолюціи о выработкѣ гражданского уложенія, являютъ прототипами знаменитѣйшихъ мѣропріятій конвента 1793 года. Поэтому-то „маленькій“ парламентъ, постѣ шестидесячнаго существованія, былъ распущенъ по настоянію классовъ и кастъ, чувствовавшихъ, что ихъ привагелии и вообще ихъ интересы находятся въ опасности. Распущеніе парламента, на которомъ особенно настаивало адвокатское сословіе, совершилось съ помощью грязной адвокатской уловки, и ночтенный цехъ служителей правосудія праздновалъ это событіе, устраивая грандіозныя попойки въ Темплѣ. (Ср. сочиненіе Exact Relation of the Transactions of the late Parliament, Лондонъ 1654 г., напечатано у Сомера Tracts, т. VI, стр. 266—284).

Замѣтимъ еще кстати, что членъ этого парламента, Пресгодъ Барбонъ, былъ отцомъ весьма замѣчательнаго въ свое время политико-эконома Николая Барбона и вообще очень умнымъ и хорошимъ человѣкомъ. Онъ принадлежалъ къ болѣе радикальной фракціи лондонскихъ баптистовъ. По его имени роялисты и прочіе прозвали

ожидать защиты; арміи же и стоявшимъ на ея сторонѣ индепендентамъ оставалось только отвѣтить на эту резолюцію выходомъ въ отставку или государственнымъ переворотомъ. Они избрали послѣднее, на что армія, какъ мы видѣли, рѣшилась еще раньше. 5 декабря, послѣ полудня, вожди арміи и значительное число индепендентовъ изъ парламента собрались для совѣщанія, продолжавшагося до глубокой ночи. Члены парламента ожесточенно возставали противъ его немедленнаго распущенія, котораго желали вожди арміи, и добились того, что распущеніе было отклонено. 6 декабря члены парламентскаго большинства, пресвитеріане, желая войти въ Палату, увидѣли, что она охраняется уже не милиціей Сити, безирекословно позволившей распусть себя по домамъ, а двумя полками арміи. Командиръ отряда, полковникъ Прайдъ, имѣлъ въ рукахъ списокъ членовъ большинства и державшій сторону индепендентовъ графъ Грей офъ Гроби стоялъ рядомъ съ нимъ съ цѣлью удостовѣрять личность депутатовъ. Пресвитеріанъ солдаты хватили и уводили. Въ этотъ день было схвачено 41 человекъ. Ихъ поселили въ ближайшихъ гостинницахъ и строго охраняли. Ночью въ Лондонъ прибылъ прискакавшій съ сѣвера Кромвель. Парламентъ потребовалъ отъ Прайда освобожденія арестованныхъ своихъ членовъ, но получилъ отъ него уклончивый отвѣтъ. 7 декабря чистка продолжается. Прежнее меньшинство сдѣлалось подавляющимъ большинствомъ, и парламентъ высказываетъ Кромвелю благодарность за оказанныя странѣ услуги. Сорокъ семь пресвитеріанъ на время заключаются въ Тоузъ, часть отправляется на родину, часть уѣзжаетъ добровольно. Такова была «Pride's Purganz», «чистка» полковника Прайда. Въ парламентѣ остались одни только правовѣрные индепенденты.

Спустя нѣсколько дней, смѣшанная коммиссія изъ левеллеровъ и индепендентовъ выработала новый „Agreement“. По мнѣнію левеллеровъ его слѣдовало разослать для подписи генеральному штабу арміи, солдатамъ, членамъ парламента, а, кромѣ того, и по всей странѣ всѣмъ вообще благонамѣреннымъ. Съ этой цѣлью Лильбурнъ немедленно и отпечаталъ его. Но уже собраніе подписей въ генеральномъ штабѣ натолкнулось на большія трудности. Кромвель и большинство его коллегъ протестовали противъ нѣкоторыхъ пунктовъ, приблизительно противъ тѣхъ же, противъ которыхъ протестовалъ Айртовъ, а послѣдній тоже отказался отъ части сдѣланныхъ уступокъ. Снова начались продолжительные дебаты по вопросу о религіозной терпимости. Припомнимъ то, что мы уже раньше говорили о характерѣ различныхъ сектъ, каждый пойметъ, почему буржуазные элементы старались найти границу, дальше которой не должна была идти вѣротерпимость. 21-го декабря состоялся компромиссъ въ томъ смыслѣ, что всѣ христіанскія секты, кромѣ католиковъ и сторонниковъ епископальной церкви, секты, не нарушающія общественнаго спокойствія, не должны подвергаться преслѣдованію со стороны государственной власти, но что во всѣхъ «естественныхъ», т.-е. мірскихъ дѣлахъ рѣшающій голосъ принадлежитъ парламенту. Въ вопросѣ объ исключительныхъ случаяхъ, когда преступленія должны были караться не обычными судебными установленіями, но государственною властью, также былъ достигнутъ компромиссъ; исключеніе должны были составлять только государ-

маленькій парламентъ, чтобы выставить его въ смѣшномъ видѣ. При этомъ они искажали его фамлію (вмѣсто *Barbone* они писали *Varebone*, а это въ переводѣ значитъ, приблизительно, тощій).

ственные чиновники, нарушившие свою обязанность. Но камнем преткновения послужилъ вопросъ о распущеніи парламента. Кромвель былъ безусловнымъ противникомъ назначенія парламенту близкаго распущенія, и хотя онъ въ совѣтѣ офицеровъ остался въ меньшинствѣ со своимъ мнѣніемъ, все же фактически осуществлено было его желаніе. Благодаря его вліянію восторжествовало мнѣніе, что даже съ новыми измѣненіями «Agreement» не можетъ быть прямо отданъ парламенту для подписи и для дальнѣйшей разсылки, но что парламентъ также долженъ рассмотреть «Agreement», высказать свое мнѣніе о немъ и дать согласіе на разсылку его въ томъ или иномъ видѣ.

Когда Лильбурнъ и его друзья замѣтили, къ чему клонится дѣло, они въ срединѣ января 1649 года отказались отъ переговоровъ, упрекая и обвиняя своихъ противниковъ въ самомъ низкомъ обманѣ. Предположеніе ихъ до извѣстной степени было вѣрно, такъ какъ парламентъ 20-го января принялъ «Agreement» офицеровъ, объявивъ, что «приметь его во вниманіе, какъ только это позволятъ важныя и не терпяція отлагательства дѣла», а офицеры безпрекословно согласились на это.

Надо, однако, признаться, что Кромвель былъ правъ, заявляя, что распущеніе парламента было бы несвоевременно. Враждебные индепендентамъ и арміи элементы были слишкомъ многочисленны для того, чтобы можно было рисковать устроить новые выборы. Даже въ такихъ графствахъ, какъ Норфолькъ, Суффолькъ и другія, большинство буржуазіи и джентри было теперь противъ индепендентовъ, а буржуазія и джентри были именно тѣ классы, съ которыми больше всего считался и долженъ былъ считаться Кромвель. Въ большинствѣ графствъ они давали тонъ; между тѣмъ они такъ же, какъ и всѣ почти крестьяне, прежде всего желали освободиться отъ военного бремени. Надо было привлечь ихъ на свою сторону, а между тѣмъ именно для нихъ радикальныя требованія левеллеровъ были неприемлемы. Гардинеръ даже прямо приписываетъ переворотъ, происшедшій въ настроеніи восточныхъ графствъ между прочимъ и росту «фанатизма», т.-е. радикализма, который толкнулъ имущіе и промышленные классы на сторону пресвитеріанъ и роялистовъ (I. с. III, стр. 175). Въ чемъ Лильбурнъ и его друзья видѣли злонамѣренность, фальшивость и своекорыстіе Кромвеля, въ томъ, наряду съ несомнѣнно сильно развившимся честолюбіемъ и классовыми предрасудками, обнаруживалась его склонность сообразовать свое поведеніе условно съ положеніемъ дѣлъ въ данную минуту. Онъ былъ вполне политикомъ реалистомъ, они же — идеологами движенія; они слѣдовали политическимъ теоріямъ и поэтому видѣли вещи, смотря по обстоятельствамъ, подъ угломъ зрѣнія своей теоріи. Мышленіе же и чувствованія Кромвеля были враждебны всякой абсолютной теоріи, но онъ лучше понималъ дѣйствительность въ каждый данный моментъ. Словомъ, хотя Кромвель временами и слѣдовалъ ихъ примѣру, все же онъ, въ качествѣ политика практика, далеко превосходилъ ихъ. Зато левеллерамъ принадлежить заслуга, что они въ эту революцію формулировали и энергично защищали политическіе интересы трудящихся классовъ, какъ своей эпохи, такъ и будущаго. Пока революція боролась съ отжившими силами, левеллеры при случаѣ могли указать ей дорогу и не разъ на самомъ дѣлѣ дѣлали это. Но въ тотъ моментъ, когда отжившія силы были побѣждены, а вновь народившія принялись перестраивать жизнь, левеллеры должны были отступить на задній планъ. Время тѣхъ классовъ, которые они представляли, еще не наступило.

За первымъ изданіемъ новаго «agreement'a» левеллеровъ 1-го мая 1649 года послѣдовало второе, которое редактировалось уже изъ Тоуэра. Когда Лильбурнъ и его товарищи снова попали въ тюрьму, это мы увидимъ ниже. Здѣсь же мы остановимся въ изложеніи событій и займемся хотя бы поверхностнымъ разсмотрѣніемъ этихъ достопримѣчательныхъ документовъ, представляющихъ собою ни болѣе, ни менѣе, какъ предшественниковъ знаменитаго «Общественнаго договора» Руссо.

Согласно «agreement'у», отпечатанному не только въ видѣ брошюры, но также и въ видѣ удобнаго для расклеиванія плаката, высшій авторитетъ страны должно было изображать собою представительное собраніе изъ 400 депутатовъ. Каждый гражданинъ государства, достигшій 21 года, не получающій заработной платы или милостыни, пользуется правомъ избирать и быть избираемымъ ¹⁾. Срокъ парламентскихъ полномочій долженъ быть годовичный. Депутатъ, принимавшій участіе въ одномъ парламентѣ, не можетъ уже быть выбранъ тотчасъ же въ слѣдующій, а только черезъ годъ. Не могутъ быть выбраны государственные чиновники, получающіе жалованье, а адвокаты, засѣдающіе въ парламентѣ, во время сессій послѣдняго не могутъ заниматься практикой. Парламентъ не долженъ издавать никакихъ принудительныхъ законовъ, касающихся религіи; никто не долженъ быть лишенъ права изъ-за религіи занимать какую-нибудь должность. Каждая община сама выбираетъ себѣ священника, но никого нельзя принудить давать что бы то ни было для его вознагражденія. Нельзя, далѣе, принудить никого служить вопреки его убѣжденіямъ въ сухопутныхъ войскахъ или во флотѣ. Всѣ налоги, пошлины и десятины должны быть уничтожены въ теченіе опредѣленнаго короткаго срока и должны быть замѣнены прямымъ налогомъ на каждый фунтъ стерлинговъ реальной личной собственности ²⁾.

¹⁾ Такимъ образомъ наемные рабочіе были бы лишены права избранія. Не слѣдуетъ однако забывать того, что говорилось выше (отд. II) о ничтожной сравнительно численности и слабомъ развитіи этого класса въ Англіи того времени. Можно сказать, что тогда совсѣмъ еще почти не существовало промышленнаго пролетаріата въ современномъ смыслѣ слова. Для ремесленныхъ подмастерьевъ въ большинствѣ случаевъ званіе подмастерья было переходомъ изъ ученичества въ мастерство. Дарованіе права голоса земледѣльческимъ батракамъ и т. д., въ то время, когда еще не было извѣстно тайное голосованіе, должно было доставить выгоды преимущественно богачамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ.

Интересно, что во время переговоровъ объ „Agreement'ѣ“ Кромвеля, Айртона и другихъ съ левеллерами, первый возражалъ противъ введенія всеобщаго избирательнаго права, на которомъ настаивали левеллеры, говоря, что оно поведетъ къ анархіи. Въ листкѣ, издававшемся сторонниками Кромвеля и основанномъ въ 1649 году, левеллерамъ даютъ кличку, напоминающую нѣчто современное: ихъ называютъ „швейцарствующими анархистами“, — „these switzerizing anarchists“. (A modest narrative of Intelligence: Fitted for the Republic of England and Ireland, № 3 отъ 14-го до 21-го апрѣля 1649 года). Выраженіе „швейцарствующіе“ должно означать, что программа левеллеровъ поведетъ къ условіямъ, подобнымъ существующимъ въ „швейцарской странѣ“, гдѣ „кантонъ враждуетъ съ кантономъ“. (Вступительная рѣчь Кромвеля на конференціи въ Путнѣѣ 28-го октября 1647 года).

²⁾ О косвенныхъ налогахъ Лильбурнъ въ своемъ памфлетѣ „Englands new chains discovered“, составляющемъ нѣчто вродѣ комментарий къ „Agreement'у“, выражается очень рѣзко и опредѣленно. Они, т.-е. левеллеры, говорится въ немъ, рѣшили уничтожить „всѣ извѣстныя тяжелыя нестроенія“, въ числѣ которыхъ приводится: „де

Всѣ привилегіи и преимущества должны быть уничтожены. Въмѣсто постоянной арміи должна быть введена народная милиція, которую для военныхъ цѣлей могъ сзывать только парламентъ. Каждое графство должно выбирать отдѣльно своихъ должностныхъ лицъ; законы должны быть написаны на англійскомъ языкѣ, а всевозможные тяжбы и процессы должны разбираться жюри, состоящимъ изъ двѣнадцати присяжныхъ — гражданъ данной мѣстности. Должны быть ассигнованы опредѣленные средства для доставленія работы и удовлетворительнаго содержанія бѣдныхъ, дряхлыхъ и инвалидовъ.

Многое изъ перечисленнаго выше кажется намъ теперь непрактичнымъ, иное слишкомъ избитымъ и все вообще слишкомъ буржуазнымъ. Но подобно тому, какъ многіе отдѣльные пункты программы, въ осуществимости которыхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, еще не проведены въ жизнь во многихъ, считающихся очень прогрессивными, странахъ, такъ и весь проектъ левеллеровъ въ цѣломъ въ свое время былъ безусловно революціоннымъ и революціоннымъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе ему были чужды коммунистически-утопическія воззрѣнія. Коммунизмъ, который, какъ мы увидимъ скоро ниже, имѣлъ въ лагерѣ левеллеровъ рѣшительныхъ сторонниковъ, для городского населенія, среди котораго еще не былъ извѣстенъ промышленный пролетаріатъ въ современномъ смыслѣ слова, практически могъ осуществиться только въ формѣ благотворительныхъ учреждений. Коммунистическія требованія могли имѣть практическое значеніе развѣ только для сельскаго населенія, и все движеніе въ самомъ дѣлѣ не вызвало никакихъ самостоятельныхъ волненій среди городскихъ рабочихъ, но за то, достигнувъ кульминаціоннаго пункта, повлекло за собой нѣсколько попытокъ аграрно коммунистическихъ возстаній.

Но объ этомъ мы поговоримъ ниже. Покаместъ же мы рассмотримъ нѣкоторые пункты «Agreement'a» касающіеся религіозныхъ вопросовъ. Въ нѣкоторыхъ историческихъ сочиненіяхъ левеллеровъ изображаютъ религіозными сектантами, превосходящими своимъ фанатизмомъ даже большинство пуританъ. Въ требованіяхъ «Agreement'a» нѣтъ даже и слѣда религіознаго фанатизма; въ нихъ обнаруживается гораздо больше религіозной терпимости, чѣмъ въ ученіи какой бы то ни было другой партіи той эпохи. Правда, въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ левеллеровъ, встрѣчается множество библейскихъ цитатъ, но это совсѣмъ неудивительно въ то время, когда библія была единственной книгой, пользовавшейся извѣстнымъ значеніемъ у массы населенія. Къ тому же эти цитаты никогда не касаются религіозныхъ догматовъ. Современники, враждебные левеллерамъ, наоборотъ, часто обвиняли ихъ въ атеизмѣ. Имѣются въ самомъ дѣлѣ доказательства, что атеизмъ или по крайней мѣрѣ очень широкій рационализмъ, былъ распространенъ въ ихъ средѣ. Гораздо вѣрнѣе утвержденіе другихъ историковъ, будто левеллеры, наоборотъ, въ началѣ называли себя рационалистами,

сѣтины, страшно угнетающія промышленную дѣятельность и препятствующія развитію земледѣлія, пошлины и акцизы, эти тайные воры и разбойники, высасывающіе бѣдные и средніе классы народа, служащіе величайшей помѣхой торговлѣ и промышленности и превосходящіе по своему вреду корабельныя пошлины, пошлины на патенты и всѣ прочіе, представившіеся парламенту проекты (налоговъ)⁴. Далѣе левеллеры хотѣли отмѣнить „всѣ монополіи купеческихъ компаній, приносящія вредъ и губящія суконную, красильную и многія другія полезныя отрасли промышленности“⁴.

выражая этимъ лишь то, что они признають только собственный разумъ ¹⁾. Однако это трудно доказать, но крайней мѣрѣ постольку, поскольку дѣло касается названій, ибо о левеллерахъ мы имѣемъ только свѣдѣнія, исходящія отъ ихъ противниковъ. Но какъ бы они ни называли себя, — это не важно. Посмотримъ лучше, что думали объ этомъ литературные представители левеллеровъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Атеистическія и коммунистическія тенденціи въ движеніи левеллеровъ. „Истинные левеллеры“.

Мы уже говорили о Генри Мартенѣ, какъ о «язычникѣ». Но при всей своей дружбѣ съ левеллерами, Мартенъ не былъ членомъ ихъ союза.

Въ качествѣ представителя широкаго рационализма, среди левеллеровъ замѣчательнѣе особенно Ричардъ Овертонъ, который вмѣстѣ съ В. Вальвиномъ и Т. Прэнсомъ чаще другихъ фигурируетъ наряду съ Лильбурномъ, какъ авторъ политическихъ памфлетовъ левеллеровъ. Мы уже видѣли, что въ памфлетѣ, направленномъ противъ Вальвина, Овертона за его убѣжденія называютъ достойнымъ вполне естественнаго отвращенія. Къ счастью, мы имѣемъ возможность проверить основательность взводимыхъ на него обвиненій, что, къ сожалѣнію, было невозможно относительно Вальвина. Существуетъ появившееся въ двухъ изданіяхъ небольшое сочиненіе Овертона о безсмертіи души, въ которомъ съ достаточною ясностью высказаны взгляды автора. Правда, содержаніе статьи ограничивается вопросомъ о безсмертіи души и такимъ образомъ не имѣетъ никакого отношенія къ цѣли нашего труда, но все же интересно ознакомиться въ лицѣ Овертона съ первымъ представителемъ направленія, соединявшаго послѣдовательно рационалистическіе и, можно даже сказать, материалистическіе взгляды съ политическимъ и социальнымъ радикализмомъ.

Овертонъ представляетъ собой характерную противоположность своего современника Гоббса, который сумѣлъ привить къ философскому материализму доктрину политическаго абсолютизма и государственной религіи. Но радикальный, въ философскомъ смыслѣ, представитель интересовъ низшихъ классовъ былъ забытъ тѣмъ легче, что социальный радикализмъ послѣ революціи долгое время обнаруживался исключительно въ формѣ религиозныхъ движеній. О личности Овертона очень трудно сказать что-либо достовѣрное. Годвинъ предполагаетъ (*History of the Commonwealth, IV, стр. 280*), что онъ былъ братомъ Роберта Овертона, друга Мильтона (Р. Овертонъ былъ республиканцемъ и сторонникомъ Кромвеля, пока послѣдній не сдѣлался лордомъ-протекторомъ или, вѣрнѣе, диктаторомъ). Біографъ Мильтона, Массонъ, знаетъ объ Овертонѣ только, что онъ былъ «типографомъ и неутомимымъ издателемъ летучихъ листовъ»

¹⁾ Такъ между прочимъ говоритъ Ф. П. Гизо въ своей *Histoire de la Revolution d'Angleterre, II, кн. 8.*

(Life of Milton, III, стр. 528). Во всякомъ случаѣ онъ былъ неутомимымъ левеллеромъ, и въ качествѣ такового мы еще встрѣтимъ его ниже.

Сочиненіе его, упомянутое нами выше, появилось первымъ изданіемъ въ 1643 году безъ подписи автора въ Амстердамѣ. Въ то время пресвитеріане были еще въ силѣ и въ одномъ изъ манифестовъ ихъ конклава, направленномъ противъ невѣрія и суевѣрія той эпохи, говорится: «Главнымъ представителемъ ужаснаго ученія матеріализма, отрицающаго безсмертіе души, является Р. О., анонимный авторъ трактата о смертности человѣка». «Смертность человѣка» — «Mans mortalitie» таково въ самомъ дѣлѣ заглавіе перваго изданія этого сочиненія. Заглавіе совершенно переработаннаго и несравненно лучше написаннаго втораго изданія появившагося двѣнадцать лѣтъ спустя, въ 1655 году, въ Лондонѣ, съ полною подписью автора, гласитъ: «Человѣкъ смертный во всѣхъ отношеніяхъ» («Man wholly mortal»), трактатъ, въ которомъ съ теологической и философской точки зрѣнія доказывается, что подобно тому, какъ весь человѣкъ грѣшитъ, такъ весь человѣкъ и умираетъ; что представленіе, будто душа послѣ смерти попадаетъ на небо или въ адъ, плодъ фантазіи, и что безсмертіе для человѣка начинается послѣ его воскресенія, и лишь послѣ него человѣкъ либо осуждается, либо спасается.

Уже изъ заглавія явствуетъ, что авторъ дѣлаетъ еще одну послѣднюю уступку ходячимъ религіознымъ представленіямъ, допуская, что при концѣ міра всѣ воскреснутъ. Годвинъ врядъ ли не правъ, заключая изъ того факта, что Овертонъ говоритъ о воскресеніи только въ заключительной главѣ, да и то очень поверхностно, что эта глава придѣлана къ сочиненію лишь для того, чтобы предохранить его отъ обвиненія въ проповѣди атеизма; эта глава не имѣетъ никакой связи съ аргументаціей въ пользу главнаго положенія автора ¹⁾. «Теологическія» доказательства смертности человѣка заключаются въ цѣломъ рядѣ цитатъ изъ библіи, въ которыхъ говорится о полномъ уничтоженіи человѣка послѣ смерти ²⁾. О другихъ мѣстахъ библіи, гдѣ, повидимому, говорится о безсмертіи человѣка, Овертонъ говоритъ, что они просто невѣрно истолковываются. Совсѣмъ иной характеръ носить «философская» аргументація; она основывается исключительно на естественныхъ наукахъ, поскольку послѣднія тогда вообще существовали. Развѣтѣемъ душевной дѣятельности человѣка, возрастающимъ отъ младенческаго до зрѣлаго возраста, колеблющимся у больного и падающимъ къ старости, словомъ, физиологіей человѣка Овертонъ доказываетъ невозможность отдѣленія тѣла отъ души; онъ сравниваетъ человѣка съ животнымъ и показы-

¹⁾ Связь заключается только въ слѣдующемъ разсужденіи: подобно тому, какъ существованіе души безъ тѣла немислимо, немислимо также существованіе чистилища и т. п., куда якобы послѣ смерти человѣка попадаетъ отдѣлывшаяся отъ тѣла душа. Безсмертіе души совершенно немислимо иначе, какъ въ видѣ воскресенія всего человѣка; пока не наступитъ послѣднее, весь умершій человѣкъ, и душа, и тѣло его, мертвы.

„Если бы не было этого искусственно придѣланнаго признанія возможности воскресенія или возсозданія и слѣдующаго затѣмъ безсмертія, этотъ трактатъ можно было бы назвать проявленіемъ крайняго матеріализма (out and out materialism). Возможно, что авторъ, несмотря на сдѣланную имъ уступку, это именно и имѣлъ въ виду“ (Masson, Life of Milton, III, стр. 157).

²⁾ Такъ, на заглавномъ листѣ приводится 19 стихъ 3 главы книги Соломона. („Ибо человѣка постигаетъ такая же участь, какъ и звѣря; онъ умираетъ подобно послѣднему и жизнь ихъ одинакова. Человѣкъ имѣетъ не больше звѣря, ибо все суета“).

ваетъ на многихъ примѣрахъ, что всѣ почти духовныя способности человѣка имѣются и у животныхъ, отличаясь только степенью своего развитія и сложностью.

Если слѣдовательно душа человѣка переживаетъ распаденіе тѣла, то и душа животнаго такъ же должна быть бессмертна. Съ безошадной логикой Овертонъ доказываетъ на примѣрахъ всевозможныхъ болѣзненныхъ состояній, что если душа представляетъ собою нѣчто независимое отъ тѣла, то у человѣка должна быть не одна, а множество душъ. Крайне категоричны его разсужденія о тѣлесности вообще: «Форма, — пишетъ онъ, — есть форма матеріи, и матерія есть матерія формы, ни та, ни другая не существуютъ сами по себѣ, онѣ существуютъ только совмѣстно и обѣ вмѣстѣ образуютъ вещь» (II изданіе стр. 10). «Все что создано, говорится въ другомъ мѣстѣ, состоитъ изъ элементовъ. Но все что создано матеріально, ибо все, что не матеріально — ничто» (стр. 21). Въ качествѣ доказательствъ истинности своихъ убѣжденій Овертонъ приводитъ многія цитаты изъ сочиненій греческихъ и римскихъ классиковъ. Отсюда мы можемъ предположить, что Овертонъ былъ необыкновенно начитанный человѣкъ. Его сочиненіе возбудило всеобщее вниманіе, что послѣ приведенныхъ нами выдержекъ не можетъ показаться страннымъ. Благочестивые сограждане Овертона повидимому были страшно возмущены; но зато люди свободные отъ предразсудковъ многое почерпнули изъ этого сочиненія. Массонъ, напримѣръ, считаетъ вполне возможнымъ, что великій поэтъ Мильтонъ подъ вліяніемъ Овертона пришелъ къ своему взгляду на смерть. Здѣсь однако не мѣсто входить въ разсмотрѣніе этого вопроса.

Что касается товарища Овертона, Вальвина, то намъ неизвѣстны самостоятельныя сочиненія его на религіозныя и политическія темы. Его возраженіе противъ памфлета Киффина «Walwyn's Schliche» не заключаетъ въ себѣ ничего положительнаго. Въ этомъ возраженіи общими словами опровергается упрекъ въ нерелигіозности и революціонномъ коммунизмѣ, такъ что изъ него очень трудно вычитать что-либо опредѣленное въ этомъ или иномъ смыслѣ. То же можно сказать о появившемся подъ инициалами Г. В. сочиненіи: «милосердіе духовенства» («The Charity of Churchmen»), авторъ котораго, нѣкій докторъ Брукъ, заявляетъ, что онъ считаетъ нужнымъ выступить на защиту заключеннаго въ тюрьмѣ Вальвина. Бесѣды, приводимыя Киффиномъ, дѣйствительно происходили, говоритъ Брукъ, но выраженія Вальвина тенденціозно искажены при передачѣ; это доказывается на отдѣльныхъ примѣрахъ; между прочимъ Киффинъ приводитъ слова Вальвина, сказанныя въ утвердительномъ смыслѣ, какъ будто они говорились условно, и т. д.

Какъ сочиненіе Вальвина, такъ и сочиненіе Брука написаны въ то время, когда Вальвинъ сидѣлъ въ Тоуэрѣ, поэтому приводимыя въ нихъ возраженія нельзя придавать особенную цѣну; изъ нихъ явствуется только, что обвиненія Киффина были пожалуй въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преувеличенными, но по существу своему имѣли достаточно основанія. Какъ Брукъ, такъ и Вальвинъ приводятъ даже имена лицъ, якобы присутствовавшихъ при разговорахъ.

Такъ какъ для насъ важны не столько слова, употреблявшіяся при разговорахъ, а общее направленіе послѣднихъ, то мы здѣсь посмотримъ, какимъ образомъ Вальвинъ по словамъ своихъ противниковъ старался испортить молодежь, бывавшую у него въ домѣ.

Вальвинъ, по словамъ его противниковъ, задаетъ молодымъ людямъ лукавые вопросы. Какъ можете вы доказать, что Библия есть слово Божіе? Есть ли у васъ какія-либо болѣе вѣскія доказательства божественнаго происхожденія Библии, чѣмъ доказательства приводимыя турками въ пользу божественнаго происхожденія ихъ Корана? ¹⁾ По воскресеньямъ Вальвинъ водить молодыхъ людей поочередно по разнымъ церквямъ, заставляя ихъ слушать, какъ священники одной бранятъ священниковъ другой, обращаетъ вниманіе молодыхъ людей на противорѣчія и нелѣпости церковныхъ проповѣдей и восстанавливаетъ ихъ такимъ образомъ противъ всякой религіи. Затѣмъ онъ доказываетъ имъ, что великія тайны жизни и спасенія черезъ Иисуса Христа, такъ же какъ ученіе объ искупленіи нашихъ грѣховъ Его смертью, о воскресеніи мертвыхъ, о святомъ духѣ,—пустыя фантазіи, смѣшныя, нелѣпыя сказки, и переходитъ къ критикѣ различныхъ политическихъ и социальныхъ системъ.

Между прочимъ, Вальвинъ сказалъ будто бы ученикамъ, что въ Діалогахъ Лукіана «больше остроумія, чѣмъ во всей Библии» ²⁾, что стихи и псалмы составлены царями исключительно для своихъ собственныхъ выгодъ, что пѣснь пѣсней Соломона составлена имъ въ честь одной изъ его любовницъ, что адъ—совѣсть дурныхъ людей въ настоящей жизни, и что невысказано, чтобы Богъ сталъ вѣчно мучить людей за ихъ краткую грѣшную жизнь. Кроме того, Вальвину приписывается утвержденіе, что царь Давидъ и праотецъ Іаковъ были хитрые мошенники и отъявленные негодяи, что глупо молиться по цѣлымъ часамъ, потому что истинная религіозность заключается въ оказаніи помощи бѣднымъ, что протестантскіе священники большею частью жадные люди и относятся къ бѣднымъ еще хуже, чѣмъ католики, что ирландцевъ нельзя осуждать за мятежь, ибо они правы, добиваясь для себя свободы. Особенно тяжкимъ преступленіемъ Вальвина считается то, что онъ защищалъ самоубійство, и что безнадежно больная подруга его жены, ободряемая его словами, прибѣгла къ самоубійству.

Таковъ былъ «гибельный для души» атеизмъ Вальвина. Познакомимся теперь съ его коммунизмомъ.

Товарищъ Лильбурна, горячо защищаемый послѣднимъ, будто бы слѣдующимъ образомъ выразился о «неустройствахъ и о неравенствѣ въ распредѣленіи благъ сего міра»:

«Какъ это несправедливо, что у одного есть тысячи, а у другого нѣтъ и куска хлѣба! Господь желаетъ, чтобы всѣ люди жили въ довольствѣ; то что одинъ имѣетъ избытокъ въ благахъ сего міра и живетъ въ роскоши, а другой, гораздо болѣе нужный и полезный обществу, не имѣетъ даже двухъ пенсовъ,—противорѣчить волѣ Божіей»... Вальвинъ хотѣлъ бы, чтобы «во всей странѣ не было ни заборовъ, ни изгородей, ни рвовъ», по его мнѣнію, на землѣ не будетъ благоденствія, пока всѣ блага міра не будутъ общими. Измѣнить въ этомъ отношеніи міръ совсѣмъ не такъ трудно, какъ думаютъ люди; «небольшая толпа неутомимыхъ и безстрашныхъ людей могла бы перевернуть весь міръ,

¹⁾ Въ возраженіи говорится, что этотъ вопросъ относился только къ переводу Библии.

²⁾ Въ изложеніи говорится, что эти слова относились только къ рѣчамъ Лукіана противъ тираніи. (Для людей незнакомыхъ съ древней литературой, не лишнее будетъ знать, что Лукіанъ въ діалогахъ и т. д. осмѣивалъ мистическія тенденціи и религіозныя традиціи своей эпохи—онъ жилъ во II вѣкѣ послѣ Рождества Христова).

если бы они разумно взялись за дѣло и не убоялись рисковать жизнью». На возраженіе, что это можетъ повести къ уничтоженію всякаго правительства, Вальвинъ будто бы отвѣтилъ: «тогда будетъ меньше потребности въ правительствѣ, ибо тогда не будетъ воровъ и жадныхъ людей, не будетъ обмана и грабежа, не будетъ поэтому надобности и въ правительствѣ. Если возникнетъ какой-нибудь споръ, надо будетъ только пригласить сапожника или какого-нибудь другого трудящагося человѣка, лишь бы онъ былъ честенъ и справедливъ, онъ разсмотритъ и рѣшитъ дѣло и затѣмъ снова вернется къ своей работѣ».

Развѣ эти слова не звучатъ такъ, какъ будто они были сказаны не въ срединѣ XVII столѣтія, а по крайней мѣрѣ полтора столѣтія спустя? Однако взгляды Вальвина извѣстны намъ только со словъ его противниковъ, и такъ же какъ трактатъ Овертона, который появился первымъ изданіемъ до возникновенія движенія левеллеровъ, а вторымъ послѣ его подавленія, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ этому движенію. Въ качествѣ вождей партіи Овертонъ и Вальвинъ, также какъ Лильбурнъ, принципиально ограничивались главнымъ образомъ политическою дѣятельностью и строго проводили взглядъ на религію, какъ на «личное дѣло каждаго».

Но все движеніе въ цѣломъ не носило исключительно политическаго характера. Массы народа вообще лишь тогда воодушевляются въ пользу политическихъ реформъ, когда послѣднія представляются имъ средствами для улучшенія матеріальнаго быта, и въ этомъ отношеніи движеніе левеллеровъ не составляетъ исключенія. Пока это движеніе ограничивалось частью арміи и лондонскаго населенія, оно было движеніемъ «чисто-демократическимъ»; но, достигнувъ широкаго распространенія, оно быстро приняло характеръ «соціалъ-демократической» агитаціи.

Яркимъ доказательствомъ этого, а также того обстоятельства, что изъ библии въ то время не только умѣли вычитать все, что было нужно, но умѣли даже найти въ ней то, чего въ ней вовсе не было, является составленный несомнѣнно левеллеромъ памфлетъ, носящій слѣдующее заглавіе: «Свѣтъ, сіяющій въ Букингамширѣ, или раскрытіе великой главной причины всякаго рабства во всемъ мірѣ и особенно въ Англіи, изложенное въ формѣ прокламаціи многихъ благонамѣренныхъ людей¹⁾ страны ко всѣмъ бѣднымъ и угнетеннымъ сельскимъ жителямъ Англіи и предназначенное также къ свѣдѣнію современной, предводительствуемой лордомъ Ферфаксомъ арміи». Эпиграфомъ этого памфлета служить стихъ: «воспрянь о Господи и суди Ты землю». Въ самомъ началѣ говорится:

«Всякая власть является таковою въ силу выданнаго королемъ патента, а патентъ короля исходитъ отъ сатаны, ибо предшественникъ короля, незаконно-рожденный иностранецъ Вильгельмъ (здѣсь подразумѣвается Вильгельмъ Завоеватель), сдѣлался королемъ благодаря насилію и убійству. Убійцы же, говоритъ Іисусъ, дѣти діавола; ибо, говоритъ онъ, діаволъ челоукоубійца былъ искони и не живетъ въ истинѣ. Короли насквозь проникнуты враждою къ истинѣ, они преслѣдуютъ праведниковъ, ибо Іисусъ говоритъ: они приведутъ васъ предъ лицо царей, поэтому короли враги царствія Христова» (стр. 3).

Аргументація здѣсь такъ же смѣла, какъ и цитаты, но зато изъ этого

¹⁾ Ср. прим. первое на стр. 122.

отрывка явствуетъ, какъ развязно тогда пользовались библіей. Немного ниже въ памфлетѣ говорится:

«Поэтому тѣ, которыхъ называютъ левеллерами, и которые ставятъ себѣ цѣлью освобожденіе всего человѣчества изъ рабства, въ дѣлѣ свободы крайне справедливы и честныя люди, ибо цѣлью искупленія черезъ Иисуса является возвращеніе всѣхъ вещей.

«Кому вообще нуженъ король?» спрашиваетъ неизвѣстный авторъ и затѣмъ доказываетъ, что защита короля и возможность прикрыться имъ нужны только богачамъ, дворянамъ и адвокатамъ, но вовсе не самому народу. «Честныя люди» желаютъ достигнуть слѣдующаго:

1) справедливой доли для каждаго, чтобы онъ могъ жить и не имѣлъ надобности воровать или нищенствовать изъ нужды; 2) справедливаго закона, который можно позаимствовать изъ библіи; 3) равныхъ для всѣхъ правъ; 4) правительства изъ избранныхъ народомъ представителей; 5) республики по образцу описанной въ библіи: «Въ Израилѣ, когда кто нибудь былъ бѣденъ, для поддержки его употреблялись общественныя запасы и средства пропитанія. Для этой же цѣли могли бы у насъ служить земли церковныя, казенныя и находящіяся подъ лѣсомъ, которыя въроломный парламентъ раздариваетъ своимъ членамъ и растрчиваетъ на содержаніе безіолезнаго созданія, именуемаго королемъ. Черезъ каждыя семь лѣтъ въ Израилѣ вся земля считалась принадлежащею бѣднымъ сиротамъ, вдовамъ и иностранцамъ, кромѣ того, они изъ всякаго урожая получали извѣстную долю. Пойми же, бѣдный народъ, что сдѣлали бы для тебя левеллеры!»

Дальнѣйшее содержаніе этого замѣчательнаго памфлета составляетъ рѣзкая и дѣльная критика политическаго устройства Англіи и условій англійской жизни. Конецъ книги составляетъ отпечатанный въ разрядку зловѣщій стихъ изъ 12-ой главы второй книги Царствъ: «кая намъ часть въ Давидѣ и нѣсть намъ наслѣдія въ сынѣ Іессеовѣ: бѣжи Израилу въ кровы своя».

Памфлетъ, повидимому, имѣлъ большой успѣхъ, ибо вскорѣ послѣ него явилось его продолженіе подъ заглавіемъ: «Еще о свѣтѣ, сіяющемъ въ Буккингамширѣ»; оно написано въ томъ же духѣ, какъ и первый памфлетъ, только тонъ его нѣсколько спокойнѣе и изложеніе придерживается больше фактовъ. Въ немъ описывается, какъ народъ, благодаря нормандскому завоевателю, а позднѣе насиліямъ аристократовъ, путемъ противозаконнаго возведенія изгородей и тому подобныхъ средствъ былъ лишенъ своего естественнаго наслѣдія и обращенъ въ рабство; однако вернуться народу слѣдуетъ не къ эпохѣ, предшествовавшей нормандскому завоеванію, а къ эпохѣ до грѣхопаденія, тутъ подразумѣвается несомнѣнно эпоха, когда господствовалъ первобытный коммунизмъ. Какимъ образомъ можно вернуться къ нему, авторъ обѣщаетъ показать въ третьемъ памфлетѣ.

Однако обѣщанный памфлетъ не увидѣлъ свѣта, по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного, носящаго подходящее заглавіе. Но мы скоро увидимъ, что авторъ или общество, къ которому онъ принадлежалъ, не обѣщали ничего, что уже не было бы подготовлено ими.

Укажемъ прежде всего на двѣ черты, отличающія названныя брошюры, также какъ и множество другихъ памфлетовъ того времени.

Первую, болѣе общую черту составляетъ тонъ, крайне враждебный не

только монархіи, дворянству, церкви и классу богачей, но особенно юристамъ по специальности, въ частности адвокатамъ. Авторы какъ будто не находятъ словъ, достаточно рѣзкихъ для ихъ осужденія; чаще всего ихъ называютъ «гусеницами общества». Широкіе круги населенія питали къ нимъ, повидимому, глубокую ненависть, конечно, не безсознательно. Ибо юристы служили послушными орудіями крупныхъ земельныхъ хищниковъ, они придавали насильственнымъ дѣйствіямъ послѣднихъ печать законности и были глухи къ жалобамъ ограбленныхъ и угнетенныхъ, не имѣвшихъ возможности платить за ихъ услуги; кромѣ того, юристы тщательно оберегали свои кастовыя привилегіи, свое право стричь по своему усмотрѣнію людей, нуждающихся въ ихъ помощи. Мы уже упоминали выше, что парламентъ Барбона палъ отчасти потому, что хотѣлъ замѣнить смѣсь временныхъ законовъ кодифицированнымъ сводомъ ихъ, что нѣсколько подрѣзало бы крылья цеху адвокатовъ. На запросъ одного изъ республиканскихъ генераловъ, Эдмонда Лудлоу, Кромвель отвѣтилъ, что пріятствіемъ радикальной дѣятельности служить, между прочимъ, противодѣйствіе адвокатовъ. «Какъ только мы начинаемъ говорить объ усовершенствованіи законовъ, они кричатъ, что мы хотимъ уничтожить собственность (Edm. Ludlow, Memoirs II, стр. 46—51). Даже Кромвель боялся потерять ихъ расположеніе. Они заставили закрыть ненавистный имъ парламентъ при помощи настоящей адвокатской уловки ¹⁾, и Кромвель, если онъ даже и не зналъ раньше объ ихъ намѣреніяхъ, во всякомъ случаѣ одобрилъ совершившійся фактъ.

Второй излюбленной фразой той эпохи было утвержденіе, что господствовавшее тогда право собственности было плодомъ нормандскаго закона, закона завоевателя. Существуетъ цѣлая литература популярныхъ памфлетовъ, написанныхъ на эту тему, и, само собою разумѣется, эти памфлеты составлены левеллерами и другими крайними индипендентами ²⁾; однако, отмѣна «нормандскаго закона» въ устахъ этихъ элементовъ означала отмѣну или по крайней мѣрѣ пересмотръ существующихъ условій собственности, причемъ подъ собственностью подразумѣвалась преимущественно или исключительно собственность на землю. Англійскіе левеллеры, не изучавшіе ни Прудона, ни Брисо, тѣмъ не менѣе говорили, что земля по праву принадлежитъ народу и что собственность на землю богатыхъ—кража.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, литература выступала на защиту безземельныхъ и экспропрированныхъ въ эпоху революціи, которая была революціей имущихъ, борьбой за эмансипацію собственниковъ-крестьянъ отъ остатковъ обязательствъ, обременявшихъ землю еще со временъ феодальной эпохи. Однако, противъ собственности на землю феодальныхъ владѣтелей возставали не одни только левеллеры; въ проснувшемся обществѣ нашлись и другіе элементы, составлявшіе очень широкіе проекты преобразованія земельныхъ отношеній. Наряду

¹⁾ 12-го декабря 1653 года, передъ полуднемъ, умѣренная партія воспользовалась тѣмъ обстоятельствомъ, что „крайняя“ нѣсколько опоздала, и быстро составила резолюцію, гласившую, что парламентъ въ наличномъ своемъ составѣ не можетъ сдѣлать ничего хорошаго и поэтому слагаетъ свои полномочія въ руки Кромвеля.

²⁾ Три такихъ памфлета противъ „нормандскаго закона“ отпечатаны въ *Harleyan Miscellanies*: томъ VI, стр. 36 и слѣд., томъ VIII, стр. 94 и слѣд. и томъ IX стр. 90 и слѣд. Имя автора John Narce.

съ революціонными соціалистами той эпохи встрѣчаются также государственные соціалисты или сторонники соціальныхъ реформъ.

Таковымъ слѣдуетъ, напримѣръ, считать врача П. Чемберлена, индпендента французскаго происхожденія, который въ 1649 году опубликовалъ сочиненіе: „The Poor Man's Advocate“, заключающее въ себѣ замѣчательный проектъ разрѣшенія соціальнаго вопроса той эпохи. Подзаголовокъ этого сочиненія гласитъ: «Самаритянская Англія», а эпиграфомъ поставлены слова: „Vnum quo communius eo melius“. Авторъ настаиваетъ на націонализациі всѣхъ казенныхъ, церковныхъ и другихъ, не имѣющихъ собственниковъ, земель, съ тѣмъ, чтобы онѣ составили собственность бѣдныхъ. Изъ этихъ земель и другихъ общественныхъ имуществъ должно быть составлено національное имѣніе („stock“), предназначенное на содержаніе бѣдныхъ; оно должно было быть организовано на чисто демократическихъ началахъ, и завѣдывать имъ долженъ былъ особо для того назначенный отвѣтственный контролеръ. Но весь общественный строй не долженъ былъ измѣниться. Авторъ требовалъ только, чтобы были устранены ограниченія, стѣсняющія промышленность и торговлю, чтобы были уничтожены ввозныя пошлины на съѣстные припасы и сырье и вывозныя на всѣ мануфактурные товары; чтобы пошлины были наложены только на вывозъ первыхъ и ввозъ послѣднихъ. Какъ извѣстно, эти требованія были требованіями только-что возникавшаго радикальнаго меркантилизма. Однако, Чемберленъ не останавливается на этомъ: «Позаботьтесь о бѣдныхъ, и они позаботятся о васъ; растопчите бѣдныхъ, и они васъ растопчутъ», — говоритъ авторъ государственнымъ дѣятелямъ. Онъ возражаетъ противъ утвержденія, будто бѣдныхъ — подъ бѣдными подразумѣваются не нищіе, а вообще бѣднѣйшіе классы населенія — можно обуздывать только при помощи голода и принудительныхъ законовъ, будто они, избавившись отъ крайней нужды, становятся лѣнтяями, будто они склонны къ мятежу и своеволю, когда не чувствуютъ надъ собою строгой власти. Экономическая политика, которую Кольберъ двадцать пять лѣтъ спустя проводилъ во Франціи, обстоятельно изложена въ этомъ сочиненіи. Разница только въ томъ, что, по мнѣнію автора, такую экономическую политику должно было вести, главнымъ образомъ, полукommунистическое учрежденіе „stock“. Оно должно было строить дороги и каналы, основывать мануфактуры, вводить усовершенствованныя машины, учреждать школы и техническія учебныя заведенія для народа, словомъ, поднять вмѣстѣ съ благосостояніемъ низшихъ классовъ культурный уровень всей націи. Чемберленъ не ограничивается изложеніемъ своего проекта, но выясняетъ также финансовую его сторону. Этотъ проектъ вообще интересный примѣръ того, какъ сильно революція возбудила умы. Хотя авторъ самъ не былъ левеллеромъ и имя его никогда не встрѣчается въ числѣ именъ людей, находившихся въ связи съ ними, все же онъ, повидимому, былъ близокъ къ нимъ ¹⁾. Его памфлетъ появился въ изданіи Джильса Кальверта, издававшаго большинство памфлетовъ левеллеровъ и подписавшагося въ качествѣ создателя подъ третьимъ изданіемъ ихъ „Agreement of the People“, опубликованнымъ 23 іюля 1649 года. Памфлетъ Чемберлена можно,

¹⁾ Въ Harleyan Library (въ № 254) напечатана сказанная въ 1662 году, слѣдовательно, уже при реставраціи, рѣчь Чемберлена, призывающаго радикальныя фракціи къ объединенію.

пожалуй, назвать попыткой дополнить въ извѣстномъ смыслѣ „Agreement“, который для вопроса, о которомъ главнымъ образомъ трактуетъ памфлетъ, формулируетъ лишь общій принципъ.

Сюда же относятся далѣе сочиненія ученаго протестанта Самуила Гартлиба, родители котораго бѣжали, со своей родины — Польши — отъ гнета іезуитовъ и поселились въ Эльбингъ, въ Восточной Пруссіи, откуда Гартлибъ около 1630 года переселился въ Англію. Здѣсь онъ въ теченіе слѣдующихъ десятилѣтій проявилъ кипучую дѣятельность, распространяя знанія и содѣйствуя всевозможнымъ предпріятіямъ, имѣющимъ цѣлю общее благо. Онъ перевелъ нѣкоторыя сочиненія принадлежавшаго къ сектѣ богемскихъ братьевъ, знаменитаго педагога Коменіуса (жившаго съ 1592 по 1671 годъ) на англійскій языкъ; самъ писалъ сочиненія о различныхъ методахъ обученія и о школьномъ дѣлѣ; кромѣ того, онъ старался улучшить обработку земли, устроилъ для этой цѣли небольшую сельскохозяйственную опытную станцію и издавалъ популярныя сочиненія о сельскомъ хозяйствѣ во Фландріи, о плодоводствѣ, пчеловодствѣ и т. д. Въ 1646 году долгій парламентъ назначилъ ему за его заслуги пенсію въ сто фунтовъ стерлинговъ, которая въ слѣдующемъ году была повышена до трехъ сотъ фунтовъ. Однако, безграничная щедрость Гартлиба, поддерживавшаго, между прочимъ, многихъ протестантовъ и сектантовъ, бѣжавшихъ изъ Пфальца въ Англію, не дала ему и теперь оправиться въ матеріальномъ отношеніи. А когда къ концу существованія республики пенсію ему перестали выдавать, положеніе этого самоотверженнаго человѣка сдѣлалось прямо ужаснымъ. Мучимый тяжкимъ недугомъ, каменной болѣзью, онъ вынужденъ былъ для поддержанія своей семьи буквально просить милостыню. Реставрированная монархія тоже не торопилась выдать Гартлибу недополученную имъ пенсію. Благодаря этому, онъ умеръ въ 1662 году въ крайней нуждѣ. Гартлибъ былъ знакомъ съ самыми выдающимися людьми Англій. Мильтонъ посвятилъ ему статью о воспитаніи. То же самое сдѣлалъ Вильямъ Петти, для котораго Гартлибъ, быстро угадавшій его талантливость, очень много сдѣлалъ. Коменіусъ писалъ, что онъ не знаетъ ни одного человѣка, обладающаго такими обширными познаніями, какъ Гартлибъ.

Первымъ самостоятельнымъ трудомъ Гартлиба былъ написанный въ октябрѣ 1641 года въ формѣ утонія трактатъ объ экономическихъ и политическихъ задачахъ государства. Этотъ трактатъ носитъ заглавіе: «Описаніе знаменитаго царства Макаріи, имѣющаго отличное правительство, гдѣ всѣ жители благоденствуютъ, пользуются счастьемъ и здоровьемъ, гдѣ королю повинуются, дворянамъ оказываютъ почтеніе, а всѣмъ хорошимъ людямъ уваженіе и т. д., и т. д. Разговоръ ученаго съ путешественникомъ» ¹⁾. Сочиненіе посвящено парламенту, и Гартлибъ замѣчаетъ, что онъ излагаетъ свои идеи «въ видѣ разсказа, потому что такая форма удобнѣе. При изложеніи я ставилъ себя образцомъ сэра Томаса Мора и лорда Френсиса Вакона». Однако, «Макарія» (это греческое слово, означающее «жилище блаженства») заключаетъ въ себя только мысли, которыя немедленно могутъ быть осуществлены. Въ ней описывается не новый общественный строй, а учрежденія и законы, изложенные въ настолько

¹⁾ A description of the famous Kingdom of Macaria etc. London, 1641. (Напечатано въ I т. „Harleian Miscellanies“, стр. 580 и сл.).

общих чертахъ, что ихъ легко можно было бы перенести въ дѣйствительную жизнь. Ихъ можно резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ: государство наблюдаетъ за производствомъ и всячески способствуетъ его развитію. Съ правомъ владѣть собственностью связаны извѣстные обязательства, невыполненіе которыхъ влечетъ за собою переходъ собственности въ руки общества. Правительство «Макариі» состоитъ изъ пяти многочисленныхъ департаментовъ („councils of state“), въ которыхъ принимаютъ участіе самые свѣдущіе граждане. Одинъ изъ департаментовъ завѣдуетъ земледѣліемъ, второй рыболовствомъ, третій торговлей и промышленностью на сушѣ, четвертый морской торговлей, пятый колоніями. Само собою разумѣется, эти департаменты превосходно выполняютъ свои задачи. Они всюду содѣйствуютъ прогрессу и улучшениямъ, благодаря чему въ Макариі царитъ благосостояніе, науки процвѣтаютъ, бѣдняки пользуются нужной имъ поддержкой и т. д., и т. д. Было бы совершенно излишнимъ входить здѣсь въ подробности, ибо вся суть въ основной мысли: государство должно быть учрежденіемъ вѣдающимъ хозяйство страны; съ этой мыслью Гартлибъ носился всю жизнь. Почти до конца жизни онъ постоянно упоминаетъ въ письмахъ Макарію¹⁾. Только у него съ этимъ названіемъ связанъ уже новый проектъ: проектъ союза друзей естественныхъ наукъ, которая тогда въ университетахъ были въ большомъ загонѣ.

Послѣдній проектъ осуществился еще до смерти Гартлиба въ видѣ «Королевскаго Общества». Но осуществить первый Гартлибу не удалось.

Правительственные круги отнеслись отрицательно не только къ самому проекту, но даже къ предложенію Гартлиба сдѣлать небольшой опытъ въ главной отрасли промышленности, въ сельскомъ хозяйствѣ. Опубликовавъ различныя работы объ усовершенствованныхъ способахъ обработки земли, Гартлибъ въ 1651 году издалъ сочиненіе: „An Essay for Advancement of Husbandry-Learning or Propositions for the erecting of a College of Husbandry“ (проектъ усовершенствованія сельскохозяйственныхъ знаній или совѣты для устройства сельскохозяйственнаго колледжа). Соображенія, высказанныя въ этомъ проектѣ Гартлибомъ, безусловно разумны и практичны, и все-таки понадобилось почти двѣсти лѣтъ, прежде чѣмъ этотъ проектъ осуществился въ Англіи. Мы упомянули объ этой статьѣ, потому что ея подзаголовокъ, который повторяется во многихъ другихъ сочиненіяхъ Гартлиба, послужилъ образцомъ для заглавія проекта Джона Беллеса, о которомъ мы будемъ говорить еще ниже. Кстати сказать, статьи и проекты Гартлиба по сельскохозяйственнымъ вопросамъ въ спеціальной литературѣ вызвали очень одобрительные отзывы.

Кромѣ того, Гартлибъ проектировалъ учрежденіе государственной справочной конторы для товарнаго обмѣна, для доставленія должностей, служащихъ и т. д. Въ этой конторѣ должны были храниться списки и реестры всѣхъ товаровъ, должностей, лицъ и т. д. Изъ нея всѣмъ должны были выдаваться справки, богатымъ за одинъ или за два пенса, «бѣдные же должны получать все безвозмездно». Далѣе Гартлибъ въ своихъ сочиненіяхъ настаивалъ на томъ, чтобы всѣ изобрѣтенія опубликовывались для всеобщаго свѣдѣнія, и

¹⁾ Въ 1659 году его постигло большое огорченіе: кто-то, пользуясь его именемъ, выпустилъ громоздкую и нелѣпую народію на Макарію, подъ заглавіемъ: „Ольбіа“ (счастливая), и нѣкоторые друзья Гартлиба поддались этой мистификаціи.

самъ показали примѣръ этого. Въ концѣ концовъ онъ сочинилъ еще проектъ сельскаго банка. Всѣ эти проекты носятъ буржуазный характеръ и не всѣ они осуществимы на практикѣ, но за то всѣ проникнуты мыслью, что изобрѣтенія, увеличивающія производство, должны улучшить положеніе бѣднѣйшихъ классовъ, и что тамъ, гдѣ отдѣльный человекъ не можетъ достигнуть этой цѣли, должно вмѣшиваться государство.

Однако литература той эпохи не исчерпывается буржуазными проектами социальна-политическихъ реформъ. Теперь мы перейдемъ къ настоящей коммунистической сектѣ «истинныхъ левеллеровъ», какъ называли себя въ революціонномъ задорѣ сторонники этой секты, или «копателей» («Diggers»), какъ называли ихъ народъ и современные имъ лѣтописцы.

Въ воскресенье 8 апрѣля 1649 года, когда Лилльбурнъ и другіе вожди левеллеровъ уже снова сидѣли въ Тоузрѣ, вдругъ, въ графствѣ Суррей, вблизи Кобгема, въ четырехъ или пяти миляхъ къ юго-западу отъ Лондона, появилась толпа вооруженныхъ лопатами людей, которые начали перекапывать необработанную землю на одномъ изъ холмовъ той мѣстности Сен-Джорджъ-Гилль, съ цѣлью посѣять на этой землѣ хлѣбъ и овощи. Теперь насъ еще мало, говорили они окрестнымъ жителямъ, но вскорѣ насъ будетъ до четырехъ тысячъ. Они хотѣли показать всѣмъ людямъ, что такое истинная общность имущества и какъ ея достигнуть, и доказать, «что безусловно справедливо, чтобы трудящійся народъ пахалъ и засаживалъ общественную землю и чтобы онъ жилъ на ней, не нанимая ея ни у кого и не уплачивая никому арендной платы». Они проработали цѣлую недѣлю, разбили палатки, приготовили я на другомъ холмѣ землю для посѣва зерна; но къ срединѣ второй недѣли появились два отряда кавалеріи, которая отчасти разогнала, отчасти арестовала ихъ. Число ихъ къ тому времени уже значительно увеличилось. Предводителей ихъ: Вильяма Эверарда и Джерарда Винстэйли, отвели къ генералу Фэрфаксу. Эверардъ, исключенный изъ арміи за излишній радикализмъ или добровольно покинувшій ее левеллеръ, объявилъ Фэрфаксу, что онъ, какъ и большинство людей называемыхъ англо-саксами, принадлежитъ къ іудейскому племени ¹⁾. Вольности народа, говорилъ Эверардъ, были потеряны, благодаря порабощенію его Вильгельмомъ Завоевателемъ. Съ тѣхъ поръ народъ Божій подъ такимъ гнетомъ и подъ такой тираніей, какой предки его не испытывали даже въ Египтѣ. Но теперь настало время освобожденія. Господь избавитъ свой народъ отъ рабства и возвратитъ ему его права на пользованіе плодами и всѣми благами земли. Самъ Эверардъ имѣлъ недавно видѣніе и слышалъ голосъ, повелѣвшій ему: «встань, копай, паши землю и пользуйся полученными такимъ образомъ плодами»; мы стремимся, продолжалъ Эверардъ, вернуть міръ къ его прежнему состоянію. Подобно тому какъ Богъ обѣщаль сдѣлать бесплодную землю плодородною, такъ и они цѣлью своей дѣятельности считаютъ возстановленіе древней общности пользованія плодами земли. У нихъ нѣтъ намѣренія завладѣть насильственнымъ образомъ чьей-либо собственностью или разрушать изгороди и заборы; они

¹⁾ Это конечно слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что они принадлежатъ къ народу Божію, т. е. являются преемниками іудейскаго царствія Божія. Подобныя выраженія были очень въ ходу у религиозно-коммунистическихъ сектантовъ 16 и 17 столѣтій. Мюнстерскіе анабаптисты также называли себя израильянами.

желаютъ только занять общинныя необработанныя земли и сдѣлать ихъ для общаго блага плодородными. Тѣ, которые захотятъ примкнуть къ нимъ и трудиться вмѣстѣ съ ними, получать пищу, одежду и все, что нужно человѣку. На теперешнихъ землевладѣльцевъ («Freeholder») они смотрятъ какъ на своихъ старшихъ братьевъ, уже раньше получившихъ свою долю изъ наслѣдства. Они смотрятъ на нихъ такъ даже въ томъ случаѣ, когда имущество ихъ приобрѣтены несправедливостью, насиліемъ или при помощи другихъ дурныхъ средствъ. Однако, хотя они и считаютъ себя младшими братьями, но не понимаютъ, почему они должны быть лишены своего наслѣдія и должны терпѣть голодъ въ то время, какъ большіе участки общественной земли остаются необработанными. Вскорѣ наступитъ время, когда въ ихъ союзъ войдутъ всѣ бѣдняки, всѣ безработные и угнетенные люди, которые превратятся тогда изъ безпокойныхъ бродягъ въ полезныхъ членовъ общества. Да, дѣло дойдетъ до того, что даже теперешніе свободные землевладѣльцы, продолжающіе угнетать народъ подобно норманамъ, снесутъ свои изгороди, откажутся отъ собственности на землю, примкнуть къ новому союзу, положить такимъ образомъ конецъ всякой тираніи, рабству и водворятъ царствіе Божіе на землѣ.

Эверардъ, впрочемъ, объявилъ, что они не будутъ оказывать вооруженнаго сопротивленія, но подчинятся властямъ и будутъ ждать пока наступитъ ихъ время, которое уже близко. Въ шатрахъ, говорилъ Эверардъ, они живутъ потому, что какъ жили ихъ праотцы.

«Они стояли передъ генераломъ съ покрытой головой, и на вопросъ— почему они это дѣлаютъ—отвѣтили: потому что онъ такой же человѣкъ какъ мы; тогда ихъ спросили: какое же значеніе имѣетъ изреченіе: «ему же честь, честь», а они отвѣтили: «да замолкнуть ваши уста, задающія такіе вопросы»¹⁾.

Состоявшее изъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ округа жюри приговорило ихъ къ чрезвычайно высокимъ, для того времени, денежнымъ штрафамъ; а такъ какъ они не были въ состояніи уплатить ихъ, то у нихъ конфисковали все имущество. Однако левеллеры не отказались отъ своего дѣла. Они все снова пытались провести свои идеи на практикѣ, и все снова власти разгоняли ихъ силою. Они издавали памфлеты въ защиту своихъ идей и протестовали въ нихъ противъ предпринимаемыхъ по отношенію къ нимъ мѣръ. Эти памфлеты, о которыхъ до сихъ поръ въ историческихъ сочиненіяхъ совсѣмъ почти не упоминалось, носятъ нѣсколько мистическій оттѣнокъ, но мистическій налетъ настолько поверхностенъ, что не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ служилъ только для прикрытія истинныхъ революціонныхъ цѣлей движенія.

Примѣромъ можетъ служить памфлетъ, посящій заглавіе: «Водруженіе знамени истинныхъ левеллеровъ или государство коммунизма, изъясненное и предложенное сынамъ человѣческимъ Вильямомъ Эверардомъ, Джерардомъ Винстэнли и т. д. (затѣмъ слѣдуетъ еще 13 именъ), начавшихъ засѣвать и уваживать безплодную землю на Сень-Джорджъ-Гиллѣ въ приходѣ Вальтонъ въ графствѣ Суррей; Лондонъ 1649 годъ». Памфлетъ начинается фразой, уже сильно напоминающей XVIII столѣтіе: «въ началѣ великій творецъ разумъ («the great creator reason») создалъ землю, какъ общее достояніе всѣхъ людей;

¹⁾ Сообщено между прочимъ въ „Memorials of the English Affairs from the reign of Charles I to the restoration“, стр. 384—В. Whitlocke'a.

лишь благодаря насилію на землѣ появилось рабство и угнетеніе. Это насиліе явилось въ лицѣ Адама, отца первороднаго грѣха. Толкуя библейскую исторію въ крайне раціоналистическомъ, но и популярномъ духѣ, авторы пишутъ: «Но это возникновеніе рабства носитъ названіе А-дамъ, ибо власть произвольно управлять людьми и распоряжаться ими была плотиной (по-англійски a-dam) противъ духа свободы и мира». Снова повторяется рассказъ о видѣніи Эверарда; но слова, влагаемая въ уста видѣнію, показываютъ, что цѣли его были чисто мірскія. «Трудитесь совмѣстно, ѣшьте совмѣстно свой хлѣбъ и возвѣстите объ этомъ всему міру», говорило видѣніе. «Израиль не долженъ ни принимать арендной платы, ни уплачивать ее самъ»¹⁾. Видѣніе однако на этотъ разъ не ограничивается запрещеніемъ взимать арендную плату. «На томъ, продолжаетъ видѣніе, кто будетъ обрабатывать землю для одного или для нѣсколькихъ лицъ, поставленныхъ, чтобы повелѣвать людьми, и на томъ, кто не будетъ считать себя равнымъ всѣмъ другимъ людямъ въ мірѣ, будетъ рука Господня. Я Господь, говорю это, и слово мое сбудется» (стр. 18). Ясно уже нельзя призывать къ мятежу противъ замлевладѣльцевъ или, пожалуй вѣрнѣе, къ стачкѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Ясно также, что гнѣвъ Божій, угрожающій нарушителямъ стачки, проявился бы въ видѣ воздѣйствія со стороны «народа Божія».

Однако ожиданія «истинныхъ левеллеровъ» не оправдались. Имъ не удалось даже привлечь столько сотенъ приверженцевъ, сколько тысячъ они надѣялись привлечь. Уже послѣ подавленія ихъ первой попытки вызвать движеніе среди сельско-хозяйственныхъ рабочихъ своеобразной «пропагандой дѣйствіемъ» ихъ судьба была рѣшена. Настоящія голодные ренты установились только послѣ реставраціи, да и наемная плата сельско-хозяйственныхъ рабочихъ еще не достигла такого низкаго уровня, до какого она упала впоследствии, при реставраціи. Кромѣ того, самые энергичные элементы крестьянства находились въ арміи, а тамъ, между тѣмъ, левеллерамъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

Несмотря на это, они еще нѣсколько разъ возобновляли свою попытку, но, конечно, безуспѣшно. Послѣднее усиліе въ этомъ направленіи было, повидимому, сдѣлано въ 1653 году. Въ собраніи государственныхъ актовъ, издаваемыхъ подъ заглавіемъ «Calendar of State Papers», въ XIII томѣ имѣется письмо Джерарда, Випстэнли и Джона Пальмера, написанное отъ имени ихъ товарищей и адресованное государственному совѣту республики. Въ этомъ письмѣ они протестуютъ противъ сдѣланнаго нѣкимъ священникомъ Платтомъ и другими лицами доноса.

«Будто мы, называемые «копателями», безпокойные насильники, не желаемъ подчиняться приговору судей, будто мы овладѣли какимъ-то домономъ и поставили въ немъ четыре орудія, будто мы кавалеры (т. е. роялисты) и ждемъ только случая, чтобы вернуть принца (Карла II)».

«Государственный совѣтъ, говорится далѣе въ письмѣ, послалъ вслѣдствіе этого доноса солдатъ, чтобы разогнать насъ, копателей; но это дурно, потому

¹⁾ По поводу этого небеснаго манифеста, („No-rent“ Manifest), запрещающаго взиманіе арендной платы, не лишнее будетъ напомнить сказанное нами выше о повышеніи арендной платы въ XVII столѣтіи, а затѣмъ тотъ фактъ, что 1648—49 годы были голодными годами.

что мы, подписавшіеся, миролюбивые люди, не сопротивляющіеся своимъ врагамъ, но просящіе Бога смягчить ихъ сердца. Мы хотимъ побѣдить своихъ враговъ любовью».

Очень интересно продолженіе письма.

«Мы падемъ и копаемъ для того, чтобы вынужденные нищенствовать бѣдняки могли сносно существовать. И мы думаемъ, что имѣемъ право на это въ силу побѣды надъ покойнымъ королемъ, который пользовался унаслѣдованнымъ отъ Вильгельма-Завоевателя правомъ на землю... Но если должно быть сохранено нормандское насиліе, то мы, держа сторону парламента, многое потеряли.

«Мы примкнули къ парламенту, рассчитывая на его обѣщаніе, что земля будетъ свободна, и мы требуемъ признанія за нами права пользоваться общественной, купленной цѣною нашихъ денегъ и крови, землей. Мы требуемъ этого во имя равенства. Парламентъ и армія объявили, что они заботятся обо всей націи. Вы, дворяне, имѣете право на свою огороженную землю. Мы требуемъ права на земли общественныя.

«Годная для обработки земля имѣется въ достаточномъ количествѣ и даже въ избыткѣ. Мы требуемъ только права трудиться и пользоваться плодами своихъ трудовъ. Если намъ въ этомъ откажутъ, то намъ придется собирать для бѣдныхъ у васъ же. Но есть много гордыхъ и горячихъ людей, которые предпочтутъ грабить и красть, чтобы не принимать милостыни; иные стыдятся просить милостыню. Если же намъ дали бы землю, то не было бы ни бездѣльниковъ, ни нищихъ.

«Тогда Англія могла бы обходиться собственными средствами. Это позоръ для религіи, что земля должна оставаться не обработанною, между тѣмъ какъ многіе умираютъ съ голоду.

«Если вы освободите землю, мы будемъ рады вашему покровительству и покровительству арміи, и охотно подчинимся вамъ».

Однако довольно.

Это письмо въ немногихъ простыхъ словахъ даетъ вѣрную критику англійской революціи съ точки зрѣнія пролетарія той эпохи. Такою именно революція должна была представляться пролетарію, особенно деревенскому. Если бы не свойственный Карлейлю тонъ превосходства, онъ былъ бы совершенно правъ, влагая въ уста левеллеровъ и ихъ приверженцевъ (въ 1649 году) слѣдующія слова: «враги Господни побѣждены, главные преступники наказаны, благочестивая партія одержала побѣду, почему же не наступаетъ тысячелѣтнее царствіе?»

Вопросъ: развѣ крестьяне и рабочіе напрасно жертвовали своей жизнью? былъ вполне естественнымъ и справедливымъ, и не менѣе справедливымъ было приведенное выше замѣчаніе: если нормандское насиліе (т.-е. существующее распредѣленіе собственности) должно быть сохранено, то мы только потеряли, поддерживая парламентъ. Трудящееся сельское населеніе, какъ классъ, благодаря революціи, многое должно было потерять; по крайней мѣрѣ эксплуататоры его были освобождены, эксплуатация усилилась. Но объ этомъ ему въ началѣ борьбы не говорили. Тогда рѣчь шла о прекраснѣйшихъ общихъ принципахъ, о защитѣ «Божескаго права» отъ духовенства, свободы отъ тираніи, о «вѣчной справедливости», какъ выражается прославляющій Кромвеля Карлейль. Развѣ бѣдные сельскіе жители могли знать, что въ XVII вѣкѣ вѣчною справедливостью назы-

валось низверженіе королевскаго абсолютизма и водвореніе абсолютизма собственности!

Приведенное нами письмо является послѣднимъ признакомъ коллективной дѣятельности «истинныхъ левеллеровъ». Ни въ томъ классѣ, интересы котораго они представляли, ни въ общихъ условіяхъ жизни они не нашли элементовъ, необходимыхъ для осуществленія ихъ желаній. Тѣмъ изъ нихъ, которые не желали отказаться отъ дѣятельности, направленной къ улучшенію общественнаго строя, оставалось только примкнуть къ другимъ родственнымъ движеніямъ, имѣвшимъ въ то время большой успѣхъ. Ниже мы увидимъ, что многіе такъ именно и поступили.

Еще прежде чѣмъ «копатели» отказались отъ своей оригинальной агитаціи, ихъ духовный вождь, Джерардъ Винстэнли, опубликовалъ сочиненіе, въ которомъ съ полною ясностью излагаются истинные принципы и конечныя цѣли начатой имъ агитаціи. Это послѣднее самостоятельное сочиненіе истинныхъ левеллеровъ является въ то же время самымъ замѣчательнымъ и самымъ интереснымъ для исторіи социализма. Въ немъ нѣтъ мистицизма, нѣтъ викакихъ иносказаній — ясными точными словами авторъ излагаетъ цѣлую систему социалистическаго общественнаго строя, утопію, несомнѣнно возникшую подъ влияніемъ утопіи Мора, но тѣмъ не менѣе заслуживающую подробнаго разсмотрѣнія, такъ какъ она явилась продуктомъ и выраженіемъ пропаганды, которая велась въ пролетарскихъ кругахъ, и такъ какъ въ ней ясно обнаружались демократически-революціонныя тенденціи ¹⁾.

¹⁾ Когда я кончилъ эту главу, появился второй томъ „Clarke Papers“ (Ср. примѣч. на стр. 114), въ которомъ между прочимъ имѣются кое-какія свѣдѣнія объ истинныхъ левеллерахъ. Цитированное выше письмо Винстэнли къ государственному совѣту помѣчено тамъ восьмымъ декабря 1649 года. Такимъ образомъ, наше предположеніе, основанное на датахъ, приведенныхъ въ „Cal. of State Papers“, будто копатели продолжали свои попытки до 1653 года, теряетъ всякое значеніе. Событіе, о которомъ говорить письмо Винстэнли, какъ явствуетъ изъ другого письма копателей, приведеннаго въ „Clarke Papers“ (II т. стр. 215—217), разыгралось 28-го ноября 1649 года.

Замѣчательна въ послѣднемъ письмѣ жалоба подписавшихся, что лэндлорды, по требованію которыхъ солдаты республики сломали домъ копателей, роялисты. „Если вы изслѣдуете дѣло, говорится въ письмѣ, то вы найдете, что господа, вытребовавшіе солдатъ, ваши враги. Ибо нѣкоторые изъ ихъ главарей принимали участіе въ Кентскомъ возстаніи противъ парламента (см. стр. 117)“. Подписавшіеся, въ числѣ семи человекъ, просятъ отъ имени своихъ товарищей привлечь къ отвѣтственности солдатъ „для того, чтобы страна узнала, что вы не принимали участія въ такомъ жестокомъ и несправедливомъ дѣланіи“. Надо однако думать, что государственному совѣту было гораздо интереснѣе играть роль защитника собственности буржуазныхъ классовъ.

Въ томъ же томѣ, въ которомъ мы нашли это письмо, имѣется также (стр. 221 и сл.) „пѣсня копателей“, найденная въ манускриптахъ Кларка. Мы не можемъ не привести здѣсь по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ стиховъ этой пѣсни коммунистовъ, которую они пѣли вѣроятно на какой-нибудь народный мотивъ.

„You noble Diggers all, stand up now, stand up now,
You noble Diggers all, stand up now;
The waste Land to maintain, seing Cavaliers by name
Your digging does disdaine, and persons all defame
Stand up now, stand up now“.

(Благородные копатели, всѣ подымитесь теперь, подымитесь теперь, благородные копатели, всѣ подымитесь теперь; чтобы удержать въ своихъ рукахъ обширную землю,

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Коммунистическая утопія Джерарда Винстэнли.

Когда истинные левеллеры начали свою агитацію при помощи кирокъ и лопать, ихъ главнымъ предводителемъ былъ, повидимому, Вильямъ Эверардъ. Хотя Винстэнли всегда фигурировалъ на ряду съ нимъ. Винстэнли написали нѣсколько памфлетовъ и, между прочимъ, утопію «истинныхъ левеллеровъ». Она носитъ заглавіе: «Законъ свободы, изложенный въ видѣ программы» или «Возстановленіе истинной системы правленія» (The Law of Freedom in a Platform of True Magistracy Restored, London, 1651—52. Giles Calvert), и въ ней различается различіе между королевскимъ и республиканскимъ («common-wealth») правительствомъ. «Почтительнѣйше посвящено Оливеру Кромвелю... а также всѣмъ англичанамъ, которые всѣ мои братья, все равно, при-

господа кавалеры по имени презируютъ ваше копанье, а людей безчестятъ. Подымайтесь, подымайтесь!»

Затѣмъ пробираются поочередно аристократія, джентри, адвокаты и священники:

„With spades and hoes, and plowes, stand up now etc.

Your Freedom to uphold, seing Cavaliers are bold

To kill you if they could and rights from you to hold.

Stand up now diggers all“.

(Подымитесь съ лопатами, мотыгами и плугами, поддержать свою свободу. Господа кавалеры довольно смѣлы, чтобы перебить васъ, если въ силахъ, и отнять ваши права. Подымитесь всѣ копатели!)

Кавалеры разрушаютъ дома и приводятъ въ трепеть бѣдныхъ людей, но „джентри придется опуститься пониже, и бѣдные люди будутъ носить вѣнецъ“. Произволь кавалеры считаютъ закономъ, они не боятся заставлять бѣдныхъ людей умирать съ голоду. А буржуазія

„The gentry is all round, on each side they are found

Their wisdom is so profound to cheat us from our ground“.

(Дворянство вездѣ кругомъ, они поддержаны со всѣхъ сторонъ, ихъ мудрость достаточно глубока, чтобы обманомъ согнать насъ съ нашей земли).

Адвокаты соединяются съ ними: даютъ совѣты, какимъ образомъ можно арестовать бѣдныхъ, выдумываютъ всевозможныя безчинства — „the devil in them lies“. Священники не отстаютъ:

„The Clergy they come in, and say if is a sin

That we should now begin, our freedom for to win“.

(Духовенство тоже является и говорить, что грѣхъ то, что мы начинаемъ, — добыванье себѣ свободы).

Они требуютъ десятины, а адвокаты требуютъ уплаты судебныхъ издержекъ, поэтому и тѣ и другіе считаютъ обращеніе бѣдныхъ въ рабство справедливымъ. Поэтому же въ слѣдующемъ стихѣ говорится: „’gainst lawyers and ’gainst priests“, ибо они тираны, дерзко нарушающіе свою клятву. Они тоже только благодаря силѣ властвуютъ надъ бѣдняками. Но они не могутъ сослаться ни на какое виднѣе, которое велѣло бы имъ сохранять такой законъ

Въ предпоследнемъ стихѣ заключаются новыя нападки на кавалеровъ, даже не скрывающихъ своей враждебности народу: „by verses not en prose to please the singing

надлежать ли они къ церкви или нѣтъ, и еще всѣмъ націямъ міра. Джерардъ Винстэнли».

Поставленные въ видѣ эпитафіи стихи призываютъ къ скорому осуществленію принциповъ новаго ученія.

«О, Англія, ты видишь, какъ возникаетъ въ тебѣ окруженное сіяніемъ новое ученіе. Проведи его въ жизнь — и ты достигнешь вѣнца. Если ты откажешься это сдѣлать и будешь упорствовать въ своей надменной жестокости, то другая страна приметъ это ученіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишитъ тебя вѣнца».

Самое сочиненіе начинается предисловіемъ — обращеніемъ къ Кромвелю. Играющему теперь уже первую роль въ государствѣ Кромвелю настоятельно совѣтуется измѣнить не только названія, но и сущность учреждений. Далѣе говорится, что онъ удостоился высокой чести быть вождемъ народа, изгнавшаго фараона. Но власть, которую представлялъ послѣдній и которую онъ пользовался, еще не уничтожена. Еще земля и свобода не сдѣлались достояніемъ тѣхъ, кто жертвовалъ ради нихъ жизнью. Не Кромвель, какъ отдѣльное лицо, не онъ и его офицеры, побѣдили короля; они сдѣлали это только при помощи простыхъ людей, которые помогали имъ, либо непосредственно принимая участіе

boyes“ (роялисты въ самомъ дѣлѣ наводнили страну пѣснями и стихотвореніями). Въ послѣднемъ же стихѣ провозглашается мирный законный путь:

„To conquer them by lowe, come in now, come in now.
To conquer them by lowe, come in now;
To conquer them by lowe as it does you behove
For he is king above, no power is like to love,
Glory hear Diggers all“.

(Покорить ихъ любовью, вступайте, вступайте теперь (въ союзъ). Покорить ихъ любовью вступайте теперь. Покорить ихъ любовью, какъ и надлежитъ вамъ, ибо онъ король вверху: нѣтъ силы равной любви, внемлите славу копателей).

Въ этой пѣснѣ интересна только тенденція, но зато другая коммунистическая пѣсня того времени дышетъ истинной поэзіей. Я приведу здѣсь лишь три строфы изъ нея:

„Долго бѣдники терпѣли ужасную несправедливость своихъ богатыхъ соотечественниковъ, и духовенство при этомъ богато; это былъ страшный позоръ. Но скоро всѣмъ придется примириться съ равенствомъ. Водворится общественный порядокъ, при которомъ горы и долины сравняются.

„Близокъ тотъ часъ, когда тьма въ умахъ разсѣется, и тогда навѣки водворится коммунизмъ. Малые и великіе будутъ объединены взаимною любовью, исчезнетъ поклоненіе людямъ, и почести будутъ раздаваться лишь одному отцу небесному.

„Славное время, которое я предсказываю, принесетъ намъ несказанное благоденствіе. Хлѣбъ будетъ расти для насъ, цвѣты будутъ насъ привѣтствовать, а наши амбары будутъ полны. Птицы будутъ пѣть радостныя пѣсни, каждое растеніе будетъ приносить больше плодовъ, и тогда мы съ пѣснями возблагодаримъ царя нашего Бога, осыпающаго насъ своими дарами“.

И позаимствовалъ эту пѣсню изъ „A Mite cast into the common Treasury or Queries propounded (for all men to consider of) by him who desireth to advance the work of public community“.

Авторъ этого сочиненія, вышедшаго въ свѣтъ 18-го декабря 1649 года, подписался Робертомъ Костеромъ. Поднимаемые имъ вопросы совсѣмъ въ духѣ копателей и формулированы очень искусно. Сначала ставится вопросъ не восхваляютъ ли нѣкоторыя мѣста въ библіи общность имущества и не осуждаютъ ли они власть человѣка надъ человѣкомъ. Третій вопросъ гласитъ: „развѣ частная собственность вытѣснила коммунизмъ не при помощи убійствъ и кражи, развѣ она существуетъ не благодаря имъ? Развѣ при

въ борьбѣ, либо трудясь дома для содержанія арміи. Слѣдовательно, побѣда должна была бы принести всѣмъ равную долю благъ. Передъ Кромвелемъ два пути. Онъ можетъ вернуть народу землю и, такимъ образомъ, сдѣлаться достойнымъ выпавшей на его долю чести; или же онъ можетъ передать власть въ руки другихъ лицъ, и тогда честь его и мудрость безповоротно погибнуть. Онъ погибнетъ самъ, или проложитъ путь еще большому рабству, чѣмъ то, которое господствовало до тѣхъ поръ.

Послѣ этого почти пророческаго предисловія Винстэнли перечисляетъ бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ народъ. Они заключаются въ слѣдующемъ:

1) Вліяніе духовенства на народъ не прекращается.

2) Многіе священники противники свободы, многіе даже приверженцы монархіи.

3) Десятина все еще взимается и обременяетъ народъ.

4) Судьи творятъ правосудіе, какъ и раньше по своему произволу.

5) Законы остались прежніе, враждебные народу, только названіе королевскій законъ было замѣнено названіемъ: государственный законъ.

6) Хозяйственная неурядица очень велика; въ сельскихъ мѣстностяхъ крупные землевладѣльцы — «Lords of the Manor» — попрежнему угнетаютъ своихъ «братьевъ», они требуютъ отъ послѣднихъ уплаты всевозможныхъ феодальныхъ налоговъ и сгоняютъ ихъ съ общественной земли, когда они отказываются вносить арендную плату. Въ приходдахъ, гдѣ есть общественная земля, богатые землевладѣльцы (какъ принадлежащіе къ стариннымъ нормандскимъ родамъ, такъ и новое дворянство, еще болѣе жадное, чѣмъ первые) выгоняютъ столько скота на общественный выгонъ, что болѣе бѣдные крестьяне и поденщики едва въ состояніи держать одну корову. При оцѣнкѣ имуществъ, предшествовавшей установленію налоговъ, благодаря вліянію аристократовъ, были сдѣланы величайшія злоупотребленія. Въ городахъ народъ страдаетъ отъ слишкомъ высокихъ дорожныхъ пошлинъ, отъ рыночнаго и т. п. сборовъ.

этихъ жестокихъ дѣяніяхъ вышеназванные хищники, крупные землевладѣльцы, адвокаты и священники не играли главной роли? Развѣ они не прикрывали своихъ безстыдныхъ позорныхъ дѣяній фиговыми листочками субботъ, праздничныхъ дней, догматовъ, формулъ и культовъ". Въ четвертомъ вопросѣ, между прочимъ, спрашивается: не самымъ ли важнымъ пунктомъ въ грамотѣ крупныхъ землевладѣльцевъ является ихъ право приказывать тюремщику: „посади его подъ замокъ". Шестой и послѣдній вопросъ гласитъ: „не откроютъ ли безработные и работающіе за плату лазейку для свободы, захвативъ подъ обработку общественную землю". Ответъ очень характеренъ. Если бы они это сдѣлали вмѣсто того, чтобы съ согнутыми колѣнами и шапкою въ рукахъ вымаливать у помѣщиковъ работу, за которую имъ платятъ по 6 и по 10 пенсовъ въ день и которая только даетъ возможность помѣщикамъ эксплуатировать своихъ ближнихъ, то богатые фермеры потеряли бы скоро охоту арендовать всю землю; тогда лорды, разговаривающіе теперь съ фермерами только свысока, быстро утратили бы свою гордость, такъ что даже бѣдные могли бы говорить съ ними. Фермеры арендуютъ такъ много земли только въ расчетѣ на прибыль, какую имъ даетъ трудъ бѣдняковъ, „because poor men are so foolish and slavish as to creep to them for employment although they will not give them wages enough to maintain them and their families comfortably". (Потому что бѣдные настолько глупы и рабски покорны, что ползаютъ у ихъ ногъ ради работы, хотя тѣ не дадутъ имъ заработной платы, достаточной для содержанія себя и своихъ семей прилично).

Повидимому „сумасшедшіе копатели" понимали толкъ въ политической экономіи.

Затѣмъ слѣдуетъ рѣзкая полемика, направленная противъ законности существующей земельной собственности. Особенно любопытны слѣдующія мѣста:

«Но, скажете вы, — развѣ земля не принадлежитъ твоему брату? Ты не можешь уничтожить правъ другого и требовать, чтобы они были переданы тебѣ». На это я отвѣчу: «Земля не принадлежитъ ему ни по праву созданія, ни по праву завоеванія. Если онъ называетъ землю своей, а не моей по праву созданія, то земля можетъ считаться настолько же моей, насколько его, ибо творческой духъ, создавшій насъ обоихъ, не различаетъ лицъ. Если онъ называетъ землю своею по праву завоеванія, то это должно быть или по праву завоеванія королемъ простыхъ людей, или завоеванія простыми людьми короля. Если онъ имѣетъ притязанія на землю на основаніи завоеванія со стороны короля, то, вѣдь, теперь короли побѣждены и изгнаны, а потому такое право завоеванія потеряло свою силу. Если же онъ требуетъ признанія за нимъ права на землю, ссылаясь на побѣду простыхъ людей надъ королемъ, то я имѣю такія же права на землю, какъ и мой братъ, ибо вести войну помогали всѣ». (Стр. 9 и 10).

И вотъ, въ виду бѣдствій народа, онъ, Винстэнли, выработалъ предлагаемый планъ, на основаніи котораго могутъ быть восстановлены справедливые порядки. Первоначально онъ не думалъ опубликовывать его, но въ концѣ концовъ внутренней огонь заставилъ его сдѣлать это. Возможно, что не все предлагаемое имъ вѣрно, но пусть Кромвель поступитъ подобно пчелѣ, высасывающей изъ цвѣтка медъ, но не трогающей всего остального! «Если этотъ планъ грубое, плохо обтесанное бревно, то, вѣдь, опытный рабочій можетъ попытаться сдѣлать изъ него прекрасную постройку».

Кромвель, можетъ быть, спроситъ, какимъ образомъ будутъ существовать священники, собственники и крупные землевладѣльцы, если у однихъ будутъ отняты десятины, а у другихъ обязанные работать на нихъ люди. Но, вѣдь, когда на народъ были наложены десятины и другія тяготы, никто не подумалъ о бѣдности народа. За участь священниковъ и лордовъ, однако, нечего опасаться: въ качествѣ членовъ будущаго свободнаго общества они будутъ имѣть на общественное достояніе такія же права, какъ и ихъ сограждане, и поэтому имъ не придется терпѣть нужду.

Въ будущемъ обществѣ прежде всего должна быть уничтожена торговля, купля и продажа. Винстэнли довольно остроумно называетъ возникновеніе торговли грѣхонаденіемъ чловѣчества.

«Развѣ купля и продажа не добропорядочный законъ (слово законъ употребляется здѣсь въ смыслѣ учрежденія)?—спрашиваетъ Винстэнли; и отвѣчаетъ: «Нѣтъ, это законъ завоевателя, а не справедливый естественный законъ. Можетъ ли быть справедливымъ или добропорядочнымъ то, что называется мошенничествомъ («a cheat»)? Развѣ у насъ не вошло въ обычай, что люди, имѣя плохую корову, негодную лошадь или, вообще, какой-либо плохой товаръ, посылаютъ ихъ на рынокъ, чтобы обмануть какого-нибудь добродушнаго простака, а потомъ, сидя дома, радуются, что имъ удалось нанести ущербъ своему ближнему. Когда чловѣчество начало покупать и продавать, оно утратило свою невинность, ибо тогда же люди начали угнетать другъ друга и, путемъ обмана, лишать одинъ другого естественныхъ правъ. Такъ, наприимѣръ, если земля принадлежитъ тремъ лицамъ и двое изъ нихъ покупаютъ и продаютъ землю, не

спрашивая согласія третьяго, то послѣдній тѣмъ самымъ лишенъ своего права на землю, и потомство его вовлекается въ войну».

Теперь опять казенныя и церковныя земли, къ великому соблазну бѣдныхъ людей, продаются жаднымъ на землю офицерамъ арміи и всевозможнымъ спекулянтамъ. «Эта купля и продажа вызывала поэтому, и теперь еще вызываетъ недовольство и войны, причиняющія много страданій человѣчеству. И народы земли никогда не научатся перековать свои мечи въ плуги и свои копыя въ садовые ножи, не сумѣютъ избавиться отъ войнъ, пока они не уничтожатъ мошенническаго изобрѣтенія купли и продажи, вмѣстѣ съ обломками королевской власти» (стр. 12).

Затѣмъ Винстэнли подробно разсматриваетъ вопросы, связанные съ осуществленіемъ его плана будущаго строя: «Но можетъ быть, — спрашиваетъ онъ прежде всего, — нужно, чтобы одинъ человѣкъ былъ богаче другого? Нѣтъ, въ этомъ нѣтъ никакой надобности, — отвѣчаетъ онъ. — Ибо богатство дѣлаетъ людей гордыми, надменными, заставляетъ ихъ угнетать своихъ братьевъ и служить причиною войнъ». Винстэнли доказываетъ, приближаясь, такимъ образомъ, къ ученію новѣйшаго социализма, что богатство невозможно безъ эксплуатаціи. «Никто не можетъ быть богатымъ иначе, какъ благодаря своему собственному труду или труду другихъ людей, помогающихъ ему. Если бы ближніе не помогали человѣку, онъ не былъ бы въ состояніи получать ежегодно сотни и тысячи фунтовъ стерлинговъ дохода. Но если ему помогаютъ другіе, то достигнутыя блага принадлежать настолько же его сосѣдямъ, насколько ему, ибо они являются плодомъ трудовъ другихъ настолько же, насколько и плодами его труда... Но всѣ богачи живутъ въ довольствѣ, питаются и одѣваются не собственнымъ трудомъ, а благодаря труду другихъ. И это вовсе не честь, а позоръ. Ибо лучше давать, чѣмъ получать. Богачи же получаютъ все, что они имѣютъ, изъ рукъ рабочихъ. Когда они дарятъ что-нибудь, они дарятъ продуктъ труда другихъ, а не своего собственного труда».

Но въ смыслѣ почестей и титуловъ неравенство можетъ быть сохранено. «Смотря по занимаемой имъ должности, каждый можетъ достигать все болѣе и болѣе высокихъ почетныхъ титуловъ, вплоть до достиженія наивысшей чести: быть вѣрнымъ слугою республики въ парламентѣ. Каждый, открывшій какую-либо тайну природы, какъ бы молодъ онъ ни былъ, долженъ также получить почетный титулъ. Но никто не долженъ получать почетнаго титула иначе, какъ за свои заслуги, за возрастъ или за исправляемую имъ должность. Человѣкъ, достигшаго шестидесятилѣтняго возраста, остальные, болѣе молодые люди, должны почитать, какъ будетъ показано ниже».

«Долженъ ли человѣкъ смотрѣть на домъ своего ближняго, какъ на свой собственный домъ, долженъ ли онъ жить въ немъ вмѣстѣ съ ближнимъ, составляя какъ бы одну семью?» спрашиваетъ далѣе авторъ.

«Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, хотя вся земля и всѣ запасы принадлежатъ обща всѣмъ семьямъ; каждая семья, какъ и теперь, должна жить отдѣльно, и домъ, жена, дѣти, вся утварь украшающая домъ, все, что человѣкъ беретъ изъ запасовъ для удовлетворенія потребностей своей семьи, составляетъ собственность этой семьи и предназначено для того, чтобы она мирно пользовалась имъ». Всякій нарушившій это правило, долженъ быть наказанъ «какъ врагъ общества».

Будутъ ли существовать адвокаты? ¹⁾ «Нѣтъ», гласить отвѣтъ, и въ поясненіе добавляется: «нѣтъ больше купли и продажи». Законъ самъ долженъ служить адвокатомъ и долженъ быть изложенъ настолько ясно, чтобы не нуждаться ни въ какихъ толкованіяхъ. «Въ свободномъ обществѣ не должны царить вѣчно возбуждающіе вражду Симеонъ и Леви».

Этимъ исчерпывается предисловіе. Первую главу трактата составляетъ изслѣдованіе о томъ, въ чемъ заключается истинная свобода. Она не состоитъ, какъ думаютъ иные, въ свободѣ торговли, ибо — «это свобода, только пока господствуетъ законъ завоевателя». Не заключается она также въ свободѣ культа, ибо «это — неопредѣленная свобода», ни въ свободѣ вести общность женъ, ни въ возможности, чтобы старшій братъ завладѣлъ имѣніемъ, а младшій служилъ ему. «Все это — вольности, ведущія къ рабству, но не истинная принципиальная свобода, обезпечивающая республиканскому государству миръ. Истинная республиканская свобода заключается въ свободномъ пользованіи землей. Истинная свобода царитъ тамъ, гдѣ человѣкъ получаетъ пищу и все, что нужно для его содержанія. Человѣку легче не имѣть тѣла, чѣмъ не имѣть пищи для поддержанія послѣдняго. Поэтому отнятіе земли у одного брата въ пользу другого ведетъ къ угнетенію и рабству.

«Я говорю здѣсь объ угнетателяхъ и объ угнетаемыхъ, о внутреннемъ рабствѣ я не говорю. Хотя я увѣренъ что, при тщательномъ изслѣдованіи, оказалось бы, что внутреннее рабство — жадность, гордость, лицемеріе, зависть, заботы, страхъ, отчаяніе и безуміе вызываются внѣшнимъ рабствомъ, являются послѣдствіемъ того, что одинъ классъ людей угнетаетъ другіе классы!»

Винстэнли снова возвращается къ покорителямъ Англіи, норманнамъ, къ законамъ, которые они ввели, и къ духовенству, защищающему послѣдніе. «Священники, пишетъ Винстэнли, убѣдили народъ предоставить Вильгельму Завоевателю право собственности на землю и власть надъ нею. Они убѣдили народъ не возставать противъ него и позволить ему называть землю своею. Кромѣ того, священники постоянно ведутъ борьбу съ простымъ народомъ и примиряются съ нимъ лишь тогда, когда имъ настолько удастся затемнить его разсудокъ, что онъ вѣритъ всякому ученію и ни о чемъ не размышляетъ, повинувшись ихъ изреченію: «ученіе вѣры не должно испытывать разумомъ». Конечно, если бы кто-нибудь вздумалъ испытать ученіе вѣры разумомъ, то оказалось бы, что священники — слуги несправедливости, и тогда они лишились бы своей десятины. — Неудивительно поэтому, что государственное духовенство Англіи и Шотландіи, состоящее изъ священниковъ, взимающихъ десятину и повелѣвающихъ невѣжественнымъ, обманутымъ народомъ, такъ трогательно было предано своему господину, королю. Ибо, говорятъ священники, если народъ не будетъ работать для насъ, не будетъ платить намъ десятину, если сами мы должны будемъ работать на себя, то наша свобода погибнетъ. Но ихъ слова, — озлобленный крикъ египетскаго поронщика рабовъ, выдающаго въ свободѣ другихъ людей свое собственное рабство».

Когда будетъ выполненъ предложенный авторомъ проектъ, когда каждый свободно будетъ пользоваться землею, тогда «никому не нужно будетъ для под-

¹⁾ Тутъ кстати будетъ вспомнить, что говорилось выше о ненависти къ нимъ.

держанія своей жизни лицемѣрить такъ, какъ теперь лицемѣрить духовенство и другіе...»

«Слава царства Израильскаго заключалась въ томъ, что среди израильтянъ не было нищихъ».

Первая глава кончается ссылкой на коммунистическіи пункты Моисеева законодательства и протестомъ противъ утвержденія, будто въ будущемъ обществѣ должны будутъ парить лѣвость, общность женъ и беззаконіе.

Во второй и третьей главѣ еще разъ болѣе подробно разсматривается вопросъ о сущности правительства вообще и о различіи между «королевскимъ» и «республиканскимъ» («commonwealth») правительствомъ. Мы приведемъ здѣсь лишь нѣкоторыя, наиболѣе характерныя положенія.

«Администрація ¹⁾ возникла первоначально благодаря необходимости сообща поддерживать существованіе, и первые зачатки администраціи появились внутри отдѣльной семьи. Предположимъ, что на свѣтѣ есть только одна семья, состоящая изъ многихъ лицъ, какъ напримѣръ: семья нашего праотца Адама, которая также была якобы ²⁾ единственной на землѣ. Тогда Адамъ былъ первымъ администраторомъ или правителемъ. Онъ дѣлалъ самыя мудрыя распоряженія, онъ былъ самымъ сильнымъ при работѣ; поэтому онъ былъ самымъ подходящимъ для роли главнаго управителя дома. Ибо золотое правило гласитъ: «пусть мудрый помогаетъ простодушному, пусть сильный помогаетъ слабому». Тѣмъ, кто могъ бы возразить, что для Адама не существовало никакого закона, что онъ повелѣвалъ по своему усмотрѣнію, Винстэнли предусмотрительно говоритъ, что въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣлъ законъ необходимости. Этотъ законъ такъ ясно говорилъ въ пользу главенства Адама надъ семьей, что всѣ ея члены охотно подчинились ему.

Необходимость отъ имени дѣтей избрала его правителемъ. Необходимость требуетъ существованія должностныхъ лицъ вообще, но она не требуетъ насильственнаго управленія.

«Въ администраціи истинно республиканскаго государства всѣ должности должны быть выборными».

«Всѣ должностныя лица въ республиканскомъ государствѣ ежегодно должны избираться наново. Если чиновники долго будутъ занимать одну и ту же должность, они испортятся. Высшія должности въ государствѣ и въ арміи измѣнили характеръ многихъ благородныхъ («sweet-spirited») людей исправлявшихъ ихъ. Природа учитъ насъ, что вода портится, когда долго стоитъ, между тѣмъ какъ проточная вода сохраняетъ свѣжесть и пригодна для всеобщаго употребленія.

Съ четвертой главы начинается собственно разсказъ о томъ, какъ должно быть устроено настоящее общество. Уже изъ заглавія книги явствуетъ, что проектъ изложенъ въ формѣ программы, или, выражаясь современнымъ языкомъ, въ формѣ систематически подобранныхъ параграфовъ. Сначала идетъ перечисленіе

¹⁾ „Behördenwesen“ переводить авторъ англійское слово „magistracy“, которое Винстэнли употребляетъ, повидимому, намѣренно, чтобы не говорить „government“ — правительство.

²⁾ „As is conceived“ — сказано въ оригиналѣ. Это „якобы“ чрезвычайно характерно.

различныхъ должностей, затѣмъ описываются обязанности и роль каждой категоріи должностныхъ лицъ, и къ этому описанію уже присоединяется характеристика общественныхъ учреждений. Въ пятой главѣ излагаются только методы обученія въ школахъ и въ ремеслѣ. Въ шестой—приводятся нѣкоторые спеціальныя законы истинной республики въ противоположность королевскимъ законамъ. Мы постараемся передать сущность утопіи по возможности короче.

Производство въ новомъ обществѣ носитъ еще характеръ мелкаго производства, т.-е. того, которое господствовало въ современномъ автору обществѣ. Каждому предоставляется по желанію работать у себя на дому, но въ то же время общество содержитъ общественныя мастерскія, гдѣ получаютъ также техническую подготовку мальчики, которые не желаютъ обучаться ремеслу своего отца или какого-нибудь другого мастера въ ихъ собственныхъ мастерскихъ. Обмѣнъ продуктовъ производства наоборотъ носитъ общественный, чисто-коммунистическій характеръ. Каждый членъ общества доставляетъ всѣ свои продукты въ общественный магазинъ («store-house») и беретъ изъ него все, что ему нужно, какъ для личнаго потребленія, такъ и для производства. Есть два рода магазиновъ. Одни для массовыхъ продуктовъ, напримѣръ: зерна, шерсти, и всякаго рода сырья, другіе для различныхъ продуктовъ промышленности. Приемъ готовыхъ продуктовъ въ общественныя магазины и выдача изъ нихъ предметовъ потребленія и матеріаловъ производятся совершенно независимо другъ отъ друга, и при этомъ не дѣлается никакихъ подсчетовъ. Возможность несоотвѣтствія между производствомъ и потребленіемъ предупреждается слѣдующимъ образомъ: предполагается, что каждый работоспособный членъ общества развиваетъ опредѣленное количество труда. Если онъ въ теченіе извѣстнаго промежутка времени работаетъ меньше, чѣмъ слѣдовало бы, то надсмотрщикъ его ремесла келейно напоминаетъ ему объ его обязанности. И лишь въ томъ случаѣ, когда эта мѣра не помогаетъ, общество привлекаетъ его къ отвѣтственности. Въ большинствѣ случаевъ это достигаетъ цѣли. Но если даже это не помогаетъ, на виновнаго налагаются наказанія. Такія же мѣры принимаются, когда кто-нибудь беретъ слишкомъ много для потребленія или портитъ матерьялы, орудія или инструменты. Обученіе всеобщее. Дѣти воспитываются совмѣстно въ общественныхъ школахъ. До сорокалѣтняго возраста каждый человѣкъ обязанъ трудиться. Дѣти всѣ безъ исключенія получаютъ научное и техническое образованіе; но въ обществѣ не должно быть касты чисто книжныхъ ученыхъ, стоящихъ выше своихъ братьевъ. Каждый человѣкъ, достигнувъ сорокалѣтняго возраста, имѣетъ право заниматься чѣмъ ему угодно, какимъ-нибудь ремесломъ, сельскимъ хозяйствомъ, учительствомъ и т. д. или же можетъ предложить себя кандидатомъ въ надсмотрщики и т. п. Приведемъ теперь перечень различныхъ должностей:

1) Въ семьѣ: отецъ.

2) Въ городѣ, мѣстечкѣ или приходѣ: мировой посредникъ и четырехъ родовъ надсмотрщики (ремесленные надсмотрщики, надсмотрщики надъ общественными магазинами, надъ общественнымъ спокойствіемъ и надъ общественной жизнью вообще) солдаты, мастера, пристава.

3) Въ графствахъ: судья, мировые посредники городовъ, надсмотрщики и солдаты, всѣ они вмѣстѣ образуютъ сенатъ или судебную палату графства и засѣдаютъ поочередно въ различныхъ округахъ графства.

4) Для всей страны имѣется общій парламентъ, духовенство («*ministry*») республики, почтмейстеры и армія.

Мужчины, достигшіе шестидесятилѣтняго возраста, тѣмъ самымъ становятся надсмотрщики надъ общественной жизнью (слѣдятъ за соблюденіемъ законовъ и т. д.). Кромѣ нихъ, всѣ должностныя лица, не исключая и солдатъ, выполняющихъ въ мирное время функціи жандармовъ, выбираются ежегодно. Обязанности большинства должностныхъ лицъ и учреждений явствуютъ изъ самихъ ихъ названій и поэтому не требуютъ детальныхъ объясненій. Исключеніе составляютъ почтмейстеры и духовенство республики.

Почтмейстеры завѣдуютъ передачей и сообщеніемъ извѣстій. Они собираютъ повсюду свѣдѣнія о замѣчательныхъ происшествіяхъ (о явленіяхъ природы, изобрѣтеніяхъ, несчастныхъ случаяхъ и т. д.) и отсылаютъ ихъ въ столицу. Тамъ эти свѣдѣнія приводятся въ порядокъ, группируются помѣсячно и печатаются въ видѣ книгъ. Затѣмъ книги рассылаются почтмейстерамъ отдѣльныхъ общинъ страны, которые обязаны сообщать содержаніе книгъ всѣмъ членамъ своей общины. Духовенство республики должно заботиться о соблюденіи еженедѣльнаго отдыха и устраивать въ этотъ день собранія, на которыхъ должны произноситься троякаго рода рѣчи: а) Сообщение содержанія полученныхъ почтмейстерами отчетовъ о различныхъ дѣлахъ страны; б) Чтеніе отдѣльныхъ главъ изъ свода законовъ страны, для того, чтобы граждане не могли забыть ихъ; в) лекціи или статьи по исторіи собственной страны и другихъ странъ, по вопросамъ искусства и науки, по естественной исторіи, о природѣ человѣка и т. д. Но никто при этомъ не долженъ излагать фантастическихъ теорій. Каждый обязанъ передавать лишь то, что онъ узналъ изъ наблюденій или благодаря изученію книгъ. Далѣе лекціи должны читаться не всегда на англійскомъ языкѣ, но иногда также на иностранныхъ языкахъ для того, чтобы граждане англійской республики могли учиться у своихъ сосѣдей и пріобрѣсти любовь и уваженіе послѣднихъ.

Благочестивый, но невѣжественный профессоръ, — говоритъ Винстэнли, — могъ бы возразить, что это «по-истинѣ очень низкое и плотское духовенство. Благодаря ему люди будутъ пріобрѣтать только земныя знанія и знакомства съ тайнами природы, между тѣмъ какъ мы должны стремиться къ духовнымъ и небеснымъ знаніямъ». «На это, — продолжаетъ Винстэнли, — я отвѣчаю: знать тайны природы, это значить знать творенія Божіи; а познавать творенія Божіи — это значить познавать самого Бога: ибо Богъ живетъ въ каждой видимой вещи, въ каждомъ тѣлѣ».

Затѣмъ слѣдуетъ великолѣпная полемика противъ ученія о сверхчувственномъ (Винстэнли называетъ его «*Divining doctrine*» отъ *divinity* — теологія), полемика, которая по своей аргументации и образности принадлежитъ уже почти 19 столѣтію. Съ помощью превосходной діалектики Винстэнли показываетъ противорѣчія въ теоріи и практикѣ спиритуалистическихъ жрецовъ, доказываетъ, что ученіе о сверхчувственномъ отупляюще дѣйствуетъ на людей и во многихъ случаяхъ доводитъ ихъ до безумія. Въ концѣ концовъ онъ прямо заявляетъ:

«Въ-третьихъ это (сверхчувственное) ученіе превращено хитрымъ старшимъ братомъ ¹⁾ въ политическое средство для того, чтобы отнять у просто-

¹⁾ Подъ старшимъ братомъ, Винстэнли, какъ мы видѣли, подразумѣвается всегда господствующій и имущій классъ.

душнаго младшаго брата земныя вольности». Затѣмъ слѣдуетъ въ качествѣ примѣра діалогъ, кончающійся тѣмъ, что «старшій братъ» (т.-е. богачъ) говоритъ «младшему» (пролетарію), не желающему вѣрить, что творецъ могъ установить несправедливое распредѣленіе благъ на землѣ: «что, ты хочешь быть атеистомъ, бунтовщикомъ, ты не хочешь вѣрить въ Бога!?» Такимъ образомъ «старшему брату» удается застрашать «младшаго», «не отличающагося понятливостью и не имѣющаго разумнаго представленія о мірѣ и о самомъ себѣ—такимъ образомъ

. . . «это сверхъчувственное спиритуалистическое ученіе ничто иное, какъ обманъ. Ибо въ то время, какъ люди смотрятъ на небо, мечтая о блаженствѣ или опасаясь ада, ожидающихъ ихъ послѣ смерти, у нихъ отнимаются глаза для того, чтобы они не могли видѣть своихъ прирожденныхъ правъ и задачи, ожидающей ихъ во время ихъ земной жизни. Это ученіе, отвратительная фантазія, подобная тучѣ безъ дождя» (стр. 62).

Интересно также, чѣмъ обосновываетъ Винстэнли свое отрицаніе всякой схоластической книжной учености—«knowledge of the Scholars». Мы уже говорили выше, что въ этомъ отрицаніи книжной учености отнюдь не слѣдуетъ видѣть ненависть къ просвѣщенію вообще.

Съ одной стороны въ стремленіи ограничить обученіе сообщеніемъ практическихъ знаній, такъ называемыхъ реальныхъ наукъ, отражается вліяніе проповѣдуемаго Бэкономъ узкаго эмпиризма, между тѣмъ, какъ съ другой стороны, враждебное отношеніе къ такъ называемому чистому или теоретическому книжному знанію явилось продуктомъ антидемократическаго поведенія университетовъ и профессиональныхъ ученыхъ. Человѣкъ изъ народа долженъ былъ презирать ученость, прививавшую своимъ носителямъ высокомѣрное презрѣніе къ трудящимся классамъ и превращавшую этихъ носителей въ сикофантовъ, покорныхъ волѣ эксплуататоровъ и людей власть имущихъ. Далѣе надо также принять во вниманіе положеніе и характеръ философскихъ школъ той эпохи и ихъ тѣсную связь съ ортодоксальной теологіей. Для иллюстраціи стоитъ прочесть хотя бы разсужденіе матеріалиста Гоббса о «царствіи божіемъ», о «христіанскомъ правительствѣ» и т. д., заключающееся въ его «Левіаѳанѣ», который появился одновременно съ брошюрой Винстэнли.

Однако, довольно объ этомъ. Мы обойдемъ здѣсь молчаніемъ постановленія, касающіяся усовершенствованій земледѣльческой и промышленной техники и т. д. Хотя они сами по себѣ чрезвычайно характерны, все же они не отличаются по существу отъ сдѣланныхъ въ то же самое время другими предложеній. Въ заключеніе мы разсмотримъ еще нѣкоторыя установленія, касающіяся выборовъ, законодательства о бракѣ и наказаній.

Избирателемъ считается каждый гражданинъ, достигшій двадцатилѣтняго возраста; исключеніе составляютъ лица, отбывающія во время выборовъ наказаніе, наложенное на нихъ по суду. Избираемъ можетъ быть каждый человѣкъ, достигшій сорокалѣтняго возраста; впрочемъ, болѣе молодые люди также могутъ быть избраны, если они отличились какими нибудь особенными заслугами.

Бракъ совершенно свободенъ. «Каждый мужчина и каждая женщина безусловно вольны вступить въ бракъ съ кѣмъ бы они ни пожелали, если имъ удастся пріобрѣсти любовь и благорасположеніе лица, съ которымъ они желаютъ со-

единиться». Приданымъ того и другой является общественный магазинъ «равно открытый для обоихъ». Если мужчина вступаетъ въ половыя сношенія съ дѣвушкой и у послѣдней родится ребенокъ, то мужчина обязанъ жениться на ней. Изнасилованіе женщины карается смертью, ибо оно является «нарушеніемъ ея физической свободы». Попытка насильственно увезти жену другого первый разъ наказывается публичнымъ выговоромъ, а второй разъ двѣнадцатимѣсячнымъ лишеніемъ свободы. Лишеніемъ свободы называютъ необходимость принудительнаго труда для общества или выполненіе обязанности прислуги въ семьѣ. Для заключенія брака требуется изъявленіе обоюднаго согласія на него надсмотрщикамъ даннаго округа въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей. Такимъ образомъ бракъ— чисто гражданскій актъ (это было написано за два года до соотвѣтствующаго постановленія парламента Варбона).

Высшее наказаніе назначается за куплю и продажу. Желающій соблазнить другого купить или продать что бы то ни было наказывается двѣнадцатю мѣсяцами лишенія свободы. Кто фактически продаетъ землю или плоды ея, тотъ наказывается смертью. Кто называетъ землю своей, тотъ приговаривается къ двѣнадцати мѣсяцамъ принудительнаго труда и слова его выжигаются у него на лбу.

Никто не имѣетъ права продавать свой трудъ или покупать чужой. Всякій нуждающійся въ помощи можетъ воспользоваться молодыми людьми или тѣми, которыхъ надсмотрщики включили въ разрядъ «подручныхъ» («servants»). Нарушающіе это постановленіе приговариваются къ двѣнадцатимѣсячному принудительному труду.

Золото и серебро должны употребляться отнюдь не для чеканки монетъ, а только для изготовленія домашней утвари (блюды, кружки и т. д.). «Ибо тамъ, гдѣ деньги царятъ надъ всѣмъ, никто не слѣдуетъ золотому правилу: «ступай съ каждымъ такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы онъ поступалъ съ тобою», справедливость покупается и продается за деньги, иногда же покупается и продается даже несправедливость, и это служитъ причиной всѣхъ войнъ и злоупотребленій».

Исключеніе дѣлается только для объѣна съ другими націями, особенно настаивающими на этомъ и только для нихъ. Имъ разрѣшается такъ же покупать и продавать нагруженные на суда товары. «Но всегда при томъ условіи, чтобы продукты, вывозимые на нашихъ корабляхъ, принадлежали обществу и чтобы торговля съ другими націями производилась за счетъ общественнаго капитала («stock»), а прибылью отъ нея пользовались общественные магазины».

Таковы наиболѣе существенные пункты утопіи, о которой я считаю себя вправѣ сказать, что она достойна быть извлеченной изъ той бездны забвенія, въ которой она пребывала до сихъ поръ. Я не нашелъ до сихъ поръ упоминанія о ней ни въ одномъ историческомъ сочиненіи, касающемся эпохи англійской революціи, ни въ одномъ сочиненіи, трактующемъ исторію демократіи или социализма. Очень незначительные результаты дали также мои усилія отыскать какія либо подробныя свѣдѣнія о личности автора и его судьбѣ ¹⁾. Въ каче-

¹⁾ Нѣкоторыя указанія, касающіяся его прежней жизни, онъ даетъ самъ въ своемъ памфлетѣ: „A watchword to the City of London, the Army etc.“. По его словамъ, онъ

ствѣ вдохновителя незначительной секты и защитника слаборазвитаго класса, Винстэнли, никогда не стремившійся стать на первый планъ или сыграть какую либо роль, не могъ внушить историкамъ никакого интереса. Своимъ современникамъ, даже самымъ радикальнымъ, онъ и его товарищи казались безумными мечтателями. Джонъ Лильбурнъ, напримѣръ, въ своей брошюрѣ: «The Legal Fundamental Liberties» энергично протестуетъ противъ предположенія, будто онъ раздѣляетъ «ошибочные взгляды бѣдныхъ джорджильскихъ копателей». Правда, онъ писалъ это въ тюрьмѣ и еще до появленія сочиненія Винстэнли. А, между тѣмъ, Лильбурнъ, въ приведенной выше прокламаціи, выступаетъ на защиту Іоанна Лейденскаго, пользовавшагося тогда еще болѣе дурною репутаціею, чѣмъ теперь. Однако, уже самое названіе секты «истинныхъ левеллеровъ», выбранное добровольно, показываетъ, что между ея приверженцами и Лильбурномъ и его сторонниками существовали ясно сознаваемые ими принципиальныя различія. Левеллеры были представителями интересовъ общихъ рабочимъ и радикальной части буржуазіи. Истинные же левеллеры были представителями исключительно пролетарскихъ интересовъ.

И въ этомъ отношеніи о Винстэнли, не преувеличивая, можно сказать, что онъ, хотя и не «вооруженный всѣми знаніями своей эпохи», все же стоялъ на высотѣ ея и былъ дальновиднѣе всѣхъ своихъ современниковъ. Было бы болѣе чѣмъ смѣшно критиковать теперь его практическія предложенія и указывать на ихъ несовершенство и нецѣлесообразность. Эти недостатки вполнѣ объясняются экономической структурой современнаго ему общества. Мы можемъ только удивляться остротѣ взгляда и здравости сужденій этого простаго человѣка, уди-

первоначально былъ промышленникомъ въ Лондонѣ. Когда началась борьба противъ Карла I, онъ сдѣлалъ щедрое пожертвованіе на парламентскую армію, но потомъ „безчестные представители воровскаго искусства кули и продажи въ связи съ обременительными налогами для войны заставили его бросить свои занятія и принудили принять помощь друзей, доставившихъ ему возможность поселиться въ деревнѣ. Однако, и тамъ налоги для веденія войны, расквартированіе войскъ и т. п. довели его до разоренія. Тѣмъ не менѣе, онъ все это время всегда былъ готовъ всѣми средствами способствовать восстановленію виѣшняго и внутренняго мира націи. Но ему пришлось убѣдиться, что люди, называвшіе себя на словахъ его единомышленниками, въ концѣ концовъ на дѣлѣ оказывались противниками. И вотъ однажды, во время работы, сердце его наполнилось удивительными мыслями. Ему открылись вещи, о которыхъ онъ прежде не слыхалъ и не читалъ и о которыхъ многіе, кому онъ говорилъ о нихъ, даже слушать не хотѣли. Одной изъ нихъ была мысль, что земля должна быть превращена въ общую сокровищницу всѣхъ людей безъ всякаго различія.

Затѣмъ Винстэнли рассказываетъ всѣ подробности предпріятія копателей, рассказываетъ, какъ дурно съ ними обошлись, и затѣмъ говоритъ: „И я понимаю, что бѣдняки должны быть избраны первыми и первыми должны удостоиться чести выполнять этотъ трудъ (пропаганду коммунизма), ибо они начинаютъ говорить голосомъ истины, между тѣмъ какъ богачи, обыкновенно, враги истины и свободы“ (стр. 15).

Замѣтимъ еще, что по всей вѣроятности, всѣ сочиненія, подписанныя Эверардомъ и Винстэнли, вышли исключительно изъ-подъ пера послѣдняго. Почти всѣ историкъ, писавшіе о копателяхъ, на основаніи нѣскольکو страннаго расположенія подписей на памфлетахъ копателей, предполагали обратное. Этому, однако, противорѣчитъ тотъ фактъ, что нѣтъ ни одного памфлета, написаннаго однимъ только Эверардомъ, между тѣмъ какъ вмѣстѣ цѣлый рядъ сочиненій, составленныхъ однимъ Винстэнли. Кромѣ послѣдняго, насколько мнѣ удалось установить, среди копателей, въ качествѣ самостоятельнаго памфлетиста, выступалъ одинъ только Робертъ Костеръ.

вляться его глубокому пониманію общественныхъ отношеній своей эпохи и причинъ тѣхъ золь, противъ которыхъ онъ боролся.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что Винстэнли былъ однимъ изъ издателей описанныхъ въ предыдущей главѣ памфлетовъ «о свѣтѣ, сіяющемъ въ Букингамширѣ», и что его «Законъ свободы» явился общаннымъ во второмъ изъ упомянутыхъ памфлетовъ изложеніемъ путей и средствъ для возвращенія къ «эпохѣ до грѣхопаденія», необходимость котораго была признана уже въ этихъ памфлетахъ. Но что случилось съ Винстэнли дальше, объ этомъ я не могъ добыть никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Судя по заглавію и содержанію датированнаго 1658 годомъ сочиненія его, послѣдняго по времени изъ всѣхъ находящихся въ Британскомъ музеѣ, можно предположить, что, потерпѣвъ неудачу въ коммунистической агитаціи, онъ примкнулъ къ тому же самому движенію, къ какому пришелъ и Лильбурнъ послѣ распаденія его радикально-демократической партіи, а именно къ религиозно-радикальной сектѣ квакеровъ, организованной въ 1652 году (обращаю особенное вниманіе читателя на годъ). Послѣднее сочиненіе Винстэнли носитъ заглавіе: «Рай святыхъ или ученіе отца является единственнымъ удовлетвореніемъ души». Эпиграфомъ поставлены слова: «Внутреннее свидѣтельство—сила души». Оно представляетъ собою отгискъ проповѣди или религиозной рѣчи, сказанной Винстэнли въ Лондонѣ, и составлено вполнѣ въ рационалистическомъ духѣ квакеровъ ¹⁾.

Къ слушателямъ и учителямъ авторъ, подобно всѣмъ квакерамъ, обращается съ названіемъ «друзья». Если вспомнить далѣе, какъ Эверардъ и Винстэнли отказались снять шляпу передъ Ферфаксомъ, потому что онъ такой же человѣкъ, какъ они («but their fellow-creature», сказано у Whitelocke'a), то покажется вполнѣ вѣроятнымъ предположеніе, что они и ихъ приверженцы были однимъ изъ элементовъ, изъ которыхъ вначалѣ создалось движеніе квакеровъ. Какимъ образомъ солдаты кромвелевской арміи могли превратиться въ проповѣдниковъ, объ этомъ мы вкратцѣ уже упоминали въ примѣчаніи на стр. 125.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Возстаніе левеллеровъ въ арміи, дальнѣйшая судьба и смерть Лильбурна.

Между тѣмъ, «очищенный» парламентъ положилъ спору съ Карломъ I рѣшительный конецъ. 23 декабря 1648 года парламентъ назначилъ комиссію для обсужденія мѣръ, какія слѣдуетъ принять противъ короля. 1 января 1649 года комиссія доложила парламенту, что король долженъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, какъ измѣнникъ націи, съ которой онъ предательски началъ воевать; затѣмъ было рѣшено образовать особое государствен-

¹⁾ Въ немъ нѣтъ только квакерской мистики. Такъ, напримѣръ, Винстэнли возстаетъ противъ тогда еще распространеннаго среди квакеровъ вѣрованія въ существованіе сатаны.

ное судилище для суда надъ Карломъ. Большинство немногихъ, тогда еще за-сѣдавшихъ лордовъ, отказалось утвердить это постановленіе. Тогда палата общинъ 25 января постановила, что народъ является единственнымъ законнымъ источникомъ всякой власти, и что, поэтому, избранные народомъ депутаты (т.-е., именно, члены палаты общинъ) представляютъ собою высшую власть въ Англіи, и что ихъ постановленія имѣютъ силу закона даже безъ утвержденія королемъ или палатой лордовъ. 26 января постановленіе о привлеченіи къ отвѣтственности возобновляется, и парламентъ собственною властью назначаетъ 135 человекъ для участія въ спеціальному судилищѣ, предназначенному судить короля. Кромѣ Кромвеля и другихъ грандовъ арміи, къ этому трибуналу принадлежалъ также Робертъ Лильбурнъ. Даже Джонъ Лильбурнъ, какъ онъ самъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ, получилъ приглашеніе принять участіе въ чрезвычайномъ судилищѣ, въ которое, конечно, можно было пригласить только республиканцевъ. Но ярый проповѣдникъ законности, Лильбурнъ не могъ принимать участія въ актѣ, представлявшемъ собою только прикрытый юридическими формами актъ насилія, который, впрочемъ, какъ таковой, былъ продиктованъ необходимостью. «Честный Джонъ» вовсе не былъ противникомъ преданія короля суду, но онъ отрицалъ право парламента считать себя народнымъ представительствомъ; кромѣ того, онъ вовсе не находилъ нужнымъ назначеніе спеціального трибунала для суда надъ королемъ и требовалъ, чтобы его судила обычная судебная палата. Однако, его юридическія сомнѣнія были такъ же безрезультатны, какъ и демократическія соображенія. 27 января 1649 года Карлъ былъ приговоренъ къ смерти, какъ измѣнникъ, а 30—казненъ. 1-го февраля парламентъ санкціонировалъ «чистку» Прайда, формально исключивъ изгнанныхъ Прайдомъ членовъ. 6 января было постановлено, что палата лордовъ должна быть упразднена, какъ «безполезное и опасное» учрежденіе ¹⁾, а 7 послѣдовало постановленіе объ упраздненіи правительства, состоящаго изъ короля или, вообще, отдѣльнаго лица, такъ какъ оно «безполезно, обременительно и опасно». 15 февраля былъ назначенъ государственный совѣтъ, въ который вошли 41 человекъ, въ числѣ ихъ, конечно, фигурировали Кромвель, Ферфаксъ и другіе гранды арміи, а между прочими также Генри Мартенъ. 13 марта нѣсколько членовъ этого высшаго учрежденія посѣтили нѣкоего мистера Джона Мильтона, писателя и домашняго учителя, жившаго въ маленькомъ домикѣ въ Гольборнѣ, и предложили ему мѣсто секретаря для иностранныхъ языковъ въ государственномъ совѣтѣ. Великій поэтъ принялъ предложеніе. 19 мая Англія, парламентскимъ постановленіемъ, была провозглашена республикой («Commonwealth»).

Въ январѣ Лильбурнъ снова для улаженія своихъ личвыхъ дѣлъ былъ на сѣверѣ. Онъ былъ разочарованъ и совсѣмъ хотѣлъ отказаться отъ общественной дѣятельности. Онъ изъ гордости отказался отъ хорошо оплачиваемой государственной должности, которую ему предложили потому, что онъ пользовался довольно значительнымъ вліяніемъ въ радикальныхъ кругахъ, и, вернувшись въ Лондонъ, гдѣ имѣлъ право гражданства, основалъ въ предѣлѣхъ Соутваркѣ

¹⁾ Остроумный Генри Мартенъ предлагалъ вычеркнуть слово „опасное“ или поставить передъ нимъ частицу „не“. Въ самомъ дѣлѣ, лорды въ своей растерянности играли тогда жалкую роль.

мыловаренный заводъ. При этомъ онъ заявилъ, что не желаетъ откармливаться на счетъ трудящагося народа въ то время, какъ послѣдній терпитъ нужду. Но зато онъ лишь недолгое время могъ противиться настоятельнымъ просьбамъ своихъ политическихъ друзей, не желавшихъ бросить борьбу противъ господства грандовъ. Уже 26 февраля Лильбурнъ снова, во главѣ толпы лондонскихъ гражданъ, появился въ парламентѣ для обоснованія петиціи, направленной противъ нѣкоторыхъ мѣропріятій, которыя государственный совѣтъ намѣренъ былъ примѣнить для подавленія «безпокойныхъ элементовъ» въ арміи.

Дѣло въ томъ, что среди полковъ, расквартированныхъ вблизи Лондона, царило большое недовольство. Солдаты находили, что дѣйствія грандовъ совсѣмъ не соотвѣтствуютъ условіямъ договора, заключеннаго въ Ньюмаркетъ-Гитѣ, и что для парламента сдѣлано, правда, много, но что за то права народа были забыты. Недовольство выражалось въ ношеніи лентъ цвѣта морской воды, считавшихся эмблемой левеллеровъ. Для уничтоженія «мятежнаго» духа военный совѣтъ рѣшилъ выпустить прокламацію, воспрещавшую солдатамъ подавать петиціи парламенту и, вообще, кому бы то ни было, кромѣ своихъ офицеровъ, и вести переписку по политическимъ вопросамъ съ частными лицами. Затѣмъ было постановлено добиться отъ парламента права вѣшать по приговору военнаго суда каждаго, кто будетъ подстрекать армію къ мятежу. Противъ этихъ-то мѣропріятій и была направлена петиція Лильбурна, который снабдилъ ее памятной запиской, изданной имъ нѣсколько дней спустя, подъ заглавіемъ: «Новыя цѣпи Англіи открыты». Въ этомъ памфлетѣ Лильбурнъ раскрываетъ всѣ измѣненія, которымъ гранды арміи подвергли подписанный ими народный договоръ.

Затѣмъ онъ подвергаетъ самой рѣзкой критикѣ вновь созданное учрежденіе: государственный совѣтъ, представляющій собою креатуру военнаго совѣта арміи, требуетъ замѣны его часто возобновляемыми отвѣтственными комиссиями, которыя нетрудно будетъ обуздывать, потому что парламентъ не будетъ расходиться, пока не будетъ избранъ новый. Въ заключеніе онъ требуетъ неоспоримо принадлежащаго народу права и лучшаго средства противъ заговоровъ и тираническихъ поплзновеній: полной свободы печати.

Протесты раздавались такъ же и изъ рядовъ самой арміи. 1 марта появилось подписанное восемью солдатами арміи генерала Ферфакса «письмо генералу Ферфаксу и совѣту его офицеровъ». Въ этомъ письмѣ съ большою смѣлостью изложены всѣ жалобы арміи на ея вождей. Кромвель обвиняется въ стремленіи къ королевской власти, парламентъ — въ томъ, что онъ служитъ только зеркаломъ, отражающимъ взгляды военнаго совѣта—орудія Кромвеля, Айртона и Гаррисона. Въ заключеніе письмо рѣзко возстаетъ противъ господства военщины. «Мы, англійскіе солдаты, собравшіеся подъ знаменемъ для защиты свободы Англіи, а не иностранныя наемныя войска, которыя могутъ за плату избивать народъ и служить пагубнымъ честолюбивымъ стремленіямъ различныхъ лицъ» — заявили солдаты.

Затѣмъ они требовали выполненія договора, заключеннаго въ Ньюмаркетъ-Гитѣ. Письмо кончается горячимъ привѣтствіемъ петиціи Лильбурна, къ которой подписавшіеся «добровольно и радостно» присоединяются, готовые бороться за нее до послѣдней крайности.

3-го марта они предстали предъ военнымъ судомъ. Трое изъ нихъ въ

виду опасности положенія раскаялись и были помилованы. Остальные пять выказали необычную рѣшимость. Отъ нихъ, главнымъ образомъ, старались выпытать, кто написалъ письмо, такъ какъ предполагалось, что они сами неспособны были это сдѣлать. Но на допросахъ они, каждый въ отдѣльности, брали на себя полную отвѣтственность за письмо. «Хотя они за свое тяжелое преступленіе въ сущности заслужили смерть», ихъ по приговору суда провезли верхомъ на деревянной лошади лицомъ назадъ передъ фронтомъ ихъ отрядовъ, сломали у нихъ надъ головой ихъ сабли и изгнали ихъ изъ арміи. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 6-го марта въ Вестминстерѣ. Ихъ имена: Робертъ Уардъ, Томасъ Уатсонъ, Симонъ Гронтъ, Джорджъ Эллисъ, Вильямъ Саваейръ¹⁾.

Движеніе этихъ однако отнюдь не закончилось. Наоборотъ, исходъ этого дѣла убѣдилъ левеллеровъ, что имъ надо дѣйствовать болѣе энергично. Въ одной изъ газетъ того времени, въ тогда еще безусловно роялистскомъ «Mercurius Pragmaticus»²⁾, въ № отъ 13—20 марта 1649 года съ искреннимъ злорадствомъ говорится: «Послѣ того какъ его адреса были отвергнуты, и народный договоръ былъ нарушенъ, храбрый левеллеръ (Лильбурнъ) сошелся со своимъ союзникомъ Гарри Мартиномъ³⁾ и разослалъ по цѣлому ряду графствъ, какъ, наиримѣръ, въ Беркширъ, Гампширъ, Гертфордширъ и т. д. нѣсколько ворчливыхъ святыхъ своей породы, которые не только читали въ наиболѣе значительныхъ городахъ адреса Джона, но прибывали ихъ также къ стѣнамъ и призывали народъ присоединиться къ этимъ адресамъ, требующимъ свободы для него — народа. Затѣмъ они призывали народъ сопротивляться всякой власти, которая попытается взимать съ него акцизы и другіе бесполезные неразумные налоги, которые могутъ быть установлены произвольной, незаконной и несправедливой властью ихъ согражданъ».

21-го марта появился новый памфлетъ левеллеровъ, въ которомъ описывается несправедливый процессъ 5 солдатъ и повторяется ихъ обвиненіе противъ грандовъ арміи. Памфлетъ носитъ выразительное заглавіе: «Охота на лисицъ отъ

¹⁾ Одинъ изъ помилованныхъ, Ричардъ Румбольдъ, при Карлѣ II принималъ дѣятельное участіе въ знаменитомъ Рай-Гоузскомъ заговорѣ (1688 г.) противъ возстановаго короля (съ связи съ этимъ заговоромъ мы встрѣтимъ также имя Уайльмана), заблаговременно былъ предупрежденъ и бѣжалъ въ Голландію. Въ 1675 г. онъ снова принималъ участіе въ возстаніи Арджилъ и шотландскихъ горцевъ противъ Іакова II — «противъ пашства, прелатовъ и государственной церкви». Послѣ неудачнаго исхода этого возстанія, тяжело раненый Румбольдъ былъ взятъ въ плѣнъ. Боясь, чтобы онъ не умеръ естественной смертью, его наскоро судили и на слѣдующій день (27 іюня 1685 г.) съ возмутительной жестокостью казнили. Онъ до послѣдней минуты проявлялъ большую твердость и вѣрность своимъ убѣжденіямъ. Во время процесса онъ сказалъ слова, которыя внослѣдствіи части цитировались: «Я не думаю, что Богъ создалъ большую половину человѣчества съ сѣдами на синіи, а другую несравненно меньшую часть снабдилъ сапогами и шпорами, для того, чтобы они могли ѣздить на первыхъ».

²⁾ Внослѣдствіи очень даровитый редакторъ газеты былъ издѣланъ Кромвелемъ и предоставилъ свое крайне острое перо къ услугамъ послѣдняго.

³⁾ Мартинъ или Мартенъ врядъ ли принималъ участіе въ этой агитаціи, хотя онъ былъ однимъ изъ составителей „Agreement'a“ левеллеровъ, и поэтому фигурировалъ въ ихъ числѣ. Онъ, напротивъ, настаивалъ на томъ, что долгіи парламентъ не долженъ быть распущенъ и говорилъ, что у молодого Монсея, то есть у вновь созданной республики, не слѣдуетъ сейчасъ же отнимать естественной кормилицы — матери. Кромѣ того Мартенъ, какъ мы уже говорили выше, самъ былъ членомъ государственнаго совѣта.

Ньюмаркета и Трипль-Гита до Вестминстера, произведенная 5-ю маленькими принадлежавшими раньше къ арміи охотничьими собаками». Лисицами, конечно, называются Кромвель, Айртонъ и прочіе гранды. А подъ охотой подразумѣвается раскрытіе ухищреній и уловокъ, къ которымъ они прибѣгали съ іюня 1647 года, когда они въ названныхъ мѣстахъ убѣдили войско дѣйствовать совмѣстно съ ними противъ парламента, до того времени, когда они сами расположились въ Вестминстерѣ. Еще болѣе рѣзкій обвинительный актъ противъ Кромвеля и его штаба былъ прочитанъ Лильбурномъ въ воскресенье 25-го марта огромной толпѣ народа, собравшейся передъ его домомъ. Это сочиненіе подписано Лильбурномъ, Овертономъ, Пренсомъ и Вальвиномъ. Оно въ рѣзкихъ словахъ требуетъ избранія новаго парламента и озаглавлено: «Вторая часть раскрытія новыхъ цѣпей Англіи»¹⁾.

Впечатлѣніе этотъ памфлетъ произвелъ повидимому чрезвычайное, ибо тотчасъ же послѣ его появленія Лильбурнъ и трое другихъ подписавшихся были арестованы, а затѣмъ послѣдовало объявленіе, что всякій, кто вздумаетъ распространять памфлетъ, призывающій къ мятежу и стремящійся воспрепятствовать посылкѣ вспомогательныхъ войскъ въ Ирландію, будетъ считаться врагомъ республики, и съ нимъ будетъ поступлено, какъ съ таковымъ. Поданная парламенту массовая петиція объ освобожденіи арестованныхъ, на которой было будто бы 80.000 подписей, осталась безъ послѣдствій. Депутація гражданъ выступившихъ на защиту Лильбурна и его товарищей получила отъ спикера парламента рѣзкій выговоръ за ея «преступныя и мятежныя предложенія», и даже депутація женщинъ, нѣсколько разъ возобновлявшая свою попытку, была наконецъ отослана съ совѣтомъ пойти мирно домой и заняться своимъ домашнимъ хозяйствомъ: «мыть свою посуду» — потому что дѣло имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ онѣ вообще были бы въ состояніи понять.

Дѣло, дѣйствительно имѣло большое значеніе. Пресвитеріане, сторонники государственной церкви и «кавалеры», сумѣвшіе своими ловко составленными памфлетами о «мученической кончинѣ» Карла I, подложными дневниками послѣдняго и т. п. средствами возстановить многихъ добродушныхъ людей противъ «кровожадныхъ тигровъ республики», снова приободрились. Въ Ирландіи и Шотландіи сынъ Карла былъ провозглашенъ королемъ и вербовалъ войска, чтобы вернуть себя при ихъ помощи корону. На континентѣ самъ Карлъ Стюартъ и всѣ эмигрировавшіе и изгнанные кавалеры при всѣхъ дворахъ интриговали противъ молодой республики. При такихъ обстоятельствахъ агитація, имѣвшая цѣлью уничтоженіе арміи, источника власти и опоры представителей республики, должна была казаться послѣднимъ посягательствомъ на существованіе республики, поэтому противъ нея, въ крайнемъ случаѣ, считалось возможнымъ употребить даже прямое насиліе. Уяснить это Лильбурну было повидимому (судя по его собственнымъ словамъ) цѣлью Гуга Петерса, республиканскаго полкового священника и тогдашняго усерднаго кромвельянца, посѣтившаго Лильбурна въ Тоуэрѣ и завязавшаго съ нимъ разговоръ, въ которомъ онъ, на ссылку Лильбурна на законъ, отвѣтилъ, что есть только одинъ законъ — мечъ. Очевидно Петерсъ, вѣроятно не безъ вѣдома Кромвеля, пытался еще разъ склонить на свою сторону

¹⁾ Изъ него позаимствованы приведенныя на страницѣ 113 слова Лильбурна о подозрительной игрѣ, которую Кромвель и „гранды“ вели осенью 1647 г. съ Карломъ I.

Лильбурна, но недовѣріе послѣдняго было слишкомъ велико и поэтому оказались пророческими слова Кромвеля, въ день ареста Лильбурна крикнувшаго въ государственномъ совѣтѣ предсѣдательствующему, зятю Мильтона, Брадсау: Я говорю вамъ, сударь, есть только одно средство справиться съ этими людьми: растоптать ихъ (to break them in pieces)! Сдѣлать это было впрочемъ не легко.

Недовольство въ арміи и въ народѣ не только не уменьшалось, а наоборотъ, увеличивалось. Какъ уже было сказано выше, въ странѣ царилъ дороговизна, торговля и промышленность были въ застоѣ, подати увеличивались и между тѣмъ какъ парламентъ вотировалъ «грандамъ» арміи и государственнаго совѣта огромное жалованье, солдаты постоянно недополучали свое. Для пополненія государственной кассы тогда уже стали прибѣгать къ средству, которымъ позднѣе, въ эпоху французской революціи, пользовались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ,—къ выпуску ассигнацій. Благодаря тому, что новое правительство имѣло незначительный кредитъ, ассигнаціи скоро упали до одной трети своей номинальной стоимости и даже еще ниже. Словомъ, недовольство имѣло не только идеологическія причины—если таковыми можно назвать религіозныя и политическія формы, въ которыхъ обнаруживались классовыя противорѣчія,—но и чисто матеріальныя, къ тому же сильно обострившіяся.

Можно ли было при помощи недовольной арміи «растоптать» недовольныхъ въ арміи? Для усмиренія возстанія въ Ирландіи былъ сдѣланъ заемъ, а затѣмъ по жребію были выбраны нѣсколько полковъ, которые подъ предводительствомъ Кромвеля должны были подавлять мятежныхъ ирландцевъ. Но подобно тому, какъ парламентъ раньше не хотѣлъ помогать королю противъ внѣшняго врага, пока не сведъ съ королемъ счетовъ, такъ и солдаты радикальных полковъ не пожелали идти въ Ирландію, прежде чѣмъ парламентъ удовлетворитъ ихъ. Чтобы сломить ихъ противодѣйствіе, полки стали расквартировать въ различныхъ мѣстностяхъ. Эта мѣра вызвала открытый бунтъ.

25 апрѣля вечеромъ въ Лондонѣ довольно значительная часть драгунъ Валли явилась передъ зданіемъ гостиницы «Быкъ», гдѣ жилъ знаменщикъ, и вынудила его выдать знамя. Мы должны завтра покинуть Лондонъ, говорили драгуны, но не сдѣлаемъ этого, пока наши требованія не будутъ исполнены. Это былъ уже явный мятежъ, и еслибъ онъ распространился дальше, можно было бы ожидать худшаго. Но Кромвель не допустилъ его распространенія. Узнавъ на слѣдующее утро отъ офицера полка объ обстоятельствахъ дѣла, онъ съ Ферфаксомъ и нѣкоторыми другими офицерами, въ сопровожденіи отряда преданныхъ ему солдатъ, отправился на мѣсто происшествія, гдѣ ему, благодаря его желѣзной энергіи, удалось отчасти запугать мятежныхъ солдатъ и заставить ихъ покориться. Пятнадцать человекъ, не пожелавшіе смириться, были арестованы какъ зачинщики и преданы военному суду, остальные отправились на предназначенное для нихъ мѣсто жительства. Изъ числа пятнадцати пять на слѣдующій день были приговорены къ смертной казни, но четверо были помилованы и только одинъ, Робертъ Локайеръ, вынуженный жребіемъ смерти, былъ разстрѣлянъ 27 апрѣля. Это былъ «храбрый и благочестивый» солдатъ; несмотря на свои 23 года, онъ уже семь лѣтъ—т.-е. съ начала борьбы противъ короля,—служилъ въ арміи и пользовался любовью всѣхъ своихъ товарищей. Умирая онъ увѣщевалъ своихъ друзей вѣрно служить свободѣ и народному

благу. «Пусть моя смерть не пугаетъ, пусть она, напротивъ, ободритъ васъ, ибо никогда еще ни одинъ человѣкъ не умиралъ такъ спокойно, какъ я», закончилъ онъ. Похороны его, происходившіе 29 апрѣля, были превращены далеко еще не успокоившейся радикальной частью населенія въ огромную политическую демонстрацію. Тысячи рабочихъ и ремесленниковъ съ женами и дочерьми слѣдовали за покрытымъ цвѣтами розмарина (изъ которыхъ одинъ былъ обмакнутъ въ кровь) гробомъ «мученика арміи», какъ съ тѣхъ поръ стали называть Локайэра. Всѣ отдававшіе ему послѣдній долгъ, какъ эмблему своихъ убѣжденій, носили черныя или зеленыя (цвѣта морской воды) ленты. Послѣ выхода процессіи изъ Сити къ ней присоединилась масса народа, боявшагося открыто высказывать свои чувства въ Сити. «Многіе называли эти похороны оскорбленіемъ арміи и парламента, писалъ членъ тогдашняго государственнаго совѣта, Уайтлокъ¹⁾, многіе называли этихъ людей левеллерами, но они ни на что не обращали вниманія».

Лилъбурнъ и Овертонъ, узнававшіе въ Тоуэрѣ обо всемъ, что происходило въ Лондонѣ, не могли не реагировать на это дѣло. Услышавъ, что пять солдатъ приговорены къ смерти, они въ тотъ же день написали генералу Ферфаксу письмо, «въ которомъ со строго юридической точки зрѣнія доказывается, что генералъ или военный совѣтъ, въ мирное время приговорившіе солдата собственной властью къ смертной казни и выполнившіе приговоръ, совершили убійство и государственную измѣну». Письмо, написанное «во время нашего необоснованнаго, незаконнаго и тиранническаго заключенія въ Тоуэрѣ» немедленно было напечатано. Аргументація его неотразима. 4 параграфъ «Petition of Rights» прямо гласитъ, что военные законы впредь упраздняются и кромѣ того, подписанный солдатами и офицерами (въ іюнѣ 1647 года въ Ньюмаркетъ-Гитѣ) договоръ признаетъ армію независимой организаціей свободныхъ гражданъ Англій. Смѣлымъ, образнымъ языкомъ авторы письма говорятъ, что свобода и права націи для нихъ дороже жизни, и что поэтому они не могутъ не протестовать противъ жестокаго приговора надъ Локайэромъ и его товарищами. О томъ, какое впечатлѣніе произвело письмо, свидѣтельствуетъ описанная выше демонстрація, а также дальнѣйшія событія.

Спустя десять дней послѣ похоронъ Локайэра, 9 мая 1649 года. Кромвель въ Гайдъ-Паркѣ дѣлалъ смотръ войскамъ. Значительная часть солдатъ имѣла на шляпахъ ленту цвѣта морской воды. Кромвель отлично зналъ, какое значеніе имѣетъ эта зловѣщая эмблема, поэтому онъ настоятельно убѣждалъ солдатъ не рисковать благомъ республики. Всѣ ихъ требованія будутъ исполнены, говорилъ онъ, жалованье впредь будетъ уплачиваться аккуратно, парламентъ уже принялъ рѣшенія, касающіяся его распушенія и избранія новаго парламента. Но дисциплина въ войскѣ необходима, безъ военнаго суда въ настоящее время нельзя обойтись, кто не согласенъ съ этимъ, тому лучше выйти въ отставку. Желающимъ сражаться вмѣстѣ съ нимъ и съ товарищами противъ враговъ Англій, Кромвель предложилъ снять со своихъ шляпъ зеленыя ленты. Подъ впечатлѣніемъ его рѣчи солдаты покорились, но настроеніе осталось въ сущности прежнее. Однако уже самое то обстоятельство, что среди расквартированныхъ въ столицѣ солдатъ обнаружилась нерѣшительность, имѣло большое значеніе, ибо

¹⁾ Memoirs, стр. 385,

именно въ то же самое время началось броженіе, въ полкахъ расквартированныхъ въ провинціи. Изъ Банбери въ графствѣ Оксфордширъ пришло извѣстіе, что капитанъ Томпсонъ съ двумястами драгунъ полка Валли (вѣроятно это была часть драгунъ высланныхъ 25 апрѣля изъ Лондона) поднялъ знамя возстанія. Въ своемъ манифестѣ «Знамя Англій» Томпсонъ, уже при Варѣ фигурировавшій въ качествѣ левеллера, энергично высказывается въ пользу «Agreement'a» пересмотрѣннаго и изданнаго 1-го мая Лильбурномъ и его товарищами въ видѣ прокламаціи, требуетъ удовлетворенія за убійство Локайэра и Арнольда и грозитъ, что жестоко отомститъ, если Лильбурнъ и его товарищи пострадаютъ. Томпсонъ былъ очень горячимъ человѣкомъ, но какъ мы увидимъ ниже далеко не пустымъ хвастуномъ. Однако угроза его повела лишь къ тому, что Лильбурнъ, Овертонъ и другіе, пользовавшіеся до тѣхъ поръ сравнительной свободой передвиженія внутри Туэра, были подвергнуты строгому одиночному заключенію.

10 мая въ Лондонѣ были получены еще худшія вѣсти. Въ Сольсбери (Уайлтширъ) почти весь полкъ полковника Скрупа провозгласилъ себя сторонникомъ «Agreement'a» левеллеровъ, а командиромъ своимъ выбралъ знаменщика Томпсона, брата упомянутаго выше капитана Томпсона. Мятежъ распространился и на большую часть полка Айртонна, расквартированнаго въ окрестностяхъ Сольсбери, а также на полки Гаррисона и Скиппона. Всѣ они стремились соединиться, чтобы воспротивиться всякой попыткѣ отправить ихъ въ Ирландію, прежде чѣмъ будутъ проведены обѣщанныя реформы; всѣ были готовы силою добиться проведенія этихъ реформъ. Мятежники всѣ почти были опытными, старыми солдатами. Всадники Скрупа, напр., было еще солдаты перваго набора, они, по словамъ своего собственнаго манифеста, очень корректно составленнаго, были людьми, продавшими свои крестьянскія хозяйства, бросившими всѣ дѣла, чтобы бороться противъ тираніи короля и епископовъ и поэтому не склонными допустить возникновеніе новой тираніи ¹⁾. Съ такими людьми нельзя было шутить. Поэтому Кромвель и Ферфаксъ, собравъ всѣхъ болѣе или менѣе надежныхъ солдатъ, которыхъ оказалось около 4000, форсированнымъ маршемъ двинулись въ Сольсбери. Прибывъ 12 мая въ Андоверъ (Гампширъ) они узнали, что мятежники въ Ольдъ-Сарумѣ соединились съ четырьмя ротами полка Айртонна, а затѣмъ направились на сѣверъ, собираясь, безъ сомнѣнія, вступить въ Букингамширъ, гдѣ находились ихъ единомышленники (полкъ Гаррисона) и гдѣ вѣроятно предполагалось соединиться съ отрядомъ капитана Томпсона. Кромвель и Ферфаксъ также немедленно повернули на сѣверъ, чтобы отрѣзать мятежникамъ путь. Въ Вантаджѣ (въ Беркширѣ) левеллеры уже натолкнулись на эмиссаровъ Кромвеля, послѣдніе вступили съ ними въ переговоры, которые однако не имѣли успѣха. Тогда мятежники направились на сѣверозападъ въ Абингдонъ, гдѣ къ нимъ принесли двѣ роты полка Гаррисона; остальнымъ войскамъ путь уже былъ прегражденъ Кромвелемъ и Ферфаксомъ. Эмиссары Кромвеля, отправившіеся вслѣдъ за мятежниками, число которыхъ доходило въ то время до 1200, снова вступили съ ними въ переговоры и снова безуспѣшно. За то они повидимому тайкомъ давали знать Кромвелю о движеніяхъ левеллеровъ. Когда послѣдніе направились на западъ, чтобы соединиться тамъ

¹⁾ The unanimous Declaration of Colonel Scroope's and Com.-General Iretons Regiments, Old Sarum, май 1649 года.

со своими единомышленниками, они возлѣ моста черезъ Темзу вблизи Ньюбриджа, въ графствѣ Оксфордширѣ, натолкнулись на цѣлый кавалерійскій полкъ подъ командою полковника Рейнольдса. Не желая безъ особенной крайности проливать кровь, или чувствуя себя недостаточно сильными для того, чтобы начать сраженіе, мятежники не рѣшились форсировать мостъ и отыскиали бродъ, перешли его частью вбродъ частью вилавъ и, не останавливаясь, двинулись черезъ Бамптонъ въ расположенный вблизи границы Глочестершира Берфордъ, котораго они и достигли къ вечеру. Туда же попалъ и капитанъ Томпсонъ. Его маленькій отрядъ еще раньше былъ разбитъ полковникомъ Валли, но онъ самъ вмѣстѣ съ нѣсколькими преданными людьми убѣждалъ отъ преслѣдователей. Усталые, промокшіе и сверхъ того убаюканные обѣщаніями кромвелевскаго эмиссара, майора Уайта, который называлъ требованія левеллеровъ очень разумными, обѣщавъ самъ вступить за нихъ и увѣрилъ ихъ въ благожелательствѣ генерала, левеллеры улеглись спать и пустили своихъ лошадей на пастбище. Левеллеры были хорошіе люди, но непрактичные идеалисты, поэтому Карлейль, пожалуй, правъ, когда говоритъ объ ихъ форсированныхъ переходахъ: «Къ чему они? Вождя нѣтъ. Неугомонный Джонъ (такъ Карлейль называетъ Лилъбурна) сидитъ за каменными стѣнами». За то Кромвель былъ настоящимъ вождемъ. Въ этотъ день онъ и Ферфаксъ проѣхали верхожъ больше 80 километровъ, паканути они проѣхали вѣроятно не меньше и всетаки рѣшили дѣйствовать ночью. Сдѣлавъ небольшой привалъ вблизи Берфорда, они около полуночи напали на городъ. Говорятъ, что ихъ ввелъ квартирмейстеръ Моръ, которому левеллеры поручили разставить стражу. Сонные левеллеры изо всѣхъ силъ старались отразить нападеніе, но у нихъ не было вождя, не было плана защиты и поэтому они не могли отразить превосходящаго ихъ своими силами непріятели — у Кромвеля были 2000 солдатъ. Свыше четырехсотъ человекъ сдались, когда имъ обѣщали помилованіе и разборъ ихъ требованій, остальные бѣжали, бросивъ лошадей и оружіе. Только два эскадрона снова сошлись подъ командою капитана Томпсона и отступили къ Нортгемптонширу ¹⁾).

На слѣдующій день пѣнные предстали передъ военнымъ судомъ. Четверо изъ нихъ, между которыми находился и знаменщикъ Томпсонъ, были приговорены къ смерти. Молодой Томпсонъ и два унтеръ-офицера умерли мужественно, особенно одинъ изъ послѣднихъ, о которомъ говорится: «Онъ не выказалъ ни малѣйшаго сожалѣнія о своемъ поведеніи, ни малѣйшаго признака страха. Снявъ свою куртку, онъ остановился довольно далеко отъ стѣны, предложилъ солдатамъ исполнить свою обязанность и спокойно смотрѣлъ на нихъ, пока они дали залпъ; онъ не обнаружилъ даже тѣни страха или испуга». Даже Карлейль, относившійся къ левеллерамъ крайне враждебно, не могъ удержаться отъ слѣдующаго замѣчанія по поводу казни: «Такъ умираютъ капралы левеллеровъ, по своему энергично защищающіе свободу Англій, непоколебимые до конца. Они

¹⁾ Тамъ имъ удалось взять городъ Нортгемптонъ, захватить пушку и боевые припасы, но ихъ было слишкомъ мало и потому они не могли сопротивляться цѣлымъ полкамъ. При первой же стычкѣ солдаты сдались на милость побѣдителя, а нѣсколько дней спустя палъ и капитанъ Томпсонъ во время безпримѣрной, отчаянной схватки съ преслѣдователями, которыхъ было больше ста противъ него одного. Томпсонъ не хотѣлъ отдаваться въ руки враговъ живымъ и, истекая кровью, еще дрался, какъ левъ. Только седьмая ранившая его, пуля была смертельной.

заблуждались. Но исторія, въ теченіе двухъ столѣтій оплакивавшая заблуждавагося Карла Стюарта, пролившая о немъ цѣлое море соленой воды, не откажетъ въ своемъ сочувствіи и этимъ бѣднымъ капраламъ».

Четвертый изъ осужденныхъ, знаменщикъ Динъ или Дэнъ, выказалъ сильное раскаяніе и былъ помилованъ. Левеллеры считали его измѣнникомъ, а судъ надъ нимъ называли условленной раньше комедіей; во всякомъ случаѣ Дэнъ, какъ показываютъ написанные имъ въ послѣдствіи доносы на злодѣйскія намѣренія левеллеровъ, не былъ порядочнымъ человѣкомъ. Послѣ казни Кромвель обратился къ плѣннымъ левеллерамъ съ рѣчью, съ одной изъ тѣхъ полурелигіозныхъ, полуполитическихъ рѣчей, надъ которыми такъ много смѣялись и которыя всетаки рѣдко не достигали цѣли. Въ данномъ случаѣ тѣ, къ кому относилась рѣчь, также обѣщали отказаться отъ проведенія своихъ идей въ жизнь революціонными средствами. Послѣ незначительнаго промежутка времени мятежниковъ распредѣлили по ихъ прежнимъ полкамъ, а лѣтомъ отправили въ Ирландію, гдѣ они частью пали въ борьбѣ съ ирландскими «папистами», частью же были расселены въ покинутыхъ помѣстьяхъ послѣднихъ. Кромвель и его штабъ, въ день казни, послѣ обѣда, отправились въ Оксфордъ, гдѣ тамошній университетъ поднесъ имъ званіе почетныхъ членовъ и т. д. и чествовалъ ихъ празднествами. Парламентъ выразилъ Кромвелю и его сподвижникамъ благодарность отъ имени націи, а крупная буржуазія Сити, не разъ проклиная Кромвеля и не разъ отказывавшаяся опорочить свои карманы на нужды парламентскаго войска, 7 іюня 1649 года, въ палатѣ цеха торговцевъ пряностями, торжественно отпраздновала побѣду надъ левеллерами банкетомъ въ честь Кромвеля и Ферфакса, сдѣлавшихся теперь спасителями святой собственности. Чтобы показать свою щедрость, толстосумы Сити подарили Кромвелю и Ферфаксу золотыя блюда и тарелки, а затѣмъ ассигновали для раздачи лондонскимъ бѣднякамъ 400 фунтовъ стерлинговъ.

Вѣроятно почтенные комерсанты пережили не мало непріятныхъ минутъ прежде чѣмъ Кромвель избавилъ ихъ отъ угрожающей имъ опасности. О злодѣйскихъ замыслахъ левеллеровъ ходили самые нелѣпые слухи, и многіе изъ доносовъ на нихъ написаны какъ будто не въ семнадцатомъ вѣкѣ, а совсѣмъ недавно.

Такъ, напр., за нѣсколько дней до упомянутаго выше банкета появилось сочиненіе: «Люди, открывшіе Англію или принципы левеллеровъ. Гдѣ описываются ихъ большіе, не имѣющіе себѣ подобныхъ заговоры противъ (прошу вниманія!) двѣнадцати знаменитыхъ корпорацій лондонскаго Сити (слѣдуетъ переченъ ихъ) и всѣхъ другихъ гильдій, цеховъ и т. д. Опубликовано съ особаго разрѣшенія (подразумѣвается правительства), чтобы раскрыть народу глаза и показать ему вещи, подобныхъ которымъ не бывало въ исторіи всѣхъ временъ». Содержаніе книги явствуетъ уже изъ самаго заглавія ея. Прежде всего левеллеры всѣ безъ исключенія атеисты худшаго сорта. «Установимъ относительно тѣхъ, которыхъ называютъ левеллерами, слѣдующее: 1) Они утверждаютъ, что разумъ—Богъ и что онъ создалъ вселенную. 2) Они дерзко отрицаютъ безсмертіе души и насмѣхаются надъ тѣми, кто считаетъ душу безсмертной... 4) Все, что мы называемъ библейской исторіей, они считаютъ выдумкой («idol») поэтому они говорятъ, что официальные священники обманули весь свѣтъ разсказомъ о томъ, какъ одинъ единственныи человѣкъ по имени Адамъ, съѣвъ одинъ един-

ственный плодъ, обрекъ всѣхъ насъ смерти». Коммунизмъ левеллеровъ ужасенъ: «Они хотятъ, чтобы никто не могъ называть какую бы то ни было вещь своею, по ихъ словамъ власть человѣка надъ землею—тиранія, по ихъ мнѣнію частная собственность дѣло рукъ діавола, тайна египетскаго рабства, гибель мірозданія. возобновеніе проклятія, возбужденіе живой, жадной плоти, врагъ духа и причина всѣхъ бѣдствій, посѣтившихъ человѣчество». Еще пагубнѣе, чѣмъ теорія левеллеровъ, ихъ практическая дѣятельность: «Поэтому ихъ эмиссары посылаются прежде всего для слѣдующихъ цѣлей: для возбужденія батрака (рабочаго) противъ хозяина (мастера), арендатора противъ землевладѣльца, покупателя противъ продавца, должника противъ займодавца, бѣдняка противъ богатаго, при томъ же для большей смѣлости каждый нищій долженъ быть снабженъ лошадью»... Не слѣдуетъ, главное, вѣрять официальнымъ увѣреніямъ левеллеровъ: «Но вы слышите ихъ увѣренія, будто они противники такого уравненія, пока его не потребуетъ весь народъ ¹⁾. Однако эта отговорка такъ прозрачна, что каждый видитъ ее пасквозь». Бѣдняки и рабочіе составляютъ большинство и ихъ легко увлечь подобными обѣщаніями.

Какъ видно и тогда уже процвѣтало искусство смѣшивать истину съ ложью, теоретическіе проекты съ практическими требованіями, взгляды, высказанные партіей со взглядами отдѣльныхъ лицъ и группъ, чтобы такимъ образомъ дискредитировать всѣхъ ихъ и оправдать принятія противъ нихъ жестокія мѣры. Правда, не было также недостатка въ доброжелателяхъ, стремившихся примирить непримиримое. Такъ, напр., на слѣдующій день послѣ берфордской казни въ Лондонѣ появилась брошюра, подъ заглавіемъ: «Серьезный совѣтъ доброму народу этой страны, касающійся такъ называемыхъ левеллеровъ». Авторъ статьи, называющій себя Филолаемъ, признаетъ справедливость многихъ требованій левеллеровъ, но предостерегаетъ отъ крайнихъ мѣръ. «Я по-истинѣ убѣжденъ,—восклицаетъ авторъ въ заключеніе, «что попытка осуществить фантастически-утопическое общество сильнѣе оттолкнула бы людей, и была бы источникомъ болѣе дурныхъ послѣдствій, чѣмъ худшее изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ обществъ». Даже такой великій мыслитель, какъ Платонъ, вызвалъ своимъ фантастическимъ государствомъ только—подумайте!—неодобрительные отзывы ²⁾.

Левеллеры съ своей стороны также не молчали. Уже вскорѣ послѣ своего ареста Лилъбуриъ и его товарищи въ «Манифестѣ, изданномъ для того, чтобы окончательно очистить ихъ отъ клеветы, распространяемой съ цѣлью возбудить къ нимъ всеобщее отвращеніе», прямо заявили, что считаютъ «уравненіе въ имуществѣ и въ правахъ» «крайне вреднымъ», пока народъ не выскажется

¹⁾ См. объ этомъ ниже.

²⁾ Очень интересной попыткой примиренія является памфлетъ подполковника Джона Джеббса (An Apology etc.) между прочимъ энергично отстаивающій экономическія реформы съ цѣлью улучшенія быта бѣднѣйшихъ классовъ и выставляющій цѣлую программу такихъ реформъ. Изъ множества памфлетовъ, написанныхъ военными въ защиту левеллеровъ, слѣдуетъ далѣе отмѣтить памфлеты капитана Вильяма Брая и его квартирмейстера Джона Найліера. На обвиненія, предъявленные вождямъ левеллеровъ противъ управленія арміи, Кромвель написалъ краткое опроверженіе, носящее заглавіе: „A Declaration of Lient-General Cromwell concerning the Levellers“. Затѣмъ былъ опубликованъ официальный отчетъ о переговорахъ управленія арміи съ мятежниками; отчетъ озаглавленъ: „A full narrative of all the Proceedings between his Excellency the Lord Fairfax and the Mutineers“.

единогласно за эту мѣру. Парламентъ, добавляли они, въ качествѣ условнаго представительства, не можетъ принимать мѣръ, которыя такъ глубоко затрогиваютъ условія частной жизни; даже коммунизмъ первыхъ христіанъ былъ добровольнымъ ¹⁾. Въ маѣ «многіе благонамѣренные ученики» Крипльгатскаго участка Лондонскаго Сити выпустили «Благодарственное и поздравительное посланіе достопочтеннымъ, находящимся въ заключеніи Лильбурну, Овертону и др.», въ которомъ они горячо отстаиваютъ чистоту намѣреній названныхъ лицъ. Въ іюнѣ появляется памфлетъ левеллеровъ, въ которомъ между прочимъ говорится: «Развѣ левеллеры хотятъ отнять у кого-нибудь землю? Поистинѣ, еслибъ можно было доказать, что жилище хотя бы одного изъ нихъ украшено чѣмъ-нибудь принадлежащимъ народу—„to the commonwealth“,—а не имъ, то пусть будетъ такъ» ²⁾. Между тѣмъ какъ левеллеровъ старались выставить «распредѣлителями», ихъ противники на практикѣ занялись распредѣленіемъ. Парламентъ щедрою рукою раздавалъ своимъ заслуженнымъ приверженцамъ конфискованныя земли, а толстосумы Сити по мѣрѣ силъ старались использовать республику. Исторія повторяется удивительно часто.

Однако, цитированные выше памфлеты, также какъ и напечатанные послѣ нихъ, не могли вернуть движенію левеллеровъ его прежняго значенія. Правда, левеллеры имѣли много сторонниковъ среди лондонскаго населенія, немало друзей они имѣли также и въ арміи, но послѣдніе не могли соперничать по своему вліянію съ Кромвелемъ, а между тѣмъ политика страны все въ большей мѣрѣ зависѣла именно отъ арміи. Въ массѣ народа не обнаружилось сколько-нибудь значительнаго движенія противъ управленія послѣдней, всякое такое движеніе потеряло кредитъ въ народѣ. Къ тому же Кромвель умѣлъ, при помощи увѣреній и обѣщаній, привлекать на свою сторону многихъ, стоявшихъ къ левеллерамъ ближе, чѣмъ къ какой бы то ни было другой партіи, онъ умѣлъ быстро подавлять всякое опасное оппозиціонное движеніе въ войскѣ и среди офицеровъ. Особенно много сторонниковъ, преданныхъ лично ему, онъ приобрѣлъ, благодаря своей энергичной и разумной внѣшней политикѣ. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ поднять знамя возстанія—наиболѣе отчаянные изъ непримиримыхъ враговъ Кромвеля (къ послѣднимъ принадлежали почти всѣ левеллеры, называвшіе его теперь только измѣнникомъ и карьеристомъ, злѣйшимъ врагомъ, тираномъ, который больше чѣмъ кто бы то ни было другой препятствуетъ водворенію свободы) перешли къ покушеніямъ на его жизнь; эти покушенія были также неудачны и только отравляли Кромвелю жизнь, мѣшая ему наслаждаться своимъ блестящимъ положеніемъ диктатора или лорда-протектора ³⁾. Для людей несо-

¹⁾ Къ этому заявленію несомнѣнно и относится соответствующее мѣсто упомянутого выше доноса.

²⁾ Заглавіе этого памфлета написано въ стихахъ, которые можно перевести приблизительно слѣдующими словами: „Кому можно довѣрять, голубымъ или зеленымъ? Или—Разумъ говорить противъ предательства. Обсужденіе недавняго несчастнаго конфликта въ арміи, будто бы улаженнаго теперь“. („Seagreen or blue, see which speaks true“ etc.).

³⁾ Первыми подстрекателями къ такимъ покушеніямъ явились, конечно, поборники порядка, престола и церкви. „Почему вы, храбрые левеллеры, не убиваете этихъ негодяевъ?“ говорится въ номерѣ отъ 20—27 марта 1649 года „Mercurius Pragmaticus“. Вы, непоколебимо храбрые мятежники, вы должны стыдиться, ибо вы, подобно торговкамъ рыбою („like Billingsgate wenches“), умѣете только говорить. Я говорю

собныхъ на такія дѣйствія, но не желающихъ отказаться отъ своихъ стремленій, вскорѣ открылось другое, соотвѣтствующее новому положенію вещей, поле дѣятельности.

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому вопросу, мы вкратцѣ изложимъ личную судьбу Лильбурна съ 1649 года до его смерти, послѣдовавшей въ 1657 году. Въ концѣ іюля 1649 года, когда Лильбурнъ сидѣлъ еще въ Тоуэрѣ, умеръ его старшій сынъ. Парламентъ, не отвѣтившій даже на просьбу Лильбурна разрѣшить ему свиданіе съ умирающимъ ребенкомъ, выпустилъ его теперь подъ залогъ. Но черезъ мѣсяцъ у Лильбурна, изъ-за его новаго политическаго памфлета, былъ сдѣланъ обыскъ, а въ сентябрѣ его, за тотъ же памфлетъ, снова арестовали. Совсѣмъ почти разоренный въ матеріальномъ смыслѣ, убѣжденный, на основаніи личныхъ наблюденій, что съ вліяніемъ Кромвеля немисливо бороться, Лильбурнъ уступилъ настоятельнымъ просьбамъ своего брата, полковника Роберта Лильбурна и 22 октября, находясь еще въ тюрьмѣ, опубликовалъ открытое письмо къ своимъ преслѣдователямъ, въ которомъ онъ предлагаетъ уѣхать въ Вестъ-Индію съ тѣмъ условіемъ, чтобы его оставили въ покоѣ и чтобы всѣмъ, кто пожелаетъ прикнудить къ нему, было уплачено сполна все жалованье и выдано разрѣшеніе сопровождать его, т.-е. Лильбурна. На эту просьбу не послѣдовало отвѣта, но зато Лильбурнъ 24 октября предсталъ въ Гильдголлѣ передъ особой судебной палатой по обвиненію въ государственной измѣнѣ, выразившейся въ опубликованіи упомянутаго выше памфлета: «Обвиненіе въ государственной измѣнѣ, предъявленное противъ Кромвеля etc». Ссылки его на то, что составъ суда противорѣчитъ основнымъ законамъ страны, были безуспѣшны, а его утвержденіе, что присяжные по закону должны рѣшать не только вопросъ о фактической сторонѣ дѣла, но также и вопросъ о примѣненіи закона, между тѣмъ какъ судьи являются только «норманскими пришельцами» и могутъ потерять всякое вліяніе на постановленіе приговора, если этого пожелаютъ присяжные — это утвержденіе одинъ изъ возбѣщенныхъ судей назвалъ «подлою кощунственною ересью». Но присяжные не раздѣляли этого взгляда и послѣ трехдневнаго совѣщанія, къ великому ужасу судей и крайней досадѣ большинства государственнаго совѣта, оправдали Лильбурна. Приговоръ присяжныхъ былъ такою неожиданностью для судей, что они, услышавъ его, не вѣрили своимъ ушамъ и повторили свой вопросъ. Зато публика, наполнявшая залу суда, послѣ прочтенія приговора пришла въ такой шумный восторгъ, какого, по единогласному свидѣтельству современныхъ лѣтописцевъ, Гильдголлъ никогда еще не слыхалъ. Между тѣмъ какъ судьи блѣднѣли и краснѣли со злости, публика больше получаса кричала «да здравствуетъ» и подбрасывала шапки. Восторгъ перешелъ на улицы Лондона и въ предмѣстья. Вечеромъ были зажжены праздничные огни, и еще нѣсколько дней спустя событіе служило предметомъ радостныхъ демонстрацій. Популярность Лильбурна среди массы лондонскаго населенія была такъ велика, что въ честь его оправданія была даже выбита медаль ¹⁾.

вамъ, ваши вопли о справедливости не стоить и ломаннаго гроша, пока они не запечатлѣны кровью тѣхъ, кто отвергаетъ ваши требованія. А посему не унывайте, смѣлые левеллеры, восстаньте, будьте послѣдовательны и поддерживайте свои требованія справедливости, хотя бы ради этого пришлось погибнуть измѣннику и предателю Ферфаксу».

¹⁾ Она носитъ слѣдующую характерную надпись: „Джонъ Лильбурнъ, спасенный могуществомъ Господнимъ и неподкупностью своихъ присяжныхъ, которые являются

Правительство въ теченіе нѣсколькихъ дней оставалось въ нерѣшительности. Лильбурнъ послѣ оправданія снова былъ отвезенъ въ Тоуэръ, такъ какъ предполагалось, при малѣйшей возможности, возбудить противъ него новый процессъ; но на правительство со всѣхъ сторонъ сыпались настоятельныя убѣжденія признать постановленіе присяжныхъ и освободить оправданнаго. Изъ членовъ государственнаго совѣта въ пользу Лильбурна съ особенной энергіей выступили Генри Мартенъ и графъ Грей офъ Гроби, одинъ изъ немногихъ лордовъ, стоявшихъ на сторонѣ индипендентовъ; въ концѣ концовъ ихъ мнѣніе восторжествовало, чему въ немалой степени способствовало то обстоятельство, что Кромвель съ большею частью войска находился еще въ Ирландіи. Государственный совѣтъ призналъ себя побѣжденнымъ, и 8-го ноября Лильбурнъ, Овертонъ, Прэнсъ и Вальвинъ были освобождены ¹⁾.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, въ концѣ декабря 1649 года, Лильбурнъ былъ избранъ членомъ представительства отъ Сити. Но реакціонеры Сити добились отъ парламента отміны его избранія на томъ основаніи, что Лильбурнъ отказался объявить себя безусловнымъ сторонникомъ существующаго строя и что онъ, какъ «лицо опороченное», не имѣетъ права занимать такую почетную должность. Зато лѣтомъ 1650 года парламентъ, наконецъ, отвелъ ему землю на сумму присужденнаго ему, но еще не выданнаго вознагражденія. Въ 1651 году Лильбурнъ, благодаря одному изъ своихъ родственниковъ, былъ запутанъ въ гражданскій процессъ съ членомъ государственнаго совѣта и ньюкэстльскимъ губернаторомъ, сэромъ Артуромъ Гацельригомъ. Лильбурнъ съ обычною страстностью вступился за своего родственника, который, по его мнѣнію, лишился своей законной собственности благодаря тому, что вліятельный «гравдъ» злоупотребилъ своимъ положеніемъ. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до парламента, который поручилъ спеціальной комиссіи изслѣдовать его. Приговоръ былъ постановленъ въ пользу Гацельрига, а Лильбурнъ, назвавшій этотъ приговоръ въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ несправедливымъ и пристрастнымъ, въ началѣ 1652 года, «за неповиновеніе» былъ приговоренъ парламентомъ (!) къ денежному штрафу въ 7000 фунтовъ стерлинговъ и къ пожизненному изгнанію. Всѣ протесты и петиціи противъ этого приговора оказались безуспѣшными, и весной 1652 года Лильбурнъ во второй разъ очутился изгнанникомъ въ Голландію; на этотъ разъ онъ оказался тамъ въ обществѣ вождей той партіи, отъ которой онъ бѣжалъ раньше: въ Гол-

судьями, какъ въ смыслѣ установленія фактовъ, такъ и въ смыслѣ примѣненія закона. 26 октября 1649 года».

¹⁾ Съ тѣхъ поръ имена Прэнса и Вальвина не встрѣчаются болѣе въ числѣ именъ участниковъ движенія. Овертонъ, еще во время своего пребыванія въ Тоуэрѣ опубликовавшій нѣсколько памфлетовъ, въ которыхъ онъ полуюмористически, полупронически упрекаетъ своихъ лондонскихъ единомышленниковъ въ бездѣятельности, впоследствии принималъ участіе въ заговорахъ Сексби противъ Кромвеля. Объ этомъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. Въ упомянутыхъ здѣсь памфлетахъ онъ упрекаетъ своихъ лондонскихъ друзей, что они заставили его, Лильбурна и др. выступить противъ Кромвеля, а затѣмъ покинули ихъ („Overton's Defiance of the Act of Pardon“, июль 1649 года) и что герои большого митинга 11 сентября 1648 года (ср. стр. 122), въ то же время, когда разыгрывалось берфордское событіе, были разогнаны, подобно воробьямъ, игрушечнымъ ружьемъ. Затѣмъ Овертонъ высказываетъ надежду, что его грубыя слова встряхнутъ друзей и напомнятъ имъ объ „Agreement'ѣ“ („The Baiting of the great Bull of Bashan“).

ландін нашлп себѣ пріютъ многіе изгнанные и добровольно эмигрировавшіе «кавалеры». Соблазнъ вступить съ ними въ союзъ противъ ненавистнаго «узурпатора» Кромвеля былъ очень великъ, и кавалеры, навѣрно, не разъ дѣлали предложенія въ этомъ смыслѣ, но у насъ нѣтъ никакого основанія не вѣрить пылкому заявленію Лильбурна, что онъ отклонилъ всякія сношенія съ ними. Правда, въ Лондонѣ было получено донесеніе, что Лильбурнъ предложилъ герцогу Букингамскому и другимъ кавалерамъ вернуться за 10,000 фунтовъ стерлинговъ въ Англію и низвергнуть Кромвеля; однако Лильбурнъ вполне убѣдительно показалъ, что это донесеніе составлено шпіонами, находившимися на содержаніи у Кромвеля, а имъ врядъ ли можно довѣрять больше, чѣмъ самому Лильбурну, наиболѣе характерной чертой котораго являлась безавѣтная правдивость, много разъ вредившая его собственнымъ интересамъ. Къ тому же Лильбурнъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы надѣяться, при помощи сравнительно ничтожной суммы, достигнуть низверженія Кромвеля какъ разъ въ тотъ моментъ, когда послѣдній, благодаря своимъ новымъ побѣдамъ надъ шотландцами и ирландцами, достигъ апогея власти, т. е. достигнуть того, чего не могли сдѣлать, при гораздо болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ и при наличности несравненно болшихъ средствъ, Карлъ I и купечество Сити. Противъ этого обвиненія говорятъ, наконецъ, письма, которыя Лильбурнъ писалъ въ изгнаніи своимъ политическимъ друзьямъ. Въ этихъ письмахъ онъ непрестанно увѣщевалъ послѣднихъ не отступать отъ радикально-республиканскихъ принциповъ и неустанно бороться за ихъ осуществленіе. Объ одномъ изъ этихъ писемъ мы уже упоминали выше (стр. 125). Оно адресовано Генри Мартену и замѣчательно тѣмъ, что содержитъ пространный очеркъ борьбы партій въ Римѣ и Греціи, и что авторъ заимствуетъ республиканскіе образцы именно изъ исторіи этихъ странъ, игнорируя библейскіе примѣры. Въ этомъ также сказывается переходъ къ идеологіи, характеризующей французскую революцію.

Когда Кромвель, въ апрѣлѣ 1653 года, силою разогналъ оказавшійся совершенно недѣеспособнымъ долгій парламентъ и созвалъ новый, состоявшій изъ 139 вліятельнѣйшихъ индепендентовъ, уже охарактеризованный нами (стр. 126, прим.) «малый» парламентъ или парламентъ Варбона, Лильбурнъ подумалъ, что по закону, вмѣстѣ съ парламентомъ, должно быть также уничтожено изданное послѣднимъ постановленіе объ изгнаніи его, Лильбурна, и поэтому вернулся въ Лондонъ. Кромвель, однако, держался иного мнѣнія. Какъ только Лильбурнъ вернулся, онъ велѣлъ арестовать его и подвергнуть суду за нарушеніе постановленія объ изгнаніи, что каралось наравнѣ съ государственной измѣной. Снова на государственный совѣтъ отовсюду посыпались массовыя петиціи въ пользу Лильбурна, но они остались такими же безрезультатными, какъ опубликованное Лильбурномъ, немедленно послѣ его возвращенія, посланіе: «Обращенная къ Кромвелю просьба изгнанника о защитѣ». Парламентъ, къ которому Лильбурнъ обратился, какъ только онъ былъ созванъ (въ началѣ іюля 1656 г.), тоже могъ только передать дѣло Лильбурна суду присяжныхъ, такъ какъ оно было подсудно послѣднему. Впрочемъ, это было скорѣе въ интересахъ Лильбурна, нежели въ интересахъ Кромвеля. Если бы большинство этого «пуританскаго» парламента было менѣе независимымъ, то ему стоило бы только уважить просьбу Лильбурна — судить его, чтобы имѣть возможность постановить приговоръ, котораго тотъ не могъ бы оиротестовать. Но для этого большинство было именно слишкомъ независимо,

«индепендентно». Перечень реформъ, начатыхъ этимъ парламентомъ, показываетъ, что его политическіе взгляды были очень близки къ взглядамъ Лильбуерна. Особенно упомянутое уже выше постановленіе парламента о составленіи свода законовъ на англійскомъ языкѣ вполне соответствовало требованіямъ, изложеннымъ Лильбуерномъ въ его сочиненіи: «The Legal Fundamental Liberties».

Прошло нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ присяжные въ Ольдѣ Байлеѣ приступили къ разбору дѣла Лильбуерна, который настоятельно требовалъ, чтобы ему до разбора дѣла былъ врученъ обвинительный актъ, для того, чтобы онъ могъ посоветоваться съ юристами. Справедливость и законность своего требованія Лильбуернъ доказывалъ съ обычною діалектикою и, въ концѣ концовъ, совершилъ, по выраженію одного выдающагося англійскаго юриста, «великій, никѣмъ равьше его не совершавшійся, подвигъ»: добился выдачи ему обвинительнаго акта. 20 августа состоялся судъ. Сочувствіе населенія къ Лильбуерну возросло до такой степени, что Кромвель счелъ нужнымъ держать подъ оружіемъ нѣсколько полковъ, чтобы, въ случаѣ надобности, пустить въ ходъ силу (Thurloe, State papers, стр. 366).

Среди населенія во множествѣ распространялись листки съ надписью:

«And what, shall then honest John Lilburne die!
Three score thousand will know the reason why»¹⁾.

Число приверженцевъ Лильбуерна не было, правда, такъ велико²⁾, но агитація въ это время сдѣлалась крайне интенсивной, и популярность Лильбуерна очень возрасла; это доказывается какъ упомянутой выше мѣрой Кромвеля, такъ и множествомъ памфлетовъ той эпохи, написанныхъ по поводу процесса Лильбуерна³⁾. Послѣ двадцатичасоваго заключительнаго засѣданія, во время котораго Лильбуернъ защищался съ обычнымъ своимъ искусствомъ (процессъ со всѣми подробностями отпечатанъ въ «State Trials» Коббета), судъ постановилъ приговоръ: невиновенъ.

Тутъ однако снова оказалось, что быть оправданнымъ еще не значитъ — быть освобожденнымъ. Государственный совѣтъ держалъ Лильбуерна подъ строгимъ надзоромъ и велѣлъ тщательно провѣрить его дѣло, для того, чтобы имѣть возможность отмѣнить приговоръ. Присяжныхъ каждаго по одиночкѣ привлекали къ отвѣтственности, но они не сдались и твердо поддерживали свой приговоръ.

1) Что? Честный Джонъ Лильбуернъ долженъ умереть?

Трижды двадцать тысячъ человекъ хотятъ знать причину.

2) Впрочемъ, въ одномъ памфлетѣ 1649 года говорится, что подъ Agreement'омъ левеллеровъ имѣется уже 98.064 подписи, и что число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивается («The Remonstrance of Many Thousands of the Free People of England»).

3) «О, Лильбуернъ, Лильбуернъ, — говорится въ одномъ изъ нихъ, принадлежащемъ перу радикальнаго индепендента, Самуэля Чайлдея, старающагося оправдать политическія мѣропріятія Кромвеля, — послушай, что говоритъ человекъ, полагающій, что люди были бы мудрыми, если бы не мѣшали сами себѣ. Если бы у тебя было столько мудрости, сколько смѣлости, столько ума, сколько самоувѣренности, столько крѣпости и смиренія, сколько памяти, столько глубины пониманія, сколько легкости рѣчи, то ты былъ бы рѣдкою птицею Фениксомъ, райскою птицею» (An additional Remonstrance etc. With a little friendly touch to Lieut.-Colonel John Lilburne, London 1653). Въ отвѣтъ на такого рода увѣщанія, Лильбуернъ выпустилъ тогда свое сочиненіе: „The just defence of John Lilburne against such as charge him with turbulency of spirit“.

Очевидно путемъ законнаго судебнаго преслѣдованія Лильбурна невозможно было засудить. Оставалось прибѣгнуть къ помощи «государственныхъ соображеній». Въ декабрѣ 1653 года былъ распущенъ «малый парламентъ», создана новая конституція, а Кромвель былъ назначенъ «лордомъ-протекторомъ» республики, съ почти королевскими полномочіями. Въ мартѣ 1634 года Лильбурна, на основаніи высказанныхъ имъ во время его процесса «мятежныхъ» взглядовъ, перевели на островъ Джерсей, гдѣ его держали въ заключеніи, какъ государственнаго преступника. На Джерсеѣ, гдѣ англійскихъ законовъ не существовало, было легче всего не обращать вниманія на ссылки на «Habeas-Corpus». Пока Кромвель могъ довѣрять губернатору острова, до тѣхъ поръ опасный народный вождь былъ безвреденъ для него.

Лильбурнъ былъ обезвреженъ, и Джерсей въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ больше, чѣмъ могъ ожидать Кромвель. Парламентъ ассигновалъ Лильбурну содержаніе въ два фунта стерлинговъ въ недѣлю, такъ что въ матеріальномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, ему не приходилось терпѣть нужду, но зато духовное одиночество повидимому отражалось на немъ очень тяжело. Не менѣе угнетающе дѣйствовали на Лильбурна также и вѣсти изъ Англи, откуда сообщалось о неуспѣхѣ всѣхъ предпринятыхъ его товарищами противъ Кромвеля дѣйствій: съ 1654 года, со времени установленія протектората начался цѣлый рядъ покушеній на жизнь Кромвеля, которыя устранились левеллерами, анабаптистами, монархистами и проч. Въ душѣ Лильбурна произошелъ переломъ, который впрочемъ пришлось пережить многимъ его единомышленникамъ. Въ немъ наступила реакція противъ прежней кипучей жажды дѣятельности, онъ сталъ пассивнѣе относиться къ жизни, его охватили сомнѣнія въ правильности стараго метода борьбы, сомнѣнія въ возможности достигнуть желанной цѣли путемъ политической борьбы, сомнѣнія въ зрѣлости народа; къ этому присоединилось дурное состояніе здоровья — и Лильбурнъ отказался отъ веденія борьбы прежними средствами, пылкій духъ его былъ сломенъ. Осенью 1655 года, государственный совѣтъ, вѣроятно освѣдомленный о происшедшей въ Лильбурнѣ перемѣнѣ, перевелъ его съ острова Джерсея въ Дуврскую крѣпость. Здѣсь онъ по прежнему находился въ заключеніи, но имѣлъ зато возможность чаще видѣться съ друзьями. Спустя нѣсколько недѣль послѣ переселенія Лильбурна въ Дувръ въ лондонскихъ газетахъ появилось извѣстіе, подтвержденное письмами Лильбурна къ его друзьямъ, что онъ примкнулъ къ вновь народившейся и приобретающей все большее значеніе сектѣ квакеровъ, облекся въ одежду друзей внутренняго свѣта. Самый выдающійся вождь политическихъ левеллеровъ кончилъ свою дѣятельность также какъ и главный представитель истинныхъ левеллеровъ.

Кончилась впрочемъ не одна только политическая дѣятельность Лильбурна. Въ концѣ іюля 1657 года онъ получилъ разрѣшеніе отпавиться (по представленіи залога) въ Эльтгамъ, возлѣ Лондона. Здѣсь онъ нанялъ для своей жены домъ, для того, чтобы она, въ случаѣ болѣзни, была вблизи своихъ родныхъ. Услышавъ объ этомъ, Кромвель 19-го августа собственною властью приказалъ, чтобы Лильбурнъ втеченіе десяти дней вернулся въ Дувръ. Вѣроятно Кромвель не вѣрилъ въ безвредность Лильбурна. Впрочемъ приказъ его оказался излишнимъ, иная власть наложила свою руку на опаснаго человѣка. Десять дней спустя, 29-го августа 1657 года, «безпокойный» Джонъ сдѣлался совѣмъ

спокойнымъ человѣкомъ. Постоянныя преслѣдованія преждевременно сломили его силы, и онъ умеръ сорока лѣтъ.

Тѣло Лильбурна было перевезено въ Лондонъ, гдѣ оно еще послужило предметомъ спора между его старыми и новыми единомышленниками. Первые желали хоронить его, по обычаю, съ покровомъ, послѣдніе же (квакеры) въ простомъ гробу безо всякихъ украшеній. Квакеры составляли въ толпѣ, собравшейся передъ домомъ Лильбурна, большинство (!), и поэтому ихъ желаніе восторжествовало. Когда гробъ выносился изъ дому, кто-то сдѣлалъ попытку покрыть его бархатнымъ покровомъ, но квакеры воспрепятствовали этому. Они подняли гробъ и, неся его на плечахъ, сожнутыми рядами отправились на кладбище.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Оцѣнка дѣятельности Лильбурна и левеллеровъ. — Различныя теченія, на которыя распалось ихъ движеніе. — Заговоры. — Чартисты — преемники левеллеровъ.

Современники Кромвеля передали намъ его образъ въ очень искаженномъ видѣ, но историческія изслѣдованія XIX вѣка очистили его отъ многихъ искаженій. Въ настоящее время дунбарскій побѣдитель является для насъ уже не коварнымъ, двуязычнымъ интриганомъ, не «великимъ обманщикомъ», ради одного своего честолюбія топчущимъ сегодня то, что онъ вчера, казалось, почиталъ, какимъ его считали многіе изъ его соратниковъ. Книга Гардинера уничтожила послѣднія сомнѣнія въ этомъ отношеніи и дала ключъ къ пониманію такихъ превращеній Кромвеля, которыя до сихъ поръ считались необъяснимыми. Гардинеръ ясиѣ, чѣмъ кто бы то ни было другой, анализировалъ различные факторы, вліянія и обстоятельства, опредѣлявшіе дѣйствія Кромвеля, точнѣе, чѣмъ кто бы то ни было другой, установилъ ихъ хронологическую связь, и вотъ почти въ каждомъ данномъ случаѣ «обманъ» Кромвеля оказывается оппортунизмомъ, который, по крайней мѣрѣ съ субъективной точки зрѣнія, вполне можетъ быть оправданъ. Но выигрывая какъ человѣкъ и государственный дѣятель, Кромвель теряетъ, какъ революціонеръ. Великій полководецъ былъ великимъ государственнымъ дѣтелемъ потому, что являлся въ то же время великимъ оппортунистомъ, но по этой же самой причинѣ онъ оказался плохимъ революціонеромъ. Въ тотъ періодъ, когда борьба съ устарѣлыми формами власти стала приближаться къ революціонной развязкѣ, Кромвель часто выказывалъ нерѣшительность и малодушіе, дѣлалъ рѣшительные шаги лишь подъ воздѣйствіемъ другихъ элементовъ и всегда почти являлся только вершителемъ, а вовсе не подготовителемъ событій, какимъ считали его современники. Въ революціонную во всѣхъ отношеніяхъ эпоху съ 1646 по 1648 годъ Кромвель въ пониманіи необходимыхъ политическихъ мѣропріятій, въ способности быстро ориентироваться при измѣнившихся условіяхъ, отставалъ отъ другихъ, особенно отъ левеллеровъ, которые велики были именно въ томъ, въ чемъ онъ былъ слабъ. Въ эту эпоху

все больше и больше выступали на первый планъ плебейски-радикальные элементы арміи и буржуазіи, въ эту эпоху они указывали путь революціи. Левеллеры въ народѣ и простые рядовые — агитаторы — въ арміи первые поняли необходимость энергичнаго сопротивленія контръ-революціоннымъ элементамъ парламента и они же раньше другихъ пришли къ сознанию, что ни одинъ плодъ ихъ побѣдъ не будетъ обезпеченнымъ, пока революція будетъ признавать традиціонную безответственность короля, пока она будетъ обращаться съ нимъ, какъ съ военнопленнымъ, а не какъ съ государственнымъ преступникомъ. Въ то время, когда Кромвель еще пытается выторговать у Карла I незначительныя уступки, левеллеры и ихъ друзья давно поняли, что революція противъ этого монарха нуждается въ «Аодѣ»¹⁾.

Но среди самихъ левеллеровъ по демократическому инстинкту и, даже болѣе того, по замѣчательному политическому чутью (по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку дѣло касается демократіи) особенно выдается Джонъ Лильбурнъ. Въ цитированномъ нами въ нашемъ введеніи мѣстѣ Массонъ говоритъ, что, по его мнѣнію, Лильбурнъ былъ «осломъ»; это вѣрно лишь постольку, поскольку Лильбурнъ былъ политическій доктринеръ и, какъ таковой, отличался односторонностью. Однако, этотъ доктринеръ понималъ нныя вещи изумительно ясно и не разъ бывалъ правъ, когда расходился во взглядахъ съ государственными дѣятелями. Такъ, напримѣръ, онъ уже въ 1646 году, когда еще никто изъ политическихъ вождей и не думалъ о нападкахъ на палату лордовъ, писалъ: «Всякая законодательная власть, но самому существу своему, совершенно произвольна, и дарованіе какому бы то ни было классу людей права пожизненно и свободно распоряжаться — величайшее рабство (въ виду испорченности и корыстолюбія всѣхъ, даже самыхъ хорошихъ людей). Однако, притязанія лордовъ не ограничиваются тѣмъ, чтобы воплощать собою всю жизнь произвольно распоряжающуюся власть, они хотятъ передать эту власть по наслѣдству своимъ сыновьямъ, хотя бы послѣдніе были негодяями или глупцами, и это рабство — наигоршее» («A whip for the present house of Lords»). Только три года спустя, гранды арміи и парламентъ пришли къ заключенію, что Лильбурнъ правъ, и упразднили палату лордовъ. Мы видѣли также выше, что Лильбурнъ въ своей боязни передъ произволомъ и возможнымъ злоупотребленіемъ властью не останавливался даже передъ нападками на парламентъ и энергично сопротивлялся попыткѣ установить военную диктатуру, хотя самъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ демократическими элементами арміи. А вотъ еще одинъ примѣръ: «Если ужъ мы должны имѣть короля», — говоритъ Лильбурнъ въ «Agreement'ѣ» изданія 1-го марта 1649 года, «то я предпочелъ бы принца²⁾ всякому другому человеку въ мірѣ, потому что онъ можетъ сослаться на свое большое, якобы, право. Конечно, еслибъ онъ явился съ вооруженными силами, съ помощью иностранцевъ, то одна эта попытка, очевидно, лишила бы его всего, ибо она сплотила бы разрозненные теперь элементы, которые всѣ, какъ одинъ, обратились бы противъ него. Но еслибъ онъ явился при помощи англичанъ, на основаніи дого-

¹⁾ Ср. Putney Projects Уайльдмана, Лондонъ, 1647. Аодъ — восхваляемый въ книгѣ судей (глава 3) убійца „зѣло добротѣлеснаго“ царя моавитиня, Еглона.

²⁾ Впослѣдствіи взошедшаго на престолъ подъ именемъ Карла II, но тогда еще не обвужившаго своего характера.

вора («by contract») объ изложенныхъ здѣсь принципахъ (Agreement'a), легко осуществимаго, то народъ скоро убѣждался бы, что это выгодно, ибо, благодаря тому, что король находится въ мирныхъ отношеніяхъ съ чужими націями и не имѣетъ соперниковъ королевскаго рода, можно распустить армію, гарнизоны и флотъ, за исключеніемъ гарнизоновъ пяти военныхъ портовъ... Если же теперешняя армія провозгласитъ королемъ мнимаго святого Оливера или кого-нибудь другого, то съ начала до конца будутъ происходить постоянныя убійства и войны. Да, и къ этому присоединится необходимость содержать никогда не распускающееся постоянное войско, при которомъ народъ является безусловнымъ рабомъ».

«Невозможно считать человѣка, написавшаго эти строки, простымъ крикуномъ», — говоритъ Гардинеръ, — и онъ правъ. Къ тому же, именно, цитированное мѣсто даетъ Лильбурну не особенно благоприятную характеристику, ибо въ этомъ мѣстѣ онъ настолько увлекается идеологіей, что считаетъ возможнымъ добросовѣстное отношеніе принца къ своей подписи подѣ «народнымъ договоромъ». Но зато онъ вѣрно предсказалъ, что военной диктатурой борьба не кончится и вѣрно охарактеризовалъ опасности такой диктатуры. Съ другой стороны онъ, какъ политикъ, далеко превосходилъ приверженцевъ пятаго царства, которые рабски притерживались формы республики.

Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь еще нѣсколько сужденій о Лильбурнѣ.

«Лильбурну страхъ былъ такъ мало знакомъ, что онъ во всякое время былъ готовъ вступить въ борьбу, несмотря ни на какія неблагоприятныя обстоятельства» (A. Bisset. Omitted Chapters of the History of England, I, стр. 145).

«Онъ (Лильбурнъ) отъ природы былъ одаренъ непоколебимымъ мужествомъ и острымъ умомъ. Онъ не боялся никакихъ послѣдствій и никогда никакое насиліе не могло поколебать его рѣшимости и настойчивости... Это былъ человѣкъ знатнаго происхожденія и пылкаго темперамента, къ тому же одаренный необыкновенными способностями (W. Godwin, History of the Commonwealth).

И совѣтъ недавно профессоръ Ч. Г. Фиртъ въ Dictionary of National Biography, въ концѣ длинной статьи о Лильбурнѣ, писалъ:

«Политическое значеніе Лильбурна легко объяснимо. Во время революціи, когда другіе спорили о правахъ короля и парламента, онъ постоянно говорилъ о правахъ народа. Его непоколебимое мужество и краснорѣчіе сдѣлали его кумиромъ массы народа. Съ «Учрежденіями» Кока въ рукахъ Лильбурнъ могъ бросить вызовъ любой судебной палатѣ. Онъ былъ готовъ бороться противъ всякаго злоупотребленія, что бы ему это ни стоило, но присущее ему страстное самовѣріе дѣлало его опаснымъ приверженцемъ партіи, и онъ постоянно жертвовалъ общественными интересами ради собственной, личной жажды мщенія. Было бы несправедливостью не признавать, что онъ чувствовалъ искреннее состраданіе ко всѣмъ бѣднымъ и угнетеннымъ; даже будучи въ изгнаніи, онъ обратилъ вниманіе на страданія англійскихъ военнопленныхъ и употребилъ все вліяніе, какое ему удалось сохранить на родинѣ для того, чтобы улучшить ихъ положеніе. Въ своей полемикѣ онъ былъ легкомысленнымъ, безмѣрно мстительнымъ и мало заботился о справедливости своихъ обвиненій. Онъ падалъ поочередно на всѣ установленныя авторитеты, на лордовъ, на чиновъ палаты общинъ, на государственный совѣтъ и совѣтъ офицеровъ и поочередно спорилъ со всѣми своими

союзниками». Въ биографической статьѣ о Лильбурнѣ, опубликованной въ 1657 году, ему посвящается слѣдующая эпитафія:

Is John departed and is Lilburne gone!
Farewell to Lilburne. and farewell to John;
But lay John here, lay Lilburne here about,
For if they ever meet they will fall out ¹⁾.

Это мнѣніе не вполне справедливо. На упрекъ въ пристрастія къ спорамъ, Лильбурнъ, въ своемъ уже упомянутомъ выше защитительномъ сочиненіи, написанномъ въ 1653 году, имѣлъ полное право отвѣтить ссылкой на тотъ фактъ, что всѣ его процессы и конфликты происходили изъ-за важныхъ вопросовъ, касающихся общаго блага и законовъ. Лильбурнъ дѣйствительно, какъ уже было сказано выше, былъ идеальнымъ «борцомъ за право», а такъ какъ онъ, къ тому же, отличался вспыльчивостью, то неизбежно попадалъ изъ одного конфликта въ другой. По свидѣтельству многихъ спеціалистовъ, онъ, вообще, могъ бы сдѣлаться выдающимся адвокатомъ, если бы только пожелалъ этого. Но подобно тому, какъ онъ, несмотря на свои военныя способности, былъ самымъ рѣшительнымъ противникомъ военной диктатуры, такъ онъ былъ самымъ отъявленнымъ врагомъ профессиональныхъ юристовъ, несмотря на свои познанія въ области права, а можетъ быть именно благодаря имъ.

Тотъ фактъ, что ни разу не было рѣчи о распрѣ между Лильбурномъ и настоящими его единомышленниками, которые, наоборотъ, до послѣдней минуты очень любили его и выступали на его защиту, говорить не въ пользу тѣхъ, кто приписываетъ Лильбурну чрезмѣрную страсть къ спорамъ. Онъ былъ вспыльчивъ, но охотно сознавался въ своихъ заблужденіяхъ. Подмѣтивъ раньше, чѣмъ кто бы то ни было другой, честолюбіе Кромвеля и заклеивъ его склонность къ политическимъ уверткамъ, Лильбурнъ все-таки былъ готовъ сложить оружіе, если бы только Кромвель выказалъ намѣреніе вести демократическую политику, демократическую въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ это Лильбурнъ. Но это вовсе не входило въ планы Кромвеля, типичнаго представителя имущихъ классовъ, и если онъ пользовался радикальной терминологіей, то придавалъ ей всегда совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ Лильбурнъ. Благодаря этому, онъ долженъ былъ казаться послѣднему политическимъ жонглеромъ («juggler») даже тогда, когда онъ не игралъ словами, а когда его мѣропріятія просто не соответствовали основнымъ на его же собственныхъ словахъ ожиданіямъ Лильбурна.

Время тогда было безпокойное и всякій, кто, подобно Лильбурну, рѣшительно стоялъ на сторонѣ народа—крестьянъ, ремесленниковъ, рабочихъ и т. д., неминуемо долженъ былъ «нападать поочередно на всѣ установленныя авторитеты». Смѣшно видѣть въ этомъ доказательство «самоуниженія» Лильбурна. Позіція, занятая имъ по отношенію къ «установленнымъ авторитетамъ» и къ Кромвелю, обуславливалась его политическими убѣжденіями, и такую же позіцію занимали во время буржуазныхъ революцій всѣ наиболѣе замѣчательные защит-

¹⁾ Джонъ умеръ и Лильбурнъ скончался—

Прощай, о, Лильбурнъ, прощай и Джонъ!

Однако, положите Джона здѣсь, а Лильбурна немного въ сторонѣ,

Ибо если они окажутся вмѣстѣ, они сейчасъ же вступятъ въ споръ.

(Изъ „The self afflicted lively described“, 1657).

ники интересовъ народа. Лильбурна можно назвать демагогомъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ демагогами называютъ Марата, Дамулапа, О'Коннеля, и среди людей, подобныхъ имъ, онъ занималъ далеко не послѣднее мѣсто. Онъ былъ блестящимъ ораторомъ, одинаково искусно и смѣло владѣвшимъ какъ мечомъ, такъ и перомъ. Хотя нѣкоторые соратники, быть можетъ, и превосходили его глубиною познаній — его познанія были тоже далеко не малыми — или социальнымъ радикализмомъ, все же ни въ одномъ изъ нихъ не соединялось столько блестящихъ качествъ народнаго агитатора, какъ въ Лильбурнѣ, котораго даже Юмъ называетъ «необузданнѣйшимъ, но зато прямоудивнѣйшимъ и мужественнѣйшимъ изъ всѣхъ людей». Со свойственнымъ идеологу непоколебимымъ пристрастіемъ къ правотѣ и законности, Лильбурнъ соединялъ рѣшимость опытнаго революціонера и здравый смыслъ политика-практика.

Этому отнюдь не противорѣчитъ тотъ фактъ, что Лильбурнъ не всегда вѣрно оцѣнивалъ дѣйствія Кромвеля. Онъ былъ представителемъ иного класса, иныхъ принциповъ, чѣмъ Кромвель, и онъ былъ бы плохимъ представителемъ ихъ, если бы прикладывалъ къ поступкамъ сильныхъ міра сего яную мѣрку, чѣмъ ту, которая могла быть приложена къ нимъ съ точки зрѣнія представляемыхъ имъ принциповъ. Партийный боецъ не можетъ и не долженъ относиться къ людямъ и обстоятельствамъ съ объективностью, свойственной историку. Впрочемъ, демократическія партіи вообще никогда не отличались умѣньемъ вести большую политику. Кромвель, съ своей стороны, и душою и тѣломъ былъ представителемъ имущихъ классовъ и какъ таковой являлся неумѣлымъ и даже прямо ограниченнымъ именно въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ Лильбурнъ могъ бы считаться авторитетомъ. Въ существовавшемъ тогда дѣленіи общества на дворянство, буржуазію и рабочее населеніе, въ различіяхъ въ правовомъ положеніи этихъ классовъ, Кромвель видѣлъ ненарушимый «естественный» міропорядокъ.

«Различіе между дворяниномъ, джентльменомъ и йоменомъ (крестьяниномъ и ремесленникомъ) представляетъ собою важный и значительный интересъ для націи. Развѣ естественный (!) строй («Magistracy») націи не попирался съ насмѣшкою и презрѣніемъ людьми исповѣдующими уравнительные («levelling») принципы? Развѣ всѣ эти принципы не имѣли цѣлью принизить всѣхъ къ одному уровню? Сознательно или безсознательно было стремленіе осуществить эти принципы на практикѣ по отношенію къ собственности и прибылямъ? Была ли у нихъ, во всякомъ случаѣ, иная цѣль, кромѣ цѣли поставить арендатора въ такое же хорошее положеніе, какъ и лэндлорда? По моему это, если бы даже и было достигнуто, продолжалось бы недолго. Люди, проповѣдующіе этотъ принципъ, скоро сами сдѣлались бы яркими защитниками собственности и прибылей, какъ только бы достигли своей цѣли. Я привожу только одинъ этотъ примѣръ, хотя ихъ много. Что такая проповѣдь грозила получить широкое распространеніе и въ самомъ дѣлѣ была сильно распространена, не подлежитъ сомнѣнію, ибо она всѣмъ бѣднымъ людямъ кажется райской вѣстью, а всѣмъ дурнымъ конечно не можетъ быть неприятна». Такъ говорилъ Кромвель въ своей рѣчи отъ 4 сентября 1654 года при открытіи засѣданій перваго парламента, созданнаго послѣ провозглашенія его протектората. Въ рѣчи, произнесенной 22 января 1655 года при распущеніи этого парламента, Кромвель снова указываетъ на опасность, которая угрожаетъ со стороны левеллеровъ и говоритъ: «Доставляетъ извѣстное удовлетвореніе, когда общество, осужденное на гибель, погибаетъ бла-

годаря людямъ, а не благодаря существамъ, мало отличающимся отъ животныхъ, когда общество, осужденное страдать, страдаетъ отъ богатыхъ людей, а не отъ бѣдныхъ, которые, по словамъ Соломона, обрушиваясь на что-нибудь, не оставляютъ послѣ себя ничего и подобны срывающему все проливному дождю».

Изъ этихъ словъ «его величества» — такъ Лильбурнъ окрестилъ Кромвеля еще за годъ до совершеннаго послѣднимъ государственнаго переворота — явствуетъ, что Кромвель держался буржуазныхъ убѣжденій, и кромѣ того, что движеніе левеллеровъ въ 1655 году еще не совсѣмъ замерло. Конечно Кромвель, мастеръ производить впечатлѣніе въ парламентѣ, преувеличивалъ; опасность со стороны левеллеровъ грозила скорѣе лично ему самому, нежели государству и обществу. Съ 1654 года покушенія на жизнь «лорда-протектора» быстро слѣдовали одно за другимъ, и всѣ они, почти безъ исключенія, производились бывшими левеллерами или послѣдователями родственныхъ имъ радикальныхъ сектъ, при поддержкѣ роялистовъ, которые иногда даже оплачивали покушенія. Самыми замѣчательными изъ нихъ были покушенія Сексби-Зиндеркомба.

Эдуардъ Сексби, съ которымъ мы познакомились въ одной изъ предыдущихъ главъ, гдѣ онъ фигурировалъ въ качествѣ «агитатора» арміи и довѣреннаго Лильбурна, былъ несомнѣнно очень даровитымъ и чрезвычайно энергичнымъ человѣкомъ. Онъ началъ службу простымъ рядовымъ и постепенно достигъ чина полковника. Благодаря главнымъ образомъ его усиліямъ, состоялось весной 1647 года свиданіе въ Ньюмаркетъ-Гитѣ, на которомъ армія обязалась поддерживать демократію. Въ состоявшихся осенью того же года въ Путнеѣ (см. стр. 114) совѣщаніяхъ между штабомъ Кромвеля и агитаторами, Сексби явился представителемъ радикальнаго направленія. Когда обсуждался вопросъ объ избирательномъ правѣ, Сексби указалъ на многія тысячи солдатъ, которые, будучи такими же бѣдными какъ онъ самъ, рисковали жизнью ради «прирожденныхъ правъ и привилегій, принадлежащихъ имъ какъ англичанамъ». Почему же теперь, говорилъ онъ, понадобилось лишать ихъ врожденныхъ правъ низъ-за того, что у нихъ нѣтъ земельной собственности? Я съ своей стороны никому не уступлю своихъ врожденныхъ правъ¹⁾.

Очень интересна его критика политической тактики, которой до тѣхъ поръ держалась администрація арміи. «Мы всѣмъ хотѣли угодить, и это конечно было хорошо, но какъ только мы обнаружили свое хотѣніе на практикѣ, тотчасъ же оказывалось, что мы всѣхъ возставаемъ противъ себя. Мы пытались заслужить одобреніе короля, но мнѣ кажется, что мы не сумѣемъ добиться его, пока не рѣшимся сами себя перерѣзать горло. Мы поддерживали домъ, который оказывается построеннымъ изъ гнилыхъ бревенъ, — я разумію здѣсь парламентъ, представляющій собою собраніе гнилыхъ членовъ». Кромвель и Айртонъ въ то время еще вѣрили въ соглашеніе, но вскорѣ должны были убѣдиться, что Сексби вѣрно охарактеризовалъ какъ парламентъ, такъ и короля. Въ 1648 году

¹⁾ Гардинеръ, I. с. стр. 387. Очень характеренъ отвѣтъ Кромвеля на эту рѣчь. Она сказана въ неузнѣнномъ тонѣ, „слишкомъ сильно пахнетъ своеволеми“. Зачѣмъ поднимать споръ на отвлеченныя темы, лучше изслѣдовать, насколько можетъ быть распространено, безъ ущерба для дѣла, существующее избирательное право? Нельзя ли, напр., даровать право голоса паравѣи со свободнымъ землевладѣльцемъ („freeholder“) и осѣдлому арендатору („copyholder“)? (Дебаты подробно изложены въ Clarke Papers. I, стр. 226 и слѣд.).

Сексби передалъ Кромвелю упомянутое на стр. 118 письмо Лильбурна, въ которомъ послѣдній предлагаетъ примиреніе ¹⁾. Въ первые годы существованія республики онъ оставался на службѣ у нея; но со времени провозглашенія протектората, со времени незаконнаго изгнанія Лильбурна и преслѣдованія другихъ республиканцевъ, Сексби, подобно многимъ другимъ левеллерамъ и республиканцамъ, сталъ считать устраненіе «всемогущественнаго деспота» и «предателя» Кромвеля необходимымъ условіемъ достиженія желаннаго политическаго идеала. Такимъ образомъ Сексби и другіе, убѣжденность которыхъ также не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, пришли въ такое настроеніе, что даже союзъ съ роялистами, испанцами и т. п. противъ Кромвеля, даже принятіе финансовой поддержки отъ нихъ противъ послѣдняго ²⁾ стали казаться имъ

¹⁾ Hyde-Clarendon, современникъ революціи и историкъ ея, рассказываетъ, что Кромвель нѣсколько разъ приглашалъ Сексби спать съ нимъ въ одной постели, „такого довѣрія часто удостоивались люди, которымъ Кромвель давалъ важныя порученія и съ которыми онъ не могъ поговорить свободно въ другое время“. (History of the Rebellion, XV, стр. 133).

²⁾ Иные историки утверждаютъ, впрочемъ, что Сексби былъ просто „браво“, желавшій только „заработать деньги“. Такъ между прочимъ говоритъ г. Морницъ Брошъ въ своей книгѣ „Oliver Cromwell und die puritanische Revolution“ (стр. 472, 473). Но уже не говоря о томъ, что вся біографія Сексби и его продолжавшіяся до самаго конца интимныя отношенія къ другимъ левеллерамъ и радикальнымъ политикамъ той эпохи противорѣчатъ этому утвержденію, послѣднее опровергается также перепиской между Карломъ Стюартомъ и его повѣреннымъ Гайдомъ съ одной стороны и роялистскими вождями полковникомъ Тальботомъ, полковникомъ Титусомъ, сэромъ Мармэдьюкомъ Лангдалемъ и лордомъ Ормондомъ, а также иезуитскимъ патеромъ Тальботомъ съ другой. Въ этой перепискѣ, относящейся къ 1655—1657 гг., очень часто упоминается Сексби, но о немъ говорится всегда только какъ объ очень даровитомъ, энергичномъ человѣкѣ, ненависть котораго къ Кромвелю слѣдуетъ использовать, но съ которымъ надо держать себя крайне осторожно въ виду его политическихъ убѣжденій. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этой переписки, бросающей вообще очень яркій свѣтъ на политическія событія и интриги той эпохи. (Выдержки изъ этой переписки напечатаны въ „Calendars of Clarendon State Papers“). Весною 1655 года при посредствѣ испанскаго уполномоченнаго графа Фуэмаданія были завязаны сношенія съ Овертономъ, Сексби и другими левеллерами. 9 сентября 1655 года сэръ М. Лангдаль, извѣщая Карла Стюарта о переговорахъ съ ними, пишетъ что на свиданіи въ Брюсселѣ Овертонъ и Сексби отказались даже предложить своей партіи союзъ съ королемъ. Лангдаль предостерегалъ короля отъ этихъ людей, совѣтовалъ пользоваться ими, но не довѣрять имъ. Иностраницы, по мнѣнію Лангдаль, наилучшіе агенты, потому что у нихъ нѣтъ политическихъ интересовъ. 7 января 1656 года полковникъ Тальботъ писалъ Ормонду, находившемуся при королѣ, что, по его мнѣнію, Сексби величайшій врагъ Кромвеля, но что Сексби и его товарищи ненавидятъ короля также какъ Кромвеля. 17-го марта Гайдъ давалъ Ормонду инструкціи относительно того, какъ ему и королю слѣдуетъ держать себя при предполагаемомъ свиданіи съ Сексби. При этомъ Гайдъ совѣтуетъ особенно подчеркивать (magnify) значеніе великой хартіи, а также полномочія свободно избраннаго парламента; если же нельзя будетъ совсѣмъ отвергнуть радикальныя („неразумныя“) требованія, онъ рекомендуетъ—этотъ совѣтъ очень характеренъ—принять ихъ со слѣдующей оговоркой: „какъ только этого потребуетъ отъ его величества свободно избранный парламентъ“. Между тѣмъ Ормондъ завязалъ сношенія съ левеллеромъ Румбольдомъ, и въ письмѣ отъ 21 іюня старается узнать отъ него, состоитъ ли другъ Румбольда Уайльдманъ въ перепискѣ „съ нѣкимъ Сексби“ и какого онъ о немъ мнѣнія. 25 августа патеръ Тальботъ писалъ королю относительно Сексби, что послѣдній „расположенъ къ королю не больше чѣмъ прежде“. 12 октября Тальботъ проситъ короля написать ему письмо, которое онъ (Т.) могъ бы показать Сексби въ доказательство того, что король согласенъ принять

средствами, вполне оправдывающимися ихъ великой цѣлью. Что касается союза съ испанцами, то въ этомъ отношеніи левеллерамъ показалъ примѣръ наслѣдственный король «Божіей милостію»; а Карлъ Стюартъ также уже въ началѣ 1654 года, преисполненный сознаниемъ своего «Божіей милостію» права, выпустилъ прокламацію, въ которой тому, кто «...при помощи меча, пистолета или яда устранить... подлаго, низкаго негодяя Кромвеля», было обѣщано 500 фунтовъ стерлинговъ годового дохода, чинъ полковника и другія почести. Обѣщаніе было скрѣплено «словомъ христіанскаго короля» (!). Хотя это обѣщаніе было очень заманчиво для «смѣлыхъ людей, очутившихся въ стѣсненномъ положеніи» (Карлейль), все же до сихъ поръ никто еще не сумѣлъ заслужить обѣщаннаго, потому что Кромвель никогда не выѣзжалъ безъ хорошей охраны, да и вообще постоянно заботился о цѣлости своей особы. Теперь за дѣло взялись разочарованные и озлобленные левеллеры, они не боялись рисковать ради его успѣха жизнью. Денегъ, собранныхъ Сексби, не хватило для организаціи большого возстанія, оставалось только устроить покушеніе; нѣкоторые изъ товарищей Сексби на время присоединились къ гвардіи Кромвеля, чтобы имѣть возможность приблизиться къ нему во время его прогулокъ въ Гайдъ-Паркъ, но имъ не удалось сдѣлать это ни разу, и наконецъ одинъ изъ нихъ, Майльсъ Зиндеркомбъ предложилъ устроить дѣло иначе. Сексби далъ ему для этой цѣли 1.600 фунтовъ стерлинговъ, а самъ снова отправился за границу для сбора денегъ.

Майльсъ Зиндеркомбъ, подобно Сексби, поступилъ въ парламентскую армію молодымъ, восторженнымъ человѣкомъ. Въ 1649 году, онъ уже въ званіи капрала принималъ участіе въ возстаніи левеллеровъ за «Agreement», былъ арестованъ въ Берфордѣ и несомнѣнно раздѣлилъ бы участь другихъ арестованныхъ капраловъ, если бы ему не удалось спастись бѣгствомъ наканунѣ казни. Онъ отправился въ Шотландію, въ стоявшую тамъ парламентскую или же теперь уже республиканскую армію, быстро дослужился до казначея и въ 1654 году принималъ участіе въ попыткѣ замѣнить командующаго генерала Монка, котораго республиканцы и левеллеры въ арміи, какъ оказалось впослед-

его политическія требованія. Сексби отличается „нравственной порядочностью и чувствомъ чести, больше которыхъ нельзя ожидать и желать отъ человѣка не кавалера“. 17-го октября патеръ Тальботъ доносилъ Ормонду, что король поручилъ ему пойти къ Сексби и убѣдить его образумиться, и что ему дано полномочіе сдѣлать Сексби лично важныя предложенія. Но только мѣсяць спустя іезуитъ могъ доложить королю, что Сексби согласенъ на частное свиданіе съ нимъ, съ тѣмъ однако условіемъ, что ему не надо будетъ преклонять передъ нимъ колѣна. Требованіе это удовлетворяется. Въ концѣ 1656 года послѣдовало покушеніе Зиндеркомба. Полковникъ Титусъ писалъ Гайдю, что Сексби совѣтовалъ не предпринимать покушенія, потому что успѣхъ его въ слишкомъ сильной степени зависитъ отъ случайностей, и потому что надо было посвятить въ него слишкомъ много людей. 13 іюля Титусъ доносилъ, что Сексби уже снова въ Англіи и очень недоволенъ имъ за то, что онъ (Титусъ) слишкомъ приверженъ къ королю. Послѣ ареста Сексби Титусъ писалъ (12 ноября), что надѣется, что Сексби, помѣшавшійся въ заключеніи, никогда больше не поправится; 3 декабря онъ повторяетъ свое благочестивое пожеланіе, услышавъ, что Сексби выздоравливаетъ.

Каково бы ни было мнѣніе о политическихъ переговорахъ левеллеровъ и др. съ будущимъ Карломъ II, во всякомъ случаѣ надо признать, что вся относящаяся сюда переписка характеризуетъ Сексби съ наилучшей стороны.

ствіи вполне справедливо, считали ненадежнымъ, республиканцемъ, полковникомъ Робертомъ Овертономъ. Когда заговоръ былъ открытъ, Монкъ отрѣшилъ Зиндеркомба отъ должности и послѣдній вернулся въ Лондонъ, гдѣ вступилъ въ сношенія съ Сексби и другими заговорщиками. Когда Сексби уѣхалъ на континентъ, Зиндеркомбъ намѣревался лишить Кромвеля жизни при помощи взрывчатого снаряда особаго устройства. Для этой цѣли онъ нанялъ домъ въ Гаммерсмитѣ близъ Лондона. Этотъ домъ выходитъ окнами на улицу, по которой Кромвель проѣзжалъ на пути изъ Гамптонъ-Курта въ Уайтгилль. Однако опыты Зиндеркомба были неудачны, поэтому онъ отказался отъ своего плана и рѣшилъ поджечь Уайтгилль, гдѣ Кромвель жилъ зимою, а затѣмъ, во время переполоха, схватить «тирана» при помощи извѣстнаго числа сильныхъ людей. Ему удалось наберовать сто человекъ и приготовить для нихъ сотню быстрыхъ лошадей. 8 января 1657 года, въ половинѣ двѣнадцатаго ночи, благодаря запаху гари, была найдена корзина наполненная горючими веществами, которыхъ было «достаточно для того, чтобы прорвать каменную стѣну» и соединенная съ горящимъ фитилемъ. Вечеромъ наканунѣ возлѣ Уайтгилля видѣли Зиндеркомба и одного изъ его сообщниковъ. Стража немедленно же доложила о своей находкѣ. Былъ снятъ допросъ со всѣхъ часовыхъ, гвардейцевъ и т. д. Одинъ изъ гвардейцевъ, освѣдомленный о заговорѣ, сознался во всемъ,—возможно, что онъ съ самаго начала хотѣлъ предать Зиндеркомба. Послѣдняго, несмотря на яростное сопротивление, арестовали и посадили въ Тоузъръ; 9-го февраля высшій судъ приговорилъ его къ смертной казни за государственную измѣну. Казнь была назначена на 14 февраля 1657 года, но Зиндеркомбъ ночью наканунѣ казни отравился ядомъ, который ему подсунула при прощаніи сестра. «Онъ принадлежалъ къ отвратительной сектѣ спящихъ душъ (soul-sleepers), которые думаютъ, что вмѣстѣ со смертью засыпаетъ и душа», говорится о Зиндеркомбѣ въ дневномъ рапортѣ. «Умирая онъ сказалъ, что не заботится о своей душѣ». Мы знаемъ кто были «спящія души»—такъ называли себя приверженцы матеріалистической теоріи Ричарда Овертона (Ср. Массонъ, I. с. V, стр. 120). Въ памфлетѣ, написанномъ озлобленнымъ противникомъ Кромвеля и появившемся послѣ смерти Зиндеркомба, послѣдній въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ ставится на одну доску съ лучшими борцами за свободу въ древности. «Онъ былъ мужественъ какъ римлянинъ», говорится о немъ между прочимъ въ памфлетѣ.

Этотъ памфлетъ, озаглавленный: «Умерщвлять не значитъ убивать» («Killing no murder») возбудилъ при своемъ появленіи величайшую сенсацію. Его брали на расхватъ и нельзя было купить его дешевле, чѣмъ за пять шиллинговъ. Уже самое заглавіе показываетъ, что онъ заключаетъ въ себѣ совѣтъ предпринимать покушенія,—само собою разумѣется на Кромвеля. Онъ написанъ чрезвычайно сильно и ему удалось прежде всего окончательно испортить Кромвелю удовольствіе наслаждаться достигнутой имъ безпримѣрной властью. Всемогущему протектору приходилось принимать все больше мѣръ предосторожности при выѣздахъ въ экипажъ и верхомъ. Кто былъ авторомъ памфлета, рѣзкаго по тону и чрезвычайно хорошо написаннаго—вопросъ спорный. Послѣ реставраціи полковникъ Титусъ, покинувшій Кромвеля и перешедшій къ Стюартамъ, выдавалъ за автора памфлета себя; однако показаніе этого возведеннаго въ званіе камергера «лакея» (Карлейль) не внушаетъ особеннаго довѣрія, ибо онъ

желалъ добиться только матеріальныхъ выгодъ, и съ этой цѣлью признавался въ авторствѣ. Еще раньше призналъ себя авторомъ Сексби, который между тѣмъ умолкнулъ навсегда; достойный, несмотря на всю горечь и рѣзкость, языкъ памфлета, а также заключающіяся въ немъ теплыя слова, посвященныя памяти Зиндеркомба, даютъ возможность думать, что памфлетъ написанъ скорѣе однимъ изъ единомышленниковъ послѣдняго. Единственное обстоятельство, заставляющее насъ сомнѣваться въ достовѣрности показанія Сексби, заключается въ томъ, что послѣдній призналъ себя авторомъ памфлета сидя въ Тоуэрѣ и при такихъ условіяхъ, которыя давали возможность предполагать, что признаніе было вынужденнымъ.

Вскорѣ послѣ смерти Зиндеркомба Сексби тайно вернулся въ Лондонъ, вѣроятно для того, чтобы вновь организовать раздробленныя силы заговорщиковъ. Въ это время появился памфлетъ „Killing no murder“, а въ юлѣ Сексби снова сдѣлалъ попытку, переодѣвшись, сѣсть на корабль, отплывавшій въ Нидерланды. Несмотря на то, что онъ отпустилъ длинную бороду и переодѣлся, правительственные чиновники узнали и арестовали его, а затѣмъ препроводили въ Тоуэръ. Тамъ онъ, по свидѣтельству намѣстника сэра Джона Баркстида и другихъ лицъ, признался, что получалъ отъ уполномоченныхъ и союзниковъ Карла Стюарта деньги для организаціи покушеній, что онъ былъ инициаторомъ покушенія Зиндеркомба и авторомъ сочиненія „Killing no murder“. (Ср. Cobbet, State Trials, томъ V, стр. 844, 845 и 852 и сл.). Вскорѣ послѣ этого Сексби будто бы впалъ въ безуміе. Онъ умеръ уже въ январѣ 1658 года.

Если признаніе не было вынуждено у Сексби пытками, а скорая смерть его даетъ полное основаніе предполагать, что пыткамъ его подвергали, то его показанія во всякомъ случаѣ заслуживаютъ больше довѣрія, нежели показанія негодяя Титуса. Наконецъ, возможно также, что выставленное на памфлетѣ имя не было, какъ думали до сихъ поръ, псевдонимомъ, но подлиннымъ именемъ автора. Левеллеръ Вильямъ Алленъ дѣйствительно существовалъ и—это особенно важно въ данномъ случаѣ—стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Сексби. Замѣчательно, что до сихъ поръ никто не упоминалъ о слѣдующемъ фактѣ: въ апрѣлѣ 1647 года три агитатора, Вильямъ Алленъ, Эдвардъ Сексби и Томасъ Шеппардъ подали генераламъ Кромвелю, Ферфаксу и Скиппону, отъ имени всѣхъ своихъ товарищей, отнюдь не непріятное генераламъ заявленіе, въ которомъ очень опредѣленно было выражено недовѣріе арміи къ парламенту. Скиппонъ говорилъ объ этомъ въ парламентѣ; тогда послѣдній подвергъ подателей заявленія допросу, и благодаря этому только существованіе агитаторовъ сдѣлалось извѣстнымъ широкимъ кругамъ. Дѣло кончилось большими демонстраціями въ Нью-Маркетѣ и Трипloe-Гитѣ, послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ этого занятіемъ Лондона арміей и очисткой парламента отъ одиннадцати враждебныхъ арміи пресвитеріанъ. Словомъ, Вильямъ Алленъ и Сексби были въ числѣ первыхъ агитаторовъ. Поэтому вполне возможно, что Алленъ въ 1657 году былъ еще живъ и писалъ противъ Кромвеля ¹⁾. Если же его къ тому времени уже не было въ

¹⁾ Такъ, напр., въ помѣченномъ 28 іюля 1655 года письмѣ іезуитскаго патера Тальбота къ королю говорится, что Сексби, находившійся въ Брюсселѣ, получилъ письма отъ своихъ друзей въ Англіи, которые уполномочили его дѣйствовать какъ онъ найдетъ нужнымъ. Между прочимъ, ему безусловно преданы лордъ Грей офъ-Гроби, Уайльд-

живыхъ, то выбрать его имя псевдонимомъ опять-таки скорѣе всего могъ его старый товарищъ Сексеби ¹⁾.

„Killing no murder“ появился какъ разъ въ то время, когда парламентъ предложилъ Кромвелю измѣнить конституцію и принять королевскій титулъ (такъ назыв. „humble Petition and Advice“). Послѣ довольно продолжительныхъ размышлений Кромвель отказался отъ королевскаго титула; хотя армія тогда была очень покорна ему, все же она воспротивилась принятію королевскаго титула. Однако, еще раньше, чѣмъ Кромвель пришелъ къ этому или иному рѣшенію, нѣкоторые буржуазные элементы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми военными, вышедшими изъ арміи, попытались произвести въ Лондонѣ республиканское возстаніе: приверженцы «пятого царствія»—теперь бы ихъ назвали теоретическими республиканцами—условились со своими единомышленниками собраться 9 апрѣля въ Майлэндъ, въ одномъ изъ предмѣстій Лондона, съ запасомъ оружія и снарядовъ и призвать народъ на защиту окрѣпшаго царствія божія. При этомъ заговорщики рассчитывали на симпатіи, которыми республиканскія идеи пользовались среди населенія, въ арміи и среди многихъ отставныхъ офицеровъ. Но они не приняли въ расчетъ бдительности Кромвеля и его шпіоновъ. Когда главари заговора утромъ въ назначенный день явились на условленное мѣсто, они нашли тамъ уже конницу Кромвеля; она арестовала около двадцати чловѣкъ и конфисковала привезенныя ими прокламаціи, листки и знамя, на которомъ былъ изображенъ дремлющій левъ, «левъ племени Іуды» съ девизомъ: «кто разбудитъ его?» Въ слѣдующіе дни были арестованы еще нѣкоторыя лица, заподозрѣнныя въ тайной поддержкѣ заговора и «пятое царствіе оказалось сидящимъ подъ замкомъ». До пронесса дѣло не доходило. Большинство арестованныхъ на время были посажены въ Тоуэръ, остальныхъ размѣстили по разнымъ крѣпостямъ и замкамъ ²⁾.

манъ, Алленъ и многіе анабаптисты“. Возможно, что здѣсь подразумѣвается упомянутый нами въ примѣчаніи на стр. 118, генераль-адъютантъ Алленъ, также анабаптистъ и противникъ Кромвеля. Однако, „агитаторъ“ Алленъ также несомнѣнно достигъ высшаго военнаго чина, и его современникъ, генераль Эдв. Лудлоу въ своихъ мемуарахъ прямо отождествляетъ его съ генераль-адъютантомъ Алленомъ; трудно допустить, что Лудлоу ошибался. Карлейль оспариваетъ, что Алленъ генераль-адъютантъ и Алленъ агитаторъ одно и то же лицо; насколько онъ правъ или неправъ мнѣ не удалось установить.

¹⁾ Если сравнить „письмо агитаторовъ“ съ упомянутымъ памфлетомъ, то кажется неподлежащимъ никакому сомнѣнію, что оба написаны однимъ лицомъ. „Killing no murder“ отличается отъ другихъ памфлетовъ той эпохи не тѣмъ, что онъ оправдываетъ вообще покушенія на Кромвеля, а чрезвычайно сильной, неотразимой аргументаціей, при помощи которой доказывается, что Кромвель не достоинъ жить, что онъ превзошелъ Карла I преступленіями. Я не знаю ни одного памфлета той эпохи, который былъ бы написанъ такъ сжато, съ такимъ сарказмомъ, съ такой жестокой и неотразимой диалектикой, какъ „Killing no murder“. Но ту же диалектику, тотъ же энергичный стиль мы видимъ въ письмѣ агитаторовъ, въ заключающемся въ этомъ письмѣ обвиненіи противъ парламента руководимаго пресвитеріанами. „Онъ“—говорится тамъ по поводу предложенія парламента дислоцировать армію—„служитъ только ширмой для нѣкоторыхъ лицъ, у которыхъ недавно появились самодержавные аппетиты, и которыя, возвысившись изъ своего низкаго положенія, стремятся сдѣлаться господами, чтобы потомъ превратиться въ тирановъ“. (Ср. Гардинеръ, III, глава 48).

²⁾ Главою этого заговора былъ винодѣль Т. Веннеръ. Послѣ реставраціи Стюартовъ, когда послѣдніе съ изысканной жестокостью отомстили „царевубійцамъ“, Веннеръ съ горстью безумно-смѣлыхъ единомышленниковъ, вдохновленныхъ его проповѣдью,

царствія существовали весьма важныя различія. Баптисты, въ свою очередь, также распадаются на множество толковъ, но всё они, также какъ и основанная въ серединѣ XVIII столѣтія секта методистовъ (веслейанцевъ), вербуютъ своихъ членовъ въ рядахъ трудящихся классовъ. До самаго послѣдняго времени эти секты то слегка поддерживали, то смягчали — «этизировали» — оппозиціонныя тенденціи трудящихся классовъ, являясь то центрами оппозиціи, то въ нѣкоторомъ родѣ предохранительными клапанами—на пользу буржуазныхъ классовъ.

Во всякомъ случаѣ надо признать, что современные англійскіе баптисты происходятъ не отъ коммунистическихъ анабаптистовъ. Когда революція уже была закончена, и готовилась реставрація, анабаптисты-коммунисты нашли пристанище не въ баптистскихъ и анабаптистскихъ общинахъ, а въ сектѣ квакеровъ. Эта секта, дитя второго періода революціи, періода разочарованій, отразила въ себѣ, въ соответственной формѣ, самыя радикальныя этическія и социальныя тенденціи революціи. Мы видѣли, что Лильбурнъ и Винстэнли послѣ крушенія всѣхъ своихъ стремленій примкнули къ квакерамъ. Потому ли они это сдѣлали, что отказались отъ своихъ идеаловъ? Совсе нѣтъ. Они только усомнились въ правильности избраннаго ими пути. Они пришли къ тому выводу, къ которому при подобныхъ пораженіяхъ приходятъ всё: политика не есть подходящее средство для того, чтобы увлечь массы, поэтому надо начинать съ морали, надо проповѣдовать новую мораль. А мораль квакеровъ, несомнѣнно, носитъ коммунистическій характеръ. Первые квакеры были далеко не безвредными религіозными фанатиками, стремящимися только углубить религіозныя идеи. Наоборотъ, религіозная оболочка у нихъ только прикрываетъ собой коммунистическія или сродныя коммунизму тенденціи. Лишь постепенно и здѣсь то, что первоначально служило лишь формой, оболочкой, превращается въ сущность, лишь постепенно «друзья», приверженцы «свѣта», изъ преслѣдуемыхъ пропагандистовъ опасныхъ для государства идей, превращаются въ настоящихъ, примѣрныхъ буржуа. Когда Лильбурнъ примкнулъ къ нимъ, всё они, или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ, были отказавшимися, правда, отъ насильственныхъ средствъ, но все же пропагандистами социальныхъ реформъ, «этическими» социалистами своей эпохи. Первой личностью, представляющею извѣстный интересъ для исторіи социализма послѣ реставраціи, является квакеръ—Джонъ Беллерсъ, игравшій въ исторіи социализма немаловажную роль.

По этой, а также и по многимъ другимъ причинамъ, мы посвятимъ квакерамъ отдѣльную главу. Зато мы можемъ не касаться здѣсь всѣхъ остальныхъ сектъ революціонной эпохи. Смотря по характеру своихъ основныхъ догматовъ, приверженцы этихъ сектъ примкнули либо къ буржуазнымъ движеніямъ, либо къ реставрированной государственной церкви, либо, наконецъ, къ квакерамъ. Къ послѣднимъ, напримѣръ, несомнѣнно примкнули многіе антиномисты, фамилисты и рантеры; относительно радикальной группы баптистовъ точно установлено, что они присоединились къ движенію квакеровъ.

Въ XVIII столѣтіи, благодаря непрерывнымъ торговымъ войнамъ и гигантскому росту англійскихъ колониальныхъ владѣній, поглотившихъ массу наиболѣе дѣятельныхъ элементовъ народа, какъ политическое, такъ и социальное реформаціонное движеніе, въ общемъ, осталось безплоднымъ. Занятая накопленіемъ буржуазія относилась совершенно спокойно къ тому, что отъ нея имени правильно не только король, но также обновленная и дополненная сыновьями мѣтресъ и

т. п. аристократія. Она относилась спокойно также къ избирательной системѣ, лишавшей избирательнаго права даже значительную часть имущей буржуазіи. Отдѣльные голоса, возстававшіе противъ этой системы, были безсильны чего-либо достигнуть. Лишь послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ возникло болѣе энергичное движеніе въ пользу реформъ, послѣ того какъ въ 1832 году избирательное право было распространено на мелкую буржуазію; отъ этого движенія отдѣлились пролетарскіе элементы, образовавшіе чартистскую партію, которая въ XIX столѣтіи начала съ того, чѣмъ кончила въ срединѣ XVII левеллеры. Чартисты, несомнѣнно, наслѣдники левеллеровъ. Ихъ народная хартія, сообразно совершившемуся въ это время экономическому развитію, прямо требуетъ избирательнаго права для всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, но во всѣхъ остальныхъ пунктахъ она не радикальнѣе народнаго договора левеллеровъ, который Карлейль насмѣшливо называетъ преждевременной «Вентамъ-Сіесовой конституціей», но который авторъ его, Лильбурнъ, съ гораздо болѣе широкимъ правомъ назвалъ «законной основой народной свободы». И подобно тому какъ чартисты происходили отъ левеллеровъ, такъ великій англійскій утопистъ XIX вѣка, Робертъ Оуэнъ, происходилъ прямо отъ «истинныхъ левеллеровъ». Онъ самъ ссылается на Джона Беллерса, какъ на своего предшественника, а ниже мы увидимъ, что Джонъ Беллерсъ, въ свою очередь, опирается на Джерарда Винстэнли.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Органъ левеллеровъ.

Наше изложеніе было бы неполнымъ, если бы мы не посвятили нѣсколько словъ органу левеллеровъ. Среди листовъ, появившихся въ революціонные 1648—49 годы, есть одинъ. тонъ котораго былъ вполнѣ выдержанъ въ духѣ левеллеровъ, который воспроизводилъ ихъ прокламаціи и памфлеты, и который, поэтому, можетъ быть и даже былъ названъ ихъ органомъ. (См. между прочимъ Gardiner, History of the Commonwealth etc., стр. 52). Онъ носитъ заглавіе «The Moderate» — Умѣренный, — названіе нѣсколько стравное для газеты наиболѣе радикальной политической партіи той эпохи. Но въ этомъ названіи не заключалось никакой ироніи, никакого лицемѣрія. Въ немъ отражается лишь идейная сторона движенія. Въ самомъ дѣлѣ языкъ «Moderate'a» далеко не санкюлотскій, какъ его называетъ старшій Дизраели, въ «Curiosities of Literatur» ¹⁾, — языкъ его безусловно спокоенъ и объективенъ. Нигдѣ въ этомъ листкѣ мы не встрѣчали оборотовъ, хотя бы отдаленно-напоминающихъ

¹⁾ По поводу подзаголовка „Moderate'a“: „impartially communicating martial affairs to the Kingdom of England“, Дизраели пронизируетъ, что приверженцы республики, повидному, еще не удосужились изгнать изъ своего лексикона монархическій титулъ. Дѣло, однако, въ томъ, что „Moderate“ началъ выходить лѣтомъ 1648 года, когда Англія была еще королевствомъ. Кромѣ того, „Moderate“ былъ антагонистомъ „Moderate Intelligencer“ носившаго тотъ же подзаголовокъ.

собой грубыя, вульгарныя фразы, какія встрѣчаются чуть ли не въ каждомъ номерѣ роялистскихъ изданій той эпохи, напр. «Man in the Moon», «Mercurius Elencticus» etc.

Зато «Moderate» былъ одной изъ первыхъ, а можетъ быть даже первой газетой, въ которой иногда появлялись руководящія статьи или по крайней мѣрѣ нѣчто вродѣ таковыхъ. Нѣкоторые номера его начинаются разсужденіями по политическимъ и даже экономическимъ вопросамъ. Я считаю умѣстнымъ дать здѣсь резюме одной изъ такихъ статей. Познакомившись съ ними можно будетъ судить о томъ, насколько справедливо данное «Moderate'у» названіе перваго предтечи социаль-демократической прессы. Въ номерѣ 61, отъ 5—12 сентября 1649 года, въ самомъ началѣ говорится слѣдующее:

«Войны во всѣ времена прикрывались самыми соблазнительными предлогами: реформацией религій, законами страны, свободою подданныхъ и т. д., хотя вліяніе войнъ было крайне гибельно для нихъ (цѣлей) и разоряло націю, ибо войны на цѣлыя столѣтія дѣлали основой всякаго авторитета не народъ, а мечъ, лишали человѣка первороднаго права, передавали въ руки немногихъ достойную проклятія собственность — причину всѣхъ гражданскихъ войнъ между партіями и главный поводъ для прегрѣшеній противъ небеснаго божества. Такимъ образомъ тиранія и угнетеніе вошли въ плоть и кровь многихъ нашихъ предковъ, а такъ какъ тиранія, основываясь на королевской власти, слишкомъ долго поддерживалась силой меча, то она въ концѣ концовъ настолько вошла въ привычку, что стала казаться народу вполне естественной — это единственная причина, почему народъ въ настоящее время такъ невѣжественъ и неосвѣдомленъ о своемъ природномъ правѣ равенства, о своей единственной свободѣ. Наконецъ божественное провидѣніе увѣнчало успѣхомъ возстаніе поработеннаго народа противъ могущественнаго врага. Народъ мнилъ, что, благодаря этому, ему будетъ обезпечена свобода отъ прежнихъ угнетеній, тягостей и рабства, что ему будетъ обезпеченъ счастливый плодъ того, что онъ могъ считать только величайшимъ своимъ благомъ какъ для тѣла, такъ и для души. Но гордыня, жадность и себялюбіе взяли верхъ надъ такимъ неопытнымъ благодѣяніемъ, и многіе поддались искушенію пуститься въ плаваніе по этому золотому океану, поэтому притѣсненія народа не только продолжаются, но даже увеличились и конца имъ не видно. Народъ, который теперь нельзя долѣе обманывать, который хочетъ получить облегченіе и сдѣлаться не только по имени, но и дѣйствительно источникомъ всякаго законнаго авторитета — народъ отъ этого сталъ приходить въ негодованіе, онъ требуетъ законнаго представительства и разумныхъ законовъ, способныхъ дѣйствительно сдѣлать его счастливымъ. Если они не будутъ даны, если кой-какія старыя искры будутъ раздуты бурей новыхъ распрей, то разгорится огонь, поднимется вѣтеръ, и если горючій матеріалъ сухой, если не будутъ приняты быстрыя предупредительныя мѣры къ облегченію, тогда вредъ для немногихъ будетъ великъ, но еще больше будутъ выгоды, которыя достанутся на долю всѣхъ остальныхъ».

Въ настоящее время такой образъ мыслей выражается лозунгомъ: «Реформа или революція».

Господинъ Исаакъ Дизраели страшно озлобленъ за то, что въ номерѣ «Moderate'a» отъ 31 іюля—7 августа 1649 года, по поводу казни нѣсколькихъ разбойниковъ, обвиняемыхъ въ кражѣ скота институтъ собственности

дѣлается отвѣтственнымъ за то, что эти люди лишаются жизни, и затѣмъ доказывается, что если бы не существовало частной собственности, то казенные не имѣли бы надобности воровать для поддержанія своей жизни. «Собственность,—говорится въ этой статьѣ,—есть основная причина всякихъ недоразумѣній, происходящихъ на почвѣ гражданскихъ отношеній между партіями. А такъ какъ тиранъ (король) устраненъ, и правительство по названію измѣнилось, то собственность и на дѣлѣ должна бы вернуться въ руки народа. Хотя послѣдній не можетъ ожидать этого въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, въ виду большого числа имущихъ (gentry), вооруженныхъ властью и высокимъ положеніемъ и примѣняющихъ всѣ искусственныя средства, чтобы поддержать старый образъ правленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ свои интересы и рабство народа,—все же не можетъ быть сомнѣнія, что со временемъ народъ и въ этомъ отношеніи пойметъ свою слѣпоту и невѣжество».

Изъ отчетовъ «Moderate'a», а также и изъ другихъ листковъ того времени явствуетъ, что движеніе левеллеровъ отнюдь не ограничивалось Лондономъ и его ближайшими окрестностями, но имѣло приверженцевъ во всей странѣ. Очень интересна въ этомъ отношеніи корреспонденція изъ Дерби, помѣщенная въ номерѣ за послѣднюю недѣлю августа 1649 года, особенно потому, что въ ней упоминается категорія рабочихъ, о которыхъ вообще въ описаніи движенія нѣтъ рѣчи, а именно горнорабочіе. У нихъ возникъ конфликтъ съ графами Рутландъ, и они обратились съ просьбой о помощи къ парламенту. Въ корреспонденціи говорится, что они рѣшили, въ томъ случаѣ, если парламентъ не поддержитъ ихъ, прибѣгнуть къ естественному закону. Число ихъ, вмѣстѣ съ друзьями и одинаково съ ними заинтересованными въ дѣлѣ лицами, доходитъ до двѣнадцати тысячъ. Если ихъ просьба будетъ оставлена безъ вниманія, они образуютъ грозную и рѣшительную армію, «Партія левеллеровъ въ городѣ,—говорится далѣе,—обѣщаетъ помочь имъ добиться исполненія ихъ справедливыхъ требованій».

Уже нѣсколько дней спустя, въ заявленіи «землевладѣльцевъ и владѣлецъ копей и т. д.» дербширскаго горнопромышленнаго округа, помѣщенномъ въ кромвелескомъ листкѣ¹⁾, дѣлается возраженіе, что число горнорабочихъ не болѣе четырехъ тысячъ, и что у левеллеровъ въ Дерби не найдется даже и дюжины приверженцевъ. Кромѣ того, на рабочихъ взводится обвиненіе, что они нѣсколько разъ брали сторону короля, между тѣмъ какъ гораздо болѣе многочисленныя свободныя крестьяне и владѣльцы рудниковъ стояли на сторонѣ парламента. Это вызвало въ свою очередь возраженіе, напечатанное въ 61 номерѣ «Moderate'a». Въ этомъ возраженіи, повидимому, вполне основательно говорится, что упомянутое выше заявленіе—дѣло рукъ графа Рутланда и его агентовъ, что крестьяне и болѣе мелкіе собственники не имѣютъ ничего общаго съ нимъ, и что въ отвѣтъ на упрекъ въ приверженности къ королю можно привести уже установленный въ первоначальной петиціи горнорабочихъ фактъ, что

¹⁾ „A modest Narrative of Intelligence for the Republique of England and Ireland“, № 22, отъ 25 августа до 1 сентября 1649 года. Въ 23 номерѣ этого листка помѣщена корреспонденція изъ Ярмута (Норфолькъ), сообщающая о собраніяхъ левеллеровъ въ этомъ крупномъ приморскомъ городѣ, на которыхъ было рѣшено сдѣлать новыя попытки возстанія.

графъ Рутландъ, тогда еще мистеръ Манерсъ ¹⁾, не разъ при помощи «кавалеровъ» выгонялъ горнорабочихъ изъ ихъ рудниковъ, а когда они жаловались на него, взводилъ на нихъ ложныя обвиненія. Это тотъ же методъ, которому, какъ мы видѣли, слѣдовали кобгемскіе землевладѣльцы въ своихъ мѣропріятіяхъ противъ диггеровъ. Очень характерно, что имущіе, при конфликтахъ съ неимущими, всего хватаются за стоящихъ въ данную минуту у власти, хотя и проклинаютъ ихъ постоянно.

63 номеръ былъ послѣднимъ номеромъ «Moderate'a». 20 сентября 1649 года парламентъ выпустилъ эдиктъ о печати, который возстановлялъ концессионный порядокъ и устанавливалъ тяжелыя наказанія за изданіе и распространеніе «преступныхъ и клеветническихъ» произведеній печати. Такимъ образомъ жизненный нервъ газеты былъ перерѣзанъ. Съ другой стороны въ сентябрѣ снова происходили переговоры между левеллерами и представителями арміи и парламента, имѣвшіе цѣлью сдѣлать возможными мирныя отношенія между ними. Возможно поэтому, что «Moderate» прекратился вслѣдствіе того, что не было уже больше надобности въ специальномъ органѣ левеллеровъ. 1 сентября «Moderate» сообщаетъ — и его сообщеніе подтверждается въ «Perfect Weekly Account», газетѣ, стоявшей ближе къ парламентской партіи — что по четыре представителя отъ парламента, арміи и левеллеровъ, по предварительному уговору, собирались на конференціи, имѣвшія цѣлью достигнуть взаимнаго соглашенія и, если возможно, устраниенія всѣхъ разногласій. «Время скоро покажетъ, къ чему все это поведетъ». Компромиссъ не состоялся, но послѣ оправданія Лильбурна въ октябрѣ, повидимому, наступило нѣчто вродѣ перемирія, ибо въ теченіе 1650—51 годовъ левеллеры держатся безусловно выжидательно.

«Moderate» заключаетъ въ себѣ еще массу другихъ интересныхъ замѣтокъ и сообщеній, но разсмотрѣніе ихъ здѣсь завело бы насъ слишкомъ далеко. Не слѣдуетъ конечно думать, что «Moderate» представлялъ собой газету въ современномъ смыслѣ слова; это листокъ заключающій въ себѣ 8 страницъ небольшого формата in quarto; главное содержаніе его составляютъ различныя извѣстія. Онъ существовалъ больше года, съ іюля 1648 до конца сентября 1649 года. Полнаго комплекта его номеровъ не имѣется, они находятся въ разрозненномъ видѣ въ собраніи памфлетовъ такъ называемой библіотеки Томассона, въ Британскомъ Музеѣ.

¹⁾ Манерсъ — фамилія графовъ, а ннѣ герцоговъ Рутландъ. Одинъ лордъ Джонъ Манерсъ, какъ извѣстно, былъ въ свое время вмѣстѣ съ Веліаминомъ Дизраели вождемъ „молодой Англіи“. Въ цитированной выше статьѣ Исаака Дизраели, — „The Rump“, объ этой полемикѣ „Moderate'a“ съ тогдашнимъ графомъ Рутландскимъ не упоминается.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Буржуазная государственная философія 17-го вѣка:
„Левіаѳанъ“ Гоббса и „Оцеана“ Гаррингтона.

Литература великой англійской революціи представляет собой преимущественно временный интересъ, такъ какъ она отвѣчала, главнымъ образомъ, непосредственнымъ потребностямъ данной минуты. Это вѣрно даже относительно такихъ сочиненій, какъ «The Tenure of Kings and Magistrates»¹⁾, Мильтона, разсматривающаго свою тему съ болѣе принципиальной точки зрѣнія. Лишь относительно религіознаго вопроса можно сказать, что революціи предшествовала національная революціонная литература. Но хотя религіозный вопросъ въ извѣстномъ смыслѣ былъ вопросомъ политическимъ, все же обсуждавшій его сочиненія не касались даннаго общественнаго порядка и государственнаго строя. Когда дѣло дошло до открытой борьбы между королемъ и парламентомъ, умы были заняты не теоретическими разсужденіями о сущности и задачахъ государства; эта борьба была только болѣе обострившейся стадіей борьбы короля съ парламентомъ. Въ этомъ заключается одно изъ величайшихъ различій между англійской и французской революціями. Последней предшествовало радикальное изслѣдованіе и подкапываніе путемъ литературы основаній государства и общества; первая же лишь впоследствии вызвала возникновеніе собственной политической и философской литературы. Сочиненія итальянскихъ государственныхъ философовъ, особенно Макіавелли, шотландца Буханана и голландца Гротіуса, несомнѣнно имѣли извѣстное вліяніе на наиболѣе начитанныхъ вождей партій. Однако тамъ, гдѣ ссылки на древнее англійское право было мало, революціонный матеріалъ должна была давать главнымъ образомъ библія, и она дала его дѣйствительно не мало.

Но такъ какъ литература въ Англии едва успѣвала за событіями, то неудивительно, что первое значительное сочиненіе по государствовѣдѣнію той эпохи было враждебно революціи. Приверженцы революціи были слишкомъ заняты обсужденіемъ практическихъ мѣропріятій и не имѣли времени подолгу разбираться въ социальныхъ и государственныхъ теоріяхъ. Они брались за перо лишь для того, чтобы подвергнуть критикѣ или оправдать опредѣленные мѣропріятія или проекты. Первый написавшій чисто теоретическое сочиненіе о сущности и принципахъ государства былъ Т. Гоббсъ, знаменитый философъ государственнаго абсолютизма.

Это сочиненіе, появившееся въ 1651 году на англійскомъ языкѣ, — «Левіаѳанъ». Ему въ 1642 году предшествовалъ трактатъ о «гражданинѣ», основныя положенія котораго повторяются въ «Левіаѳанѣ». Поэтому мы ограничимся разсмотрѣніемъ изложенной въ послѣднемъ социальной теоріи, имѣвшей такое большое вліяніе на всю государственно-философскую литературу XVIII вѣка и даже на многихъ социалистовъ XIX столѣтія.

¹⁾ „Границы власти короля и администраціи“. Книга эта написана Мильтономъ въ 1649 году въ защиту судопроизводства надъ Карломъ I.

Название «Левіаѳанъ» намекаетъ на чудовищную мнѳческую рыбу, о которой идетъ рѣчь въ книгѣ Іова. Гобсъ называетъ Левіаѳаномъ государство или государственную власть ¹⁾, благодаря которой «война всѣхъ противъ всѣхъ», которая иначе свирѣпствовала бы, принимаетъ правильную форму, и вслѣдствіе этого человѣку гарантируется безопасное пользованіе плодами его труда или собственности. Левіаѳанъ суверенный повелитель государства (по латыни *civitas*, по англійски *commonwealth*), и хотя Гобсъ высказывается очень рѣшительно за абсолютную монархію, какъ за наиболѣе цѣлесообразную форму правленія, онъ заявляетъ, что теорія одинаково примѣнима, идетъ ли рѣчь объ абсолютной суверенности отдѣльнаго лица, или цѣлаго собранія лицъ. Онъ безусловный противникъ раздѣленія власти. Суверенныя права должны принадлежать определенной личности или корпораціи. Для Гоббса вся суть въ порядкѣ; его можно было бы назвать философомъ порядка во что бы то ни стало. У него все подчинено суверенной власти государства, въ такой степени, что послѣ реставраціи, его, безусловнаго сторонника государственной церкви, епископы послѣдней обвиняли въ неуваженіи къ Богу. Не потому, чтобы онъ отрицалъ Бога, — не смотря на весь свой матеріализмъ, онъ безусловно настаивалъ на существованіи Бога ²⁾, — но потому, что онъ отрицалъ всякое право церкви по отношенію къ государству ³⁾, а это, съ точки зрѣнія епископовъ, было, конечно, гораздо хуже. Послѣдовательный теоретикъ государственнаго абсолютизма на время сумѣлъ даже навлечь на себя вражду своего царственнаго ученика Карла Стюарта, впоследствии Карла II, потому что онъ выводилъ абсолютную власть королей не прямо отъ Бога, но обосновывалъ ее чисто утилитаристическимъ путемъ. Королевская власть по Гоббсу лишь постольку исходитъ отъ Бога, поскольку она вытекаетъ изъ природы вещей, созданныхъ Богомъ, и представляетъ собой наиболѣе благоприятный исходъ изъ того состоянія, когда люди предоставлены самимъ себѣ, когда «*homo homini lupus est*».

Абсолютная государственная власть у Гоббса основывается первоначально либо на подчиненіи завоевателю, либо на договорѣ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ перенесеніе власти происходитъ изъ страха. Въ первомъ случаѣ изъ страха

1) Вотъ полное заглавіе сочиненія: „Левіаѳанъ или матеріаль, форма и сфера власти церковнаго и гражданскаго государства“.

2) Такъ онъ говоритъ напр., что называть Бога міромъ или душой міра, значить отрицать его и выражаться о немъ непочтительно. Если Богъ міръ, то онъ не можетъ быть причиной міра. Нельзя также называть міръ безконечнымъ. Что не имѣетъ начала, то не было также создано и не имѣетъ слѣдовательно своей причиной Бога. Трудно конечно, предположить, чтобы отъ такого проицательнаго въ этихъ вещахъ и проникнутаго естественно-научными принципами мыслителя, могла ускользнуть нелѣпность этой аргументаціи. Такимъ образомъ все снова приводитъ къ заключенію, что Гобсъ придерживался въ своихъ сочиненіяхъ религіи лишь потому, что ее „слѣдовало сохранить народу“, и что онъ, наоборотъ, долженъ былъ дѣлать слѣдующій выводъ: такъ какъ міръ безконеченъ, то нѣтъ мѣста для Бога внѣ міра. Съ этимъ вполне согласовался бы его взглядъ на священниковъ, какъ на простыхъ чиновниковъ гражданскаго государства.

3) Въ дневникѣ Самуила Пени, подъ 3 сентября 1668 года сказано: „Ходилъ сегодня къ моему книгопродавцу за „Левіаѳаномъ“ Гоббса, на который теперь громадный спросъ; за одинъ экземпляръ, стоившій до сихъ поръ восемь шиллинговъ я теперь, получая его уже изъ вторыхъ рукъ, плачу двадцать четыре шиллинга. За него платятъ даже тридцать шиллинговъ, потому что это книга, которую епископы не хотятъ позволить выпустить вторымъ изданіемъ“.

передъ завоевателемъ, во второмъ изъ страха передъ дурными наклонностями людей, отъ которыхъ долженъ защитить правитель. Въ обоихъ случаяхъ разъ переданная или признанная власть не можетъ быть отнята, она разъ навсегда принадлежитъ суверену, и послѣдній можетъ только добровольно отказаться отъ нея, но она не можетъ быть потеряна имъ юридически. Лишь въ томъ случаѣ, если онъ окажется неспособнымъ слѣдить за соблюденіемъ законовъ и защищать страну, прекращается обязанность подчиняться ему.

Каждымъ правомъ, которымъ отдѣльная личность пользуется на законномъ основаніи, она обязана суверену, ни у кого нѣтъ никакихъ правъ противъ суверена. Такъ называемое естественное право дѣйствуетъ только въ отношеніяхъ стоящихъ внѣ гражданскаго права и не можетъ быть противопоставляемо послѣднему. Собственность существуетъ только благодаря гражданскому праву; въ естественномъ состояніи всѣ имѣютъ одинаковыя права на все; каждое отдѣльное лицо, каждая группа лицъ обладаетъ лишь тѣмъ, чѣмъ они завладѣли благодаря хитрости или насилію. «Существующее въ настоящее время неравенство введено гражданскими законами» (стр. 76 изд. Morley). «Распредѣленіе этихъ средствъ пропитанія (земли, привилегій промышленности и торговли) устанавливаетъ «мое, твое, его», т.-е., однимъ словомъ, собственность, и во всѣхъ государствахъ, съ какимъ бы то ни было устройствомъ, оно подчинено суверенной власти»... «Отсюда мы можемъ сдѣлать выводъ, что собственность каждаго подданнаго на его землю выражается въ правѣ не допускать всѣхъ другихъ подданныхъ къ пользованію этой землей, но не въ правѣ не допускать къ пользованію ею своего суверена, кто бы онъ ни былъ — коллегіальное учрежденіе или монархъ» (I. с., стр. 116).

Можно было бы присоединить къ этимъ положеніямъ о собственности еще многія другія, подобныя имъ, заключающіяся въ «Левіаѳанѣ», и не нужно подробныхъ комментаріевъ, чтобы доказать, какъ легко изъ этихъ положеній сдѣлать выводы въ духѣ социализма. Однако Гоббсъ, не смотря на свои добрыя намѣренія, былъ очень далекъ отъ какихъ бы то ни было выводовъ въ социалистическомъ духѣ. Идеи его имѣли совсѣмъ другое направленіе. Но онъ былъ такъ же далекъ отъ чистыхъ умозрѣній; его выводы, наоборотъ, не смотря на абстрактную формулировку, имѣютъ очень конкретный смыслъ и относятся къ политической борьбѣ его эпохи. Это явствуетъ изъ 29 главы книги Гоббса, гдѣ онъ говоритъ о причинахъ распаденія государствъ. Тамъ идетъ рѣчь обо всѣхъ огорченіяхъ приверженцевъ королевской власти¹⁾, и между прочимъ говорится, какъ о большомъ злѣ, какъ о «болѣзни» государства, о трудности, съ которой сопряжено взиманіе денегъ для цѣлей государства, особенно, когда приближается война. «Эти затрудненія, — говорится далѣе, — возникаютъ, благодаря установившемуся мнѣнію, что каждый подданный обладаетъ правомъ собственности на свои земли и богатства, исключаящимъ право суверена пользоваться ими». Та-

¹⁾ Между прочимъ объ огорченіи по поводу „безмѣрной величины города, который, благодаря этому, въ состояніи собрать изъ числа своихъ жителей и собственными средствами цѣлую армію“, — что, какъ мы видѣли, Лондонъ сдѣлалъ въ 1642 году. Далѣе слѣдуетъ огорченіе, вызываемое „правомъ людей, считающихъ себя умными политиками, полемизировать противъ абсолютной власти. Люди эти, хотя и выросше большею частью въ низшихъ слояхъ народа, воодушевлены ошибочными теоріями, постоянно колеблютъ основные законы и становятся въ тягость государству“ (стр. 152).

кова сокровенная причина слезъ, проливаемыхъ добрякомъ Гоббсомъ по поводу теоріи святости частной собственности. Называя далѣе накопленіе большихъ суммъ денегъ въ рукахъ немногихъ, благодаря откупамъ и монополіямъ, болѣзнь государства, и сравнивая эту болѣзнь съ плевритомъ у человѣка, Гоббсъ оригinalенъ лишь въ этомъ сравненіи, вообще же онъ опять говоритъ только о деньгахъ какъ о «крови» соціального организма, а не о накопленіи какого бы то ни было имущества, — противъ крунаго землевладѣнія онъ ничего не имѣетъ.

Однако нельзя безнаказанно возводить чисто практическіе вопросы на степень теоретическихъ аксіомъ; поэтому *master Hobbs* (Hobbes — латинская орфографія) послѣ смерти прослылъ социалистомъ и утопистомъ ¹⁾. Дѣйствительно, стоитъ только замѣнить абсолютнаго монарха или абсолютное коллегіальное правительство абсолютнымъ суверенитетомъ народа, и тогда, благодаря приведеннымъ выше положеніямъ, окажутся на лицо всѣ необходимыя для радикальнаго преобразованія общества условія. Однако Гоббсъ, несмотря на свой матеріализмъ, является утопистомъ также и какъ теоретикъ монархическаго абсолютизма, ибо обосновываетъ его на «правахъ», не имѣющихъ подъ собой почвы. Правда, въ одномъ мѣстѣ (стр. 88) онъ говоритъ, что суверень можетъ передать многія изъ своихъ правъ и все-таки остаться патрономъ, если онъ только сохранитъ за собой вооруженную силу, право взимать деньги и опредѣлять, какія ученія могутъ быть распространяемы; но какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ это возможно, объ этомъ Гоббсъ не говоритъ ничего. Наоборотъ, онъ здѣсь же приписываетъ причину гражданской войны распространенію «мнѣнія» (*opinion*) будто эти полномочія распределены между королемъ, лордами и палатой общинъ. Не будь это мнѣніе такъ распространено, «народъ никогда не раскололся бы на партіи».

Изъ всѣхъ возраженій, вызванныхъ «Левіааномъ» со стороны современниковъ Гоббса, несомнѣнно самымъ замѣчательнымъ и единственнымъ, представляющимъ для насъ интересъ, является «Оцеана» Джемса Гаррингтона. Гаррингтона, также какъ и Гоббса, нельзя назвать социалистомъ, но его литературная дѣятельность имѣла большое и можно даже сказать законное вліяніе на развитіе социалистическихъ идей. Мы даже увидимъ ниже, что несомнѣнный буржуа по убѣжденіямъ, Гаррингтонъ имѣетъ больше правъ на мѣсто въ исторіи социализма, чѣмъ многіе другіе стряпавшіе социалистическія «государства будущаго».

Прежде всего считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о личности Джемса Гаррингтона. Онъ родился въ 1611 году, происходилъ изъ очень состоятельной и видной семьи Рутландшира, связанной узами родства со многими представителями высшаго дворянства. Въ молодости Гаррингтонъ отличался крайней любознательностью, а своей серьезностью внушалъ своимъ родителямъ больше уваженія, чѣмъ они ему. Въ зрѣломъ же возрастѣ онъ отличался, наоборотъ, жизнерадостнымъ веселымъ темпераментомъ и блестящимъ остроуміемъ. Проучившись нѣсколько лѣтъ въ Оксфордскомъ университетѣ, онъ, для расширенія своихъ познаній путемъ непосредственныхъ наблюденій, путешествовалъ по Голландіи, Даніи, Германіи, Франціи и Италіи. Въ послѣдней на него особенно сильное впечатлѣніе произвела венеціанская республика и ея устройство. Возвратившись

¹⁾ Утопистомъ его называлъ между прочимъ М. R. Reybaud.

въ Англію, гдѣ между тѣмъ умеръ его отецъ, онъ посвятилъ себя воспитанію своихъ родныхъ и сводныхъ сестеръ и братьевъ, продолжая въ то же время учиться и управлять своими имѣніями. Онъ славился чрезвычайной щедростью. Когда друзья убѣждали его ничего не дарить неблагодарнымъ, онъ, говорятъ, возражалъ имъ, что у нихъ души ростовщиковъ, если они за подарки требуютъ такой огромной платы, какъ благодарность.

Въ Гаагѣ Гаррингтонъ, благодаря своему родственнику, попалъ ко двору сестры Карла I, Елизаветы, жены бѣжавшаго богемскаго короля. Въ Англіи онъ тоже часто бывалъ при дворѣ, но не старался занять тамъ никакой должности. Такія чисто личныя отношенія содѣйствовали вѣроятно тому, что онъ не особенно выдѣлился въ борьбѣ между королемъ и парламентомъ, хотя принципиально онъ былъ очень склоненъ къ парламентской партіи и открыто высказывалъ это. Когда Карль I въ 1647 году, послѣ своего ареста, по постановленію парламента былъ заключенъ въ Гольденби, Гаррингтону и нѣкому Томасу Герберту было разрѣшено имѣть съ нимъ постоянное общеніе. На островѣ Уайтѣ въ числѣ лицъ, окружавшихъ Карла, былъ также Гаррингтонъ. Карль особенно любилъ бесѣдовать съ послѣднимъ, пока разговоръ не касался монархіи или республики, такъ какъ Гаррингтонъ не скрывалъ своей симпатіи къ послѣдней. Когда Карль былъ перевезенъ наконецъ въ Виндзоръ, Гаррингтонъ былъ разлученъ съ нимъ и арестованъ, такъ какъ отказался клятвенно обѣщать, что онъ будетъ доносить о попыткахъ короля бѣжать и станетъ препятствовать этимъ попыткамъ. Впрочемъ, вліятельный Айртонъ вскорѣ добился его освобожденія, и Гаррингтонъ еще нѣсколько разъ посѣтилъ Карла въ Сенъ-Джемсѣ и проводилъ его на эшафотъ.

Послѣ казни короля Гаррингтонъ надолго совершенно замкнулся въ стѣнахъ своего кабинета. Насильственная смерть короля, котораго онъ, какъ чело-вѣкъ, высоко цѣнилъ, сильно потрясла его, но она не могла заставить его сдѣлаться врагомъ республики. Онъ, наоборотъ, въ уединеніи рѣшилъ написать сочиненіе, которое по его мнѣнію должно было указать партіямъ выходъ изъ революціи даднаго времени. Это сочиненіе — «Оцеана». Прежде чѣмъ отдать ее въ печать, Гаррингтонъ показалъ ее нѣкоторымъ своимъ знакомымъ, между прочимъ уже извѣстному намъ майору Уайльдману, и прочелъ имъ нѣкоторые отрывки изъ нея. Когда онъ наконецъ отдалъ «Оцеану» въ печать, она была конфискована у типографа и перевезена въ Уайтъ-Галь. Конфисковали ее потому, что правительству было донесено о заключающихся въ ней ужасахъ. Не смотря на всѣ старанія, Гаррингтонъ не могъ добиться ея возвращенія, пока наконецъ любимой дочери Кромвеля, леди Бриджетъ Клейполь, удалось упросить всемогущаго диктатора, чтобы онъ распорядился выдать сочиненіе автору. Говорятъ, будто Кромвель впоследствии, когда «Оцеана» появилась съ посвященіемъ ему, сказалъ, что онъ видитъ, что авторъ хотѣлъ бы заставить его покинуть свое вліятельное положеніе, но что онъ изъ-за нѣсколькихъ листовъ бумаги не откажется отъ того, чего добился при помощи меча. Онъ-де самъ, больше чѣмъ кто бы то ни было, противникъ единоличнаго правленія, но онъ былъ вынужденъ взять на себя роль верховнаго правителя (Constable) когда оказалось, что партіи въ странѣ иначе никогда не придутъ къ соглашенію насчетъ формы правленія.

«Оцеана» появилась въ 1656 году и тотчасъ же вызвала противъ себя рядъ возраженій, исходившихъ почти исключительно отъ теологовъ. Гаррингтонъ

не оставался въ долгу передъ своими противниками и его полемическія сочиненія, хотя и нѣсколько растянутыя, обнаружили въ немъ основательно начитаннаго и остроумнаго діалектика. Важнѣйшимъ изъ этихъ полемическихъ сочиненій является «The Prerogative of Popular Government», первая часть котораго направлена противъ «Considerations upon Oceana» Матью Врена (сына епископа злійскаго), а вторая противъ нѣкоторыхъ теологовъ, по поводу избирательныхъ системъ въ древности и въ первыхъ церковныхъ общинахъ. На появившееся въ 1659 году возраженіе Врена «За монархію», Гаррингтонъ отвѣтилъ небольшимъ насмѣшливымъ произведеніемъ «The Politicaster». Очень краткимъ и полнымъ ироніи былъ далѣе его отвѣтъ на сочиненіе «The holy Commonwealth», которое набожный и многорѣчивый пуританинъ Ричардъ Бакстеръ противопоставлялъ изображенному въ «Оцеанѣ» «языческому» государству¹⁾. По желанію друзей, Гаррингтонъ, въ 1659 году, издалъ сокращенное изложеніе заключающихся въ «Оцеанѣ» принциповъ подъ заглавіемъ «The Art of Law-giving», а затѣмъ изложенную по пунктамъ «Systems of Politics», представляющую собой еще болѣе сокращенную передачу «Оцеаны». Изъ остальныхъ сочиненій Гаррингтона достойно вниманія собраніе политическихъ афоризмовъ, діалогъ, въ которомъ діалектически развиваются принципы «Оцеаны», и трактатъ «Семь образцовъ государственнаго устройства изъ древней и новѣйшей исторіи».

Въ 1659 году Гаррингтонъ учредилъ клубъ для пропаганды и выясненія своихъ проектовъ; по принципу круговыхъ выборовъ, играющему въ идеальномъ государствѣ Гаррингтона выдающуюся роль, клубъ этотъ получилъ названіе «The Rota». Въ числѣ его членовъ были наиболѣе передовые демократы того времени и многіе писатели, пользовавшіеся извѣстностью. Кромѣ Джона Уайльдмана, «левлеллера» Максимилиана Петти и получившаго впоследствии столь большую извѣстность Вильяма Петти, которыхъ мы уже выше упоминали въ числѣ членовъ клуба, къ нему принадлежали республиканецъ Генри Невиль, авторъ «Plato Redivivus», приверженецъ пятаго царствія майоръ Веннеръ и извѣстный ученикъ Мильтона Скиннеръ²⁾. Засѣданія были очень многолюдны, а о пре-

¹⁾ Гаррингтонъ для своей эпохи дѣйствительно былъ „язычникомъ“. Въ Оксфордѣ онъ былъ ученикомъ чрезвычайно терпимаго богослова Шпилингворта, а впоследствии онъ являлся представителемъ самой безусловной терпимости въ религиозныхъ вопросахъ. Въ своей исторіи рационализма В. Г. Лекки называетъ Гаррингтона, Мильтона и Д. Тайлора наиболѣе выдающимися писателями той эпохи, защищавшими терпимость, послѣдніе съ религиозной, первый—съ политической точки зрѣнія. „Надо признать, что изъ всѣхъ трехъ политикъ обладалъ самой широкой точкой зрѣнія; онъ очень ясно понималъ, что политическая свобода не можетъ существовать безъ безусловной религиозной свободы, и что религиозная свобода заключается не въ одной только терпимости, но въ полномъ устраненіи всѣхъ религиозныхъ стѣсненій. Въ этомъ отношеніи онъ умелъ дальше всѣхъ своихъ современниковъ и предвосхитилъ теоріи девятнадцатаго столѣтія (т. II, стр. 60 нѣмецкаго изданія).

²⁾ Самъ Милтонъ не былъ сторонникомъ кругового принципа; онъ считалъ его непрактичнымъ и даже опаснымъ для даннаго момента. „Это колесо можетъ оказаться колесомъ принциповъ“ — писалъ онъ во второмъ изданіи своего „The ready and easy way to establish a free commonwealth“. Необходимые въ данный моментъ люди могутъ быть, по его словамъ, замѣнены людьми неспособными. Это сочиненіе Мильтона вызвало со стороны партіи короля юмористическое возраженіе „The Censure of the Rota upon Mr. Milton's book, etc. etc“. Оно заключаетъ въ себѣ якобы отчетъ о засѣданіи клуба „The Rota“, на которомъ разсматривалась книга Мильтона. Это возраженіе напечатано въ „Harleian Miscellanies“.

ніяхъ, которыя велись въ клубѣ по поводу различныхъ формъ правленія даже враждебный республиканцамъ Антоній Вудъ говоритъ въ своемъ «*Athenae Oxonienses*», что они «были наиболѣе остроумными и тонкими, какія когда либо приходилось слышать. Аргументація въ парламентѣ въ сравненіи съ ними казалась безусловно плоской». Лишь очень немногіе члены парламента были одновременно членами клуба «*The Rota*», большинство и слышать не хотѣло о круговомъ принципѣ. Когда генералъ Монкъ въ февралѣ 1660 года вновь призвалъ исключенныхъ роялистскихъ членовъ долгаго парламента и такимъ образомъ началъ реставрацію, клубъ, тенденціи котораго въ данный моментъ не могли быть осуществлены—распался.

Реставрированной монархіи Гаррингтонъ казался «подозрительнымъ» человекомъ, и въ концѣ декабря 1661 года другъ Карла I, сопровождавшій его на эшафотъ, вдругъ былъ арестованъ безъ объясненія причинъ и посаженъ въ Тоуэръ въ строгое заключеніе. Лишь послѣ долгихъ ходатайствъ его сестеръ, его подвергли допросу, причѣмъ оказалось, что онъ арестованъ по доносу, будто онъ принималъ участіе въ тайныхъ собраніяхъ представителей всѣхъ секцій республиканской партіи, на которыхъ обсуждались пути къ насильственному возстановленію республики и былъ выработанъ цѣлый планъ для достиженія этой цѣли. Дѣло однако такъ и кончилось допросомъ; всѣ заявленія Гаррингтона, требовавшаго суда, чтобы имѣть возможность доказать свою невинность, были безрезультатны. Когда онъ, наконецъ, чрезъ одну изъ своихъ сестеръ, потребовалъ судебного распоряженія объ арестѣ, его, послѣ тяжелаго полугодового предварительнаго заключенія очень поспѣшно и тайно увезли и заключили на совершенно необитаемомъ скалистомъ островѣ Сень-Никласъ, противъ Плимута. Лишь когда онъ заболѣлъ тамъ скорбутомъ, ему, подъ высокой залогъ (5.000 фунтовъ стерлинговъ), разрѣшили жить въ Плимутской крѣпости. Тамъ онъ попалъ въ руки шарлатану врачу, едва не убившему его лошадиными дозами всевозможныхъ лекарствъ. Къ счастью сестры въ послѣдній моментъ добились отъ короля приказа объ освобожденіи Гаррингтона, и послѣдній, посѣтивъ различные купальныя курорты, вернулся въ Лондонъ, гдѣ жилъ до 1677 года; впрочемъ совершенно оправиться онъ уже не могъ. Уже въ Плимутѣ говорили, что распадъ его пострадалъ отъ болѣзни, и въ Лондонѣ также, несмотря на то, что онъ рассуждалъ вполне логично, на него смотрѣли какъ на душевно-больного, благодаря его замѣчаніямъ о природѣ его болѣзни и о законахъ природы вообще. Возможно, что онъ въ самомъ дѣлѣ страдалъ галлюцинаціями, но возможно также, что окружающіе просто не понимали его и принимали въ буквальномъ смыслѣ его манеру выражаться фигурально. Среди оставленныхъ документовъ нашлось начало трактата о «Механикѣ природы»; въ немъ онъ на примѣрѣ своей собственной болѣзни хочетъ доказать вѣрность сдѣланныхъ имъ во время болѣзни наблюденій. Въ этомъ трактатѣ заключаются очень фантастическія предположенія, какія при недостаточномъ знакомствѣ съ природою въ то время долженъ былъ сдѣлать каждый, кто желалъ дать цѣльную картину «самосозидающей» природы. Въ общемъ же трактатъ отличается такой стройностью и законченностью, что мысль о безуміи его автора совершенно не можетъ имѣть мѣста. Его первая часть заключаетъ въ себѣ многія положенія, изобличающія очень острый умъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ отсюда.

«Природа—это «да будеть», это дыханіе и во всей сферѣ ея дѣятель-

ности истинное слово Божіе. Природа — духъ, тотъ же духъ Божій, который вначалѣ носился надъ водами; она его пластическая сила, «*dynamis*» или «*diaplasike*», «*energia zotike*». Она есть провидѣніе Божіе въ его господствѣ надъ дѣлами сего міра, между прочимъ и то провидѣніе, о которомъ сказано, что безъ него даже и воробей не погибнетъ. Природа непогрѣшима... но она ограничена и не можетъ пойти дальше матеріи, поэтому отъ нея нельзя ждать чуда... Природа не только духъ, но она также снабжена или вѣрнѣе снабжаетъ себя безчисленнымъ множествомъ служебныхъ духовъ, при помощи которыхъ она воздѣйствуетъ на всю вообще матерію — вселенную, или на отдѣльныя части — тѣла людей. Эти служебные духи — опредѣленные эфирныя частицы невидимо смѣшанныя съ элементарной матеріей; они дѣйствуютъ обыкновенно незамѣтно или неощутимо и могутъ (!) быть названы животными духами... Животные духи, встрѣчаются ли они во вселенной или въ тѣлѣ человѣка, бываютъ добрыми или злыми, сообразно съ матеріей, въ которой и изъ которой они созданы. Добрый для одного созданія духъ является злымъ для другого, подобно тому какъ пища нѣкоторыхъ животныхъ является ядомъ для людей... Ничто въ природѣ не уничтожается и не теряется и поэтому все что выдыхается («транспирируется», принимается духами вселенной и используется какимъ бы то ни было образомъ».

Если оставить въ сторонѣ выраженіе «духъ», то придется признать, что Гаррингтонъ былъ настолько близокъ къ матеріалистическому міросозерцанію, насколько это было вообще возможно въ ту эпоху. Даже наиболѣе таинственное и фантастическое положеніе трактата Гаррингтона имѣетъ безусловно матеріалистическій смыслъ, и Гаррингтонъ въ своемъ введеніи совершенно опредѣленно говоритъ, что онъ желаетъ, оставивъ въ сторонѣ всѣ книги и теоріи, описывать природу въ томъ же видѣ, въ какомъ она «впервые представилась мнѣ чувствамъ, а черезъ чувства и моему разуму». Это положеніе гласитъ: «Животные духи при своемъ распространеніи обыкновенно вытягиваются въ различныя фигуры, соотвѣтствующія рукамъ и пальцамъ, при помощи которыхъ они, въ процессѣ дыханія («транспираціи»), перерабатываютъ матерію, подобно тому какъ освобождаютъ ее въ организмѣ послѣ ея поглощенія, а именно механическимъ путемъ («*by manufacture*»); ибо это безусловно механическія дѣйствія и настоящій физическій трудъ, какъ тотъ, который производится въ нашихъ мастерскихъ и работныхъ домахъ».

Подобно тому, какъ Гаррингтонъ сравниваетъ здѣсь «животные духи» съ руками и пальцами, такъ онъ, повидимому, въ бесѣдѣ съ окружающими, пользовался иногда еще болѣе картинными аналогіями, при чемъ не всегда выражался настолько ясно, чтобы слушатели могли принимать аналогіи именно какъ таковыя только. Отсюда рассказы, будто онъ называлъ летающихъ вокругъ него мухъ и пчелъ выдѣленіями своего мозга, будто онъ говорилъ, что его посѣщаютъ ангелы и дьяволы, и т. д. Въ трактатѣ нѣтъ никакихъ намековъ на такія галлюцинаціи; единственный разъ, когда въ немъ упоминаются понятія «ангельскій и дьявольскій», они прилагаются къ дѣйствіямъ охарактеризованныхъ выше животныхъ духовъ и объясняются ими. Словомъ, о безуміи Гаррингтона изъ этого трактата нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ.

Вотъ все, что мы хотѣли сказать объ авторѣ «Океаны». Обратимся теперь къ самому сочиненію и къ позднѣйшимъ его передѣлкамъ.

Уже самое заглавіе показываетъ, что «Оцеана» есть плодъ фантазіи, описаніе не какого-либо существующаго государства, но государства, какимъ оно должно быть. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи ее надо отнести къ числу утопій. И все же въ ней нѣтъ ничего утопическаго. кромѣ увѣренности Гаррингтона, что стоитъ только надлежащимъ образомъ устроить государство, и оно на вѣки останется въ такомъ же состояніи, пока существованіе его или равновѣсіе не будетъ нарушено внѣшнею силой. Вообще же, именно пониманіе исторіи составляетъ наиболѣе замѣчательную черту Гаррингтона, ибо этимъ пониманіемъ онъ сдѣлалъ весьма важный шагъ къ историческому материализму, и хотя «Оцеана» изображаетъ государство не такимъ, каково оно въ дѣйствительности, все же предпосылки даннаго ею изображенія взяты изъ дѣйствительности и выводы ея сдѣланы на основаніи данныхъ условій.

Государство Оцеаны,—это Англія, Англія какою ее зналъ Гаррингтонъ и его современники. Гаррингтонъ не только не старается скрыть это, но наоборотъ, стремится внушить это читателямъ. Оцеана была расчтана на немедленное практическое осуществленіе: всѣ имена въ ней взяты съ греческаго или латинскаго языковъ и составлены такъ, чтобы какъ можно яснѣе охарактеризовать лица или предметы, которые они обозначаютъ. Такъ напр. названіе самой Англіи—Оцеана. Лондонъ Гаррингтонъ называетъ Emporium. Вестминстеръ (въ виду того, что это аббатство)—Niera; Вестминстеръ-Галь—Pantheon. Король Іоаннъ названъ Adoxus (безславный), Генрихъ VII—Panurgus (хитрый), Елизавета—Parthenia (дѣвственная), Іаковъ I—Morpheus (богъ сна или непостоянный), Ваконъ—Verulamius, Гоббсъ—Leviathan, Оливеръ Кромвель—Orpheus Megaletor (побѣдоносный и великодушный) и т. д.

Книга «Оцеана» распадается на 4 отдѣла. Въ первомъ говорится о различныхъ формахъ правленія или государства, во второмъ—о наиболѣе цѣлесообразномъ способѣ учредить республику, въ третьемъ—о примѣрѣ основанной на надлежащихъ принципахъ республики, т.-е. объ Оцеанѣ (Англіи, превращенной въ такую республику), въ четвертомъ же излагаются предполагаемые результаты превращенія Англіи въ республику по образцу Оцеаны.

Республика предполагается смѣшанно-буржуазная; изъ нея учрежденій «Rota» и «Ballot» (круговые выборы и голосованіе шарами) собственно наименѣе существенны, хотя Гаррингтонъ съ особенною любовью останавливается на нихъ. Онъ наблюдалъ ихъ въ дѣйстви въ Венеціи, и венеціанское государственное устройство, вполне приспособленное къ условіямъ этой республики, казалось ему чуть ли не совершенствомъ. Но такъ какъ онъ прекрасно сознавалъ различіе матеріальныхъ основъ венеціанской республики и британскаго государства ¹⁾, то онъ долженъ былъ бы также понимать, что для Англіи можно было

¹⁾ Уже во введеніи, указавъ на Венецію, какъ на примѣръ того, что островное положеніе чрезвычайно благоприятно для республики, Гаррингтонъ говоритъ: „и все же она, благодаря недостатку мѣста и недостатку собственнаго оружія (т.-е. войновъ), никогда не можетъ сдѣлаться чѣмъ-либо большимъ, чѣмъ приспособленное для самосохраненія государство, между тѣмъ, какъ Англія, превращенная въ подобное же государство (республику), будетъ способна къ расширенію страны, опирающагося на самыя могущественныя основы, какія когда-либо видѣлъ міръ. Море даетъ законъ роста Венеціи, но растущая Оцеана даетъ законы морю“. Отмѣтимъ здѣсь кстати, что въ этихъ словахъ Гаррингтонъ предвосхитилъ британскій народный гимнъ „Rule Britannia“.

въ концѣ концовъ отыскать и другія средства предупредить олигархію, помимо голосованія шарами и круговыхъ выборовъ адриатической республики. Впрочемъ имъ, повидимому, овладѣла мысль предлагать повсюду лишь такія мѣропріятія, пригодность которыхъ уже обнаружилась въ другомъ мѣстѣ, для которыхъ имѣлись прецеденты, и быть можетъ не его вина, что о его «Rota» писали гораздо больше, чѣмъ напр. объ его «аграрномъ законѣ».

Этотъ, какъ онъ его называлъ «Agrarian», долженъ быть представлять собой дальнѣйшую и при томъ наиболѣе существенную гарантію противъ возвращенія къ монархическому или феодальному строю. По этому закону никто не долженъ былъ владѣть землею, дающею болѣе двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода. Если же кто либо, при введеніи этого закона, имѣлъ земли больше, онъ лишался права передать ее по наслѣдству отдѣльному лицу. Такимъ образомъ, согласно его оцѣнкѣ доходности земли въ тогдашней Англіи, земля должна была распредѣляться во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ между 5.000 владѣльцевъ, благодаря чему была бы немыслима олигархія и опирающаяся на нее монархія. Впрочемъ до такой концентраціи дѣло, по мнѣнію Гаррингтона, никогда не дойдетъ. Онъ наоборотъ рассчитываетъ на перевѣсъ мелкаго землевладѣнія надъ крупнымъ, полагая, что первое будетъ относиться ко второму, по крайней мѣрѣ, какъ 3 къ 1. Этимъ самымъ, по его мнѣнію, въ принципѣ уже данъ демократическій характеръ устройства, ибо *government follows property* — «господство сообразуется съ собственностью», или, какъ мы сказали бы въ настоящее время, политическое устройство всюду соотвѣтствуетъ распредѣленію собственности.

Такова основная мысль, красной нитью проходящая чрезъ все сочиненіе Гаррингтона, которую онъ всюду прослѣживаетъ въ исторіи и на основаніи которой онъ даетъ весьма мѣткія объясненія историческихъ явленій, а подъ часъ даже во истину геніальныя предсказанія. Принимая во вниманіе тогдашнюю структуру Англіи, нечего удивляться тому, что Гаррингтонъ видитъ центръ тяжести въ собственности на землю. Собственность на деньги и движимое имущество, по его мнѣнію, не имѣетъ значенія, ибо «она имѣетъ крылья», а это было безусловно вѣрно въ ту эпоху, когда крупный купецъ былъ еще «*merchant adventurer*», и когда мануфактура находилась еще въ первыхъ стадіяхъ своего развитія. Гаррингтонъ говоритъ, что попытка основать аристократическое правленіе на одной только денежной собственности, рѣдко или никогда не имѣла успѣха. Только въ тѣхъ государствахъ, гдѣ населеніе живетъ главнымъ образомъ торговлей, какъ напр. въ Венеціи или Голландіи, распредѣленіе денежной собственности можетъ имѣть такое же значеніе, какъ въ другихъ мѣстахъ распредѣленіе собственности на землю.

Изъ развитія земельной собственности при Тюдорахъ, Гаррингтонъ объясняетъ неизбежность политической революціи въ Англіи. Онъ описываетъ, какъ Генрихъ VII путемъ расщупенія дружинъ, измѣненія законовъ о передачѣ земли, а также путемъ изданія законовъ, благопріятствующихъ возникновенію независимаго крестьянства, ослабилъ феодальное землевладѣніе и увеличилъ землевладѣніе «народа», т. е. буржуазныхъ классовъ, и такимъ образомъ самъ взрастил ту силу, которая въ концѣ концовъ должна была сдѣлаться опасной для престола. Онъ рассказываетъ, какъ Генрихъ VIII разрушеніемъ монастырей способствовалъ этому процессу и доставилъ «народной промышленности» такую бо-

гатую «добычу», что уже при Елизаветѣ взаимоотношеніе силъ настолько измѣнилось, что мудрому совѣту королевы можно было совсѣмъ почти игнорировать дворянство; какъ, наконецъ, для полнаго паденія королевской власти было уже сдѣлано все, когда народъ попялъ тайну своего могущества, доселѣ ему невѣдомую. И тогда-то «королю, настолько упрямому въ спорахъ, насколько была слаба королевская власть, духовенство дало толчокъ къ дѣйствіямъ, стоившимъ ему жизни».

«Ибо палата лордовъ, одна только устоявшая до сихъ поръ, распалась и отдѣлила короля отъ народа, показавъ такимъ образомъ, что Крассъ умеръ, и что Истмійскій перешеекъ прорванъ. Но королевство, лишившееся дворянства, можетъ имѣть одно только приближище на землѣ—армію; поэтому распаденіе правительства (т. е. элементовъ, на которые опиралось правительство) повело къ гражданской войнѣ, а не гражданская война къ распаденію правительства (стр. 60, 61).

Возстановленіе королевства Гаррингтонъ считалъ невозможнымъ иначе, какъ при новомъ измѣненіи имущественныхъ отношеній. Премудрые критики, напримѣръ, старшій Дизраели ¹⁾, издѣвались надъ этимъ утвержденіемъ и указывали на то, что уже четыре года спустя послѣ появленія «Одеаны» все-таки монархія была реставрирована. Но это доказываетъ только, какъ плохо они поняли Гаррингтона. Онъ утверждалъ только невозможность вновь упразднить политическое господство буржуазныхъ классовъ, въ томъ числѣ обуржуазившагося землевладѣнія, иначе, какъ путемъ существеннаго измѣненія имущественныхъ отношеній, и исторія доказала справедливость этого утвержденія. Гаррингтонъ очень хорошо зналъ, что существуютъ смѣшанныя формы правленія и привелъ цѣлый рядъ примѣровъ этому изъ исторіи. Но онъ каждый разъ старался найти и установить, въ какомъ именно элементѣ правительства лежалъ центръ тяжести, и сообразно съ этимъ опредѣлялъ его характеръ. Онъ не могъ предвидѣть появленія уroda, именуемаго парламентской монархіей, но появленіе послѣдняго является торжествомъ теоріи Гаррингтона, а не опроверженіемъ ея ²⁾.

Неудача, которую потерпѣли Стюарты въ своей политикѣ, стремившейся возстановить абсолютную монархію, доказала справедливость того, что Гаррингтонъ приводилъ, какъ возраженіе Гоббсу.

«Вы хотите основать королевство, — писалъ онъ, — но какимъ бы оно ни было новымъ, если вы не можете устроить его, какъ Левіаѳанъ, при помощи одной только геометріи (ибо можно ли назвать иначе ни чѣмъ не обоснованное требованіе, чтобы каждый жертвовалъ своей волей волѣ монарха?), оно все-таки будетъ покоиться на старыхъ принципахъ, т. е. либо на существованіи могущественнаго дворянства, либо на существованіи поселенной арміи, а это возможно лишь

¹⁾ Исаакъ Дизраели, отецъ Дизраели Биконсфильда, въ „*Amenities of Literature*“.

²⁾ „При современномъ состояніи Англій, — писалъ онъ въ 1659 году, — приверженцы республики могутъ быть побѣждены, благодаря недостатку искусства (ужьина вести свое дѣло). Но роялисты должны быть побѣждены, благодаря отутетвию реальной почвы подъ ними. Первые могутъ не достигнуть цѣли по несобосности, послѣдніе должны не достигнуть ея благодаря невозможности“ (стр. 540, изд. Толандомъ собранія важѣйшихъ сочиненій Гаррингтона, 1737 г.).

при условіи соответственнаго перемѣщенія собственности» (Оцеана, стр. 61). Слова, относящіяся къ арміи, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что армія должна состоять изъ другого племени, и что земля, на которой она поселилась, принадлежитъ монарху, примѣромъ чего могутъ служить мамелюки въ Египтѣ. Гоббсъ, между прочимъ, насмѣшливо относится къ «договорному государству», какъ его понимали республиканцы, и утверждаетъ, что законъ существуетъ лишь благодаря силѣ меча, что безъ нея онъ просто листъ бумаги. На это Гаррингтонъ отвѣчаетъ: «онъ (Левіаѳанъ) могъ бы сдѣлать и дальнѣйшій выводъ,— что мечъ безъ руки, которая владѣетъ имъ, просто кусокъ холоднаго желѣза. Рука, владѣющая мечомъ, это національная милиція... армія же животное, которое имѣетъ большой желудокъ и требуетъ пищи, поэтому мы снова приходимъ къ вопросу, какое у васъ пастбище? а ваше пастбище, въ свою очередь, зависить отъ распредѣленія собственности, безъ которой общественная власть— простое названіе или игрушка» (стр. 10). Словомъ, тотъ, кто имѣетъ средства доставлять этому животному съ большимъ желудкомъ пастбище подобно тому, какъ султанъ содержитъ своихъ тимариотовъ, тотъ можетъ смѣяться надъ договорнымъ государствомъ. Но когда пастбищемъ является обремененное арендаторами и крѣпостными дворянское (феодалное) землевладѣніе, «то королю, при такомъ положеніи вещей, невозможно править иначе, какъ на основаніи договора, если же онъ нарушитъ договоръ, ему придется тяжело поплатиться за это» (стр. 20, 21).

Гаррингтонъ является противникомъ исключительно Гоббса—политика; къ философу Гоббсу онъ питаетъ величайшее уваженіе. Правда,—говоритъ онъ въ «The Prerogative of Popular Government»,—я опровергалъ политическія ученія господина Гоббса съ такимъ же пренебреженіемъ, съ какимъ онъ самъ нападалъ на политическія ученія величайшихъ авторовъ... Тѣмъ не менѣе я твердо убѣжденъ, что Гоббсъ въ большинствѣ другихъ вопросовъ въ настоящее время является величайшимъ писателемъ всего міра, и что въ будущемъ на него будутъ смотрѣть, какъ на такового. Что же касается въ частности его трактатовъ о природѣ человѣка, то они являются величайшими изъ новѣйшихъ откровеній. Я слѣдовалъ и буду слѣдовать имъ» (l. c. edit. Toland, стр. 259).

Однако онъ идетъ дальше Гоббса и примѣняетъ его опредѣленіе воли къ исторіи. Законъ есть продуктъ воли,—пишетъ онъ въ «The Prerogative», но воля дѣйствуетъ не безъ побудительной причины, а побудительной причиной воли является выгода (l. c. стр. 241). Поэтому смѣшно говорить о какой нибудь формѣ правленія или государственнаго устройства, что она наиболѣе естественная. «Правительство—это слово употребляется всегда въ самомъ широкомъ значеніи въ смыслѣ государственнаго устройства,—будетъ одинаково искусственнымъ, все равно является ли оно въ демократической формѣ или монархической, слѣдовательно, для того, чтобы знать, какое изъ нихъ естественнѣе, мы должны изслѣдовать, которое изъ этихъ произведеній искусства ближе къ природѣ». Возьмемъ, на примѣръ, домъ и корабль; первый является естественнымъ на землѣ, второй—на морѣ. «Все правительства одинаково искусственны въ своей дѣятельности или по существу и одинаково естественны по отношенію къ причинамъ или къ реальнымъ основаніямъ, па которыхъ они покоятся».

Съ величайшимъ уваженіемъ Гаррингтонъ говоритъ о Макиавелли. Последній кажется ему «достойнымъ удивленія» «царемъ политическихъ писате-

лей»¹⁾. Тѣмъ не менѣе онъ совершенно не зависитъ отъ него въ духовномъ отношеніи и вѣрѣдко вноситъ очень удачныя поправки къ нему. «Испорченный народъ,—говоритъ Макиавелли,—неспособенъ къ республиканскому правленію. Но когда Макиавелли начинаетъ излагать, что значитъ испорченный народъ, онъ запутывается. И я не вижу иного выхода изъ созданнаго имъ лабиринта, кромѣ утвержденія, что разъ распредѣленіе собственности измѣнилось, народъ по необходимости долженъ сдѣлаться испорченнымъ съ точки зрѣнія прежней формы правленія. Но испорченность въ этомъ смыслѣ имѣетъ только такое же значеніе, какъ въ тѣлахъ природы, ибо гибель одной формы правленія знаменуетъ рожденіе новой. Поэтому, если распредѣленіе собственности идетъ отъ монархіи, то испорченность народа въ данномъ случаѣ дѣлаетъ его пригоднымъ для республики. Но такъ какъ я знаю, что Макиавелли подразумѣваетъ испорченность нравовъ, то я добавляю, что послѣдняя также зависитъ отъ измѣненія въ распредѣленіи собственности... Тамъ, гдѣ распредѣленіе собственности теряетъ свой демократическій характеръ и становится олигархическимъ и монархическимъ, общее благо, а также связанныя съ нимъ разумъ и справедливость уступаютъ свое мѣсто частнымъ интересамъ. Воздержность смѣняется роскошью, свобода рабствомъ... Но процессъ распредѣленія собственности въ Англіи совершался въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ въ Римѣ. Поэтому права народа не испортились, но наоборотъ, сдѣлались достойными республики» («Осеана», стр. 64. 65). Раскрытіе революціоннаго значенія испорченности представляетъ собой немаловажную заслугу.

Мы могли бы цитировать еще многія мѣста, которыя показываютъ, что Гаррингтонъ былъ настолько близокъ къ историческому матеріализму, насколько вообще можно было быть близкимъ къ нему въ XVII столѣтіи. Когда онъ, напр., говоритъ только о собственности, какъ объ основѣ политическихъ и прочихъ учрежденій, которыя являются надстройками ея, то онъ понимаетъ собственность отнюдь не въ узкомъ смыслѣ. «Промышленность, — говоритъ онъ въ «Systems of Politics»,—является, болѣе чѣмъ что бы то ни было другое, областью накопленія, а накопленіе болѣе чѣмъ что бы то ни было другое ненавидитъ уравнивательныя тенденціи». А такъ какъ «доходы народа находятся въ зависимости отъ доходовъ промышленности», то совсѣмъ исключается опасность,

¹⁾ „Человѣкъ можетъ пойти на смерть или на погибель для спасенія націи, но ни одна нація не пойдетъ на смерть или погибель для того, чтобы спасти человѣчество. Макиавелли пользуется дурной славой, ибо онъ сказалъ, что въ томъ случаѣ, когда надо спасти государство или сохранить свободу, не слѣдуетъ разбирать справедливо ли или несправедливо, милосердно или жестоко, благородно или позорно приходится поступать. Выраженное въ такой формѣ утвержденіе кажется очень грубымъ, но воображать, что нація, благодаря данному ею обществу или заключенному договору скорѣе обречетъ себя на смерть или погибель, чѣмъ при отсутствіи этихъ условій, это значитъ обнаруживать не здравомысліе, но глузость“.

„На испорченность правительства у Макиавелли слѣдуетъ смотрѣть такъ же, какъ на болѣзнь человѣческаго тѣла у Гипократа. И Гипократъ, и Макиавелли не создавали ни болѣзней человѣческаго тѣла, ни испорченности правительствъ; и то, и другое существовало до ихъ появленія на свѣтъ; и когда мы видимъ, что Гипократъ и Макиавелли только открыли ихъ природу, то мы должны признать, что ихъ дѣйствія были направлены не на увеличеніе, но на уврачеваніе (тѣхъ золъ). Такова истина объ этихъ двухъ писателяхъ“ (Гаррингтонъ, „A System of Politics, edit. Toland“, стр. 509, 514).

что народъ примется за насильственное уравненіе (levelling). Это было безусловно вѣрно въ то время, когда писалъ Гаррингтонъ. Последний считаетъ существованіе джентри, т.-е. класса состоятельныхъ собственниковъ, не только безопаснымъ, но даже полезнымъ для демократіи, если только большая часть земли останется въ рукахъ крестьянъ. Такой взглядъ, въ то время когда онъ писалъ, также имѣлъ достаточныя основанія. Всѣ усовершенствованія въ обработкѣ земли получали начало въ большихъ имѣніяхъ. Въ «Оцеанѣ» Гаррингтонъ говоритъ, что наибольшей славы былъ бы достоинъ тотъ, кто нашелъ бы средство положить конецъ повышенію арендной платы вслѣдствіе конкуренціи, не допуская въ то же время упадка рациональнаго сельскаго хозяйства.

Утверждая существованіе зависимости политическаго строя отъ распредѣленія собственности, Гаррингтонъ понимаетъ, что другіе факторы, напр., географическое положеніе страны, могутъ влиять на политическія условія и измѣнять ихъ. Поэтому-то онъ думаетъ, что въ Англии, благодаря ея островному, защищенному отъ внѣшнихъ вліяній положенію, развитіе можетъ идти безусловно сообразно съ распредѣленіемъ въ ней собственности. Его сотрудникъ, уже упомянутый выше Генри Невиль, въ своемъ появившемся въ 1683 году «Plato Redivivus», объясняетъ относительную долговѣчность императорской власти въ тогдашней Германіи опаснымъ сосѣдствомъ Франціи съ одной стороны и постоянно угрожающими турецкими нашествіями съ другой, между тѣмъ какъ самъ Гаррингтонъ уже въ «The Prerogative» называетъ Германскую имперію тѣмъ-то вродѣ республики мелкихъ князей, которая «являетъ собою не особенно хорошій примѣръ» (I. с. стр. 382). Тотъ фактъ, что Гаррингтонъ подъ словомъ народъ разумѣетъ всѣ вообще буржуазные классы, нельзя считать признакомъ отсталости, тѣмъ болѣе, что даже Сень-Симонъ, уже въ началѣ XIX вѣка, называлъ все вообще промышленное населеніе, какъ трудящихся, такъ и работодателей, рабочими. Въ эпоху Гаррингтона промышленные классы отличались одинъ отъ другого только размѣрами своего состоянія или своихъ доходовъ. Тогда существовали науперы, но еще не было класса пролетаріевъ, осужденныхъ на постоянную зависимость. Сообразно съ этимъ и классифицируется населеніе въ Оцеанѣ.

Народъ въ образцовой республикѣ Гаррингтона раздѣленъ на «свободныхъ или гражданъ и крѣпостныхъ». Къ послѣднему слову въ поясненіе прибавлено: «пока они остаются таковыми» (while such). «Ибо — говорится далѣе, — какъ только они дѣлаются независимыми, т.-е. начинаютъ жить на собственный счетъ, они становятся свободными или гражданами». По мнѣнію Гаррингтона это установленіе не нуждается ни въ какомъ обоснованіи, ибо «состояніе (экономической) зависимости, по самому существу своему, несовмѣстимо со свободой или съ участіемъ въ управленіи республикой («Оцеана», стр. 76).

Для насъ представляетъ здѣсь интересъ другое дѣленіе населенія Оцеаны, а именно на два класса, сообразно съ получаемыми ими доходами. Къ первому классу относятся граждане, получающіе свыше 100 фунтовъ стерлинговъ дохода, ко второму — получающіе 100 или меньше. Это дѣленіе имѣетъ значеніе для организаціи защиты страны; получающіе свыше 100 фунтовъ дохода обязаны служить въ кавалеріи, получающіе же меньше 100 фунтовъ служатъ въ пѣхотѣ. Всѣ мужчины моложе тридцати лѣтъ должны служить въ полевой арміи, достигшіе же тридцатилѣтняго возраста несутъ гарнизонную

службу. Въ противоположность левеллерамъ, Гаррингтонъ не допускаетъ никакихъ льготъ по воинской повинности, только въ ея всеобщности онъ видитъ гарантію противъ возникновенія въ арміи антидемократическихъ тенденцій. Онъ является сторонникомъ всеобщей воинской повинности также и вслѣдствіе чисто военныхъ соображеній. По его мнѣнію, невыгодно вести войну съ маленькой арміей. Далѣе, дѣленіе на классы сообразно доходамъ опредѣляетъ также дѣленіе по отношенію къ выборамъ: классъ, получающій свыше ста фунтовъ дохода, выбираетъ прямо въ сенатъ, который состоитъ изъ трехсотъ членовъ и занимается предложеніемъ и обсужденіемъ законовъ и постановленій.

Вся страна въ территоріальномъ отношеніи раздѣлена на 50 трибъ. Послѣднія раздѣлены на сотни, а сотни, въ свою очередь, на приходы. Всѣ они имѣютъ собственныхъ выборныхъ должностныхъ лицъ. Народное представительство («*prerogative tribe*») состоитъ изъ 600 выборныхъ отъ гражданъ, имѣющихъ меньше 100 фунтовъ дохода и изъ 450 выборныхъ отъ гражданъ, имѣющихъ свыше 100 фунтовъ дохода, такъ что перевѣсъ находится на сторонѣ первыхъ. Это народное представительство имѣетъ исключительное право рѣшающаго голосованія предложенныхъ законовъ. Его постановленія дѣлаются «законами страны». Если это представительство отвергаетъ только отдѣльные пункты, то эти пункты возвращаются сенату для пересмотра, а затѣмъ уже, въ измѣненномъ видѣ, предлагаются народному представительству. Каждый законопроектъ печатается и вручается народному представительству за шесть недѣль до голосованія, но собраніе народныхъ представителей не обсуждаетъ закона, а только голосуетъ.

Заставляя каждый изъ двухъ классовъ выбирать своихъ особыхъ представителей, т.-е. устанавливая выборы по классамъ, Гаррингтонъ вовсе не имѣетъ цѣлью обезпечить представительство болѣе состоятельныхъ, а наоборотъ, стремится достигнуть того, чтобы менѣе состоятельные имѣли перевѣсъ. Въ написанномъ въ октябрѣ 1659 года діалогѣ «Валерій и Публикола», въ которомъ обсуждаются принципы Оцеаны, Гаррингтонъ говоритъ, что англійскій парламентъ, несмотря на то, что низшіе классы пользовались частичнымъ избирательнымъ правомъ, до тѣхъ поръ состоялъ только изъ представителей болѣе состоятельныхъ классовъ, и это происходило не только вслѣдствіе зависимости отъ лордовъ; даже если бы этой зависимости не было, при всеобщихъ выборахъ выбирались бы преимущественно болѣе состоятельные люди. Поэтому слѣдуетъ обезпечить въ народномъ представительствѣ перевѣсъ низшихъ классовъ путемъ установленія выборовъ по классамъ¹⁾. Вообще же Гаррингтонъ полагалъ, что демократія въ достаточной степени обезпечена уже тѣмъ, что право выборовъ въ сенатъ было связано съ доходомъ, который не былъ недостижимъ для каждаго прилежнаго, дѣльнаго члена государства. То обстоятельство, что съ достиженіемъ такого дохода было связано право занимать извѣстныя почетныя должности, по мнѣнію Гаррингтона, служило весьма полезнымъ стимуломъ для поощренія трудолюбія.

Само собою разумѣется, что въ Оцеанѣ старательно заботились объ устройствѣ школъ и техническихъ училищъ и вообще о распространеніи наукъ, а также о процвѣтаніи промышленности. Старики и люди неспособные къ труду,

¹⁾ Harrington, Edit. Toland, стр. 479, 480.

конечно, также были обеспечены. Мы уже говорили выше, что въ Оцеанѣ царила свобода религій; Гаррингтонъ все снова повторяетъ, что гражданская свобода невозможна безъ свободы совѣсти, и наоборотъ. Этимъ и объясняется, почему сторонники государственной церкви и пресвитеріане съ одинаковой злобой нападали на него; онъ любилъ посмѣяться надъ богословами вообще и особенно надъ богословскимъ университетомъ въ Оксфордѣ.

Прежде, чѣмъ разстаться съ Гаррингтономъ, мы хотимъ привести еще два примѣра его историческаго предвидѣнія. Онъ въ слѣдующихъ словахъ предсказываетъ промышленный перевѣсъ Англій надъ Голландіей: «Голландцы опередили насъ въ мануфактурѣ и торговлѣ, но съ теченіемъ времени окажется, что народъ, обрабатывающій чужестранные продукты, такъ сказать, только арендуетъ мануфактуру, и что послѣдняя дѣйствительно можетъ сдѣлаться наслѣдственнымъ достояніемъ лишь тамъ, гдѣ она стоитъ на родной почвѣ. Заниматься транспортированіемъ чужихъ товаровъ совѣмъ иное дѣло, чѣмъ вывозить на рынокъ свои собственные продукты. А такъ какъ природа одарила эту націю (Англій), больше чѣмъ какую бы то ни было другую, способностями къ этимъ искусствамъ (торговлѣ и промышленности) и способности эти, по мѣрѣ роста населенія, по необходимости должны развиваться, то въ Англій онѣ займутъ гораздо болѣе прочное положеніе, чѣмъ въ Голландіи»¹⁾.

Господство абсолютизма во Франціи XVII вѣка Гаррингтонъ объяснял тѣмъ обстоятельствомъ, что тамъ, въ противовѣсъ землевладѣнію аристократіи, сильно развито землевладѣніе духовенства, которое всегда становится на сторону монарха, между тѣмъ какъ широкая масса народа живетъ въ такой нищетѣ, что не можетъ принимать участія въ политической жизни. Затѣмъ онъ говоритъ: «Говорятъ что во Франціи существуетъ извѣстная свобода совѣсти; ясно, что пока власть духовенства существуетъ, эта свобода находится въ опасности, но если ей удастся низвергнуть власть духовенства, то вмѣстѣ съ нею она низвергнетъ и абсолютную королевскую власть. Поэтому королевская власть или духовенство, если только они поймутъ свои истинные интересы, не допустятъ этого» (Гаррингтонъ, *Edit Toland*, стр. 506). Спустя 20 лѣтъ съ небольшимъ послѣдовала отмѣна нантскаго эдикта, но когда народъ, т. е. буржуазія окрѣпла, духовенство, а вмѣстѣ съ нимъ и абсолютизмъ, были низвергнуты.

Гаррингтонъ имѣлъ гораздо большее вліяніе на революціонную литературу XVIII столѣтія, чѣмъ обыкновенно принято думать. Имъ нерѣдко пользовались, не указывая источника. Намъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы вздумали приводить здѣсь примѣры этого. Даже на сочиненіяхъ Сійэса ясно замѣтны слѣды вліянія ученія Гаррингтона²⁾. То же самое можно сказать и относи-

¹⁾ «Осеана», стр. 211. Читатели марксовой «Критики нѣкоторыхъ положеній политической экономіи» помнятъ, вѣроятно, примѣчаніе (на стр. 28, 29 русск. изд.), гдѣ цитируется подобное же изреченіе Петти. Но Петти писалъ свои очерки почти полстолѣтія позже, чѣмъ Гаррингтонъ, отъ котораго онъ несомнѣнно много позаимствовалъ.

²⁾ Учрежденное послѣ 18 брѹмера (9 ноября 1799 года) консульство Бонапарта, такъ называемая конституція VIII года, устанавливаетъ два представительныхъ собранія: одно исключительно совѣщательнаго характера, другое, имѣющее исключительно право рѣшающаго голоса,—какъ въ „Оцеанѣ“ Гаррингтона, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Сійэсъ, составившій первоначальный проектъ этой конституціи, позаимствовалъ такое дѣленіе у Гаррингтона. Его проектъ имѣетъ и въ другихъ отношеніяхъ поразительное

тельно Сень-Симона. Въ этомъ-то смыслѣ не будетъ преувеличеніемъ сказать, что Гаррингтонъ, разумѣется не по своимъ постулатамъ, но по своимъ теоретическимъ разсужденіямъ, можетъ быть названъ однимъ изъ предтечъ современнаго научнаго социализма.

* * *

XVII столѣтіе въ Англіи было вѣкомъ возникновенія политической экономіи — науки буржуазной промышленности, капитала. Мы уже указывали на то, что большинство писателей-экономистовъ той эпохи были болѣе или менѣе рѣзко выраженными представителями протекціонизма или меркантилизма. Къ числу ихъ относится и Гоббсъ. Такъ какъ протекціонизмъ долженъ былъ содѣйствовать процвѣтанію промышленныхъ классовъ, послѣдніе же представляли собою «народъ», то вполне естественно, что протекціонистская литература носитъ ярко выраженный народническій или демократическій характеръ, что въ ней не трудно найти, а при желаніи даже прослѣдить социалистическія тенденции. Мы думаемъ однако, что указанныхъ нами примѣровъ достаточно. Съ вопросомъ, какъ содѣйствовать развитію промышленности, повсюду связанъ вопросъ: какъ обезпечимъ мы своихъ бѣдныхъ? и оба они вмѣстѣ сливаются въ третій вопросъ: какъ мы воспитаемъ своихъ бѣдныхъ для сельскохозяйственной промышленной дѣятельности? П. Чемберленъ и цѣлый рядъ другихъ писателей-экономистовъ и филантроповъ предлагаютъ основать промышленныя сельскохозяйственныя рабочія колоніи, которыя должны были представлять собой въ своемъ родѣ образцовыя учрежденія. По свидѣтельству д-ра Фр. Эдена въ «The State of the Poor» уже въ концѣ XVII столѣтія существовала цѣлая литература проектовъ на эту тему, но она не привела ни къ какимъ практическимъ результатамъ, такъ какъ отдѣльныя общины не имѣли ни силы, ни охоты заниматься такими экспериментами, а государство также не имѣло ни малѣйшаго желанія, ни времени заниматься ими. Вмѣсто того государство послѣ реставраціи разрѣшило вопросъ о бѣдныхъ изданіемъ закона о водвореніи — «Laws of parochial settlement», благодаря которому бѣднымъ, сверхъ всѣхъ прочихъ пріятностей, пришлось еще выслушивать споры о томъ, какая община обязана поддерживать ихъ. Однако, исторію законодательства о бѣдныхъ послѣ реставраціи и исторію первыхъ движеній рабочихъ капиталистической промышленности

сходство съ нѣкоторыми учрежденіями „Оцеаны“; такъ, напримѣръ, онъ позаимствовалъ у Гаррингтона его любимую идею круговыхъ выборовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Сійэсъ отступаетъ отъ оригинала, это далеко не всегда бываетъ удачно. У Сійэса рѣшающій голосъ предоставляется исполнительной власти. Число членовъ законодательнаго учрежденія уменьшено до трехсотъ; благодаря этому облегчается вліяніе на нихъ исполнительной власти. Однако полномочія представителей исполнительной власти стѣснены всевозможными ограниченіями, и члены какъ совѣщательнаго корпуса — трибуната, такъ и законодательнаго, получаютъ мандаты отъ своихъ избирателей. Все это Бонапартъ велѣлъ своимъ креатурамъ вычеркнуть; онъ, еще менѣе Кромвеля, былъ расположенъ уступить листу бумаги то, чего онъ добился силой меча, но онъ былъ хитрѣе, чѣмъ Кромвель, и оставилъ въ проектѣ все то, что было необходимо для прикрытія полной зависимости законодательныхъ учрежденій кажущееся независимостью ихъ отъ исполнительной власти. Пародія на „Оцеану“ была принята плебисцитомъ 3,011,700 голосами противъ 1,562. Согласно этой народнѣ сенатъ, состоявшій изъ 60 лицъ, выбиралъ членовъ трибуната и законодательнаго корпуса изъ числа предложенныхъ кандидатовъ. Члены же сената назначались самимъ Наполеономъ.

гораздо удобнѣе будетъ изложить въ связи съ исторіей развитія соціальныхъ условій въ Англии XVIII столѣтія. Поэтому мы и ограничимся здѣсь этимъ общимъ указаніемъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Квакеры до Джона Беллера.

I. Возникновеніе квакерства и его сущность.

«Воскресшій Іоганнъ Вокольтъ или англійскіе квакеры — возродившіеся нѣмецкіе энтузіасты», таково названіе сочиненія, выпущеннаго въ 1659 году, въ Бостонѣ, нѣкимъ Джошуа Скоттономъ¹⁾. Конечно къ квакерамъ оно относится враждебно. Въ то время, когда самая злостная клевета противъ побѣжденныхъ мюнстерцевъ принималась на вѣру, безъ всякой критики, нельзя было отозваться о движеніи хуже, чѣмъ назвавъ его возрожденіемъ Мюнстерскаго движенія. Однако сравненіе имѣло основанія. Что тогда возстановило умы противъ новой секты, то нынѣ является общепризнаннымъ постольку, поскольку дѣло идетъ о духовномъ происхожденіи или духовной зависимости квакерства отъ континентальнаго баптистскаго движенія, т. е. о воспріятіи «дѣтymi свѣта», квакерами извѣстныхъ этически-религіозныхъ тенденцій баптизма²⁾.

Въ самомъ дѣлѣ движеніе квакеровъ является прежде всего воскрешеніемъ первоначальныхъ тенденцій баптистскаго движенія, несознательное его носи-

¹⁾ „Johannes Becoldus redivivus, or: the English Quakers the German Enthusiasts revived“. Это тенденціозное извлеченіе изъ одного французскаго сочиненія (Гюи дю Бреда) о мюнстерскихъ анабаптистахъ „переведенное на англійскій языкъ, для пользы своихъ согражданъ, I. С.“ (см. выше).

²⁾ Ср. между прочимъ цитированное уже раньше сочиненіе Г. Вейнгартена „Die Revolutionskirchen Englands“, гдѣ духовное средство квакеровъ съ нѣмецкими анабаптистами, а также и первоначально революціонный характеръ квакерства тракуются съ большимъ пониманіемъ дѣла. Послѣдній пунктъ слишкомъ игнорируется большинствомъ англійскихъ сочиненій, сочиненія же, исходящія отъ самихъ квакеровъ или ихъ друзей, стараются умышленно затушевать все, что можетъ подвергнуть сомнѣнію чисто религіозно-этической характеръ первоначальнаго движенія, или же характеризуютъ такіа явленія, какъ пустыя заблужденія отдѣльныхъ лицъ. Но преемственность идей съ анабаптистами или, углубляясь еще далѣе, съ вальденсами и ихъ предшественниками, отмѣчаютъ и они. См. между прочимъ Robert Barclay въ „The Inner Life of the Religious Societies of the Commonwealth“ (Лондонъ, 1876 г.) William Tallack въ „George Fox, the Friends and the Early Baptists“ (Лондонъ 1868 г.), далѣе W. Beck „The Friends who they are and what they have done“ (Лондонъ 1893 г.). Таллакъ очень рѣшительно пишетъ: „И ни одинъ другъ не имѣетъ повода стыдиться своего происхожденія отъ анабаптистовъ... Даже эти люди изъ Мюнстера были бунтовщиками противъ жестокости нѣмецкихъ тирановъ, которые, говоря безъ преувеличеній, прямо какъ дьяволы угнетали душу и тѣло простого народа. Они были побѣждены, и поэтому ихъ называютъ бунтовщиками. Если бы они побѣдили, люди именовали бы ихъ героями и патриотами. Ихъ возстаніе было насильственнымъ, потому что ихъ угнетатели были еще гораздо большими насильниками“ (стр. 84, 85).

телями повтореніе этихъ тенденцій подъ измѣнившейся сообразно измѣнившимся условіямъ оболочкой. Лоллардизмъ въ Англіи, въ XIV и XV вѣкахъ, въ религіозномъ отношеніи былъ скорѣе своеобразной реакціей противъ алчности и пристрастія къ роскоши Рима и римскаго духовенства, нежели глубокимъ религіознымъ движеніемъ. А пуританизмъ, который въ XVI и даже еще въ началѣ XVII вѣка представлялъ собою именно такое движеніе, постепенно, особенно постольку, поскольку его восприняли имущіе классы, опошлился и измельчалъ въ религіозномъ отношеніи, благодаря борьбѣ этихъ классовъ съ монархическимъ абсолютизмомъ. Это очень ясно стало обнаруживаться съ того момента, когда пуританство побѣдило Карла I. Съ одной стороны пресвитеріане отталкивали многихъ своей нетерпимостью и педантическимъ требованіемъ выполненія вѣшнихъ формальныхъ церковныхъ обрядовъ; съ другой стороны индипендентскіе священники, послѣ 1649 года и послѣ мѣропріятій, направленныхъ противъ роялистскихъ священниковъ, приобрѣли репутацію карьеристовъ, потому что стояли большею частью на сторонѣ достигшихъ власти «грандовъ», и потому что всевозможные карьеристы стали переходить въ индипенденство только для того, чтобы имѣть возможность занять освободившіяся священническія вакансіи.

Индипенденты и баптисты превратились въ признанныя, законныя церкви и сейчасъ же начали догматизировать, а при случаѣ и отлучать. Анабаптисты, между тѣмъ, раскололись на двѣ секты: «General-Baptists», признававшихъ извѣстную долю свободы за человѣческой волей, и «Particular-Baptists», строго придерживавшихся кальвинистскаго ученія о предопредѣленіи. И тѣ и другіе проповѣдовали крещеніе черезъ погруженіе; но существовала масса людей, которыхъ эта религіозная борьба расшевелила, и которыхъ въ то же время не удовлетворяла ни одна изъ существующихъ сектъ. Всѣ догматы были поколеблены; одно религіозное направленіе отвергало другое. Диспуты происходили публично, на улицахъ и площадяхъ, при участіи всей собравшейся публики, вродѣ того какъ теперь происходятъ политическія собранія. Послѣдствіемъ этого явилось сильное развитіе скептицизма среди массы населенія. Многие совсѣмъ отвернулись отъ религіи. Судя по отчетамъ апостоловъ квакеровъ, уже къ срединѣ пятидесятихъ годовъ этого столѣтія, въ Англіи было не мало людей, отрицавшихъ библейскую исторію сотворенія міра и заявлявшихъ, что все «исходитъ отъ природы» ¹⁾. Но въ сравненіи со всей массой націи, это все же были только отдѣльные голоса. Иные искали удовлетворенія въ мелкихъ сектахъ, ломали голову надъ тайнами міроздавія; это были «Seekers» (ищущіе); или ожидали знаменія съ небесъ, долженствовавшаго разрѣшить ихъ сомнѣнія; эти назывались «waiters» (чающіе).

Такимъ ищущимъ былъ также и Джорджъ Фоксъ, сынъ ткача шелка въ Лейчестерширѣ. Онъ родился въ 1624 году и выросъ въ эпоху преслѣдованія пуританъ. Въ немъ очень рано уже обнаружилась сильная склонность задумываться надъ религіозными вопросами. Отецъ его, человѣкъ не особенно бѣдный,

¹⁾ Въ письмѣ, напечатанномъ въ „Harleian Miscellanies“, французомъ, прибывшимъ въ Лондонъ въ 1659 году, высказывается ужасъ по поводу сильнаго распространенія атеизма въ столицѣ Англіи. Популярность всевозможныхъ пародій къ концу республики и при реставраціи показываетъ, что широкіе круги буржуазіи, въ томъ числѣ и литературный міръ, — были охвачены скептицизмомъ, выродившимся въ полную безпринципность и равнодушіе ко всему.

отдалъ его въ ученіе къ сапожнику, который, кромѣ того, занимался овцеводствомъ. Но Джорджъ, достигнувъ девятнадцатилѣтняго возраста и увлеченный неудержимымъ стремленіемъ къ путешествіямъ, сталъ переходить съ мѣста на мѣсто, изъ одного графства въ другое, произнося проповѣди и вступая въ диспуты. Ни одна изъ существующихъ церквей не удовлетворяла его; всѣ онѣ были слишкомъ свѣтскими, слишкомъ далеки отъ древняго христіанства и слишкомъ сильно придерживались буквы, вмѣсто того, чтобы придерживаться «духа». Благодаря диспутамъ, чтенію и вліянію окружающихъ условий, Фоксъ пришелъ къ какому то смѣшенію мистицизма и рационализма, демократіи и политическаго воздержанія, которое хотя и кажется на первый взглядъ чрезвычайно страннымъ, становится однако вполне понятнымъ, если принять во вниманіе изложенныя въ предыдущихъ главахъ событія той эпохи. Гражданская война потребовала множества жертвъ и не дала удовлетворительнаго результата. Старыя политическія распри замѣнились новыми, и имъ не предвидѣлось никакого конца. Люди, на которыхъ смотрѣли какъ на освободителей, достигнувъ власти, становились притѣснителями; все это наталкивало на выводъ, что главное зло заключается въ самомъ человѣкѣ, въ слабости человѣческой природы, которую существующія церкви не въ состояніи побѣдить. Именно самая восторженная натуры раньше всѣхъ другихъ должны были увлечься такимъ ученіемъ; поэтому то Джорджъ Фоксъ, проповѣдь котораго до провозглашенія республики оставалась гласомъ вопіющаго въ пустынь, послѣ 1650 года сталъ пріобрѣтать все больше и больше восторженныхъ приверженцевъ. Они приходили къ нему со всѣхъ сторонъ и особенно изъ рядовъ бывшихъ солдатъ кромвелевскаго войска, которые, недовольные ходомъ дѣлъ, взяли отставку или были отставлены. Первое время этотъ элементъ былъ такъ силенъ въ организованныхъ Фоксомъ общинахъ, что во многихъ изъ нихъ царилъ нѣсколько отличный отъ фоксовскаго духъ. Всѣ они сходились съ Фоксомъ въ отрицаніи всякаго церковнаго формализма и обрядности, ибо къ этому отличной подготовительной школой являлось кромвелевское войско, изъ котораго послѣ 1644 года ушли священники по профессіи, и въ которомъ съ тѣхъ поръ проповѣдовалъ каждый, кого къ этому влекло внутреннее побужденіе ¹⁾. Но отрицательное отношеніе къ политикѣ и войнѣ у этихъ проповѣдниковъ

¹⁾ Это „роковое событіе“, — уходъ пресвитеріанскихъ войсковыхъ священниковъ изъ арміи, „испортилъ все то дѣло, ради котораго выступилъ парламентъ. Такъ какъ армія была лишена священниковъ, которые могли бы сдерживать въ извѣстныхъ границахъ ея рвеніе, то офицеры изъ которыхъ нѣкоторые сдѣлались самозванными проповѣдниками; у нихъ не было никакого образованія, никакой подготовки, и они взялись за дѣло, исключительно надѣясь на какую-то чудесную помощь божественнаго духа, а когда ихъ воображеніе было разгорячено, они говорили самая глупая и нелѣпая пошлость. Однако, зло не ограничилось этимъ: ибо отъ проповѣди въ своихъ полкахъ они перешли къ проповѣди съ каедръ тѣхъ провинціальныхъ городовъ, въ которыхъ они стояли, пока, наконецъ, зараза не перешла на всю націю, и официальное духовенство не потеряло всякаго кредита“. („Neal, History of the Puritans, II, стр. 356). Нейль стоитъ на точкѣ зрѣнія умѣренныхъ индепендентовъ. Читая то, что онъ говоритъ объ офицерахъ, не слѣдуетъ забывать, что многіе офицеры кромвелевской арміи происходили изъ народа, къ тому же проповѣдьями занимались не одни только офицеры. „Часто такимъ образомъ во время войны мирныя деревенскія церкви подвергались насильственному вторженію воинственныхъ реформаторовъ, приказывавшихъ священнику закрыть свою книгу и сойти съ кафедры, угрожая въ случаѣ неповиновенія всевозможными ужасами... Затѣмъ какой-нибудь одаренный ораторскимъ талантомъ братъ занималъ его мѣ-

вѣдниковъ носило совершенно иной характеръ, чѣмъ у Фокса. Его отрицаніе ихъ было принципиальнымъ, такъ же какъ отрицаніе у мевнитовъ, отъ ученія которыхъ взгляды Фокса вообще мало отличались ¹⁾, ихъ же отрицаніе было болѣе оппортунистическимъ. При существующихъ условіяхъ они не хотѣли принимать участія ни въ войнахъ, ни въ борьбѣ партій и въ то же время все-таки не теряли надежды, при удобномъ случаѣ осуществить свои социальныя идеалы политическимъ путемъ. Лишь при реставраціи ученіе Фокса о пассивномъ сопротивленіи было принято квакерами. Во время республики они были еще очень далеки отъ этого: въ апрѣлѣ 1659 года, когда представители арміи внесли въ парламентъ петицію о возобновленіи «старого добраго дѣла» свободы и республики, квакеры поддержали эту петицію, подавъ съ своей стороны заявленіе и прибавивъ къ ней нѣкоторыя требованія ²⁾. Въ первые годы республики Фоксъ вообще былъ совершенно отчужденъ на задній планъ республиканскими квакерами, ставшими во главѣ религиозно-революціонной оппозиціи противъ Кромвеля. Они «ходили по улицамъ Лондона, обличали громкимъ голосомъ правительство Кромвеля и предсказывали его паденіе». Публика о нихъ знаетъ больше, чѣмъ о Фоксѣ. Наиболѣе извѣстнымъ изъ квакеровъ былъ покинувшій армію эксъ-квартирмейстеръ Джемсъ Нейлоръ, на котораго и намекаетъ названное въ началѣ этой статьи сочиненіе.

Однако, прежде чѣмъ мы займемся этимъ человѣкомъ и событіемъ, благодаря которому онъ приобрѣлъ всеобщую извѣстность и которое въ высшей сте-

сто и преводносилъ изумленнымъ слушателямъ такія странныя вещи, какихъ никто никогда еще не слышалъ... При случаѣ ученіе этихъ проповѣдниковъ иллюстрировалось практическими примѣрами, которые не всегда нравились слушателямъ. Для того, напр., чтобы показать, что птицы въ воздухѣ отданы въ общее владѣніе святыхъ (т. е. обращенныхъ въ истинную религію), они иногда разоряли безвредныя голубятни. Чтобы выполнить обязательство, лежащее даже на современныхъ христіанахъ, воздерживаться отъ употребленія «удавленныхъ» животныхъ, солдаты нерѣдко отказывались ѣсть изжаренныхъ имъ на обѣдъ хозяевами квартиръ, гдѣ они стояли, птицъ, потому что хозяева убивали этихъ птицъ обычнымъ способомъ, сворачивая имъ головы. Затѣмъ они сами отправлялись во дворъ и готовили матеріалъ для правовѣрнаго кушанья, перерѣзывая горло всѣмъ оставшимся курамъ, гусямъ и индюкамъ, чтобы изъ нихъ вытекла кровь. Иногда самые отчаянные изъ сектантовъ рѣшались даже на самыя дерзкія дѣянія: они, на глазахъ всего пришедшаго въ ужасъ населенія, сжигали Библию, чтобы показать, «что ихъ внутреннее откровеніе стоитъ выше всякаго писаннаго откровенія». (Macfarlane и Thomson, *The comprehensive History of England*, VI, стр. 749). Послѣ этого будетъ понятно слѣдующее мѣсто изъ дневника Джона Эвелина, умѣренно-клерикальнаго и монархическаго писателя той эпохи. Въ 1656 г. онъ писалъ: «По воскресеньямъ послѣ обѣда я часто оставался дома, чтобы задать своей семьѣ вопросы изъ катехизиса и поучать ее, потому что поученія въ приходскихъ церквяхъ повсюду прекратились, такъ что народъ утратилъ всякіе принципы и впалъ въ большое невѣжество даже относительно главныхъ пунктовъ христіанскаго ученія. Всѣ усилія направлены были главнымъ образомъ на то, чтобы имѣть возможность выслушивать проповѣди и рѣчи объ отвлеченныхъ и умозрительныхъ вопросахъ».

¹⁾ «Самой яркой и замѣчательной чертой Фокса было абсолютное отрицаніе всѣхъ политическихъ цѣлей и стремленій его современниковъ». (Barclay, l. c., стр. 193). «Keep out of the powers of the earth» — «держитесь подальше отъ земныхъ властей» — это правило Фоксъ часто внушалъ своимъ приверженцамъ. Однако, и самъ онъ подразумѣвалъ воздержаніе отъ политики не абсолютное, но скорѣе въ смыслѣ политическаго воздержанія стараго англійскаго тредъ-юнионизма.

²⁾ Ср. Whitelocke, «Memorials», стр. 677.

ненн характерно для перваго періода существованія квакерства, будетъ цѣлесообразно изложить сущность распространяемыхъ квакерами идей.

Квакеры вѣрятъ въ Бога, они христіане и стараются по возможности приблизиться къ древнему христіанству. Однако, главной ихъ опорой является не традиціонное «слово божіе» — біблія, но живое слово, внутреннее просвѣтлѣніе и внутренней свѣтъ. Поэтому они и сами называли себя послѣдователями или же «дѣтьми свѣта». Квакерами—дрожачими—ихъ первоначально въ насмѣшку называли противники и это названіе впоследствии вошло во всеобщее употребленіе ¹⁾). Этотъ культъ внутренняго просвѣтлѣнія, который выразился, между прочимъ, въ названіи «дѣти свѣта», указываетъ на ихъ связь не только со многими нѣмецкими баптистами, но и съ нѣмецкими мистиками; очень характерно также одно обстоятельство, на которое не разъ указывали, а именно, что первое англійское изданіе сочиненій нѣмецкаго теософа мистика, Якова Вебе, вышло въ 1649 году у того же издателя, у котораго печатались квакерскія сочиненія той эпохи, т.-е. у Джильса Кальверта въ Лондонѣ; послѣдній же, какъ намъ извѣстно, былъ также издателемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже однимъ изъ авторовъ памфлетовъ левеллеровъ ²⁾).

Чтобы удостоиться указаннаго выше просвѣтлѣнія. по ученію квакеровъ, нужно прежде всего внутреннее углубленіе, сосредоточеніе мыслей на Богѣ, а для этого не нужны ни ученныя проповѣди, ни литургіи. Наоборотъ, официальное, оплачиваемое государствомъ, профессиональное ученое духовенство представляетъ собой зло. Каждый, кого влечетъ къ этому внутренней голосъ, долженъ проповѣдовать или, вѣрнѣе, сообщать то, что имѣетъ сказать, когда ему велитъ дѣлать это внутренней голосъ. При этомъ совершенно безразлично, ученый ли онъ или нѣтъ. Фоксъ и первые квакеры фанатически выступили противъ содержимыхъ на общественыя средства священниковъ. Нерѣдко случалось, что квакеры являлись въ церковь и кричали проповѣдникамъ фразы вроде слѣдующей: «Сойди, ты ложный пророкъ, обманщикъ, слѣпой проводникъ слѣпыхъ, наемникъ!» Въ дневникѣ Фокса говорится, что священники «занимаются торговлей, что они «продаютъ» Евангеліе, что колокола ихъ «домовъ съ башнями»—какъ истые спиритуалисты, квакеры ни за какимъ зданіемъ не признаютъ названія «церкви» — подобны рыночнымъ колоколамъ, сзывающимъ народъ для того, чтобы священники могли выложить свой товаръ для про-

¹⁾ Иные объясняютъ это названіе тѣмъ, что Фоксъ въ своихъ проповѣдяхъ предлагалъ слушателямъ внимать слову божію съ трепетомъ; иные же тѣмъ, что послѣдователи новаго ученія во время своихъ молитвенныхъ собраній часто впадали въ религіозный экстазъ, и съ ними дѣлалась дрожь и даже судороги. Рассказываютъ анекдотъ, будто судья, которому Фоксъ сказалъ вышеприведенныя слова, отвѣтилъ ему: „значитъ вы дрожите—quakers“, отсюда будто бы и произошло названіе ихъ. Впервые Фоксъ, въ качествѣ агитатора, выступилъ въ 1649 году. Однажды, когда въ Ноттингамской церкви проповѣдникъ увѣщевалъ своихъ прихожанъ критиковать всѣ ученныя руководства бібліей, Фоксъ прервалъ его слѣдующими словами: „О нѣтъ! взгляды и вѣрованія слѣдуетъ критиковать не при помощи Писанія, но при помощи св. Духа, ибо св. Духъ велъ народъ къ истинѣ и открылъ ему ее“.

²⁾ Вебе (1575—1624 г.г.) также какъ и Фоксъ, по профессіи былъ сапожнымъ мастеромъ и несомнѣнно находился подъ вліяніемъ возникшей на его родинѣ (Силезіи) секты шенкфельдیانцевъ, съ ученіемъ которыхъ ученіе квакеровъ имѣетъ большое сходство. Во время тридцатилѣтней войны многіе послѣдователи этой секты бѣжали въ Голландію и Англію.

дажи; «какая иная торговля въ мірѣ можетъ сравниться по своимъ прибылямъ съ громадными суммами, которыя даетъ эта торговля». (Journal of George Fox, изданіе 1891 г. I, стр. 117). Но даже когда квакеры вели себя сдержаннѣе, они нерѣдко прерывали проповѣдниковъ или, послѣ окончанія богослуженія, сами начинали говорить и проповѣдывали собравшейся толпѣ свое ученіе. Ихъ не всегда слушали спокойно; иногда весь приходъ, а въ большинствѣ случаевъ большая часть населенія ¹⁾ относились къ страстнымъ апостоламъ чрезвычайно враждебно и проявляли эту враждебность самыми грубыми способами. Постоянно приходится читать, что квакерскіе апостолы были избиты, что ихъ забросали камнями, топтали и т. д. Нерѣдко послѣ такой попытки внушить новое ученіе народу, апостолъ или апостолы, избитые и искалѣченные, по цѣлымъ часамъ въ безсознательномъ состояніи лежали на землѣ, пока какой-нибудь сердобольный человекъ не оказывалъ имъ помощи. Въ результатѣ нерѣдко происходили судебныя разбирательства у мирового судьи, которыя нерѣдко кончались тѣмъ, что квакеровъ приговаривали къ денежнымъ штрафамъ, тюремному заключенію и къ наказанію плетьюми. Всѣ остальные секты того времени, вмѣстѣ взятыя, не доставили тюрьмамъ столько кліентовъ, какъ «приверженцы свѣта» ²⁾.

Отрицаніе буквы Писанія привело квакеровъ, между прочимъ, къ отрицанію строго буквального пониманія воскреснаго отдыха, царившаго среди прочихъ пуританъ, которыхъ они не рѣдко упрекали въ ихъ «юдаистическихъ» тенденціяхъ. Что же касается аскетическаго взгляда на жизнь, то въ этомъ отношеніи они иногда шли еще дальше пуританъ. Они отрицали всякія шумныя развлеченія, всякую роскошь. Извѣстно, что они надолго сохранили своеобразную, чрезвычайно простую одежду ³⁾. Какъ въ вопросѣ о субботахъ, такъ и въ вопросѣ о присягѣ, они придерживались нагорной проповѣди; они предпочитали выносить самыя жестокія преслѣдованія, чтобы только не привосить присяги. Кромѣ того, они отрицали церковныя таинства, крещеніе, причастіе и церковное вѣнчаніе. Ихъ культъ по формѣ былъ крайне раціоналистическимъ: они сходились въ молитвенныхъ домахъ, лишенныхъ всякихъ украшеній, и предавались тамъ своимъ религіознымъ размышленіямъ. Если на кого-нибудь находило просвѣтленіе, овъ говорилъ, что внушалъ ему св. Духъ. Если же ни на кого не «накатывало», то они спокойно расходились,—собраніе все равно выполнило свою цѣль,—ре-

¹⁾ Обыкновенно священники и ихъ приверженцы натравливали на квакеровъ наиболѣе дурно оплачиваемые и наиболѣе грубые слои населенія.

²⁾ Поданное въ 1657 году въ парламентъ заявленіе устанавливаетъ, что съ 1651 года по 1656 къ тюремному заключенію были приговорены не менѣе 1900 квакеровъ, и 21 изъ нихъ умерли въ тюрьмѣ. Это какъ разъ въ то время, когда Джонъ Лилъбурнъ примкнулъ къ квакерамъ. Приведенные здѣсь факты показываютъ, что совершенный имъ шагъ вовсе не означалъ изъявленія покорности передъ тогдашними властями.

Между 1661 и 1697 годами было посажено въ тюрьму не болѣе не менѣе, какъ 13,562 квакера; 338 изъ нихъ умерли частью въ заключеніи, частью же вслѣдствіе дурного съ ними обращенія; 198 были изгнаны. (Barclay, The Inner Life etc., стр. 475).

³⁾ Самая эта одежда и покроя ея, впрочемъ, первоначально вполнѣ соответствовали одеждѣ простыхъ горожанъ того времени. Первымъ квакерамъ была совершенно чужда мысль ввести какую-нибудь особенную одежду. Они возставали только противъ моды и противъ всякихъ украшеній; но съ теченіемъ времени стремленіе не подчиняться модѣ неизбежно должно было повести къ тому, что одежда квакеровъ стала рѣзко выдѣлять ихъ среди ихъ согражданъ.

лигіозное углубленіе¹⁾). Придерживаясь также Нагорной проповѣди, квакеры отрицали войну и насиліе. Хотя ихъ образъ мыслей былъ очень утопиченъ, все же нельзя отрицать, что они проявляли, защищая его, нерѣдко геройскую силу характера. Люди, принимавшіе участіе въ битвахъ Кромвеля, спокойно переносили самыя ужасныя насилія натравленныхъ на нихъ забіякъ и предпочитали рисковать жизнью, чтобы только не сопротивляться. Настоящей школой характера сдѣлалось также ихъ правило обращаться къ каждому на «ты» и не снимать ни передъ кѣмъ шляпы. Первое они дѣлали потому, что было бы ложью говорить съ отдѣльнымъ лицомъ такъ, какъ будто оно представляетъ собой собраніе лицъ, а второе потому, что по ихъ мнѣнію всѣ люди, богатые и бѣдные, высокопоставленные и низкаго происхожденія заслуживаютъ одинаковаго уваженія, и что поэтому недостойно вообще кланяться людямъ²⁾). Судьи и прочія власти смотрѣли на дѣло, конечно, иначе, чѣмъ квакеры, и обыкновенно сажали послѣднихъ въ тюрьму, какъ людей, не желающихъ оказывать почтеніе; нерѣдко также они наказывали ихъ за это плетьюми. Тюрьмы же, въ которыхъ главный контингентъ заключенныхъ составляли совершенно опустившіеся, покрытые насѣкомыми бродяги и преступники, становились для квакеровъ, по большей части, настоящимъ адомъ³⁾). Не смотря на все это, они съ желѣзнымъ упорствомъ придерживались своего правила, и оно исчезло не подъ давленіемъ преслѣдованій, а лишь послѣ того, какъ квакеры добились отъ государства терпимости, а отъ общества признанія. «И хотя нельзя привести никакой причины, по которой насъ нужно было бы преслѣдовать за это, особенно христіанамъ яко бы слѣдующимъ писанію, сдѣлавшимъ это своей постоянной фразой, могло бы, пожалуй, показаться даже невѣроятнымъ, если бы я вздумалъ рассказывать, сколько мы за это потерпѣли, и какъ всѣ эти гордецы злились, бѣсновались и скрежетали зубами, били и истязали насъ, когда мы обращались къ нимъ на «ты». Но это еще больше укрѣпляло насъ въ нашихъ взгля-

¹⁾ Правда, въ первое время, когда энтузіазмъ былъ еще очень великъ, чрезвычайно рѣдко случалось, что св. Духъ не посѣщалъ никого. Вслѣдствіи нѣкоторыхъ лицъ, проявившихъ къ этому явныя способности, т.-е. оказавшихся дѣятельными апостолами, спеціально приглашались возвѣщать истинное ученіе и получали за это извѣстное вознагражденіе. Однако, никакая іерархія, никакая исключительная монополія на проповѣдь не допускалась.

²⁾ Пусть читатель вспомнитъ поведеніе Винстэни и Эверарда передъ генераломъ Ферфаксомъ въ апрѣлѣ 1649 года, т.-е. еще до публичнаго выступленія Фокса.

³⁾ Своимъ упорствомъ въ обращеніи къ отдѣльнымъ лицамъ на ты и въ неснаніи шляпы, квакеры долгое время навлекали на себя и въ частной, личной жизни, также массу иногда очень серьезныхъ непріятностей. Характерныя примѣры этого имѣются въ дневникѣ Фокса, а кромѣ того, также въ автобіографіи его современника, Томаса Эльвуда, въ которой вообще имѣется масса свидѣній объ общественной жизни той эпохи и о внутренней жизни квакерства того времени. Эльвудъ въ 1659 году, двадцатилѣтнимъ юношей, сдѣлался квакеромъ и оставался таковымъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1713 году. Онъ пріобрѣлъ извѣстность тѣмъ, что въ теченіе нѣкотораго времени былъ чтецомъ у слѣпного Мильтона, а во время большой чумы (1665 годъ) онъ озабочился доставить поэту спокойное мѣстопробываніе въ деревнѣ. Мильтонъ далъ ему прочесть „Потерянный Рай“, въ рукописи для того, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ великая поэма на наивный, впечатлительный характеръ. При этомъ Эльвудъ сказалъ: ты тутъ много говоришь о потерянномъ раѣ, имѣешь ли ты сказать что-нибудь о раѣ возвращенномъ? Это замѣчаніе, какъ извѣстно, дало Мильтону поводъ написать продолженіе поэмы: „Возвращенный Рай“.

дахъ, ибо мы видѣли, что это свидѣтельство истины, которое Господь повелѣлъ намъ предъявлять всюду такъ сильно беспокоить змѣнный нравъ дѣтей тьмы». Такъ пишетъ наиболѣе замѣчательный теоретическій представитель квакерства, Робертъ Бэркли старшій въ своемъ важнѣйшемъ сочиненіи, появившемся въ 1675 году: «Апологія истиннаго христіанскаго богословія въ томъ видѣ, въ какомъ его поддерживаютъ и проповѣдуютъ люди, насмѣшливо именуемые квакерами» (4 изд. стр. 528, 529).

Другимъ источникомъ преслѣдованія служилъ упорный отказъ квакеровъ платить церковную десятину. Изъ всѣхъ болѣе крупныхъ сектъ квакеры наиболѣе послѣдовательно держались того принципа, что религія есть частное дѣло каждаго. Во всякомъ случаѣ нужно больше нравственнаго мужества для того, чтобы отказаться отъ уплаты налоговъ, будучи членомъ не весьма многочисленной секты, чѣмъ было нужно Джону Гампдену, на сторонѣ котораго, въ свое время, была почти вся страна и во всякомъ случаѣ громадное большинство имущихъ.

Устройство квакерскихъ общинъ было безусловно демократическимъ. Въ основныхъ своихъ чертахъ эти общины являлись подражаніемъ первымъ христіанскимъ общинамъ; при томъ же у нихъ существовало сходство и съ общинами послѣдовательныхъ анабаптистовъ: они также періодически собирались для установленія правилъ дисциплины и нравственности, для разрѣшенія споровъ и урегулированія денежныхъ дѣлъ. Отъ этихъ мѣстныхъ собраній организація, развившаяся, впрочемъ, лишь постепенно, восходила къ областнымъ собраніямъ, происходившимъ каждыя четверть года, и къ ежегоднымъ собраніямъ всей общины.

Въ квакерской литературѣ незамѣтно коммунистическихъ тенденцій. Она, какъ уже было сказано выше, носила исключительно религіозно-этическій характеръ. Проповѣдовались ли въ рядахъ квакеровъ или въ извѣстныхъ кружкахъ ихъ, хотя бы въ первое время, коммунистическія тенденціи въ качествѣ тайнаго ученія, и получили ли онѣ широкое распространеніе, это трудно установить¹⁾. Единственнымъ, не подлежащимъ сомнѣнію является тотъ фактъ, что они уже очень рано организовали у себя взаимопомощь, и что состоятельные квакеры проявили въ этомъ отношеніи необыкновенную щедрость. Очень характерно, что прежде всего была организована помощь лицамъ, подвергавшимся преслѣдованіямъ и понесшимъ наказанія. Затѣмъ стали оказы-

¹⁾ За то есть многочисленныя свидѣтельства о томъ, что квакеры въ собраніяхъ, происходившихъ въ Англіи и въ другихъ странахъ, возставали противъ частной собственности. Дѣло въ томъ, что квакеры уже очень рано начали посылать апостоловъ новаго ученія на континентъ и въ Америку. Какъ это происходило, напримѣръ, въ Голландіи, можно прочесть между прочимъ у Otto Pringsheim, „Beiträge zur wirtschaftlichen Entwicklungsgeschichte der Vereinigten Niederlande im 17 und 18 Jahrhundert“, Лейпцигъ, 1890, стр. 65 п слѣд. Въ 1657 году квакеры, по словамъ Прингсгейма, вызвали въ Зеландіи и Роттердамѣ большое волненіе, проповѣдуя, что все имущество должно быть общимъ. Прингсгеймъ цитируетъ буржуазную газету „Hollandse Mercurius“ отъ 1657 года, гдѣ коммунистическія проповѣди квакеровъ объясняются тѣмъ, что послѣдніе сами „большую часть лѣтъ и бѣдняки“. Ничто не ново подъ луной. Въ Гамбургѣ, куда квакеры также послали апостоловъ, въ 1661 году появилась книга „Quäker Grewel, das ist abscheuliche, aufrührerische, verdammliche Irrtumb der neuen Schwermer, welche genennet werden Quäker“. Въ Данцигѣ цехи потребовали изгнанія квакеровъ, и т. д. и т. д.

вать помощь бѣднымъ и больнымъ членамъ общины ¹⁾. Сдѣлать больше вообще невозможно было въ періодъ пропаганды. Даже настоящія коммунистическія секты, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда совѣмъ особенныя условія дѣлали возможнымъ введеніе общности имущества, точнѣе — доходовъ, низводили свой идеалъ на практикѣ до простой поддержки бѣдныхъ. Кромѣ того, для болѣе широкаго коммунизма не было необходимыхъ экономическихъ предпосылокъ, а также и класса, для членовъ котораго коммунизмъ является условіемъ эмансипаціи.

Зато можно было бы говорить о коммунизмѣ воспитанія; и въ самомъ дѣлѣ, у квакеровъ также наблюдалось явленіе, свойственное всѣмъ коммунистическимъ сектамъ той эпохи: на ряду съ презрительнымъ отношеніемъ къ ученымъ и къ учености, у нихъ замѣчался большой интересъ къ воспитанію. Въ цитированномъ уже выше сочиненіи Бэркли отъ 1675 года, авторъ отвергаетъ театръ, танцы, спортъ и другія развлеченія, какъ отвлекающія отъ истиннаго христіанства, а затѣмъ перечисляетъ дозволенные удовольствія, къ которымъ относятся посѣщеніе друзей, чтеніе историческихъ сочиненій, трезвыя собесѣдованія о событіяхъ настоящаго или прошедшаго, занятія садоводствомъ, геометрическими и математическими опытами и т. д. (Apology, 4 изд., стр. 540, 541). Фоксъ въ своихъ письмахъ неустанно рекомендуетъ своимъ друзьямъ обращать вниманіе на воспитаніе юношества. Первые годы пропаганды не благоприятствовали какимъ бы то ни было мѣропріятіямъ въ этомъ направленіи; постоянныя преслѣдованія совершенно поглощали средства друзей. Наиболѣе дѣятельные представители секты попеременно сидѣли въ тюрьмѣ, и по крайней мѣрѣ большая часть квакеровъ вначалѣ держались убѣжденія, что «внутреннее просвѣтленіе» можетъ замѣнить всѣ знанія, кромѣ знаній, необходимыхъ для домашняго обихода. То, что Фоксъ и его товарищи говорили о способности простыхъ ремесленниковъ быть священнослужителями ²⁾, въ первомъ порывѣ энтузіазма переносилось многими и на иныя области. Аналогичныя явленія наблюдались, впрочемъ, довольно часто даже въ просвѣщенномъ ХІХ столѣтіи. Но когда кончился періодъ «бури и натиска», и для движенія наступилъ пе-

¹⁾ „Но уже въ эти первые дни въ рядахъ друзей этого города (Лондона) сталъ практиковаться прекрасный обычай: нѣкоторымъ друзьямъ обоого пола вѣнялось въ обязанности наблюдать за тюрьмами каждой части города и заботиться о всѣхъ попадавшихъ туда друзьяхъ, особенно о бѣдныхъ“, — писалъ Т. Эльвудъ въ 1662 году. Далѣе онъ описываетъ, какимъ образомъ выполнялась эта обязанность. „Друзьями“ квакеры называли другъ друга въ личныхъ сношеніяхъ. Впослѣдствіи это названіе сдѣлалось официальнымъ.

²⁾ „Изъ этого различенія между мірянами и духовенствомъ вытекаетъ также такого рода зло: хорошіе, честные, занимающіеся ручнымъ трудомъ („mechanick“) люди, а также люди, необучившіеся искусству и ремеслу проповѣди... полагаютъ совершенно неправильно, что имъ не приличествуетъ вѣшиваться въ обязанности священниковъ, и что они, по недостатку литературныхъ познаній, не пригодны для этого, пренебрегаютъ даннымъ имъ даромъ и перѣдко заглашаютъ въ своемъ сердцѣ чистое дыханіе божественнаго духа, которое, если бы ему дана была воля, быть можетъ оказалось бы болѣе назидательнымъ для общины, чѣмъ многія приготовленныя заранѣе проповѣди ученыхъ“. Warclau, Apology, стр. 327. Далѣе Бэркли указываетъ на то, что первые проповѣдники христіанства были „простые, принадлежащіе къ рабочему сословію, неграмотные люди“ и что, по свидѣтельству самихъ протестантовъ, „такіе неграмотные люди“ очень сильно содѣйствовали реформаци.

рiодъ внутренняго устройства, тогда квакеры стали устраивать всевозможныя школы, стоившія имъ большихъ жертвъ. Впослѣдствіи эти школы прiобрѣли даже своего рода извѣстность. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ движеніи квакеровъ всегда существовалъ элементъ—особенно въ сельскихъ общинахъ, — который былъ совершенно индифферентенъ въ этомъ отношеніи.

Въ заключеніе не лишнимъ будетъ отмѣтить еще одну особенность квакерства, именно—отрицаніе «языческихъ» названій дней и мѣсяцевъ. Если посмотрѣть на дѣло внимательнѣе, то окажется, что это также только явленіе, повторившееся впослѣдствіи въ видоизмѣненной лишь формѣ во французской революціи. Но такъ какъ тогда еще не былъ выдуманъ современный культъ природы, квакеры же, съ другой стороны, также не признавали никакихъ особенныхъ святыхъ, то имъ и здѣсь оставалось только довести раціонализмъ до крайности и замѣнить названія числами. Воскресенье называется у нихъ «первый день», понедѣльникъ — «второй день» и т. д. Также они поступили и съ мѣсяцами.

Само собою разумѣется — да мы уже и указывали на это, — что многія изъ приведенныхъ нами чертъ лишь постепенно прiобрѣли въ движеніи квакеровъ совершенно опредѣленный характеръ и сдѣлались общепринятыми. Первоначально въ этомъ, также какъ и во всѣхъ аналогичныхъ движеніяхъ, на первый планъ прежде всего выступилъ отрицательный моментъ — протестъ, въ данномъ случаѣ протестъ противъ образованія новой іерархіи. Этотъ періодъ былъ именно періодомъ «бури и натиска»; съ нимъ совпалъ, и пожалуй, можно даже сказать, высшую точку его развитія отмѣтилъ эпизодъ, героемъ котораго явился Джемсъ Нейлоръ.

II. Джемсъ Нейлоръ, царь израильскій.

Джемсъ (Яковъ) Нейлоръ былъ сынъ сравнительно богатаго крестьянина Ардслея, вблизи Векфильда, въ графствѣ Юркинширскомъ. Онъ получилъ хорошее воспитаніе и въ 1642 году, когда ему было около 25 лѣтъ, съ энтузіазмомъ присоединился къ парламентской арміи, несмотря на то, что у него были тогда уже жена и дѣти. Поведеніе Нейлора на службѣ было безупречно. Начальники его, между прочимъ генераль-маіоръ Ламбертъ, и впослѣдствіи еще отзывались о немъ чрезвычайно хорошо. Во время своего пребыванія въ арміи онъ перешелъ въ индипендентство и говорилъ рѣчи въ индипендентскомъ духѣ. Эти рѣчи, такъ же какъ и произнесенныя имъ впослѣдствіи, отличались глубиной и силой. Офицеръ, слышавшій его проповѣдь послѣ кровавой битвы при Дунбарѣ, 3-го сентября 1650 года, писалъ впослѣдствіи, что «проповѣдь Нейлора внушила ему большій страхъ», чѣмъ какой «онъ испытывалъ въ битвѣ при Дунбарѣ». Вскорѣ послѣ этой битвы Нейлоръ по болѣзни вышелъ въ отставку и вернулся на родину, намѣреваясь снова заняться хозяйствомъ въ своемъ имѣніи. Но вотъ въ 1651 году ему довелось услышать проповѣдь Джорджа Фокса, и онъ вскорѣ увлекся идеями послѣдвѣяго, которыя, какъ мы уже указывали выше, только формулировали чувства, испытываемыя въ то время тысячами разочарованныхъ энтузіастовъ. Весной 1652 года Нейлоръ, идя за плугомъ, вдругъ почувство-

валъ «призывъ» работать, подобно Фоксу, для новаго ученія въ качествѣ проповѣдника, и немедленно отправился въ путь. Онъ засталъ Фокса въ Ланкаширѣ. Тамъ, въ Свартморѣ, возлѣ Ульверстона, жила восторженная послѣдовательница Фокса, жена судьи Фелля, правнучка мученицы Анны Аскью, домъ которой сдѣлался центромъ организаціи квакеровъ ¹⁾. Уже осенью того же года Нейлоръ въ Органѣ, въ Вестморлендѣ, былъ привлеченъ къ отвѣтственности за «богохульную» проповѣдь. Въ этой проповѣди онъ, между прочимъ, сказалъ, что тѣло воскресшаго Христа слѣдуетъ понимать «не въ плотскомъ, а въ духовномъ смыслѣ». Такъ какъ Нейлоръ упорно настаивалъ на этомъ и высказывалъ, кромѣ того, нѣкоторые другіе еретическіе взгляды, то его почти полгода продержали въ заключеніи. Маргарита Фелль послала для его содержанія 5 фунтовъ стерлинговъ, но онъ взялъ себѣ изъ нихъ только двадцатую часть, а отъ остального отказался. Нейлоръ, какъ, впрочемъ, и многіе другіе квакеры, добровольно ограничилъ расходы на пищу и одежду самымъ необходимымъ и велъ прямо-таки аскетическій образъ жизни ²⁾.

¹⁾ Когда мужъ ея, всегда относившійся къ движенію доброжелательно, умеръ въ 1676 году, Маргарита Фелль вступила въ бракъ съ Джорджемъ Фоксомъ. Анна Аскью была послѣдовательницей ученія Мельхіора Гофмана. Въ послѣдній годъ царствованія Генриха VIII, въ 1546 году, она умерла на кострѣ за свои еретическіе взгляды на причастіе (хлѣбъ, употребляемый при причастіи, — „только хлѣбъ“) и т. д., которые она съ непоколебимымъ мужествомъ исповѣдывала до послѣдней минуты.

О Мельхіорѣ Гофманѣ см. т. I, стр. 421 и слѣд. Отрицаніе ученія о превращеніи хлѣба въ тѣло Господне было также одной изъ ересей умершаго въ 1417 году на кострѣ мученика лоллардовъ, сера Джона Ольдкестля. „Если церковь установила, что освященный хлѣбъ уже не хлѣбъ, — гласитъ одно изъ его изреченій, — то она это сдѣлала послѣ того, какъ заразилась ядомъ собственности“. Это объясненіе спиритуалистическихъ тенденцій христіанства разрывомъ съ коммунизмомъ чрезвычайно интересно. Ольдкестль, какъ и всѣ вожди угнетенныхъ, былъ по мѣрѣ возможности оклеветанъ своими побѣдоносными противниками, и искаженное изображеніе его послужило „оригиналомъ“ шекспировскаго Фальстафа въ „Генрихѣ IV“. Первоначально толстый рыцарь и въ драмѣ назывался Ольдкестль, но въ слѣдствіи Шекспира, который, вѣроятно, за это время успѣлъ лучше познакомиться съ личностью Ольдкестля, измѣнилъ имя и въ эпилогѣ ко второй части драмы пояснилъ: „Ольдкестль умеръ мученической смертью и онъ (Фальстафъ) совсѣмъ другое лицо“.

²⁾ Очень характернымъ для тогдашняго настроенія Нейлора является летучій листокъ, вышедшій въ 1652 году подъ заглавіемъ: „Жалоба (одного изъ пророковъ Англіи) по поводу разоренія этой угнетенной націи, которую (жалобу) слѣдовало бы принять къ сердцу парламенту и арміи, а также всѣмъ классамъ народа и т. д. Написано по вдохновенію божію Джемсомъ Нейлоромъ“. Этотъ листокъ можетъ также служить иллюстраціей къ сказанному нами выше объ общей политической разочарованности. Листокъ этотъ начинается слѣдующими словами: „О, Англія! Послѣ всѣхъ твоихъ страданій, ожиданія твои оказались напрасными! Народъ, удрученный угнетеніями и несправедливостями, долго, изъ года въ годъ, ждалъ освобожденія, но ни одинъ классъ людей не далъ ему этого освобожденія... Какъ только власть попала въ руки людей, она становилась насиліемъ; вмѣсто справедливости сталъ царить людской произволъ... Кто отвращается отъ справедливости, тотъ отдается на жертву злымъ, и никто изъ всей націи не принимаетъ этого къ сердцу, ибо всѣ сердца обременены угнетеніемъ, и всѣ руки заняты насиліемъ. Дома ихъ наполнены угнетеніемъ, улицы и рынки наводнены имъ; суды ихъ, которые должны бы бороться съ угнетеніемъ, полны неравенства и несправедливости... Неразумный народъ! Развѣ тѣ, что стоятъ теперь у власти, не избраннѣйшіе изъ твоихъ великихъ людей? Развѣ всѣ твои желанія и стремленія не были направлены на то, чтобы увидѣть власть въ ихъ рукахъ? Развѣ они не сдѣлались теперь такими же слабыми, какъ всѣ люди? Развѣ броженіе въ странѣ прекратилось? Развѣ

Послѣ отбытія наказанія, Нейлоръ немедленно снова принялся за свою проповѣдвическую дѣятельность и въ началѣ 1655 года появился въ Лондонѣ, гдѣ тогда уже существовала довольно многочисленная квакерская община. Его пылкое, увлекательное краснорѣчіе сдѣлало его вскорѣ любимѣйшимъ проповѣдникомъ этой общины, и онъ пользовался извѣстной популярностью даже за предѣлами тѣснаго кружка квакеровъ. Его ввели въ нѣкоторые кружки, гдѣ онъ познакомился съ выдающимися представителями республиканской партіи, ставшей въ оппозицію къ Кромвелю, напримѣръ, съ Брэтшау, сэромъ Генри Вэномъ и другими; съ другой стороны, многіе изъ нихъ, между прочимъ, даже члены кромвелевского «двора», посѣщали собранія, на которыхъ говорилъ Нейлоръ. Въ общинѣ, въ концѣ концовъ, установился настоящій культъ Нейлора, которому съ особеннымъ рвеніемъ предавались члены женскаго пола. Кромѣ него никого не хотѣли слушать, и прежнихъ вождей общины прерывали, когда они начинали говорить. Нейлоръ долженъ былъ быть главнымъ ораторомъ и руководителемъ. Самъ Нейлоръ уклонялся нѣкоторое время отъ такой роли, но, наконецъ, воскуряемый передъ нимъ оміямъ все-таки затуманилъ ему голову, и онъ уступилъ мольбамъ своихъ поклонницъ, изъ которыхъ особенною страстностью отличалась Марта Симонсъ, жена типографщика Т. Симонса, и сестра Жилла Кальверта, а также Ганна Штрангеръ, жена гребенщика. Уступая ихъ настояніямъ, Нейлоръ лѣтомъ 1656 года отправился въ Лоунсестонъ въ графствѣ Корнваллисѣ, гдѣ сидѣлъ въ заключеніи Фоксъ, чтобы поговорить съ послѣднимъ о нѣкоторыхъ разногласіяхъ, несомнѣнно находившихся въ связи съ вопросомъ объ отношеніяхъ къ современнымъ политическимъ событіямъ. Нѣкоторые изъ его поклонниковъ не могли удержаться, чтобы не сопровождать его, и благодаря этому, его путешествіе, уже по пути впередъ, получило нѣкоторый мессіанскій оттѣнокъ. Квакерское евангеліе съ его мистической идеей о внутреннемъ просвѣтленіи отнюдь не противорѣчило этому. Внутренній свѣтъ, божественное просвѣтленіе, не у всѣхъ обнаруживался съ одинаковой яркостью. Развѣ Джамсъ Нейлоръ, одаренный увлекательнымъ краснорѣчіемъ, не могъ быть призванъ къ совершенно исключительной дѣятельности, развѣ духъ не могъ проявиться въ немъ съ такою же силой, съ какой проявился нѣкогда въ Сынѣ Маріи? Квакеры были христіане въ смыслѣ ученія первоначальнаго христіанства, но относительно божественности Христа въ первое время въ рядахъ ихъ существовали весьма еретическія мнѣнія ¹⁾.

Въ западной Англій, въ центрахъ тамошней суконной промышленности, новое ученіе быстро нашло себѣ послѣдователей. Изъ Бристоля, второго по величинѣ города королевства, уже въ 1654 году приходили свѣдѣнія, что читати

сдѣлано что-нибудь существенное? Поэтому не слѣдуетъ разсчитывать на людей, не слѣдуетъ ожидать ничего отъ смѣны лицъ, стоящихъ у власти. Улучшеній надо ожидать только отъ духа; его надо проповѣдовать и существованіе его надо подтверждать непосредственной дѣятельностью. Это точно та же самая логика, которую можно наблюдать послѣ всѣхъ большихъ реакцій. Въ XIX столѣтіи ее усвоила себѣ анархическая школа и, съ помощью нѣкоторыхъ обрывковъ идейнаго содержанія современнаго социализма, выработала изъ нея цѣлое социальное ученіе. Но на ряду съ этимъ незаконнорожденнымъ ученіемъ ожило вновь также и первоначальное ученіе квакеровъ, и ожило оно въ сочиненіяхъ Льва Толстого, который представляетъ собой, ни болѣе ни менѣе, какъ русскаго квакера, „fin du dixneuvième siècle“.

¹⁾ Такъ же, какъ у анабаптистовъ. Ср. стр. 357, т. I этого изданія.

квакеровъ постоянно посѣщались 3—4 тысячами человекъ. Число членовъ общины, конечно, было меньше, но сравнительно оно все-таки было очень значительно. Въ городѣ съ тридцатитысячнымъ населеніемъ они въ 1658 году имѣли свыше 700 членовъ, большинство которыхъ составляли ремесленники. Много приверженцевъ они имѣли среди солдатъ гарнизона, и даже многіе офицеры относились къ нимъ благосклонно ¹⁾. Когда Нейлоръ проѣздомъ посѣтилъ Бристоль, то произошли манифестаціи, и дѣло дошло даже до бунта, который, впрочемъ, не имѣлъ послѣдствій. Въ Экзетерѣ же Нейлора арестовали и посадили въ тюрьму за подстрекательство къ беспорядкамъ и мятежу. Это только увеличило почетъ, окружавшій Нейлора; онъ бы не былъ Мессіей, если бы его не преслѣдовали. Названія выше женщины называли его въ письмахъ несравненнымъ воиномъ и единственнымъ сыномъ божьимъ, а мужа какъ будто старались перещеголять ихъ въ припискахъ. «Огнынѣ имя твое будетъ не Джемсъ, а Іисусъ», — писалъ мужъ Ганны Штрангеръ, а Томасъ Симонсъ называлъ Нейлора «агнцемъ божьимъ»! Они посѣтили его въ заключеніи, и женщины падали ницъ передъ Нейлоромъ и цѣловали его ноги. Нѣкая Доркасъ Эбери кричала, что она два дня лежала мертвая, и что Нейлоръ воскресилъ ее. Въ концѣ октября Нейлоръ былъ освобожденъ, а такъ какъ Фоксъ за это время тоже успѣлъ получить свободу, то Нейлоръ пустился въ обратный путь. Фоксъ посѣтилъ Нейлора въ заключеніи, но они не пришли къ соглашенію между собою. На обратномъ пути Нейлоръ ѣхалъ верхомъ, а спутники слѣдовали за нимъ пѣшкомъ. Уже въ мѣстечкахъ Гластонбери и Вельсѣ путь Нейлора устилался одеждами и впереди него размахивали платками, а когда онъ достигъ Бристоля, шествіе окончательно приняло характеръ подражанія входу Господню въ Іерусалимъ. Нейлоръ держался спокойно, по сопровождающіе его пѣли гимны, «Осанна въ вышнихъ, святъ, святъ, святъ» и т. д. Къ сожалѣнію, однако, Англія не Палесина. Дождь лилъ какъ изъ ведра, и спутникамъ Нейлора пришлось тащиться по колѣна въ грязи. Дождь вообще врагъ всякихъ манифестацій, а между прочимъ также и мессіанскихъ. Онъ былъ причиной того, что послѣ своего вступленія въ Бристоль главныя дѣйствующія лица были безъ труда арестованы. Если бы не было дурной погоды, дѣло не обошлось бы безъ рѣзкихъ столкновеній, потому что приверженцевъ квакеровъ насчитывались тысячи. И такъ уже, несмотря на дождь, народъ массами толпился на улицахъ. Мѣстныя власти, повидимому, вовсе не были склонны долго держать Нейлора въ Бристолѣ или судить его тамъ. Послѣ предварительнаго допроса, его и еще шестерыхъ обвиняемыхъ 10-го ноября отправили въ Лондонъ, гдѣ палата общинъ должна была окончательно допросить и судить его, какъ необыкновеннаго преступника. Созванный незадолго до этого второй протекторскій парламентъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль занятъ былъ разсмотрѣніемъ дѣла Нейлора. Сначала его разсматривала комиссія изъ 55 лицъ. Послѣ четырехъ засѣданій она представила парламенту отчетъ о немъ; затѣмъ, 6-го декабря, Нейлоръ былъ подвергнутъ допросу въ парламентѣ, а два дня спустя его признали виновнымъ въ «отвратительномъ богохульствѣ»; затѣмъ па-

¹⁾ Карлейль рассказываетъ (I. с., часть VIII), что генераль-адъютантъ Алленъ и другіе представители оппозиціи зимою 1654—55 года неоднократно посѣщали Бристоль и проповѣдовали тамъ на большихъ митингахъ крайнія теоріи. Алленъ, какъ извѣстно, былъ радикальнымъ анабаптистомъ, а эти послѣдніе всѣ почти перешли въ квакерство.

лата въ теченіе семи дней рѣшала вопросъ, слѣдуетъ ли приговорить его къ смерти ¹⁾. 16-го декабря, девяносто шестью голосами противъ восьмидесяти двухъ, рѣшено было отнести къ Нейлору снисходительно. Однако, снисходительное наказаніе оказалось очень жестокимъ, настолько жестокимъ, что пришлось приостановить его выполнение. 18-го декабря Нейлоръ долженъ былъ простоять два часа у позорнаго столба въ Вестминстерѣ, затѣмъ палачъ долженъ былъ ударами кнута прогнать его черезъ весь Лондонъ, потомъ онъ снова долженъ былъ стоять у позорнаго столба и, наконецъ, ему должны были прижечь языкъ каленымъ желѣзомъ и выжечь на лбу букву «В» (Blasphemer). Потомъ Нейлора должны были отвезти въ Бристоль, провезти по городу верхомъ на лошади лицомъ къ хвосту, а обратно черезъ городъ гнать ударами кнута. Наконецъ, онъ долженъ былъ отправиться въ исправительную тюрьму; тамъ ему запрещалось писать, а прощаніе предоставлялось добывать собственнымъ трудомъ — расщипываньемъ канатовъ. Въ тюрьмѣ онъ долженъ былъ оставаться въ строгомъ одиночномъ заключеніи впредь до распоряженія парламента.

На допросѣ Нейлоръ говорилъ о своей роли Мессіи не больше, чѣмъ онъ и другіе квакеры уже говорили по инымъ поводамъ о силѣ внутреннего просвѣтленія. Объ оказанныхъ ему почестяхъ Нейлоръ говорилъ, что онѣ относились не къ его смертной личности, но къ глаголавшему его устами Богу. Наказаніе, наложенное на него, Нейлоръ переносилъ со стоицизмомъ фанатика, но друзья его не были такъ же спокойны. Когда, послѣ перваго наказанія кнутомъ, тѣло Нейлора оказалось настолько избитымъ, что дальнѣйшее исполненіе приговора пришлось отложить, въ парламентъ была подана масса петицій въ пользу Нейлора, между прочимъ отъ полковника Скрупа, такъ что самъ Кромвель счелъ нужнымъ потребовать отъ парламента выясненія данныхъ, на основаніи которыхъ былъ постановленъ приговоръ. По поводу этого запроса въ палатѣ происходили въ теченіе четырехъ дней новыя дебаты; однако, еще до окончанія ихъ, была выполнена дальнѣйшая часть наказанія, присужденнаго Нейлору, — прижиганье языка и клейменье. При этомъ его приверженцы въ большомъ числѣ окружали эшафотъ; одинъ изъ нихъ, купецъ Робертъ Ричъ, всталъ рядомъ съ нимъ и держалъ надъ его головой плакатъ, на которомъ было написано: «се царь іудейскій!» и который, конечно, скоро былъ разорванъ помощниками палача. Когда клейменье было кончено, Ричъ бросился къ Нейлору, гладилъ его волосы, цѣловалъ его руки и старался утишить боль отъ раны. Ихъ окружили другіе, также цѣловавшіе руки и ноги Нейлора — словомъ, онъ все еще былъ для нихъ посланникомъ божіимъ. Во время позорнаго проѣзда Нейлора черезъ Бристоль, Ричъ и другіе квакеры ѣхали впереди его и пѣли гимны, сложенные въ честь Христа.

Нѣтъ нужды отрицать религіозный характеръ этого взрыва экстаза. Религія, и именно эта религія, представляла предохранительный клапанъ, чрезъ который могло найти исходъ напряженное состояніе умовъ, взволнованныхъ политическими событіями. Все изложенное происходило какъ разъ въ ту эпоху, когда

¹⁾ „Безкощечные дебаты по дѣлу Джемса Нейлора, по глупости своей, превосходить все, что пишущему эти строки приходилось выслушивать даже въ англійскомъ парламентѣ... Для потомства эта сессія парламента будетъ носить имя Джемса Нейлора (Карлейль, I. с., т. X).

власть или деспотизмъ Кромвеля достигъ своего апогея. Новая попытка организовать монархическое возстаніе съ успѣхомъ были подавлены и дали поводъ поручить управленіе страной на нѣкоторое время военнымъ уполномоченнымъ, генералъ-маіорамъ. Вскорѣ послѣ ихъ назначенія или публичнаго провозглашенія, состоялось путешествіе Нейлора въ Бристоль. Не представляло ли собой это путешествіе призыва къ возстанію или къ контръ-демонстраціи? Трудно предположить, чтобы Нейлоръ и его друзья, принадлежавшіе къ наиболее радикальнымъ въ политическомъ смыслѣ элементамъ, не интересовались политическими событиями, и не менѣе трудно предположить, что парламентъ посвящалъ бы дѣлу цѣлыя недѣли и мѣсяцы, если бы онъ не думалъ, что въ этомъ дѣлѣ, подъ религіознымъ покровомъ, скрывается враждебное существующему порядку движеніе. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно заключающееся въ приговорѣ надъ Нейлоромъ запрещеніе пользоваться перомъ¹⁾. Такія запрещенія и вообще такія наказанія, какъ въ данномъ случаѣ, не налагаютъ на человѣка, котораго считаютъ безумнымъ, а именно временнымъ безуміемъ квакеры впоследствии пытались объяснить путешествіе Нейлора въ Бристоль. Писатели другихъ направленій также говорятъ о немъ, какъ о помѣшанномъ. Однако, сочиненія и письма Нейлора вовсе не обнаруживаютъ чего-либо ненормальнаго, и если вѣрить словамъ Эльвуда, что Нейлоръ, даже послѣ своего освобожденія изъ строгаго одиночнаго заключенія (которое, во всякомъ случаѣ, не могло бы содѣйствовать излеченію душевной болѣзни), проявилъ недюжинныя способности къ диспутамъ, то гипотеза о безуміи Нейлора окажется совсѣмъ несостоятельной. Современные ему квакеры считали поступокъ Нейлора просто мимолетнымъ заблужденіемъ, чѣмъ-то вродѣ духовнаго опьяненія, — и они правы. Я не хочу даже пытаться установить, многіе ли изъ его приверженцевъ были такъ же «опьянены». Возражая Вейнгартену, Беркли указываетъ на заявленіе бристольской квакерской общины, сдѣланное послѣ описанныхъ выше событій, въ которомъ говорится, что ни одинъ членъ общины не сочувствовалъ поступкамъ Нейлора. Но это заявленіе очень плохо характеризуетъ отношеніе къ злополучному путешественію и еще меньше оно говоритъ объ отношеніи къ тенденціямъ, представителемъ которыхъ явился Нейлоръ. Сдѣланное Вейнгартеномъ сравненіе Бристоля съ Мюнстеромъ (I. с., стр. 269 и слѣд.), во всякомъ случаѣ, совершенно вѣрно въ томъ смыслѣ, что исходъ бристольской авантюры имѣлъ рѣшающее значеніе для побѣды

¹⁾ Въ рѣчи, сказанной Кромвелемъ весной 1657 года по поводу реформы государственнаго устройства, которую предстояло подвергнуть разсмотрѣнію, есть мѣсто, которое, если и не относится исключительно къ квакерскимъ ученіямъ, какъ къ ученіямъ враждебнымъ государству и въ политическомъ, и въ религіозномъ отношеніяхъ, то, несомнѣнно, включаетъ ихъ въ категорію послѣднихъ. Въ этомъ мѣстѣ — оно находится въ рѣчи, приведенной у Карлейля подъ номеромъ тринадцатымъ, — иронически говорится о нѣсколькихъ сотняхъ „друзей“, которые со своими друзьями, сторонниками „пятого царствія“, хотятъ устранить всѣ законы власти и угрожаютъ всѣмъ гражданскимъ и религіознымъ интересамъ. Кромвель въ своей рѣчи хочетъ изложить объ стороны этого движенія, но сейчасъ же запутывается и говоритъ о религіозной сторонѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ говорить о мірской, и наоборотъ. Дѣло въ томъ, что объ эти стороны совершенно невозможно было отдѣлить одну отъ другой, потому что движеніе попеременно принимало то ту, то другую форму. Однако, въ проектѣ государственнаго устройства, между прочимъ, наряду съ атеистами, богохульниками и другими, лишенными избирательнаго права были объявлены всѣ отрицающіе божественность установленія таинства и священства.

принципіально антиполитическаго направленія въ квакерствѣ. Тотъ фактъ, что событія, принявшія въ Мюнстерѣ характеръ трагедіи, въ Бристолѣ разыгрались въ видѣ траги-комедіи, доказываетъ только, что такова бываетъ часто судьба подражаній историческимъ событіямъ; но, во всякомъ случаѣ, попытка не была бы сдѣлана, если бы при первомъ проѣздѣ черезъ Бристоль тамъ не оказалось на-лицо необходимаго для этого настроенія ¹⁾).

Для общаго положенія дѣлъ характерно еще то обстоятельство, что прежде чѣмъ дѣло Нейлора было покончено парламентомъ, послѣдній поднимаетъ другой вопросъ, характеризующій его направленіе, а именно: вопросъ о пересмотрѣ конституціи; пересмотръ этотъ направленъ былъ къ созданію новой палаты пэровъ и къ передачѣ королевской власти Кромвелю. Правда, за это время былъ раскрытъ также заговоръ Зиндеркомба.

Кромвель отказался отъ королевской власти, лишь благодаря тому, что ему приходилось считаться съ арміей, въ которой, не смотря на всѣ принятія для ея очищенія мѣры, все еще преобладалъ республиканскій или, вѣрнѣе, антимонархическій духъ; не будь этого, онъ спокойно могъ бы принять корону. Большая часть буржуазнаго населенія была утомлена и жаждала покоя. Чѣмъ тверже было правительство, тѣмъ больше было основаній надѣяться, что оно удовлетворитъ эту потребность въ покой, и тѣмъ болѣе оно могло быть увѣреннымъ въ сочувствіи этихъ классовъ населенія. Число аристократовъ, состоятельныхъ землевладѣльцевъ и городской знати, относившихся прежде къ Кромвелю враждебно, а теперь переходившихъ на его сторону, увеличивалось съ каждымъ днемъ, ибо Кромвель олицетворялъ собой порядокъ. Большинство же крестьянъ и мелкой буржуазіи относилось къ формѣ правленія индифферентно. Никто уже не хотѣлъ больше рисковать ради Карла Стюарта головою и никто не рискнулъ бы ею ради сохраненія республики, — никто, кромѣ маленькой кучки идеологовъ. Въ средѣ населенія они были безвредны, но въ арміи необходимо было считаться съ ними и съ карьеристами, которые опирались на нихъ ²⁾).

Въ 1659 году Нейлоръ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, а уже въ 1660 году онъ умеръ. Въ лицѣ его политическо-радикальное направленіе квакеровъ

¹⁾ Любопытно, что первые квакеры, даже тѣ, которые не придерживаются политическаго направленія, постоянно пытаются сказать что-нибудь въ защиту мюнстерскихъ анабаптистовъ. „Если же я перейду къ проведенію на практикѣ (принциповъ) — пишетъ старшій Беркли — то я, хотя и долженъ сознаться, что питаю глубокое отвращеніе къ тѣмъ дикимъ поступкамъ, которые, судя по рассказамъ (обращаю вниманіе читателей на осторожность въ выраженіяхъ), совершали мюнстерскіе анабаптисты, все же осмѣливаюсь заявить, что такія же, если не болѣе дурныя вещи были совершены тѣми, которые опираются на преданія, на букву Писанія и на разсудочное толкованье“ (въ противоположность „внутреннему просвѣтленію“). Лютеране, кальвинисты, католики, возставали одинъ противъ другого и каждый противъ всѣхъ „и самымъ позорнымъ образомъ проливали кровь“, они „нанимали людей, ничего не знавшихъ объ этомъ спорѣ, совершенно чужихъ другъ другу, и заставляли ихъ умерщвлять одинъ другого; все это дѣлалось подъ предлогомъ, что разумъ на ихъ сторонѣ, и каждый, для доказательства законности своихъ поступковъ, ссылаясь на писаніе“. Barclay, Apology, стр. 57.

²⁾ Отсюда разочарованіе левеллера Сексби, когда Кромвель отказался отъ королевской короны. 23-го мая 1657 года полковникъ Титусъ писалъ Эд. Гайду, что Сексби, благодаря этому, совершенно измѣнился и страшно озлобился (Ср. Calendar of Clarendon State Papers, ч. III). Сексби зналъ, что одна только армія могла выдвинуть элементы, необходимые для устраненія Кромвеля.

потеряло важнѣйшаго своего представителя. Есть, впрочемъ, доказательства, что это направленіе исчезло не сразу и просуществовало еще довольно долго, но оно постепенно отходить на задній планъ и вытѣсняется движеніемъ Фокса. Бодрость Нейлора была сломлена тюрьмой; то же самое случилось и съ мятежнымъ духомъ всѣхъ «друзей». Съ 1656 по 1658 годъ было посажено въ тюрьму на различные сроки не меньше трехъ тысячъ квакеровъ; понятно, какое значеніе это имѣло для столь молодого движенія. Это естественно, должно было направить всю ихъ энергію въ опредѣленную сторону; а при полной безнадежности и кажущейся безцѣльности всякихъ политическихъ движеній, эта энергія могла направиться лишь въ этико-религіозную сторону. Въ 1659 году политическое направленіе еще разъ ярко сказалось въ уже упомянутой выше петиціи «за доброе старое дѣло республики». Но при реставраціи квакеры уже очень мало интересовались политикой и въ силу этого были единственной не-католической сектой, одобренной выпущеннымъ Іаковомъ II, въ интересахъ католиковъ, указъ о вѣротерпимости.

При Карлѣ II квакерамъ, однако, пришлось перенести не мало преслѣдованій. Возстаніе приверженцевъ пятаго царствія (Веннеръ и товарищи), начавшееся въ январѣ 1661 года, снова вызвало подозрѣніе въ политическихъ интригахъ, направленное противъ всѣхъ послѣдователей крайнихъ ученій. Власти предписали, чтобы каждый подданный приносилъ присягу, а такъ какъ квакеры были вообще противниками всякихъ клятвъ, то они отказывались приносить и эту присягу. Этимъ они, конечно, постоянно навлекали на себя наказанія.

Несмотря на все это, число ихъ постоянно увеличивалось. Во время сильной чумной эпидеміи въ 1665 году число ихъ въ одномъ только Лондонѣ доходило, по крайней мѣрѣ, до десяти тысячъ. До 1680 года численность ихъ вообще постоянно возрастала, несмотря на то, что они всегда давали большой процентъ эмигрантовъ, а также на то, что, принадлежа, въ большинствѣ случаевъ, къ низшимъ слоямъ населенія, они давали, вѣроятно, наибольшій процентъ смертности. Но съ тѣхъ поръ, какъ квакерство было признано государственной властью, число его послѣдователей стало непрерывно уменьшаться, сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе. Въ настоящее время они, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, совершенно исчезаютъ. Изъ всѣхъ болѣе крупныхъ религіозныхъ сектъ революціонной эпохи, квакеры наиболѣе стойко выносили преслѣдованія; между тѣмъ какъ бантисты и индепенденты подчинились, они оказывали такое пассивное сопротивленіе, что прямо утомили и обезкуражили своихъ преслѣдователей. Но ни для одной изъ остальныхъ революціонныхъ сектъ добытыя впоследствии равноправіе и признаніе властью не имѣли такого рокового значенія, какъ именно для квакеровъ.

III. Соціально-экономическая сторона квакерства.

Выше уже упоминалось, что квакеры очень скоро принялись за организацию помощи своимъ подвергавшимся преслѣдованію товарищамъ. Но чѣмъ крѣпче сплывались ихъ общины, тѣмъ чаще къ этой помощи присоединялась еще другая, а именно помощь бѣднымъ и неспособнымъ къ труду членамъ общины. Само собою разумѣется, что эта помощь сдѣлалась для общины

источникомъ множества заботъ и непріятностей. Многіе вѣроятно изумятся въ первый моментъ, услышавъ, что организація помощи очень сильно содѣйствовала упадку квакерства, и изумленіе читателя еще возростеть, когда онъ услышитъ, что, благодаря этой организаціи, больше всего уменьшилось именно число бѣдныхъ членовъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, нетрудно понять въ чемъ тутъ дѣло.

Уже во время первыхъ преслѣдованій случалось, что нѣкоторыя лица вступали въ число друзей только для того, чтобы получить вспомошествованіе, т. е. для того, чтобы пожить на счетъ чужого увлеченія и самопожертвованія. Но это были отдѣльные случаи, которые не трудно было прослѣдить. Чѣмъ слабѣе становились преслѣдованія, чѣмъ менѣе опасной дѣлалась принадлежность къ квакерамъ, тѣмъ соблазнительнѣе также становилась возможность добыть себѣ вспомошествованіе, вступивъ въ число друзей, тѣмъ болѣе, что это вспомошествованіе было щедрѣе. чѣмъ тѣ, которыя оказывали официальные попечительства о бѣдныхъ. Такимъ образомъ для квакерскихъ общинъ возникъ настоящій вопросъ о бѣдныхъ. У Беркли имѣются очень интересныя свѣдѣнія о томъ, какія разнообразныя мѣры предприимались для преодоленія трудностей, съ которыми былъ связанъ этотъ вопросъ. Надо было не только организовать добываніе средствъ для вспомошествованія и ихъ распредѣленіе, но также и способъ распредѣленія, контроль надъ получающими вспомошествованіе, для того чтобы оно не досталось лѣтянямъ или мошенникамъ. То что подъ гнетомъ преслѣдованій было дѣломъ любви, превратилось просто въ обязанность, когда преслѣдованія прекратились, а такъ какъ опытъ показалъ, что вспомошествованіе часто деморализовало и не приносило дѣйствительной помощи, то давать его стали съ большимъ разборомъ. Возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли общинѣ оказывать помощь лицу, только-что прибывшему, и не обязана ли дѣлать это община, изъ которой оно прибыло. Уже въ 1693 году, въ отчетѣ на національномъ годовомъ собраніи говорится, что массы бѣдныхъ «друзей» являются изъ сельскихъ округовъ въ Лондонъ и обременяютъ мѣстную общину. Въ 1710 году былъ выработанъ цѣлый законъ о бѣдныхъ, касающійся общины «друзей». Были установлены правила относительно мѣсть, изъ которыхъ каждый долженъ былъ получать вспомошествованіе; къ вновь прибывающимъ стали относиться критически. Самыя общины квакеровъ становились между тѣмъ все респектабельнѣе; благодаря своей аскетической умѣренности и трезвости, благодаря тѣсной связи между отдѣльными членами, квакеры были очень ловкими дѣльцами. Это извѣстное явленіе, которое наблюдалось уже у лоллардовъ. Аскетизмъ — буржуазная добродѣтель; таковою онъ является особенно до возникновенія собственно крупной промышленности, когда новые капиталы, и въ самомъ дѣлѣ, верѣдко возникали благодаря бережливости.

Въ полемическомъ сочиненіи противъ квакерства «Змѣя въ травѣ», опубликованномъ въ концѣ XVII столѣтія, говорится: «Хотя квакеры въ началѣ оставляли дома свои и семьи, жили на подаяніе, путешествовали, проповѣдовали и возставали противъ богатства, пока его у нихъ не было, все же они теперь такъ же крѣпко сидятъ въ когтяхъ Мамона, какъ и всякій изъ ихъ ближнихъ, а богатство они называютъ теперь даромъ и благодарять божьею». («The Snake in the Grass, 2 Ed., 1697 г., стр. 16). То же самое выражено, только другими словами, въ письмѣ квакера, Вильяма Эдмундсона, появившемся въ

1699 году: «И когда число наше возросло, тогда насъ обуялъ такой духъ, какой охватилъ евреевъ, вернувшихся изъ Египта. Онъ (духъ) смотрѣлъ назадъ. въ мѣръ, торговалъ кредитомъ, котораго не приобрѣлъ, и стремился быть богатымъ благами и сокровищами мѣра сего». Авторъ повѣствуетъ, что среди квакеровъ развилась роскошь, что они стали строить прекрасные дома, носить хорошую одежду, питаться вкусными и обильными блюдами и сверхъ того начали курить табакъ (Изъ соч. I. S. Rowntree, Quakerism: Past and Present, an Inquiry into the causes of its decline, Лондонъ 1859 г.). Сравненіе съ евреями и въ другихъ отношеніяхъ вѣрно и представляетъ собой прекрасный примѣръ того, что историческія движенія всегда принимаютъ совершенно иное направленіе, чѣмъ предполагали ихъ инициаторы, и не рѣдко даже направленіе, прямо обратное. Квакерство выступило на историческую сцену, какъ реакція противъ «іудействующаго» духа достигшихъ господства пуританъ. Такимъ его изображаетъ даже и Беркли старшій. Но правила квакеровъ, созданныя по образцу древняго христіанства, запрещали имъ заниматься искусствами и сдѣлали массу ихъ индифферентной даже къ наукамъ. Общественныхъ должностей они не могли занимать, благодаря своему отношенію къ присягѣ, и т. под.; отъ всякихъ доходныхъ государственныхъ должностей, арендъ и проч. имъ приходилось отказываться. Вино и всякаго рода спортъ также были запрещены. При такихъ обстоятельствахъ они не могли не сосредоточить всей своей энергіи на приобретеніи и по необходимости сдѣлались такими же опасными конкурентами, какъ и евреи, хотя они и въ приобретательной своей дѣятельности также до известной степени придерживались нравственныхъ принциповъ¹⁾. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ квакеры играли еще значительную роль въ качествѣ сельскихъ хозяевъ, а именно въ качествѣ пионеровъ современной агрикультуры (Торольдъ Роджерсъ, l. c., стр. 85), но въ 1760 году «друзья» сдѣлали неплатежъ церковной десятины обязательнымъ, а вслѣдствіе этого квакерамъ помѣщикамъ и крестьянамъ оставалось только либо бросить землю, переселиться въ городъ и заняться ремесломъ, либо отказаться отъ своихъ вѣрваній. Одни сдѣлали первое, другіе второе, и квакеръ земледѣлецъ исчезъ изъ Англій. Зато въ перечлѣ знаменитыхъ англійскихъ квакеровъ имѣется довольно значительное число выдающихся банкировъ. Одинъ изъ нихъ, Гэрней, въ 1866 году шумѣлъ на весь мѣръ своимъ банкротствомъ.

Имѣетъ съ коммерческой сметкой квакеры приобрѣли другое «іудейское» качество, именно, неспособность или нежеланіе приобретать послѣдователей.

Въ эпоху, о которой мы здѣсь говоримъ, все это имѣлось конечно только въ зачаткѣ, но и тогда уже начинало обнаруживаться явленіе, если можно такъ выразиться, обратное пролетаризаціи; обнаруживалось оно въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны квакеры сдѣлались осмотрительныѣ въ приѣмѣ рабочихъ,

¹⁾ Существуетъ мнѣніе, что мы, между прочимъ, обязаны введенію въ торговлѣ цѣнь безъ запроса, главнымъ образомъ, квакерамъ. Въ началѣ XVIII вѣка на годовыхъ собраніяхъ «друзей» имъ вмѣняется въ обязанность слѣдить за доброкачественностью своихъ продуктовъ и противодѣйствовать поддѣлкамъ. Такъ какъ ихъ въ то время было очень много въ Ирландіи, то это правило, будто бы, принесло очень много пользы и ирландской льняной промышленности. Вообще квакеры многими своими постановленіями предупредили нѣкоторые изданные послѣдствіемъ законы. Уже въ 1705 году, на годовомъ собраніи «друзей» было сдѣлано постановленіе, воспрещавшее «друзьямъ» ловлю лососей в фарелі во время метанія икры.

съ другой стороны принятые рабочіе или, по крайней мѣрѣ, ихъ дѣти, обыкновенно очень скоро переставали быть пролетаріями.

Дѣти принятыхъ квакерами рабочихъ получали лучшее воспитаніе, чѣмъ какое обыкновенно получали дѣти рабочихъ, потому что они обучались либо въ квакерскихъ школахъ, либо на средства, выдаваемыя школьнымъ фондомъ квакеро-въ. Когда они выросли, имъ также оказывали поддержку, поэтому они часто могли дѣлать буржуазную карьеру, и эта карьера была, благодаря изложен-нымъ выше причинамъ, тѣмъ лучше, чѣмъ лучшими квакерами они были. Въ началѣ XVIII столѣтія работниковъ въ общинахъ было такъ много, что друзья рѣшили организовать посредничество для труда и отчасти осуществили это. Все это увеличивало матеріальное благосостояніе рабочихъ, принадлежавшихъ къ числу квакеро-въ, давало имъ возможность воспитывать дѣтей для лучшей карьеры, но въ то же время квакерство, благодаря своей аскетической морали, благодаря политической пассивности и вообще всему своему квіэтизму, потеряло привлекательность для тѣхъ рабочихъ, которые еще не прониклись буржуазнымъ духомъ. Кромѣ того, по словамъ Раунтри, въ цитированномъ выше сочиненіи, органи-зованная квакерами взаимопомощь мѣшала рабочимъ примыкать къ нимъ изъ чувства собственного достоинства: многіе боялись, что ихъ присоединеніе къ общинѣ будетъ объясняться надеждой на вспомошествованіе ¹⁾).

Словомъ, квакера пролетарія постигла почти та же судьба, что и ква-кера крестьянина. Онъ еще не исчезъ окончательно, но онъ сдѣлался рѣдкостью. По вычисленію Раунтри, въ началѣ XIX столѣтія, въ средѣ «друзей», бѣдныхъ и нуждающихся во вспомошествованіи насчитывалось меньше одной трети того количества, которое приходилось на нихъ по среднему разсчету для всего на-селенія. Наоборотъ, число богатыхъ значительно превышало норму.

Врядъ ли нужно особенно пояснять, почему квакерство впоследствии не приобрѣтало сторонниковъ среди состоятельныхъ классовъ населенія. Для того, чтобы представитель буржуазныхъ классовъ рѣшился примкнуть къ общинѣ съ такими странными обычаями, какіе квакеры сохранили даже еще и въ XIX вѣкѣ, нуженъ былъ чрезвычайный энтузіазмъ, а такого энтузіазма квакерство вскорѣ не въ состояніи уже было возбудить. Его религіозные принципы потеряли всякое значеніе для современнаго буржуа. Что ему религія, если она не признана государственной и не имѣетъ вліянія на массы? религія, не имѣющая ни краси-выхъ церквей, ни выдающихся и остроумныхъ проповѣдниковъ? недостаточно рационалистическая для вольнодумцевъ нашего времени и недостаточно символиче-ская для того, чтобы возбуждать умы? Словомъ, квакерство теперь только прозя-баетъ въ качествѣ, такъ сказать, историческаго пережитка. Въ западной Европѣ нѣтъ элементовъ, необходимыхъ для его возрожденія; послѣднее было бы возможно исключительно только въ Россіи.

Однако, несмотря на то, что число послѣдователей квакерства съ конца XVII вѣка постоянно уменьшалось, оно все же въ XVIII и въ началѣ XIX сто-лѣтія имѣло большое вліяніе, но только не какъ политическое, а какъ филан-

¹⁾ Относительно организаціи взаимопомощи у квакеро-въ сэръ Фр. Эдънъ писалъ въ концѣ XVIII столѣтія: „Замѣчательная хозяйственность и хорошая организація квакеро-въ заслуживаетъ всеобщаго подражанія“. („The State of the Poor or a History of the Labouring Classes in England“), Лондонъ 1797 г., I, стр. 598.

тропическое движение. Такое филантропическое движение, без сомнѣнія, было умѣстно въ то время, когда возростающій промышленный капитализмъ доходилъ въ своей эксплуатаціи до самыхъ дикихъ крайностей, пролетаріатъ же былъ еще недостаточно силенъ для того, чтобы противопоставить ему организованное сопротивление. Во всѣхъ крупныхъ реформаціонныхъ движеніяхъ XVIII столѣтія квакеры играли выдающуюся роль. Въ Англіи и въ Америкѣ они явились первыми и неутомимыми врагами рабовладѣльчества. Они стоятъ во главѣ движенія, требующаго реформы уголовного законодательства и системы тюремнаго заключенія. Изъ рядовъ квакеровъ вышли выдающіеся представители науки и педагогикъ, а впоследствии также поборники политическихъ реформъ. Мы встрѣчаемъ квакеровъ въ чартистскомъ движеніи, въ которомъ они, правда, согласно своему ученію, принадлежатъ къ умѣренному направленію, какъ, напр., извѣстный Стердждъ. Квакеровъ же мы находимъ въ числѣ овенистовъ ¹⁾.

Въ 1809 году Роберту Оуэну чуть не пришлось закрыть свои филантропическія учрежденія въ Нью-Ланаркѣ, такъ какъ его прежніе компаніоны требовали закрытія изъ корыстныхъ соображеній. Тогда, кромѣ «философа эгоизма», Іереміи Бентама, къ нему на помощь пришли только квакеры или дѣти ихъ, давшіе ему свои капиталы для продолженія реформъ. Одинъ изъ нихъ, Вильямъ Алленъ, доставилъ Оуэну впоследствии много хлопотъ своей оппозиціей, но эта оппозиція, по признанію самого Оуэна, касалась исключительно религіозныхъ, а не денежныхъ вопросовъ. О другихъ своихъ компаніонахъ изъ рядовъ квакеровъ, особенно о Джонѣ Уалькерѣ, который вложилъ въ предпріятіе свыше 30000 фунтовъ стерлинговъ, Оуэнъ въ своей автобіографіи говоритъ съ величайшимъ уваженіемъ. Не совсѣмъ безразличнымъ, вѣроятно, было и то обстоятельство, что еще до осуществленія своего предпріятія въ Нью-Ланаркѣ, Оуэнъ, по его собственнымъ словамъ, водилъ въ Манчестерѣ близкое знакомство съ двумя молодыми квакерами, повліявшими на его духовное развитіе. Имя одного изъ нихъ впоследствии приобрѣло большую извѣстность въ мірѣ науки; въ каждомъ руководствѣ по естествознанію упоминается физикъ и химикъ Джонъ Дальтонъ. Имя второго не приобрѣло никакой извѣстности, но зато оно именно для насъ представляетъ нѣкоторый интересъ: по странной случайности, товарищъ молодого Оуэна по манчестерскому колледжу, котораго самъ Оуэнъ называетъ своимъ близкимъ другомъ, былъ квакеромъ и носилъ встрѣчающееся не особенно часто имя Винстэнли, имя самаго радикальнаго коммуниста эпохи англійской революціи. Нельзя установить, былъ ли это потомокъ «истиннаго левеллера»; однако невозможнаго въ этомъ ничего нѣтъ.

Однако, ближайшимъ преемникомъ Джерарда Винстэнли, какъ уже нами упоминалось, былъ не Оуэнъ, а другой квакеръ, Джонъ Беллерсъ. Но прежде, чѣмъ мы обратимся къ послѣднему, намъ надо упомянуть еще объ одномъ членѣ, который и хронологически, и по своимъ идеямъ, занимаетъ мѣсто между Винстэнли и Беллерсомъ, и который сыгралъ извѣстную роль въ исторіи социализма.

¹⁾ И въ настоящее время еще въ рядахъ англійской социаль-демократіи есть нѣсколько „друзей“.

IV. Петеръ Корнеліусъ Плокбой.

Въ 1659 году въ Лондонѣ появилось два памфлета, авторъ которыхъ называлъ себя Петромъ Корнеліусомъ фонъ Цюриккее. Долгое время ихъ приписывали походному священнику и секретарю Кромвеля, Гугу Петерсу ¹⁾, но фактически авторомъ ихъ былъ голландецъ, Питеръ Корнеліусъ Плокбой изъ Цюриккее, значительнаго въ то время торговаго города въ провинціи Зеландіи. Одинъ изъ этихъ памфлетовъ первоначально предназначался для Кромвеля, съ которымъ авторъ, по его собственнымъ словамъ, велъ лично переговоры; но такъ какъ Оливеръ умеръ, то памфлетъ посвящается Ричарду Кромвелю и парламенту. Въ памфлетѣ предлагаются средства для укрѣпленія республики и внутренняго мира (отмена десятины и всякой государственной религіи, равноправіе всѣхъ христіанскихъ сектъ, полная свобода слова и т. д.), и онъ интересенъ своей аргументаціей, но не вмѣщается въ рамки нашей статьи. Зато второй памфлетъ безусловно заслуживаетъ нашего вниманія.

Нѣсколько пространное заглавіе этого памфлета гласитъ: «Предложеніе способа сдѣлать бѣдняковъ этой и другихъ націй счастливыми, путемъ объединенія извѣстнаго числа подходящихъ и удобныхъ для этого людей въ общее хозяйство или въ маленькую республику, въ которой каждый могъ бы сохранить свою собственность и заниматься безъ всякаго принужденія тѣмъ трудомъ, который ему по силамъ. Средство избавить эту и другія націи не только отъ лѣтнихъ, дурныхъ и испорченныхъ людей, но также и отъ такихъ лицъ, которые искали и нашли способы жить на счетъ труда другихъ. Съ приложеніемъ приглашенія вступить въ это общество или маленькую республику» ²⁾.

Приложенное въ концѣ приглашеніе составлено людьми, уже привлеченными къ дѣлу и внесшими по 100 фунтовъ стерлинговъ каждый. Они называютъ автора «нашъ другъ Корнеліусъ». Въ примѣчаніи, помѣщенномъ въ концѣ брошюры, заявляется, что всѣ интересующіеся проектомъ могутъ узнать адресъ автора у издателя сочиненія, извѣстнаго уже намъ Джильса Кальверта. Такимъ образомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что проектъ былъ рассчитанъ на немедленное осуществленіе, что онъ былъ не изображеніемъ будущаго, но «практическимъ» социализмомъ, который хотѣли осуществить сами изобрѣтатели его. Однако изобрѣтатель и его товарищи ссылаются на сдѣланные уже раньше опыты. Денежными взносами должны были завѣдывать достойныя довѣрія лица до тѣхъ поръ, пока проектируемое общество будетъ въ состояніи существовать собственными средствами. «А это,—пишутъ англійскіе сторонники проекта,—думается намъ, скоро будетъ возможно, въ виду достовѣрныхъ свидѣтельствъ раз-

¹⁾ Книготорговецъ и коллекционеръ Томасонъ, благодаря страсти котораго къ собиранію, сохранилось большинство памфлетовъ того времени, сдѣлавъ на интересующемъ насъ памфлетѣ надпись: „Мнѣ кажется, этотъ памфлетъ написанъ Гугомъ Петерсомъ, у котораго есть слуга по имени Корнеліусъ Глудръ“. Петерсъ при Карлѣ I нѣсколько разъ бѣжалъ въ Голландію и поддерживалъ постоянныя сношенія съ тамошними сектантами.

²⁾ Привожу начало англійскаго заглавія: A Way prodounded to make the poor in these and other nations happy by bringing together a fit suitable and well qualified people into one Household government or little Commonwealth etc. etc. By Peter Cornelius van Zürich-Zee.

личныхъ людей, рассказывающихъ, что многія сотни людей въ Семиградіи («Трансильваніи»), Венгріи и въ графствѣ Пфальцскомъ, начавшіе съ малаго, добились не только удобной жизни для членовъ своей общины, но также и возможности дѣлать много добра другимъ, не принадлежащимъ къ ихъ общинѣ лицамъ».

Приведенные примѣры относятся къ остаткамъ моравскихъ баптистскихъ общинъ¹⁾, и такимъ образомъ мы видимъ, что коммунизмъ ихъ въ концѣ концовъ былъ перенесенъ въ Англійю. Благодаря наступившимъ скорѣ послѣ появленія памфлета политическимъ событіямъ, т.-е. агоніи погибшей годъ спустя республики, до выполнения плана дѣло не дошло, но сдѣланные взносы показываютъ, что мысль, изложенная въ памфлетѣ, нашла себѣ почву въ англійскихъ умахъ. Во всякомъ случаѣ сочиненіе появилось на англійскомъ языкѣ, мысль, заключающаяся въ немъ, несомнѣнно повліяла на ходъ развитія идей въ Англійи и сама, въ Англійи же, получила дальнѣйшее развитіе. Что идея этого проекта попала въ Англійю черезъ Голландію, это вполне естественно, но благодаря именно тому, что проникла она черезъ наиболѣе развитую въ экономическомъ отношеніи страну тогдашней Европы, проектъ не останавливался на примѣрѣ моравскихъ общинъ; мотивировка и разработка его претерпѣли существенныя измѣненія, и весь онъ вообще носитъ гораздо болѣе современный характеръ. Поэтому именно мы не можемъ обойти его здѣсь молчаніемъ; социальное-экономическая мотивировка выдвигается въ этомъ проектѣ на первый планъ, религіозная же играетъ лишь второстепенную роль. Первая часть памфлета, въ которой излагается собственно весь проектъ, носитъ исключительно социальное-экономическій характеръ; лишь во второй части, въ заключеніи, имѣются ссылки на христіанскую любовь и на нравственное ученіе христіанства.

«Послѣ того, какъ я увидѣлъ, какое большое неравенство и безпорядокъ царятъ въ мірѣ между людьми; какъ не только дурные правители или государи, жадные купцы и промышленники, забывшіе свой долгъ учителя и прочіе обратили людей въ рабство, но также и многіе простые ремесленники или рабочіе, пытаясь сбросить давящее ихъ бремя или уйти отъ него, всюду заводятъ ложь и обманъ для угнетенія честныхъ и хорошихъ людей, совѣсть которыхъ не позволяетъ имъ примѣнять такіе приемы,—я рѣшилъ, сообщая съ другими, воодушевленными общимъ благомъ людьми, попытаться объединить четыре рода людей, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, состоитъ міръ, въ одну семью или въ одно хозяйственное цѣлое. Къ этимъ четыремъ родамъ людей принадлежатъ земледѣльцы, ремесленники, моряки и свѣдущіе въ наукѣ и искусствахъ люди. Это мы хотѣли сдѣлать съ тою цѣлью, чтобы тѣмъ лучше стряхнуть иго свѣтскихъ и духовныхъ фараоновъ, которые уже слишкомъ долго господствовали надъ нашими душами и тѣлами; чтобы возстановить снова любовь, справедливость и братское единеніе, которыя существовали прежде, но теперь врядъ ли гдѣ нибудь встрѣчаются; и наконецъ, чтобы убѣдить тѣхъ, которые видятъ величіе только въ господствѣ, а не въ добрыхъ дѣлахъ, вопреки примѣру и ученію Господа Исуса, явившагося въ міръ не для того, чтобы принимать услуги, но чтобы служить, и отдававшего жизнь свою за многихъ» (стр. 1). Исусъ, говорится далѣе, сказалъ своимъ ученикамъ: кто изъ васъ хочетъ быть больше всѣхъ, пусть тотъ будетъ слугою всѣхъ. Въ дѣйствительности же происходитъ

1) Ср. томъ I этой книги.

какъ разъ наоборотъ. Самыми большими считаются тѣ, у кого больше всего слугъ: «То, что люди называютъ величіемъ, отличается отъ христіанскаго величія такъ же, какъ свѣтъ отличается отъ тьмы».

Затѣмъ слѣдуютъ возраженія противъ «тѣхъ, которые называютъ себя священниками или духовенствомъ», и которые, «для того, чтобы люди охотнѣе работали на нихъ, увѣряютъ этихъ людей, что они заботятся объ ихъ душахъ, какъ будто они могутъ любить невидимую для нихъ душу и въ то же время не обращать вниманія на видимое тѣло». Все это «ложь и обманъ», а «поэтому вернемся къ тому милосердію, которое сочувствуетъ страданіямъ тѣла такъ же, какъ и страданіямъ души».

Таково краткое введеніе къ этому проекту общества, которое лучше всего можно назвать коммунистическимъ хозяйственнымъ товариществомъ съ ограниченной частной собственностью. Въ предѣлахъ товарищества уничтожается только эксплуатація, но не собственность; послѣдняя должна продолжать свое существованіе на основаніи десятой заповѣди. Земля, деньги и движимое имущество, которыя кто-нибудь приноситъ съ собой въ общину, считаются его собственностью и закрѣпляются за нимъ, но доходовъ съ нихъ онъ не получаетъ. Въ случаѣ смерти его, имущество наследуютъ дѣти или родственники, если, конечно, онъ не завѣщалъ его общинѣ. Желаящій уйти изъ общины, обязанъ заявить объ этомъ, и тогда имущество его ему возвращается. Если цѣнность имущества не превышаетъ 100 фунтовъ стерлинговъ,—оно возвращается немедленно; если же цѣнность имущества превышаетъ 100 фунтовъ, то три четверти выдаются черезъ годъ, «а одна четверть немедленно, для того, чтобы никто не былъ въ затрудненіи оставить общину». Если общество будетъ разогнано или разрушено властью тирановъ, то послѣ удовлетворенія кредиторовъ предполагалось всѣ наличные капиталы и земли раздѣлить по ровну исключительно между бѣдными членами, у которыхъ ничего нѣтъ, и между бѣдными родственниками другихъ членовъ, если таковые окажутся. Молодые люди, желающіе покинуть общество—для того, чтобы вступить въ бракъ съ лицами, не принадлежащими къ обществу, или по другимъ соображеніямъ, должны получать извѣстную долю доходовъ, полученныхъ со времени ихъ рожденія или вступленія въ общество, если же такихъ доходовъ не было, то общество должно выдавать имъ, по своему усмотрѣнію, извѣстную сумму.

Для начала, подходящіе люди, «отцы», должны собрать извѣстный фондъ; при помощи этого фонда должны быть приобрѣтены или построены два дома: одинъ въ Лондонскомъ Сити, достаточно большой, чтобы въ немъ могли жить 20—30 семействъ, и могущій служить складомъ и помѣщеніемъ для всевозможныхъ лавокъ, другой, болѣе большой—въ деревнѣ, вблизи рѣки; послѣдній долженъ быть служить центромъ всѣхъ производствъ общины и общимъ мѣстомъ жительства земледѣльцевъ, ремесленниковъ, учителей и моряковъ. Между домомъ и рѣкой должно быть достаточно мѣста для пристани («кеу»), и домъ долженъ быть расположенъ такъ, чтобы рѣка или каналъ прикрывали его, и чтобы его можно было отдѣлить отъ окружающей мѣстности подъемнымъ мостомъ. Рыболовство облегчалось устройствомъ шлюзовъ.

Домъ долженъ быть устроенъ съ наибольшей цѣлесообразностью; въ немъ должны быть «какъ общія, такъ и отдѣльныя помѣщенія, для того, чтобы не стѣснять свободы и удобства обитателей». Въ немъ должны имѣться «спальная

и приёмная для каждого женатаго мужчины», большое помѣщеніе для платья и бѣлья, кухня, столовая, залъ для дѣтей, погреба для съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, отдѣльныя помѣщенія для больныхъ, врачей и хирурговъ, а также и для «книгъ, картъ и инструментовъ», необходимыхъ для занятія «свободными искусствами и науками».

Руководители и должностныя лица избираются членами и всегда только на одинъ годъ, чтобы не могло возникнуть чиновной іерархіи. Завѣдующій припасами избирается только на полгода. Касса находится подъ тройнымъ запоромъ и подъ охраной трехъ лицъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ одинъ ключъ. Впрочемъ, твердо установленныхъ, неизмѣнныхъ правилъ должно было быть какъ можно меньше. Всякому предоставлена полная свобода, поскольку она не противорѣчитъ общему благу; всякому предоставлялось дѣлать все, что не противорѣчитъ «царствію божію» и разуму. Усмотрѣнію каждого предоставлено, между прочимъ, выполненіе обрядовъ крещенія, причащенія и т. д., такъ какъ выполненіе ихъ менѣе возбуждаетъ сомнѣнія, чѣмъ невыполненіе ¹⁾.

Первое время рекомендовалось принимать, главнымъ образомъ, людей холостыхъ, «для того, чтобы мы, при небольшихъ расходахъ, какъ можно скорѣе начали получать доходы».

Что касается самого производства, то для всѣхъ членовъ товарищества былъ установленъ шестичасовой рабочей день; при томъ, каждый могъ по желанію работать либо три часа до обѣда и три часа послѣ обѣда, либо шесть часовъ съ утра, что вѣроятно предпочли бы многіе, особенно въ жаркое лѣтнее время. Въ воскресенье, вообще, никакихъ работъ не было; для рабочихъ же, работавшихъ для общины по найму, былъ установленъ двѣнадцатичасовой рабочей день, до тѣхъ поръ, пока они «будутъ способны и согласны присоединиться къ намъ». Лучшіе рабочіе выбираются на должность мастера, но для мастеровъ, такъ же какъ и для простыхъ рабочихъ, установленъ шестичасовой рабочей день.

Члены общины, занятые въ городскомъ товарномъ складѣ, ежегодно должны поочередно проводить извѣстное время въ сельскомъ домѣ общины и участвовать тамъ въ работахъ для расширенія своихъ техническихъ знаній и ради другихъ, связанныхъ съ пребываніемъ въ этомъ домѣ выгодъ.

Всѣ дѣти должны обучаться двумъ или тремъ ремесламъ; это однако не помѣшаетъ имъ быть всегда веселыми и бодрыми, такъ какъ имъ въ крайнемъ случаѣ придется работать шесть часовъ ежедневно, и такъ какъ они будутъ избавлены отъ семилѣтняго рабскаго труда, на который обречены всѣ дѣти, особенно англійскія. Въ свободные отъ работы часы дѣти могутъ, по желанію, обучаться наукамъ и искусствамъ; дѣти, которыя еще ходятъ въ школу, работаютъ ежедневно по три часа и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ ремеслѣ. Всѣ эти правила совершенно одинаковы и для бѣдныхъ и для богатыхъ, между прочимъ даже для дѣтей богатыхъ постороннихъ лицъ, которыя могли бы попасть въ школы товарищества, какъ только послѣднее обзаведется штатомъ хорошихъ учителей.

¹⁾ Это положеніе, также какъ и другое, относящееся къ промышленности, о которомъ мы еще будемъ говорить ниже, очевидно, было направлено противъ квакеровъ, съ которыми авторъ несомнѣнно долженъ былъ поддерживать сношенія уже благодаря своему издателю, Джильсу Кальверту. Самъ авторъ принадлежалъ, вѣроятно, къ наиболѣе передовой фракціи баптистовъ.

Дѣвочекъ также, кромѣ домашняго хозяйства, предполагалось обучать ремесламъ для того, чтобы онѣ всегда могли имѣть заработокъ, если бы имъ въ послѣдствіи вздумалось покинуть товарищество.

Что товарищество экономически будетъ процвѣтать и все больше будетъ расширять свое производство,—это, по мнѣнію автора, явствуетъ изъ слѣдующихъ соображеній:

1. Оно «не будетъ запрашивать», но, «въ противоположность принятому обычаю, будетъ продавать по самымъ дешевымъ цѣнамъ»;

2. Члены его «будутъ пользоваться болѣе дешевымъ жилищемъ и болѣе дешевыми средствами къ жизни»;

3. Оно будетъ въ состояніи изготовлять «лучшіе продукты за ту же цѣну».

Авторъ излагаетъ всѣ выгоды общиннаго хозяйства, а также соединеніе земледѣлія съ промышленностью: онъ показываетъ, что каждая отрасль промышленности находится въ зависимости отъ другихъ; что по мѣрѣ расширенія одной, расширяются и другія; что на сложности и многосторонности хозяйства основывается гарантія солидности предпріятія. Авторъ рисуетъ намъ соблазнительную картину постепеннаго расширенія хозяйства, рассказываетъ, что со временемъ товарищество само будетъ заниматься кораблестроеніемъ, будетъ строить суда для рыбной ловли въ открытомъ морѣ и для вывоза своихъ продуктовъ на континентъ. Въ домашнемъ хозяйствѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, коммунистическое начало окажется выгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ, прежде всего вслѣдствіе облегченія труда». Каждый получитъ возможность выполнить свою работу совершенно спокойно. Если все будетъ продѣлываться по извѣстному порядку, то двадцать пять женщинъ, вмѣстѣ взятыхъ, будутъ имѣть меньше хлопотъ, чѣмъ имѣетъ одна въ отдѣльномъ хозяйствѣ» (стр. 10). Но «помимо большого удобства («ease»), совмѣстная жизнь представляетъ больше выгоды». Когда 100 семей живутъ вмѣстѣ, то двадцать пять женщинъ могутъ выполнить ту работу, которую обыкновенно дѣлаютъ сто, а остальные 75 могли бы заняться производительнымъ трудомъ и многія изъ нихъ даже предпочли бы его. Можно было бы дѣлать сбереженія и въ другихъ областяхъ; вмѣсто ста очаговъ понадобилось бы, можетъ быть, четыре или пять: одинъ въ кухнѣ, одинъ въ столовой, одинъ въ дѣтской и т. д. Кромѣ того, если бы потребленіе не покрывалось продуктами собственнаго хозяйства, то можно было бы покупать дешевле, покупая большими партіями. Такимъ образомъ собственное хозяйство и соединеніе сельскаго хозяйства съ промышленностью оказалось бы выгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

«Между тѣмъ, какъ промышленники обременяютъ своихъ рабочихъ тяжелой работой за низкую плату, у насъ, наоборотъ, прибыль предпринимателя достанется на долю рабочаго, что дастъ ему возможность пользоваться достаточнымъ отдыхомъ».

Предприниматели, стоящіе внѣ товарищества («in the world»), «постоянно колеблются между страхомъ и надеждой», въ общинѣ же «каждый спокойно занимается своимъ дѣломъ».

Товариществу нечего бояться конкуренціи. Если бы даже другіе купцы, чтобы отбить у него покупателей, понизили свои слишкомъ высокія цѣны, что было бы весьма желательно, то все же выгоды крупнаго хозяйства дали бы товариществу возможность производить дешевле, чѣмъ другіе предприниматели.

Нужно только остерегаться, чтобы не оттолкнуть покупателя какими-нибудь доктринерскими странностями. Если покупатели захотят получить одежду съ какимъ-нибудь украшеніемъ, то не слѣдуетъ отказывать имъ подъ тѣмъ предлогомъ, что украшать себя грѣхъ, этимъ можно достигнуть только того, что покупатели откажутся покупать здѣсь, т.-е. такимъ образомъ члены товарищества сами себѣ будутъ наносить вредъ. Конечно, очень дурно, что Адамъ Ёль плоды древа познанія добра и зла, замѣчаетъ Плокбой юмористически, но людей можно излечить отъ тщеславія только примѣромъ и воспитаніемъ. Отказъ отъ изготовленія украшеній былъ бы неразуміемъ потому уже, что выросшіе въ товариществѣ молодые люди, которые впослѣдствіи пожелали бы выйти изъ него, имѣли бы тораздо меньше шансовъ найти заработокъ, если бы не умѣли изготовлять украшеній ¹⁾.

Сами члены товарищества, однако, должны были одѣваться по возможности просто, хотя тѣмъ, кто имѣлъ на это средства, не возбранялось изготовлять свои одежды изъ лучшаго матеріала. Это позволялось уже для того, чтобы бѣдные, встрѣтивъ такого человѣка на улицѣ, знали, что могутъ ожидать отъ него помощи. Такая мотивировка носить нѣсколько натянутый характеръ, но она только намѣчаетъ выходъ, которымъ впослѣдствіи воспользовались сами квакеры. Беркли и Беллерсъ также позволяли носить болѣе тонкія сукна.

Товарищество представляетъ еще и нѣкоторыя другія выгоды: молодымъ людямъ не нужно, какъ это случается нерѣдко, вступать въ бракъ преждевременно, только для того, чтобы избавиться отъ рабской зависимости отъ своихъ родителей; они могутъ выбирать себѣ спутниковъ жизни вполне обдуманно и совершенно свободно, такъ какъ они не обязаны вступать въ бракъ непременно съ членами товарищества. Учителя товарищества не бываютъ вынуждены, ради своего существованія, учить тому, во что они сами не вѣрятъ, такъ какъ свобода совѣсти ничѣмъ не стѣснена, и всѣ секты равноправны. Членамъ товарищества не приходится бояться ни болѣзней, ни старости и нечего опасаться за участь своихъ дѣтей послѣ своей смерти.

Товарищество ведетъ торговлю съ виѣшнимъ міромъ, открываетъ свои школы за извѣстное вознагражденіе дѣтямъ постороннихъ людей; сообразно съ этимъ врачи его и хирурги должны также помогать постороннимъ, богатымъ за вознагражденіе, бѣднымъ даромъ. Въ то время, какъ одни врачи посѣщаютъ больныхъ, другіе въ опредѣленное время должны оставаться дома и давать посѣтителямъ совѣты.

Богатые люди, желающіе воспользоваться выгодами совмѣстной жизни, могутъ жить въ домѣ товарищества въ качествѣ жильцовъ, уплачивая за свое содержаніе. Если они пожелаютъ работать, то будутъ получать квартиру и одежду бесплатно. Въ срединѣ и въ концѣ каждаго года долженъ производиться расчетъ и распределеніе части чистой прибыли, для того, чтобы каждый членъ имѣлъ возможность одѣлять бѣдныхъ, дѣлать подарки друзьямъ и т. под.

Товарищество должно построить большое помѣщеніе для собраній, съ расположенными въ видѣ амфитеатра сидѣньями; передъ каждымъ изъ сидѣній

¹⁾ Это именно и есть упомянутая въ предыдущемъ прихѣщаніи полемическая выходка противъ квакеровъ, которые, особенно первое время, отвергали изготовленіе всякихъ предметовъ роскоши, какъ грѣховное занятіе, и грозили за него исключеніемъ изъ своихъ общинъ.

устроенъ столикъ для чтенія и письма. Въ этомъ помѣщеніи происходитъ чтеніе лентій, диспуты и т. д., въ которыхъ могутъ принимать участіе и постороннія лица. На собраніяхъ каждый свободно можетъ выражать свои мнѣнія. Во время ѣды царитъ веселье, и отсутствуютъ всякія церемоніи. За столомъ поочередно прислуживаютъ всѣ молодые люди для того, чтобы никто изъ нихъ не проникся ложной гордостью.

Въ заключеніе въ проектѣ перечисляется 72 ремесла, которыми могло бы заняться товарищество. Затѣмъ говорится: «Какъ только въ окрестностяхъ Лондона будетъ устроено такое товарищество для доставленія занятія бѣднымъ, мы можемъ открыть второе, вблизи Бристоля, а затѣмъ еще одно, въ Ирландіи, гдѣ землю можно будетъ купить за очень дешевую цѣну, и гдѣ можно получить массу дерева для постройки домовъ, судовъ и другихъ надобностей».

Во второмъ отдѣлѣ, въ которомъ заключается религіозно-этическая обосновка проекта, особенно характерно слѣдующее мѣсто: «Эти общества и товарищества («fellowships») не всегда встрѣчались такъ рѣдко; онѣ уже въ очень давнія времена процвѣтали, пока враги первобытной невинности не вошли въ нихъ. Подъ ихъ влияніемъ жизнь, которую люди были обязаны вести сообразно съ заповѣдями христовыми, стала считаться чѣмъ то такимъ, что каждый по своему произволу могъ принять или отвергнуть. Между тѣмъ сами враги невинности вели высокоумѣнную и никому не нужную жизнь, святость которой далеко превышала то, что нужно для избавленія, и дала поводъ къ учрежденію многихъ орденовъ для лѣнивыхъ и жирныхъ животныхъ — я подразумеваю монаховъ и тому под., — и ко многимъ выдумкамъ и мошенничествамъ» (стр. 34).

* * *

Это было написано въ 1659 году. Три года спустя, Плокбой, успѣвшій за это время вернуться въ Голландію, выступилъ съ новымъ проектомъ хозяйственного товарищества, которое теперь, однако, онъ предлагалъ устроить голландской колоніи въ Новыхъ Нидерландахъ, въ С. Америкѣ. Лѣтъ тридцать тому назадъ Этьенъ Ляпейръ, незнакомый съ англійскими брошюрами Плокбоя, писалъ по поводу брошюры, въ которой изложены основныя черты плана Плокбоя, слѣдующее:

«Мысль, что колонизація странъ умѣренного пояса бѣдными людьми (т.-е. рабочими) требуетъ совѣсьмъ особыхъ мѣропріятій, прекрасно изложена въ одномъ изъ наиболѣе интересныхъ сочиненій той эпохи въ «Kort en klar ontwerp door Pieter Cornelys Plockboy,» 1662¹⁾.

¹⁾ Etienne Laspeyres рассказываетъ, что Плокбой, съ двадцатью четырьмя товарищами, для осуществленія своей цѣли получили отъ амстердамскаго министра 1500 гульденовъ заимообразно, за круговой порукой; послѣ этого они опубликовали свое приглашеніе. Въ томъ видѣ, въ какомъ передаетъ его Ляпейръ, планъ гораздо скромнѣе, чѣмъ описанный нами проектъ. Это объясняется незначительностью той суммы, кака я находилась въ распоряженіи Плокбоя и компаніи. Но въ этомъ планѣ много сходныхъ съ приведеннымъ нами проектомъ чертъ, и поэтому Ляпейръ замѣчаетъ, что планъ отдастъ „коммунизмомъ и религіознымъ индифферентизмомъ“. Послѣднее Ляпейръ заключаетъ изъ того, что Плокбой, во избѣжаніе религіозныхъ распрей, хотѣлъ ограничить богослуженіе чтеніемъ библіи и пѣніемъ псалмовъ. Однако, въ виду всего сказаннаго выше, Плокбой, не смотря на его образъ мыслей, очень близкій къ современному, нельзя считать атеистомъ, скорѣе всего его можно было бы назвать христіанскимъ социалистомъ

Мы не могли достать этой брошюры, но если она не особенно отличается от брошюры, содержаніе которой было нами предложено выше (нѣтъ никакихъ основаній предполагать это), то вполне понятно, почему она произвела на Ланейра сильное впечатлѣніе. Плокбой несомнѣнно обладалъ чрезвычайно яснымъ умомъ и хорошо понималъ экономическія явленія. Въ его проектѣ заключается не только сознательное и планоуѣрное соединеніе земледѣлія съ промышленностью, но также и попытка болѣе тѣснаго, можно сказать органическаго соединенія города и деревни, причѣмъ различія между ними не предполагалось уничтожить, а предполагалось лишь ввести болѣе раціональное раздѣленіе труда: Производствомъ должна была заниматься организованная колонія, обмѣномъ городъ. Далѣе мы видимъ, что Плокбой выступилъ рѣшительнымъ противникомъ аскетическихъ тенденцій, которыя преобладали у большинства коммунистовъ той эпохи и составляли одинъ изъ характернѣйшихъ признаковъ коммунизма, и съ которыми ему надо было считаться. Мы уже видѣли, какъ онъ, не безъ ироніи, выясняетъ своимъ единомышленникамъ, что они сами повредили бы себѣ, если бы отказались производить предметы роскоши, и что такими средствами нельзя измѣнить міръ. Но имъ руководятъ вовсе не одни только коммерческія соображенія. Между занятіями, которыя должны были имѣть мѣсто въ колоніи, Плокбой, на ряду съ науками и прочими «свободными искусствами» — «liberal arts» — приводитъ также и музыку, о которой многіе квакеры, напр., совсѣмъ не упоминаютъ, между тѣмъ какъ другіе признаютъ ее лишь постольку, поскольку она нужна для пѣнія религиозныхъ гимновъ. Однимъ словомъ, не можетъ быть сомнѣнія, что съ нами говоритъ современникъ Рембранта и Яна Стена. Въ его планѣ нѣтъ и признака отреченія отъ міра, онъ дышетъ здоровой любовью къ жизни: весь планъ основывается, главнымъ образомъ, на экономическихъ преимуществахъ организованнаго въ крупныхъ размѣрахъ производства, — какъ въ промышленности, такъ и въ торговлѣ. Въ послѣднемъ смыслѣ онъ прямо предвосхищаетъ идею современныхъ большихъ универсальныхъ магазиновъ. Городской домъ проектированнаго Плокбоемъ общества представляетъ собой въ сущности не что иное, какъ зародышъ магазиновъ, въ родѣ «Whiteley», «Magasin du Louvre», «Basar Harson».

Но затронувъ этотъ вопросъ, мы затронули также другую сторону проекта Плокбоя. Теряя въ смыслѣ утопичности, проектъ пріобрѣтаетъ нѣкоторыя буржуазныя черты. Товарищество производитъ для прибыли. Не смотря на всѣ предписанія, клонящіяся въ пользу бѣдныхъ, оно носитъ настолько ярко выраженный характеръ торговаго, можно бы даже сказать акціонернаго общества, какъ ни одинъ другой коммунистическій проектъ той эпохи. Другія общества того времени основывались ради религиозныхъ цѣлей или вообще въ противоположность «міру»; буржуазными они становились вопреки намѣренію ихъ основателей, въ силу исторической необходимости. У Плокбоя противопоставленіе общества

въ англійскомъ духѣ. Ланейръ сомнѣвается въ томъ, чтобы проектъ былъ осуществленъ, тѣмъ болѣе въ томъ, чтобы онъ имѣлъ успѣхъ. Положеніе дѣлъ въ ново-нидерландской колоніи именно въ это время было очень печально, а уже въ 1664 году она была завоевана англичанами и переименована въ Нью-Йоркъ, въ честь брата Карла II, герцога Йоркскаго (который впоследствии вступилъ на престолъ подъ именемъ Іакова II). Отъ новыхъ повелителей республиканецъ Плокбой не могъ ожидать особеннаго поощренія.

«міру» еще не совсѣмъ исчезло, но значительно ослабѣло; противоположность между обществомъ и «міромъ» не носитъ религіознаго характера и очень мало отражается на образѣ жизни его членовъ. Колонія предоставляет каждому по своему достигать блаженства на небѣ, а поскольку это не нарушаетъ производства, также и на землѣ. Тамъ, гдѣ этому не препятствуетъ необходимость, должна царить свобода, нищетъ Плокбой. Замѣчательно также его стремленіе облегчить уходъ изъ общества тѣмъ, кто не желаетъ въ немъ оставаться. Общество должно все дѣлать лучше, чѣмъ дѣлаетъ «міръ», но оно не должно лишать себя и своихъ членовъ преимуществъ, даваемыхъ послѣднимъ. При такихъ взглядахъ уступки буржуазному духу эпохи были неизбежны; тѣмъ не менѣе проектъ Плокбоя не является реакціоннымъ, по сравненію съ произведеніями его коммунистическихъ предшественниковъ и современниковъ; наоборотъ, мы видѣли, что всѣ коммунистическія предпріятія той эпохи кончались буржуазнѣйшимъ образомъ и въ лучшемъ случаѣ являлись замкнутыми обществами, которыя хозяйничали и работали лучше, чѣмъ окружающей «міръ», вступали съ нимъ въ конкуренцію и при этомъ довольно часто оказывались побѣдителями¹⁾. Эти факты были извѣстны Плокбою; онъ несомнѣнно былъ хорошо знакомъ по крайней мѣрѣ съ извѣстной частью такихъ общинъ. То, что онъ сумѣлъ вывести изъ всего этого надлежащее заключеніе и сумѣлъ встать на фактическую почву, было не малой заслугой даже съ его стороны, со стороны гражданина наиболѣе развитой въ коммерческомъ отношеніи страны той эпохи. Соціализму, такъ или иначе, надо считаться съ буржуазнымъ обществомъ, и Плокбой первый послѣдовательно провелъ мысль, что надо пойти дальше буржуазнаго общества, вмѣсто того, чтобы возвращаться назадъ. Но экономически это было достижимо лишь при помощи организованнаго въ большихъ размѣрахъ кооперативнаго товарищества. По нашему мнѣнію Плокбой былъ провозвѣстникомъ (онъ писалъ въ 1659 году) поворота отъ христіанскаго и утопическаго коммунизма къ современной идеѣ о товариществѣ. Во что бы ни превратилась эта идея, въ историческомъ смыслѣ провозглашеніе ея являлось важнымъ шагомъ, заслугой, которая безусловно достойна быть отмѣченной.

V. Джонъ Беллерсъ, адвокатъ бѣдныхъ.

а) „College of Industry“.

Всѣ историки, знакомые съ соціальными условіями Англіи въ XVIII вѣкѣ, единогласно признаютъ, что положеніе бѣднѣйшихъ классовъ, особенно сельскихъ рабочихъ, съ паденія республики (1660 годъ) до конца этого столѣтія, было постоянно самымъ плачевнымъ. При реставрированной монархіи законодательство, поскольку оно касалось хозяйственной жизни націи, было безусловно классовымъ законодательствомъ въ пользу крупныхъ лэндъ-лордовъ, а революція 1688 года

¹⁾ См. объ этомъ весьма поучительныя разсужденія Каутскаго въ I томѣ этой книги.

расширила только влияние коммерческих классов на правительство, на ряду съ земельной аристократіей. Лэндъ-лорды выступали представителями какъ своихъ собственныхъ интересовъ, такъ и интересовъ коммерсантовъ. Для трудящихся классовъ ихъ господство влекло ухудшеніе положенія на долгое время. Что не успѣли сдѣлать Стюарты въ интересахъ имущихъ, то старались наверстать теперь. Къ упомянутымъ уже выше (въ десятой главѣ) привилегіямъ, даннымъ лэндъ-лордамъ при Карлѣ II, въ 1677 году прибавился законъ, согласно которому всѣ долгосрочныя аренды, относительно которыхъ не могъ быть представленъ документальный договоръ, были объявлены краткосрочными; но такіе договоры существовали только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Отчасти договоры никогда не попадали въ руки крестьянъ, отчасти же арендныя отношенія основывались на передаваемыхъ отъ отца къ сыну юридическихъ отношеніяхъ, входящихъ еще къ феодальной эпохѣ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, да и во многихъ другихъ, мелкіе крестьяне и арендаторы не въ состояніи были добиться передъ судомъ признанія законности своихъ арендныхъ правъ. Такимъ образомъ была дана возможность превращать земельныя отношенія, при которыхъ мелкіе арендаторы еще могли бы существовать, въ такія, при которыхъ они должны были бы работать и жить хуже скота или уступить мѣсто арендатору капиталисту. За то на ряду съ пошлинами на ввозъ зерна, были установлены преміи за вывозъ его, для того, чтобы улучшеніе въ обработкѣ почвы не вызвало пониженія цѣны на хлѣбъ. Ухудшенію положенія мелкихъ крестьянъ и сельскихъ рабочихъ способствовало, далѣе, огораживаніе, т.-е. захватъ лѣсовъ, болотъ и пустырей лэндъ-лордами. Въ прежнее время крестьяне и сельскіе рабочіе, по свидѣтельству многихъ авторовъ, въ томъ числѣ и Маколея, покрывали свою потребность въ мясѣ главнымъ образомъ пойманной или убитой дичью, и продажа дичи доставляла имъ нѣкоторый побочный заработокъ. Съ царствованія Іакова I имъ это тоже стали постепенно запрещать, причемъ изданіе закона въ этомъ направленіи мотивировалось между прочимъ тѣмъ, что охота способствуетъ ничего недѣланью, иными словами, даетъ возможность уклоняться отъ каторжнаго труда въ пользу землевладѣльца.

Развѣтъ торговли и ростъ денежныхъ доходовъ имущихъ классовъ, о которомъ съ такимъ восторгомъ писали ¹⁾ въ концѣ XVII столѣтія экономисты, какъ напр. Вильямъ Петти, Джошуа Чайльдъ и др., лишь для весьма незначительной части трудящихся классовъ принесъ облегченіе, положеніе же массъ оны, наоборотъ, ухудшилъ. Между тѣмъ какъ цѣны и прибыль сильно возросли, заработная плата насильственно удерживалась на низкомъ уровнѣ, благодаря устанавливаемымъ судьями таксамъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ многіе документы, которые были отысканы, главнымъ образомъ благодаря трудамъ Торольда Роджерса, но если бы даже не было ихъ, то достаточно было бы того факта, что недѣльное жалованье рядовыхъ солдатъ, доходившее во время кромвелевской республики до 7 шиллинговъ 6 пенсовъ, въ 1865 году упало до 4 шил-

¹⁾ Чайльдъ, между прочимъ, констатировалъ, что въ 1688 году въ дѣятельности лондонской биржи принимало участіе больше людей, обладающихъ 10000 ф. ст. состояніа или дохода, чѣмъ въ 1651 году людей съ 1000 ф. ст. состояніа, и что въ то время приданое въ 2000 ф. ст. считалось не такимъ большимъ, какимъ за 60 лѣтъ до того считалось приданое въ 500 ф. ст.

лингвѣ 8 пенсовъ¹⁾. Если люди шли за такую цѣну на военную службу, то очевидно общее положеніе рабочихъ ухудшилось; заработная плата упала настолько, что въ сельскихъ округахъ и въ домашней промышленности приходилось ее дополнять вспомошествованіями изъ капиталовъ для бѣдныхъ. Налоги въ пользу бѣдныхъ достигли неслыханной высоты: общая сумма ихъ составляла болѣе трети государственнаго бюджета. Чарльзъ Давенантъ считалъ, что въ 1696 году бѣдные и нищіе составляли почти четверть всего населенія; неудивительно, что всѣ стали заниматься вопросомъ, какъ измѣнить такой порядокъ вещей. Возникла цѣлая литература о бѣдныхъ и о способахъ помощи имъ²⁾.

Во всей этой литературѣ можно прослѣдить два существенно-различныя воззрѣнія, конечно, не вездѣ обнаруживающіяся съ одинаковой яркостью; одно изъ нихъ исходитъ изъ точки зрѣнія буржуазныхъ классовъ и ищетъ средства избавиться отъ бѣдныхъ; другое имѣетъ въ виду уничтоженіе бѣдности ради самихъ бѣдняковъ и болѣе или менѣе опредѣленно стремится къ лучшей организаціи всего общества. Типичнымъ или классическимъ представителемъ перваго направленія слѣдуетъ признать Джона Лока, знаменитаго философа-сенсуалиста³⁾. Другое филантропически-соціалистическое, или, если угодно, гуманитарное направленіе имѣло своимъ лучшимъ и наиболѣе послѣдовательнымъ представителемъ квакера, Джона Беллерса⁴⁾.

Джонъ Беллерсъ родился въ 1654 году и былъ сыномъ состоятельныхъ родителей. Будучи самъ квакеромъ, онъ, согласно чуть ли не обязательнымъ

¹⁾ Masculay, History of England etc., I ч. гл. III. Маколей приводитъ еще нѣсколько примѣровъ низкаго уровня заработной платы въ то время. Въ Норвичѣ заработная плата ткачей упала до 6 пенсовъ въ день.

²⁾ Библиографію этой литературы до конца XVIII столѣтія даетъ сэръ Fr. Eden въ The State of the Poor, 1799.

³⁾ „Джонъ Локъ, который былъ представителемъ новой буржуазіи во всѣхъ формахъ: предпринимателей противъ бѣдняковъ, коммерсантовъ противъ старомодныхъ ростовщиковъ, финансовой аристократіи противъ государственныхъ должниковъ, и который въ особенномъ трудѣ указывалъ на буржуазный умъ, какъ на нормальный человѣческій умъ“... Карлъ Марксъ, Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. (Zur kritik etc.) М. 1896 г., переводъ П. П. Румянцова, стр. 52. Тотъ, кто прочтетъ мнѣніе Лока о занятіяхъ для бѣдныхъ, высказанное имъ въ 1705 году, убѣдится въ вѣрности этой характеристики. Отчетъ, въ которомъ было высказано мнѣніе Лока, напечатанъ въ „Report on Agencies and methods for Dealing with the Unemployed“, издаваемомъ Board of Trade, Лондонъ, 1893 г.

⁴⁾ Мы намѣренно подчеркиваемъ „лучшимъ и наиболѣе послѣдовательнымъ“, такъ какъ Беллерсъ не представлялъ собой единичнаго явленія. Беллерсъ только въ законченной формѣ выразилъ идеи, воодушевлявшія цѣлое поколѣніе писателей филантроповъ, и далъ этимъ идеямъ лучшее обоснованіе. Даже Вильямъ Петти, котораго нельзя причислить къ этимъ писателямъ, писалъ въ защиту безработныхъ: „Лучше при случаѣ съечь работу тысячи людей, чѣмъ дать этой тысячѣ людей возможность потерять, благодаря безработицѣ, свою работоспособность“. Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „А тѣмъ, кто вслѣдствіе неравновѣрнаго примѣненія труда въ земледѣліи, не могутъ найти работы, хотя они могли бы и хотѣли бы работать, власти и лэндъ-лорды должны давать содержаніе, пока они не найдутъ работы, ибо въ странѣ, въ которой имѣется столько годной подлѣ обработки, но не обработанной земли, какъ въ Англіи, нищіе не представляютъ собой неизбѣжнаго явленія“. (Essays on mankind, I). Только незнакомствомъ съ литературой такого рода можно объяснить замѣчаніе Лассалля, что гуманитарная школа въ политической экономіи составляетъ достояніе Франціи, которая можетъ гордиться ею передъ Англіей. (Bastiat-Schulze, Gesamttausgabe III, стр. 206).

постановленіямъ друзей о бракѣ, женился на дочери квакера и такимъ образомъ сдѣлался однимъ изъ совладѣльцевъ («Lord of the Manor») Кольнъ Ольдвайна въ Глочестерширѣ. Благодаря своей принадлежности къ сектѣ, которая тогда еще считалась опальной, Беллерсъ не могъ сдѣлать политической карьеры, поэтому онъ предался научнымъ занятіямъ и филантропической дѣятельности. Во его биографіи въ «Dictionary of National Biography» говорится, что онъ «всегда былъ занятъ филантропическими планами». Въ числѣ его друзей были: Вильямъ Пенъ, знаменитый основатель Пенсильваніи, а также врачъ и естествоиспытатель Гансъ Слоонъ, значительное пожертвованіе котораго положило основаніе учрежденію Британскаго музея. Несмотря на свое нѣсколько слабое тѣлосложеніе и частыя недомоганія, Беллерсъ, дожилъ до 71 года и умеръ въ 1725 году. Беллерсъ былъ однимъ изъ лучшихъ людей своей эпохи, и, по выраженію Маркса, «истиннымъ феноменомъ въ исторіи политической экономіи» ¹⁾.

Первое интересующее насъ здѣсь сочиненіе Беллерса написано въ 1695 году, въ одинъ изъ семи послѣдовавшихъ другъ за другомъ голодныхъ годовъ, пресловутыхъ «семи голодныхъ годовъ», которые въ концѣ XVII столѣтія посѣтили англійскій рабочій классъ и довели платежеспособность рабочихъ до чрезвычайно низкаго уровня. Буквальный переводъ заглавія написаннаго Беллерсомъ трактата таковъ: «Проектъ учрежденія рабочаго колледжа всѣхъ полезныхъ ремеслъ и сельскаго хозяйства», въ сущности же Беллерсъ имѣлъ въ виду рабочую колонію или товарищество рабочихъ. Беллерсъ въ двухъ мѣстахъ трактата поясняетъ, почему онъ выбралъ названіе «College of Industry» ²⁾. «Лучше было бы назвать его колледжемъ, чѣмъ рабочимъ домомъ («Workhous»), потому что колледжъ звучитъ пріятнѣе, и затѣмъ потому, что въ немъ могутъ быть преподаваемы всевозможные полезные предметы», писалъ Беллерсъ на стр. 11. Въ заключительной главѣ, гдѣ онъ разбираетъ возраженія, которыя можетъ встрѣтить его проектъ, онъ говоритъ, что «Workhous» слишкомъ отдастъ «Bridewell'емъ», тогдашнимъ исправительнымъ заведеніемъ. Но названіе община—«community» также не подходитъ, такъ какъ не все въ ней общее. Названіе этого учрежденія колледжемъ служитъ указаніемъ на то, что пребываніе въ немъ добровольно. Беллерсъ отлично сознаетъ двойственный характеръ своего проекта и ясно даетъ понять, что его заставили не пойти дальше чисто практическія соображенія. Съ истинною квакерскою откровенностью, къ которой присоединяется извѣстный юморъ, нерѣдко проглядывающій въ его сочине-

¹⁾ Марксъ, „Капиталь“, I т., 2 изд., стр. 515. Кромѣ того Марксъ цитируетъ Беллерса на стр. 112, 120, 127, 334, 449 и 504 перваго тома и на стр. 270 третьяго тома „Капитала“.

²⁾ Полное заглавіе по-англійски слѣдующее: „Preposals for Raising a College of Industry of all usefull Trades and Husbandry with Profit for the Rich, a plentiful living for the Poor and a good education for Youth, which will be advantage to the government by the Increase of the People and their Riches, Motto: Industry brings Plenty.—The Sluggarb shall be cloathed with Raggs. He that will not work shall not eat“. (Переводъ: Проектъ учрежденія рабочаго колледжа всѣхъ полезныхъ ремеслъ и сельскаго хозяйства, который дастъ богатымъ прибыль, бѣднымъ достаточныя средства къ жизни, а юношеству хорошее воспитаніе и который, благодаря увеличенію народонаселенія и его богатства, будетъ доставлять выгоду правительству. Девизъ: Трудъ приноситъ изобиліе. — Бездѣльникъ долженъ ходить въ лохмотьяхъ; кто не работаетъ, тотъ не долженъ и ѣсть).

зіяхъ, Беллерсъ отвѣчаетъ на вопросъ, почему бѣдные, т.-е. рабочіе не будутъ пользоваться всѣмъ доходомъ отъ колледжа: «Потому что богатые совершенно не въ состояніи жить иначе, какъ на счетъ труда другихъ, лэндъ-лорды живутъ трудами своихъ арендаторовъ, а купцы и промышленники—трудомъ своихъ рабочихъ». Въ этихъ словахъ выражается впрочемъ и теоретическій взглядъ Беллерса. Однако, кромѣ высказаннаго выше неелестнаго для богачей соображенія, у Беллерса есть еще и другія причины желать, чтобы колледжъ давалъ доходъ. Для того, чтобы устроить его на достаточно широкую ногу, необходимо много денегъ, а между тѣмъ «1000 фунтовъ легче достать для дѣла, дающаго доходъ, чѣмъ 100 фунтовъ для благотворительныхъ цѣлей». Чѣмъ больше денегъ вложено въ какое нибудь предпріятіе, тѣмъ больше шансовъ есть на то, что люди будутъ заботиться о его преуспѣваніи и тѣмъ больше будутъ заинтересованы въ немъ. Чисто благотворительнымъ учрежденіемъ колледжъ не долженъ быть уже и изъ-за того, чтобы рабочій, вступающій въ него, имѣлъ на него право. Комфортабельная жизнь въ колледжѣ должна являться «уплатой долга богачей рабочему, а не актомъ благотворительности»; только излишекъ, остающійся послѣ оплаты всѣхъ расходовъ по содержанію членовъ колледжа, можетъ считаться доходомъ на капиталъ общества.

Беллерсъ считаетъ, что для учрежденія колоніи изъ трехсотъ работоспособныхъ лицъ, нуженъ капиталъ въ 15.000 фунтовъ стерлинговъ въ томъ случаѣ, если земля и проч. будутъ не арендованы, но куплены, что безусловно предпочтательнѣе (онъ дѣлаетъ слѣдующій расчетъ: 10.000 фунтовъ стерлинговъ за землю, 2.000 за скотъ и разные запасы и 3.000 фунтовъ стерлинговъ на сооруженіе мастерскихъ, пріобрѣтеніе инструментовъ и т. под. и для промышленныхъ работъ). Минимальный взносъ 25 фунт. стерл.; взносъ 50 ф. ст. даетъ право совѣщательнаго голоса, однако, никто, сколько бы онъ ни внесъ, не долженъ имѣть больше пяти голосовъ.

Рабочее населеніе колледжа Беллерсъ, сообразно со средствами послѣдняго, распределяетъ слѣдующимъ образомъ:

44 промышленныхъ рабочихъ (ремесленниковъ и т. д.), въ томъ числѣ одинъ надзиратель и одинъ замѣняющій его;

82 женщины и дѣвушки, которыя выполняютъ всевозможныя домашнія работы (между прочимъ пряденіе и т. под.) и кромѣ того ведутъ молочное хозяйство;

24 полевыхъ рабочихъ (мужчинъ и мальчиковъ), въ томъ числѣ управляющій съ женой;

всего 150 человекъ, работа которыхъ удовлетворяетъ всѣ потребности колледжа, 10 человекъ оплачиваютъ своимъ трудомъ необходимыя топливо, желѣзо и т. д., 5 человекъ — плату за наемъ помѣщеній, а 35 человекъ — арендную плату. Если аренды не приходится платить, то продуктъ труда послѣднихъ тридцати пяти человекъ прибавляется къ продукту труда остальныхъ 100 человекъ, который и составляетъ прибыль предпріятія. Такимъ образомъ прибыль, даже если земля будетъ арендованная, составитъ 1.000 фунтовъ стерлинговъ, принимая цѣнность годового продукта каждаго рабочаго равной 10 фунтамъ. Беллерсъ, впрочемъ, считаетъ, что средняя годовая производительность каждаго рабочаго равняется 15 фунтовъ стерлинговъ.

Къ такому опредѣленію излишка продуктовъ, который соотвѣтствуетъ

уровню прибавочной стоимости въ 45 процентовъ (300 : 135), Беллерсъ, по его собственнымъ словамъ, пришелъ, благодаря «сравненію съ націею», ибо «я полагаю, что не больше двухъ третей, а быть можетъ даже половина націи выполняетъ полезную работу, и все-таки всѣ имѣютъ возможность существовать». Далѣе, колледжъ можетъ дать массу хозяйственныхъ выгодъ; получились бы сбереженья: не было бы расходовъ на магазины, на содержаніе посредниковъ и другихъ бесполезныхъ лицъ; не было бы расхода на наемъ адвокатовъ, на невыгодные долги и т. д. Расходы на жилища, топливо, изготовленіе пищи и покупку съѣстныхъ припасовъ уменьшились бы. Продукты съ небольшими изьянами не приходилось бы бросать, но можно было бы употреблять въ собственномъ хозяйствѣ. Многія женщины и дѣти были бы заняты производительнымъ трудомъ, и сверхъ того можно было бы избѣгнуть значительной потери времени при періодической безработицѣ. Далѣе выгодно также для колледжа соединеніе промышленности и земледѣлія. Поля, которыя пришлось бы на долю промышленнаго населенія, обрабатывались бы лучше, чѣмъ обыкновенно теперь обрабатываются поля ремесленниковъ, потому что колледжъ держалъ бы больше скота, а благодаря этому лучше удобрялъ бы землю и вообще имѣлъ бы возможность вести болѣе рациональное хозяйство. Очень удобно то, что во время уборки урожая къ сельскохозяйственнымъ работамъ могутъ быть привлечены не только полевые рабочіе, но также ремесленники и проч. и что вообще рабочія силы могутъ быть распределены сообразно необходимости.

Наряду съ устраненіемъ посредничества и излишнихъ расходовъ, которые вызываются отдѣленіемъ земледѣлія отъ мануфактуры (къ этой темѣ Беллерсъ возвращается еще и въ другомъ мѣстѣ) для колледжа представить также выгоду устраненіе спекуляціи. Колледжъ производитъ главнымъ образомъ для собственнаго потребленія; все, что не идетъ въ употребленіе, по мѣрѣ возможности должно поступать въ запасъ или расходоваться на расширеніе и усовершенствованіе предпріятія. Ежегодно долженъ производиться подсчетъ прибыли, и послѣдняя должна распределяться между акціонерами сообразно съ ихъ взносами. Акціонеры, по своему усмотрѣнію, могутъ либо получить свою долю прибыли, либо присоединить ее къ первоначальному взносу. Однако, заводить въ дѣляхъ спекуляціи торговлю паями — «stock jobbing» — воспрещается, такъ какъ спекуляція «портитъ всякое хорошее дѣло»; если кто-либо пожелаетъ продать свой пай, то другіе пайщики имѣютъ право выбрать по большинству голосовъ покупателя, который приобретаетъ права прежняго пайщика, причемъ мѣриломъ цѣнности пая служитъ послѣдняя опѣнка предпріятія. О прибыли, впрочемъ, можетъ быть рѣчь лишь въ томъ случаѣ, если рабочіе въ колледжѣ будутъ уже вполне хорошо обставлены; это должно дѣлаться въ противоположность тому, что дѣлается въ обыденной жизни, гдѣ «промышленники стараются отнять одинъ у другого все, что только можно», и вслѣдствіе этого «понижаютъ уровень потребностей рабочаго и не заботятся о томъ, что послѣдній мало получаетъ, а лишь о томъ, чтобы самимъ получить какъ можно больше».

Рабочіе въ колледжѣ должны соблюдать установленное рабочее время, пока они находятся въ цвѣтѣ силъ; по мѣрѣ приближенія старости, они постепенно начинаютъ работать все меньше, «а по достиженіи шестидесятилѣтняго возраста они могутъ быть назначены надсмотрщиками (если не были назначены

ими раньше за особые заслуги). Въ смыслъ легкости работы и пріятности жизни, должность надсмотрщика даетъ то же, что могутъ дать накопленные въ карманѣ частнаго лица богатства».

Правила работы должны быть составлены по образцу правилъ, существующихъ въ Лондонѣ для наилучше обставленныхъ «учениковъ» («prentices»).

Замѣчательны также слѣдующія установленія колледжа:

Руководители отдѣльныхъ отраслей производства и другія должностныя лица (надзиратели), подобно простымъ рабочимъ, не должны получать денежнаго вознагражденія, а только соответственное содержаніе натурой.

Жилыя помѣщенія колледжа состоятъ изъ четырехъ флигелей: одинъ предназначается для женатыхъ людей, другой для холостыхъ молодыхъ людей и мальчиковъ, третій для незамужнихъ женщинъ и дѣвочекъ, наконецъ четвертый для больныхъ и стариковъ. За трапезами, которыя должны быть общими, услуживаетъ молодежь (мальчики и дѣвочки поочередно).

Мастерскія также должны быть отдѣльныя. Молодые люди до 24 лѣтъ и дѣвушки до 21 года считаются въ колледжѣ «учениками»; достигнувъ этого возраста, они могутъ, по желанію, покинуть колледжъ или вступить въ бракъ.

Вначалѣ особенное вниманіе должно быть обращено на привлеченіе извѣстнаго числа дѣльныхъ работниковъ, которые могли бы подавать хорошія примѣры; остальной контингентъ могутъ составить ученики. Начинать слѣдуетъ съ молодежи; «старые люди,—говорится въ предисловіи,—подобны глиняной посудѣ: ихъ нелегко передѣлать; дѣти же больше похожи на свѣжую глину, только что взятую изъ ямы». Если, поэтому, бѣдные вначалѣ окажутся неуступчивыми, то богатые (давшіе деньги на колледжъ) не должны терять терпѣнія. «За семь, въ крайнемъ случаѣ за четырнадцать лѣтъ можетъ подростить молодежь, для которой такая жизнь покажется болѣе естественной».

Большое значеніе придается преподаванію, и не только предметамъ преподаванія, но и способамъ его. Въ немъ должны соединяться трудъ и обученіе, оно должно дѣйствовать больше нагляднымъ способомъ, чѣмъ словами, больше практическими упражненіями и опытомъ, нежели заучиваніемъ правилъ. Если дѣти будутъ читать для собственнаго поученія, то будетъ лучше, если они станутъ читать сообща. «Когда дѣти другъ другу читаютъ вслухъ и ведутъ между собою разговоры, это производитъ гораздо болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ чтеніе про себя, подобно тому, какъ мы дольше сохраняемъ въ памяти голосъ челоуѣка, чѣмъ лицо его» (стр. 15).

Состоятельные люди могутъ, за извѣстную плату, поступать въ колледжъ пансіонерами, но лишь подъ условіемъ добропорядочнаго поведенія. Колледжъ будетъ также принимать, за извѣстную плату, на воспитаніе и обученіе дѣтей состоятельныхъ родителей; для этихъ дѣтей соединеніе труда съ преподаваніемъ также окажется чрезвычайно полезнымъ. «Видя, что другіе работаютъ, они въ свободное время, вмѣсто того, чтобы играть, будутъ обучаться какому-нибудь ремеслу, потому что трудъ утомяетъ не больше, чѣмъ игра. Глядя на работу другихъ, дѣти также развлекаются, подражая имъ какъ и во время игры». Развитіе физической силы и ловкости также важно для богатыхъ, какъ и для бѣдныхъ, для ученыхъ, такъ же, какъ и для ремесленниковъ. «Обученіе, не свя-

занное съ физическимъ трудомъ, не многимъ лучше, чѣмъ обученіе бездѣлю... физическій трудъ установленъ Богомъ... трудъ также необходимъ для здоровья тѣла, какъ ѣда для правильнаго функціонированья послѣдняго; страданія, которыя человекъ старается избѣгнуть, уклоняясь отъ работы, ему впоследствии придется переживать благодаря дряхлости («for what pains a man saves by Ease, he will find in Disease»)... физическій трудъ даетъ свѣтильнику жизни новое масло, когда мысль зажигаетъ его», одна только мысль скоро истощила бы его... и трудъ долженъ быть цѣлесообразнымъ, а не только утомляющимъ тѣло. «Ребячески глупое занятіе оупяляетъ дѣтскій умъ»¹⁾.

Колледжъ, разумѣется, долженъ имѣть порядочную бібліотеку, садъ для разведенія лекарственныхъ растений, лабораторію для приготовленія лекарствъ и т. п.

Беллерсъ говоритъ, что при расчетѣ рабочихъ силъ колледжа, онъ выбралъ число 300 лишь для того, чтобы наглядно показать отношеніе между необходимымъ и прибавочнымъ трудомъ. Колледжъ можетъ быть гораздо больше; въ немъ можетъ быть до 3000 членовъ, особенно въ тѣхъ округахъ, гдѣ изготовляются продукты для вывоза; къ тому же колледжу нѣтъ надобности ограничиваться перечисленными ремеслами; въ него могли бы даже вступить и воспользоваться его преимуществами моряки, если бы они согласились предоставлять ему свои товары или выручку отъ продажи ихъ²⁾. Однимъ словомъ колледжъ долженъ былъ представлять собой міръ въ миниатюрѣ, — «an epitomy of the world».

«Какія бы превратности судьбы не постигли устроенный такимъ образомъ колледжъ, все же его можно будетъ уничтожить, только уничтоживъ всѣхъ членовъ его. Если бы его разграбили, то достаточно было бы двѣнадцати мѣсяцевъ, чтобы онъ снова былъ восстановленъ, подобно травѣ, которая, будучи скошена, на слѣдующій годъ снова вырастаетъ. Трудъ, также какъ и земля, даетъ продукты, и когда люди объединены, то они помогаютъ другъ другу, когда же каждый живетъ самъ по себѣ, то они, если и не грабятъ другъ друга явно, все-таки не приносятъ пользы».

Первое изданіе «Proposals» Беллерсъ посвятилъ своимъ единомышленникамъ, «друзьямъ свѣта, которыхъ въ насмѣшку называютъ квакерами». «Мысль о вашей чрезвычайной подвижности и энергичномъ участіи во всѣхъ дѣлахъ этой жизни, о вашей обширной благотворительности, выразившейся въ поддержкѣ вашихъ, а также и другихъ бѣдныхъ, мысль о вашей общепризнанной нравствен-

¹⁾ Послѣднія положенія тѣ самыя, которыя Марксъ цитируетъ въ „Капиталѣ“ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ, что „завоеваніе политической власти рабочимъ классомъ даетъ также въ школахъ для дѣтей рабочихъ мѣсто практическому и теоретическому техническому образованію“. (Капиталъ, т. I, стр. 515). По поводу этихъ-же положеній Марксъ замѣчаетъ, что Беллерсъ „уже въ концѣ XVII столѣтія съ полной ясностью понималъ необходимость упраздненія современнаго воспитанія и раздѣленія труда, которое создаетъ гипертрофію и атрофію на двухъ полюсахъ общества, хотя и въ противоположномъ направленіи“. По поводу фразы „ребячески глупое занятіе“ и т. д. Марксъ замѣчаетъ: „...пророческая вылазка противъ Базедова и его современныхъ подражателей“.

²⁾ „И далѣе слѣдовало бы устроить нѣсколько колледжей на берегу моря, чтобы они могли служить разсадниками наилучшихъ способовъ уснѣшной рыбной ловли“, — говорится во второмъ изданіи „Proposals“.

ности и о вашей религіозной искренности, извѣстной Господу Богу, заставила меня посвятить эти предложенія вамъ для серьезнаго обсужденія; ибо я считаю васъ въ то же время очень хорошо организованной корпораціей, у которой можетъ появиться желаніе осуществить такое предпріятіе и которая способна сдѣлать это. Я часто думалъ о нищетѣ бѣдныхъ нашей націи, при чемъ я смотрѣлъ на нихъ, какъ на сокровищницу послѣдней, ибо трудъ бѣдныхъ является золотымъ рудникомъ для богатыхъ, гораздо болѣе цѣннымъ, чѣмъ рудники, которыми обладаетъ Испанія; и при этомъ меня обуревали мысли, почему бѣдные являются такою обузою, почему они должны быть такими несчастными, и можно ли это измѣнить. Я держусь взгляда, что дать бѣднымъ возможность обезпечить свою жизнь честнымъ трудомъ гораздо благодарнѣе, чѣмъ поддерживать ихъ въ состояніи бездѣятельности, подобно тому, какъ было бы гораздо большимъ благодарнѣемъ вылѣчить сломанную ногу человѣка, чтобы онъ могъ самъ ходить, чѣмъ носить его на рукахъ».

За посвященіемъ слѣдуетъ введеніе, въ которомъ излагаются социальноекономическіе принципы Беллерса.

«Богатые, въ своихъ собственныхъ интересахъ,—такъ начинается вступленіе,—должны заботиться о бѣдныхъ и объ ихъ воспитаніи, ибо такимъ образомъ они будутъ заботиться о своихъ собственныхъ наслѣдникахъ». Это разсужденіе касается необезпеченности существованія отдѣльныхъ лицъ въ обществѣ. Подобно тому, какъ цѣльи государства иногда разрушаются революціей, такъ гибнутъ и отдѣльныя личности, ибо всѣ подвержены превратностямъ судьбы. Есть много бѣдныхъ, предки которыхъ были богатыми, и наоборотъ. Далѣе Беллерсъ рекомендуетъ изслѣдовать, какой процентъ жителей Лондона мѣстные уроженцы.

Но Беллерсъ знаетъ, что указаніемъ на заботу о потомствѣ онъ не достигнетъ особаго успѣха у богачей, поэтому онъ старается прельстить ихъ непосредственной выгодой, прибылью отъ «колледжа». Предпріятіе, приносящее прибыль, привлекаетъ больше капиталовъ, прочнѣе, и поэтому можетъ сдѣлать больше добра. Чѣмъ сокъ является для дерева, тѣмъ прибыль служить каждому предпріятію; она даетъ ему возможность развиваться и существовать.—Какъ видно, Беллерсъ вовсе не былъ мечтателемъ; онъ ясно понималъ духъ своей эпохи и въ этомъ отношеніи стоялъ впереди всѣхъ современныхъ ему мыслителей.

Соображенія о прибыли заставляютъ богатыхъ заботиться о бѣдныхъ ¹⁾. «Если бы у кого-нибудь было 100.000 акровъ земли, столько же фунтовъ стерлинговъ денегъ и столько же скота, но ни одного рабочаго, то этотъ богатый человѣкъ былъ бы не что иное, какъ рабочій ²⁾. Такимъ образомъ, богатыхъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше имѣется на-лицо рабочихъ, пока только будетъ достаточно земли для того, чтобы доставить имъ работу и необходимую для поддержанія жизни пищу». Поэтому богатые заинтересованы въ томъ, чтобы честные рабочіе вступали въ бракъ, какъ только достигнуть зрѣлаго возраста (стр. 2).

«Не странно ли видѣть,—воскликаетъ Беллерсъ,—какъ свѣтъ заботится о производствѣ хлѣба и скота, которые, вѣдь, предназначены только для нуждъ

¹⁾ Бѣдными онъ называетъ всѣхъ, кто добываетъ себѣ пропитаніе трудомъ или нищенствомъ.

²⁾ Ср. съ этимъ заявленіемъ слова Винстэнли во введеніи къ его Утопіи.

людей, и какъ мало онъ заботится о размноженіи самихъ людей или, вѣрнѣе, какъ онъ старается препятствовать этому размноженію». «Размноженіе бѣдныхъ, — писалъ Беллерсъ за сто лѣтъ до Мальтуса, — является не обузой, но выгодой, ибо, вмѣстѣ съ числомъ бѣдныхъ, увеличивается также и количество средствъ для ихъ поддержанія».

Меркантильная или коммерческая система, болѣе или менѣе талантливими представителями которой въ Англіи въ XVII столѣтіи были Томасъ Мэнъ, Джошуа Чайльдъ, Чарльзъ Давенанъ и другіе, какъ извѣстно, являлась кажущимся освобожденіемъ отъ предшествовавшаго ей культа благородныхъ металловъ, такъ называемой монетарной системы, практическимъ выраженіемъ которой было воспрещеніе вывоза золота и серебра, вѣрнѣе было бы сказать, что монетарная система была теоретическимъ выраженіемъ дѣйствительности, соотвѣтствовавшей тому состоянію общества, при которомъ еще преобладало феодальное хозяйство. При феодальномъ хозяйствѣ вся вѣшняя торговля, въ самомъ дѣлѣ, заключалась почти исключительно въ обмѣнѣ излишка мѣстныхъ продуктовъ на иностранные. По мѣрѣ разложенія феодальныхъ хозяйствъ и распространенія денежнаго хозяйства внутри самихъ націй, вѣшняя торговля утрачиваетъ черты первобытной мѣновой торговли и все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ купли и продажи. Поэтому запрещеніе вывозить деньги является для нея весьма чувствительнымъ стѣсненіемъ, и защитники ея борются противъ послѣдняго, ссылаясь на то, что важны не отдѣльные фазисы операціи, но конечный результатъ. Лучше всѣхъ устраивается тотъ, кто въ конечномъ результатѣ получаетъ прибыль. Въ примѣненіи къ цѣлой странѣ нужно, чтобы торговля ея съ другими націями въ концѣ концовъ дала благопріятный для нея балансъ (теорія торговаго баланса); тогда вывезенныя деньги вернутся съ процентами и даже съ процентами на проценты, подобно тому, какъ возвращается во время уборки высѣяннае зерно ¹⁾). Не трудно понять, что эта теорія, въ сущности, заключаетъ въ себѣ еще гораздо большій культъ денегъ, чѣмъ монетарная система, и въ сущности, она дѣйствительно основывается на болѣе широкомъ господствѣ денегъ. Эта теорія — суевѣріе, принявшее раціоналистическую окраску. Однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда она выступаетъ противъ монетарной системы или, точнѣе, противъ монетарной политики, она подчеркиваетъ важное значеніе производства — труда — для достиженія благопріятнаго торговаго баланса и провозглашаетъ таможенную систему, рассчитанную на расширеніе производства — на развитіе мануфактуры. Но этимъ подчеркиваніемъ производительнаго труда, какъ источника богатства, меркантильная система и въ самомъ дѣлѣ пролагаетъ путь идеѣ освобожденія отъ денегъ. Въ 1662 году Вильямъ Петти сводилъ цѣнность товаровъ къ заключающемуся въ нихъ труду, а Беллерсъ былъ первымъ социалистомъ, который далъ этой мысли практическое примѣненіе, т. е. старался теоретически обосновать свою вражду къ деньгамъ, которую онъ раздѣлялъ со всѣми коммунистами.

«Этотъ колледжъ-товарищество («colledge-fellowship»), — пишетъ онъ, — сдѣлаетъ мѣриломъ («standard»), съ помощью котораго будутъ оцѣниваться всѣ предметы потребленія («necessaries»), трудъ, а не деньги; и хотя деньги

¹⁾ Это сравненіе употребляетъ Томасъ Мэнъ въ своемъ сочиненіи „England's Treasure by foreign Trade“.

представляютъ нѣкоторое удобство въ обыденной жизни и, въ виду недостатка довѣрія между людьми, являются своего рода залогомъ, все же онѣ вызываютъ нѣкоторыя дурныя послѣдствія, и Спаситель нашъ назвалъ ихъ демономъ безчестности. Большинство мошенничествъ и обмановъ безъ помощи денегъ совершались бы только крайне медленно. Затѣмъ, когда люди въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ вполне зависятъ отъ денегъ, они, при недостаткѣ или обезцѣненіи послѣднихъ, разоряются, и бѣдные (рабочіе) остаются праздными, потому что у богатыхъ нѣтъ средствъ дать имъ работу, хотя на-лицо имѣются та же земля и тѣ же руки, которыя и прежде доставляли и средства къ жизни, и одежду. Но они именно составляютъ истинное богатство націи, а не деньги, которыми она обладаетъ, если мы не хотимъ такъ называть стеклянныя бусы и блески на томъ основаніи, что въ Гвиней мы можемъ получить за нихъ золото» (стр. 3). Деньги, по мнѣнію Беллерса, такъ же не нужны странѣ, гдѣ царятъ нормальные порядки, какъ не нуженъ здоровому тѣлу костыль.

«Въ настоящее время нерѣдко и земледѣлецъ, и ремесленникъ погибаютъ, не смотря на то, что первый получилъ хорошій урожай, а второй изготовилъ много товаровъ. Когда мѣриломъ являются деньги, а не трудъ, тогда земледѣльцу приходится постоянно платить одну и ту же ренту, хотя бы урожай его прежде имѣлъ вдвое большую цѣнность. Промышленнику (ремесленнику) живется не лучше, ибо содержать его не тотъ, кто нуждается въ его товарѣ, а тотъ, кто можетъ заплатить за него деньги, и нерѣдко ему приходится брать деньгами половину той цѣны, которую другой, не имѣющій денегъ, далъ бы ему въ видѣ труда» (стр. 12 и 13).

Въ заключеніе Беллерсъ разсматриваетъ цѣлый рядъ возраженій, которыя могли быть сдѣланы противъ его проекта. Мы уже привели нѣкоторыя изъ нихъ, и здѣсь приведемъ еще нѣсколько наиболее характерныхъ для міросозерцанія Беллерса.

На возраженіе о трудности предпріятія Беллерсъ отвѣчаетъ, что невозможное для отдѣльнаго лица вполне возможно при осовмѣстной дѣятельности многихъ. При этомъ онъ приводитъ примѣръ, цитированный Марксомъ въ «Капиталѣ» (т. I, стр. 258, изд. Поповой): «Въ то время, какъ одинъ человѣкъ не можетъ поднять тяжести вѣсомъ въ цѣлую тонну, а 10 человѣкъ должны напрягать для этого всѣ свои силы,— сто человѣкъ сдѣлаютъ это, дѣйствуя каждый лишь одинъ пальцемъ».

Нужды въ колледжѣ нечего опасаться, такъ какъ въ немъ не будетъ соблазна продавать запасы для накопленія денегъ. «Рѣдко бываютъ неурожайные годы, которымъ не предшествовали бы годы изобилія» (стр. 20).

На вопросъ, захотятъ ли примкнуть къ колледжу лучше оплачиваемые рабочіе въ виду того, что колледжъ даетъ имъ только одно содержаніе, Беллерсъ отвѣчаетъ:

Колледжъ даетъ гораздо больше, чѣмъ одно только содержаніе, ибо онъ снимаетъ со своихъ членовъ заботу о дѣтяхъ, о болѣзняхъ и т. д.¹⁾ Къ тому же, за работу, иривышающую среднюю норму, можно назначить особое вознагражденіе. Кромѣ того, не всѣ бѣдные такъ глупы, какъ пресловутая испан-

¹⁾ «Отъ бѣдности они перейдутъ къ богатству, ибо они будутъ пользоваться всѣмъ, что нужно человѣку и въ здоровомъ, и въ болѣзненномъ состояніи, и холостому

ская нищая, которая не хотѣла позволить своему сыну поступить на службу къ англичанину, потому что, благодаря этому, онъ потерялъ бы шансы сдѣлаться въ Испаніи королемъ. «Ибо, хотя нынѣ бѣдники и сколотили себѣ нѣкоторое состояніе, но гораздо больше ихъ обвиняло».

«Не будетъ ли тягостно для обитателей колледжа ихъ обособленное положеніе?»

Обособленность вовсе не должна быть абсолютной, и должна только оставаться въ предѣлахъ, обусловленныхъ надобностями хорошаго управленія колледжемъ. И «я думаю, что изобиліе во всемъ и удобства съ избыткомъ вознаграждаютъ за суровость нѣкоторыхъ правилъ колледжа».

Свое предложеніе относительно различія въ одеждѣ (см. стр. 294) Беллерсъ оправдываетъ замѣчаніемъ, что оно соотвѣтствуетъ только различіямъ уже существующимъ. Вѣроятно, Беллерсъ своимъ предложеніемъ хотѣлъ только сдѣлать уступку болѣе состоятельнымъ классамъ, которые желательно было привлечь къ дѣлу. Впрочемъ, предписаніе одинаковой одежды было бы во всякомъ случаѣ еще хуже.

Какъ ни старался Беллерсъ доказать рациональность своего предложенія, все же оно, повидимому, не встрѣтило ожидаемой или, по крайней мѣрѣ, достаточной поддержки со стороны «дѣтей свѣта». Быть можетъ просто не доставало средствъ, такъ какъ кассы квакеровъ несли въ это время очень большіе расходы¹⁾. Какъ бы то ни было, но уже въ слѣдующемъ 1696 году Беллерсъ выпустилъ второе изданіе Proposals, посвященное уже не квакерамъ, а обѣимъ палатамъ парламента и «тѣмъ, кто думаетъ и заботится объ общемъ благѣ». Парламенту предлагается рассмотретьъ заключающіяся въ этомъ сочиненіи предложенія и осуществить ихъ на пользу націи. Затѣмъ высказывается пожеланіе, чтобы сочиненіе это побудило парламентъ дать обществамъ, которыя организуются согласно его проекту, нѣкоторыя привилегіи; при этомъ Беллерсъ оговаривается, что онъ вовсе не хочетъ получить для нихъ монополіи; если другія лица пожелаютъ осуществить аналогичные, или нѣсколько измѣненные планы, то ихъ слѣдуетъ только поощрять. «Тѣмъ, кто думаетъ и т. д.», предлагается направлять взносы и подписку на предлагаемое учрежденіе двумъ гражданамъ Сити, названнымъ по имени; одинъ изъ нихъ былъ купецъ, другой адвокатъ. Вообще же второе изданіе мало отличается отъ перваго. Обратный капиталъ въ немъ назначенъ большій, чѣмъ въ первомъ: сверхъ 15000 фунтовъ стерлинговъ на землю, скоть и матеріалъ, 3000 фунтовъ предназначаются на по-

человѣку, и женатому съ дѣтми. Когда родители умрутъ, дѣти будутъ тщательно воспитаны, ихъ предохранять отъ нищеты и будутъ поощрять къ вступленію въ бракъ, между тѣмъ какъ теперь ихъ отъ этого удерживаютъ». Въ колледжѣ не надо будетъ бояться ни конкуренціи, ни справедливости, и всѣ эти выгоды будутъ оплачиваться «незначительнымъ количествомъ ежедневнаго труда».

¹⁾ Въ приложеніи къ одному сочиненію Беллерса, изданному въ 1697 году и обращающемся опять специально къ квакерамъ, имѣется подписанное 45 единомышленниками воззваніе къ «друзьямъ», приглашающее сдѣлать попытку учрежденія подобнаго «колледжа». Въ числѣ подписавшихся встрѣчаются имена Вильяма Пенна, Роберта Беркли, Томаса Эльвуда и Джона Годгскина. Это сочиненіе: «An Epistle to Friends concerning the education of Childrer»—представляющее собою увѣщаніе, направленное по адресу друзей и приглашающее ихъ воспитывать дѣтей въ духѣ Proposals, находится въ бібліотекѣ лондонскаго центральнаго учрежденія квакеровъ.

стройки. Размѣры паевъ также увеличены. Затѣмъ разсматривается новое возраженіе, что колледжъ будетъ развивать лѣнность и тунелдство, а въ заключеніе, въ отдѣльномъ воззваніи къ друзьямъ и читателямъ, ихъ просятъ сообщить о подходящихъ для колледжа участкахъ земли и т. под. Какихъ-нибудь принципиальныхъ измѣненій въ планѣ и мотивировки въ второмъ изданіи нѣтъ.

Заслуживаютъ вниманія во второмъ изданіи слѣдующія добавленія: «Я думаю, что праздня въ настоящее время руки націи въ состояніи изготовить множество пищевыхъ продуктовъ и мануфактурныхъ товаровъ, которые дали бы Англіи такое же богатство, какое даютъ Испаніи рудники, если бы эти предметы потребленія были посланы за границу, конечно, въ томъ случаѣ, если бы это сочли болѣе соотвѣтствующимъ интересамъ націи, вмѣсто того, чтобы дать возможность, при помощи этихъ продуктовъ, прокормиться большому количеству людей на родинѣ, что я считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ для поведенія цѣнности земли въ Англіи: ибо именно большее количество народонаселенія приводитъ къ тому, что земля въ Европѣ дороже, чѣмъ въ Америкѣ, и въ Голландіи (дороже), чѣмъ въ Ирландіи»... Онъ—т.-е. колледжъ—«скорѣе свѣтское (civil) сообщество, нежели религіозное».

Робертъ Оуэнъ разсказываетъ въ своей недоконченной автобіографіи, что около 1817 года извѣстный Френсисъ Плэсъ, разбирая свою бібліотеку и выбирая изъ нея неизмѣющую никакой цѣны старый книжный хламъ, натолкнулся на экземпляръ именно этого изданія и сейчасъ же принесъ его Оуэну со словами: «Я сдѣлалъ важное открытіе; я нашелъ трудъ, который полтораста лѣтъ назадъ защищалъ ваши социальныя теоріи». Оуэнъ выпросилъ себѣ памфлетъ и общалъ Плэсу, что онъ издастъ его въ тысячѣ экземпляровъ для раздачи публикѣ, и заявить, что заслуга первоначальной разработки идеи принадлежитъ автору памфлета, «хотя эта идея явилась у меня плодомъ привычки наблюдать и обдумывать факты и опредѣлять, насколько ими можно воспользоваться для обыденной жизни». (Life etc., стр. 240).

Оуэнъ сдержалъ слово, и такимъ образомъ Беллерсъ, котораго, впрочемъ, и Фр. Эдэнъ цитируетъ въ своемъ «State of the Poor», сдѣлался извѣстенъ въ широкихъ кругахъ того времени. Потомъ онъ снова былъ забытъ, и только Марксъ вновь указалъ его мѣсто въ исторіи политической экономіи и социализма, цитируя какъ «Proposals», такъ и другое важнѣйшее сочиненіе Беллерса «Essays».

в) „Опыты“ (Essays) и прочія сочиненія Беллерса.

Приходится предположить, что и широкая публика не выказала достаточно интереса къ предложеніямъ Беллерса, и что противъ нихъ были выставлены новыя возраженія и новыя сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ Беллерсъ, въ 1699 году опубликовалъ новое сочиненіе, въ которомъ трактуются, главнымъ образомъ, изложенные въ «Proposals» взгляды. Сочиненіе это носило заглавіе: «Опыты о бѣдныхъ, о мануфактурахъ, о торговлѣ и промышленности, о колоніяхъ и безнравственности и о божественности и совершенствѣ внутренняго просвѣщенія»¹⁾. «Опыты» эти во многихъ отношеніяхъ замѣчательны и могутъ выдержать сравненіе съ лучшими мѣстами «Proposals».

¹⁾ „Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations and Immorality and

Сочиненіе начинается посвященіемъ обѣимъ палатамъ парламента, и въ немъ указывается на возстаніе ткачей въ Лондонѣ, происходившее во время послѣдней парламентской сессіи. Если нуждающіеся рабочіе одной только отрасли промышленности осмѣялись временно противиться парламенту, то чего можно ожидать, если голодная толпа проникнетъ въ дома имущихъ? Пусть законодатели подумаютъ объ этомъ; денежными штрафами можно подѣйствовать на имущихъ, физическими страданіями на здоровыхъ — «но какими средствами хотите вы держать голодныхъ въ почтительномъ страхѣ?»

Затѣмъ слѣдуетъ краткое разсмотрѣніе трехъ вопросовъ, касающихся учрежденій, которыя доставляли бы занятія здоровымъ трудоспособнымъ рабочимъ. На вопросъ о томъ, кому должна принадлежать инициатива въ этомъ дѣлѣ, государству или частнымъ лицамъ, Беллерсъ высказывается въ пользу послѣднихъ. Государство, по его мнѣнію, невыгодный предприниматель и плохой администраторъ. Государство должно заботиться только о лицахъ, совершенно потерявшихъ работоспособность. На вопросъ, не лучше ли было бы давать бѣднымъ занятіе въ отдѣльныхъ, опредѣленныхъ отрасляхъ труда, и не лучше ли давать имъ работу въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, Беллерсъ отвѣчаетъ уже извѣстными намъ аргументами въ пользу общаго хозяйства и въ пользу комбинаціи различныхъ отраслей труда и производства.

Затѣмъ Беллерсъ разсматриваетъ вопросъ: «Какимъ образомъ можно лучше всего удовлетворить потребности бѣдныхъ, увеличить силу націи и поднять національное богатство». Бѣдные страдаютъ отъ четырехъ золъ: отъ дурного воспитанія въ дѣтствѣ, отъ недостатка регулярной работы, отъ отсутствія постоянного сбыта для продуктовъ ихъ труда и отъ недостатка питанія, несоотвѣтствующаго трудности выполняемой ими работы. Все это могутъ устранить колледжи или колоніи, предложенныя Беллерсомъ. Въ то же время они повысили бы «значительно» цѣнность земли высшаго дворянства и джентри, населили бы пустынные теперь округа и противодействовали бы скученности населенія, напрямѣръ, отвлекали бы излишекъ населенія изъ Лондона, который безусловно «перенаселенъ», такъ какъ число его жителей составляетъ 10 процентовъ всего населенія страны. «Нація можетъ содержать лишь извѣстное число дѣльцовъ и богачей, пропорціональное числу рабочихъ, которые трудятся для нихъ».

Первый «Опытъ» доказываетъ, что 500 трудящихся регулярно рабочихъ ежегодно могутъ создавать продуктовъ на 300 фунтовъ стерлинговъ больше, чѣмъ можетъ стоить ихъ содержаніе». Разсчитать, доказывающій это положеніе, начинается замѣчаніемъ, что человѣчество давно погибло бы, если бы производительный трудъ искони не создавалъ больше, чѣмъ стоитъ содержаніе рабочихъ. «Не больше двухъ третей населенія или семей Англіи производятъ все необходимое, для удовлетворенія своихъ потребностей и потребностей остальной части населенія, и если бы послѣдняя треть, т.-е. не-

of the Excellency and Divinity of Inward Light". На наружной сторонѣ заглавнаго листа напечатаны 1—3 стихи 41 псалма, на внутренней же сторонѣ отрывки изъ тронной рѣчи Вильяма III, изъ сочиненія верховнаго судьи Галя и изъ сочиненія Джошуа Чайльда — „могущественнѣйшаго короля, почтеннѣйшаго судьи и богатѣйшаго купца, какихъ когда-либо видѣла Англія“. Во всѣхъ этихъ отрывкахъ говорится о необходимости серьезно позаботиться о бѣдныхъ.

рабочіе, потребляла не больше двухъ остальныхъ третей, то половины трудящагося населенія или семей было бы достаточно для того, чтобы снабдить націю всѣмъ необходимымъ». Беллерсъ говоритъ, что противъ его бюджета можно возразить, что согласно ему, каждый рабочій въ среднемъ долженъ зарабатывать около 16 пенсовъ, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности многіе, даже при самой усиленной работѣ, едва могутъ заработать 6 или 8 пенсовъ. Это совершенно вѣрно, но дѣло въ томъ, что остальные 8 или 10 пенсовъ изъ 16 просто попадаютъ въ карманъ землевладѣльца или торговца. «Ибо за него (продуктъ) покупатель обыкновенно платитъ вдвое дороже, чѣмъ получаетъ изготовившій его рабочій». Большое различіе между платою, которую получаетъ производитель, и цѣною товаровъ также вытекаетъ изъ дурной общественной организаціи производства. «Величайшимъ несчастіемъ нашихъ рабочихъ является то, что они изготовляютъ товары, когда послѣдніе никому не нужны», слѣдовательно, при хорошей организаціи труда, можно было бы даже еще увеличить вознагражденіе или сократить рабочее время, и все-таки колонія приносила бы прибыль.

Второй «Опытъ» имѣетъ цѣлью доказать, «что 500.000 бѣдныхъ въ состояніи создать для націи на 43.000.000 фунтовъ стерлинговъ цѣнностей». Доказательство основывается на вычисленіи прибавочнаго труда, который могутъ дать бѣдные, и который Беллерсъ капитализируетъ изъ 5 процентовъ, а также на указаніи на то, что ихъ трудъ вызоветъ повышеніе цѣнности земли, вѣ имѣвшей въ то время почти никакой цѣны. Однако интересаѣ этихъ устарѣлыхъ вычисленій тѣ положенія, которыя Беллерсъ выставляетъ въ защиту своего постоянно повторяемаго тезиса, что «увеличеніе регулярно работающаго населенія является величайшимъ богатствомъ, честью и силой государства!»

«Земля, скотъ, дома, всякое имущество и деньги представляютъ собою только остовъ богатства, безъ населенія они мертвы. Человѣкъ является ихъ душою и жизнью».

«Удвойте наше трудящееся населеніе, и мы будемъ въ состояніи содержать вдвое больше джентльменовъ и дворянъ, чѣмъ въ настоящее время, или ихъ имущество будетъ имѣть вдвое большую цѣну. Но если бы было возможно такъ страшно умножить наши дома и богатства (безъ одновременнаго увеличенія народонаселенія), чтобы бѣднѣйшій человѣкъ сдѣлался миллионеромъ, то изъ числа этихъ богачей должны были бы сдѣлаться водоносами, дровосѣками, пахарями и молотильщиками столько же людей, сколько теперь у насъ есть такихъ рабочихъ; иначе на насъ тяготѣло бы проклятіе Мидаса; мы умирали бы отъ голода въ то время, когда руки наши были бы полны золота».

«Намъ скажутъ, что иностранцы за деньги будутъ ввозить къ намъ свои произведенія, но вѣдь это сдѣлаютъ ихъ трудящіеся классы». А такъ какъ они подчинены чужому государю, то, пожалуй, въ одинъ прекрасный день сами захотятъ воспользоваться своей долей, и предпочтутъ явиться въ Англію для того, чтобы грабить, вмѣсто того, чтобы кормить англичанъ. Невозможно, чтобы число богатыхъ увеличилось, если вмѣстѣ съ тѣмъ не увеличится число бѣдныхъ рабочихъ. Гдѣ нѣтъ слугъ, тамъ нѣтъ и господъ» (стр. 8).

Переходя къ вопросу объ организаціи труда, Беллерсъ указываетъ на «увеличеніе числа нуждающихся бѣдныхъ, благодаря измѣнчивости моды». Эта тема ему, какъ квакеру, была особенно близка. Зимю, говоритъ Беллерсъ, многіе

промышленные рабочіе остаются безъ занятій, потому что торговцы и предприниматели ткачи не хотятъ тратить деньги прежде, чѣмъ узнаютъ, какова будетъ мода. Весною же вдругъ оказывается, что рабочихъ недостаточно, и тогда массами набираются ученики и подручные, земледѣліе лишается рабочихъ рукъ, и въ городъ привозятся будущіе нищіе.

Мы не будемъ здѣсь касаться довольно интереснаго разсужденія на тему, что «дорогой хлѣбъ вызываетъ дороговизну всѣхъ продуктовъ и разоряетъ торговлю», въ которой предвосхищается почти все евангеліе фритредеровъ, и обратимся прямо къ беллерсовой критикѣ торговли вообще и внѣшней торговли въ частности.

Въ «Опытѣ о торговцахъ» онъ пишетъ: Кушцы и торговцы¹⁾ являются для націи тѣмъ же, чѣмъ являются для большихъ семей управляющіе, ключники и смотрители погребовъ. Такимъ образомъ они такъ же полезны, какъ хорошо организованное правительство. «Но такъ какъ торговцы приносятъ пользу только въ качествѣ органовъ распредѣленія, то богатство націи увеличивается, слѣдовательно, исключительно благодаря труду бѣдныхъ. и хотя въ націи не можетъ быть слишкомъ много рабочихъ, пока имѣется достаточно сырья, требующаго обработки, все же въ странѣ можетъ быть слишкомъ много торговцевъ въ сравненіи съ числомъ рабочихъ» (стр. 10). Торговцы могутъ обогатиться въ то время, когда нація, благодаря расточительности, обѣднѣетъ. Приведенный, какъ доказательство, примѣръ относительно потребленія вина, служитъ переходомъ къ «Опыту о внѣшней торговлѣ». Эта торговля, говоритъ Беллерсъ, также полезна, потому что ввозитъ въ страну, между прочимъ, произведенія искусства и такіе предметы потребленія, которые въ самой странѣ не производятся. Но «развуданная эпоха», при этомъ, въ одеждѣ и развлеченіяхъ можетъ впасть въ эксцессы, между тѣмъ какъ, въ сущности, «ничто не обогащаетъ націи, кромѣ того, что увеличиваетъ населеніе... Можетъ возникнуть вопросъ, какая часть шелковыхъ тканей и винъ, получаемыхъ нами изъ Турціи, Франціи, Италіи и Испаніи, является эквивалентомъ за болѣе прочныя и полезныя сукна и пищевые продукты, которые мы ежегодно отдаемъ за нихъ, и имѣютъ ли они такую же потребительную цѣнность, какъ и послѣдніе. Предположимъ, что ежегодно мы посылаемъ въ эти четыре страны на 400.000 фунтовъ стерлинговъ англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ; пусть ввозъ оттуда даетъ торговцамъ и посредникамъ на 30 процентовъ больше; такимъ образомъ цѣнность ввоза будетъ равняться 520.000 фунтовъ стерлинговъ, которые приходятся на долю Англій. При этомъ возникаетъ вопросъ, не составляютъ ли первыя 400.000 фунтовъ стерлинговъ, въ сущности, расхода для націи, а не тѣ 120.000 фунтовъ, которые получаютъ торговцы и о которыхъ можно предположить, что они увеличиваютъ капиталъ націи. Затѣмъ имѣется еще и другой вопросъ: какаѣ часть ввезенныхъ продуктовъ употребляется разумно, и какаѣ служатъ роскоши и излишества?».

«Когда мы посылаемъ на 100.000 фунтовъ стерлинговъ мануфактурныхъ товаровъ въ Германію и Голландію, то получаемъ, обыкновенно, въ обмѣнъ на нихъ полезные продукты. Во всякомъ случаѣ возможно, что если бы дали

¹⁾ Мелкіе и крупныя.

занятіе нашимъ безработнымъ бѣднякамъ, то они изготовили бы большую часть нужныхъ намъ иностранныхъ товаровъ.

«Но тогда наши фабриканты суконъ, которые вывозятъ свои продукты въ эти страны, будутъ недовольны новыми мануфактурами». Беллерсъ приводитъ въ примѣръ ланкаширскихъ гражданъ, которые подали въ парламентъ петицію о свободномъ ввозѣ фламандскихъ кружевъ въ Англію, для того, чтобы сами они имѣли возможность сбывать свои сукна во Фландрію. «Такимъ образомъ,— пишетъ Беллерсъ, разрѣшая въ сущности вѣчный споръ о свободной торговлѣ и нокровительственныхъ пошлинахъ,—мы и теперь, и впредь, пока развитіе нашихъ мануфактуръ не будетъ соответствовать развитію нашего сельскаго хозяйства, будемъ уподобляться людямъ съ вывихнутыми членами, которые постоянно стонуть, на какую бы сторону мы ихъ ни положили. По этой причинѣ различныя законы, созданныя для оживленія торговли, вызвали только внутреннюю войну между ремесленниками, ибо выгоды одного ремесла служатъ къ разоренію другихъ» (стр. 101). «Опытъ» заключается «щекотливымъ вопросомъ» («query»): «не способствуемъ ли мы обезлюденію нашей страны, заставляя своихъ соотечественниковъ терпѣть пужду въ продуктахъ, вывозимыхъ нами за границу въ обмѣнъ на произведенія, питающія роскошь и надменность другихъ» («ввозные товары, цѣнностью въ 120.000 фунтовъ стерлинговъ для одного только потребленія—добавляетъ Беллерсъ въ поясненіе—получаемые въ обмѣнъ на вывозные продукты цѣнностью въ 100.000, въ конечномъ счетѣ нисколько не обогащаютъ націи»).

Затѣмъ слѣдуетъ «Опытъ о деньгахъ». Беллерсъ развиваетъ въ немъ мысль, изложенную уже въ предисловіи къ «Proposals». «Деньги, — говорится тамъ, — наименѣе полезный изъ всѣхъ предметовъ, составляющихъ богатство. Земля и скоть даютъ своему владѣльцу продукты, зданія и мануфактурныя произведенія приносятъ пользу, пока ими владѣешь; деньги же сами по себѣ не увеличиваются въ количествѣ, и приносятъ пользу только въ тотъ моментъ, когда выпускаешь ихъ изъ рукъ»... «Всѣ деньги, которыя составляютъ излишекъ надъ тѣмъ количествомъ ихъ, которое необходимо для внутренняго обмѣна въ королевствѣ или въ націи, являются мертвымъ капиталомъ... Деньги имѣютъ два свойства: они представляютъ собой залогъ за то, за что ихъ даютъ, и въ то же время мѣру и вѣсъ, съ помощью которыхъ мы измѣряемъ и оцѣниваемъ всѣ вещи, ибо они прочны и удобопереносимы. И все же, съ тѣхъ поръ, какъ въ Англіи имѣлась только двадцатая часть тѣхъ денегъ, какія имѣются теперь, цѣнность ихъ, въ сравненіи со всѣми остальными предметами, измѣнилась гораздо больше, чѣмъ относительная цѣнность этихъ предметовъ между собою... Ибо триста лѣтъ тому назадъ овцу и корову можно было купить за такое же число рабочихъ дней, какъ и теперь, и для перепазиванія даннаго участка земли тогда надо было столько же труда, какъ и въ настоящее время».

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это было написано въ то время, когда производительность труда въ промышленности и земледѣліи, въ общемъ, измѣнялась крайне медленно. Впрочемъ, даже въ томъ случаѣ, когда Беллерсъ исходилъ изъ ошибочныхъ фактическихъ предпосылокъ, мысль, которую онъ стремится доказать, все-таки вѣрна.

Къ этому «Опыту» Беллерсъ прибавилъ еще «Слово къ богачамъ», въ которомъ онъ, отвѣчая на вѣчныя жалобы послѣднихъ, высчитываетъ, что въ

среднемъ. на каждого человѣка въ Англіи приходится по 40 фунтовъ стерлинговъ капитала. Всякій имѣющій больше долженъ бы молчать; и чѣмъ больше имѣть какое-нибудь лицо, тѣмъ болѣе ему слѣдовало бы смотрѣть на себя, какъ на распорядителя имуществомъ бѣдныхъ, и тѣмъ болѣе слѣдовало бы помнить о своей отвѣтственности за это имущество.

Въ «Опытѣ объ искорененіи безнравственности» говорится, что всѣ экономическія усовершенствованія не имѣютъ никакой цѣнности, если они не связаны съ нравственнымъ подъемомъ. Въ этомъ случаѣ, однако, Беллерсъ обращается не къ низшимъ классамъ, а къ высшимъ, требуя, чтобы они показывали примѣръ. Если бы, напр., говорить Беллерсъ, безнравственное поведеніе вело къ лишенію права занимать общественныя должности, или, если бы за бранныя выраженія люди лишались этого права хотя бы на одинъ годъ (квартеры, за принципиальный отказъ отъ присяги, навсегда лишены этого права), то, можетъ быть, мы слышали бы меньше брани и рѣже встрѣчали бы безнравственность. Но «дѣти зла» — парламентъ, ни на что подобное не согласится.

Замѣчательно хорошъ «Опытъ» по поводу смертной казни, носящій заглавіе: «Нѣкоторые доводы противъ казни преступниковъ» и предвосхищающій лучшіе труды Беккариа и другихъ на эту тему. Беллерсъ называетъ преждевременную смерть преступниковъ, декретируемую государствомъ, «кровавымъ пятномъ на религіи» и сравниваетъ отношеніе между преступникомъ и обществомъ, съ отношеніемъ между дурнымъ человѣкомъ и его семьей. «Если у кого нибудь есть сынъ или близкій родственникъ, увлекшійся до совершенія преступленія, наказуемаго смертью, то онъ, несмотря на все свое отвращеніе къ преступленію, приложитъ всѣ свои усилія для того, чтобы сохранить преступнику жизнь, въ надеждѣ, что онъ со временемъ исправится, особенно, если онъ имѣетъ возможность изолировать преступника и лишить его, такимъ образомъ, средствъ совершать въ будущемъ подобныя ужасы. А каждое отдѣльное лицо по отношенію къ обществу представляетъ собой именно такого сына или родственника». Далѣе, не слѣдуетъ забывать, что отвѣтственность человѣка ограничена. «Воспитаніе въ бездѣльи и грубой распущенности приводитъ однихъ къ нуждѣ и лишеніямъ, а другимъ прививаетъ привычки съ которыми борются они почти безсилны».

Беллерсъ высчитываетъ также, какія матеріальныя потери для общества влечетъ за собою умерщвленіе преступника, который могъ бы выполнять полезныя работы въ исправительномъ заведеніи, но онъ добавляетъ, что это соображеніе не имѣетъ рѣшающаго значенія. Беллерсъ ссылается на одно изъ прошеній молитвы Господней: «Но остави намъ долги наши», и рѣзко возстаетъ противъ обычнаго въ то время, но совершенно не соответствующаго важности дѣла, наказанія мелкихъ кражъ висѣлицей и тяжелымъ тюремнымъ заключеніемъ. Наконецъ, онъ требуетъ упраздненія отвратительныхъ условій тюремной жизни и устраненія спекуляторовъ-надзирателей, эксплуатирующихъ заключенныхъ.

Книга кончается «Опытомъ» «О внутреннемъ просвѣтленіи». Все содержаніе этой книги показываетъ, что Беллерсъ былъ однимъ изъ самыхъ свободомыслящихъ людей своего времени. хотя и не чуждымъ нѣкоторыхъ заблужденій своихъ современниковъ, но зато далеко превосходящимъ даже наиболѣе просвѣщенныхъ изъ нихъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ.

То же можно сказать и о слѣдующемъ сочиненіи Беллерса, самое заглавіе

котораго характеризуетъ его содержаніе. Поэтому ми приводимъ здѣсь это заглавіе полностью: «Нѣсколько доводовъ, предлагаемыхъ европейскимъ державамъ въ пользу учрежденія европейскаго государства, посредствомъ установленія всеобщей круговой поруки и ежегоднаго конгресса, сената, законодательнаго собранія или парламента, долженствующаго улаживать всѣ могущіе возникнуть въ будущемъ споры о территорияхъ и о правахъ государей и государствъ, съ приложеніемъ соотвѣтствующаго проекта, составленнаго королемъ Генрихомъ IV, французскимъ». И затѣмъ: «Проектъ генеральнаго совѣта или общаго собранія представителей различныхъ религіозныхъ теченій въ христіанствѣ (не для споровъ о разногласіяхъ, но) для установленія общихъ принциповъ, на которыхъ эти теченія сходятся. Такимъ образомъ можно будетъ доказать, что они, несмотря на разногласія относительно пути къ достиженію небеснаго блаженства, могутъ быть добрыми гражданами и сосѣдями, способными предотвратить внутренніе беспорядки и междоусобныя войны, если только будутъ уничтожены войны вѣшнія». Лондонъ, 1710 годъ ¹⁾).

Какъ въ другихъ своихъ проектахъ, такъ и здѣсь, Беллерсъ идетъ гораздо дальше своихъ предшественниковъ и въ то же время старается считаться съ существующими условіями реальной жизни. Pamфлетъ его представляетъ собой вовсе не абстрактное построеніе, онъ тѣсно связанъ съ событіями и условіями того времени, и Беллерсъ опирается именно на нихъ, для того, чтобы доказать цѣлесообразность своего проекта. Начавшаяся въ 1701 году война за испанское наслѣдство стоила массы денегъ и крови, а между тѣмъ ей не предвидѣлось конца, и Беллерсъ иллюстрируетъ ея необходимость союза государствъ. Въ посвященіи королевѣ Аннѣ онъ указываетъ на принесенныя жертвы и на союзъ, заключенный (между Англіей, Голландіей и Австро-Германіей) для обезпеченія прочнаго мира по окончаніи войны, а также на то, что этотъ союзъ даетъ очень мало гарантій, и что вѣрность ему отдѣльныхъ государствъ зависитъ отъ массы случайностей, ибо каждому изъ союзниковъ приходится считаться съ разными другими условіями. Въ обращеніи къ державамъ онъ далѣе высчитываетъ потери въ людяхъ, деньгахъ и экономическомъ благосостояніи, понесенныя европейскими народами, благодаря однимъ только войнамъ послѣ 1688 года. Методъ вычисленія и въ данномъ случаѣ чрезвычайно оригиналенъ для того времени. Наконецъ онъ приступаетъ къ изложенію своего проекта. Европа должна быть раздѣлена на извѣстное число, примѣрно на 100, одинаковыхъ по пространству областей (кантоновъ или провинцій), и всякое государство должно посылать по одному представителю отъ кантона въ парламентъ, иными словами, каждое государство должно быть представлено пропорціонально своей величинѣ и количеству населенія. Этотъ парламентъ, обсужденію котораго подлежатъ только вѣшнія взаимоотношенія государствъ, и который не въ правѣ вмѣшиваться во внутреннія дѣла ихъ, устанавливаетъ, сколько вооруженныхъ войскъ или кораблей и денегъ каждое государство должно выставить отъ кантона въ томъ случаѣ, если бы оказалось необходимымъ предпринять что-либо противъ нарушителей мира. Сообразно съ обязательствами, которыя возьмутъ на себя въ этомъ отношеніи государства, общій парламентъ опредѣляетъ число голосовъ для каждого

¹⁾ Англійское заглавіе этой книги начинается такъ: „Some Reasons for an European State proposed to the Powers of Europe“.

изъ нихъ. Слѣдовательно, на ряду съ пространствомъ, принимается также во вниманіе и степень дѣеспособности отдѣльныхъ государствъ. Затѣмъ парламентъ устанавливаетъ численность постоянной арміи и величину отрядовъ, которые въ мирное время должны постоянно держать подъ оружіемъ отдѣльные кантоны.

Этотъ проектъ не имѣетъ никакого прямого отношенія къ социализму; онъ въ достаточной мѣрѣ буржуазенъ, но онъ соотвѣтствуетъ уже очень высокой степени буржуазнаго развитія, когда міровая торговля, носившая отпечатокъ авантюризма, уступила мѣсто правильнымъ торговымъ сношеніямъ. Онъ является, такъ сказать, предвѣстникомъ современной свободы торговли, а это для 1710 года было весьма и весьма недурно. Но и въ другихъ пунктахъ этого памфлета Беллерсъ оказался также впереди своего времени. Какъ явствуетъ изъ заглавія проекта, къ нему приложенъ подобный же проектъ Генриха IV французскаго. Въ примѣчаніи къ послѣднему проекту онъ говоритъ, что Генрихъ исключилъ изъ своего плана Россію («the muscowites») и Турцію; но это было сдѣлано, по мнѣнію Беллерса, лишь для того, чтобы доставить удовольствіе римскому престолу. Вѣдь «московиты—христіане, а магометане—люди. Они имѣютъ такія же способности и такъ же одарены разумомъ, какъ и другіе люди, поэтому имъ нужно только дать возможность проявить свой умъ, и они не отстанутъ отъ другихъ. Разбивать имъ головы, чтобы снабдить ихъ умомъ, было бы очень ошибочнымъ приемомъ, который, къ тому же, оставилъ бы большую часть Европы по-прежнему на военномъ положеніи. Напротивъ, чѣмъ больше удастся расширить этотъ государственный (civil) союзъ, тѣмъ больше будетъ на землѣ мира и во человѣцехъ благоволенія» (стр. 20).

Для того, чтобы выразить такой взглядъ въ 1710 году, нужна была не только высокая степень духовной свободы, но также не мало и мужества. Другой проектъ, заключавшійся въ этой брошюрѣ: религіозный парламентъ, долженствующій не спорить о вопросахъ, раздѣляющихъ религіозныя теченія, но обсудить пункты, общіе послѣднимъ (а этими пунктами могли быть только извѣстныя этическія положенія), хотя и не имѣлъ шансовъ на успѣхъ, но все же представлялъ собою замѣчательное для того времени явленіе: онъ провозвѣщалъ новое интернаціональное объединеніе и былъ достойнѣйшимъ отвѣтомъ на травлю всѣхъ не принадлежащихъ къ государственной церкви людей, начатую лѣтомъ 1709 года и помогшую въ 1710 году коалиціи торіевъ захватить власть въ свои руки.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго правительства было въ 1711 году ухудшеніе системы избирательнаго права, путемъ установленія опредѣленнаго имущественнаго ценза. Противъ этой именно мѣры или, во всякомъ случаѣ, по поводу ея, Беллерсъ въ 1712 году выпустилъ памфлетъ въ пользу реформы избирательнаго права, носившій заглавіе: «An Essay towards the Ease of Elections of members of Parliament». — «Разсужденіе объ облегченіи выборовъ членовъ парламента». Къ сожалѣнію, въ Британскомъ музеѣ не оказалось ни одного экземпляра этого сочиненія, такъ что невозможно установить, какой характеръ носить проектъ Беллерса ¹⁾.

¹⁾ Впослѣдствіи, мнѣ, благодаря любезности господина Исаака Шарпа, секретаря лондонскаго центральнаго учрежденія квакеровъ, удалось ознакомиться съ экземпляромъ этого проекта, принадлежащимъ учрежденію. Проектъ касается, главнымъ образомъ,

Въ 1714 году Беллерсъ опубликовалъ довольно объемистый трактатъ, предвосхищающій идею, которую такъ же широко стали понимать лишь въ послѣднее время: націонализацию общественной гигиены. Въ этомъ именно и заключается сущность сочиненія: «Сочиненіе объ усовершенствованіи медицины, изложенное въ двѣнадцати пунктахъ. Благодаря чему каждый годъ можетъ быть спасена жизнь многихъ тысячъ богатыхъ и бѣдныхъ. Съ проектомъ занятія для трудоспособныхъ бѣдныхъ, благодаря чему можно было бы значительно увеличить богатство этого королевства. Почтительнѣйше посвящается великобританскому парламенту»¹⁾).

Самымъ важнымъ въ этомъ сочиненіи является предложеніе планомерно соединить изученіе медицины и медицинскую практику съ больничнымъ дѣломъ, которое повсюду и систематически должно организовываться общественными корпораціями, сельскими общинами, графствами, государствомъ и отъ нихъ же получать содержаніе. Беллерсъ распространяется между прочимъ и объ устройствѣ больницъ, предлагаетъ строить отдѣльно флигеля или госпитали для опредѣленныхъ болѣзней и, въ концѣ концовъ, касается даже различныхъ методовъ леченія. (Мы уже видѣли во введеніи къ нашей статьѣ, что онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ врачей своего времени). Впрочемъ, разсужденія его по поводу послѣднихъ, конечно, устарѣли. Очень мило введеніе Беллерса, въ которомъ онъ, стараясь склонить парламентъ въ пользу своего плана, высчитываетъ, сколько теряетъ страна, благодаря преждевременной смерти каждаго бѣдняка въ отдѣльности. Въ среднемъ, по его расчету, выходило 200 фунтовъ стерлинговъ. «Аристократія же нашей и дворянству, — добавляетъ Беллерсъ съ юморомъ, — я предоставляю оцѣнить себя самимъ, но если правъ старый поджигатель, говорившій: «шкура за шкуру, и каждый отдастъ все свое имущество за свою жизнь», то я увѣренъ, что они составятъ весьма большой счетъ».

Въ приложеніи вкратцѣ повторяется проектъ «колледжа», идею котораго Беллерсъ неустанно проповѣдывалъ до послѣдняго своего издыханія.

Еще въ 1723 году онъ выпустилъ въ свѣтъ новый «Проектъ, дать бѣднымъ прибыльное занятіе»²⁾ съ эпиграфомъ: «Если бы не было рабочихъ, то не было бы также и лордовъ, и если бы рабочіе не производили больше състныхъ продуктовъ и мануфактурныхъ товаровъ, чѣмъ имъ нужно для собственнаго потребленія, то каждому джентльмену пришлось бы быть рабочимъ, а всѣ бездѣльники умерли бы съ голоду». Аргументы здѣсь, въ сущности, тѣ же са-

подкуповъ и злоупотребленій присягой во время выборовъ, и т. д. За подкупъ „искусители“, т. е. подкупающіе, должны нести внятеро большее наказаніе, чѣмъ подкупленные. Присягу Беллерсъ предлагаетъ замѣнить показаніями, подтвержденными поручителями. Беллерсъ очень благообразно рекомендуетъ не забывать, что весьма большое количество людей больше заботится о земныхъ благахъ, чѣмъ о небесныхъ, и что поэтому совсѣмъ не слѣдуетъ ставить ихъ въ такое положеніе, при которомъ они сегодня вынуждены присягать комиссару по выборамъ въ томъ, что имѣютъ 40 шиллинговъ дохода отъ свободной земли (таковъ былъ избирательный цензъ), а черезъ нѣкоторое время опять-таки присягать оцѣнщику государственныхъ налоговъ, что у нихъ нѣтъ 40 шиллинговъ дохода. Въ другомъ мѣстѣ этого сочиненія Беллерсъ встаетъ противъ успленной торговли спиртными напитками въ мѣстахъ производства выборовъ.

¹⁾ An Essay about the Improvement of Physik, in 12 Proposals, Лондонъ 1714 г.

²⁾ „An Essay for Employing the Poor to Profit“.

мые, что и въ прежнихъ сочиненіяхъ, только во многихъ случаяхъ, напр., когда рѣчь идетъ о деньгахъ и ви́шней торговлѣ, они изложены точнѣе и опредѣленнѣе. Беллерсъ все снова и снова указываетъ на случайности судьбы и апеллируетъ къ могущественнымъ «адвокатамъ»,—«долгу и надеждѣ на прибыль», чтобы побудить богачей активно позаботиться о бѣдныхъ. Замѣчательнѣе всего въ этомъ сочиненіи отношеніе Беллерса къ все болѣе усилившейся въ то время борьбѣ рабочихъ и ремесленниковъ противъ техническихъ улучшеній и усовершенствованныхъ орудій и инструментовъ мануфактуры. Беллерсъ, смотрѣвшій на послѣднюю настолько неприпужденно, что считалъ одностороннее развитіе ея, несоотвѣтствующее развитію сельскаго хозяйства, крайне ошибочнымъ, рѣшительно возстаеъ противъ всѣхъ законовъ, ограничивающихъ машинное производство. Благожелательное отношеніе къ рабочимъ ни на минуту не дѣлало его слѣпымъ. «Издавать законы противъ уменьшенія труда (т.-е. противъ машинъ и пріемовъ, уменьшающихъ количество необходимаго труда),—говоритъ Беллерсъ,—такъ же неразумно, какъ и привязывать каждому рабочему одну руку къ спинѣ, чтобы для каждой работы нуженъ былъ не одинъ, а двое рабочихъ». Въ этомъ отношеніи Беллерсъ также держался безусловно современныхъ взглядовъ.

Въ сочиненіи заключается просьба объ учрежденіи парламентской комиссіи для обсужденія этого и аналогичныхъ проектовъ.

Весной 1724 года Беллерсъ опубликовалъ посланіе «Друзьямъ, собирающимся на годичныя, четверть-годичныя и ежемѣсячныя совѣщанія», т.-е. квакерскимъ организаціямъ. Въ этомъ посланіи онъ настоятельно рекомендуетъ имъ позаботиться о лицахъ, находящихся въ тюрьмахъ и госпиталяхъ, отчасти ради пропаганды, отчасти же для того, чтобы по возможности улучшить ихъ матеріальное положеніе. Лебединой пѣснейю его было появившееся въ томъ же году: «Извлеченіе изъ проекта и увѣщанія, которое Джорджъ Фоксъ въ 1657 году написалъ лондонскимъ властямъ по поводу бѣдныхъ, съ нѣкоторыми примѣчаніями и съ рекомендаціей искренно религіознымъ людямъ, особенно же лондонскимъ друзьямъ и ихъ утреннимъ собраніямъ». Это «Извлеченіе представляетъ собою настоятельное и горячее увѣщаніе не терять изъ виду дѣла бѣдняковъ и не ограничиваться одной только раздачей милостыни. Первый планъ организаціи рабочихъ колледжей Беллерса былъ посвященъ «друзьямъ», а съ послѣднимъ своимъ словомъ въ пользу устройства особыхъ учреждений, въ которыхъ бы давалось разумное и полезное занятіе безработнымъ, Беллерсъ опять-таки обращается «особенно къ друзьямъ». Въ 1725 году смерть прекратила неустанную литературную дѣятельность Беллерса на пользу бѣдныхъ.

Въ нашу задачу не входитъ перечисленіе того, что онъ сдѣлалъ на практикѣ для бѣдныхъ и нуждающихся въ помощи; достаточно сказать, что онъ былъ филантропомъ не только въ теоріи. Изслѣдованіе вліянія, которое имѣли сочиненія Беллерса на соотвѣтствующую литературу его времени и ближайшей эпохи, также выходитъ за рамки настоящаго труда. Занявшись Беллерсомъ, мы и безъ того уже вышли за предѣлы эпохи которую имѣли первоначально въ виду, но это было неизбежно, такъ какъ Беллерсъ не только хронологически, но и по идейному своему содержанію стоитъ на рубежѣ между коммунизмомъ XVII и реформаторскимъ движеніемъ XVIII столѣтій. Въ Беллерсѣ соединяются всѣ характерныя черты коммунизма XVII столѣтія, который составляетъ пред-

меть настоящей статьи. Мы видѣли, какъ борьба между двумя группами господствующихъ классовъ изъ-за политической власти вызвала выступленіе на арену политической дѣятельности наиболѣ развитыхъ элементовъ трудящихся классовъ той эпохи и, такимъ образомъ, повела къ провозглашенію требованій политической демократіи новѣйшаго времени. Мы видѣли далѣе, какъ еще болѣе низкій слой рабочаго класса выставилъ своихъ представителей и защитниковъ изъ своихъ собственныхъ рядовъ, какъ послѣдніе, присвоивъ себѣ политическіе лозунги и религіозно-коммунистическія ученія, принесенныя въ Англію изъ другихъ странъ, и несомнѣнно также подъ вліяніемъ отечественной коммунистической литературы (Моръ), выработали коммунистическое ученіе, болѣе радикальное, чѣмъ какое бы то ни было другое. Мы видѣли затѣмъ, что ухудшеніе матеріальнаго положенія бѣднѣйшихъ классовъ, сопровождавшееся возрастаніемъ богатства имущихъ, повело къ возникновенію буржуазно-филантропической литературы, предлагавшей всевозможные проекты для улучшенія положенія бѣдныхъ съ помощью всевозможныхъ специальныхъ учреждений: государство и общины, организованная частная дѣятельность должны были дѣлать то, что прежде составляло задачу церкви. Мы видѣли, какъ пролагало себѣ путь новое понятіе о государствѣ, которое изъ ассоціаціи господствующей аристократіи или собственности одной какой-либо династіи должно было превратиться въ учрежденіе, способствующее всеобщему благу. Мы видѣли, наконецъ, какъ въ ожесточенной борьбѣ церковныхъ партій возникло новое, принципиально антицерковное, антидогматическое теченіе, которое повело, съ одной стороны, къ атеизму, съ другой—къ попыткѣ создать антиритуалистическую религію квакерства. Филантропическіе проекты социальныхъ реформъ относятся къ коммунизму такъ же, какъ квакерство къ атеизму. Однако Беллерсъ, какъ квакеръ и какъ сторонникъ социальныхъ реформъ, стоитъ далеко выше средняго уровня; и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ онъ былъ представителемъ лучшихъ сторонъ движенія. У него мы находимъ наиболѣе ясныя и наиболѣе смѣлыя идеи религіозныхъ и социальныхъ революціонеровъ XVII столѣтія. Почерпнулъ ли Беллерсъ свои идеи изъ сочиненій этихъ революціонеровъ, былъ ли онъ знакомъ съ ними? Это возможно, ибо въ то время цитаты были не въ обычаѣ, цитировались только общепризнанные авторитеты; но Беллерсъ могъ познакомиться съ этими идеями и не непосредственно, изъ сочиненій писателей, находившихся подъ вліяніемъ революціонеровъ. Онъ могъ воспринять эти идеи изъ окружающей обстановки, прямо изъ «атмосферы». Беллерсъ писалъ при такой же обстановкѣ, какъ и революціонеры XVII столѣтія, въ эпоху голода, послѣ политическаго переворота. Въ 1648—49 году можно было вѣрять въ демократическую революцію, совершенную вооруженными демократическими элементами націи. Въ 1688—95 годахъ такая иллюзія была невозможна, но въ 1695 году была возможна болѣе рѣзкая критика буржуазнаго общества и его тенденцій. Возможно было уже не только нравственное осужденіе царящаго въ этомъ обществѣ неравенства, но также и указанія на господствующія экономическія силы, на возрастающую неспособность его направлять свои собственные производительныя силы на благо общества. Величайшей заслугой Джона Беллерса было именно то, что онъ такъ рано сумѣлъ распознать эту сторону буржуазнаго хозяйства. Если можно сказать, что по отношенію къ частной собственности проектъ Беллерса относится къ проектамъ Джерарда Винстэнли и даже Чемберлена, какъ революція 1688 года къ воз-

ставію 1648 года, то слѣдуетъ также признать, что его пониманіе экономической структуры общества вполне соотвѣтствуетъ росту буржуазнаго богатства съ 1648 года до конца столѣтія, и что его сочиненія, имѣющія своей цѣлью защиту бѣдныхъ, представляютъ собой достойнѣйшій противовѣсъ панегиристамъ буржуазіи той эпохи.

Эд. Бернштейнъ.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Поселенія іезуитовъ въ Парагваѣ ¹⁾.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Христіанская республика.

Подъ умѣлымъ руководствомъ Льва XIII, скромно называвшаго себя «Папой рабочихъ», католическое духовенство Европы и Америки выступило въ походъ, чтобы возвратить себѣ свое прежнее вліяніе на народы. Желая избавить рабочихъ отъ вредоноснаго вліянія социалистовъ, оно приняло на себя заботу объ улучшеніи участи пролетаріата, бѣдственное положеніе котораго до тѣхъ поръ очень мало его трогало, очевидно, вслѣдствіе того, что всѣ силы духовенства уходили на удовлетвореніе требованій, предъявляемыхъ ему классомъ капиталистовъ, у котораго оно было на содержаніи. Въ настоящее время повсюду распространяется христіанскій социализмъ, умѣло приспособляющійся къ національнымъ и социальнымъ условіямъ тѣхъ странъ, куда апостолы его являются со своей благой вѣстью. Поэтому не лишнимъ будетъ заглянуть въ тотъ «Новый Іерусалимъ», который духовенство уготовало для человѣка. Для того, чтобы исполнить это, намъ вовсе не нужно слѣдовать по стопамъ бѣднаго Е. Рихтера, безчеловѣчно мучившаго самого себя, сіяясь доказать, что буржуа его закала неспособенъ постичь мораль, основанную не на капиталистической прибыли, и составить себѣ представленіе объ обществѣ, въ которомъ никто не бу-

¹⁾ Источники: Xavier Charlevoix: Histoire du Paraguay, Парижъ 1757 г.—Don Gregorio Funes, деканъ кафедральнаго собора въ Кордовѣ, въ Южной Америкѣ. Ensayo de la historia civil de Paragnay, Buenos-Ayres y Tucuman, Буэнос-Айресъ 1816 г.—Don Felix de Azara, комиссаръ и комендантъ на испанской границѣ отъ Парагвая въ 1781—1801 гг.: „Voyage dans l'Amérique méridionale“, Парижъ 1809 г.—Raynal: Histoire philosophique et politique des deux Indes, Парижъ 1820 г.—Rengger и Lonchamp: Essai historique sur la Revolution du Paraguay, Штутгартъ 1829 г.—A. d'Orbigny: „Voyage dans l'Amérique méridionale de 1826 à 1833“, Парижъ.—Alfred Demersay, членъ ученой экспедиціи въ Южную Америку: „Histoire du Paraguay“, Парижъ 1860 г.—Dr. Bourgade I. a Dardye: „Le Paraguay“, Парижъ 1889 г.

детъ присваивать себѣ часть продукта труда производителя. Чтобы представить себѣ обѣтованную землю католическаго духовенства, намъ не надо также разнудывать свою фантазію и измышлять «государство будущаго», права на которое католическое духовенство съ полнымъ основаніемъ можетъ оспаривать у насъ. Достаточно для этого изслѣдовать «Христіанскую республику», основанную отцами іезуитами въ Парагваѣ.

Общество Іисуса основало среди населенія, очень способнаго къ умственному и нравственному развитію, «христіанское государство», просуществовавшее болѣе полутора вѣка, съ 1610 по 1768 г., и насчитывавшее 150.000 жителей.

Райналь утверждаетъ, что «іезуиты изучили методы, которые примѣняли Инки при управленіи и расширеніи государства, и приняли ихъ за образецъ». Фунесъ, деканъ Кордовскаго собора въ Южной Америкѣ, энергично протестовалъ противъ этого утвержденія и заявилъ, что іезуиты «нашли гораздо болѣе величественный прообразъ въ евангельскомъ ученіи, а также въ примѣрѣ первыхъ христіанъ». Слѣдовательно «Парагвайскія миссіи», по Фунесу, не что иное, какъ осуществленіе христіанскаго идеала на землѣ, и какъ таковое должны возбуждать восхищеніе всего міра ¹⁾.

Въ этой теократической республикѣ не существовало писанныхъ законовъ. «Совѣсть замѣняла законодательство», говоритъ Фунесъ: «Не было карающихъ законовъ; одни предписанія, нарушеніе которыхъ наказывалось постомъ, молитвой... и этимъ карамъ не придется дивиться тому, кто знаетъ, какъ прекрасны и чисты были нравы населенія». Донъ Педро Факсардо, епископъ Буэносъ-Айреса, писалъ въ 1721 г. въ письмѣ къ Филиппу V Испанскому, цитированномъ Шарльвуа: «Въ этихъ племенахъ царствуетъ такая невинность, что за цѣлый годъ, мнѣ кажется, не совершается ни одного смертнаго грѣха; бдительность духовенства предупреждаетъ малѣйшіе проступки». «Не было надобности въ гражданскихъ законахъ», говоритъ Фунесъ въ другомъ мѣстѣ: «такъ какъ у этихъ индѣйцевъ почти отсутствовало самое понятіе о собственности».

Эта христіанская республика имѣла завидное счастье: она возбудила восторгъ скептическихъ философовъ восемнадцатаго вѣка, которые даже «завидовали участи парагвайскихъ индѣйцевъ», какъ сообщаетъ Азара. Монтескьё также не скупился на похвалы: «На долю Общества Іисуса», говоритъ онъ, «выпала честь впервые провозгласить въ этой странѣ идею религіи въ соединеніи съ идеей гуманности!... Оно привлекло разсѣянные въ лѣсахъ племена, дало имъ обезпеченныя средства къ существованію и облекло ихъ въ одежду. Всегда прекрасно будетъ управлять людьми для того, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми» ²⁾.

¹⁾ Когда предлагаемое изслѣдованіе было уже написано и сдано въ печать, я прочиталъ въ „Neue Zeit“ XI, 1, стр. 684 статью „Государство будущаго въ прошломъ“, въ которой К. Каутскій превосходно доказываетъ, что парагвайская христіанская республика была просто устроенной для цѣлей эксплуатаціи организаціей капиталистической колониальной политики, и что іезуиты, эти искусные политики, съумѣли воспользоваться коммунистическими привычками индѣйцевъ для обогащенія ордена. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ воззрѣнія Каутскаго расходятся съ моими, но здѣсь не мѣсто для выясненія этихъ разногласій.

²⁾ Монтескьё. „О духѣ законовъ“, 4 кн., 6 гл.

«Миссіи», «колоніи» или «доктрины» (Doctrines) іезуитовъ, какъ назывались поселки теократической республики, подвергались однако уже и въ 17 и въ 18 вѣкѣ нападкамъ противниковъ. Политики обвиняли орденъ іезуитовъ въ стремленіи основать независимое отъ Испаніи государство. Испанцы въ колоніяхъ упрекали его за то, что онъ является опаснымъ и нечестнымъ конкурентомъ частной промышленности и торговли, и что онъ запрещаетъ иностранцамъ проникать въ его поселенія для того, чтобы сохранить за собой владѣніе и пользованіе мѣстными золотыми и серебряными ринсками. Другіе надѣвали религіозную и филантропическую маску и обвиняли іезуитовъ въ томъ, что эти послѣдніе, якобы, учатъ индѣйцевъ ложному христіанству и обременяютъ ихъ чрезмѣрной работой.

Такъ какъ я желаю дать безусловно безпристрастное описаніе парагвайскаго государства іезуитовъ, то я постарался по возможности добросовѣстнѣе взвѣснить обвиненія, въ которыхъ часто слышится недоброжелательство, обыкновенно объясняющееся очень опредѣленными матеріальными интересами. Но настолько же осторожно пользовался я произведеніями, обнаруживавшими преувеличенное, лицемѣрное или также одностороннее не критическое прославленіе творенія отцовъ-іезуитовъ. Мое изслѣдованіе организаціи христіанскаго общества въ Парагваѣ прежде всего основано на письмахъ миссіонеровъ, а также на официальныхъ документахъ, часто цитируемыхъ іезуитомъ Шарльвуа, который написалъ свою «Исторію Парагвая» единственно съ цѣлью прославить дѣятельность Общества Іисуса. Далѣе я подробно ознакомился съ «Гражданской исторіей Парагвая» Фунеса, декана Кордовскаго собора въ Южной Америкѣ, пытавшагося опровергнуть Азара, нападавшаго на республику іезуитовъ въ своемъ «Путешествіи въ Южную Америку».

Фунесъ и Азара были современники, и оба жили въ странѣ миссій спустя немного послѣ изгнанія іезуитовъ. Факты, о которыхъ они сообщаютъ, были слѣдовательно переданы имъ очевидцами.

Христіанская республика іезуитовъ вдвойнѣ интересуетъ социалистовъ. Во-первыхъ, она рисуетъ довольно точную картину того общественнаго строя, къ осуществленію котораго стремится католическая церковь, а во-вторыхъ она является еще и однимъ изъ самыхъ интересныхъ и необычайныхъ социальныхъ экспериментовъ, какіе до сихъ норъ кѣмъ-либо производились. Какъ бы мы ни относились къ тайнымъ намѣреніямъ Общества Іисуса, нельзя не удивляться той политической дальновидности, которую іезуиты проявили въ своей дѣятельности; нельзя не воздать должное мужеству, искусству воспитывать и руководить людьми и терпѣливому упорству миссіонеровъ, которые воспитывали дикарей и управляли ими въ парагвайскихъ поселеніяхъ іезуитовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дикія племена Парагвая и завоеваніе страны испанцами.

Когда Альваро Нунецъ завоевалъ въ 1536 году Парагвай, его населеніе состояло изъ нѣсколькихъ дикихъ племенъ, отличавшихся одно отъ другого, главнымъ образомъ, языкомъ. Наиболѣе многочисленное изъ нихъ, племя гуаранисовъ населяло очень обширное пространство, гравничившее на сѣверѣ съ Гвіаной, на югѣ съ истокомъ р. Ріо-де-ла-Плата. и простиравшееся на востокъ отъ Атлантическаго океана до Андовъ. Гуаранисы населяли Бразилію, и среди нихъ жило еще нѣсколько племенъ. Азара замѣчаетъ, что «можно путешествовать по всей Бразиліи, достигнуть Парагвая, Буэносъ-Айреса и подняться въ Перу, зная только одинъ языкъ гуаранисовъ».

Племя гуаранисовъ состояло изъ безчисленнаго множества мелкихъ клановъ, разбѣянныхъ по всему обширному пространству. Многіе кланы жили въ деревняхъ, расположенныхъ на краю лѣсовъ и по берегамъ рѣкъ. Ихъ члены добывали себѣ пропитаніе охотой и рыбной ловлей, собираемъ меда дикихъ пчелъ, встрѣчавшагося въ лѣсахъ въ изобиліи, и первобытнымъ земледѣліемъ. Они сѣяли маниокъ, изъ котораго приготавливали кассаву, воздѣлывали маисъ и собирали жатву дважды въ годъ, какъ увѣряетъ Шарльвуа; разводили куръ, гусей, утокъ, попугаевъ, свиней и собакъ. Оружіемъ имъ служила трехгранная палица, по названію макана, лукъ, который вслѣдствіе его шестифутовой длвны и громадной упругости дерева, изъ котораго онъ былъ сдѣланъ, приходилось натягивать, втыкая одинъ его конецъ въ землю; они съ большой силой метали четырехъ-футовые дротики и бодогі, глиняные шарики, величиной съ орѣхъ, которые они обжигали на огнѣ и носили въ сѣткѣ. На разстояніи тридцати метровъ они разбивали такимъ шарикомъ человѣческую кость и убивали птицу на лету. Азара, прожившій въ дѣвственныхъ лѣсахъ Бразиліи и Парагвая съ 1781 по 1801 годъ, встрѣчалъ забитыя и вырождающіяся племена дикарей, которыхъ преслѣдовали и травили испанцы и португальцы. Онъ не особенно высокаго мнѣнія о гуаранисахъ, живущихъ на полной свободѣ въ лѣсахъ и увѣряетъ, будто ихъ умственное развитіе настолько низко, что они даже не умѣютъ считать дальше четырехъ. Шарльвуа, наоборотъ, утверждаетъ, что они умѣютъ считать до двадцати; все, что было больше этого числа, они просто называли много ¹⁾. Азара называлъ языкъ гуаранисовъ бѣднымъ, гортанымъ и неблагозвучнымъ; Монтайя, одинъ изъ первыхъ нарагвайскихъ миссіонеровъ, въ совершенствѣ владѣвшій этимъ языкомъ, говорилъ, наоборотъ, «что онъ можетъ соперничать съ наиболѣе богатыми европейскими языками гармоничностью прекрасныхъ и благозвучныхъ словъ, и изумительной мѣткостью выраженій: каждое выраженіе даетъ точное опредѣленіе и образъ понятія». Гуаранисы страстно любили ораторское искусство. Наиболѣе краснорѣчивый изъ воиновъ всегда могъ быть увѣренъ, что его мнѣніе восторжествуетъ.

¹⁾ Подобно всѣмъ дикарямъ, гуаранисы считали по пальцамъ на ногахъ и на рукахъ; „petei“ обозначало одинъ палець, „mokoï“—два, „m'bobari“ три, „yurundi“—четыре, „peteiro“—пять, или одну руку, „mokoïro“—десять, или двѣ руки.

Азара говорить о встрѣчавшихся ему гуаранисахъ, что они боязливы. Даже въ числѣ десяти человекъ они не рѣшались выступить противъ одного мужчины другого дикаго индѣйскаго племени. Демерсэй подтверждаетъ это мнѣніе, увѣряя, что они изъ страха передъ преслѣдовавшими ихъ м'баями, которыхъ они очень боялись, не разводили ни собакъ, ни куръ, чтобы лай или кудахтанье послѣднихъ не выдавали ихъ присутствія. Въ противоположность этому миссіонеры восемнадцатаго вѣка восхваляютъ мужество гуаранисовъ, которымъ они очень ловко пользовались. Если бы они дѣйствительно были и до покоренія страны испанцами и португальцами такъ трусливы, какъ ихъ описываютъ Азара и Демерсэй, то они не могли бы распространиться по такому обширному пространству земли и отстаивать свое существованіе въ борьбѣ со множествомъ жившихъ между ними племенъ, храбрость которыхъ не отрицаетъ ни одинъ путешественникъ. Нравственное вырожденіе, характеризующее цивилизованныхъ или возвратившихся снова въ первобытное состояніе гуаранисовъ, говорить отнюдь не въ пользу цивилизаторской дѣятельности испанскихъ и португальскихъ завоевателей.

Несомнѣнно установлено, что ко времени завоеванія Парагвая, гуаранисы были наиболѣе развитымъ племенемъ, населявшимъ страну. Многіе роды вели охотливую жизнь и занимались первобытнымъ земледѣліемъ. Такое относительно высокое социальное развитіе позволило принудить ихъ къ труду и поработить. Поэтому-то португальцы и могли превратить своихъ плѣнныхъ гуаранисовъ въ рабовъ. М'бан, напротивъ, охотнѣе шли на гибель и уничтоженіе, чѣмъ покорялись игу рабскаго труда. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ португальцамъ удалось превратить въ рабовъ всѣхъ бразильскихъ гуаранисовъ. Въ такой же короткій срокъ испанцы собрали всѣхъ гуаранисовъ Парагвая въ сорока пуэбло (населенныхъ мѣстахъ) и заставили ихъ исполнять домашнія и сельско-хозяйственныя работы «въ то время, какъ», говоритъ Азара, «никто не могъ покорить и собрать въ поселенія остальные племена». Даже дикари использовали эту трудоспособность гуаранисовъ. М'бан, считавшіе себя за «храбрѣйшую націю въ мірѣ, а также за самую благородную, великодушную и честную, когда дѣло шло о томъ, чтобы сдержать данное слово», и основательно презиравшіе европейцевъ, обрабатывали свои поля руками гуаранисовъ. «Конечно, это рабство не было черезъ-чуръ тяжелымъ», замѣчаетъ Азара, «гуаранисы подвергаются ему добровольно, и возвращаются на свободу, когда имъ захочется. М'бан никогда не приказываютъ своимъ слугамъ; никогда они не употребляютъ по отношенію къ нимъ повелительнаго или недоброжелательнаго тона... они полагаются на ихъ добрую волю, довольствуются тѣмъ, что тѣ дѣлаютъ по собственному почину, и дѣлятъ съ ними все, что имѣютъ... Я самъ видѣлъ, какъ дрожавшій отъ холода м'бая предоставилъ своему рабу одѣяло, которое тотъ у него взялъ, и даже ничѣмъ не выразилъ, что онъ самъ хотѣлъ бы воспользоваться одѣяломъ... Ни одинъ военнопленный не желаетъ покинуть м'баевъ, хотя всѣмъ плѣннымъ грозитъ рабство, даже испанскія женщины, изъ которыхъ многія попали въ плѣнъ уже взрослыми и имѣя дѣтей».

Мягкому и послушному племени гуаранисовъ суждено было узнать въ христіанскихъ «миссіяхъ» гораздо болѣе жестокое рабство. Но все же обращеніе испанцевъ и іезуитовъ съ парагвайскими гуаранисами было еще мягкимъ въ сравненіи съ дѣйствіями португальцевъ въ Бразиліи.

Христіанскіе цивилизаторы успокаивали свою чуткую совѣсть тѣмъ со-

ображеніемъ, что индѣйцы «gentes sin rason» (люди безъ разума) и являются промежуточной ступенью между человѣкомъ и животнымъ. Въ докладѣ Испанскому Двору епископъ Санта-Марты, Франциско Ортицъ, говоритъ, «что изъ долготѣнаго опыта сношеній съ краснокожими онъ вынесъ впечатлѣніе, что они глупыя созданія, неспособныя понять христіанское ученіе и слѣдовать его предписаніямъ». Благодаря энергіи и самоотверженности Ласъ Казаса, папа Павелъ III своей буллою въ 1538 году собралъ въ Римѣ соборъ для вторичнаго разбора вопроса, люди-ли индѣйцы или нѣтъ. Мнѣнія присутствовавшихъ раздѣлились, но все же большинство благосклонно рѣшило, что у индѣйцевъ достаточно ума для того, чтобы они могли участвовать въ святыя таинствахъ церкви. Но такъ какъ ко времени смерти Иисуса Христа Господь еще не имѣлъ даже и понятія о существованіи Америки, которую Колумбъ открылъ лишь спустя пятнадцать вѣковъ, то онъ и не могъ послать туда апостола, чтобы обратить въ христіанство туземныя народности. Положеніе было чрезвычайно затруднительнымъ. Выйти изъ него помогло предположеніе, что святой Тома изъ Индіи прибылъ въ Америку, гдѣ еще дониндѣ замѣтно много слѣдовъ его апостольской дѣятельности. Послѣ того, какъ церковь произнесла свое авторитетное рѣшеніе, испанскій дворъ приложилъ самыя похвальныя усилія, желая, чтобы съ индѣйцами не обращались какъ съ вьючными животными, и чтобы ихъ не уничтожали, какъ это уже случилось съ перуанскими дикарями. Католическая церковь въ немалой степени отвѣтственна за безчеловѣчную жестокость «конквистадоровъ» (испанскихъ завоевателей Америки); она какъ бы оправдывала эту жестокость, долго колебалась признать челоуѣческое достоинство индѣйцевъ.

Завоеватели Парагвая и побережья Рио-де-ла-Платы не избивали дикарей, а подвергали ихъ мягкому рабству. Они постановили, что всякое индѣйское племя, нанавшее на испанскій лагерь или нанесшее ему какой-либо вредъ, осуждается на рабство. Всѣ его члены становились пожизненными крѣпостными побѣдителей и образовывали «comendaria de yaponas», т.-е. становились особаго рода рабами, прикованными къ опредѣленному мѣсту и обязанными оказывать своимъ господамъ личныя услуги. Но комендаріи (комтуріи, ленныя области) испанцевъ существенно отличаются отъ португальскихъ тѣмъ, что въ нихъ запрещалось продавать индѣйцевъ, истязать ихъ и даже прогонять ихъ за ихъ дурное поведеніе или болѣзнь и старость. Господинъ «янаконовъ» обязывался кормить, одѣвать и беречь своихъ рабовъ, наставлять ихъ въ христіанской религіи, обучать ремесламъ. Отсюда видно, что испанское правительство намѣревалось цивилизовать индѣйцевъ и въ то же время предоставить извѣстныя выгоды ихъ цивилизаторамъ. Особые инспекторы ежегодно посѣщали комтуріи, выслушивали жалобы индѣйцевъ и наблюдали за исполненіемъ королевскихъ предписаній и декретовъ.

Если дикари не хотѣли добровольно избрать себѣ опредѣленное мѣсто для поселенія и признать верховное господство испанцевъ, ихъ силой заставляли основать гдѣ-нибудь въ предѣлахъ ихъ собственной страны пуэбло, организованное по образцу европейскихъ. Капикъ, военный вождь клана назначался «corregidor'омъ», т.-е. высшимъ чиновникомъ; алькальдъ (бургомистръ, глава общины) и остальные члены «cabilde» (общиннаго совѣта) назначались на свои должности по избранію. Индѣйцы, поселившіеся въ пуэбло, становились «mitayos» (то же самое слово, что и французское «metayer» — полу-арендаторы) полу-

крѣпостными, которые работали на своихъ господъ только два мѣсяца въ году, а въ остальное время были свободны и не обязаны были выполнять никакихъ услугъ. Женщины, молодые люди моложе 18 лѣтъ и лица старше пятидесяти, такъ же какъ кацикъ, его старшій сынъ и члены «савилде» не несли никакой трудовой повинности. Комтурин «ляконовъ» и «митайосъ» отдавались испанцамъ, которыхъ хотѣли вознаградить за услуги, оказанныя коронѣ или колоніи. Онѣ являлись подобіемъ «бенефицій» (леповъ), которыми феодальные военачальники и князя надѣляли своихъ вѣрныхъ дружинниковъ.

Донъ Мартинесъ де Ирала, который во второй половинѣ семнадцатаго вѣка былъ намѣстникомъ Парагвая, хотѣлъ заслужить особенное благоволеніе испанской короны, желавшей, чтобы цивилизація дикарей, т.-е. ихъ расселеніе въ пуэбло, порядокъ которыхъ былъ организованъ по европейскому образцу, пошла ускореннымъ темпомъ. Поэтому онъ очень остроумно рѣшилъ предоставить каждому желающему право на собственный рискъ и страхъ основывать новыя поселенія или привлекать еще свободныхъ индѣйцевъ въ уже основанныя. Трудъ туземцевъ, которыхъ данное лицо поселило въ колоніи на собственный счетъ, принадлежалъ ему пожизненно, но послѣ его смерти жители поселенія получали свободу и обязывались только вносить опредѣленную подать въ государственную казну. Тогда испанцы начали настоящую погоню за дикарями, подобно португальцамъ и «мамулюкосамъ» изъ Сао-Паоло; эти послѣдніе представляли сбродъ европейскихъ бандитовъ воѣхъ національностей и метисовъ, которые устроили и укрѣпили на скалѣ неприступное разбойничье гнѣздо, откуда производили нападенія на окрестности, похищали индѣйцевъ, мужчинъ и дѣтей продавали, а часть женщинъ оставляли себѣ въ качествѣ наложницъ. Дикари скрывались отъ преслѣдованія въ лѣса, чтобы избавиться отъ жестокихъ цивилизаторовъ, и послѣднимъ, несмотря на величайшія усилія, удалось основать въ Парагваѣ всего на всего около сорока пуэбло, населеніе которыхъ удерживалось въ повиновеніи только при помощи террора и часто производило возстанія. Дикари пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы скрыться въ лѣса, и энергично защищали тамъ свою свободу.

Иезуиты явились въ Парагвай въ концѣ XVI столѣтія, какъ разъ въ то время, когда охота за дикарями находилась въ полномъ расцвѣтѣ. Они сдѣлались защитниками индѣйцевъ. Открыто и прямо они критиковали дѣятельность испанцевъ, обвиняли ихъ въ томъ, что они не подчиняются повелѣніямъ короны и смотрятъ на индѣйцевъ въ комтуріяхъ, какъ на рабовъ, которыхъ они лишаютъ свободы, обременяютъ работой, разоряютъ и истязаютъ. Свои обвиненія они довели до свѣдѣнія испанскаго короля, исповѣдникомъ котораго всегда былъ иезуитъ. Они описали ему варварство, принимаемое по отношенію къ дикарямъ, которые лишены всякаго религіознаго наставленія, безстыдные нравы европейцевъ, жестокость и гнетъ ихъ господства, разорявшаго индѣйцевъ и гнавшаго ихъ на возстаніе или къ побѣгу. Они заявили, что произведенныя насилія тормозятъ обращеніе дикарей въ христіанство, что индѣйцамъ самое слово испанцы внушаетъ ужасъ, и что они скорѣе готовы подвергнуться уничтоженію, чѣмъ поселиться въ пуэбло подъ господствомъ колониальнаго правительства. Иезуиты предложили свои услуги, обѣщая кротостью и убѣжденіемъ обратить индѣйцевъ въ христіанство и пріучить ихъ къ осѣдлому образу жизни въ деревняхъ.

Такое мужественное заступничество за туземцевъ навлекло на иезуитовъ

всеобщую ненависть и вражду европейских поселенцевъ. Они запретили іезуитамъ входъ въ деревни, отказывали имъ въ пропитаніи даже въ самой крайней нуждѣ. Миссіонеры общества Іисуса, изучившіе языкъ гуаранисовъ, — чего до нихъ не сдѣлалъ еще ни одинъ католическій священникъ, — отравились въ лѣсахъ и жили среди индѣйцевъ, которые знали, съ какимъ доброжелательствомъ отцы отнеслись къ ихъ участи. Какъ друзей принимали ихъ дикари, которые обычно избѣгали всѣхъ европейцевъ и убивали даже своихъ соплеменниковъ, служившихъ переводчиками у испанцевъ. Первые два миссіонера Мазета и Катальдино жили въ лѣсахъ съ гуаранисами и совѣтовали имъ объединиться, чтобы стать силой, способной противостоять преслѣдованіямъ и защищать свободу. Названные миссіонеры употребили всѣ усилія, чтобы заслужить довѣріе и симпатію краснокожихъ. Зная ихъ пристрастіе къ музыкѣ, они съ пѣніемъ ѣздили въ челнокѣ по рѣкамъ, а индѣйцы сопровождали ихъ вдоль берега или плыли вслѣдъ за ихъ пирогой. Собравъ, такимъ путемъ, значительное число туземцевъ, миссіонеры причаливали къ берегу и объясняли своимъ спутникамъ истины христіанской религіи, — такъ говорится, по крайней мѣрѣ, въ «Поучительныхъ посланіяхъ». Болѣе вѣроятно, однако, что они говорили гуаранисамъ о томъ гнетѣ и преслѣдованіяхъ, которымъ послѣдніе подвергались; о счастья, которое ихъ ждетъ подъ попечительнымъ руководствомъ отцовъ-іезуитовъ и о тѣхъ чудесахъ, которыя умѣютъ совершать миссіонеры. «Вѣра», — говоритъ Шарльвуа, — «воскресила въ этихъ варварскихъ странахъ чудеса, о которыхъ гласитъ преданіе про Амфіона и Орфея».

Миссіонеры постарались подарками и общаніями привлечь на свою сторону вождей и кациковъ клановъ и внушить имъ благоговѣйный страхъ передъ своей таинственной силой. Шарльвуа съ необыкновенной наивностью рассказываетъ, что одинъ кацикъ, принявшій крещеніе, но отказавшійся исполнить приказанія и наставленія обоихъ отцовъ-іезуитовъ и вновь вернувшій къ себѣ своихъ женъ, былъ примѣрно наказанъ. «Онъ сгорѣлъ живымъ въ своемъ шалашѣ и научилъ своимъ примѣромъ новообращенныхъ христіанъ, что на небѣ есть всемогущій, гнѣвный Богъ, и что нельзя безнаказанно преступать поученія, которыя отъ Его Имени преподаютъ Его слуги». Вѣроятно эта дословно цитированная здѣсь фраза была произнесена іезуитами Мазета и Катальдино по поводу самого происшествія. Чтобы утратить индѣйцевъ они, вѣроятно, напоили и умертвили несчастнаго кацика, чтобы затѣмъ изжарить его ради большей славы Всевышняго. Все-таки очень ужъ сомнительно, чтобы сильный, ловкій дикарь не могъ выбраться изъ маленькаго горящаго шалаша. Деканъ Кордовскаго собора не безъ основанія могъ утверждать, что іезуиты дѣйствуютъ въ духѣ и смыслѣ Новаго Завѣта. Въ лѣсахъ новаго свѣта они приготовили второе изданіе чуда, при помощи котораго св. Петръ наказалъ Ананія и жену его Салфиру, которые, за то, что «солгали святому Духу и утаили отъ общества вѣрующихъ часть цѣны своего имущества», были поражены гнѣвомъ Господнимъ, т.-е. по-просту убиты. «Такъ что вѣрующими и всѣми слышавшими объ этомъ овладѣлъ сильный страхъ», присовокупляетъ, подобно Шарльвуа, и авторъ Дѣяній Апостольскихъ.

Общество Іисуса побуждало всѣ препятствія, которыя испанцы ему ставили въ колоніяхъ. Франциско Альфоро, намѣстникъ Парагвая, опубликовалъ въ 1612 году отъ имени короля указъ, которымъ строго воспрещалось охотиться за дикарями и поселять ихъ въ пуэбло, и объявлялъ, что въ дальнѣйшемъ ком-

туріи никому не будуть раздаватися. Но уже за два года до этого іезуиты сдѣлались господами положенія и положили начало своему государству тѣмъ, что во множествѣ комтурій замѣнили свѣтскихъ владѣтелей и чиновниковъ и приступили къ преобразованію поселеній.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Поселенія іезуитовъ.

Испанскій дворъ живо интересовался обращеніемъ индѣйцевъ въ христіанство и ихъ цивилизаціей. Такъ какъ онъ воспретилъ дальнѣйшее употребленіе звѣрскихъ средствъ, къ которымъ до того постоянно прибѣгали, и рекомендовалъ вмѣсто нихъ кротость и мягкость, ему пришлось по настоянію іезуитовъ матеріально поддерживать апостоловъ новаго метода, чтобы облегчить имъ ихъ культурную задачу. Свѣтскихъ завоевателей смѣнили духовные; не только іезуиты, но и многіе другіе монахи, которые хотъ и не знали языка и обычаевъ дикарей, но хранили въ своихъ карманахъ скромныя средства въ видѣ субсидій отъ Мадридскаго Правительства, устремились въ пограничныя мѣстности областей, населенныхъ европейцами. Такіе миссіонеры возводили небольшую деревянную церковь, собирали вокругъ себя нѣсколько краснокожихъ, которыхъ они подыскивали предварительно въ городахъ и уговаривали пойти съ ними, и объявляли объ основаніи поселка. Когда полученная субсидія истощалась, священникъ исчезалъ и въ какомъ-нибудь новомъ мѣстѣ начиналъ ту же игру съ тѣмъ же успѣхомъ. Церковка быстро разрушалась, деревня исчезала, но испанскій дворъ торжествовалъ, радуясь успѣхамъ, которыми пользовались христіанство и цивилизація, благодаря проявленной миссіонерами кротости. На дѣлѣ же со времени опубликованія королевскаго указа отъ 1612 года не было основано ни одной индѣйской деревни. Исключеніе составляютъ «миссіи» іезуитовъ.

Миссіонеры Общества Іисуса тоже пользовались поддержкой правительственной казны, но они отнеслись серьезно къ своей задачѣ привлечь дикарей въ населенныя мѣста, отучить ихъ отъ кочевой жизни, воспитать ихъ для труда, а кромѣ того наставить въ христіанствѣ. Съ этой цѣлью они прежде всего сблизились съ индѣйцами, среди которыхъ жили, изучили ихъ языкъ, нравы и суевѣрія. Такимъ путемъ они научились управлять дикарями. Съ 1610 по 1768 годъ они основали тридцать пуэбло, въ которыхъ, къ моменту изгнанія іезуитовъ изъ Парагвая, насчитывалось около 150000 жителей. Въ миссіи святаго Франциска Ксавера, самой населенной колоніи іезуитовъ, жило 30000 индѣйцевъ; въ болѣе мелкихъ миссіяхъ число жителей колебалось между 500 и 1000 человекъ.

Двадцать шесть поселеній принадлежали къ знаменитой области гуаранискихъ миссій, расположенной между берегами Уругвая и Парагвая, отъ 26° до 28° южной широты и отъ 54 до 57 градуса западной долготы отъ Гринвича. Три другихъ миссій были расположены на далекомъ разстояніи отъ нихъ. Въ

дѣйствительности іезуиты основали только 26 поселковъ, остальные миссіи возникли изъ бывшихъ комтурій. Изъ двадцати шести поселевій девятнадцать были основаны въ теченіе первыхъ лѣтъ и заселены гуаранисами. Въ остальныхъ миссіяхъ поселяли индѣйцевъ, переведенныхъ изъ деревень, существовавшихъ уже болѣе столѣтія.

Успѣхъ іезуитовъ въ теченіе первыхъ двадцати пяти лѣтъ ихъ миссіонерской дѣятельности, когда они основали наибольшее число поселковъ, Азара приписываетъ отнюдь не ихъ краснорѣчію и не силѣ апостольскаго слова. По его мнѣнію рѣшающимъ моментомъ явилось то, что въ тѣ годы португалцы и мамудукосы Сао-Паоло особенно яростно и безчеловѣчно преслѣдовали дикарей, брали ихъ въ плѣнъ и продавали въ рабство. Толпы испуганныхъ и преслѣдуемыхъ дикарей убѣгали въ равнины Параны и Уругвая и въ дѣственные лѣса, куда разбойники могли проникнуть только съ большимъ трудомъ. Скитаясь небольшими отрядами, боязливые и обреченные на всѣ лишенія и страданія изгнаннической жизни, они легко поддавались вліянію іезуитовъ, которые давали имъ и защиту, и средства существованія. Деканъ Фунесъ, оспаривающій каждое слово Азары, ничего не можетъ возразить противъ этого, кромѣ того, что и испанцы въ Парагваѣ были почти такъ же жестоки, какъ португалцы или Сао-Паольскіе метисы. Слѣдовательно, онъ только подтверждаетъ мнѣніе Азары, что индѣйцы стекались въ миссіи исключительно съ цѣлью спасенія отъ жестокаго преслѣдованія. Когда охота на дикарей нѣсколько утихла, іезуиты уже не находили больше индѣйцевъ, которые хотѣли бы принять христіанство и цивилизацію.

Тогда они рѣшили покинуть путь кроткаго убѣжденія и безъ всякихъ угрызеній совѣсти стали употреблять менѣе платоническія мѣры къ заселенію остальныхъ своихъ колоній. Они не разглашали по всему свѣту, какими средствами они пользовались, но Азара увѣряетъ, что познакомился съ ними по рассказамъ индѣйцевъ, которые лично испытали на себѣ ихъ успѣшность. Методъ этотъ типиченъ и заслуживаетъ описанія, такъ какъ несомнѣнно примѣнялся не одинъ только разъ. Іезуиты отправили къ дикому гуаранисскому племени Тарума подарки черезъ депутацію изъ обращенныхъ въ христіанство индѣйцевъ того же племени, говорившихъ на его языкѣ. Описавъ прелесть своей новой жизни, посланные сообщили дикарямъ, что набожный патерь, пылающій любовью къ нимъ, проситъ позволенія поселиться съ ними. Онъ привезетъ съ собой множество драгоценныхъ подарковъ, въ томъ числѣ и коровъ, такъ что имъ можно будетъ существовать цѣлый годъ, не надрываясь въ поискахъ за пропитаніемъ. Дикари милостиво разрѣшили благочестивому отцу жить среди нихъ, и іезуитъ явился въ сопровожденіи нѣсколькихъ испытанныхъ индѣйцевъ. Стараясь не возбудить ни малѣйшаго подозрѣнія, онъ постепенно, подъ самыми разнообразными предлогами, увеличивалъ свою свиту. Когда она оказалась достаточно многочисленной, онъ врасплохъ напалъ на лагерь дикарей, окружилъ его, а затѣмъ, при помощи угрозъ, обѣщаній и лъстивыхъ рѣчей, убѣдилъ ихъ покориться и расселилъ ихъ по разнымъ миссіямъ Параны. Многіе индѣйцы убѣгали и возвращались на родину, хотя она и находилась на громадномъ разстояніи отъ поселеній. Но обыкновенно ихъ снова задерживали и отсылали въ болѣе отдаленныя миссіи.

Эти насильственные мѣры очень напоминаютъ дѣйствія испанцевъ и португалцевъ, которыхъ іезуиты такъ строго порицали. Конечно, онѣ далеко не

всегда приводили къ желанному результату. Такъ, напримѣръ, іезуитамъ не удалось основать миссію въ С. Станиславѣ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ данномъ случаѣ надо было обратить въ христіанство и цивилизовать м'баевъ, «которыхъ нельзя было покорить никакими силами». Какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ, іезуиты повели дѣло подъ личиною дружбы; подъ предлогомъ выдачи плѣнныхъ м'баевъ, они заманили въ миссію Сантъ-Каразонъ воиновъ, враждебно настроенныхъ противъ патеровъ; музыка привѣтствовала прибытіе пословъ, ихъ пребываніе ознаменовалось концертами, пляской, военными играми, и закончилось грандіознымъ пиршествомъ, во время котораго ихъ перепояли, что не составляло особенной трудности. Ихъ порознь уложили спать, а во снѣ связали и бросили въ подземелье, гдѣ они пробыли до изгнанія іезуитовъ изъ Парагвая. Азара узналъ о фактахъ, которые онъ передаетъ, отъ м'баевъ, имѣвшихъ несчастье непосредственно познакомиться съ добросовѣстностью іезуитовъ.

Относительно основанія первыхъ миссій нѣтъ иныхъ источниковъ, кромѣ разсказовъ миссіонеровъ, которые единогласно увѣряютъ, что пріучили дикарей къ осѣдлости единственно путемъ кроткаго убѣжденія. Тѣмъ не менѣе съ первыхъ дней своей цивилизаторской дѣятельности іезуиты просили разрѣшенія вооружить своихъ приверженцевъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Разрѣшеніе это они получили въ 1636 году, послѣ поѣздки отца Монтойи въ Мадридъ. По ихъ увѣренію они нуждались въ правѣ держать вооруженные отряды для защиты поселеній отъ непрестанныхъ нападеній дикарей. Фактически же почтенные патеры устраивали облавы на дикарей, конечно, въ формѣ убѣжденія. «Письма миссіонеровъ» заключаютъ въ себѣ большое число поучительныхъ образчиковъ ихъ дѣйствій. Крещенные индѣйцы отправлялись въ лѣса, чтобы тамъ проповѣдовать среди идолопоклонниковъ новую, истинную вѣру, и имъ удавалось находить тамъ прозелитовъ, посѣщенныхъ милостью Господней. Обыкновенно новообращенные были женщины и дѣти, безъ сомнѣнія, захваченныя въ плѣнъ во время отсутствія мужчинъ клана, находившихся на охотѣ или въ походѣ. Когда послѣдніе возвращались домой, они съ оружіемъ въ рукахъ требовали возвращенія своихъ единоплеменниковъ. Подчасъ на іезуитскія поселенія нападали также индѣйцы, которые въ свое время поддались лживымъ обѣщаніямъ, но познакомились поближе съ жизнью въ миссіяхъ и сбѣжали, а теперь мстили за насилія, которымъ ихъ подвергали во время ихъ невольнаго пребыванія въ поселеніяхъ. Если знать, съ какимъ непреодолимымъ упорствомъ дикари противятся всѣмъ попыткамъ пріучить ихъ къ правильному труду — къ которому, впрочемъ, и рабочее населеніе цивилизованныхъ странъ было «пріучено» съ большими страданіями, — то станетъ ясно, что іезуиты должны были рекрутировать рабочихъ для своихъ миссій гораздо больше насиліемъ, чѣмъ путемъ убѣжденія. Сами они признавали, что по необходимости отказывались отъ намѣренія искоренить привычки охотниковъ и рыболововъ во взрослыхъ индѣйцахъ, а ярмо принудительнаго труда могли надѣть только на тѣхъ, кто попалъ къ нимъ ребенкомъ или ридился подъ ихъ владычествомъ.

Получивъ отъ испанскаго правительства необходимыя средства для основанія «миссій», Общество Іисуса захотѣло сдѣлаться ихъ полновластнымъ и неограниченнымъ хозяиномъ. Ему удалось выхлопотать королевскій декретъ, который запрещалъ испанцамъ находиться въ миссіяхъ безъ разрѣшенія Ордена. Іезуиты ссылались на то, что грѣховность цивилизованныхъ христіанъ можетъ

сильно развратить невинных новообращенных индѣйцевъ и помѣшать спасенію ихъ душъ. Далѣе они добились отмѣны ежегодныхъ инспекторскихъ ревизій, которыя колоніальное правительство производило въ комтуріяхъ анакоповъ и митайосовъ. Одному лишь Богу и Генералу ордена іезуиты отдавали отчетъ въ управленіи осѣдлыми индѣйцами и пользованіи произведенными ими сельскохозяйственными и промышленными богатствами. Несмотря на то, что іезуиты хотѣли оградить себя отъ контроля законовъ, они попрежнему исправно получали средства изъ королевской казны для содержанія одного миссіонера на каждую миссію. Необходимыя для этой цѣли суммы составлялись изъ подушнаго налога въ 1 пезо 8 реаловъ (80 коп.), который индѣйцы миссій уплачивали казнѣ, между тѣмъ какъ индѣйцы въ свѣтскихъ колоніяхъ платили 5 пезо (4 рубля) ежегодно.

Іезуиты были настолько предусмотрительны, что подчинили свои миссіи непосредственно коронѣ. Такимъ образомъ они освободились отъ контроля колоніальнаго правительства, а ихъ поселенцы отъ обязательныхъ работъ въ рудникахъ и отъ уплаты податей. Не желая допустить, чтобы кто-нибудь кромѣ нихъ взималъ хоть грошъ съ новообращенныхъ индѣйцевъ, они исходатайствовали королевскій декретъ, освобождавшій ихъ отъ уплаты десятины колоніальнымъ епископамъ, «такъ какъ миссіи», по объясненію Шарльвуа, «слишкомъ бѣдны для несенія такихъ тяжелыхъ повинностей». Мадридскій дворъ ссылаъ іезуитовъ милостями. Онъ не только понизилъ и впоследствии совсѣмъ уничтожилъ подати для нихъ, но даже выдалъ имъ изъ королевской казны средства для пріобрѣтенія части аммуниціи, когда они въ 1636 году, не смотря на протесты колоніальнаго правительства, получили отъ короны разрѣшеніе вооружать индѣйцевъ-поселенцевъ на европейскій манеръ.

Пользуясь своимъ правомъ вооружать индѣйцевъ ружьями и пушками, они принялись за организацію регулярной арміи, подъ предлогомъ необходимости отражать вторженія португальцевъ и мамулукосовъ, въ дѣйствительности же для защиты миссій отъ испанцевъ, съ которыми іезуиты издавна находились въ открытой враждѣ. Имъ хотѣлось также имѣть въ своемъ распоряженіи извѣстное орудіе противъ колоніальнаго правительства, которое было представителемъ испанской короны. Этимъ объясняется то, что, когда іезуиты сосредоточили въ своихъ рукахъ значительную военную силу, ихъ обвинили въ намѣреніи составить независимое государство. Возможно, что Общество Іисуса дѣйствительно дѣлало грандіозный планъ — основать теократическую республику, которая охватывала бы часть Южной Америки. Миссіи, основанныя имъ въ Бразиліи вдоль рѣки Амазонки, въ Перу и на сѣверѣ Парагвая, должны были развиться и расшириться и образовать центры, вокругъ которыхъ группировались бы различныя части іезуитскаго государства.

Іезуитамъ лишь съ большимъ трудомъ удалось получить право на вооруженіе индѣйцевъ ихъ колоній огнестрѣльнымъ оружіемъ. Испанское правительство придерживалось правила не вводить у воинственныхъ индѣйскихъ племенъ этой части Новаго Свѣта оружія, обладаніе которымъ могло сдѣлать ихъ опасными, если не непобѣдимыми врагами. Даже своимъ несовершеннымъ вооруженіемъ они причиняли испанцамъ большой вредъ. Упомянутое разрѣшеніе вооружить туземцевъ европейскимъ оружіемъ дано было іезуитамъ только послѣ того, какъ почтенный патеръ Монтойя съѣздилъ въ Мадридъ и увѣрилъ короля, что индѣйцы,

населяющіе миссіи, добрые католики и вѣрноподанные испанскаго короля. Получивъ желаемое разрѣшеніе, іезуиты напрягли весь свой организаторскій талантъ и упорную выдержку, чтобы создать армію. Уже въ 1641 году они распорядились арміей въ 4.000 человекъ, вооруженной ружьями и пушками, подъ предводительствомъ 300 туземцевъ-офицеровъ съ генераломъ какикомъ Абیارомъ во главѣ. Они смогли выставить армію въ 7—12.000, которая побѣдила Антекверру и Рамона. Впрочемъ, этими войсками командовали европейскіе офицеры.

Шарльвуа говоритъ, что въ каждомъ селеніи содержался отрядъ пѣхоты и отрядъ кавалеріи. Пѣхота была вооружена маканой, т.-е палицей, лукомъ, пращей, мечемъ и ружьемъ. Кавалеристы сражались пикой, саблей и мушкетомъ, и въ случаѣ надобности — вели бой, какъ мушкетеры, спѣшившись. Главное управленіе миссій содержало также отрядъ наемныхъ абипонскихъ наѣздниковъ, славившихся своимъ мужествомъ и умѣньемъ править лошадьми.

Каждый понедѣльникъ посвящался военнымъ упражненіямъ; ни что, способствовавшее военному воспитанію, не упускалось изъ виду. Солдаты занимались гимнастикой, учились фехтовать; происходили военныя пляски, примѣрныя сраженія колоннами и вразсыпную. Все это воскресило въ индѣйцахъ геройскій духъ ихъ расы. Въ военныхъ играхъ и маневрахъ они проявляли такое страстное увлеченіе, что іезуитамъ нерѣдко приходилось разнимать борющіеся отряды, чтобы избѣжать кровопролитія и жертвъ. Своими войсками іезуиты пользовались не только для защиты миссій. Они успѣшили предложить свои военныя услуги и колоніальному правительству, причемъ преслѣдовали двойную цѣль: во-первыхъ, приучить туземцевъ къ веденію войны и, во-вторыхъ, внушить испанцамъ представленіе о своемъ военномъ могуществѣ.

Въ 1637 году только-что вооруженные и обученные индѣйцы были отправлены въ походъ противъ индѣйцевъ Каракасъ, напавшихъ на жителей одной изъ испанскихъ колоній. Они осадили ихъ на островѣ, часть изъ нихъ уничтожили, а остальныхъ увезли въ плѣнъ. Въ 1641 году индѣйскіе повстанцы заняли Ассунціонъ, резиденцію королевскаго намѣстника въ Парагваѣ. Миссіонеры послали туда на помощь свою армію, которая разбила и вытѣснила краснокожихъ и выручила испанцевъ. Въ 1653 году они вторично освободили Ассунціонъ, а въ 1660 году спасли намѣстника, запертаго въ церкви, осажденной индѣйцами; войска іезуитовъ очистили городъ отъ дикарей, которые его заняли. Дважды, въ 1667 и 1671 годахъ, іезуиты предоставляли колоніальному правительству свои суда для перевозки испанскихъ солдатъ по Рио-де-ла-Платѣ изъ Корріентесъ въ Буэносъ-Айресъ, блокированный англичанами. Послѣднихъ удалось отразить только при помощи іезуитовъ, военная сила которыхъ становилась все болѣе грозной.

По мѣрѣ того, какъ поселенія Общества Іисуса увеличивались въ числѣ и расширялись, росла также ненависть и вражда, которую они возбуждали съ начала своего существованія. Они возстановили противъ себя всѣхъ испанцевъ.

То обстоятельство, что доступъ въ миссіи былъ закрытъ для всѣхъ испанцевъ и что послѣдніе могли жить тамъ лишь съ разрѣшенія ордена, въ качествѣ гостей и не больше трехъ дней, возбудило подозрѣнія и зависть европейцевъ. Искатели золота совершенно неосновательно вообразили, будто іезуиты открыли богатые рослины благородныхъ металловъ, къ которымъ никого не хотятъ допу-

скать. И такъ какъ случалось, что они отказывали въ приемѣ въ миссіяхъ епископамъ и высокопоставленнымъ чиновникамъ, враждебность которыхъ имъ была извѣстна, то ихъ обвинили въ желаніи обмануть казну невѣрными свѣдѣніями о числѣ жителей изъ поселковъ для того, чтобы не вносить наложенной на нихъ подушной подати.

Миссіонеры вели значительную торговлю сельско-хозяйственными и промышленными продуктами, произведенными въ миссіяхъ. Въ болѣе крупныхъ городахъ Парагвая, а также и въ Буэносъ-Айресѣ, они продавали табакъ, овощи, хлопчатую бумагу и пряжу, дубленныя кожи, обувь, воскъ, а главнымъ образомъ — Йерба-дель-Парагвай (парагвайскій чай), обыкновенно называемый матэ, очень часто замѣняющій въ Южной Америкѣ кофе. Іезуиты одни сбывали больше матэ, чѣмъ всѣ остальные земледѣльцы вмѣстѣ. По Шарльвуа, ихъ ежегодный сбытъ этого продукта равнялся, въ среднемъ, 12.000 арробасъ (приблизительно 184.000 килограммъ). Каждая миссія въ среднемъ производила до 2.000 арробасъ хлопка, такъ что всѣ 30 миссій вмѣстѣ ежегодно добывали до 921.000 килограммъ хлопка. Интересы европейскихъ колонистовъ сильно страдали отъ торгово-промышленной конкуренціи іезуитовъ. Поэтому, они обвинили святыхъ отцовъ въ томъ, въ чемъ тѣ раньше обвиняли испанцевъ. Они утверждали, что новообращенные индѣйцы испытываютъ въ іезуитскихъ миссіяхъ гораздо болѣе большую эксплуатацію и болѣе жестокое обращеніе, чѣмъ имъ приходилось выносить когда-либо въ свѣтскихъ колоніяхъ. Далѣе ихъ обвиняли въ томъ, что они ежегодно обрекаютъ на смерть значительное число туземцевъ, посылая ихъ за 100—200 миль отъ родины за парагвайской травой. Въ дальнихъ и трудныхъ путешествіяхъ, предпринимаемыхъ съ этой цѣлью, многіе индѣйцы гибли отъ голода и переутомленія. Эта высокая смертность явилась, по мнѣнію европейскихъ поселенцевъ, главной причиной медленнаго прироста населенія миссій. Для подтвержденія своихъ обвиненій испанцы ссылались на то, что іезуиты, вступая въ управленіе комтуріями митайосовъ, потребовали отъѣмныя правила, запрещавшаго свѣтскимъ комтуріямъ заставлять туземцевъ работать больше двухъ дней въ недѣлю. Далѣе они указывали на то, что іезуиты добились отъѣмныя ревизій, производившихся ежегодно правительственными чиновниками. Въ силу всѣхъ этихъ привилегій іезуиты могли совершенно произвольно обременять работой новообращенныхъ жителей своихъ миссій.

Духовенство тоже было враждебно настроено противъ миссіонеровъ. Епископы не могли простить іезуитамъ, что тѣ, подъ предлогомъ бѣдности миссій, отказались отъ уплаты десятины. Донъ Вернардино, епископъ Ассунціона, обвинялъ ихъ въ фальсификаціи христіанской религіи: поддѣлываясь подъ вкусы дикарей, они имъ, будто бы, разрѣшали поклоняться богу католическихъ христіанъ подъ именемъ индѣйскаго божества Тупа, и при переводѣ катехизиса на гуаранисскій языкъ исказили ученіе церкви. Далѣе онъ ихъ упрекалъ въ нарушеніи тайны исповѣди, которую они превратили въ орудіе своего господства. Іезуитамъ удалось добиться перевода дона Вернардино въ другую колонію. Общество Іисуса слѣдовало въ Парагваѣ той же тактикѣ, какую оно примѣняло въ Китаѣ, гдѣ отъѣмло крестъ, казавшійся прозелитамъ позорнымъ орудіемъ казни. Паскаль и противники іезуитовъ сильно негодовали на такой оппортунизмъ. При этомъ они забываютъ, что христіанству удалось завоевать себѣ прочное положеніе среди

цивилизовавшихся и варварских народов Старого Свѣта единственно при помощи подобныхъ же уступокъ ¹⁾).

Колониальное правительство продолжало протестовать при мадридскомъ дворѣ противъ дарованнаго іезуитамъ права вооружать индѣйцевъ и содержать военные отряды. Съ ихъ дисциплиной и храбростью оно ознакомилось довольно близко. Но Общество Іисуса черезъ исповѣдниковъ властвовало надъ малодушными, слабозахарактерными наслѣдниками Филиппа II, и ему постоянно удавалось отражать нападки колониальныхъ намѣстниковъ. Сила его настолько возросла, что оно вступило въ борьбу съ войскомъ дона Жозе Антекверра, намѣстника Парагвая. Войска іезуитовъ выиграли сраженіе; намѣстникъ былъ казненъ. Во время войны съ Антекверрой и Рамономъ, который послѣ смерти перваго организовалъ партію городовъ, «de los comuneros», многіе индѣйцы пользовались случаемъ возвратити себѣ свободу, убѣгали изъ миссій и возвращались въ лѣса. Во время этой войны іезуиты выставили двѣнадцатитысячное войско, вооруженное ружьями и пушками, подъ командой высшихъ офицеровъ европейскаго происхожденія.

Въ концѣ концовъ, постоянныя жалобы всѣхъ классовъ испанскаго общества на іезуитовъ встревожили мадридскій дворъ. Онъ захотѣлъ удостовѣриться, насколько онѣ обоснованы, и велѣлъ произвести ревизію. Іезуиты съ изумительнымъ искусствомъ пустили въ ходъ всѣ свои связи, такъ что ревизія была поручена лицамъ, которыя имъ были вполне преданы и торжественно восхваляли ихъ дѣятельность. Одинъ изъ ревизоровъ, Донъ Педро Факсардо, заявилъ, что поселенія достойныхъ отцовъ являются христіанской республикой, гдѣ царствуетъ самая возвышенная невинность, и, быть можетъ, «за цѣлый годъ не совершается ни одного смертнаго грѣха», и что миссіонеры достигли такихъ результатовъ, воспитывая «дикарей, склонныхъ ко всякимъ порокамъ» ²⁾.

Несмотря на всѣ эти благопріятные отзывы, въ Мадридѣ смотрѣли далеко не благосклонно на общность имущества, которая, по утвержденіямъ испанскихъ поселенцевъ, всѣ произведенныя индѣйцами богатства отдавала въ распоряженіе іезуитовъ. Миссіонеры съ своей стороны увѣряли, что только коммунистическій строй можетъ дать возможность поддерживать существованіе крещеныхъ индѣйцевъ, которые съ легкомысліемъ и беззаботностью дѣтей совершенно не въ состояніи распорядиться своимъ хозяйствомъ и такъ распредѣлять свои продукты, чтобы существовать спокойно цѣлый годъ; поселенія, по словамъ, іезуитовъ не только не богаты, но, наоборотъ, очень бѣдны. «Все, что производятъ индѣйцы», писалъ епископъ Буэносъ-Айресскій, «обеспечиваетъ имъ только ежедневное пропитаніе; пища ихъ состоитъ изъ мяса, маиса и овощей; одѣваются они въ грубыя, простыя ткани; излишекъ идетъ на постройку и содержаніе церквей».

¹⁾ Передъ принятіемъ христіанства въ X вѣкѣ ирландцы поставили въ общенародномъ собраніи нѣкоторыя условія. Они потребовали, чтобы имъ позволено было въ тайнѣ продолжать поклоняться своимъ прежнимъ богамъ и ихъ изображеніямъ, открытое поклоненіе которымъ каралось изгнаніемъ; далѣе, чтобы всѣ старыя законы, допускавшіе лодкидваніе дѣтей, употребленіе конины и другіе обычаи, не противорѣчившіе духу христіанства, сохранили свою силу. Принявъ эти условія, въ силу которыхъ отецъ могъ распоряжаться жизнью своихъ дѣтей, законодатель Ирландіи Торгеиръ объявилъ христіанскую религію господствующей.

²⁾ Изъ письма къ Филиппу V отъ 1721 года; его цитируетъ Шарльвау.

Кромѣ того миссіонеры утверждали, что коммунизм у нихъ проведенъ не совершенно послѣдовательно, такъ какъ каждой семьѣ отводится небольшой участокъ земли, съ котораго она собираетъ урожай для собственныхъ потребностей.

Испанскій дворъ съ удивленіемъ узналъ, что для полнаго отдѣленія индѣйцевъ отъ испанцевъ не только было запрещено послѣднимъ появляться въ миссіяхъ, но тамъ даже не употреблялся испанскій языкъ. Іезуиты хотѣли уничтожить всякую возможность сношеній дикарей съ европейскими поселенцами, во избѣжаніе развращенія новообращенныхъ. Голландское правительство, отнюдь не заботящееся о душевномъ спасеніи туземцевъ голландскихъ колоній, придерживается въ своихъ владѣніяхъ на островѣ Явѣ подобной же политики. Европейскіе чиновники въ колоніяхъ должны знать яванскій языкъ, чтобы понимать своихъ подчиненныхъ, говорящихъ только на этомъ нарѣчій и не имѣющихъ права изучить какой-нибудь европейскій языкъ. Испанское правительство, менѣе одержимое духомъ торгашества, было убѣждено, что такія вещи не должны быть терпимы. Указъ отъ 28 дек. 1743 г. предписывалъ обучать индѣйцевъ испанскому языку, такъ какъ они—подданные испанскаго короля. Изъ одного замѣчанія Шарльвуа видно, что іезуиты рѣшили не повиноваться королевскому декрету. По ихъ мнѣнію, индѣйцы прежде всего были подчинены Обществу Іисуса, а затѣмъ уже испанскому королю. Королемъ тогда былъ Бурбонъ, Филиппъ V, внукъ Людовика XIV французскаго.

Въ то время общество Іисуса подвергалось гоненіямъ во всей Европѣ. Бурбонскіе дворы добились своимъ вліяніемъ изгнанія іезуитовъ въ 1759 году изъ Португаліи, въ 1762 изъ Франціи, въ 1767 изъ Испаніи. Въ 1773 году папа Климентъ XIV уничтожилъ Орденъ.

Между документами, конфискованными при изгнаніи іезуитовъ изъ Парагвая, есть также письмо достойнаго патера Рабайо, доказывающее, что къ іезуитамъ въ Мадридѣ вовсе не благоволили. Патеръ сообщаетъ, что жалобы на миссіонеровъ такъ многочисленны и серьезны, что онъ не можетъ противоdѣйствовать имъ, несмотря на то вліяніе, которое онъ, какъ исповѣдникъ, оказываетъ на короля. Испанское правительство прониклось, по мнѣнію Азара, особенно сильнымъ подозрѣніемъ къ христіанской республикѣ оттого, что почти всѣ миссіонеры были англичане, итальянцы и нѣмцы, а немногіе испанцы, бывшіе въ ихъ числѣ, не имѣли большого вліянія. Но оно не рѣшалось открыто и прямо напасть на іезуитовъ, боясь ватолкнуться на сопротивление и потерпѣть даже пораженіе. Поэтому правительство предпочло дѣйствовать мягко и осторожно. Прежде всего оно потребовало постепеннаго освобожденія индѣйцевъ, которые находились подъ опекой іезуитовъ болѣе ста лѣтъ. Іезуиты соглашались на всѣ требованія, но остерегались фактически исполнить хоть одно.

Недоразумѣнія, возникшія между Португаліей и Испаніей по поводу границъ между ихъ южно-американскими колоніями, ускорили разрѣшеніе конфликта. Въ 1750 году испанскій король уступилъ португальцамъ часть Уругвая. Португальское правительство приказало іезуитамъ, которые имѣли въ уступленной области семь миссій, немедленно выселиться оттуда вмѣстѣ со своими крещеными индѣйцами. Послѣдніе отказались слѣдовать за іезуитами. Многіе воспользовались случаемъ, и возвратились на свободу, чтобы снова начать свой кочевой образъ жизни на берегахъ Параны и Уругвая, другіе остались въ своихъ поселкахъ. По наущенію іезуитовъ они взяли за оружіе, чтобы оказать сопротивление

глубоко ненавистнымъ имъ португальцамъ. Донъ Пабло Букарели йи Урза, желавшій возстановленія мира, укорялъ іезуитовъ въ томъ, что они сѣютъ раздоръ и возбудили и поддерживали войну, единственной цѣлью которой было возвращеніе ихъ господства въ этихъ семи миссіяхъ. 2-го января 1768 года испанскій король Карль III, сынъ Филиппа V, подписалъ указъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ трехъ провинцій: Парагвая, Ріо-де-ла-Плата и Тукуманъ. Букарели, которому поручено было исполнить приказъ, счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ той тактикѣ, которую Митридатъ примѣнилъ, когда ему нужно было уничтожить римлянъ, жившихъ въ его владѣніяхъ. 7-го іюня онъ разослалъ намѣстникамъ отдѣльныхъ областей запечатанное письмо съ приказаніемъ распечатать его только 21-го іюля. 22-го іюля въ одно и то же время во всѣхъ миссіяхъ неожиданно появились вооруженные отряды конницы, которымъ было приказано немедленно вывести изъ миссій всѣхъ находившихся тамъ іезуитовъ. 150 миссіонеровъ были арестованы и привезены въ города Корриентесъ, Кордову, Санта Фе, Монтевидео и Буэносъ-Айресъ. Къ 3-му августа 1768 года всѣ іезуиты были изгнаны изъ испанскихъ колоній.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жизнь индѣйцевъ въ миссіяхъ.

Іезуиты приняли всевозможныя мѣры для того, чтобы сохранить въ тайнѣ свой способъ управленія миссіями. Они не допускали туда постороннихъ, а чиновники и королевскіе инспекторы, которымъ открывался доступъ, были друзья, относительно которыхъ не было сомнѣній, что они будутъ освѣщать событія и отношенія въ миссіяхъ, такъ, какъ желаютъ того іезуиты. Несмотря на это, для описанія государства іезуитовъ накопилось достаточно матеріаловъ. У насъ есть описанія миссій, данныя Шарльвуа и Фунесомъ, далѣе хвалебные отчеты королевскихъ чиновниковъ, ревизовавшихъ миссіи, и наконецъ факты, собранныя Азара, которому удалось посѣтить миссіи іезуитовъ непосредственно послѣ изгнанія послѣднихъ. Если всего этого и недостаточно для изученія жизни индѣйцевъ въ миссіяхъ во всѣхъ ея подробностяхъ, то все таки этого довольно для того, чтобы дать общее представленіе о внутренней организаціи теократической республики, основанной на началахъ евангельскаго ученія, котораго Общество Іисуса сумѣло провести на практикѣ, не встрѣчая препятствій ни въ стѣснительномъ надзорѣ, ни въ особомъ сопротивленіи. Можно, пожалуй, даже утверждать, что не бывало болѣе удобнаго момента для осуществленія христіанскаго идеала.

Человѣческой матеріалъ, подлежащій формированію и воздѣйствію достойныхъ патеровъ, происходилъ изъ молодой, физически и нравственно здоровой расы, наивной и податливой, и совершенно не развращенной пороками цивилизаціи и тѣми эгоистическими и антисоціальными страстями, которыя создаются частной собственностью и моногамной семьей; въ равной мѣрѣ она еще не была затронута предрасудками, накапливающимися съ теченіемъ вѣковъ во всякой

старой общественной организаціи. И миссіонеры, которые основали въ этихъ дѣвственныхъ областяхъ свои миссіи, проявили необычайные, достойные удивленія умъ, самоотверженіе и умѣнье управлять людьми. Нельзя не дивиться выдержкѣ іезуитовъ, безъ семьи, безъ личнаго честолюбія проводившихъ свою жизнь или по крайней мѣрѣ свои лучшіе годы точно въ пустынѣ среди дикарей, съ которыми они по опредѣленнымъ, глубокообдуманнѣмъ соображеніямъ не поддерживали никакихъ сношеній, кромѣ безусловно необходимыхъ для управленія миссіями. Хотя въ поселеніяхъ было не больше 150—200 іезуитовъ, имъ все-таки удалось подчинить волѣ Ордена населеніе, состоявшее, по словамъ Фунеса, во время изгнанія іезуитовъ изъ Парагвая изъ 150.000 человекъ, но несомнѣнно бывшее болѣе многочисленнымъ во время 150-лѣтняго владычества Общества Іисуса. Парагвайскіе миссіонеры, повиновавшіеся приказамъ Ордена и исполнявшіе его предписанія, оказали ему неоцѣнимыя услуги.

* * *

Управленіе миссіей было организовано очень просто и сосредоточивалось въ рукахъ немногихъ руководящихъ лицъ. Каждымъ селеніемъ управлялъ священникъ и викарій, находившіеся подъ присмотромъ суперіора, который, въ свою очередь, былъ подчиненъ провинціалу. Священникъ, неограниченный хозяинъ миссіи, управлялъ ея имуществомъ; обыкновенно онъ не зналъ языка гуаранисовъ. Викарій, на обязанности котораго лежала забота о духовномъ спасеніи населенія миссіи, наоборотъ, хорошо зналъ языкъ населенія, съ которымъ онъ по необходимости находился въ тѣсномъ и постоянномъ общеніи. Священникъ и викарій оба жили въ коллегіи, расположенной въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ строеній поселенія. Имъ запрещено было всякое близкое сношеніе съ индіанками, и цѣломудріе ихъ всегда стояло виѣ сомнѣній. Общеніе они имѣли только съ немногими мужчинами, услуги которыхъ были необходимы для нихъ или для общины. Ни подъ какимъ предлогомъ они не смѣли переступить порогъ жилища индѣйцевъ и показывались въ деревнѣ лишь изрѣдка. Если больной поселенецъ нуждался въ духовникѣ, его приносили въ особое помѣщеніе вблизи коллегіума. Священникъ или викарій отправлялся туда въ носилкахъ, чтобы исповѣдовать больного или причастить его. Священники показывались индѣйцамъ только въ церкви во время богослуженія и являлись тогда, какъ божественныя существа, во всемъ блескѣ и величіи католическаго богослуженія, въ блистающихъ золотомъ одеждахъ, окруженные услугами многочисленныхъ, роскошно одѣтыхъ прислужниковъ и пѣвчихъ, въ облакахъ фиміама, въ то время, какъ звуки органа, различныхъ музыкальныхъ инструментовъ и пѣнія наполняли церковь и опьяняли дикарей, на которыхъ музыка и благовонія, по словамъ «Поучительныхъ посланій», производили неотразимое впечатлѣніе. Церкви бѣдныхъ дикарей были самыя большія и богатя въ колоніяхъ. Церковь въ миссіи С. Франциска Ксавера вмѣщала 4000—5000 человекъ; ея стѣны были выложены сверкающими плитами слюды, украшены картинами и рѣзбой; алтари блистали золотомъ и серебромъ. Д'Орбиньи, посѣтившій эти церкви въ 1830 году, когда онѣ значительно утратили свою первоначальную роскошь, былъ пораженъ ихъ красотой и блескомъ. Эта тщательно обдуманная обстановка была необходима для того, чтобы подчинить деспотической власти двухъ духовныхъ лицъ—священника и викарія—тысячи индѣйцевъ миссіи, «вѣра которыхъ», по словамъ естество-

испытателя д'Орбиньи, «была настолько наивна, что они смотрѣли на священниковъ, какъ на намѣстниковъ Бога, и слѣпо имъ повиновались».

Іезуиты послѣдовали примѣру испанцевъ. Они позволили индѣйцамъ самимъ выбирать своихъ кадииковъ или вождей. Послѣдніе, обыкновенно, избирались изъ одной и той же семьи, какъ это въ обычаѣ у большинства дикихъ племенъ, живущихъ въ коммунистическихъ кланахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они предоставили индѣйцамъ право выбирать общинное управленіе, состоявшее изъ двухъ алькальдовъ и нѣсколькихъ членовъ общиннаго совѣта. Однако, ежегодные выборы въ общинное управленіе происходили въ присутствіи священника, который руководилъ утвержденіемъ избранныхъ. Послѣдніе находились подъ полнымъ вліяніемъ обоихъ священниковъ, потому что никто не осмѣлился бы принять какое-нибудь рѣшеніе, не посоветовавшись предварительно съ патеромъ или его викаріемъ. Монахи, замѣтившіе въ миссіяхъ изгнанныхъ іезуитовъ, нерѣдко попадали въ затруднительное положеніе, благодаря постояннымъ вопросамъ и просьбамъ о совѣтѣ, которыми муниципальныя власти осыпали ихъ по поводу самыхъ незначительныхъ дѣлъ управленія. Общинныя чиновники были лишь орудіями, которыми миссіонеры пользовались для проведенія своихъ намѣреній. Антоніо де Уллоа постарался смягчить этотъ фактъ тѣмъ соображеніемъ, что «ограниченность ума обращенныхъ индѣйцевъ вынуждаетъ миссіонеровъ вмѣшиваться во всѣ дѣла и руководить ими какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи» ¹⁾).

Индѣйцы «точно кролики въ паркѣ» были совершенно заперты въ миссіяхъ. Во избѣжаніе сношеній съ ви́шнимъ міромъ и для предупрежденія побѣговъ, каждое селеніе окапывалось глубокимъ рвомъ, огороженнымъ частоколомъ. Войти въ миссію можно было только черезъ ворота, которыя охранялись часовыми, и то только съ письменнымъ разрѣшеніемъ. Владѣнія каждой миссіи ограничивались рвами, и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно было переходить черезъ эти рвы, стояли часовые, препятствовавшіе переходу индѣйцевъ изъ одной миссіи въ другую. При наступленіи ночи раздавались звуки колокола, и всѣ жители должны были возвращаться въ свои жилища. Патруль «изъ лицъ, на которыхъ можно было положиться», говоритъ Шарльвуа, смѣнявшійся каждые три часа, проходилъ по всѣмъ улицамъ для того, чтобы «никто не могъ покидать своего дома, не сообщивъ, что его побудило къ этому, и куда онъ идетъ» ²⁾).

¹⁾ Донъ Антоніо де Уллоа „Relation historical“. Цитировано у Шарльвуа.

²⁾ Такая послѣдовательная система ограниченія свободы настолько соответствуетъ потребностямъ капиталистической эксплуатаціи, что одна французская акціонерная компанія—вѣроятно ничего не зная о поселеніяхъ іезуитовъ въ Парагвай—примѣнила ее по отношенію къ своимъ рабочимъ. Великіе умы эксплуататоровъ сходятся. — Вильневетъ — небольшое мѣстечко въ севенскихъ горахъ. Вся земля подъ селеніемъ и всѣ зданія, начиная съ церкви и мэрїи, до жилищъ рабочихъ, собственность акціонерной компаніи, производящей сукно для французской арміи. Безъ разрѣшенія предпринимателей никто не имѣетъ права вступать въ селеніе. Послѣднее на подобіе средневѣковыхъ городовъ обнесено рвами. Подземный мостъ, ведущій черезъ ровъ, по вечерамъ поднимается. Въ 9 часовъ вечера всѣ должны лечь и встать при утреннемъ благовѣстѣ. Жителей мужчинъ тамъ 400; все это ткачи или фабричныя служащіе. Французскій языкъ въ Вильневетѣ неизвѣстенъ; говорятъ на парѣчи, распространенномъ въ Севеннахъ. Торговля съѣстными припасами и одеждой сосредоточена въ рукахъ акціонеровъ. Мэръ и коммунальные совѣтники рабочіе, избираемые лишь изъ среды угодныхъ предпринимателямъ. Такой порядокъ вещей сохранился въ Вильневетѣ съ XVIII столѣтія до нашихъ дней.

Индійцамъ было запрещено ѣздить верхомъ въ тѣ дни, когда не бывало военныхъ упражненій. Однако стада охранялись наѣзdnиками. Для того, чтобы уменьшить число пастуховъ и избѣжать клейменя скота, миссіонеры окружали пастбища рвами, такъ что они совершенно походили на заповѣдныя рощи. Животныхъ, какъ и людей, миссіонеры держали въ плѣну.

Внутри миссіи воля священника была закономъ. Писанныхъ законовъ не существовало, существовали только «предписанія», которыя можно сравнить съ росписаніемъ работъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Священникъ наказывалъ провинившихся молитвой, постомъ, заключеніемъ и розгами, не отдавая никому отчета въ своихъ рѣшеніяхъ. Послѣ разсказаннаго выше со словъ Шарльвуа факта, когда кадикъ за ослушаніе былъ сожженъ небеснымъ огнемъ, не трудно предположить, что въ миссіяхъ отъ времени до времени происходили ауто-да-фе, для того, чтобы отдѣлаться отъ неисправимыхъ индійцевъ и дать надлежащую острастку.

Изъ наиболѣ послушныхъ и преданныхъ индійцевъ образовывались кадры полицейскихъ, которые зорко слѣдили за населеніемъ миссіи и наказывали уличенныхъ въ какихъ-нибудь проступкахъ. Для того, чтобы наказаніе способствовало всеобщему поднятію нравственности, каждый преступникъ долженъ былъ надѣвать покаянную рубашку, на подобіе еретиковъ, которыхъ инквизиція сжигала. Его отводили сперва въ церковь, гдѣ онъ публично долженъ былъ каяться въ своемъ проступкѣ, а затѣмъ на площадь для сѣченія. Іезуиты и ихъ прославители хотятъ увѣрить, что индійцы воспринимали это ужасное и позорное наказаніе какъ милость. «Никогда», пишетъ Фунесъ, «ни одинъ изъ нихъ не попытался умалить свою вину или избавиться отъ наказанія. Всѣ съ благодарностью подвергали себя карѣ. Были даже такіе, свидѣтелями преступленій которыхъ была только ихъ совѣсть, но и они признавались въ своихъ проступкахъ и требовали кары, чтобы смягчить угрызенія совѣсти, которыя были сильнѣе наказанья». Донъ Антоніо де Уллоа прибавляетъ: «Они настолько довѣряютъ своимъ духовнымъ пастырямъ, что даже неосновательное наказаніе кажется имъ заслуженнымъ. Если эти утвержденія соотвѣтствуютъ дѣйствительности, — а это, въ виду наклоности дикарей къ преувеличенію и ихъ сильно развитой фантазіи, далеко не невѣроятно, — то мы можемъ составить себѣ представленіе о размѣрахъ нравственнаго вліянія, которое іезуиты оказывали на бѣдныхъ дикарей. Это моральное вліяніе могло бы понудить іезуитовъ отказаться отъ жестокихъ и унижительныхъ наказаній.

Іезуиты всѣми силами старались сковать индійцевъ не только въ матеріальномъ, но еще больше въ моральномъ отношеніи. Все время, свободное отъ труда и необходимаго отдыха, они должны были проводить въ молитвѣ, чтобы имъ не оставалось ни одной свободной минуты, въ теченіе которой они могли бы подумать о своемъ положеніи. «Церкви», сообщаетъ Шарльвуа, «всегда переполнены. Постоянно здѣсь собирается большое число лицъ, проводящихъ все свое свободное время въ молитвѣ». Утромъ до работы и вечеромъ всѣ обитатели миссіи собирались въ церкви къ обѣднѣ или всенощной. Передъ входомъ въ храмъ женщины расплетали свои волосы, которые онѣ обыкновенно, на подобіе солдатъ XVIII вѣка, заплетали въ косы. Весь воскресный день протекалъ въ религиозныхъ церемоніяхъ, обѣдняхъ, вечернихъ богослуженіяхъ, крестинахъ, помолвкахъ, бракосочетаніяхъ; тогда же сообщалось о празднествахъ и постныхъ

дняхъ, читались пастырскія посланія епископовъ и другіе релігіозные документы. Еженедѣльный отдыхъ намѣренно превращался въ самый скучный день для того, чтобы индѣйцы больше стремились къ труду и смотрѣли на него, какъ на развлеченіе.

Знаменитый докторъ Уре приводитъ въ своей «Философіи Мануфактуры» въ качествѣ примѣра, которому должны слѣдовать «друзья человѣчества», филантропическую дѣятельность стокпортскихъ фабрикантовъ. Они затратили 250.000 франковъ на постройку здавія, куда каждое воскресенье сгоняли 4.000—5.000 рабочихъ, которыхъ тамъ обучали пѣнію и чтенію священныхъ пѣсень. Такое времяпровожденіе должно было отвратить рабочихъ отъ «впаденія въ пороки, порождаемые лѣностью» и отъ «увлеченія свойственнымъ челоуѣку эгоизмомъ, который могъ бы внушить имъ завистливое и враждебное отношеніе къ ихъ лучшему другу: воздержному и предприимчивому капиталисту, который имъ даетъ работу».

Для обузданія дурныхъ наклонностей своихъ рабочихъ миссіонеры располагали такими духовными средствами, какихъ не зналъ ни протестантъ Уре, ни англійскіе челоуѣколюбивые эксплуататоры. Они основали для мужчинъ, женщинъ и молодежи старше десяти лѣтъ многочисленныя братства и общины сестеръ, которыя «находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ Господа Силь и Богоматери». Въ настоящее время католическіе предприниматели во Франціи пытаются осуществить принципы христіанскаго социализма. Они организуютъ рабочихъ и работницъ въ союзы «Notre-Dame de l'Usine» («Богоматери фабрики») и «Святого Юсифа». Имена индѣйцевъ вносились въ списки членовъ общины, братьевъ или сестеръ, и вычеркиваніе имени одного изъ нихъ означало наказаніе. Въ вознагражденіе члены союзовъ получали право пѣть при богослуженіи и сидѣть на почетныхъ мѣстахъ въ богатыхъ одеждахъ и со знаками отличія; одежды и знаки отличія они по окончаніи богослуженія должны были возвращать.

Такая однообразная жизнь, цѣликомъ посвященная труду и молитвѣ, не могла привлекать дикарей, предки которыхъ свободно кочевали въ лѣсахъ и проводили часы отдыха отъ опасностей охоты и трудовъ первобытнаго земледѣлія въ празднествахъ и пляскахъ. Какъ и всѣ дикари, гуаранисы, составлявшіе большую часть населенія миссій іезуитовъ, страстно любили танцы. Шарльвуа рассказываетъ, что іезуиты «давали имъ отъ времени до времени отдыхъ, не только въ цѣляхъ охраненія ихъ здоровья, но также и для поддержанія веселости, которая, отнюдь не вредя добродѣтели, можетъ сдѣлать ее пріятной». Гейне въ одномъ изъ своихъ саркастическихъ стихотвореній описываетъ капитана невольничьяго судна. Движимый тѣми же похвальными побужденіями, какъ и іезуиты, челоуѣколюбивый торговецъ челоуѣческимъ мясомъ ежедневно выпускалъ на палубу свой «грузъ чернаго дерева» и заставлялъ ихъ пѣть и плясать подъ аккомпаниментъ кнута. Этими гигиеническихъ приемомъ онъ хотѣлъ достигнуть, чтобы его негры не умерли отъ скуки и тоски по утраченной свободѣ.

Каждая миссія имѣла своего покровителя — святого, по имени котораго она и называлась. Празднованіе памяти этого святого было самымъ радостнымъ торжествомъ для населенія. Съ нетерпѣніемъ оно ожидало его каждый годъ, и уже задолго начинались приготовленія. Торжество длилось три дня. По улицамъ, устланнымъ коврами и украшеннымъ флагами, носили изображеніе святого; надъ

площадями и перекрестками высились арки, обвиты свѣжими гирляндами зелени, среди которыхъ порхали птицы, привязанныя за ноги; мѣстами показывались ягуары и другіе дикіе звѣри на цѣпяхъ и плавающія въ большихъ бассейнахъ рыбы. «Однимъ словомъ, на торжествѣ какъ бы присутствовали всѣ живыя существа для того, чтобы прославлять святаго», говорится въ «Почувствительныхъ посланіяхъ». На улицахъ были выставлены души убитыхъ животныхъ; каждый индѣецъ получалъ порцію ихъ мяса и стаканъ вина. Члены общиннаго совѣта и лица, принимавшіе участіе въ церемоніяхъ торжества, одѣвались въ роскошные европейскіе костюмы, которые они по окончаніи праздника должны были возвращать. Эти церковныя торжества производили на индѣйцевъ такое сильное впечатлѣніе, что дикари праздновали ихъ еще въ 1830 году, когда Д'Орбиньи посѣтилъ миссію. Конечно, они тогда проводили торжества уже гораздо свободнѣе, такъ какъ жители смежныхъ поселковъ стекались многочисленными толпами, чтобы принять участіе въ празднествѣ, танцахъ, игрѣ въ мячъ — причемъ мячъ подбрасывался головой — и другихъ необычныхъ гимнастическихъ упражненій.

Однако, всѣ эти молитвы и религіозныя церемоніи внушили индѣйцамъ далеко не выгодное представленіе о христіанствѣ. Къ такому выводу можно прійти, если повѣрить утвержденіямъ монаховъ, вступившихъ въ управленіе миссіями послѣ изгнанія іезуитовъ. Правда, миссіонеры хотѣли развить въ индѣйцахъ не любовь къ Богу, а любовь къ труду. Религія для нихъ была лишь орудіемъ господства, и потому противники обвиняли ихъ между прочимъ въ злоупотребленіи исповѣдной тайной, которое они совершали для того, чтобы слѣдить за каждымъ шагомъ и мыслью населенія. Іезуиты энергично протестовали противъ обвиненія въ преступленіяхъ противъ вѣры. Но несомнѣнно, что они, взявшись обучить дикарей, давали имъ образованіе въ такой мѣрѣ, какая была выгодна для нихъ самихъ. Они учили дѣтей читать по-испански и по-латыни, хотя дѣти не понимали ни слова. Слѣдовательно ихъ обучали искусству разбирать слова языка, который имъ оставался чуждымъ во всю ихъ жизнь. Но зато они могли исполнять во время богослуженія обязанности причетниковъ, по-латыни давать установленныя отвѣты священнику и переписывать латинскія и испанскія рукописи, которыя іезуиты посылали мадридскому двору, какъ доказательства удивительныхъ успѣховъ своихъ питомцевъ. Испанскій языкъ знали только немногіе, тщательно избранные, испытанные индѣйцы, которыхъ іезуиты отправляли въ города и мѣстечки для продажи произведеній миссій. Очень немногіе индѣйцы, на обязанности которыхъ лежало веденіе книгъ и отчетности общины, умѣли писать. Зато миссіонеры научили индѣйцевъ ремесламъ и развивали въ нихъ техническую ловкость. Каждая миссія производила все, въ чемъ нуждалось ея населеніе, даже музыкальные инструменты и оружіе для войскъ.

Фунесъ сообщаетъ, что въ каждой миссіи были мастерскія для самыхъ разнообразныхъ производствъ. Тамъ были кузницы, оружейныя мастерскія, кожаные заводы; башмачныя, ткацкія, столярныя, токарныя мастерскія, мастерскія для строительныхъ работъ, мастерскія для часовщиковъ, позолотчиковъ, живописцевъ и скульпторовъ, мастерскія для очистки и бѣленія воска дикихъ ичель и т. д. и т. д. Хотя къ 1830 году населеніе миссій сильно сократилось, Орбиньи нашелъ, что всѣ эти ремесла еще процвѣтаютъ въ нихъ. Къ нимъ присоединилась при докторѣ Франсіа (диктаторъ Парагвая, занявшій этотъ постъ послѣ паденія испанскаго владычества въ 1814 году и оставшійся на немъ до

смерти, послѣдовавшей въ 1840) еще новыя отрасли производства, какъ, напр., воздѣлываніе сахарнаго тростника. Единственнымъ собственникомъ земли теперь, послѣ изгнанія іезуитовъ, сдѣлалось государство.

Ремесленное образованіе индѣйцевъ начиналось съ раннихъ лѣтъ и велось съ чрезвычайнымъ умѣніемъ. «Какъ только ребенокъ достигалъ такого возраста, что могъ уже трудиться», пишетъ Шарльвуа, «его вводили въ мастерскую и приучали къ той работѣ, къ которой у него больше всего склонности, такъ какъ въ миссіяхъ придерживаются того мнѣнія, что искусство должно быть даромъ природы».

Всѣ индѣйцы, за исключеніемъ капиковъ, были обязаны трудиться. «Высшій сановникъ общины (corregidor) и члены общиннаго совѣта вмѣстѣ съ женами должны первые являться въ мастерскія», говоритъ Фунесъ, а Шарльвуа прибавляетъ: «Урокъ задавался соразмѣрно силамъ, и кто его не выполнялъ, несъ заслуженную кару». Всю швейную работу исполняли хористы, музыканты и причетники, для того, чтобы женщины могли заниматься исключительно пряжей. Послѣднія получали опредѣленное количество хлопчатой бумаги и должны были въ концѣ недѣли сдать ее въ видѣ пряжи, иначе ихъ сѣкли. «Въ каждомъ селеніи былъ «пріютъ» для женщинъ, мужья которыхъ находились въ отсутствіи, и которыя не имѣли грудныхъ дѣтей, а также пріютъ для вдовъ, больныхъ, стариковъ и калѣкъ. Ихъ кормили и одѣвали и имъ давали работу, соотвѣтственную ихъ силамъ и способностямъ» (Фунесъ).

Іезуитовъ упрекали въ томъ, что они ввели общность имущества и доставляли каждой семьѣ все необходимое для удовлетворенія ея потребностей. Шарльвуа пытается смыть съ нихъ это тяжелое обвиненіе. «Возможно, что дѣйствительно было что-нибудь подобное»,—говоритъ онъ,—«когда поселенцы еще не были въ состояніи самостоятельно удовлетворять свои потребности и когда они еще не утвердились окончательно въ защищенныхъ поселеніяхъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ имъ не надо было больше опасаться, что они должны будутъ перемѣнить мѣсто, каждая семья получила клочокъ земли, который, при надлежащей обработкѣ, доставлялъ ей необходимыя средства существованія. Благодаря примѣняемому къ нимъ методу воспитанія, можно надѣяться, что они никогда не будутъ знать излишествъ». Тактика іезуитовъ замѣчательна своей ловкостью. Для того, чтобы привлечь свободныхъ индѣйцевъ въ миссіи и удержать ихъ тамъ, имъ давали средства къ существованію и предоставляли имъ нѣкоторую свободу. Но какъ только дѣти этихъ свободныхъ индѣйцевъ достигали опредѣленнаго возраста, ихъ принуждали къ труду и заставляли самихъ заботиться о своемъ существованіи, для чего имъ предоставлялся для обработки участки земли. Подчиненные, цивилизованные индѣйцы могли трудиться для себя только два дня въ недѣлю, остальное время они должны были работать на «Собственность Господню». Зерно, которое имъ давали для посѣва или для пищи въ неурожайные годы, они должны были возвращать изъ слѣдующаго урожая. иначе ихъ сѣкли. Всѣ жители миссіи, за исключеніемъ тѣхъ индѣйцевъ, которые продавали въ городахъ овощи и другіе продукты, были обязаны добывать себѣ пропитаніе собственными силами: земли индѣйцевъ, занятыхъ въ торговлѣ, обрабатывались соединенными силами общины.

«Собственность Господня» состояла изъ угодій, весь доходъ съ которыхъ принадлежалъ іезуитамъ. Въ свѣтскихъ комтуріяхъ, о которыхъ шла рѣчь во

второй главѣ, подвергавшихся ожесточеннымъ нападкамъ миссіонеровъ, обличавшихъ практиковавшуюся въ нихъ эксплуатацію, индѣйцы обязаны были работать на своихъ господъ только два мѣсяца въ году, а въ остальное время были совершенно свободны. Добрые іезуиты измѣнили это отношеніе въ обратное, подъ предлогомъ уменьшенія работы, которую индѣйцы исполняли для другихъ. При обработкѣ «Собственности Господней» выказывалась вся ловкость благочестивыхъ отцовъ: работѣ старались придать характеръ праздника, какъ это дѣлалось при обработкѣ полей солнца, божества перуанскихъ Инковъ. Населеніе собиралось на площади поселка, затѣмъ статуя богоматери или какого-либо святого ставилась на носилки, и вся процессія съ пѣніемъ священныхъ пѣсень, съ оркестромъ музыки во главѣ, торжественно подвигалась къ полямъ господнимъ. По прибытіи на мѣсто работы статую ставили на алтарь изъ вѣтвей, и всѣ полевые работы производились на ея глазахъ. Когда работы заканчивались, святого снова ставили на носилки, и процессія при звукахъ пѣснопѣнія и музыки торжественно возвращалась въ миссію.

Индѣйцы не могли свободно распоряжаться урожаемъ своихъ полей и продуктамъ, произведенными ими въ ихъ два свободныхъ дня. «Доходность каждаго участка извѣстна», пишетъ Шарльвуа, — «и урожай его находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ лицъ, которые больше всего заинтересованы въ томъ, чтобы слѣдить за этимъ... И если не держать индѣйцевъ подъ строгимъ контролемъ, то они скоро окажутся безъ пропитанія». Индѣйцы имѣли только нищенскую будничную одежду, потому что платья, которыя одѣвали офицеры во время военныхъ упражненій и общинныя власти по воскресеньямъ при религиозныхъ церемоніяхъ, хранились вмѣстѣ съ оружіемъ въ складахъ миссіи. Священники регламентировали все, вплоть до половыхъ сношеній. Увѣряютъ, что по ночамъ церковный колоколь извѣщалъ мужчинъ и женщинъ о часѣ, который они могли посвятить радостямъ Венеры. Для того, чтобы заставить индѣйцевъ рожать больше дѣтей, іезуиты не позволяли мужчинамъ и женщинамъ отпускать длинные волосы, пока у нихъ не было дѣтей. Этотъ обычай сохранился еще послѣ изгнанія іезуитовъ. «Молодые, коротко остриженные пары» (*pelados* и *peladas*), — говоритъ д'Орбиньи, — «всеми силами старались заслужить право носить длинные волосы».

Самъ Фунесъ долженъ былъ признать, что въ миссіяхъ не было достаточно свободы. «Мы признаемъ», — говоритъ онъ: — «что свобода этихъ индѣйцевъ относительно распоряженія своимъ имуществомъ не соотвѣтствуетъ идеалу республики. Но было бы въ высшей степени неразумно предоставлять индѣйцамъ свободу, которая несовмѣстима съ ихъ характеромъ и условіями жизни. Длгое существованіе пріучило ихъ руководствоваться только мгновенными желаніями, не считаясь съ будущимъ, рѣшаться на все только подъ давленіемъ властной необходимости; они постоянно находились во власти страстей и не умѣли дѣйствовать обдуманно, такъ что имъ нужно было прожить еще нѣсколько столѣтій въ состояніи соціального дѣтства, прежде чѣмъ они созрѣли бы настолько, чтобы пользоваться полной свободой. Еще не настало время для того, чтобы дать имъ эту свободу, и поэтому индѣйцами надо было управлять при помощи пріемовъ, подобныхъ тѣмъ, какими отецъ пользуется при воспитаніи дѣтей». Азара какъ будто предвидѣлъ эти возраженія, такъ какъ напоминаетъ, что свободные индѣйцы распредѣляли свои продукты съ такимъ расчетомъ, чтобы

ихъ хватило на цѣлый годъ. Совершенно противно утвержденіямъ іезуитовъ, индѣйцы обнаруживали даже очень большую предусмотрительность. Морганъ сообщаетъ въ своемъ «Первобытномъ обществѣ», со словъ священника Гормана про индѣйцевъ Лагунскихъ (Новая Мексика) деревень, что они сохраняютъ свои запасы въ общественныхъ амбарахъ, находящихся въ вѣдѣніи женщинъ. «Они проявляютъ большую заботу о будущемъ, чѣмъ ихъ испанскіе сосѣди; они распределяютъ свои запасы такимъ образомъ, что обезпечиваютъ себя ими на весь годъ; лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда два неурожайныхъ года слѣдуютъ одинъ за другимъ, индѣйцы терпятъ голодъ». Іезуиты преднамѣренно приучали гуаранисовъ въ своихъ миссіяхъ не думать о будущемъ, чтобы легче справиться съ дикарями и постоянно являться имъ въ ореолѣ нѣкоего провидѣнія, которое внимательно слѣдитъ за всѣми ихъ нуждами.

Христіанская республика, основанная іезуитами въ Парагваѣ безъ всякихъ внѣшнихъ препятствій для полного осуществленія евангельскихъ принциповъ, оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, очень остроумной и прибыльной смѣсью крѣпостничества и рабства. Индѣйцы, какъ крѣпостные, должны были сами производить средства для своего пропитанія, и, какъ рабы, были лишены всякой собственности.

Отцы семейства, какъ Фунесъ называетъ іезуитовъ, давали индѣйцамъ только одежду, а она была очень жалка. Всѣ индѣйцы ходили босикомъ, хотя въ миссіяхъ были и дубильни, и сапожныя мастерскія, произведенія которыхъ продавались въ городахъ. Женщины носили только рубаху изъ грубаго полотна, безъ рукавовъ, перетянутую вокругъ талія шнуркомъ. Мужчины носили рубаху и штаны изъ того же полотна и хлопчато-бумажную шапку; женщины ходили съ непокрытой головой. Каждая женщина получала ежегодно пять varas ($4\frac{1}{2}$ метра), а каждый мужчина 6 varas (5 метровъ, 40 сантиметровъ) матеріи для одежды. Полотно для одежды пряли и ткали сами индѣйцы.

Жилища индѣйцевъ были такъ же жалки, какъ и ихъ одежда. «Первоначально», читаемъ мы у Шарльвуа, «дома строились изъ тростника, облѣпывающагося глиной; не было ни оконъ, ни дымовой трубы; очагъ находился посрединѣ, дымъ выходилъ черезъ дверь. Теперь начали строить каменные дома, крытые шиферомъ». Шарльвуа писалъ это въ 1757 году, за одиннадцать лѣтъ до изгнанія іезуитовъ и полтора года спустя послѣ основанія миссій. Фунесъ приводитъ относительно жилищъ еще нѣсколько данныхъ: «оконъ въ домахъ не было такъ же, какъ и какихъ-нибудь приспособленій для свободнаго притока воздуха; въ нихъ не было мебели; всѣ жители миссій сидѣли на полу, ѣли на землѣ; у нихъ не было постелей, и они спали въ гамакахъ». Позже стали строить зданія, болѣе похожія на дома, однако обстановка ихъ не улучшилась. Всѣ индѣйцы, признававшіе своимъ вождемъ одного и того же кацика и слѣдовательно принадлежавшіе къ одному клану, жили въ одной галлерей или длинномъ помѣщеніи, разбитомъ на комнаты въ 2—3 метра; въ каждой комнаткѣ спало одно семейство, безъ постелей, безъ мебели. Эти подробности, рассказанныя прославителями іезуитовъ, Шарльвуа и Фунесомъ, а также переданныя Азарой, доказываютъ, что индѣйцы жили въ миссіяхъ, какъ и въ дикомъ состояніи, въ общихъ домахъ, соответствовавшихъ описаннымъ у Моргана «long houses» (длиннымъ домамъ) прокезовъ. Миссіонеры нисколько не заботились объ улучшеніи матеріальныхъ условій существованія индѣйцевъ, которыхъ они должны

были цивилизовать; самое важное для нихъ было «воспитать» въ индѣйцахъ трудолюбіе.

Въ гигиеническомъ отношеніи миссіи находились въ прямо-таки ужасномъ состояніи. Шарльвуа рассказываетъ, что населеніе миссій часто страдало отъ эпидемій — оспы, пятнистаго тифа, злокачественной лихорадки и еще одной болѣзни, про которую онъ только сообщаетъ, что она сопровождалась сильными колючими болями. Несмотря на это, онъ добавляетъ: «ни въ одномъ селеніи, даже въ цѣломъ кантонѣ не было устроено ни больницы, ни даже хорошей аптеки, какъ это было сдѣлано для индѣйцевъ племени Моксось, среди которыхъ перуанскіе іезуиты основали республику на подобіе парагвайской. Конечно, въ Перу это было сдѣлано на средства общественной благотворительности, о которой не могло быть и рѣчи въ Парагваѣ, гдѣ не было богатыхъ людей». Добрые іезуитскіе «отцы семейства», совершенно какъ капиталисты, не были непосредственно и настоятельно заинтересованы въ сохраненіи жизни своихъ крѣпостныхъ — индѣйцевъ, которыхъ имъ не приходилось покупать, какъ рабовладѣльцамъ рабовъ. Такимъ образомъ они ни гроша не тратили на индѣйцевъ, создавшихъ имъ богатства.

Іезуиты непрестанно жаловались на бѣдность миссій; по ихъ словамъ, индѣйцы, трудившіеся шесть дней въ недѣлю, «едва имѣли столько, чтобы ежедневно питаться небольшимъ количествомъ мяса, маиса и овощей, одѣваться въ плохія грубыя одежды и доставлять средства, необходимыя для содержанія церквей». И все это, несмотря на необычныя природныя богатства Парагвая! Урожай манса собирался дважды въ годъ; со времени диктатуры доктора Франсіа стали собирать даже два урожая пшеницы. «Поучительныя посланія» рассказываютъ, что въ странѣ было очень много «плодовъ, удивительно разнообразныхъ, которые надо было только собирать. Тамъ было свыше десяти родовъ дикихъ пчелъ, доставлявшихъ великолѣпный медъ... Озера и рѣчки кишѣли рыбой, обладающей нѣжнымъ и питательнымъ мясомъ; нѣкоторыя рыбы были такихъ размѣровъ, что одной изъ нихъ могутъ насытиться пять человѣкъ... Лѣса и равнины переполнены были оленями, косулями, дикими козами, кабанами, утѣсами (порода зайцевъ) и множествомъ дикихъ лошадей и рогатаго скота... Въ 1730 году, въ Буэносъ-Айресѣ можно было за двѣ иголки вымѣнять лошадь, за ту же цѣну быка. . Перепелки и рябчики, достигавшіе роста курицы, водились тамъ въ такомъ изобиліи, что ихъ убивали палками». Необычайное природное богатство этого края увеличивалось еще трудомъ индѣйцевъ, произведенія которыхъ давали Обществу Иисуса возможность вести большую торговлю мате, хлопкомъ, хлопчато-бумажной пряжей, дублеными кожами, башмаками, воскомъ, табакомъ, зерновымъ хлѣбомъ, свѣжими и сушеными овощами.

Среди этой роскошной природы іезуиты обрекли своихъ рабочихъ въ миссіяхъ на нищенское существованіе и еще упрекали ихъ за то немногое, чѣмъ пользовались эти несчастные. Какъ капиталисты постоянно изображаютъ своихъ рабочихъ пьяницами, такъ іезуиты обвиняли индѣйцевъ въ обжорствѣ и лакомствѣ. Первые путешественники, сталкивавшіеся съ индѣйцами, наоборотъ, удивлялись ихъ умѣренности и описывали, какъ дикари изумлялись, что европейцы могутъ такъ много поѣдать въ одинъ присѣсть. Д'Орбиньи, присутствовавшій при сборѣ меда дикихъ пчелъ, сообщаетъ, что индѣйцы миссіи Святой Анны провели въ лѣсахъ около двадцати дней, питаясь только маисомъ и напиткомъ изъ

меда. Наши господа капиталисты называютъ пролетаріевъ, производящихъ для нихъ милліоны за милліонами и создающихъ чудеса современной цивилизаціи, дураками и лѣнтяями. Іезуиты, подававшіе имъ во всемъ прекрасный примѣръ, обвиняли индѣйцевъ въ «лѣнности» (Шарльвуа), «склонности ко всякимъ порокамъ» (Фаскардо, епископъ Буэносъ-Айреса), «ограниченности, привуждавшей благочестивыхъ отцовъ вмѣшиваться во всѣ ихъ дѣла» (Уллоа).

Фунесъ, напротивъ, находитъ, что «эти индѣйцы отличались замѣчательнымъ даромъ подражанія и блестящей изобрѣтательностью». Сынъ Шарльвуа признаетъ, что индѣйцы обладаютъ въ большой мѣрѣ «талантомъ подражать; достаточно показать имъ свѣчу, подсвѣчникъ, кадило, чтобы они немедленно сдѣлали такой же предметъ, причемъ верѣдко лишь съ трудомъ можно отличить ихъ произведеніе отъ оригинала. Они сами изготовляютъ свое огнестрѣльное оружіе, ружья и пушки, свои музыкальные инструменты, самые сложные органы, одинъ только разъ тщательно осматривъ и изслѣдовавъ ихъ, также астрономическіе инструменты, турецкіе ковры, и выполняютъ самыя трудныя ткацкія работы». Первоначально церкви въ миссіяхъ строились изъ необтесанныхъ балокъ, облѣпленныхъ глиной въ виду недостатка въ камняхъ. На ихъ мѣстѣ были воздвигнуты новые храмы, построенные изъ камня, украшенные живописью, рѣзбой по дереву и камню, — работами индѣйцевъ, «ограниченныхъ духомъ». «Эти украшенія», — говоритъ Шарльвуа, — «не повредили бы красотѣ самыхъ великолѣпныхъ церквей Испаніи».

Фунесъ протестуетъ противъ утвержденія Райналя, будто іезуиты «примѣняли тѣ же методы, при помощи которыхъ Инки управляли своимъ государствомъ и расширяли свои завоеванія». Фунесъ правъ. Христіанская республика, «основанная согласно ученію Евангелія и по примѣру жизни первыхъ христіанъ», отнюдь не была коммунистическимъ обществомъ, въ которомъ всѣ члены принимали участіе въ производствѣ земледѣльческихъ и промышленныхъ продуктовъ и въ равной мѣрѣ имѣли право на пользованіе этими продуктами. Наоборотъ, она была капиталистическимъ государствомъ, въ которомъ мужчины, женщины и дѣти, всѣ были обречены на каторжную работу и наказаніе кнутомъ и, лишенные всякихъ правъ, прозябали въ равныхъ для всѣхъ нищетѣ и невѣжествѣ, несмотря на процвѣтаніе земледѣлія и промышленности, несмотря на колоссальныя богатства, созданныя ихъ трудомъ.

Поль Лафаргъ.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Соціализмъ во Франціи въ 17 и 18 столѣтіяхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Классовыя противорѣчія въ 16 и 17 столѣтіяхъ.

Для того, чтобы понять исторію социализма во Франціи во второй половинѣ 17 и въ 18 столѣтія, необходимо предварительно вернуться къ 16 столѣтію и прослѣдить въ общихъ чертахъ развитіе современной промышленности, исторію трудящихся классовъ, крестьянъ и ремесленниковъ, а также философскіе, политическіе и религіозные взгляды и идеи этой эпохи. Соціализмъ Верасса, на примѣръ, въ смыслѣ экономическомъ выросъ на почвѣ развивающейся мануфактуры, а въ смыслѣ философіи права и морали — на почвѣ кальвинизма. Коммунизмъ Мелье возникъ на основаніи знакомства съ положеніемъ крестьянъ и съ ихъ древними домашними союзами. Невозможно установить, какую роль играли эти люди, а также и многіе другіе въ исторіи духовнаго развитія Франціи, не отыскавъ и не прослѣдивъ сначала важнѣйшихъ нитей, изъ которыхъ состоитъ пестрая ткань культуры этой страны.

I. Кальвинизмъ и лига.

Во Франціи королевская власть явилась носительницей централизаціи и могущественнѣйшимъ факторомъ развитія современнаго государства. Въ борьбѣ съ феодальными владѣтелями въ 13 вѣкѣ короли сначала значительно облегчили положеніе крѣпостныхъ въ своихъ собственныхъ помѣстьяхъ, даровавъ имъ полную или частичную свободу, а затѣмъ, въ силу своего вліянія, заставили сдѣлать то же феодаловъ. Короли ведутъ борьбу противъ цеховъ и ихъ исключительности, подчиняютъ ихъ своей власти и, путемъ продажи свидѣтельствъ на званіе мастера, создаютъ нѣчто вродѣ свободы промысла. И короли же въ борьбѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ стараются воспріятьствовать своими

эдиктами беззастѣнчивому расхищенію капиталовъ, предназначенныхъ для призрѣнія бѣдныхъ и стремятся добиться того, чтобы эти капиталы служили истинной первоначальной своей цѣли, т. е., чтобы они шли на вспомошествованія трудящимся классамъ. Правда, мотивы, руководившіе королями въ этой борьбѣ, были большею частью эгонистическаго характера. Ихъ собственные интересы заставляли ихъ сломить политическое могущество феодальнаго дворянства и превратить его въ придворную аристократію. Въ этомъ отношеніи ихъ сильно содѣйствовала тенденція экономическаго развитія перенести центръ своей тяжести въ города. Финансово-политическія соображенія, необходимость считаться съ возникающимъ классомъ промышленниковъ, вражда ко всякой независимой, организованной силѣ были причинами борьбы королевской власти съ цехами. Въ стремленіи королевской власти урегулировать призрѣніе бѣдныхъ, также обнаруживаются опредѣляющіе ея образъ дѣйствій мотивы. Урегулированіе призрѣнія бѣдныхъ должно было нанести ударъ финансовому могуществу дворянства, а также выходившаго большею частью изъ его рядовъ и солидарнаго съ нимъ высшаго духовенства, пользовавшихся большими капиталами, предназначенными для бѣдныхъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ. Однако это урегулированіе вызывалось также необходимостью считаться съ буржуазіей крупныхъ городовъ. Притокъ нищенствующаго деревенскаго пролетаріата, лишенаго всякой поддержки, въ города, быстро увеличивалъ въ послѣднихъ тяжесть налоговъ въ пользу бѣдныхъ и вызывалъ недовольство имущихъ классовъ. Но именно на нихъ-то и опиралась королевская власть въ своей борьбѣ съ дворянствомъ, поэтому ей постоянно приходилось считаться съ ихъ интересами¹⁾. Гигантская борьба, продолжавшаяся въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, кончилась далеко не абсолютной побѣдой королевской власти: «старый порядокъ» даже при Людовикѣ XIV характеризуется компромисомъ.

Въ 16 столѣтіи въ исторіи Франціи появляются два новыхъ момента: мануфактура и реформація. Первая была внесена самими королями изъ Италіи и служила имъ могущественной опорой въ ихъ борьбѣ съ феодальными сословіями, вторая была враждебна королевской власти и ея тенденціи къ центра-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, во введеніи къ эдикту отъ 15-го января 1545 года говорится: „Такъ какъ насъ поставляютъ въ извѣстность, что основанныя въ нашемъ королевствѣ госпитали для бѣдныхъ до сихъ поръ дурно управлялись и управляются съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, ибо завѣдующіе ими, также какъ прелаты нашего королевства и другіе люди, которые должны были бы заботиться объ этихъ госпиталихъ, старались и до нынѣ еще стараются только пользоваться доходами госпиталей или отдавать ихъ въ пользованіе своимъ слугамъ и совсѣмъ присвоить ихъ себѣ... и даже болѣе того, даютъ строеніямъ этихъ госпиталей разрушаться и превращаться въ развалины и заботятся только о томъ, какъ бы завладѣть ихъ доходами, какъ бы передать забвенію самое названіе госпиталей, чтобы имѣть возможность всегда распорядиться ихъ доходами по своему усмотрѣнію. Отсюда возникли различныя неудобства, такъ что даже жители городовъ нашего королевства... были принуждены обложить себя налогами для содержанія бѣдныхъ нищихъ, которые должны бы содержаться и кормиться названными выше госпиталими и благотворительными учрежденіями“. Еще яснѣе говорится въ ордонансѣ Генриха III, нар. 95, 1579 года: „...и впредь комиссарамъ, завѣдующими и управляющими доходами вышеназванныхъ больницъ и госпиталей должны назначаться только простые буржуа, купцы и рабочіе, но отнюдь не священники, дворяне, полнейскіе, коммунальные чиновники, ихъ подчиненные или выставленныя имъ лица“. См. о законодательствѣ о бѣдныхъ А. Monnier, „Histoire de l'Assistance“, Парижъ, 1856 годъ.

лизации и поэтому подверглась жестоким преслѣдованіямъ и въ концѣ концовъ была уничтожена. Исторію мануфактуры и ея воздѣйствія на укладъ феодальнаго общества мы изложимъ въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, здѣсь же умѣстно сказать нѣсколько словъ о французскомъ кальвинизмѣ и о религіозныхъ войнахъ 16 столѣтія. При Францискѣ I и Генрихѣ II реформація сдѣлала кое-какіе успѣхи лишь среди низшихъ классовъ городского населенія (peuple); въ составленномъ Креспеномъ спискѣ мучениковъ, на протяженіи сорока лѣтъ, встрѣчаются лишь два крестьянина и трое дворянъ. «Только неразумные люди изъ низшихъ слоевъ населенія отваживались публично говорить о названной ереси и лже-религій и исповѣдовать ее; напр., сапожники, портные и другіе ремесленники»¹⁾. Этотъ демократическій характеръ первоначально составляетъ отличительную черту реформаціи какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, но эта черта въ обѣихъ странахъ чрезвычайно быстро исчезаетъ — уступая мѣсто безусловно враждебному народу направленію. Въ церковномъ устройствѣ французскаго кальвинизма демократизмъ сначала обнаруживался въ независимости отдѣльныхъ общинъ и въ ихъ правѣ свободно избирать своихъ священниковъ, но онъ скоро исчезъ, вытѣсненный при помощи выборной системы кооптациі²⁾. Идея равенства нашла прекрасное выраженіе въ слѣдующемъ отрывкѣ знаменитаго трактата Этьенна де ла Боэти: *De la servitude volontaire*: «Но постигнѣ, если въ природѣ вообще существуетъ что-нибудь ясное и очевидное, что-нибудь такое, чего нельзя не видѣть—такъ это тотъ фактъ, что природа, слуга Господа и повелительница людей, всѣмъ намъ дала одинаковую наружность, сотворила насъ всѣхъ, повидимому, по одному образу, чтобы мы считали друга друга товарищами или, вѣрнѣе, братьями. И если природа при распредѣленіи дарованныхъ намъ ею благъ одарила одного бѣльшими духовными или тѣлесными способностями, чѣмъ другого, то она все-таки не хотѣла, чтобы нашъ міръ былъ для насъ полемъ сраженія, не посылала самыхъ сильныхъ и умныхъ въ міръ, какъ вооруженныхъ воиновъ въ лѣсъ, для уничтоженія слабыхъ. Наоборотъ, надо полагать, что, даруя одному больше, другому меньше, природа желала дать просторъ проявленіямъ братской привязанности въ тѣхъ случаяхъ, когда одни имѣютъ возможность помочь, а другіе нуждаются въ помощи. Такъ какъ эта добрая мать дала намъ всѣмъ для жилища всю землю, поселила насъ, такъ сказать, въ одномъ домѣ, то она и сдѣлала насъ всѣхъ подобными другъ другу, чтобы мы могли видѣть и узнавать себя въ другихъ. Природа всѣмъ намъ дала великій даръ голоса и рѣчи, чтобы мы могли сблизиться, побрататься и создать, путемъ постоянного обмѣна мыслей, во всѣхъ насъ единую волю; природа всѣми средствами стремилась связать и укрѣпить узы, соединяющія нашъ союзъ и наше общество; природа показала, что она не столько стремится соединить всѣхъ насъ, сколько слить насъ воедино — поэтому нельзя сомнѣваться въ томъ, что всѣ мы свободны отъ природы, ибо всѣ мы товарищи (compagnon), и никому не можетъ прійти въ голову подумать, что природа предназначила кому-либо рабство (servitude), ибо она всѣхъ насъ предназначила для товарищеской жизни

¹⁾ Claude Haton, I, 81, цит. у Вейля: *Les theories sur le pouvoir royal en France*, Paris 1891, стр. 62.

²⁾ Polenz, *Geschichte des französischen Calvinismus*. Gotha. 1857 etc. II, 1, стр. 593.

(compagnie)»¹⁾. Но вообще кальвинизмъ представляетъ собою движеніе, въ которомъ главную роль играетъ аристократія²⁾ и высшая буржуазія въ узкомъ смыслѣ слова. Такія рѣзко демократическія идеи, какъ высказанныя де ла Боэти, въ памфлетахъ и другихъ сочиненіяхъ встрѣчаются крайне рѣдко. Въ *Mémoires de Condé* упоминается, что послѣ 1563 года простому народу говорились новыя проповѣди и что, напр., въ Шалонѣ-на-Сенѣ уже была рѣчь объ истребленіи вредныхъ тварей: дворянства, духовенства и судей³⁾. Еще съ большею ясностью демократическая подкладка движенія обнаруживается въ крайне интересномъ сочиненіи, увидѣвшемъ свѣтъ въ 1568 году: *Avertissement à la noblesse tant du parti du roi que des rebelles et conjurés*, Lyon⁴⁾. Авторъ его указываетъ на то, что интересы дворянства и короля тѣсно связаны между собою: «Вспомнимъ, что какъ только подданные короля откажутся повиноваться ему, такъ откажутся отъ повиновенія и наши подданные—это безусловно вѣрно и опытъ насъ уже научилъ этому». Духовенство, говорится далѣе, пятаетъ къ классу феодаловъ только вражду и подстрекаетъ крестьянъ къ разрушенію жилищъ феодальныхъ владѣтелей. Духовенство говоритъ, что по закону благодати и по чистому ученію евангелія всѣ люди свободны и равны, и что въ Писаніи нѣтъ даже рѣчи о дворянствѣ.

Уже къ концу царствованія Генриха II (ум. въ 1559 г.) центръ тяжести кальвинизма перемѣстился. Сначала главный контингентъ его послѣдователей составляли мелкіе городскіе ремесленники, теперь кальвинизмъ сталъ распространяться среди сельскаго дворянства и буржуазіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Дворянство видѣло въ кальвинизмѣ орудіе для борьбы за сохраненіе феодальнаго строя, который стремилась разрушить королевская власть. Буржуазія же, окончательно обособившаяся въ этомъ столѣтіи отъ мелкаго ремесла⁵⁾, восприняла кальвинизмъ потому, что чуяла въ этомъ ученіи, боровшемся противъ авторитета церкви, нѣчто благопріятствующее ея собственной исторической миссіи. Поэтому Готманъ, Лангэ и другіе кальвинистскіе публицисты видѣли націю

¹⁾ *Oeuvres complètes d'Estienne de la Boétie* par L. Feugère. Paris. 1846: De la servitude volontaire, стр. 26 и 27.

²⁾ Цѣль кальвинистской аристократіи хорошо охарактеризовалъ Du Cellier въ *Histoire des classes laborieuses en France*. Paris 1860, стр. 210: „Свобода совѣсти давала имъ право разрушать монастыри, завладѣвать находящимися посреди ихъ владѣніи церковными ленами, конфисковать десятину въ свою пользу и захватить въ свои руки религіозное руководство своими подчиненными.“

³⁾ *Mémoires de Condé*, IV, стр. 392, цит. у Weill, *Les théories etc.*, стр. 71.

⁴⁾ Weill, *Les théories etc.*, стр. 75.

⁵⁾ Насколько ясно иные умы уже въ первой половинѣ XVI столѣтія понимали, что народъ „peuple“, обособился отъ остальныхъ классовъ населенія, показываетъ слѣдующій фактъ. Въ Провансѣ „tailles“ были налогомъ на землю, но послѣ присоединенія Прованса къ Франціи (1471 г.) „taille“ постепенно превратилась въ личную подать. Близжайшимъ послѣдствіемъ этого превращенія было освобожденіе дворянства и магистратуры отъ налоговъ и быстрое обнищаніе народа. Въ 1534 году Францискъ издалъ эдиктъ противъ этихъ злоупотребленій, который нисколько не измѣнилъ положеніе дѣлъ. Не лучшей успѣхъ имѣлъ второй эдиктъ, изданный сыномъ Франциска Генрихомъ II. Тогда послѣдній рѣшилъ разобрать дѣло самъ. При разборѣ именно и обнаружались вопліи ясно презрительное и безжалостное отношеніе трехъ сословій къ народу. Рио, защитникъ народа—„*commun populaire*“, замѣтилъ по этому поводу, что народъ представляется ему въ видѣ четвертаго сословія, отверженнаго другими. Ср. *Bonnemère Histoire des paysans*. Paris 1856, I, стр. 439.

въ одной только аристократіи и объявили, что народъ представленъ въ лицѣ членовъ магистрата, парламента, генеральныхъ штатовъ и въ лицѣ патриціевъ, которые всѣ вмѣстѣ стоятъ выше короля ¹⁾. Гордое презрѣніе къ народу довольно ясно проглядываетъ также въ теоріяхъ государственнаго права, созданныхъ кальвинизмомъ, который, впрочемъ, былъ организованъ, какъ государство въ государствѣ, представляя собою нѣчто въ родѣ аристократической республики внутри монархіи и потерялъ свое значеніе лишь при Ришелье. Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, занимавшихъ умы кальвинистскихъ публицистовъ, былъ вопросъ о правѣ возставать противъ тирана. Какъ поступить, спрашивается, напр., Беца, если Господь дастъ намъ правителей, борющихся противъ царствія Христова съ явною жестокостью или по крайнему своему невѣжеству?—Церковь, отвѣчаетъ онъ же, должна прежде всего прибѣгнуть къ оружію вѣрующихъ, къ молитвѣ, слезамъ и покаянію, но низшія власти въ это время съ величайшимъ благоразуміемъ и умѣренностью, однако, смѣло и стойко, должны защищать, насколько это зависитъ отъ нихъ, истинную религію. Похвальный примѣръ такой защиты далъ Магдебургъ ²⁾. Лангэ также категорически заявляетъ, что не каждое частное лицо можетъ призвать подданныхъ къ оружію и бороться противъ правителя, если послѣдній притѣсняетъ народъ ³⁾. Право дѣлать это принадлежитъ только низшимъ властямъ, но не народу. Такимъ образомъ признается суверенность не цѣлаго народа, а только извѣстныхъ привилегированныхъ сословій. Отсюда неминуемо должно вытекать слѣдующее положеніе кальвинистскаго государственнаго права — Франція не наследственная монархія, а выборное королевство, и поэтому королевская власть не что иное, какъ пожизненная почетная должность.

Такой же аристократическій характеръ, какъ и кальвинизмъ носилъ союзъ учрежденный якобы для защиты католической религіи дворянами католиками: Лига 1576 года. Въ манифестѣ, составленномъ въ Пикардіи, въ колыбели Лиги, и принятомъ почти безъ измѣненій во всей Франціи, говорится, что рѣшено «добиться возвращенія провинціямъ правъ, привилегій и вольностей, существовавшихъ въ эпоху перваго христіанскаго короля Хлодвига и сверхъ того дать имъ еще лучшія и болѣе выгодныя ⁴⁾. Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго, чѣмъ утвержденіе, будто Лига поставила себѣ задачей защиту единства Франціи. Цѣлью Гизовъ, также какъ и протестантскихъ и католическихъ феодальныхъ владѣтелей была самостоятельность и независимость ихъ владѣній отъ центральной королевской власти. Въ перонской Лигѣ главную роль играло дворянство, и города не участвовали въ ней, но въ 1585 году лигистское движеніе охватило также и послѣдніе, особенно Парижъ. Парижская буржуазія въ союзѣ съ рабочимъ классомъ приобрѣла громадное значеніе и въ теченіе нѣкотораго промежутка времени вышла перевѣсъ надъ аристократическими элементами. По мѣрѣ того, какъ партіи ослабляли своими нападками королевскую власть, и послѣдняя становилась все менѣе способной поддерживать политическую и административную централизацию, стала также эмансцироваться провинціальная буржуазія. Ея магистраты

¹⁾ Polenz. Geschichte des französischen Calvinismus II, 2, стр. 303.

²⁾ Beza, Tract theol. S. 126, ed. secunda 1582, цитировано у Polenz, Gesch. des franz. Calv. II, стр. 52.

³⁾ Languet, Vindiciae contra tyrannos. Amsterdam 1660. Стр. 286 и 287. Такой же взглядъ высказывается и въ магдебургскомъ сочиненіи 1530.

⁴⁾ Weill. Les théories etc., стр. 141.

пытались воскресить забытыя традиціи 12-го столѣтія и превратить большіе города, гдѣ господствовала буржуазія, въ независимыя республики. Въ это время началось также броженіе въ народѣ, среди крестьянъ и мелкихъ ремесленниковъ. Послѣ смерти герцога Анжуйскаго, благодаря которой однимъ изъ ближайшихъ претендентовъ на французскій престолъ сдѣлался кальвинистъ Генрихъ Беарнскій, Лига въ союзѣ съ католическою церковью стала вести непримиримую агитацию именно среди низшихъ классовъ населенія, что, конечно, вызвало въ этихъ классахъ броженіе и движеніе, переходившее во многихъ мѣстахъ за границы желательнаго для агитаторовъ, не всегда поддававшееся ихъ руководителству, стремившееся идти своимъ собственнымъ путемъ. Что за дѣло народу до борьбы, которую, подъ религіозными предлогами, ведутъ привилегированныя сословія съ королемъ?—такова мысль, волнующая народъ и высказанная въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ. Въ одномъ изъ нихъ (*Discours sur la comparaison et élection des deux parties qui sont pour le jourd'hui au ce royaume*¹⁾), напр. говорится: «Стоитъ ли бѣдному, несчастному народу заботиться о томъ, какая религія считается господствующею, лишь бы она не учила разорять его до тла? Мы видимъ только путаницу противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу честолюбивыхъ партій, собравшихся для того, чтобы проглотить кусокъ, которымъ имъ слѣдовало бы подавиться». Убіеніе короля Генриха III, наваго въ 1589 году отъ руки фанатичнаго доминиканца, Якова Клемана, еще увеличило смуту. По словамъ д'Осса, описывающаго вліяніе Лиги, большая часть дворянства не желаетъ имѣть короля: «Всѣ крупные дворяне хотятъ играть его роль. Народъ не хочетъ даже и слышать о королѣ и дворянствѣ и не призываетъ ни перваго, ни послѣдняго. Всѣ, до самаго ничтожнаго жителя страны, хотятъ освободиться отъ ихъ господства»²⁾).

Съ востешествіемъ на престолъ Генриха IV политика кальвинистовъ совершенно измѣнилась. Они сомкнулись для защиты королевской власти и теперь въ ихъ рядахъ встрѣчаются такіе же горячіе приверженцы ея, какіе раньше встрѣчались противники. Скоро страхъ буржуазіи передъ народными возстаніями и страхъ болѣе богатой и просвѣщенной части сельскаго населенія передъ феодальной реставраціей, опасность которой оно хорошо понимало, привелъ ихъ въ лагерь беарнца, съ переходомъ котораго въ католичество исчезла всякая оппозиція. Монархическій принципъ вышелъ изъ долгой борьбы ослабленнымъ, централизація была нарушена учрежденіемъ гугенотскихъ вольныхъ городовъ.

II. Эпоха Фронды.

Роковое значеніе для Франціи имѣло то обстоятельство, что короли ея всходили на престолъ дѣтьми, и что слабое регентство женщины не разъ возвращало дворянству отнятую у него власть. Всѣ плоды трудовъ Генриха IV и Сюлли погбили во время регентства Маріи Медичи, а для спасенія результатовъ достигнутыхъ Ришелье, его преемнику Мазарини, во время регентства Анны Ав-

¹⁾ Цитировано у Weill'a, *Les théories etc.*, стр. 204.

²⁾ D'Ossat, *Discours sur les effets de la Ligue en France*, cité par Frémy, *Diplomates du temps de la ligue*, 2 edit., стр. 134 и 135.

стрийской, пришлось выдержать чрезвычайно продолжительную борьбу. Правление Анны, также как и правление ея предшественницы, въ самомъ началѣ ознаменовалось грандіознымъ разграбленіемъ Франціи дворянствомъ. «Le roi est mineur, soyons majeurs» ¹⁾ — таковъ искони былъ девизъ дворянства, которое неукоснительно слѣдовало ему. Пока регентша щедрою рукою осыпала дворянство деньгами, привилегіями и монополіями, оно пѣло «доброй королевѣ» хвалебные гимны, но какъ только Мазарини, истощивъ всѣ средства, пересталъ давать ему подачки, началась борьба. Однако дворянство, гордое и задорное еще въ эпоху Лиги, было уже сломлено Ришелье, поэтому оно теперь боролось не противъ короля непосредственно, а лишь противъ министровъ и интендантовъ, какъ выражались нѣкоторые органы того времени, т.-е. противъ расширенія и централизаціи королевской власти, представителями которой и являлись эти чиновники. Въ началѣ объ руку съ дворянствомъ шла и буржуазія, привилегіи которой нерѣдко грубо нарушались королевскою властью. Можно даже сказать, что Фронда въ началѣ носила безусловно буржуазный, парламентарный характеръ. Конфликтъ между буржуазіей и регентствомъ былъ вызванъ покушеніемъ министра финансовъ Мазарини—д'Эмери, на карманъ парижскаго парламента ²⁾. Послѣдній повелъ борьбу съ большою энергіей: онъ потребовалъ упраздненія должностей интендантовъ, уменьшенія *taille*, важнѣйшаго налога, падавшаго всею тяжестью на одно только третье сословіе, на одну четверть; освобожденія недоимщиковъ, которыхъ томилось въ цѣняхъ больше 20 000; затѣмъ онъ запретилъ взиманіе какого бы то ни было налога, учрежденіе новыхъ судейскихъ должностей въ финансовомъ вѣдомствѣ безъ его разрѣшенія и, наконецъ, заключилъ свой проектъ реформъ требованіемъ, чтобы ни одинъ подданный короля не могъ содержаться подъ арестомъ дольше 24 часовъ безъ допроса и не будучи представленъ судѣ. Являясь представителемъ буржуазіи и поддерживаемый народомъ, въ пользу котораго было выставлено требованіе уменьшенія налогового бремени, парламентъ въ теченіе нѣкотораго времени пытался руководить борьбою. Но когда конфликтъ обострился, парламентъ струсилъ и уступилъ руководство дворянству, примкнувшему къ движенію; народъ, поднявшійся для борьбы за свои собственные интересы, бессознательно служилъ цѣлямъ аристократической партіи, и ему же пришлось расплачиваться за С.-Жерменскій миръ. Такъ кончилась первая Фронда. Вторая Фронда была чисто дворянскимъ возстаніемъ, затѣяннымъ небольшою группою честолюбивыхъ мужчинъ и женщинъ: крупныя имена, мелкіе интересы, невыразимыя бѣдствія и нищета—вотъ вторая Фронда. Народъ, какъ всегда, является почвой, на которой происходятъ эти продолжавшіеся больше десяти лѣтъ разбойничьи набѣги озвѣрѣвшаго дворянства и не менѣе озвѣрѣвшихъ солдатъ. Отовсюду на крестьянина сыплются только удары; его земля и жилище опустошены и уничтожены, его жена и дочери изнасилованы и опозорены, самъ онъ подвергается безчисленнымъ пыткамъ и избіенію.

¹⁾ „Король малолѣтній, такъ будемъ же мы совершеннолѣтними“.

²⁾ Въ то время парламентами назывались нѣсколько высшихъ судебныхъ палатъ Франціи, которыя являлись послѣдней инстанціей для дѣлъ подчиненныхъ ихъ юрисдикціи. Кромѣ того, парламенты обязаны были регистрировать эдикты, указы и ординансы королей, получавшіе юридическую силу лишь благодаря этой регистраціи. Опираясь на это, парламенты, представители крупной буржуазіи, нѣсколько разъ пытались сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ контрольнаго учрежденія, стоящаго выше короля.

Сильное сокращеніе числа браковъ и рожденій, а также быстрое уменьшеніе всего населенія вообще ясныѣ всего показываютъ чудовищную нищету, до которой была доведена Франція, благодаря этой легкомысленной войнѣ. Фронта кончилась полнымъ экономическимъ и моральнымъ истощеніемъ всей страны; результатомъ ея былъ абсолютизмъ Людовика XIV.

III. Людовикъ XIV.

Людовикъ XIV—абсолютный монархъ, но въ то же время первый дворянинъ своего королевства. Лучшимъ доказательствомъ того, съ какимъ пренебреженіемъ онъ относился къ остальнымъ классамъ народа, является его пресловутый эдиктъ о дуэляхъ, изданный въ 1679 году, гдѣ онъ называетъ буржуазные элементы «подлыми людьми», дѣла ихъ—презрѣнными и санкціонируетъ вопіющее неравноправіе. Людовикъ XIV, представитель и адвокатъ дворянства, которое черезъ него организуетъ эксплуатацію Франціи въ своихъ интересахъ: абсолютизмъ Людовика XIV обнаруживается по отношенію къ народу, по отношенію къ крестьянину и горожанину, а также по отношенію къ отдѣльнымъ представителямъ дворянства, къ которому мы можемъ причислить и высшее духовенство, но онъ никогда не проявляется по отношенію къ дворянству, какъ сословію. Вся страна сдѣлалась помѣстьемъ короля, но всѣ доходы съ этого помѣстья идутъ въ пользу дворянства; послѣднее представляетъ собою все и вся. Для него работаетъ крестьянинъ и ремесленникъ, для него существуетъ постоянное войско, государственныя должности и доходы. Лишь пока господствовало могущественное личное вліяніе Кольбера,—а онъ игралъ роль дѣлопроизводителя у вновь возникающаго капитализма,—буржуазія имѣла нѣкоторое, хотя и не очень большое значеніе. Но съ его смертью значеніе это падаетъ; Нантскій эдиктъ отмѣняется, кальвинистская буржуазія, въ рукахъ которой находилась большая часть промышленности страны, покидаетъ Францію. Благодаря этому, могущество буржуазіи сложено надолго. Но постоянныя войны и расточительность Людовика XIV, содержаніе многочисленнаго, ненасытнаго, паразитирующаго дворянства, обуславливающія собой постоянно возрастающую потребность въ деньгахъ, снова создали могущественную буржуазію финансистовъ и откупщиковъ.

Согласно старинному взгляду, который особенно отставался казенными юристами въ борьбѣ противъ привилегій феодальнаго дворянства, король былъ прямымъ собственникомъ всей земли всего королевства. Королю, какъ высшему сюзерену (*souverain fief*), принадлежить, якобы, право не только передачи всѣхъ феодальныхъ владѣній, но также и право раздачи всѣхъ свободныхъ земель¹⁾. Людовикъ XIV опирался на этотъ взглядъ. По словамъ Жюрье, въ министерство Кольбера обсуждался вопросъ, не слѣдуетъ ли королю фактически сдѣлаться собственникомъ всѣхъ земель и помѣстій Франціи; тогда вся земля, превращенная въ королевское помѣстье, независимое отъ правъ, которыя имѣли на нее частныя лица, была бы сдана въ аренду, совершенно подобно тому, какъ магометанскіе властители Турціи, Персіи и Монголіи, сдѣлавъ себя част-

¹⁾ Laveleye-Bücher, Das Ureigenthum, стр. 266, см. также Tocqueville, L'Ancien Régime etc., стр. 288.

ными собственниками, по своему произволу давали право пользованія землею своимъ подданнымъ, но только пожизненно ¹⁾. Кольберъ по этому поводу обратился къ знаменитому путешественнику Вернье и потребовалъ отъ него описанія государства Великаго Могола, въ которомъ вся земля составляла собственность государства, и, кромѣ того, критики этой системы. Вернье исполнилъ это требованіе, написавъ записку о государственномъ строѣ Индостана (*Lettre sur l'état de l'Hindoustan* ²⁾), на которой мы должны остановиться нѣсколько подробнѣе.

Описавъ Индостанское государство, Вернье ставитъ вопросъ: не лучше ли было бы для этого государства и его правителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для подданныхъ, если бы, по образцу европейскихъ королевствъ и государствъ, государь не являлся единственнымъ собственникомъ всей земли, и среди частныхъ лицъ существовали бы понятія мое и твое? Сравнивъ условія, существующія въ государствахъ съ частной собственностью на землю и безъ нея, Вернье отдаетъ преимущество первымъ, и въ подтвержденіе своего мнѣнія старается привести рядъ доводовъ. 1) Хотя золото и серебро въ большихъ количествахъ притекаютъ въ государство Великаго Могола, однако эти благородные металлы необыкновенно быстро исчезаютъ тамъ изъ обращенія. 2) Тиранія правителя и тимариотовъ прямо невѣроятна. Время, лежащее на крестьянахъ и ремесленникахъ, такъ велико, что они прямо умираютъ отъ голода и страданій и всякими способами стараются избѣгнуть своей участи. Лишь путемъ насилія можно принудить крестьянина заниматься земледѣліемъ; каналы и зданія приходятъ въ разрушеніе, такъ какъ неимѣющей собственности рабочій не видитъ никакого интереса работать на тирановъ. Ремесленникъ не находитъ себѣ покупателя среди обѣднѣвшихъ крестьянъ; работать же для высшихъ сословій невыгодно, такъ какъ они платятъ либо очень мало, либо вовсе не платятъ. На ряду съ полнымъ безправіемъ существуетъ крайняя невѣжественность населенія; упадокъ земледѣлія и промышленности влечетъ за собой отсуствіе всякой торговли.

Всѣ три восточныя государства, Турція, Персія и Индостанъ, въ которыхъ совершенно отсутствуетъ частная собственность подданныхъ на землю, являющаяся основой всѣхъ благъ міра, въ силу этого именно обстоятельства чрезвычайно похожи между собою. Всѣ они страдаютъ одними и тѣми же недостатками, и вслѣдствіе этого ихъ рано или поздно постигнетъ одинаковая участь, являющаяся естественнымъ слѣдствіемъ этихъ недостатковъ,—тиранія разореніе и полное запустѣніе. Поэтому очень хорошо, что европейскіе государи не являются собственниками всѣхъ земель государства, иначе они скоро сдѣлались бы королями пустыни, обитаемой нищими и варварами, какими сдѣлались уже государи востока. Для того, чтобы обладать всѣмъ, послѣдніе губятъ все и въ концѣ концовъ оказываются безъ богатствъ; ибо увлеченные слѣпымъ честолюбіемъ и необузданной страстью сдѣлаться самодержавиѣе, чѣмъ позволяютъ законы божескіе и законы природы, они стремятся сдѣлаться черезчуръ богатыми. Послѣ этихъ разглагольствованій Вернье самъ приводитъ рядъ возраженій, которыя

¹⁾ *Les soupirs de la France esclave qui aspire après la liberté*, Амстердамъ, 1690 г., стр. 15. Это анонимное произведеніе написано, вѣроятно, Жюрье.

²⁾ *Histoire de la dernière revolution des états du Grand Mogol*, Парижъ 1670 г.; тамъ находится, на стр. 191—294, часть II, сочиненіе: *Lettre sur l'état de l'Hindoustan*.

тутъ же, самъ, конечно съ успѣхомъ, разбиваетъ. Напр.:—Но вѣдь существуетъ столько государствъ, въ которыхъ отсутствуетъ частная собственность!—Да, но они находятся въ состояніи полного упадка.—Почему, однако, государства эти не могутъ имѣть хорошихъ законовъ, а жители провинцій не могутъ приносить жалобъ на притѣсненія государю или великому визирю?—Въ сущности законы ихъ хороши, но они не соблюдаются, а крестьяне и ремесленники не въ состояніи жаловаться, такъ какъ у нихъ для этого нѣтъ ни силъ, ни денегъ.—Но вѣдь даже во Франціи существуютъ королевскіе домены?—Разумѣется, но большая разница, является ли король большого государства собственникомъ лишь нѣсколькихъ участковъ земли, чтò совершенно не оказываетъ вліянія на строй государства и форму власти, или же онъ—собственникъ всего.—Во всякомъ случаѣ, въ такихъ государствахъ не бываетъ многочисленныхъ и долго длящихся судебныхъ процессовъ. Благодаря уничтоженію понятій мое и твое, исчезаютъ поводы къ многочисленнымъ процессамъ, и главнымъ образомъ къ такимъ, которымъ при настоящихъ условіяхъ придается большое значеніе. Число судей можетъ быть тогда значительно уменьшено, и исчезнетъ масса лицъ, которыя живутъ теперь тяжбами.—Совершенно справедливо; однако, состояніе въ которомъ находятся судебныя установленія во владѣніяхъ Великаго Могола, не удовлетворяетъ даже минимальнымъ требованіямъ, какія можно предъявлять къ подобнымъ учрежденіямъ, и оно несравненно хуже, чѣмъ у насъ.

Бернье слѣдующимъ образомъ резюмируетъ результаты своего изслѣдованія: упраздненіе частной собственности на землю неизбежно повело бы къ тираніи и рабству, къ несправедливости, нищенству и варварству, превратило бы цвѣтушія земли въ безплодныя пустыни и открыло бы широкой путь къ разоренію и уничтоженію человѣческаго рода, королей и государствъ. Понятія же мое и твое, въ связи съ надеждою, которую каждый питаетъ—что онъ работаетъ для доставленія себѣ и своимъ дѣтямъ прочнаго благосостоявія, наоборотъ, являются основой всего хорошаго и прекраснаго въ мірѣ. Всякій, кто сравнитъ различныя страны и государства и обратитъ при этомъ особенное вниманіе на различныя формы собственности, найдетъ, что послѣднія являются причиною всѣхъ различій, и что имъ слѣдуетъ приписывать цвѣтущее состояніе однихъ странъ и запустѣніе другихъ.

Какъ мы видимъ, Бернье въ этомъ своемъ письмѣ съ величайшей энергіей борется противъ тенденціи монархіи сдѣлать всю землю государственной собственностью, и съ такою же энергіей защищаетъ право отдѣльнаго лица на владѣніе землей, какъ частной собственностью. На примѣрѣ Индостана, государства Великаго Могола, онъ старается показать, какія роковыя послѣдствія влечетъ за собой земельная государственная монополія, но выставляемые имъ доводы относятся собственно къ деспотизму, а не къ государственной собственности, какъ таковой. Описаніе разорительнаго хозяйничанья сдѣлано очень умѣло и живо и въ то же время оно такъ ясно и рѣзко напоминаетъ собой тогдашнее состояніе Франціи, что всякій невольно долженъ увидѣть полное сходство между индостанскимъ и французскимъ деспотизмомъ. Впрочемъ, сопоставленіе абсолютническихъ стремленій французскихъ королей съ деспотизмомъ султана уже со временъ лиги сдѣлалось наиболѣе излюбленной темой памфлетистовъ, которые свои выходки противъ первыхъ старались болѣе или менѣе замаскировать подъ видомъ нападокъ на султана. Такъ, на примѣрѣ, нѣкій неизвѣстный авторъ рассказываетъ,

еще въ 1576 году, въ сочиненіи «L'antipharmaque du chevalier Poncet», что Генриху III посовѣтовали выслушать сообщеніе шеваље Понсе, по возвращеніи послѣдняго съ Востока. Описавъ неограниченную власть султана, Понсе предложилъ ввести подобное же управленіе и во Франціи. Для этой цѣли, по его словамъ, надо прежде всего разгромить аристократію и постараться освободить себя отъ всѣхъ князей и крупныхъ сеньоровъ; оставшуюся послѣ этого безличную массу («foule confuse») не трудно будетъ обуздать ¹⁾. Ришелье также приписываютъ подобную политику ²⁾.

По словамъ Жюрье, инициатива въ этомъ дѣлѣ исходила отъ Кольбера. «Когда въ одинъ прекрасный день,—обращается онъ съ предостереженіемъ къ дворянству,—явится болѣе отважный министръ финансовъ, чѣмъ Кольберъ, то у васъ немедленно же отберутъ всѣ ваши наслѣдственные имѣнія, и вы должны будете уплачивать государю ренту за свою собственность». Какъ же пришелъ Кольберъ къ этому плану, который прежде всего угрожалъ владѣніямъ дворянства? Самостоятельность послѣдняго была въ корнѣ уничтожена неудачей фронды, и федералистическихъ стремленій съ его стороны нечего было больше бояться; такимъ образомъ лишь причины, вытекающія изъ фискальной политики, могли заставить Кольбера сдѣлать этотъ шагъ. Какъ только была бы провозглашена собственность короля на всю землю государства, такъ вмѣстѣ съ нею была бы уничтожена свобода дворянства отъ налоговъ; оно было бы принуждено, какъ выражается Жюрье, платить государю ренту за свою собственность ³⁾.

Съ идеей, что королю принадлежитъ право собственности на всю землю, мы сталкиваемся еще нѣсколько разъ въ царствованіе Людовика XIV. Такъ, она встрѣчается прежде всего въ 1692 году, въ фискальномъ эдиктѣ относительно вотчинныхъ владѣній; далѣе, самъ король высказываетъ ее въ извѣстномъ мѣстѣ инструкціи для дофина: «Все, что находится въ границахъ нашего государства, что бы это ни было, принадлежитъ намъ по тому же самому праву. Поэтому, вы должны быть увѣрены, что короли по своей природѣ имѣютъ полное право свободно распоряжаться имуществомъ, находящимся во владѣніи духо-

¹⁾ G. Weill въ *Les théories etc.*, стр. 125 и слѣд. упоминаетъ еще два другихъ памфлета изъ временъ лиги: *La France-Turquie* и *Les lunettes de cristal de roche par lesquelles on voit clairement le chemin tenu pour subjuguier la France à même obéissance que la Turquie.* Изъ подобныхъ же памфлетовъ, касающихся Людовика XIV, упомяну еще: *L'Alcoran de Louis XIV, 1695; Conversation du bouffon du grand-visir avec celui de Téléki, 1684.*

²⁾ Ср. J. Meslier, *Le Testament*, ed. R. Charles II, стр. 261, гл. LVII, въ которомъ онъ приводитъ слѣдующую выдержку изъ сочиненія: *Salut de l'Europe en l'an 1694*: «Ришелье замѣтилъ, что между всѣми монархіями лишь въ Оттоманскомъ государствѣ можно найти болѣе или менѣе значительную и устойчивую прочность, такъ какъ она всегда сохранялась на всемъ его пространствѣ... въ то время, какъ другія монархіи сами себя разоряли, благодаря роскоши, ослабленію дисциплины и честолюбію высшихъ сановниковъ... Поэтому ему пришла охота организовать строй Франціи по такому образцу...

³⁾ H. Doniol въ *Histoire des classes rurales*, Парижъ 1865 г., стр. 407 и слѣд., высказываетъ мнѣніе, что письмо Бернье внушено ему Кольберомъ и излагаетъ взгляды послѣдняго. Это ни на чемъ не основанное утвержденіе опровергается разсказомъ Жюрье въ „*Soupirs*“. Воннѣмере въ своей книгѣ *La France sous Louis XIV*, Парижъ 1864 г., стр. 212 приписываетъ переговоры съ Бернье замѣстителю Кольбера, Понтшартену и относить ихъ къ 1693 году. Но „*Soupirs*“ появились уже въ 1690 году.

венства и народа, чтобы, как мудрые хозяева, употреблять его на удовлетворение общих потребностей своего государства». В последний раз к этому принципу обратились в 1710 году. При необычайных финансовых затруднениях, в которых тогда находилось государство, обратились к «королевской десятина» (*Dîme Royale*), которую Вобанъ рекомендовалъ взимать уже за нѣсколько лѣтъ до того, но въ результатѣ лишь навлекъ на себя немилость короля. Теперь эта десятина была установлена, съ той лишь разницей, что съ ея введеніемъ не были отменены всѣ прочіе налоги, какъ это хотѣлъ сдѣлать Вобанъ въ выработанной имъ системѣ. Возраженія Людовика XIV противъ этого новаго грабежа были побѣдоносно опровергнуты его духовникомъ, іезуитомъ Летеие, съ помощью рѣшенія наиболѣе выдающихся докторовъ Сорбонны, въ которомъ высказывается заключеніе, что король есть единственный и исключительный собственникъ всѣхъ имѣній своихъ подданныхъ, которые въ дѣйствительности лишь завѣдуютъ ими отъ его имени ¹⁾.

IV. Хлѣбная политика Ancien Régime'a.

Та же мысль лежитъ въ основѣ хлѣбной политики, которую Ancien Régime преслѣдовалъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Подобно тому, какъ королямъ принадлежать всѣ имѣнія ихъ подданныхъ, они также имѣютъ право вмѣшиваться въ управление предоставленныхъ въ пользованіе подданныхъ имѣній и даже обязаны заботиться о томъ, чтобы послѣдніе управлялись сообразно съ интересами всѣхъ. «Его величество, — такъ начинается указъ государственнаго совѣта отъ 5-го сентября 1693 года, — вполне убѣжденъ, что ему слѣдуетъ прежде всего направить свое вниманіе на то, чтобы создать для своихъ подданныхъ легкое и удовлетворительное существованіе, и онъ не остановится напередъ чѣмъ для выполненія этой важной обязанности» ²⁾. Такъ какъ въ тѣ времена хлѣбъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ теперь, служилъ важнѣйшимъ продуктомъ для пропитанія массъ, то само собою разумѣется, что регулированіе хлѣбной торговли, въ особенности въ годы плохихъ урожаевъ, составляло важнѣйшую задачу правительства. Въ годы высокихъ цѣнъ, которыя при старомъ порядкѣ встрѣчались достаточно часто, народъ сейчасъ же обращался къ интендантамъ, къ этимъ тридцати правителямъ Франціи, ожидая, повидимому, только отъ нихъ однихъ пропитанія для себя» ³⁾, такъ что именно тогда частная торговля почти совершенно прекращалась, и всѣ заботы о снаб-

¹⁾ *Vonnemère, La France sous Louis XIV, II, стр. 462.*

²⁾ Такое пониманіе задачъ государства исчезаетъ лишь послѣ того, какъ буржуазія достигла неоспоримаго господства; еще въ XVIII столѣтія оно царило повсемѣстно; *Montesquieu*, напр., пишетъ въ *Esprit des lois*, 1748, кн. XVIII, гл. 29: „Милостыня, которую подають нищему на улицѣ, не выполняетъ еще всѣхъ обязательствъ государства, которое обязано доставить всѣмъ своимъ гражданамъ обезпеченное существованіе, пропитаніе, соответствующую одежду и здоровыя условія жизни“. Гарантированное государствомъ право на существованіе есть пунктъ, такъ же мало оспариваемый въ концѣ столѣтія, какъ и въ началѣ его, и имѣетъ почти догматическое значеніе. „Каждый чловѣкъ имѣетъ право на свое существованіе“, гласитъ *Plan de travail du comité pour l'extinction de la mendicité*, 1789 г.

³⁾ *Tocqueville, l'Ancien Régime et la révolution, Парижъ, 1856 года, стр. 110.*

женіи населенія пропитаніемъ возлагались на правительство. Въ оффиціальныхъ документахъ высказывалась мысль, что право собственности на хлѣбъ менѣе священно, чѣмъ право на какой-либо другой предметъ ¹⁾, и еще въ 1770 году, за шесть лѣтъ до попытки Тюрго произвести реформу, въ одной памятной запискѣ говорится, что обязанностью главы семьи (короля) является урегулированіе распределенія «этого всеобщаго богатства (хлѣба), на которое всѣ подданные государства имѣютъ одинаковое естественное право, такъ какъ отъ него, въ сущности, зависитъ ихъ существованіе и покой» ²⁾. Въ пользу необходимости вмѣшательства правительственной власти говорили еще и другія причины, до крайней степени разжигавшія народныя страсти. Въ то время существовало убѣжденіе въ чрезвычайной плодородности французской почвы и предполагалось, что хорошаго урожая должно хватать на 2—3 года. Поэтому, всѣ ужасы голодовокъ, которыя такъ часто опустошали Францію, приписывались спекуляціямъ недобросовѣстныхъ торговцевъ. Причывъ дороговизны искали всюду; ихъ ставили въ вину спекулянтамъ, интендантамъ, главному контролеру финансовъ, королю. Истинныя же, экономическія причины оставались непонятыми. Правительство и магистратура раздѣляли общее заблужденіе. «Мѣры принятыя нами въ послѣдніе годы для доставленія хлѣба и другихъ вспомошествованій нашему нуждающемуся народу въ различныхъ мѣстностяхъ привели насъ къ убѣжденію, что увеличенію нужды содѣйствовали не столько неурожай, сколько жадность отдѣльныхъ, частныхъ лицъ»,—говорится во введеніи къ деклараціи 13-го августа 1699 года ³⁾; «жадности нѣсколькихъ купцовъ, которые жертвуютъ священнѣйшими узамъ религіи и общества, а червѣдко даже благомъ всего государства» ⁴⁾, приписывалась главная вина.

Активно правительство впервые вмѣшалось въ хлѣбную торговлю въ 1662 году, когда свирѣпствовала страшная голодовка. Кольберъ назначилъ для покупки хлѣба въ Данцигъ довольно значительную сумму — 2.000.000 ливровъ. Вся операція была произведена совершенно открыто; ордонансъ возвѣстилъ гражданамъ, что «его величество приказалъ доставить въ свой добрый городъ Парижъ извѣстное количество хлѣба, который будетъ раздаваться... въ галлерейхъ Лувра по 26 ливровъ за сѣть (равенъ 1½ гектолитрамъ), и что всякій желающій приобрести хлѣбъ долженъ обратиться къ комиссару своего участка, чтобы получить отъ него удостовѣреніе о жительствѣ и квитанцію на полученіе желаемаго количества хлѣба, который и будетъ доставляться всякому мѣроу въ одинъ сѣть и менѣе ⁵⁾. Операція эта закончилась безъ потерь и можетъ быть даже съ небольшою выгодой для государственнаго казначейства. Закупки хлѣба

¹⁾ Oeuvres de Turgot, I, стр. 223, цитир. у Biollay, Études économiques sur le XVIII siècle, Парижъ, 1885 г., стр. 21, который даетъ въ своей книгѣ подробное описаніе хлѣбной политики стараго порядка.

²⁾ Mémoire sur la police de Paris en 1770, въ Mémoires de la société de l'histoire de Paris, V, стр. 117, цитировано у Biollay, Études etc., стр. 22.

³⁾ Ср. также эдиктъ государственнаго совѣта отъ 13-го октября 1693 года; тамъ сказано, что дороговизна хлѣба вызвана мошенническими продѣлками купцовъ и другихъ заплатахъ въ торговлѣ лицъ, которыя скрываютъ хлѣбъ для того, чтобы поднять цѣны.

⁴⁾ Delamare, Traité de la police, II, стр. 944, цитировано у Biollay, Études, стр. 14.

⁵⁾ Delamare, Traité de la police, II, стр. 1033, цитировано у Biollay, Études etc., стр. 35.

были повторены въ 1684 и 1693 годахъ. Во время голодовокъ 1689 и 1699 годовъ правительство не вмѣшивалось, вѣроятно въ виду абсолютнаго недостатка средствъ. То же самое произошло и въ ужасномъ 1709 году, когда, вдобавокъ, благодаря войнѣ, невозможно было закупить хлѣбъ за границей. Въ 1713 году снова были сдѣланы закупки хлѣба, при чемъ казна потеряла 600.000 ливровъ. Хлѣбная политика Кольбера имѣла въ виду прежде всего потребителя и лишь въ послѣднемъ счетѣ крестьянина производителя. Королевская власть имѣетъ право распоряжаться урожаями, которые представляютъ собой «продуктъ плодородія земли и свойствъ климата, т.-е. въ нѣкоторомъ родѣ свободный даръ провидѣнія»; правительство заботится о томъ, чтобы крестьянинъ платилъ свои подати и арендную плату; правительство допускаетъ даже, чтобы онъ получалъ нѣкоторую выгоду отъ своего труда, но прежде всего необходимо позаботиться о томъ, чтобы народу не приходилось жаловаться на черезчуръ высокія хлѣбныя цѣны ¹⁾. Поэтому правительство вмѣшивалось въ хлѣбную торговлю и въ установленіе хлѣбныхъ цѣнъ, въ сущности, только во время голодовокъ. Изрѣдка, лишь когда слишкомъ большой урожай настолько понижалъ цѣны на хлѣбъ, что крестьянинъ почти лишался возможности продавать его, а правительству или, вѣрнѣе, откупщику его въ такой же мѣрѣ становилось невозможно взимать подати, правительство давало разрѣшеніе на вывозъ хлѣба. Еще рѣже оно соглашалось отмѣнить вывозныя пошлины. Въ общемъ же правительство дѣлало это крайне неохотно, потому что за одно и то же количество хлѣба, ввезенное въ неурожайный годъ, приходилось платить большую сумму денегъ иностранцамъ, чѣмъ платили послѣдніе, когда въ годы урожая хлѣбъ вывозился за границу, — словомъ, потому, что результатъ этихъ ввозныхъ и вывозныхъ операцій противорѣчилъ политикѣ такъ называемой меркантильной системы, которую правительство преслѣдовало ²⁾. При такихъ условіяхъ сама собой напрашивалась мысль о накопленіи избытка урожайныхъ годовъ въ большихъ общественныхъ магазинахъ. Эта мысль уже въ 1577 году была высказана въ ордонансѣ, въ которомъ добрымъ городамъ предписывалось держать въ запасъ въ общественныхъ магазинахъ количество хлѣба, необходимое для прокормленія города въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Ордонансъ этотъ остался, однако, лишь на бумагѣ. Такая же участь постигла требованіе собранія нотаблей въ 1626 году, относительно возобновленія ордонанса. Въ 1688 и 1691 годахъ правительство Людовика XIV пыталось осуществить этотъ проектъ, но уже въ самомъ началѣ выпущдено было бросить его въ виду финансовыхъ и другихъ затрудненій. Регентство снова занялось проектомъ. «Планъ государственнаго совѣта, касающійся устройства хлѣбныхъ магазиновъ въ провинціи, — говорится въ одной памятной запискѣ 1717 года, — и необходимыхъ для этого учрежденій вблизи судоходныхъ рѣкъ, пред-

¹⁾ Biolley, Études etc., стр. 81 и 82.

²⁾ Подъ меркантильной системой подразумѣвается цѣлая система экономическихъ взглядовъ, которые особенно въ началѣ новѣйшаго времени имѣли рѣшительное вліяніе на разсужденія писателей-экономистовъ и государственныхъ дѣятелей, отъ которыхъ завѣсила экономическая политика. Важнѣйшими изъ этихъ взглядовъ являются слѣдующіе: 1) Чѣмъ больше денегъ имѣетъ страна, тѣмъ она богаче. 2) Источникомъ обогащенія благородными металлами является внѣшняя торговля. 3) Богатство возрастаетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше продается иностранцамъ и чѣмъ меньше у нихъ покупается. Handwörterbuch der Staatswissenschaften, IV, стр. 1168.

ставляетъ для народа только выгоды и помѣшаетъ ему впасть въ такую нищету, въ какую онъ впадалъ въ 1700, 1710, 1713 и 1714 годахъ ¹⁾). Планъ этотъ былъ осуществленъ лишь въ царствованіе Людовика XV. Такъ какъ покупка и продажа производились по возможности въ тайнѣ, то въ народѣ очень быстро зародилось подозрѣніе, что король при этихъ операціяхъ ничего не теряетъ, что онъ самымъ низкимъ образомъ спекулируетъ на голодовкѣ своихъ подданныхъ, чтобы обогатиться. Дальше мы еще вернемся къ этому вопросу и при этомъ увидимъ, существовалъ ли дѣйствительно пресловутый Pacte de famine и насколько онъ былъ распространенъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Крестьяне и сельское духовенство.

I. Крестьяне.

Англійскій писатель назвалъ исторію крестьянства «Via dolorosa»; поистинѣ это была *Via dolorosa*, но такая, что при сравненіи съ нею потрясающая трагедія страданій сына еврейскаго плотника исчезаетъ безслѣдно, какъ капля въ морѣ. Тамъ былъ одинъ только человекъ, который свершилъ свой ужасный, скорбный путь въ одинъ день, здѣсь же безчисленные милліоны людей, которые идутъ по этому пути въ теченіе многихъ столѣтій. Три слова выражаютъ всю исторію Ancien Régime'a: война, моровая язва и голодъ; кого эти могучіе косцы человѣческой жизни коснулись болѣе, чѣмъ крестьянъ? Крестьянство — это полный жизни, чувствующій и мыслящій фундаментъ, погруженный въ ядовитый туманъ нужды и страданія, въ грязное полувѣриное существованіе, фундаментъ — на которомъ высится среди чистаго воздуха стройный обелискъ, озаренный лучами солнца счастья. Надъ нимъ тяготѣетъ проклятіе болѣе ужасное, чѣмъ проклятіе ветхозавѣтнаго Бога, которое, по мнѣнію людей того времени, осуждало весь родъ людской на ужаснѣйшую участь: въ потѣ лица будешь ѣсть хлѣбъ твой — это «Евангеліе труда» казалось людямъ ветхаго завѣта проклятіемъ; чѣмъ же показалось бы имъ «Евангеліе современнаго труда»? — Крестьянинъ, французскій крестьянинъ, въ потѣ лица обрабатывалъ поле, не свое только, но хлѣба не ѣлъ; онъ вступалъ въ бракъ и воспитывалъ сыновей, но у него забирали этихъ сыновей для того, чтобы они въ чужой землѣ проливали свою кровь за короля, котораго крестьянинъ представлялъ себѣ въ образѣ сборщика податей, жандарма или солдата, однимъ словомъ, не иначе, какъ въ образѣ демона разрушителя. Онъ вступалъ въ бракъ и вмѣстѣ съ женой воспитывалъ дочерей, но вотъ въ деревнѣ появлялась шайка бандитовъ, титулованныхъ или не титулованныхъ, и обезчещивала и жену, и дочерей на его глазахъ. Ветхозавѣтное проклятіе показалось бы ему прямо благодатью, если бы онъ сравнилъ его со своими страданіями.

¹⁾ Цитировано у Biollay, *Études etc.*, стр. 41.

Горе! Горе! Горе! Горе!
 Прелаты, князья и вы добрые господа,
 Горожане, кушцы и правовѣды,
 Ремесленники, крупные и мелкіе,
 Вы рылари и люди трехъ сословіи,
 Живущіе нами, крестьянами:
 Придите къ намъ сколько-нибудь на помощь..
 Намъ надо жить, и лишь вы наше спасеніе;
 Мы лишились всякой утѣхи и радости;
 Скоро настанетъ для насъ конецъ,
 Такъ какъ вѣтъ у насъ больше ни вина, ни хлѣба... ¹⁾

Такими словами начинается одно стихотвореніе, въ которомъ изображается крестьянинъ XV столѣтія. Слова эти справедливы однако также и для XVI, XVII и XVIII столѣтій — и идею, что крестьянинъ и страданіе связаны между собою неразрывно, что страданіе это будетъ обитать въ его хижинѣ, какъ вѣрный товарищъ, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ Жакомъ Бономомъ, эту полную отчаянія идею французскій народный духъ тѣмъ ярче изобразилъ въ легендѣ «Bonhomme Misère» (Горе-крестьянинъ), чѣмъ рѣзче контрастъ между тяжелой темой легенды и юмористической формой изложенія. Два бѣдныхъ странника, — повѣствуетъ легенда, — недружелюбно выпровоженные богатымъ буржуа, стучатся съ просьбой о ночлегѣ къ бѣдному крестьянину, по имени Bonhomme Misère. Несмотря на свою великую бѣдность, онъ принимаетъ ихъ чрезвычайно радушно. На другой день оба гостя, которые были не кто иные, какъ св. Петръ и св. Павелъ, потребовали, чтобы хозяинъ высказалъ какое-нибудь желаніе, объ исполненіи котораго они попросятъ Бога. У Мизера было прекрасное грушевое дерево, доставлявшее ему половину его дохода, но онъ имѣлъ дурного сосѣда, который обыкновенно воровалъ у него хорошіе плоды; и вотъ онъ попросилъ гостей ни о чемъ иномъ, какъ о томъ, чтобы каждый, кто взберется на грушу безъ его разрѣшенія, сидѣлъ бы тамъ столько времени, сколько онъ (Мизеръ) пожелаетъ. Просьба его была исполнена, и путешественники ушли. Вскорѣ злой сосѣдъ былъ пойманъ, но Мизеръ, bon homme, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, позволилъ ему уйти. Мизеръ состарился, и вотъ въ одинъ прекрасный день является смерть, чтобы взять его. Однако Мизеръ, несмотря на свои страданія, крѣпко держался за жизнь, поэтому онъ пустился на хитрости и попросилъ смерть сорвать для него передъ концомъ еще одну грушу, такъ какъ самъ онъ не въ состояніи болѣе взобраться на дерево. Смерть, какъ разъ хорошо настроенная, исполнила его желаніе и попала въ ловушку. Чтобы имѣть возможность спуститься съ дерева, она должна была вступить въ переговоры съ Мизеромъ и обѣщать ему, что потребуетъ его къ себѣ не раньше страшнаго суда. И вотъ Мизеръ остается на землѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать міръ ²⁾). Платить, служить и терпѣть, — въ этихъ трехъ словахъ заключена вся исторія крестьянина, котораго королевскій фискаль, хищный сельскій дворянинъ и алчный къ деньгамъ, утонченный буржуа давили и обирали съ удивительнымъ единодушіемъ. И Жакъ Бономъ платилъ, служилъ и терпѣлъ больше, чѣмъ это

¹⁾ Цитировано по Leymarie, Histoire des paysans en France, II, стр. 632 п слѣд.

²⁾ A. Feillet, La misère au temps de la Fronde et Saint Vincent de Paul, Парижъ 1862 г., придерживается мнѣнія, что эта легенда возникла во времена Фронды.

доступно человѣку. По временамъ же, послѣ болѣе или менѣе долгихъ промежутковъ времени, когда даже для него мѣра переполнялась, а въ мозгу его зарождалась не въ ясной формѣ, но въ формѣ туманнаго представленія смѣлая мысль, зачѣмъ, по какому праву его заставляютъ терпѣть все это, — Жакъ Бономъ поднимался, убивалъ своихъ мучителей, сколько былъ въ состояніи, жегъ ихъ замки и дома и, гдѣ могъ, грабилъ. Сдѣлавшись на одинъ моментъ свободнымъ человѣкомъ, онъ упрямо разставлялъ свои ноги и говорилъ дикія слова о равенствѣ всѣхъ, кто носитъ образъ человѣческой. Затѣмъ для него наступала гибель въ образѣ бряцающихъ оружіемъ рядовъ всадниковъ и пѣхоты, которые именовъ короля, несмотря на то, что онъ всегда считалъ себя его вѣрнѣйшимъ подданнымъ, вѣшали его, колесовали и четверговали, безчестили его жену и дочерей, жгли его домъ и уничтожали все принадлежавшее ему имущество. И Жакъ Бономъ, поверженный во прахъ, снова платилъ, служилъ и терпѣлъ.

Въ мои намѣренія не входитъ излагать здѣсь исторію крестьянина, но все же намъ надо пройти съ нимъ нѣсколько этаповъ по его *Via dolorosa*, чтобы понять впоследствии тотъ фанатизмъ и ту ненависть, съ которыми первый французскій крестьянскій коммунистъ, священникъ Мелье напалъ на короля и дворянство, духовенство и буржуазію, короче говоря, на весь «паразитирующій классъ имущихъ».

Сначала вернемся не надолго къ началу XII столѣтія и посмотримъ, каково было положеніе крестьянина послѣ его превращенія изъ неимѣющаго собственности и безправнаго раба въ крѣпостнаго наслѣдственнаго арендатора. Лежачія на немъ повинности мы можемъ соединить въ три группы: 1) личныя повинности, вытекающія изъ наслѣдственнаго, продолжающагося всю жизнь, не-свободнаго состоянія, 2) вещныя, которыя выполнялись въ пользу землевладѣльца, за пользованіе землей и въ знакъ призванія за нимъ права собственности, и наконецъ, 3) ленныя, которыя лежали на крестьянинѣ, какъ на вассалѣ и кліентѣ землевладѣльца, за защиту и пріютъ, доставляемые ему послѣднимъ въ своемъ имѣніи¹⁾. Къ личнымъ повинностямъ принадлежатъ, прежде всего, подушная подать, затѣмъ барщины (*corvées*), которыя въ большинствѣ были точно опредѣлены, и продолжительность которыхъ была, согласно обычному праву, равна двѣнадцати днямъ въ году и никогда не превышала трехъ дней въ мѣсяцъ. Земельная подать (*champart*), самая крупная изъ вещныхъ повинностей, вносилась продуктами земледѣлія и скотомъ. Въ большинствѣ случаевъ она составляла половину урожая и приплода и забиралась землевладѣльцемъ еще до начала уборки. Сюда же относится еще цѣлый рядъ обязанностей (*banalités*), опутывавшихъ всю дѣятельность крестьянина; крестьянинъ вынужденъ былъ возить все зерно для помола на мельницу землевладѣльца, онъ долженъ былъ печь свой хлѣбъ въ его пекарнѣ, посылать свой виноградъ въ помѣщичью давильню и въ опредѣленные времена года утолять свою жажду въ корчмѣ помѣщика, — за все это онъ, конечно, долженъ былъ платить послѣднему пзвѣстную пошлину. Не менѣе многочисленными были обязанности и повинности, которыя крестьянинъ несъ взамятъ безцѣнной привилегіи принадлежать своему наслѣдственному господину-землевладѣльцу, который сохранялъ за собой исключительное право стричь крестьянина, и не желалъ дѣлиться этимъ правомъ съ

¹⁾ См. Сугенгеймъ, Исторія возникновенія крѣпостнаго права. Сиб. 1861 г.

другими рыцарями-грабителями. Крестьянинъ, какъ вассалъ своего землевладѣльца, обязанъ былъ нести военную службу въ пѣхотѣ, состоять въ замковой стражѣ и вообще выполнять всевозможныя военныя операціи, при которыхъ онъ всегда платился своей шкурой (*corpus vile*). Денежную помощь онъ обязанъ былъ давать прежде всего въ четырехъ случаяхъ, въ которыхъ каждый вассалъ обязанъ былъ оказывать ее своему ленному владѣльцу: при выкупѣ изъ плѣна, при паломничествѣ въ св. землю, при посвященіи старшаго сына въ рыцари и, наконецъ, при выдачѣ замужъ старшей дочери. Такъ какъ паломничество въ св. землю стало выходить изъ обычая, то синьоръ (землевладѣлецъ), взаимно удовольствія давать средства на это паломничество, удостоилъ крестьянъ чести помогать ему при экипировкѣ всѣхъ своихъ дѣтей. Эта повинность и есть *taille*, налагаемая на вассаловъ крестьянъ по волѣ, по желанію, по милости и т. д. землевладѣльцевъ (*à volonté, à plaisir, à merci, à miséricorde*). Если землевладѣлецъ и его дружина предпринимали путешествіе, то крестьяне же должны были заботиться о квартирѣ для нихъ и продовольствіи въ пути: *droit de prise* давало землевладѣльцу право конфисковать съѣстные припасы и домашнюю утварь и устанавливать на нихъ цѣну по своему произволу. Однимъ изъ величайшихъ бѣдствій для крестьянъ было *droit de chasse, de garenne, de colombier* (право охоты, право устраивать парки для кроликовъ и голубятни). Съ этимъ были связаны тяжелыя охотничьи повинности. Пошлины при куплѣ и продажѣ (*lods et ventes*), *la main morte* — т.-е. смягченный обычай, дѣлавшій синьора единственнымъ наслѣдникомъ имущества своихъ крѣпостныхъ, (*manus* которыхъ считалась *mortua*, т.-е., которые не имѣли права распоряжаться своимъ имуществомъ, — отсюда названіе *main mortables* для всѣхъ несвободныхъ), далѣе, разрѣшеніе на женитьбу — смягченное *jus primae noctis* (право первой ночи) и безчисленное множество другихъ позорныхъ и смѣшныхъ феодальныхъ повинностей, перечисленіе которыхъ здѣсь завело бы насъ слишкомъ далеко. Небольшого перечня наиболее важныхъ изъ нихъ будетъ достаточно для того, чтобы показать, что судьба французскаго крестьянина въ концѣ XII столѣтія была очень незавидна.

Вліяніе крестовыхъ походовъ, сопровождавшихся увеличеніемъ имущества духовенства, возникновеніе городовъ, перемѣны, происшедшія въ XIII столѣтіи во французскомъ ленномъ государствѣ, благодаря непрерывному расширенію владѣній короля, черная смерть — всѣ эти факторы съ теченіемъ времени вызвали значительныя облегченія въ положеніи крѣпостныхъ, которые постепенно превратились въ полуэвободныхъ, а въ нѣкоторыхъ, рѣдкихъ случаяхъ получили даже полную свободу. Освобожденіе заключалось въ упраздненіи наиболее характерныхъ и угнетающихъ тягостей крѣпостничества путемъ замѣны этихъ феодальныхъ повинностей опредѣленной денежной податью, при чемъ сохранялись всѣ остальные права землевладѣльцевъ; такъ, напр., *jus primae noctis* было превращено въ разрѣшеніе на бракъ, за которое вносилась опредѣленная денежная плата, *main morte* и *taille à merci*, благодаря такъ называемому «абонементу», превратились въ постоянныя подати и такимъ образомъ сдѣлались болѣе или менѣе независимыми отъ произвола землевладѣльца. *Droit de chasse, droit de prise*, обязанность нести сторожевую службу были значительно ограничены. Въ такомъ-то состояніи полусвободы находилось значительное большинство фран-

цузскаго сельскаго населенія въ началѣ XVI столѣтія и въ немъ оно оставалось до послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка.

Кромѣ этихъ феодальныхъ повинностей, на крестьяннѣ же, главнымъ образомъ, лежали всѣ налоги новѣйшей абсолютной монархіи. Королевская власть сумѣла создать себѣ, помимо своихъ доменовъ (казенныя имущества), давшихъ ей постоянные доходы, еще и другіе источники ихъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть налогъ, взимаемый на пространствѣ всего государства и являвшійся въ одно и то же время налогомъ на землю, на движимое имущество и подушную податью: *taille*. Первоначально этотъ налогъ взимался не постоянно, а лишь для покрытія расходовъ на войны. Но при Карлѣ VII онъ сдѣлался постояннымъ и независимымъ отъ штатовъ королевства и провинціи. Первоначально право взимать его находилось въ рукахъ землевладѣльцевъ, но въ 1355 году этимъ правомъ завладѣли Генеральные Штаты, передавшіе его главнымъ интендантамъ и выборнымъ (*élus*), которыхъ они сами же и назначали. Затѣмъ Карлъ V присвоилъ себѣ право въ большей части Франціи, въ «*pays d'élections*», выбирать самому этихъ чиновниковъ, между тѣмъ какъ въ «*pays d'état*» провинціальныя штаты сохранили свою привилегію. Дворянство и духовенство были освобождены отъ *taille*, такъ что приблизительно половина всѣхъ государственныхъ доходовъ получалась съ третьяго сословія, главнымъ образомъ съ крестьянъ. Вторымъ по своему значенію государственнымъ налогомъ былъ налогъ на соль (*gabelle*); съ нимъ, для его увеличенія, было связано обязательное потребленіе соли; это былъ самый ненавистный для народа налогъ, который чаще, чѣмъ какой бы то ни было другой, служилъ поводомъ къ возстаніямъ. Шайка взимающихъ этотъ налогъ чиновниковъ (*gabelleurs*) была злѣйшимъ врагомъ крестьянъ, и нерѣдко ненависть послѣднихъ проявлялась въ безпощадномъ избиеніи этихъ жестокихъ кровопійцъ. Налогъ на соль очень хорошо охарактеризованъ Франсуа Гримодомъ, по поводу выборовъ депутата въ Генеральныя Штаты, въ октябрѣ 1789 года: «Существуетъ особенно ненавистный и непопулярный налогъ, — это налогъ на соль. Крестьяне терпѣливо переносятъ бы, что король извлекаетъ изъ этого налога нѣкоторый доходъ, если бы не существовало торговцевъ солью, откупщиковъ, контролеровъ, чиновниковъ и жандармовъ, которые ходятъ по жилищамъ бѣдныхъ людей и отнимаютъ у нихъ утварь и одежду, данную имъ Богомъ. Большею частью они отбираютъ эти вещи и заставляютъ крестьянъ отправляться, передъ ихъ приходомъ, въ деревни, гдѣ крестьяне въ юридическомъ отношеніи безпомощны. Они показываются народу злые и ужасные, вооруженные ружьями, пистолетами и длинными палками, постановляютъ надъ сельскими жителями незаконныя приговоры, арестуютъ крестьянъ и продаютъ съ аукціона ихъ воловъ, лошадей и повозки. Въ одинъ день они успѣваютъ разорить отъ 40 до 50 бѣдныхъ крестьянъ, которымъ, благодаря этому, приходится нищенствовать. Если подсчитать, то окажется, что они только въ одной нашей странѣ Анжу разорили больше тысячи человекъ. — Бѣдный крестьянинъ, какъ овца, подставляющая свою спину, когда ее стригутъ! Онъ бѣденъ, у него нѣтъ имущества и друзей противъ богатства и могущества чиновниковъ и откупщиковъ налога на соль»... ¹⁾.

¹⁾ Цитир. у С. Mourin, *La Reforme et la Ligue en Anjou*, Парижъ 1856 г. стр. 12 и 13.

«XVI столѣтіе было періодомъ роста богатства и прогресса въ земледѣліи, XVII же — періодомъ застоя и упадка. Въ концѣ XVIII и въ XIX вѣкѣ замѣчается медленный подъемъ, который достигъ теперь нѣсколько болѣе высокаго уровня, чѣмъ въ первой половинѣ XVI столѣтія»¹⁾. Здѣсь происходилъ почти тотъ же процессъ, что и въ Германіи. Послѣдствія, вызванныя въ Германіи тридцатилѣтней войной, во Франціи были вызваны религіозными войнами второй половины XVI столѣтія, Фрондой и славными царствованіемъ Людовика XIV. Несмотря на быстрый ростъ налогового бремени, при Францискѣ I и Генрихѣ II служившій даже непосредственной причиной нѣкоторыхъ мелкихъ возстаній и вызвавшій въ 1556 году довольно значительную эмиграцію изъ Нормандіи и Пикардін, странъ гражданской свободы, въ Франшконте, гдѣ еще существовало *main morte*, можно съ полнымъ правомъ сказать, что въ общемъ въ первой половинѣ XVI столѣтія положеніе крестьянства не только не ухудшилось, но, наоборотъ, значительно улучшилось. Такимъ образомъ, въ то время, какъ матеріальное богатство крестьянъ возрастало, до крайности обострился давнишній антагонизмъ между ними и городами, и начался отливъ дворянства и богатства изъ деревни, приведшій къ полной заброшенности французскаго крестьянства. Вліяніе эпохи Возрожденія на послѣднее было ничтожно, между тѣмъ какъ на дворянствѣ, духовенствѣ и буржуазіи оно отразилось очень сильно. Дворянство и высшее духовенство вошли во вкусъ городской жизни, французское дворянство и буржуазія переняли привычки своихъ итальянскихъ сосѣдей, и въ связи съ этимъ во Франціи привились итальянскія отрасли промышленности, обслуживающія роскошь. Это стремленіе въ городъ, особенно въ столицу, поддерживалось изъ политическихъ соображеній королями, которые старались привлечь дворянство къ своему двору, чтобы уничтожить его независимость и превратить его въ толпу придворныхъ. Расточительная жизнь при королевскомъ дворѣ разоряла дворянство въ финансовомъ отношеніи, а это разореніе, въ свою очередь, имѣло роковое вліяніе на положеніе крестьянства. Растущія угнетеніе и эксплуатація послѣдняго, также какъ и обнищаніе цѣлыхъ областей, самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ такимъ «отходомъ» дворянства въ города. Чѣмъ больше покровительствуемая королями промышленность привлекала къ себѣ возникающій буржуазный классъ, чѣмъ больше возрастало, благодаря распространенію покровительствуемаго промышленнаго труда, презрѣніе къ труду земледѣльческому, тѣмъ больше крестьянинъ грубостью своихъ обычаевъ и своего образа жизни сталъ отличаться отъ городского жителя, который постепенно становился все культурнѣе. Этотъ антагонизмъ, имѣвшій такъ часто роковое значеніе для французской демократіи, возникъ уже тогда, и въ эпоху религіозныхъ войнъ впервые игралъ роль, хотя и не особенно значительную.

Религіозныя войны разорили крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и дворянство, жившее на счетъ послѣднихъ. Онѣ поколебали финансовое положеніе католической церкви, владѣнія которой часто продавались королемъ для покрытія военныхъ издержекъ, а еще чаще захватывались высокопоставленными господами всѣхъ вѣроисповѣданій. Онѣ разорили королей, которые, также какъ и дворянство, жили главнымъ образомъ налогами; поэтому и король, и дворянство, и

¹⁾ Lallier въ *Revue archeologique de Sens*, VI, 150—191, цитир. у A. Feillet. *La misère au temps de la Fronde etc.*, стр. 56.

духовенство, какъ только миръ былъ до извѣстной степени возстановленъ, послѣ признанія Генриха IV, были крайне заинтересованы въ томъ, чтобы земледѣліе сдѣлалось болѣе доходнымъ. Министръ короля, Сюлли, и его вѣрный помощникъ Оливье де-Серръ, изъ всѣхъ силъ содѣйствовали развитію земледѣлія и старались ускорить это развитіе, покровительствуя вывозу хлѣба, вина и водки, особенно въ Голландію, а также и самому земледѣлію и скотоводству. При этомъ они руководствовались не только стремленіемъ создать платежеспособное населеніе, но также и желаніемъ сохранить годное для военной службы крестьянство. Сюлли же и де-Серръ содѣйствовали вытѣсненію сохранившихся со временъ крѣпостничества формъ крестьянскаго землевладѣнія и введенію новыхъ его формъ, въ основѣ которыхъ лежалъ свободный договоръ, т.-е. процессу, сдѣлавшемуся необходимымъ въ силу экономическаго развитія. Благодаря открытію серебряныхъ рудниковъ въ Потози, цѣны на благородные металлы сильно упали, и гибельное вліяніе этого паденія цѣнъ распространилось и на Францію, сблизившуюся во время религіозныхъ войнъ съ Испаніей. Вслѣдствіе этого, старыя формы владѣнія сдѣлались неудобными и невыгодными для сеньоровъ. Измѣненіе въ цѣнности металловъ настолько обезцѣпило вѣчныя и долгосрочныя денежныя ренты, что владѣльцы ихъ въ XVII столѣтіи получали внятеро меньше, чѣмъ въ XV. Этимъ недостаткомъ натуральная рента не страдала, зато она представляла другія неудобства для разореннаго и жаднаго къ деньгамъ владѣльца: увеличеніе чистой прибыли, путемъ интенсификаціи культуры, встрѣчало величайшія препятствія; консервативный крестьянинъ совсѣмъ не былъ заинтересованъ въ увеличеніи производительности своей земли, между тѣмъ какъ владѣлецъ земли, доходы котораго уменьшались съ такой же быстротой, съ какой возрастали расходы, былъ крайне заинтересованъ въ этомъ увеличеніи; пока земля кормила крестьянина, послѣдній былъ доволенъ; что онъ могъ дѣлать въ урожайные годы съ избыткомъ хлѣба? продать его? Но вывозъ хлѣба былъ невозможенъ, благодаря дурнымъ путямъ сообщенія и безчисленному множеству внутреннихъ пошлинъ. На мѣстномъ рынкѣ избытокъ хлѣба, именно потому, что онъ былъ избыткомъ, вовсе не находилъ покупателей или же покупался за безцѣнокъ. Накоплять хлѣбъ? Но вѣдь крестьянинъ никогда не былъ гарантированъ отъ жадности своего сеньора или откупщика налоговъ; оба они принуждали крестьянина жить изо дня въ день. Кромѣ того, интенсификаціи земледѣлія препятствовало одно очень простое обстоятельство: у разореннаго крестьянина, особенно послѣ эпохи религіозныхъ войнъ (крестьянское разореніе, послѣ этого, повторялось съ правильными промежутками во время регентства Маріи Медичи, въ эпоху Фронды и во вторую половину царствованія Людовика XIV), не было никакихъ средствъ для увеличенія доходности земли.

И другая форма крестьянскаго землевладѣнія, служившая основой *Communauté agricole* (крестьянской общины), также въ это время стала исчезать, вмѣстѣ съ достиженіемъ личной свободы и постепеннымъ уничтоженіемъ права «мертвой руки». Еще въ XV и въ началѣ XVI столѣтія обнаружилось сильное развитіе общинъ; онѣ существовали въ Нормандіи, Бретани, Анжу, Пуату, Ангуама, Сентонжѣ, Турени, Маршѣ, Ниверне, Бурбонне, Бургундіи, Орлеане, Пзи Шартренѣ, Шампани, Пикардіи, Дофинѣ, Гюьеннѣ, вообще преимущественно въ странахъ *de coutume serve*, гдѣ сохранилось крѣпостничество. Здѣсь не мѣсто излагать детальную исторію общины, и мы укажемъ лишь одну подробность,

касающуюся ея и объясняющую то влияніе, которое она имѣла на коммунизмъ Мелье въ концѣ XVII столѣтія и на идеи нѣкоторыхъ социалистовъ XVIII вѣка, каковы, напримѣръ, Фегэ и, въ особенности, Ретифъ де ля Бретонь. Поэтому мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ главнѣйшія черты ихъ устройства и ихъ исторію, начиная съ XVI столѣтія ¹⁾.

Еще въ XV и XVI столѣтіяхъ во многихъ сельскихъ мѣстностяхъ можно было найти большія постройки, въ которыхъ жило по нѣсколько семей, для совмѣстной обработки земли. Нерѣдко такія постройки, собранныя въ одномъ мѣстѣ по нѣсколько, образовывали цѣлый поселокъ, въ которомъ скотный дворъ, амбары и прочія хозяйственныя постройки были общими. Въ этихъ постройкахъ, служащихъ жилищемъ нѣсколькихъ семей, мы, вѣдъ всякаго сомнѣнія, имѣемъ прообразъ верассовыхъ осмазіи, въ которыхъ протекала вся жизнь ихъ обитателей, въ чемъ, между прочимъ, заключается одно изъ многихъ различій между нимъ и Моромъ. Ретифъ, какъ самъ онъ многократно упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, идею своего общественнаго дворца позаимствовалъ отъ этихъ общинъ и лишь развилъ ее. Фаланстеръ Фурье, какъ и всѣ выдуманые и описанные послѣ него дворцы промышленности, имѣютъ своимъ источникомъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ думаетъ Моль, осмазіи Верасса, а не сочиненія Ретифа, въ свое время необыкновенно распространенныя и прославленныя; однако, всѣ эти дворцы, надъ созданіемъ которыхъ такъ долго работала поэтическая фантазія или расудокъ, въ основѣ своей являются лишь дальнѣйшими формами развитія общиннаго жилища крестьянскихъ земледѣльческихъ ассоціацій феодальнаго средневѣковья.

Внутренняя организація общины, въ короткихъ словахъ, такова: поле обрабатывалось сообща, и домашнее хозяйство также въ большинствѣ случаевъ, было общимъ, и лишь изрѣдка велось каждой семьей отдѣльно. Всѣ постройки, земледѣльческія орудія и другія средства производства принадлежали общинѣ; ей же принадлежало и все движимое имущество, въ случаяхъ веденія общиннаго домашняго хозяйства. Во главѣ ассоціаціи стоитъ предводитель, называемый *mayor. maistre de communauté* или *chef du chateau*. Онъ назначаетъ каждому соотвѣтствующую работу, завѣдуетъ продажей и покупкой и распредѣляетъ прибыль отъ общей работы. Въ помощь ему имѣется предводительница (*mayorissa*), но не жена *mayor*'а, которой поручено домашнее хозяйство. Если дѣвушка общины выходитъ замужъ, то она получаетъ приданое, которое, напримѣръ, въ существовавшемъ еще въ началѣ XIX столѣтія *communauté des Jaults*, составляло 1350 франковъ. Каждая семья могла имѣть небольшую частную собственность (*récule*), заключающуюся, большею частью, въ бѣльѣ, одеждѣ и деньгахъ, принесенныхъ женой въ приданое, и, путемъ стороннихъ заработковъ, могла увеличивать ее. Эта то *récule* и была однимъ изъ средствъ, благодаря которому экономическое развитіе, въ опредѣленный моментъ, съ непреодолимой силой смело съ лица земли эти общины, выдержавшія всѣ войны и перевороты средневѣковья. Ассоціаціи, въ ихъ чистой формѣ, вполнѣ сами себя

¹⁾ Относительно происхожденія этихъ общинъ см. соч. Laveleye-Bücher *Das Ureigenthum*, стр. 388; C. Jäger, *Geschichte des Socialismus in Frankreich*, I, стр. 392 и слѣд., гдѣ приводится и литература предмета, и, наконецъ, F. Engels, *Der Ursprung der Familie etc.* 4 изд. стр. 44 и сл., 143 и сл.

удовлетворяли; онѣ производили сами все необходимое для своего погребенія, и либо вовсе не покупали и не продавали никакихъ продуктовъ, либо дѣлали это въ очень ограниченнѣхъ размѣрахъ. Одна изъ такихъ общинъ въ Оверни, которую въ 1788 году посѣтилъ Легранъ д'Осси, даже тогда покупала только соль и желѣзо, а всѣ остальные продукты, нужные для ея потребления, производила собственными средствами ¹⁾. Когда промышленный трудъ распространился и въ сельскихъ мѣстностяхъ, товарищеская система крестьянскихъ общинъ оказалась очень удобной для воспріятія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отраслей промышленности; такъ напр., въ иныхъ *communautés* Оверни, гдѣ онѣ сохранились даже послѣ революціи 1789 года, часть членовъ общины была занята изготовленіемъ ножей, между тѣмъ, какъ остальные обрабатывали землю. Доходъ отъ продажи ножей поступалъ въ общую кассу, а продукты земледѣлія потреблялись всей ассоціаціей ²⁾.

Феодальная система благопріятствовала сохраненію и распространенію общины. Помимо техническихъ причинъ, которыя, напр., Кокиль излагаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Онѣ (ассоціаціи) встрѣчаются не только часто, но представляютъ собой обычное явленіе, и даже необходимы, поскольку веденіе сельскаго хозяйства требуетъ не только обработки земли, но также ухода за скотомъ, и поскольку въ немъ занято большое число рабочихъ» ³⁾, этому учрежденію благопріятствовали интересы землевладѣльца, не только терпѣвшаго ихъ, но дѣятельно содѣйствовавшаго ихъ развитію. Круговая порука членовъ ассоціаціи лучше гарантировала правильную уплату податей и выполненіе повинностей, чѣмъ хозяйничающей самостоятельно крестьянинъ ⁴⁾. Зато право владѣльца распоряжаться своими вассалами было ограничено. Благодаря постоянной смѣнѣ лицъ, ассоціація *jure non decrescendi*, оставалась всегда владѣлицей движимаго и недвижимаго имущества. Землевладѣлецъ не имѣлъ права наслѣдованія послѣ смерти членовъ ассоціаціи, и такимъ образомъ, благодаря существованію общины, закрѣпощенная семья получала возможность пріобрѣтать собственность и улучшать свое положеніе путемъ накопленія небольшого капитала ⁵⁾,

Ослабляя значеніе *main-morte*, ассоціаціи смягчали крѣпостное положеніе крестьянства, поэтому юристы выступили на защиту этихъ ассоціацій и старались обезпечить ихъ существованіе изданіемъ цѣлаго ряда строгихъ правилъ. Съ исчезновеніемъ *main-morte*, изъ законодательства исчезло также благопріятствовавшее ассоціаціямъ теченіе, и даже наоборотъ, законодательство начало всѣми способами содѣйствовать распаденію ассоціацій. Такъ, напр., новѣйшее обычное право не признавало, что дѣти членовъ *communauté*, уже по одному этому, являются членами ея, и объявляло ихъ независимыми, какъ

¹⁾ Dareste de la Chavanne, *Histoire des classes agricoles en France*, Парижъ, 1858 г., стр. 234 и слѣд.

²⁾ Dareste de la Chavanne, *Histoire etc.* стр. 234.

³⁾ Dareste de la Chavanne, *Histoire etc.* стр. 234.

⁴⁾ Dunod, *Traité de la main-morte*, стр. 90, цитировано у Н. Doniol, *Histoire der classes rurales en France*, Парижъ, 1865 г., стр. 82: «Причиной введенія домашней общины среди несвободныхъ крестьянъ (*main mortables*) послужило то обстоятельство, что земли сеньора обрабатывались лучше, и вассалы его исправнѣе могли выполнять свои повинности, когда они жили общинами, нежели при отдѣльныхъ хозяйствахъ».

⁵⁾ Laveleye-Bücher, *Das Ureigenthum etc.* стр. 390.

только они выходили из-под опеки отца, благодаря достиженію совершеннолѣтія, вступленію въ бракъ или заведенію собственнаго хозяйства. Рѣшительный ударъ общинамъ нанесъ уже муленскій ордонансъ 1566 года ¹⁾, требовавшій отъ крестьянскихъ товариществъ, также какъ и отъ всякихъ другихъ, формальнаго контракта, заключеннаго у нотариуса и при свидѣтеляхъ, вообще писанныхъ документовъ. Такъ какъ *communautés* существовали исключительно на основаніи обычнаго права, въ силу совместной жизни и общаго владѣнія товарищей, обыкновенно членовъ одной большой семьи, то этотъ ордонансъ, который давалъ каждому недовольному члену возможность разрушить общину, имѣлъ для послѣдней самая губительная послѣдствія.

Такимъ образомъ исчезли перечисленные нами формы крестьянскаго землевладѣнія, уступившія мѣсто такъ называемой *fermage à court terme* (краткосрочной арендѣ) и *métayage* (испольной арендѣ), получившихъ чрезвычайно большое распространеніе. Эксплуатація земли непосредственно самимъ владѣльцемъ никогда не играла большой роли; большинство дворянства и духовенства не питало склонности къ хозяйству; къ тому же послѣднее, благодаря уменьшенію барщины въ округахъ *de coutume serve*, дѣлалось все болѣе и болѣе невыгоднымъ. Вольшому распространенію аренды у большинства крестьянъ мѣшалъ недостатокъ капитала, а болѣе богатые изъ нихъ боялись аренды, потому что она сопровождалась массой стѣсненій, налагаемыхъ обычнымъ правомъ. Такимъ образомъ наиболѣе выгоднымъ оказался *métayage*, который удовлетворялъ владѣльцевъ, стремившихся къ улучшенію хозяйства и къ увеличенію чистаго дохода, и предоставлявшій въ то же время извѣстную свободу земледѣльцу. Сюлли и Оливье де-Серръ покровительствовали распространенію *fermage'a* и *métayage'a*, которыя замѣнили собой унаслѣдованныя еще отъ временъ крѣпостничества и основывавшіяся на наслѣдованіи повинностей формы крестьянскаго владѣнія. Сюлли вообще энергично принялся за уничтоженіе безчисленныхъ злоупотребленій, возникшихъ въ смутную эпоху продолжительныхъ религіозныхъ войнъ. Благодаря его неустанной дѣятельности, король получилъ прозвище «добраго» (*le bon Henri*), и только благодаря ей могла возникнуть легенда о курицѣ въ супѣ каждого крестьянина. Назначенный въ 1598 году главнымъ интендантомъ финансоваго вѣдомства, Сюлли принялся за упорядоченіе чрезвычайно запутанныхъ дѣлъ этого вѣдомства. Онъ началъ съ того, что простилъ 20.000.000 ливровъ *tailles*, объявилъ безчисленныя дворянскія грамоты, купленные за послѣднія тридцать лѣтъ буржуазіей, желавшей освободиться отъ налоговъ, недействительными, и безъ дальнихъ околичностей упразднилъ всѣ повинности, наложенныя въ этотъ же промежутокъ времени на крестьянъ сеньорами, которые не имѣли на это ни малѣйшаго права, и которые повуждали крестьянъ къ выполненію этихъ повинностей съ оружіемъ въ рукахъ. Но го-

¹⁾ Les édicts et ordonnances des roys de France etc. Июнь, 1575 года, стр. 1273: впродѣ, по всѣмъ сдѣлкамъ, превышающимъ сумму или цѣнность ста ливровъ, подлежащихъ уплатѣ одновременно, должны заключаться контракты у нотариусовъ при свидѣтеляхъ. Только такіе контракты могутъ быть доказательствомъ и свидѣтельствомъ совершаемыхъ сдѣлокъ. Не должны приниматься никакія показанія свидѣтелей о содержаніи контрактовъ и о договорахъ, заключенныхъ до или послѣ совершенія контрактовъ. Ср. *еже Du Cellier, Histoire des classes laborieuses en France, Парижъ, 1860 г., стр. 209.*

раздо большее значеніе имѣла проведенная Сюлли реформа системы взиманія налоговъ; благодаря этой реформѣ, значительно уменьшилось громадное число паразитовъ-откупщиковъ, выжимавшихъ изъ несчастнаго беззащитнаго крестьянства 150 милліоновъ, изъ которыхъ только тридцать попадали въ королевскую казну. Но великому государственному дѣятелю слишкомъ часто приходилось бороться съ легкомысленною расточительностью своего повелителя, который, благодаря богатымъ подаркамъ любовницамъ и любимцамъ, снова налагалъ на несчастныхъ крестьянъ бремя, только-что снятое съ нихъ Сюлли.

Этотъ подъемъ земледѣлія, а также и благосостоянія крестьянства былъ остановленъ неожиданной смертью Генриха IV и наступившимъ затѣмъ регентствомъ Маріи Медичи. Феодалное дворянство, нѣсколько присмирѣвшее за послѣднія двѣнадцать лѣтъ, снова поднялось съ полнымъ сознаніемъ своей силы и поспѣшило вознаграждать себя за долгое воздержаніе полнымъ разграбленіемъ всей страны, т.-е. крестьянъ. Дворяне вооруженными шайками прошли половину Франціи, грабили и поѣдали все, что можно было ограбить и поѣсть, а затѣмъ, съ богатой добычей вернулись въ свои разбойничьи замки ¹⁾. На собраніи Генеральныхъ Штатовъ 1614 года, послѣднемъ, которое было созвано французской монархіей до 1789 года, Робертъ Миронъ въ слѣдующихъ трогательныхъ словахъ описываетъ ужасную нищету ограбленнаго и всѣми притѣсняемаго крестьянина: «Надо имѣть сердце, закованное въ тройную желѣзную броню и окруженное цѣлымъ валомъ изъ брилліантовъ для того, чтобы спокойно, безъ вздоховъ говорить объ этомъ, т.-е. о положеніи жителей сельскихъ мѣстностей. Бѣдный народъ работаетъ безпрестанно, не жалѣя тѣла и души, для прокормленія всего королевства. Народъ обрабатываетъ землю, улучшаетъ ее, собираетъ ея плоды и пользуется тѣмъ, что она производитъ. Нѣтъ времени года, мѣсяца, недѣли, дня и часа, когда не требовался бы неустанный, прилежный трудъ. Однимъ словомъ, народъ является слугою и въ нѣкоторомъ родѣ посредникомъ жизни, которую даровалъ намъ Господь, и которую мы можемъ сохранить только благодаря земнымъ благамъ. И отъ всего труда народу остается только потъ и нищета. Все остальное, что приходится на его долю, уходитъ на уплату *tailles*, налога на соль, *aides* и другихъ налоговъ; и хотя у народа нѣтъ ничего, онъ все-таки вынужденъ заботиться еще о другихъ лицахъ, мучающихъ его комиссіями, реквизиціями и другими дурными затѣями, которыя онъ терпѣлъ уже слишкомъ долго. Удивительно, что народъ все еще можетъ выполнять всѣ эти требованія.

«Этотъ несчастный народъ, который получилъ въ наслѣдіе лишь обработку земли, трудъ своихъ рукъ и потъ своего чела, замученный *tailles* и налогомъ на соль, вдвойнѣ обремененный налогами, благодаря варварскимъ и безнощаднымъ реквизиціямъ безчисленнаго множества разныхъ партій, истощенный тремя неурожайными годами, по словамъ очевидцевъ, подобно лѣснымъ звѣрямъ, питался травой. Часть его, менѣе терпѣливая, толпами уходила за границу, про-

¹⁾ Миронъ на собраніи Генеральныхъ штатовъ 1614 года (цитировано у *Von pèrre, Histoire des paysans*, II, стр. 14): „Мы недавно видѣли, какъ одна только компанія вооруженныхъ людей разграбила почти половину Франціи, а затѣмъ взявъ все, что можно было, каждый вернулся домой, обогатившись имуществомъ бѣднаго народа и не прибѣгнувъ для этого даже къ оружію“.

клиная неблагодарную родину, отказавшую ему въ пропитаніи, спасаясь отъ согражданъ, безжалостно содѣйствовавшихъ его угнетенію, за исключеніемъ тѣхъ, которые помогали ему въ нищетѣ.

«Сирь, вашей справедливости и милосердія просятъ не насѣкомыя и не черви, а бѣдный народъ, разумныя созданія, дѣти, для которыхъ вы являетесь отцомъ и покровителемъ. Подайте имъ вашу благосклонную руку, освободите ихъ отъ рабства, подъ гнетомъ котораго они склоняются къ землѣ. Что вы сказали бы, сирь, если бы вы увидѣли, что въ вашихъ провинціяхъ Гюйеннѣ и Оверни люди, подобно звѣрямъ лѣснымъ, питаются травой...

«Если бы народъ не трудился, то какую пользу приносили бы церкви ея десятина, ея громадныя владѣнія, какую пользу получало бы дворянство отъ своихъ прекрасныхъ имѣній, своихъ огромныхъ леновъ. Какую пользу приносили бы третьему сословію его дома, ренты и наслѣдства?... Надо опасаться, что народъ, бывшій до сихъ поръ наковальной, превратится въ молотъ»¹⁾.

Превышеніе власти, злоупотребленія и насилія, которыя позволяло себѣ дворянство по отношенію къ беззащитнымъ крестьянамъ, подробно описаны въ *Doléances* (жалобахъ), переданныхъ въ 1614 году представителями третьяго сословія королю. Извѣстно, какой отвѣтъ дала несовершеннолѣтняя королевская власть, находившаяся въ рукахъ регентши и дворянства, на жалобы, заключавшіяся въ этихъ *cahiers*²⁾: залъ засѣданія былъ закрытъ, а депутатамъ было запрещено собираться. Такимъ образомъ всѣ работы генеральныхъ штатовъ не привели ни къ чему; Жакъ Вономъ продолжалъ платить, служить и терпѣть.

Ришелье слишкомъ былъ занятъ борьбой съ гугенотами, съ дворянствомъ и съ Габсбургами, и поэтому не могъ съ достаточной настойчивостью слѣдить за исполненіемъ цѣлаго ряда ордовансовъ, изданныхъ имъ для защиты крестьянства отъ озвѣрѣвшихъ солдатъ, корыстолюбивыхъ губернаторовъ и проч. Политика Ришелье по отношенію къ дворянству, правда, облегчила до извѣстной степени положеніе крестьянъ, но за то его виѣшняя политика и участіе въ тридцатилѣтней войнѣ повели къ тому, что Іоаннъ фонъ-Вергъ и другіе имперскіе военачальники проникли со своими разбойничьими отрядами въ незатроутыя еще войною части Франціи и опустошили ихъ. Благодаря непрерывнымъ войнамъ, требовавшимъ громадныхъ денежныхъ расходовъ, налоговое бремя возросло такъ быстро, что *tailles* почти утроились со времени Генриха IV. Ришелье оставилъ своему наслѣднику, Мазарини, совершенно истощенную въ финансовомъ отношеніи страну.

Началось новое регентство. Корыстолюбивое и ненасытное, какъ всегда, дворянство снова поднялось, и регентша Анна Австрійская, озабоченная тѣмъ, чтобы это хищное животное было довольнo, стала бросать ему все, что могло его насытить: деньги, привилегіи, монополіи, самые невѣроятные, странные налоги. *La Reine est si bonne* (королева такъ добра),—этимъ кликомъ радости дворянство встрѣтило новую эпоху; но когда рогъ изобилія истощился, началась фронда, и для французскаго крестьянина наступилъ періодъ, по ужасающей своей нищетѣ, уступающій только эпохѣ столѣтней войны съ англичанами (съ 1339 года до се-

1) Рѣчь Мирона въ Генеральныхъ Штатахъ, XVII, стр. 92, цитировано у *Vonpennère, Histoire etc.*, II, стр. 14 и слѣд., и отчасти въ сочиненіяхъ *Ranke*, IX, стр. 144.

2) Жалобы были собраны въ тетради—*cahier*—и въ такомъ видѣ переданы королю.

редины XV столѣтія). Дворяне, «эти титулованные негодяи,— Рабле называетъ ихъ *gentilhommes*—которые съ такою же легкостью грабятъ и убиваютъ, какъ ѣдятъ и пьютъ»¹⁾, сдѣлали послѣднюю попытку воскресить всѣ свои давно уже забытыя феодальныя права, какъ «*droit de guet et garde*» (право на сторожевую службу крестьянъ), чтобы превратить ихъ въ постоянный доходъ. Дворяне, съ помощью открытаго насилія, округляютъ свои владѣнія на счетъ крестьянскихъ земель. Губернаторы и интенданты стараются не отставать отъ нихъ и въ трогательномъ согласіи съ откупщиками грабятъ провинціи. Для взиманія налоговъ они предоставляютъ въ распоряженіе откупщиковъ войска, которыя, по примѣру своихъ товарищей временъ тридцатилѣтней войны, воруютъ и грабятъ не только для своихъ хозяевъ, но и для самихъ себя. Въ это именно время возобновился остановившійся было процессъ экспропріаціи крестьянскаго сословія²⁾. Крестьяне теряли землю, которую они мало-по-малу успѣли пріобрѣсти во время царствованія Генриха IV и въ первые годы царствованія Людовика XIII. Когда крестьяне бывали не въ состояніи удовлетворить требованія землевладѣльцевъ и фиска, паразитирующая шайка дворянъ и финансистовъ, не найдя денегъ, набрасывалась на землю крестьянъ и покупала ее по очень низкой цѣнѣ или просто завладѣвала ею. Но иногда доведенный до отчаянія Жакъ Бономъ старался хоть напослѣдокъ насолить имъ. Онъ лишалъ своихъ дѣтей наслѣдства и дарилъ остатки своего имущества монастырю, который обязывался кормить его до конца жизни. Богатый *roturier*³⁾ спасался отъ уплаты *tailles* въ городъ, за стѣнами котораго онъ находилъ защиту отъ своихъ мучителей и кровонійцъ. Но каждый участокъ земли, попавшій въ руки монастырей, дворянъ и получившихъ дворянство *roturiers*, число которыхъ возрастало по мѣрѣ того, какъ возрастала потребность королей въ деньгахъ, и освободившійся такимъ образомъ отъ налоговъ, увеличивалъ налоговое бремя, лежавшее на сосѣднихъ крестьянскихъ участкахъ, и такимъ образомъ ускорялъ процессъ экспропріаціи. Экспропріировались не только отдѣльныя лица, но цѣлыя селенія. Общинныя земли, лѣса и пастбища переходили въ собственность сеньоровъ. Таковъ важнѣйшій результатъ этой эпохи французской исторіи⁴⁾.

Но прежде, чѣмъ приступить къ исторіи французскаго крестьянина при Кольберѣ и Людовикѣ XIV, мы считаемъ умѣстнымъ прослѣдить здѣсь вкратцѣ

1) Bonnemère, Histoire des paysans, II, стр. 45.

2) H. Doniol, Histoire des classes rurales en France, Парижъ, 1865 г., стр. 389 и слѣд.; Bonnemère, Histoire etc. II, стр. 36; Feillet, La misère au temps de la Fronde etc., стр. 363 и 364

3) Roturier назывались всѣ не дворяне.

4) Лучшими свидѣтельствами ограбленія крестьянъ могутъ служить „Monitoire“ и „Arrets des Grand-Jours“ см. Doniol Histoire etc., стр. 394: Принужденіе къ признанію доходовъ, процентовъ, барщины и другихъ незаконныхъ повинностей, несправедливая оцѣнка хлѣба, при обращеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя, или произвольное пониженіе цѣны на хлѣбъ; заключеніе крестьянъ, безъ судебного постановленія, въ рыцарскихъ замкахъ; взиманіе пошлинъ (незаконныхъ) съ товаровъ; неприятие процентовъ и повинностей въ годы низкихъ цѣнъ, для того, чтобы взыскать ихъ, когда будутъ стоять высокія цѣны; принужденіе крестьянъ молоть хлѣбъ на барской мельницѣ и конфискаціи хлѣба или наложеніе штрафа на тѣхъ, которые не желали этого дѣлать; принужденіе къ покупкѣ испорченнаго хлѣба сеньера и т. д.—таковы были преступленія, которыя призваны были карать *grand-jours*.

рядъ болѣе крупныхъ возстаній доведеннаго до отчаянiя Жака Бонома противъ его мучителей. Жакъ, Рюсто, Готье, Кроканъ, Ва-ню-пье — такими псамъшливыми прозвищами награждало дворянство французскихъ крестьянъ, когда они, терпѣливѣйше изъ всѣхъ, наскучивъ ролью вьючнаго животнаго, возставали. Ходъ этихъ крестьянскихъ возстаній всегда почти одинъ и тотъ же. Застигнутые врасплохъ дворяне и откупщики подвергаются избiенiю, замки и конторы для сбора податей сжигаются. Спустя нѣкоторое время король, кардиналъ или другое лицо, стоящее у власти, посылаетъ большой отрядъ солдатъ, къ которому присоединяются жаждущiе мести и добычи дворяне. Плохо вооруженныя толпы крестьянъ, послѣ болѣе или менѣе кровопролитнаго сраженiя, разгоняются и тогда начинается вѣшанье и колесованiе бунтовщиковъ и опустошенiе ихъ полей. Происходитъ умиротворенiе, и снова на полъ-столѣтiя водворяется спокойствiе.

Послѣ ужаснаго крестьянскаго возстанiя, Жакерiи 1358 года, до XVI столѣтiя не было ни одного сколько-нибудь значительнаго возстанiя крестьянъ. Лишь послѣ великой крестьянской войны въ Германiи, перекинувшейся также и въ Лотарингiю, начался новый рядъ крестьянскихъ возстанiй, вызванныхъ главнымъ образомъ невыносимымъ гнетомъ налогового бремени. Такъ, напримѣръ, въ 1548 году соляной налогъ, наиболѣе ненавистный изъ всѣхъ налоговъ, который крестьянство умѣло представлять себѣ лишь въ образѣ дракона, вызвалъ довольно серьезное возстанiе въ провинци Гюьеннѣ. Число повстанцевъ быстро возросло до 50.000. Крестьяне толпами ходили по этой провинци; нѣкоторые города, какъ, напримѣръ, Бордо, были захвачены силой или добровольно перешли на сторону повстанцевъ. Коннетабль Монморанси, которому было поручено подавить возстанiе, проявилъ себя во всемъ блескѣ: Бордо былъ взятъ и разоренъ, крестьянъ вѣшали сотнями, словомъ, было примѣнено обычное, чрезвычайно простое и радикальное леченiе: повстанцевъ разгромили, а жалобы на невыносимое налоговое бремя потопили въ крови. Сорокъ лѣтъ спустя, къ концу религиозныхъ войнъ, когда борьба между двумя партiями превратилась во всеобщiй разгромъ на всемъ пространствѣ Франци, крестьянскiе бунты слѣдовали одинъ за другимъ. Въ 1586 году поднялись «Gautiers» Нижней Нормандiи, «движимые естественнымъ стремленiемъ защитить свое имущество, своихъ женъ и дѣтей отъ разбоя и насилiй солдатъ». Лигѣ удалось привлечь это движенiе, направленное противъ дворянъ, на свою сторону. Благодаря предательству, самый большой отрядъ крестьянъ попалъ въ засаду, устроенную герцогомъ Монпансье, и былъ уничтоженъ. Не лучшая судьба постигла повстанцевъ въ Бретани, которыя также объединились для защиты своей страны. Они избивали всѣхъ попадавшихъ въ ихъ руки дворянъ, роялистовъ и лигистовъ, католиковъ и кальвинистовъ. «Такое озлобленiе,—говоритъ одинъ изъ историковъ этого возстанiя, Морисъ,—было обще всемъ крестьянамъ Нижней Бретани; они заботились не столько объ уничтоженiи еретиковъ, сколько объ искорененiи дворянства, которое они твердо рѣшили извести. Если бы имъ удалось вернуться изъ Карѣ побѣдоносно, то они накинулись бы на жилища дворянъ и умертвили бы всѣхъ дворянъ, которыхъ встрѣтили. Они говорятъ, что нужно сдѣлать только это для того, чтобы на землю вернулось равенство, которое должно царить между людьми»¹⁾). Большия размѣры и большую продолжительность имѣло возстанiе «Croquants», которое

¹⁾ Bonnemère, Histoire, etc., I, стр. 519.

продолжалось три года, съ 1593 по 1595, въ провинціяхъ Пуату, Сентонжъ, Лимузенъ, Маршъ, Церигоръ, Кверси, и было направлено противъ короля и дворянства. Повстанцы выпустили прокламацію, въ которой приглашали всѣхъ сочувствующихъ «выступить вмѣстѣ съ ними противъ гибельныхъ затѣй своихъ враговъ и враговъ короля, а именно, противъ когтей избобрѣтателей субсидій, воровъ, сборщиковъ податей и фискальныхъ чиновниковъ, ихъ помощниковъ и приверженцевъ»... Слова «aux croquants», по которымъ въ послѣдствіи самихъ крестьянъ стали называть «croquants'ами», повсюду служили сигналомъ къ нападенію на сборщиковъ податей, дворянъ и солдатъ, этихъ мучителей крестьянства. Борьба очень затянулась. Значеніе ея ясно высказано въ слѣдующихъ словахъ прокламаціи, которую съ своей стороны выпустило дворянство: «Крестьяне, пытаясь освободиться отъ подчиненнаго положенія, въ которое ихъ поставилъ самъ Богъ, возстаютъ противъ всякаго божескаго и человѣческаго права. Они хотятъ разрушить религію, отказавшись отъ уплаты десятины, съ самаго сотворенія міра предназначенной на надобности богослуженія, и стремятся свергнуть монархію и установить демократію по образцу швейцарской...» Стремленіе къ независимости провинцій играло роль и въ другихъ возстаніяхъ. Мы ниже увидимъ, что крестьяне входили въ сношенія съ вышними врагами короля, на примѣръ съ Испаніей и съ Голландіей, и воспоминаніе о прежней связи Бретани и другихъ провинцій сѣверо-западной Франціи съ Англіей внушило мѣстнымъ крестьянамъ мысль стать подъ защиту этой страны. Королевскимъ войскамъ удалось подавить возстаніе «крокановъ» въ Лимузенѣ и Сентонжѣ; въ Церигорѣ сорокатысячное войско крестьянъ оказало такое энергичное сопротивленіе, что правительство предпочло заключить съ нимъ договоръ и милостиво простить недоимки *taille*, которыя все равно невозможно было собрать. Послѣ этого въ теченіе сорока лѣтъ въ этихъ провинціяхъ было спокойно и только къ 1636 и 1637 годамъ накопилось достаточно горючаго матеріала для того, чтобы тлѣющій огонь снова могъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ. На этотъ разъ возставшіе крестьяне провинцій Сентонжа, Ангумуа и Пуату въ теченіе нѣкотораго времени пользовались поддержкой испанцевъ, но когда возстаніе стало охватывать и города, Ришелье послалъ своихъ солдатъ, подъ предводительствомъ герцога де-Лавалета, который напалъ на покинутыхъ испанцами крестьянъ и, послѣ отчаяннаго сопротивленія съ ихъ стороны, разсѣялъ ихъ. «Вожаки были перевѣшаны, и все это отродье было искоренено» ¹⁾. Это было въ 1636 году; но уже на слѣдующій годъ сословія Нормандіи подали королю памятную записку, въ которой описывалось ужасное положеніе провинцій: страна опустошена солдатами и агентами фиска. Тюрьмы наполнены жертвами соляного налога, села покинуты, крестьяне скрываются въ лѣсахъ и превратились въ разбойниковъ. Судебная налота и магистратъ города Руана также встали на сторону крестьянъ противъ сборщиковъ податей, и вотъ, поддерживаемые властями и буржуазіей городовъ, доведенные до отчаянія крестьяне снова поднялись и стали расклеивать воззванія, въ которыхъ приглашали «защитить и освободить угнетенную сторонниками разныхъ партій и сборщиками податей родину». Они дали своему вождю прозвище «Jean-va-nu-pieds» (Иванъ Босой), организовали свои силы и готовились къ захвату городовъ и провинцій. Тогда Ришелье рѣшилъ энергично

¹⁾ Bonnemère, Histoire etc., II, стр. 30.

приняться за умротовереніе страны. Прежде всего онъ распустилъ руанскую судебную палату, осмѣлившуюся противодѣйствовать ему, смѣстилъ генераль-лейтенанта провинціи, выказавшаго симпатіи къ крестьянамъ, а также мэра и совѣтъ города Руана, и послалъ въ мѣстности, охваченныя возстаніемъ, четыре тысячи иностранныхъ наемныхъ солдатъ, которые казались ему менѣе доступными жалости ¹⁾. «Цвѣтъ дворянства» въ большомъ числѣ примкнулъ къ этой разбойничьей, грабительской шайкѣ. Конецъ этого возстанія ничѣмъ не отличался отъ обычнаго финала всѣхъ этихъ крестьянскихъ возстаній. «Плѣннымъ переѣшали и весь сбродъ разогнали», говоритъ Монгла въ своихъ мемуарахъ ²⁾.

Теперь мы вступаемъ въ эпоху Людовика XIV, и сначала бросимъ бѣглый взглядъ на исторію французскаго крестьянства въ періодъ правленія Кольбера, чтобы затѣмъ ярче нарисовать картину страшнаго упадка, наступившаго въ послѣднія тридцать лѣтъ царствованія «Короля-солнца». Еще и въ настоящее время не забыта вполне, основательно опровергнутая Мартиномъ и Клеманомъ басня о томъ, что Кольберъ относился враждебно или, по крайней мѣрѣ, равнодушно, къ земледѣлію, а между тѣмъ достаточно бросить одинъ лишь взглядъ на его переписку съ интендантами, чтобы убѣдиться въ противномъ ³⁾. Дѣйствительно, первыя десять лѣтъ правленія Кольбера должны быть отмѣчены, какъ періодъ стремительнаго, почти безримѣрнаго развитія земледѣлія и сельскохозяйственнаго производства, которое въ значительной степени слѣдуетъ приписать планомерной дѣятельности министра. Дѣятельность эту онъ началъ съ энергичнаго прекращенія освобожденія отъ уплаты налоговъ. Посредствомъ регламента о податяхъ (tailles) 1663 года и сентябрьскаго эдикта 1664 года всѣ дворянскія грамоты, выданныя послѣ 1634 года, были отобраны, и такимъ путемъ страна была очищена «отъ этихъ паразитовъ, которые постоянно ее пожирали»—такъ называлъ Кольберъ жадную къ дворянскому титулу и свободѣ отъ уплаты податей буржуазію ⁴⁾. Онъ старался, насколько возможно, уменьшить жестокости при взиманіи налоговъ, не сдѣлавъ въ то же время попытки основательно преобразовать самый способъ взиманія. Весьма важное значеніе имѣло освобожденіе крестьянскихъ общинъ отъ тяготящихъ надъ ними долговъ, возвращеніе имъ незаконно и силой захваченныхъ у нихъ дворянами общинныхъ земель и пастбищъ, затѣмъ охрана скотоводства, путемъ запрещенія отбирать и продавать крестьянскій скотъ за неплатежъ податей. Съ неукротимой энергіей выступилъ Кольберъ противъ расхищенія землевладѣльцами государственнаго земельного фонда и другихъ продѣлокъ. Цѣлый рядъ приказовъ, памятныхъ записокъ и

¹⁾ «Чтобы они были менѣе доступны жалости». Sismondi. Histoire des Français, XXIII, стр. 396.

²⁾ Leymarie. Histoire des paysans en France II, стр. 632 и слѣд.

³⁾ Филиппсонъ въ своемъ „Zeitalter Ludwig's XIV“ также повторяетъ эту старую басню.

⁴⁾ Это впрочемъ не мѣшало тому, что впоследствии, когда финансовыя затрудненія становились все серьезнѣе, время отъ времени дворянскія грамоты сначала продавались, а затѣмъ снова объявлялись недействительными. Это старая финансовая продѣлка французскихъ королей, по особенно часто она практиковалась „гордымъ королемъ-солнцемъ“, также, какъ порча монеты, вторичный сборъ одного и того же налога и проч. Къ этой прославленной личности можно также прибавить слова, что едва ли найдется хоть одна статья уголовныхъ законовъ, написанныхъ, правда, для простыхъ смертныхъ, а не для блестящихъ королей, которую онъ не преступилъ бы.

всякаго рода попытокъ ярко свидѣтельствуеть, какимъ онъ былъ противникомъ феодализма, особенно его господства въ сельскихъ мѣстностяхъ. Такъ, онъ объявилъ недѣйствительнымъ раздариваніе имѣній монастырямъ, въ рукахъ которыхъ накопились земельныя имущества, постоянно возростающія; затѣмъ онъ принялся за составленіе новаго свода законовъ, въ который, между прочими законоположеніями, входило полное уничтоженіе какъ личной, такъ и вещной крѣпостной зависимости, а также принудительное отчужденіе помѣщичьихъ рентъ, и наконецъ, онъ создалъ новое ипотечное право, основной идеей котораго были освобожденіе земельной собственности изъ оковъ феодализма и приданіе ей характера товара. Его заботливость о крестьянскомъ землевладѣніи ясно обнаруживается также въ строгой регламентаціи охоты и въ указахъ, касающихся «голубятевъ». Богатые выскочки присвоили себѣ, въ Провансѣ, право, подобно знатнымъ господамъ, заниматься разведеніемъ голубей, и безчисленныя стаи ихъ сдѣлались ужаснымъ бичомъ страны, отъ котораго терпѣли особенно опять-таки крестьяне. Кольберъ съ величайшей энергіей выступилъ противъ этого явленія, но не вслѣдствіе того (какъ свидѣтельствуеть его пространная переписка съ интендантомъ Прованса), что богатые выскочки захватили привилегію дворянства, а вслѣдствіе того, что отъ этой господской прихоти слишкомъ страдало общественное благо, въ особенности же благо крестьянъ. Результатомъ этой многосторонней дѣятельности явился значительный успѣхъ; несмотря на нѣсколько неурожайныхъ годовъ, благосостояніе крестьянъ быстро возросло. Къ концу шестидесятихъ годовъ скотоводство развилось настолько, что значительный ввозъ изъ заграницы совершенно прекратился и мѣсто его заступилъ даже небольшой вывозъ. Лучшимъ доказательствомъ поднятія благосостоянія можетъ служить то обстоятельство, что крестьяне начали мало-по-малу покупать часть своихъ земель, утерянныхъ ими во времена фронды ¹⁾). Таково было положеніе крестьянъ къ концу перваго десятилѣтія управленія Кольбера, въ теченіе котораго послѣдній распоряжался дѣлами Франціи какъ неограниченный повелитель. Въ дѣйствительности дѣятельность его на пользу крестьянства имѣла два основанія: во-первыхъ, съ точки зрѣнія финансовой политики нужно было сдѣлать платежеспособнымъ важнѣйшій налоговый объектъ королевства — крестьянство, т. е. сохранить курицу, несущую золотыя яйца; съ этой цѣлью имъ былъ изданъ цѣлый рядъ указовъ. Но въ то же время Кольберъ былъ представителемъ развивающейся современной промышленности, представителемъ новаго класса предпринимателей, крупныхъ купцовъ, и т. д. — класса, находившагося въ самомъ рѣзкомъ антагонизмѣ со стариннымъ дворянствомъ. Въ борьбѣ, которую Кольберу пришлось вести въ ихъ интересахъ противъ послѣдняго и противъ феодальной системы хозяйства, онъ считалъ важной и твердой точкой опоры освобожденное отъ тягостей крѣпостничества крестьянство — исконнаго врага сеньоровъ. Но въ концѣ семидесятихъ годовъ между Кольберомъ и Лувуа началась борьба изъ-за власти, кончившаяся побѣдой послѣдняго. Онъ сумѣлъ, воспользовавшись маніей величія Людовика XIV, увлечь его политикой войнъ, благодаря которой плоды кропотливой дѣятельности Кольбера были уничтожены и въ то же время было положено начало всемогуществу Лувуа. Въстѣ:

¹⁾ Объ управленіи Кольбера см. Martin, Histoire de France, XIII, стр. 79; Danjou, Histoire etc., стр. 399 и слѣд., и въ особенности сочиненія Clément'a.

съ тѣмъ началось полное разореніе Франціи, противъ котораго неутомимо боролся до самой своей смерти Кольберъ, которое при немъ шло медленно, но при его неспособныхъ преемникахъ стало возрастать съ чрезвычайной быстротой. Уже въ 1673 г. Кольберъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ повышенію «*taille*», соляного налога, пошлинъ, словомъ, всего вообще фискальнаго обложенія, а въ слѣдующемъ году ему снова пришлось повторить то же. «*Taille*», надъ сокращеніемъ котораго Кольберъ такъ долго трудился¹⁾, возросъ за эти два года съ 33 до 41 милліона, и нужда въ деньгахъ заставила вновь ввести гербовый сборъ, установленный еще Мазарини, но впоследствии отмѣненный. Неудивительно, что такое быстрое возрастаніе налогового бремени уже въ 1675 году повело къ ужасному возстанію въ Бретани, во время котораго противъ правительства поднялись не только крестьяне, но и буржуазія различныхъ городовъ. Гербовые сборы были введены здѣсь сразу, хотя штаты, въ предыдущемъ году, замѣнили ихъ вдвое большимъ добровольнымъ подаркомъ (*Don gratuit*); налоги на табакъ и соль были повышены, а старинные феодальныя «*lods et ventes*» (купчія пошлины) введены вновь. Въ связи съ этимъ, съ крестьянъ строжайшимъ способомъ взыскивались всѣ повинности, лежавшія на нихъ, въ силу обычнаго права. Въ отвѣтъ на старыя, вновь возвращающіяся страданія раздался такой же старый боевой кличъ повстанцевъ. Естественной цѣлью движенія было свергнуть иго дворянства и налоговъ и освободиться отъ повинностей.

Въ одномъ изъ предложенныхъ мятежниками «*code paysant*» (сводъ законовъ о крестьянахъ), требовалось освобожденіе труда и превращеніе краткосрочныхъ арендъ въ долгосрочныя. Къ возстанію примкнули Пуату, Борделэ и даже Дофинъ. Какъ сто лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь центромъ возстанія былъ Бордо, который вступилъ въ переговоры съ голландцами относительно помощи съ ихъ стороны. Людовикъ XIV, занятый вѣнскими войнами, былъ вынужденъ вступить въ переговоры и даже объявить амністію, которая, однако, осталась лишь на бумагѣ, потому что ему, не безъ основанія, не довѣряли. Однако, въ возстаніи не было ни внутренней силы, ни цѣли, ибо таковою, несмотря на переговоры съ иностранцами, нельзя считать независимость провинцій. Такимъ образомъ, королю выжидательное положеніе, которое онъ принужденъ былъ занять, могло принести только пользу. Какъ только вѣнская война позволила ему отпустить значительные отряды, онъ послалъ ихъ въ возставшія провинціи, гдѣ они очень быстро уничтожили банды повстанцевъ. Послѣ побѣды войскъ начались достаточно уже извѣстныя намъ сцены.

Со смертью Кольбера начался періодъ, который такъ мѣтко былъ охарактеризованъ Вольтеромъ въ слѣдующихъ словахъ: «умирали съ голоду подъ звуки *Te Deum*...», умирала прежде всего широкая масса «*peuple menu*» (простого народа), главнымъ образомъ крестьяне. На своей *via dolorosa* крестьянство въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ славнаго царствованія

¹⁾ Онъ уменьшился съ 42.028.096 ливровъ въ 1661 году до 33.845.797 ливровъ въ 1671 году. Даже во время войнъ съ Голландіей онъ никогда не превышалъ 40.000.000. Еще въ 1683 году Кольберъ, въ своей памятной запискѣ о финансахъ, напечатанной у Форбонне, I, стр. 564, писалъ: „Если бы его величество рѣшился уменьшить свои расходы и спросилъ бы, чѣмъ можно помочь народу, то по моему мнѣнію слѣдовало бы: 1) уменьшить *tailles* и сократить его въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ до 25.000.000“... Цитировано у Vonnemère, Histoire etc., II, стр. 104.

Людовика XIV достигло самого ужасного этапа, — агонии смерти на крестѣ. Послѣ Нимвегенскаго мира Кольберъ еще четыре года бесплодно боролся противъ непрестаннаго и неудержимаго уменьшенія доходовъ и такого же неудержимаго увеличенія расходовъ. Всякій совѣтъ быть бережливѣе король отклонялъ словами: «мои расходы все необходимы». Преемники Кольбера мало-по-малу совершенно отказались отъ его политики, безпомощные министры финансовъ стали прибѣгать къ самымъ сомнительнымъ финансовымъ операціямъ, къ созданію и продажѣ новыхъ должностей и дворянскихъ грамотъ, къ порчѣ монеты и тому подобнымъ средствамъ. Уже въ 1685 году, когда *taille* была увеличена на $\frac{1}{11}$, и было создано множество должностей, освобождавшихъ отъ налоговъ, сельское населеніе цѣлыми шайками обратилось къ нищенству, которое практиковалось уже въ эпоху Фронды и Фука. Тяжелые удары, нанесенные благосостоянію страны ханжеской религіозной политикой и эмиграціей гугенотовъ, представителей французской промышленности, всю силу отразились на земледѣліи. Къ тому же, по мѣрѣ того, какъ король старѣлся, дворянство вновь стало приобрѣтать утерянное было господство, и политика дворянства относительно крестьянъ, освященная древнимъ обычаемъ и основывавшаяся на томъ положеніи, что крестьянъ надо уничтожить (*écraser*), для того, чтобы держать ихъ въ подчиненіи и повиновеніи, снова сдѣлалась господствующей политикой. Людовикъ XIV вообще всегда былъ глубоко убѣжденъ, что трудящіеся классы, особенно крестьянство, самимъ Богомъ предназначены для рабскаго служенія другимъ классамъ, т.-е. дворянству и духовенству. Абсолютная монархія, которая въ борьбѣ съ феодализмомъ всегда опиралась на выдвигающіеся буржуазные классы, самое блестящее время которой при Людовикѣ XIV также было плодомъ этой послѣдовательно проводившейся Кольберомъ политики, — забыла свое прошлое: вмѣсто того, чтобы продолжать борьбу съ привилегіями, монархія щедрой рукой создавала безчисленное множество новыхъ привилегій, усилила могущество тѣхъ двухъ классовъ, которые, благодаря необузданной эксплуатаціи, сдѣлались одной изъ главныхъ причинъ паденія монархій, и пользовалась гигантскимъ механизмомъ современнаго централизованнаго государства лишь для эксплуатаціи въ своихъ интересахъ. Небольшая группа людей, богатство которыхъ непрерывно возросло насчетъ благосостоянія всей страны, довершила упадокъ земледѣлія роскошью, на которую тратились громадныя суммы, выжатая изъ крестьянъ: изъ этихъ денегъ никому и въ голову не приходило тратить что-нибудь на улучшеніе хозяйства ¹⁾). Притѣсненія и нищета создаютъ другъ друга; каждый старается казаться бѣднымъ, чтобы не сдѣлаться жертвой алчныхъ откупщиковъ, а для того, чтобы казаться бѣднымъ, надо работать лишь столько, сколько необходимо для поддержанія самаго жалкаго существованія ²⁾). Съ другой стороны,

¹⁾ Объ абсентеизмѣ и его послѣдствіяхъ см. du Cellier, *Histoire etc.*, стр. 254 и слѣд.: Полученная отъ земли рента никогда не возвращалась обратно.

²⁾ Vauban, *Projet d'une dixme royale* 1707, стр. 30: „Болѣе сильный всегда угнетаетъ слабого, и дѣло дошло до того, что тотъ, кто могъ бы воспользоваться своимъ дарованіемъ въ области искусства или ремесла, чтобы улучшить положеніе свое и своей семьи, предпочитаетъ оставаться въ прежнемъ своемъ положеніи и ничего не дѣлать, а тотъ, кто могъ бы держать одной или двумя коровами и овдами больше, благодаря которымъ онъ могъ бы улучшить свою собственную или арендованную имъ землю, вынужденъ не дѣлать этого для того, чтобы въ слѣдующемъ году не быть раздавлену тяжестью

настоящая или лицемѣрная нищета заставляла откупщиковъ прибѣгать при взиманіи податей ко всевозможнымъ способамъ притѣсненія, для того, чтобы какъ-нибудь выжать изъ бѣдныхъ крестьянъ необходимыя суммы. Такимъ образомъ крестьянина раззоряли до глѣ всевозможными способами, всегда нелѣпыми, потому что они давали доходъ лишь для даннаго момента: если крестьянинъ былъ собственникомъ, разореніе постигало его непосредственно; если онъ былъ арендаторомъ, то онъ, къ концу срока аренды, благодаря непрерывно возрастающей тягости налоговъ, не получалъ, въ концѣ концовъ, никакого барыша; если онъ, далѣе, былъ половинщикомъ, налоги поглощали весь получаемый имъ доходъ натурой; если же, наконецъ, онъ былъ поденщикомъ, то погибалъ отъ недостатка заработка. Мы приведемъ здѣсь лишь нѣсколько примѣровъ того, насколько безмысленна была финансовая политика по отношенію къ крестьянству. Для того, чтобы получать большій доходъ отъ гербовыхъ сборовъ, правительство запретило заключать арендные договоры больше, чѣмъ на девять лѣтъ; иными словами, арендаторамъ запрещалось прочно основываться и увеличивать чистый доходъ улучшеніемъ хозяйства ¹⁾. Зато было отмѣнено запрещеніе Кольбера продавать скотъ и земледѣльскія орудія за недоимки. Такимъ образомъ, связанный по рукамъ и ногамъ крестьянинъ былъ отданъ во власть сборщиковъ податей, которые ломали его хижину, для того, чтобы продать дерево и желѣзо, изъ которыхъ она была построена. Подъ тѣмъ предлогомъ, что сельское духовенство при веденіи метрическихъ книгъ не соблюдаетъ законныхъ предписаній, были созданы новыя должностныя лица, обязанныя вести записи крещеній, браковъ и погребеній, которые были обложены соответствующими сборами. Эти должности затѣмъ были проданы меньше, чѣмъ за 400.000 ливровъ одной компаніи, такъ что «во всемъ королевствѣ сборщики податей налагали свою мірскую руку даже на святое причастіе». Вслѣдствіе этого крестьяне въ Неригорѣ и Кверси, для того, чтобы не платить налога, сами крестили своихъ дѣтей и вступали въ бракъ безъ всякихъ формальностей. Преслѣдуемые компаніей, эксплуатировавшей налоги, они оказали сопротивленіе, и такимъ образомъ произошелъ бунтъ. Крестьянскія банды ходили по странѣ, заставили нѣсколькихъ дворянъ стать во главѣ отрядовъ возставшихъ и взяли штурмомъ городъ Кагоръ. Государственный совѣтъ не внялъ жалобамъ сборщиковъ податей и отказался вмѣшаться въ это дѣло, хотя компанія, съ своей стороны, плату уже внесла; но онъ не отмѣнилъ также и эдикта ²⁾.

Снова крестьянинъ вынужденъ для уплаты налоговъ и долговъ разстаться со своей землей, снова онъ превращается въ поденщика или половинщика. Въ сочиненіяхъ Вобана и Буагильбера крестьянинъ фигурируетъ только въ качествѣ паемнаго рабочаго (*manoeuvre*) или половинщика (*métayer*), трудъ которыхъ

taille, что несомнѣнно случилось бы, если бы онъ что-нибудь заработалъ, и если бы увидѣлъ, что урожай у него больше обыкновеннаго. По этой причинѣ онъ и его семья не только живутъ крайне бѣдно и ходятъ почти голыми, г.-е. потребляютъ крайне мало, но губятъ даже тотъ незначительный участокъ земли, который ему принадлежитъ, обрабатывая его лишь наполовину, изъ боязни, что съ него взыщутъ удвоенный *taille*, если земля дастъ такой доходъ, какой она можетъ дать, будучи хорошо обработана и удобрена“.

¹⁾ Forbonnais, II, стр. 63.

²⁾ Bailly. Histoire financière de la France, Парижъ 1830 г., II, стр. 10 и 11.

эксплуатируется крупными арендаторами. Оба автора называют одним из послѣдствій экспроприаціи крестьянъ чрезвычайное сокращеніе площади обрабатываемой земли и уменьшеніе доходности послѣдней ¹⁾.

Непосредственной причиной такой финансовой политики были огромные расходы государственнаго казначейства, вызываемые непрерывными войнами. Съ 1689 по 1697 годъ тянулася коалиціонная война, съ 1701 по 1714 годъ — война за испанское наслѣдство, а одновременно съ нею, съ 1702 по 1705 годъ происходила война съ камисардами (кальвинистами) въ Лангедокѣ, кончившаяся ужаснымъ опустошеніемъ всей этой страны. Въ 1692 и 1693 годахъ былъ чрезвычайно плохой урожай, зато въ 1695 былъ введенъ подушный налогъ. Въ 1693 и 1694 годахъ въ алансонскомъ округѣ была ужасная голодовка, такъ что населеніе округа значительно уменьшилось. Съ 1691 года провинція Лимузенъ находилась въ отчаянномъ положеніи: хлѣбъ, виноградъ и каштановыя деревья вымерзли; крестьяне продавали свою мебель и скоть, чтобы не умереть съ голоду; въ январѣ 1692 года интенданты этой провинціи зарегистрировали 70.000 человекъ, вынужденныхъ нищенствовать; голодовка не прекратилась, и въ слѣдующемъ году почти треть всего населенія умерла съ голоду.

Въ 1694 году крестьяне во многихъ мѣстностяхъ питались хлѣбомъ, испеченнымъ изъ молотыхъ зеренъ винограда и корней папоротника. Въ 1698 году населеніе Фландріи уменьшилось до ¹/₁₀ прежняго количества, и пятая часть его жила милостыней ²⁾.

Въ 1709 году произошло вторженіе союзниковъ во Францію, а вмѣстѣ съ тѣмъ разграбленіе провинцій и своими, и непріятелями. Французская армія, не получавшая вознагражденія, жила грабежомъ и контрабандой; отрядами въ 200—300 человекъ солдаты ходили по Нормандіи, Анжу, Пикардіи, Орлеане, открыто продавая соль, украденную ими изъ королевскихъ складовъ ³⁾. Суровыя зимы, продолжительныя засухи, наводненія, — словомъ, все бѣдствія соединились противъ Франціи къ концу царствованія Людовика XIV. Особенно сурова была зима 1709 года; въ Провансѣ погибли все апельсиныя и масличныя деревья, виноградъ вымерзъ всюду, вымерзли также и озимыя посѣвы. Доведенные до отчаянія крестьяне сѣяли ячмень, хотя полиція старалась пренятствовать имъ, и страна была спасена отъ ужасной голодовки только благодаря ячменному хлѣбу. Во многихъ мѣстностяхъ для печенія хлѣба употребляли молотый корень змѣвки, пырей, рѣпу и золотоглавъ; въ другихъ мѣстностяхъ крестьяне, послѣ того какъ небольшое количество собраннаго ими хлѣба было продано чинovníками для уплаты налоговъ, питались травой, которая уже не нужна была для корма животныхъ, потому что и сами животныя были давно уже съѣдены ⁴⁾. Послѣ зимы наступила голодовка, послѣ голодовки наводненія, которыя, особенно въ долинахъ Луары, произвели ужасныя опустошенія. Мѣра бѣдствій дополнилась спекуляціей на хлѣбъ, которою, при поддержкѣ администраціи, занимались финансисты. Вся Франція умирала съ голоду. Большія площади земли оставались не-

¹⁾ Ср. Doniol, Histoire etc., стр. 428—434.

²⁾ По сообщеніямъ интендантовъ генераль-контролеру; см. Levasseur, La population française, I, стр. 196 и слѣд.

³⁾ Bailly, Histoire etc., II, стр. 23.

⁴⁾ Bonnemère, Histoire etc., II, стр. 144.

обработанными, крупныя фермы стояли пустыми, вслѣдствіе чего ординасами отъ 11-го іюня 1709 года, января и октября 1713, 16-го января 1714 года и 6-го декабря 1717 года каждому крестьянину было разрѣшено пользоваться необработанными, вслѣдствіе смерти, бѣгства или разоренія старыхъ владѣльцевъ, землями, исключительно для собственной своей выгоды ¹⁾).

Къ счастью, мы имѣемъ много описаній положенія Франціи вообще и особенно французскаго крестьянства въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ. Изъ этой богатой сокровищницы мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ, которыми и закончимъ нашу краткую исторію французскаго крестьянина. Кромѣ книгъ независимыхъ писателей, которые, впрочемъ, какъ Вобанъ и Буагильберъ, отнюдь не враги монархіи, мы отиѣтимъ еще отчеты о провинціяхъ королевства, составленные интендантами по инициативѣ герцога Бургонскаго. Отчеты эти, во всякомъ случаѣ, не очень точны и скорѣе всего прикрашены, но тѣмъ не менѣе они даютъ ужасную картину ²⁾).

«Я очень хорошо замѣтилъ, — говоритъ Вобанъ, — что за послѣднее время почти $\frac{1}{10}$ часть населенія доведена до нищенскаго состоянія и фактически нищенствуетъ; что изъ остальныхъ $\frac{9}{10}$, $\frac{5}{10}$ не въ состояніи помочь занимающимся нищенствомъ даже милостыней, потому что сами находятся почти въ такомъ же состояніи; что изъ оставшихся $\frac{4}{10}$, $\frac{3}{10}$ живетъ очень плохо, и что они обременены долгами и тяжбами» ³⁾. Наиболѣе разоренъ и обнищаль, конечно, простой народъ (*le menu peuple*), хотя по своей численности и дѣйствительнымъ услугамъ, которыя онъ оказываетъ, онъ представляетъ важнѣйшую часть населенія. На него возложены всѣ повинности, ему всегда приходилось и приходится больше всего страдать ⁴⁾. Вобанъ даетъ намъ также нѣкоторыя точныя цифры относительно бюджета рабочихъ, которыя здѣсь стоитъ привести. Онъ считаетъ 180 рабочихъ дней въ году, а поденную плату сельскаго рабочаго принимаетъ равной 9 sols (то же, что и су). Эта цифра слишкомъ высока, 8 су были бы ближе къ дѣйствительности. Для того, чтобы содержать семью, состоящую изъ четырехъ человѣкъ, рабочему приходилось тратить 60 liv.; за вычетомъ этой суммы плюсъ 14 liv. 16 sols налоговъ, ему оставалось еще 15 liv. 4 sols для уплаты за наемъ помѣщенія, для ремонта, покупки бѣлья, домашней утвари и т. д. Если рабочій не держалъ коровы, козы, свиньи или птицы, если онъ и его жена не имѣли какого-нибудь побочнаго заработка въ ткацествѣ или въ другой отрасли промышленности, то ему совсѣмъ приходилось отказываться отъ употребленія сала, коровьяго и оливковаго масла. Но даже и въ лучшемъ случаѣ онъ едва ли могъ бы просуществовать, если бы не обрабатывалъ хотя бы незначительнаго участка земли ⁵⁾. Подобную же картину отчаяннаго положенія Франціи и особенно крестьянства далъ уже въ 1690 году Жорье въ своей книгѣ «*Les soupirs de la France esclave qui aspire après la liberté*» (Амстердамъ).

¹⁾ Bonnemère, Histoire etc., II, стр. 151.

²⁾ Графъ Boulainvilliers собралъ и переработалъ отчеты интендантовъ въ сочиненіи: „État de la France. Extraits des memoires dressez par les Intendants du Royaume par l'ordre du roi Louis XIV. Я пользовался лондонскимъ изданіемъ 1727—1728 годовъ.

³⁾ Vauban, Projet etc., стр. 4.

⁴⁾ Vauban, Projet etc., стр. 18.

⁵⁾ Vauban, Projet etc., стр. 97.

Королевство пришло въ такой упадокъ, что въ немъ теперь осталось на $\frac{1}{4}$ или на $\frac{1}{3}$ меньше жителей, чѣмъ было 50 лѣтъ назадъ. За исключеніемъ Парижа, куда всѣ устремляются, какъ въ убѣжище, и который увеличивается съ каждымъ днемъ, всѣ города потеряли половину своего благосостоянія и своего населенія... Крестьянинъ живетъ въ самомъ ужасномъ положеніи, поэтому же онъ темень и загорѣлъ отъ солнца, какъ африканскіе невольники. Все, что вы найдете у него, громко свидѣтельствуетъ о нищетѣ»¹⁾. Три года спустя Людовикъ XIV получилъ анонимное письмо, приписываемое архіепископу камбрейскому Фенелону. Письмо это, конечно безуспѣшно, рисовало положеніе народа въ его истинномъ свѣтѣ. «Вашъ народъ умираетъ съ голоду; обработка полей почти не производится; города и села обезлюдѣли... Вся Франція представляетъ собой только громадный заброшенный госпиталь, въ которомъ нѣтъ средствъ для существованія. Народъ, который Васъ (короля) такъ сильно любилъ, начинаетъ терять къ Вамъ дружескія чувства, довѣріе и даже уваженіе. Народныя движенія, давно уже дѣлавшіяся неизвѣстными, теперь начинаютъ учащаться... Вы теперь поставлены въ достойное жалости, крайнее положеніе, когда Вамъ надо либо оставить возстаніе безнаказаннымъ, либо избивать Вашъ народъ, который Вы довели до отчаянія и... который ежедневно умираетъ отъ болѣзней, вызванныхъ голодомъ». Слова эти остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а отчеты интендантовъ также не могли удержать короля, одержимаго маніей величія, отъ новыхъ войнъ. Было бы не трудно привести здѣсь, изъ отчетовъ, сохранившихся въ сочиненіи Буленвилля, многочисленныя изображенія крестьянской нищеты, но мы ограничимся лишь нѣсколькими отрывками²⁾ «Крестьянинъ, блѣдный, черный и всегда почти грязный, работающій и экономный питается ячменемъ, смѣшаннымъ съ пшеницей или рожью, или гречихой; онъ пьетъ воду; даже винодѣлы смѣшиваютъ свое вино съ водой. Онъ спитъ вмѣстѣ со своимъ скотомъ, чтобы воспользоваться его теплотой». «Недостатокъ питанія истощаетъ расу, ибо нищета сельскихъ жителей такъ велика, что дѣти ихъ появляются на свѣтъ болѣзненными, слабыми и недолговѣчными. Это происходитъ вслѣдствіе недостатка средствъ пропитанія, обезпечивающихъ хорошее потомство». Нѣтъ ничего болѣе похожаго на дикіхъ животныхъ, чѣмъ это сельское населеніе; нерѣдко можно встрѣтить прямо среди обработаннаго поля и всегда вдали отъ дорогъ цѣлыя толпы крестьянъ, сидящихъ на землѣ. Но когда дѣлаешь попытку приблизиться къ нимъ, они сейчасъ же разбѣгаются». Наиболѣе мѣткую характеристику пугливаго, звѣроподобнаго нрава крестьянъ далъ Лабрюйеръ въ своихъ «*Caractères*». Тамъ говорится: «Во всей странѣ распространены дикія животныя, мужского и женскаго пола, черныя, блѣдныя, совершенно загорѣвшія отъ солнца. Они прикрѣплены къ землѣ, которую обрабатываютъ съ непобѣдимымъ упорствомъ, они одарены подобіемъ членораздѣльной рѣчи, и когда встаютъ на ноги, то показываютъ человѣческое лицо. Это и въ самомъ дѣлѣ люди. Ночью они скрываются въ пещерахъ и питаются чернымъ хлѣбомъ, водой и кореньями.

¹⁾ Les soupirs de la France esclave qui aspire après la liberté. Амстердамъ, 1690, стр. 23.

²⁾ Болѣе пространныя выдержки можно найти у Bonnemère, Histoire etc., II, стр. 120—127; Bonnemère, La France sous Louis XIV, II, стр. 272—294; Martin, Histoire de France, XIV, кн. 89 и т. д.

Они избавляют других людей от труда съять, работать и собирать для того, чтобы жить, поэтому они не заслуживают быть лишенными хлѣба, который сами съють»¹⁾).

II. Сельское духовенство.

Я уже въ другомъ мѣстѣ упоминалъ о глубокой пропасти, которая постепенно образовалась между крестьянствомъ и остальной частью населенія, и съ каждымъ столѣтїемъ углублялась все болѣе и болѣе. Единственный классъ, который представлялъ собой нѣчто вродѣ посредствующаго звена, — сельское духовенство было осуждено на безсиліе, и вмѣсто того, чтобы поднять интеллектуальный и нравственный уровень крестьянства, само спустилось до него, и такимъ образомъ сдѣлалось чуждымъ всему остальному міру. Эпоха регентства Анны Австрійской и Фронды была роковой и для сельскаго духовенства. Священники (*curés*), прогнанные съ мѣстъ своего жительства, превратились въ бродягъ, ходили по странѣ, занимаясь нищенствомъ и грабежомъ, служили, для того, чтобы не умереть съ голода, шпионами у всѣхъ партій и всѣ ихъ одинаково предавали. Всѣ указы церковныхъ властей оставались безрезультатны; уваженіе къ духовенству совершенно исчезло, такъ что священникъ изъ высшаго сословія считалъ для себя оскорбленіемъ, если его называли священникомъ (*prêtre*). Пьянство и развратъ были любимыми занятіями низшаго духовенства, распущенность котораго достигала чудовищныхъ размѣровъ²⁾. Въ этомъ процессѣ не было ничего необычнаго, онъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ давно уже проводившейся церковной политики, характернѣйшей чертой которой было господство дворянства. Съ тѣхъ поръ, какъ высшія духовныя должности стали отдаваться только лицамъ дворянскаго происхожденія, благодаря чему духовенство разслоилось на эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, на привилегированныхъ и угнетенныхъ, деревенскіе приходы сдѣлались достояніемъ священниковъ низшаго, болѣею частью крестьянскаго происхожденія. Въ большинствѣ случаевъ церковныя доходы принадлежали какому-нибудь высшему духовному лицу, которое предоставляло своимъ сельскимъ священникамъ «подобающую часть» (*portion congrue*), которая только не давала имъ умереть съ голоду. Угнетенные, эксплуатируемые, дурно оплачиваемые, огрубѣвшіе отъ постоянного общенія съ крестьянами, опустившіеся сельскіе священники были покорными рабами епископовъ, въ карманы которыхъ попадали громадныя доходы отъ церковныхъ имуществъ³⁾. «Священники (*prêtres*) — рабы своихъ епископовъ. Нѣтъ ничего болѣе жалкаго, опустившагося и испорченнаго, чѣмъ сельское духовенство. Между тѣмъ какъ епископъ представляетъ собой важнаго барина, поражающаго прямо-таки непозволительной роскошью, — собаками, лошадьми, мебелью, прислугою, изысканнымъ столомъ, экипажами, священники его епархїи не имѣютъ средствъ купить себѣ

¹⁾ La Bruyère, Les caractères de Théophraste, Paris 1688 ch. de l'homme.

²⁾ Bonnemère, La France etc., II, 2—4; см. также Mémoires de Fléchier sur les Grand-Jours d'Auvergne en 1665, Парижъ, 1856, стр 84, 111—114.

³⁾ Въ царствованіе Людовика XIV духовенству принадлежала приблизительно пятая часть всей земли во Франціи, кромѣ того, оно получало ежегодный доходъ въ 130.000.000 ливровъ, составлявшійся изъ десятины, пожертвованій, платы за исполненіе грѣбъ, за отпущеніе грѣховъ и изъ приношеній.

сутану. Епископы обращаются со своими священниками, какъ съ конюхами ¹⁾. Это порабощеніе низшаго духовенства было завершено эдиктомъ Людовика XIV, который объявилъ ихъ «*destituables par leurs Evêques ad nutum*», т.-е. разрѣшалъ епископу переводить, прогонять и даже изгонять священниковъ, когда ему вздумается, безъ всякой иной причины, кромѣ его желанія и прихоти, — *car tel est notre plaisir* ²⁾.

Неудивительно, что сельскіе священники, похожіе на того, о которомъ намъ рассказываетъ Флешье, были чрезвычайной рѣдкостью. Этотъ хорошій священникъ изъ Оверни въ своихъ проповѣдяхъ нападалъ на короля и министровъ: «Онъ очень серьезно сказалъ своимъ прихожанамъ, что Франція управляется дурно, что она — тираническое королевство, что онъ въ старой книгѣ, рассказывающей о Римской Республикѣ, прочелъ такія прекрасныя вещи, что сталъ считать за лучшее жить независимо, не платя налоговъ; что народъ никогда еще не подвергался большимъ мученіямъ; онъ говорилъ еще и другія, чрезвычайно назидательныя слова, которыя ему, такъ же какъ и грубымъ его слушателямъ, казались пріятнѣ Евангелія. Этотъ народецъ нашелъ, что проповѣдь, произнесенная въ этотъ день, очень разумна, и считалъ мысль о жизни безъ уплаты податей великой истиной. Всѣ находили, что священникъ въ этотъ день говорилъ такъ хорошо, что превзошелъ самого себя» ³⁾. Флешье добавляетъ, что «добрый священникъ» высказалъ еще богохульственныя и безбожныя мысли, словомъ, наналдалъ и на небо, и на землю, за что его по заслугамъ наказали изгнаніемъ на одинъ годъ. Такимъ смѣлымъ въ своихъ выраженіяхъ тотъ священникъ, о коммунизмѣ котораго мы хотимъ здѣсь поговорить подробнѣе, не былъ, хотя онъ, несомнѣнно, превосходилъ своего овернскаго собрата смѣлостью мысли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Жанъ Мелье.

Жанъ Мелье родился 15-го іюня 1664 (по Вольтеру 1678) года въ Шачпаци, въ семьѣ ткача. Одинъ изъ окрестныхъ священниковъ преподавалъ ему гуманитарныя науки и далъ возможность поступить въ семинарію, въ Шалонъ-на-Маритѣ, гдѣ онъ, помимо своихъ богословскихъ наукъ, занимался еще изученіемъ философіи Декарта. Въ 1692 году онъ сдѣлался священникомъ въ Этрепиши, въ департаментѣ Арденовъ, и здѣсь прожилъ до самой смерти, добросовѣстно выполняя обязанности священника. Его спокойная, однообразная жизнь была нарушена только ссорой съ помѣщикомъ его деревни. Этотъ помѣщикъ, нѣкто господинъ де-Клери, однажды избилъ нѣскольکو крестьянъ, и Мелье, вся жизнь котораго была посвящена служенію этимъ несчастнымъ, всѣми притѣсняемымъ людямъ, возмущился и въ ближайшее воскресенье не помянулъ въ молитвѣ

¹⁾ Les soupirs de la France etc., стр. 48.

²⁾ Les soupirs etc., стр. 49.

³⁾ Mémoires de Fléchier sur les Grand-Jours en 1665, стр. 194 и 195.

благороднаго сеньора. Дворянинъ пожаловался архіепископу Реймскому, кардиналу де-Майи; архіепископъ потребовалъ, чтобы Мелье извинился и помянулъ въ молитвѣ де-Клери. Снова наступило воскресенье. Мелье взшелъ на кафедру и усердно помолился за господина де-Клери. «Такова судьба бѣдныхъ сельскихъ священниковъ, — воскликнулъ онъ, — епископы, важные бары, презирають насъ и не заботятся о насъ; они слушаютъ только дворянство. Итакъ, помолимся за хозяина этого села, попросимъ Бога, чтобы онъ обратилъ его, чтобы онъ не далъ ему снова впасть въ грѣхъ бить бѣдныхъ и грабить сиротъ». Новая жалоба и новый приговоръ были результатомъ этой странной молитвы. Ссора между священникомъ и дворяниномъ, повидимому, затянулась, и огорченіе вслѣдствіе дурнаго обращенія съ нимъ начальства заставило Мелье уморить себя голодомъ (1729 годъ) ¹⁾. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывали въ деревнѣ.

Насколько эта жизнь, погибшая въ борьбѣ за справедливость, казалась тихой и спокойной прихожанамъ, настолько же она была тяжела и мучительна для ея обладателя. Онъ былъ атеистомъ, — а между тѣмъ его долгомъ и обязанностью было проповѣдывать величіе и божественность католической религіи и церкви; онъ былъ коммунистомъ, питавшимъ страшную ненависть ко всему строю французскаго государства, къ его королевской власти, дворянству и духовенству, — и въ то же время принужденъ былъ каждое воскресенье обращаться съ молитвой за нихъ къ Богу, въ котораго самъ не вѣрилъ, и наставлять свою общину охотно подчиняться этому строю, который порабощалъ ее и мучилъ. Достаточно смѣлый для того, чтобы разрушить въ умѣ своемъ все, что въ свое время считалось святыней, онъ не былъ достаточно смѣлъ, чтобы объявить истину всему міру, не былъ достаточно смѣлъ, чтобы перенести за нее гоненія ²⁾, и предпочелъ влечь жизнь при такомъ мучительномъ конфликтѣ и удалиться отъ людей, чтобы не выдать своихъ чувствъ и убѣжденій. Въ трогательныхъ словахъ онъ оправдываетъ передъ своими прихожанами продолжавшеся всю жизнь лицемеріе тѣмъ, что его еще въ юности родители предназначили для священническаго званія, желая обезпечить ему спокойную, пріятную и почетную жизнь; что онъ никогда не стремился обогатиться благочестивой торговлей священными обрядами, но всегда старался исправить добрыми дѣлами то зло, которое онъ вынужденъ былъ причинять своими проповѣдями. Но когда онъ вспоминаетъ о томъ, что проповѣдывалъ своимъ крестьянамъ ненавистное и отвратительное ему нелѣпое заблужденіе и пустая суевѣрія, что онъ служилъ похожія на идолопоклонство обѣдни и давалъ своимъ крестья-

¹⁾ По другимъ свѣдѣніямъ въ 1733 году. — Во время господства Конвента Анахарсисъ Клотъ, восторженный „панегристъ челоѣческаго рода“, предложилъ построить памятникъ Мелье, котораго онъ называлъ „безстрашнымъ, благороднымъ, достойнымъ подражанія“. Конвентъ передалъ это предложеніе „комитету народнаго образованія“ въ слѣдующей формѣ: „Національный конвентъ возвращаетъ своему комитету народнаго образованія сдѣланное однимъ изъ его членовъ предложеніе воздвигнуть памятникъ Жану Мелье, священнику Этрешви, въ Шампани, первому священнику, у котораго хватило смѣлости и увѣренности отказаться отъ религиозныхъ заблужденій“.

²⁾ Le Testament de Jean Meslier, стр. 25: „Я очень доволенъ, дорогіе друзья мои (такъ называлъ онъ своихъ крестьянъ), что могу умереть также мирно, какъ и жилъ; а такъ какъ я никогда не давалъ вамъ повода желать мнѣ зла или радоваться, если бы это зло постигло меня, то я не думаю, что вы предпочли бы, чтобы меня пре-слѣдовали и мучили за это. Поэтому я рѣшилъ хранить молчаніе“.

намъ смѣшное причастіе, которое въ душѣ тысячу разъ проклиналъ, тогда въ его словахъ прорывается страстная, накоплявшаяся долгими годами жгучая ненависть ¹⁾). Но то, что онъ не осмѣлился сказать людямъ при жизни, онъ хотѣлъ возвѣстить, по крайней мѣрѣ, послѣ своей смерти и своему приходу, и всему міру. Поэтому онъ написалъ свое сочиненіе для свидѣтельства истины, изложилъ въ немъ все, что волновало его умъ и сердце въ теченіе всей его жизни, и передалъ его, какъ драгоценное наслѣдіе, своей общинѣ.

Послѣ его смерти были найдены три копіи съ этого сочиненія, озаглавленнаго «Мое завѣщаніе, изготовленныя имъ съ величайшей тщательностью; двѣ изъ нихъ найдены въ его жилищѣ, а третья въ Сентъ-менегульдской канцеляріи, и вскорѣ въ Шампани ходило по рукамъ нѣсколько сотъ списковъ съ этого запрещеннаго, но съ тѣмъ большей охотой читаемаго произведенія. Слухъ о немъ достигъ Парижа, и уже въ 1735 году Вольтеръ обратилъ на него свое вниманіе. Однако, лишь въ 1762 году онъ привелъ выдержку изъ этого «слишкомъ пространнаго, неуклюжаго и возмутительнаго сочиненія, въ которой содержится все достойное вниманія», т.-е. въ которой тщательно опущено все то, что Мелье говоритъ противъ религіи и противъ социальныхъ условій своего времени, иными словами, вся суть сочиненія. Да и могъ ли деистъ Вольтеръ, авторъ «Siècle de Louis XIV», утонченный царедворецъ и легкомысленный насмѣшникъ дать волю этому потоку ненависти противъ короля и Бога? Какое впечатлѣніе произвела на него эта книга, явствуетъ изъ письма его къ д'Аламберу, написаннаго въ февралѣ 1762 года. «Въ Голландіи напечатано завѣщаніе Жана Мелье; оно представляетъ собой лишь краткую выдержку изъ книги этого священника. Я содрогался отъ ужаса читая его. Свидѣтельство священника, который, умирая, проситъ у Бога прощенія въ томъ, что онъ проповѣдывалъ христіанское ученіе, можетъ послужить большимъ козыремъ въ рукахъ вольнодумцевъ. Я пошлю вамъ экземпляръ этого завѣщанія антихриста, такъ какъ вы хотите опровергнуть его. Оно написано съ грубымъ простодушіемъ, которое, къ несчастію, похоже на честность» ²⁾). Такимъ образомъ книга свыше ста лѣтъ была извѣстна только въ этомъ извлеченіи, и только въ 1864 году, Р. Шарль, издавшій это «Завѣщаніе» полностью, избавилъ Мелье отъ жалкой и недостойной роли, на которую осудилъ его Вольтеръ ³⁾).

Это завѣщаніе написано кровью сердца его автора. На протяжении трехъ томовъ передъ нами проносится потокъ сдерживаемой всю жизнь ненависти и все возрастающаго озлобленія, потокъ дикій, мутный, пѣнящійся ⁴⁾). Острый, смѣлый, не нугающійся никакихъ выводовъ духъ всюду находитъ камни критики, которыми наноситъ ударъ за ударомъ твердынѣ религіи и государства, и башни

¹⁾ См. его оправданіе въ „Завѣщаніи“, I, стр. 21—25.

²⁾ Письмо къ д'Аламберу, февраль, 1762 года. *Le Testament etc.*, I, LIV.

³⁾ *Le Testament de Jean Meslier... Par Rudolph Charles, Амстердамъ 1864 года*, 3 тома. Это именно изданіе цитирую я. Книга первоначально носила заглавіе: „Записки, заключающія мысли и чувства Ж. М., священника прихода Этрепиньи и Бютъ, по поводу цѣлага ряда злоупотребленій и заблужденій въ дѣйствіяхъ людей и правительства, а также ясное и очевидное доказательство сущности и лживости всѣхъ божествъ и религій въ мірѣ, написанное для того, чтобы служить нослѣ его смерти напоминовеніемъ его прихожанамъ и свидѣтельствомъ истины для нихъ и всѣхъ подобныхъ имъ“.

⁴⁾ Вольтеръ называетъ стиль Мелье „стилемъ извозничьей лошади“. Письмо къ Гельвеціусу, 1-го мая 1653 года.

и стѣны этой твердыни съ трескомъ повергаются въ прахъ. А далѣе мы видимъ, какъ на очищенной почвѣ возникаетъ новое царство счастья для человѣчества, и въ описаніи этого царства обнаруживается вся доброта и мягкость измученнаго судьбою и людьми существа, такъ что мы съ трудомъ узнаемъ въ немъ свирѣпаго разрушителя.

«Я позналъ,—такъ пишетъ онъ на обложкѣ копіи своего завѣщанія, предназначенной для прихожанъ,—зablужденія, злоупотребленія, тщеславіе, глупость и низость людей. Я ненавиждѣлъ и презиралъ ихъ»¹⁾). Такимъ образомъ его сочиненіе направлено противъ заблужденій, злоупотребленій и тщеславія людей. Поэтому его нападки имѣютъ въ виду, въ конечномъ счетѣ, общественную систему, знаменующую собой тиранію правителей и угнетеніе народа. На религію и церковь онъ нападаетъ лишь потому, что онѣ служатъ главнымъ средствомъ, чтобы держать народъ въ невѣжествѣ и повиновеніи, хотя, все-таки, религіи и церкви отведено больше всего мѣста въ его сочиненіи. Религія и политика, въ сущности, должны были бы быть противоположны другъ другу по своимъ принципамъ и основнымъ положеніямъ. Мягкость и благочестіе религіи должны бы осуждать насилія и несправедливость тираническаго правительства; съ другой стороны, мудрая политика должна была бы противодействовать злоупотребленіямъ, заблужденіямъ и обманамъ дурной религіи. Но то, что должно бы быть, не всегда бываетъ на самомъ дѣлѣ. Слишкомъ часто происходитъ именно то, что не должно было бы происходить. Религія и политика отлично уживаются другъ съ другомъ, какъ только они вступаютъ въ союзъ и заключаютъ между собою дружбу. Они помогаютъ другъ другу, какъ два вора-карманщика. Религія поддерживаетъ правительство, какъ бы дурно оно ни было; въ награду за это правительство поддерживаетъ религію, какъ бы ни были пусты и нелѣпы ея ученія. Священники, служители религіи, подъ страхомъ проклятія и вѣчнаго осужденія, требуютъ повиновенія властямъ, правителямъ и господамъ на томъ основаніи, что они будто бы, предназначены самимъ Богомъ для управленія народомъ. Правители обезпечиваютъ священникамъ почетъ, даютъ имъ хорошія мѣста, доставляютъ хорошіе доходы и поддерживаютъ ихъ при выполненіи ими пустыхъ и нелѣпныхъ обрядовъ, заставляя народъ считать священнымъ все, что они дѣлаютъ сами и все, что они заставляютъ дѣлать другихъ людей²⁾).

Послѣ критики всѣхъ религій вообще, и въ особенности догматики христіанской религіи, сущностью которой Мелье считаетъ низменный и достойный презрѣнія фанатизмъ, и творецъ которой является для него только «низкимъ и презрѣннымъ человѣкомъ, лишеннымъ ума, таланта, знаній, словомъ, глупцомъ, сумасшедшимъ, жалкимъ фанатикомъ и несчастнымъ висѣльникомъ (pendard)»³⁾), Мелье принимается критиковать христіанскую мораль, отъ которой затѣмъ переходитъ къ критикѣ французскаго государства и общества⁴⁾).

Въ христіанской морали Мелье нашелъ три заблужденія: полное отрицаніе плоти, мѣтніе, что верхомъ добродѣтели и высшимъ благомъ человѣчества

¹⁾ Le Testament etc., I, XXXIX.

²⁾ Le Testament etc., I, стр. 14 и 15.

³⁾ Le Testament etc., II, стр. 66—67.

⁴⁾ Критику религіи Мелье Штраусъ подробно изложилъ въ своей книгѣ о Вольгерѣ, второе приложніе: „Der Pfarrer Meslier und sein Testament“, на стр. 409—423.

является наслажденіе страданіями и муками, и, наконецъ, положеніе, запрещающее противопоставлять насилію насиліе и повелѣвающее любить своихъ враговъ. Моральные принципы христіанства, по мнѣнію Мелье, были прямо-таки роковыми для судьбы народовъ, угрожали сохраненію и продолженію человѣческаго рода и санкціонировали тиранію королей и сильныхъ міра сего въ ущербъ народамъ, которые влачатъ жалкое и несчастное существованіе подъ игомъ ихъ жестокаго, тяжелаго рабства.

Куда ни посмотришь, говорить онъ, всюду замѣчаешь чудовищное несоотвѣтствіе въ состояніяхъ и условіяхъ жизни людей; одни какъ будто родились лишь для того, чтобы тиранически господствовать надъ другими и получать отъ жизни всегда удовольствія и наслажденія, другіе же рождаются какъ будто для того, чтобы быть жалкими, несчастными, приниженными рабами и чтобы всю жизнь стонать отъ страданій и нищеты. Такъ какъ несоотвѣтствіе основывается не на заслугахъ одного класса и не на проступкахъ другого, то оно, очевидно, по самому существу своему несправедливо и достойно ненависти. Къ этому одному классу, пользующемуся всѣми богатствами, всѣми благами, всѣмъ досугомъ и удовольствіями, принадлежатъ король и принцы, дворянство, духовенство и всѣ тѣ богатые и лишніе бездѣльники, которые вмѣстѣ со своими слугами живутъ только плодами тяжелаго труда другого класса; а этотъ другой классъ, задавленный бременемъ заботъ и нищеты, страданій и труда—это бѣдный народъ, французскій крестьянинъ. О немъ справедливо сказано, что нѣтъ ничего болѣе испорченнаго и грубаго, ничего болѣе достойнаго презрѣнія и болѣе убогаго, чѣмъ онъ, неустанно трудящійся только для дворянства и духовенства, а самъ для себя, несмотря на свой тяжелый трудъ, едва способный заработать кусокъ хлѣба ¹⁾. Всѣ, не исключая и самаго ничтожнаго дворянина, мучаютъ и терзаютъ крестьянина. Подобно тому, какъ паразиты непрестанно беспокоятъ, пожираютъ и грызутъ тѣло тѣхъ, на комъ они живутъ, такъ и всѣ эти люди только беспокоятъ, мучатъ, грызутъ и пожираютъ бѣдный народъ. Послѣдній угнетаютъ не только короли и правители, его тираны, но, кромѣ того, еще все дворянство, духовенство, все монашество, вмѣстѣ со всѣми адвокатами, кровопійцами банкирами и откупщиками и всѣми праздными и бесполезными людьми, которые есть на свѣтѣ ²⁾. «Вамъ говорятъ о дьяволѣ, милые друзья мои, вамъ внушаютъ страхъ передъ самымъ названіемъ діавола, заставляя васъ вѣрить, что діаволъ не только величайшій врагъ вашего счастья, но также самое отвратительное и безобразное существо, какое только можно представить. Однако живописцы ошибаются, когда изображаютъ намъ на своихъ картинахъ діавола въ видѣ отвратительнаго и ужаснаго чудовища. Они ошибаются и вводятъ въ заблужденіе васъ, изображая діавола на своихъ картинахъ, также какъ и священники въ своихъ проповѣдяхъ, такимъ отталкивающимъ и уродливымъ. Имъ слѣдовало бы изображать его вамъ подобнымъ всѣмъ тѣмъ прекраснымъ дамамъ и дѣвицамъ, которыхъ вы видите такими прекрасно одѣтыми, причесанными и напудренными, такими благоухающими и сверкающими золотомъ, серебромъ и драгоценными каменьями. Діаволъ, котораго ваши священники и художники изображаютъ въ столь отвратительномъ и непріятномъ видѣ, только

¹⁾ Le Testament etc., II, стр. 250.

²⁾ Le Testament etc., стр. 223.

воображаемый дѣволъ, способный внушить страхъ лишь дѣтямъ и невѣжественнымъ людямъ и могущій причинить тѣмъ, кто его боится, лишь воображаемое зло. Но тѣ, остальные дѣволы, тѣ господа и дамы, о которыхъ говорю я, не воображаемыя существа; они видимы и дѣйствительно существуютъ, подобно тому какъ зло, которое они причиняютъ бѣднымъ народамъ, даже слишкомъ дѣйствительно и ощутительно» ¹⁾).

На чемъ же, спрашиваетъ Мелье, основывается право короля и дворянства присваивать себѣ все богатство и власть и обращаться съ бѣднымъ народомъ, какъ со своими рабами, разъ всѣ люди отъ природы равны, отъ природы одинаковы по рожденію и по происхожденію, и разъ природа не производитъ дворянъ? Онъ отвѣчаетъ слѣдующими словами: «Если мы рассмотримъ происхожденіе дворянства и королевской власти, если прослѣдимъ генеалогію князей и правителей до самаго ихъ источника, то мы увидимъ, что родоначальниками этихъ людей, которые такъ хвастаютъ своимъ дворянствомъ, были жестокіе и кроваваго жадные люди, угнетатели, тираны, нарушители общественнаго мира, воры, братоубійцы, словомъ, что древнѣйшее дворянство представляетъ собою сплошную гнусность, поддерживаемую насиліемъ и беззастѣнчивостью и прикрываемую почетомъ» ²⁾. Власть, пріобрѣтенная такимъ незаконнымъ способомъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій передавалась по наслѣдству и прикрывалась справедливостью, честью и добродѣтью. Было бы самой вопіющей и ужасной несправедливостью основывать на этомъ фундаментѣ такое странное несоотвѣтствіе между различными классами челоуѣчества, дающее однимъ всю власть, всѣ наслажденія и богатство и ставящее другихъ въ полную зависимость отъ нихъ, дѣлая ихъ фактически рабами первыхъ. Гордость и надменность сильныхъ міра сего настолько возросла, что они считаютъ себя совершенно отличной отъ народа, лучшей и болѣе чистой расой, совершенно иными существами, для удовольствія и услугъ которымъ существуетъ на свѣтѣ народъ. Счастье служить имъ, по ихъ мнѣнію, уже достаточная награда для тѣхъ, кто вынужденъ къ этой службѣ.

Достойнымъ товарищемъ дворянства является абсолютная монархія, подъ игомъ которой стонетъ вся Европа. Гордость ея и наглость дошли до того, что она уже приводитъ въ качествѣ единственной причины своихъ дѣйствій, законовъ и указовъ, свою волю, свой произволъ: ибо такъ намъ угодно; *sic volo, sic jubeo, stat pro ratione voluntas* ³⁾. Лысецы убѣдили нашихъ королей, что они являются господами тѣла и имущества своихъ подданныхъ; поэтому-то короли и жертвуютъ всѣмъ ради своей славы и честолюбія, ради своей алчности и мстительности. Подъ самыми нелѣпыми и ложными предлогами они обременяютъ своихъ подданныхъ всевозможными налогами, и подъ не менѣ смѣшными и лживыми предлогами увеличиваютъ, удваиваютъ и утраиваютъ эти налоги. Почти ни одинъ день не проходитъ безъ новыхъ эдиктовъ, новыхъ налоговъ, новыхъ ординасовъ, и горе крестьянамъ, если они не повинуются немедленно, не будучи въ состояніи такъ быстро доставить громадныя суммы, которыя отъ нихъ требуютъ. Тогда къ нимъ посылаютъ жандармовъ, солдатъ и тому подобную сволочь, которыхъ они должны кормить и содержать, пока не уплатятъ своихъ

¹⁾ Le Testament etc., II, стр. 180—181. Переводъ Штрауса.

²⁾ Le Testament etc., II, стр. 175.

³⁾ Le Testament, II, стр. 239.

недомокъ. Ибо главнымъ принципомъ князей, правителей и ихъ первыхъ министровъ является стремленіе обезсилить народъ, сдѣлать его несчастнымъ и пищимъ для того, чтобы онъ оставался покорнымъ и неспособнымъ когда-либо предпринять что-нибудь противъ нихъ. Поэтому-то они и даютъ войску, ростовщикамъ и откупщикамъ, воровство, гнусности, наглость, насилія и мошенничества которыхъ превосходятъ всякую мѣру, разрѣшеніе обогащаться насчетъ народа; поэтому они и стараются посѣять въ народѣ раздоры и распри. Для достиженія этой цѣли они не могли бы придумать лучшаго средства, какъ *taille*, распредѣленіе котораго между отдѣльными плательщиками постоянно вовлекаетъ всѣхъ жителей деревень въ споры и преслѣдованія и возбуждаетъ въ нихъ вражду и ненависть, такъ что они охотно уничтожили бы другъ друга¹⁾. Въ то же время взиманіе *taille* даетъ податнымъ чиновникамъ превосходный предлогъ къ грабежу и вымогательству. Короли наложили свои пошлины и налоги на всѣ товары для того, чтобы получить прибыль отъ всего, что покупается и продается. Они облагаютъ пошлиной вино и мясо, водку, пиво и масло, шерсть, ткани и кружева, перецъ и соль, бумагу, табакъ и зерновой хлѣбъ всякаго рода. Они заставляютъ платить себѣ заставныя пошлины и цѣлый рядъ другихъ, какъ напримѣръ сборы съ браковъ, крещеній, похоронъ. Они заставляютъ платить себѣ за амортизацію имуществъ, за сервитутные договоры, за пользованіе лѣсами и рощами, за водное право. Еще немного, и они, пожалуй, заставили бы платить себѣ за вѣтеръ и тучи. Кто желаетъ заниматься торговлей въ странахъ, подчиненныхъ королю, тотъ долженъ имѣть знакъ апокалипсическаго звѣря — промысловое и разрѣшительное свидѣтельство короля, удостовѣреніе его слугъ, квитанціи, свидѣтельства объ освобожденіи отъ пошлинъ, пропускныя свидѣтельства, морской и сухопутный паспорта, если онъ не желаетъ подвергаться опасности быть арестованнымъ и разореннымъ, присужденнымъ къ денежному штрафу, тюремному заключенію, галерамъ и даже къ смерти стражами и чиновниками «царственнаго звѣря»²⁾. Съ такою же рѣзкостью, какъ противъ чрезмѣрности налоговъ, возстаетъ Мелье и противъ способовъ взиманія ихъ, особенно соляного налога и *taille*. При этомъ онъ опирается на пользовавшуюся тогда чрезвычайной извѣстностью книгу: «*L'Espion Turc*». Сочиненій Вобана и Буагильбера онъ, повидимому, какъ это ни странно, не зналъ. Подобно всѣмъ оппозиціоннымъ писателямъ, Мелье, одной изъ главныхъ причинъ разоренія Франціи, считаетъ отдачу налоговъ на откупъ. Взиманіемъ налоговъ занято отъ 30 до 40 тысячъ чиновниковъ, но изъ 80 милліоновъ, которые они выжимаютъ изъ народа, едва ли и 30 милліоновъ попадаютъ въ королевскую казну. Затѣмъ Мелье подробно излагаетъ исторію соляного налога и *tailles*, которой мы здѣсь можемъ не касаться³⁾. Выжатые такимъ образомъ деньги растрачиваются на безумныя празднества и оргіи, между тѣмъ какъ цѣлыя народы умираютъ съ голоду.

Когда король жаждетъ славы, или когда стремленіе къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ заставляеть его подъ самыми ничтожными предлогами вступать въ борьбу съ сосѣдями, всегда бѣдному народу приходится удовлетворять, цѣною своего имущества и своей крови склонности и затѣи своихъ правителей, ибо

¹⁾ Le Testament etc., II, стр. 243.

²⁾ Le Testament., II, стр. 245—246.

³⁾ Le Testament etc., II, стр. 252—256.

войско образуется из молодежи бѣднаго сельскаго населенія, которую, противъ ея желанія, заставляють идти на военную службу, а бѣдному сельскому населенію приходится содержать это войско на свой счетъ, и оно же во время войны первое подвергается оскорбленіямъ и насиліямъ одичавшихъ и обнаглѣвшихъ солдатъ. Страдаетъ ли отъ ужасовъ войны французскій или же иностранный крестьянинъ, для нашего священника это безразлично. «Патріотизмъ» — чувство, совершенно ему чуждое, и ничто онъ не проклинаетъ такъ, какъ французскую королевскую власть, съ ея военной славой и тираніей. Нигдѣ абсолютизмъ королей не достигъ такой головокружительной высоты, нигдѣ короли не довели своихъ народовъ до такой степени нищеты, рабства и нужды, какъ во Франціи; но всѣ правители Франціи, убившіе такое множество людей, заставившіе пролить столько вдовьихъ и сиротскихъ слезъ, разрушившіе и опустошившіе столько городовъ и провинцій, — всѣ далеко превзойдены Людовикомъ XIV, который названъ Великимъ во всякомъ случаѣ не за великія и славныя дѣянія, ибо таковыхъ за нимъ не ищется, но за совершенныя имъ на морѣ и на сушѣ великія несправедливости, грабежи и захваты, за великія опустошенія и человѣческія боины¹⁾. Мелче одинъ изъ ожесточеннѣйшихъ враговъ монархіи, и абсолютной монархіи въ особенности, и защитники ея возбуждаютъ въ немъ только ненависть и презрѣніе. Онъ посвящаетъ цѣлую главу описанію тираническаго правленія послѣднихъ королей Франціи, которое позаимствовалъ большею частью изъ чрезвычайно любопытнаго сочиненія: «*Salut de l'Europe en l'an 1694*»²⁾, и старается доказать, какъ сильно злоупотребляли эти короли отданной въ ихъ руки властью. Цѣлью всѣхъ дѣйствій правительства должно быть благосостояніе народа, и правителямъ и королямъ, невыносимо тиранившимъ народъ, власть и авторитетъ давались лишь для того, чтобы они мудро и справедливо управляли народомъ и охраняли миръ. Не народы созданы для правителей, а правители для народовъ, ибо народы существовали уже тогда, когда еще не было правителей, и обязанность правителя — трудиться для того, чтобы обезпечить народу покой, подвергаться опасностямъ чтобы народъ былъ въ безопасности, и бодрствовать, чтобы подданные его могли спокойно спать. Словомъ обязанность правителя жертвовать своей личностью отечеству. Хорошій правитель любитъ своихъ подданныхъ, какъ отецъ дѣтей, тиранъ же обращается съ ними, какъ съ рабами. Хорошій правитель жертвуетъ собою для блага своего народа, а тиранъ жертвуетъ всѣми народами ради своей гордости, честолюбія и мстительности. Хорошій правитель подчиняется закону, тиранъ желаетъ, чтобы все было ему дозволено. Хорошій правитель охотнѣе спасетъ жизнь одного изъ своихъ подданныхъ, чѣмъ убьетъ тысячи своихъ враговъ, но король Людовикъ XIV держится иного мнѣнія; онъ охотно пожертвовалъ бы тысячами своихъ подданныхъ, но не простилъ бы врагу. *L'etat c'est moi* — таковъ его принципъ, и ему нравятся слова льстецовъ, что онъ одинъ хозяинъ всего королевства, что ему одному дана власть объявлять войну и заключать миръ, взимать по произволу *taille* и налагать пошлинны, а также издавать по своему произволу законы, эдикты и ордонансы. Лъстецы же научили

¹⁾ Le Testament etc., II, стр. 247.

²⁾ Le Testament etc., II, стр. 256—270. Въ задачи нашей книги не входитъ разсматривать это сочиненіе; содержаніе его чрезвычайно сходно съ содержаніемъ цитированной выше книги „*Les soupirs de la France etc.*“.

его жестокой политикѣ, научили, что надо заставлять народъ умирать съ годову для того, чтобы онъ былъ покорень ¹⁾, и что реформы противорѣчатъ его интересамъ. Какъ только народъ достигаетъ благосостоянія, онъ становится гордымъ и непокорнымъ, и постоянно готовъ къ возстанію. Благосостояніе народа и авторитетъ королевской власти взаимно исключаютъ другъ друга, а такъ какъ послѣдняя-де необходима народу, то для него самого было бы худо, если бы положеніе его улучшилось. Вотъ какую софистику нашептываютъ королю. Никто не осмѣливается противорѣчить ему или порицать его поведеніе; каждый восхваляетъ пороки королей словно добродѣтели, а немногіе свойственные имъ таланты и добродѣтели, — какъ чрезвычайнѣйшее, весьма рѣдкое, героическое качество. Судьи и магистраты слишкомъ трусливы для того, чтобы возстать противъ ихъ пороковъ и несправедливостей: они съ величайшей строгостью преслѣдуютъ и наказываютъ мелкихъ преступниковъ, приговариваютъ къ колесованію и повѣшенію мелкихъ воровъ и убійцъ, но не осмѣливаются сказать что-нибудь крупнымъ и могущественнымъ ворами, крупнымъ и могущественнымъ убійцамъ и поджигателямъ, опустошающимъ всю страну, истребляющимъ все и заставляющимъ убивать тысячи и милліоны людей ²⁾.

Но самымъ яснымъ доказательствомъ всеобщей испорченности является тотъ фактъ, что даже духовенство пользуется всѣми прерогативами своей духовной власти для того, чтобы оправдать насильственные дѣйствія правительства, и протитутуруя себя самымъ позорнымъ и преступнымъ образомъ, приводитъ самые изощренные доводы, чтобы заставить уважать его беззаконія и доказать, что они вполнѣ согласуются со всѣми божескими и человѣческими законами. Они, призваніемъ которыхъ является христіанская религія, они, которые, какъ духовные руководители народа и провозвѣстники христіанской любви, должны бы возвышать свой голосъ противъ несправедливости великихъ міра сего, и являться наиболѣ ревностными защитниками народа и его правъ противъ жестокости и угнетенія его тирановъ, они — папы, епископы, доктора и священники, провозвѣстники евангелія, являются величайшими льстецами королей и правителей, трусливѣйшими предателями народа и величайшими нарушителями своихъ обязанностей. Они гремятъ со своихъ кафедръ противъ самыхъ незначительныхъ заблужденій и преступленій бѣднаго народа, но передъ самыми отвратительными пороками и излишествами королей и сильныхъ міра сего, они — «лѣвые собаки» ³⁾. Они учатъ, что власть королей исходитъ отъ Бога, и что тотъ, кто противится имъ, грѣшитъ противъ Бога и достоинъ вѣчнаго проклятія. Они ежедневно молятся о благоденствіи королей и спокойно смотрятъ на вымирание народа; они молятся о побѣдѣ своихъ войскъ и о пораженіи враговъ, если же, несмотря на это, побѣда не на ихъ сторонѣ, то причиною такого проявленія гнѣва божія оказываются грѣхи народа. Но если побѣда одерживается ихъ вой-

¹⁾ Ср. также еще Bonnemère, *Le France sous Louis XIV*, II, стр. 241. Въ *L'esprit du cardinal Mazarin*, Кельнъ, 1695 г., стр. 295. Ментенонъ говоритъ Мазарини, духъ котораго явился ей: „Вы очень хорошо знаете, что въ свое время вы держались принципа поддержанія въ народѣ бѣдности и угнетенія, изъ боязни, что народъ, достигнувъ благосостоянія, могъ бы оказать сопротивление: несомнѣнно, что ничета заставляетъ народъ быть покорнымъ и лишаетъ его мужества“.

²⁾ *Le Testament etc.*, II, стр. 271, 277, 281 и 282.

³⁾ *Le Testament etc.*, II, стр. 284.

сками, то они въ храмахъ и церквахъ восхваляютъ милость, оказанную Богомъ его помазаннику и въ великолѣпныхъ, радостныхъ и хвалебныхъ пѣснопѣнїяхъ благодарятъ Господа за побѣдоносное избїенїе, грабежи и опустошенїя, которыми этотъ помазанникъ осчастливилъ страну. Они — тѣ лжепророки, которые тысячами жирѣютъ отъ пота французскаго крестьянина, которые дали обѣтъ бѣдности и въ прекрасныхъ замкахъ наслаждаются всѣми благами жизни, которые слишкомъ лѣнны для труда и честной жизни и поэтому живутъ нищенствомъ и вымогательствомъ. Именно эта лѣнвая и бесполезная сволочь лучше кого бы то ни было другого надѣлена благами жизни. Священники же, которымъ поручено духовное руководство душъ и забота о томъ, чтобы крестьяне были воспитаны въ добрыхъ нравахъ и въ пустыхъ суевѣрїяхъ, называющихся ихъ религїей, которые, слѣдовательно, извѣстнымъ образомъ работаютъ для общаго блага и тѣмъ самымъ приобрѣтаютъ право на содержанїе, получаютъ очень незначительное вознагражденїе и живутъ немногимъ лучше, чѣмъ сами крестьяне.

Монахи лицемерно говорятъ, что живутъ, умерщвляя плоть и духъ и постоянно предаваясь покаянїю, но въ то же время они не оставляютъ прїятнаго существованїя и не отказываются отъ богатствъ, благъ и наслажденїй жизнью. Ихъ монастыри похожи на замки сеньоровъ или дворцы королей; сады ихъ подобны земному раю, и въ нихъ произрастаютъ прекраснѣйшіе цвѣты и плоды: кухни ихъ снабжены въ изобилїи всѣмъ, что можетъ удовлетворить требованїямъ желудка, рыбою, также какъ и мясомъ, смотря по уставу ордена. Всюду они имѣютъ значительныя имѣнїя, сдаваемые въ аренду и приносящїя имъ значительные доходы, причемъ имъ не приходится прилагать ни малѣйшаго труда и совсѣмъ не нужно самимъ работать. Въ большинствѣ приходовъ они получаютъ значительную десятину и нерѣдко пользуются правами сеньоровъ. Такимъ образомъ они имѣютъ счастье безъ труда собирать богатую жатву тамъ, гдѣ они не сѣяли, и находятъ тамъ, гдѣ ничего не клали. Итакъ, они богаты, ничего не дѣлая, и по желанїю могутъ жить отлично, предаваясь сладкой и благочестивой лѣни¹⁾. Такъ, напримѣръ, самый ничтожный бенедиктинскїй монашекъ имѣетъ возможность выбирать между 15.000, а по другимъ свѣдѣнїямъ даже между 37.000 монастырей, построенныхъ съ царской роскошью, куда онъ можетъ удалиться, чтобы въ роскоши и богатствѣ выполнять свой обѣтъ бѣдности; и всѣ эти лѣнтїи живутъ трудомъ другихъ и являются для общества бременемъ, потому что сами не занимаются никакимъ полезнымъ трудомъ. Это вопїющая несправедливость давать этому лѣнвому бесполезному народу пищу, которую должны бы пользоваться только хорошіе работники, и лишать послѣднихъ того, что они создали въ потѣ лица, чтобы отдать его толпѣ бесполезныхъ монаховъ. Все сказанное относится еще въ гораздо большей степени къ нищенствующимъ монахамъ²⁾, которые являются еще большимъ бременемъ для

¹⁾ Le Testament etc., стр. 186.

²⁾ Къ серединѣ XVII столѣтїя число мужскихъ и женскихъ монастырей увеличилось, также какъ и число нищенствующихъ монаховъ. Это неопровержимое доказательство того, что нищета возрастаетъ. Люди уже не въ состоянїи добыть себѣ пропитанїе трудомъ и поэтому прибѣгаютъ къ нищенству, но къ нищенству законному, пользующемуся уваженїемъ: они становятся нищенствующими монахами. Въ своемъ завѣщанїи, II, стр. 193, Мелье, со словъ епископа дю-Веллея, говоритъ, что число нищенствующихъ монаховъ достигало 1.200.000. Число это несомнѣнно преувеличено.

народа, ибо, не имѣя, повидимому, ничего, они, фактически, обладаютъ всѣмъ, и притомъ съ меньшимъ трудомъ, заботами и усиліями, чѣмъ остальные монахи. Они являются хозяевами всѣхъ душъ и всѣхъ кармановъ въ городахъ, и имъ стоитъ только попросить, чтобы получить желаемое. Они — маленькіе боги; все, что они приказываютъ, совершается. Между тѣмъ какъ государство наказываетъ трудоспособныхъ нищихъ по всей строгости законовъ, церковь посылаетъ цѣлую армію лѣннихъ негодяевъ, для которыхъ нищенство представляетъ почетное занятіе. Говорить, что они своими молитвами, обѣдами и жертвами отвращаютъ гнѣвъ Божій и низводятъ на народы благословіе неба, которое, будто бы, представляетъ величайшее благо людей, и поэтому заслуживаютъ хорошаго содержанія, — говорить это, — величайшая глупость. Одинъ часъ хорошей работы имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ всѣ молитвы, обѣды и проповѣди всѣхъ поповъ и проповѣдниковъ. Добрый сельскій рабочій создаетъ своимъ плугомъ больше пищи, чѣмъ нужно ему самому. Даже самые мелкіе и ничтожные ремесленники полезны и необходимы государству; даже скрипачи и флейтисты имѣютъ за собою заслугу, потому что увеселяютъ людей, но ремесло священниковъ и особенно монаховъ — есть ремесло, исполненное заблужденій, суевѣрій, обмана и надувательства. Отнюдь не будучи ни полезнымъ, ни необходимымъ, оно, наоборотъ, вредно и губительно. Зачѣмъ нужны всѣ эти священники и попы, аббаты и пріоры, каноники и капелланы, всѣ эти благочестивые и смѣшные ряженые монахи и монахини, разъ они не оказываютъ обществу никакой дѣйствительной услуги и не выполняютъ въ приходахъ даже ничтожнѣйшей функціи? «Я не понимаю, — говоритъ цитируемый Мелье турокъ, вѣроятно L'Espion Turce, — по какимъ политическимъ соображеніямъ культивируется разсадникъ духовныхъ кровопійцъ, которые служатъ только для того, чтобы высасывать изъ вадін послѣднія капли крови»¹⁾. Нашъ священникъ также не въ состояніи понять это и поэтому онъ говоритъ, что можно присоединиться къ желанію человѣка, сказавшаго: «Я желалъ бы, чтобы всѣ великіе и благородные міра сего были повѣшены на поповскихъ кишкахъ или задушены ими». Выраженія эти, правда, нѣсколько грубы и неуклюжи, но зато свободны и наивны; кратки, но ясны, и въ немногихъ словахъ выражаютъ то, чего заслуживаютъ такого рода люди.

Но королямъ, дворянствомъ и духовенствомъ еще не исчерпывается число тѣхъ, единственной задачей которыхъ является угнетать и мучить своихъ болѣе слабыхъ ближнихъ и выжимать изъ нихъ какъ можно больше. Къ числу этихъ людей нужно еще прибавить всѣхъ тѣхъ, кого обыкновенно называютъ служителями правосудія, но которые, въ сущности, являются служителями несправедливости: приставовъ прокуроровъ, адвокатовъ, актуаріусовъ, совѣтниковъ, нотаріусовъ и прочихъ, безчисленное множество чиновниковъ, сборщиковъ податей и пошлинъ, всю массу негодяевъ и мошенниковъ, сборщиковъ соляного и табачнаго налоговъ, радующихся разоренію народа и, подъ предлогомъ, что они служатъ королю, обкрадывающихъ, грабятшихъ, угнетающихъ и разоряющихъ всѣхъ бѣдныхъ и беззащитныхъ²⁾.

Насилія владыкъ міра сего, въ соединеніи съ обманомъ поповъ, создали неравенство среди людей, благодаря тому, что владыки и попы завладѣли въ

¹⁾ Le Testament etc., II, стр. 201.

²⁾ Le Testament etc., II, стр. 210.

исключительную свою собственность благами и богатствами міра и пользуются ими такъ, какъ каждому вздумается. Эти злоупотребленія, которыя царягь почти во всемъ мірѣ, вызываютъ самыя гибельныя послѣдствія для человѣчества; каждый стремится имѣть какъ можно болѣе. Ненасытная жадность, корень всякаго зла, видитъ исполненіе своихъ желаній какъ бы черезъ открытую дверь и вовлекаетъ человѣка въ борьбу изъ-за собственности, въ которой онъ стремится пріобрѣсти какъ можно больше для удовлетворенія своихъ потребностей и желаній. Побѣдителями изъ этой борьбы выходятъ самыя сильныя и самыя хитрыя, которые въ то же время нерѣдко являются самыя дурныя и недостойныя. Такимъ образомъ институтъ частной собственности дѣлитъ людей на классы богатыхъ и бѣдныхъ. Одни хорошо одѣты, другіе въ лохмотьяхъ; одни живутъ въ великолѣпныхъ дворцахъ, другіе въ грязныхъ хижинахъ; одни пользуются всѣми благами міра, другіе умирають съ голоду; одни ведутъ жизнь, исполненную радости, другіе живутъ въ постоянной нищетѣ и страданіяхъ; одни осыпаны почестями, другіе презираются и избѣгаются всѣми; одни всю жизнь бездѣлничаютъ, другіе трудятся до кроваваго нота изъ-за жалкаго куска хлѣба; одни въ раю, другіе въ аду, и нерѣдко между этимъ адомъ и раемъ проходитъ только узкая улица или стѣна. Такова участь богатыхъ и бѣдныхъ, таково счастье, которое даетъ собственность однимъ, и таковы бѣдствія, которыя бѣдность посылаетъ другимъ. Но откуда же всѣ эти богатства, которыя даютъ имущимъ возможность превращать для себя землю въ рай? Кто, какъ не трудъ бѣднаго народа создаетъ ихъ? Народная промышленность создаетъ весь тотъ блескъ и роскошь, которые наполняютъ дворцы, руки народа создаютъ величіе и могущество его угнетателей. То, что послѣдніе вымогають у народа, дѣлають ихъ гордыми и надменными и даетъ имъ новыя средства для угнетенія. Изъ этого раздѣленія людей на два класса, имущихъ и неимущихъ, по необходимости вытекаетъ царящая среди нихъ ненависть и зависть, войны и возстанія, со всею ихъ чудовищною свитой страданій и пороковъ. Вся жизнь превращается въ непреставную борьбу изъ-за собственности; богатые живутъ въ постоянномъ страхѣ, въ постоянныхъ опасеніяхъ за свое имущество, за которое имъ приходится бороться, посредствомъ безконечныхъ, часто ихъ разоряющихъ процессовъ. Тѣ же, которые не имѣютъ ничего, даже самаго необходимаго, вынуждены пользоваться всевозможными дурными средствами для того, чтобы добыть себѣ пропитаніе. Такимъ образомъ возникаютъ обманы, подлости, несправедливости, разбой, грабежи, кражи и убійства, причиняющія человѣчеству неисчислимыя бѣдствія ¹⁾.

Здѣсь именно яснѣе всего сказывается двойственность положенія, занимаемаго Мелье въ его критикѣ современнаго ему общественнаго строя. Онъ живъ въ переходную эпоху, когда современная капиталистическая система хозяйства и современное государство боролись за свое существованіе съ феодальнымъ строемъ. Все, что прежде было устойчивымъ, заколебалось. Наряду со старыми, возникаютъ новыя формы, присоединяющія новыя бѣдствія къ старымъ, традиционнымъ злоупотребленіямъ. Поэтому и критика Мелье, колеблющаяся, двойственная, направленная и противъ стараго феодальнаго государства, и противъ новаго, побѣдоносно идущаго къ власти капиталистическаго строя, которые оба,

¹⁾ Le Testament etc., II, стр. 215.

при всѣхъ существующихъ между ними различіяхъ, основываются на порабощеніи народа. Наряду съ критикой пользующихся феодальными привилегіями сословій, дворянства и духовенства, мы видимъ не менѣе рѣзкую критику частной собственности и дѣленіе современнаго общества на классы имущихъ и неимущихъ. Такимъ образомъ произведеніе Мелье носитъ двойственный характеръ, представляя собой съ одной стороны капиталистическую критику феодализма, а съ другой, социалистическую критику капитализма. Вольтеръ, въ своемъ извлеченіи, тщательно устранилъ послѣднюю.

Однако, сочиненіе Мелье не исчерпывается еще критикой французскаго государства и христіанской религіи, онъ подвергъ критикѣ самое понятіе о Богѣ, о душѣ и ея безсмертіи, для того, чтобы уничтожить всякое представленіе о вознаграждающемъ добраго и карающемъ злого Богѣ, чтобы удержать на землѣ заблудившійся въ фантазіяхъ о неземномъ блаженствѣ человѣческой духъ, и для того, чтобы доказать людямъ, что единственнымъ полемъ дѣятельности для нихъ можетъ быть земля. Въ его мышленіи личность божества исчезаетъ, какъ лишенное сущности понятіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ понятіе о не-матеріальности души, и о возмездіи въ будущей жизни. Священники, правда, увѣряютъ народъ, что они хотятъ вести его на небо и уготовать ему тамъ вѣчное блаженство, но именно этимъ самымъ они мѣшаютъ ему пользоваться истиннымъ счастьемъ на землѣ. Подъ предлогомъ избавленія людей отъ мнимыхъ каръ несуществующаго ада, яко бы ожидающаго ихъ за гробомъ, священники заставляютъ людей въ этой настоящей и единственной жизни претерпѣвать повстиннѣ адскія мученія. Тысячи и тысячи тысячъ хорошихъ и справедливыхъ людей не получаютъ награды за свои добродѣтели и добрыя дѣла; съ другой стороны, существуютъ тысячи и тысячи тысячъ презрѣнныхъ и ужасныхъ преступниковъ, которые не несутъ наказанія за свои позорныя дѣянія, ибо вѣтъ Бога, который награждалъ бы земныя страданія небеснымъ блаженствомъ. Желаетъ ли народъ и впредь отказываться отъ всякаго счастья?

«Я хотѣлъ бы, чтобы голосъ мой прозвучалъ съ одного конца королевства до другого, съ одного конца земли до другого. Я кричалъ бы изо всѣхъ силъ: вы глупцы, о люди, вы глупцы, ибо позволяете вести себя на помочахъ и слѣпо вѣрите такой безднѣ глупости. Я показалъ бы людямъ ихъ заблужденія и разоблачилъ бы ихъ руководителей, которые въ сущности обманщики и кровопійцы!.. Я поставилъ бы имъ въ упрекъ ихъ трусость за то, что они такъ долго позволяютъ жить тиранамъ и не сбрасываютъ ненавистнаго ига ихъ тираническаго правленія» ¹⁾). И здѣсь нашъ священникъ пускается въ разсужденія объ убійствѣ тирановъ, которыя сразу переносятъ насъ отъ начала XVIII вѣка, — къ этому времени, несомнѣнно, относится завѣщаніе, — въ эпоху религиозныхъ войнъ, съ ихъ принципами и дѣйствіями, направленными къ уничтоженію тирановъ. Мы не удивились бы, еслибы встрѣтили нашего священника въ эпоху Лиги, къ которой онъ гораздо больше подходитъ по могучей энергіи и необузданности своихъ словъ, мыслей и чувствъ, чѣмъ къ періоду *fin de siècle* царствованія Людовика XIV, съ его выродившимися безсильными марионетками, вся оппозиція которыхъ сводилась къ слезливымъ причитаніямъ.

Одинъ изъ писателей древности однажды сказалъ, что ничто въ мірѣ не

¹⁾ Le Testament etc., III., стр. 372.

встрѣчается такъ рѣдко, какъ старый тиранъ. Такими словами начинаетъ нашъ сельскій священникъ свой могучій призывъ къ борьбѣ съ угнетателями народа ¹⁾. Причиной этого было то обстоятельство, что люди тогда не были еще настолько трусливы, чтобы позволить тирану долго жить и править ими, но теперь люди, сами того не замѣчая, настолько привыкли къ рабству, что оно кажется имъ почти естественнымъ состояніемъ, а вмѣстѣ съ рабскимъ духомъ людей возросли надменность и произволъ тирановъ, «благодаря избытку ихъ счастья и обилію жира». Родъ царубійцевъ, достойныхъ и благородныхъ защитниковъ свободы, давно уже вымеръ; нѣтъ уже ни Жаковъ Клемановъ, на Равальяковъ, у которыхъ нѣкогда хватило смѣлости убивать этихъ достойныхъ презрѣнія чудовищъ и враговъ человѣческаго рода, нѣтъ священниковъ и писателей, у которыхъ хватило бы смѣлости порицать и клеймить ихъ пороки, несправедливости и дурное управленіе и воспламенять народъ къ возстанію противъ нихъ. Къ стыду вѣка надо сказать, что на свѣтѣ существуютъ уже только трусливые и жалкіе рабы, безгласные исполнители злыхъ плановъ и приказовъ тирана и ничтожные льстецы. Судьи и чиновники королевства, интенданты и губернаторы провинцій, вожди армій, всѣ офицеры и солдаты считаютъ за честь выполнять приказы короля, въ чемъ бы они ни заключались, и не задумались бы предать огню свою собственную отчизну, если бы этого пожелалъ тиранъ. Отъ всѣхъ этихъ людей народу нечего ждать спасенія, наоборотъ, они всѣ заключили союзъ, чтобы держать народъ подъ игомъ своихъ тираническихъ законовъ, чтобы накинуться на него, какъ голодные волки, и пожрать его. Спасеніе народа въ его собственныхъ рукахъ, освобожденіе его зависитъ только отъ него одного, ибо въ его рукахъ имѣются всѣ силы и средства для того, чтобы освободиться и превратить тирановъ въ своихъ рабовъ, ибо тираны получаютъ все свое величіе, богатство и могущество только отъ народа. Дѣти народа служатъ имъ на войнѣ и повсюду. Тираны собственными силами народа порабощаютъ его и держатъ въ рабствѣ; при помощи его же собственныхъ силъ они уничтожили бы одинъ за другимъ города и провинціи, если бы нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно вздумали оказать тиранамъ сопротивленіе и свергнуть ихъ иго. Но если бы всѣ народы, всѣ города и провинціи объединились и сговорились сообща освободиться отъ своего общаго врага, то тираны скоро оказались бы побѣжденными и уничтоженными.

И вотъ Мелье призываетъ всѣ народы къ объединенію и къ борьбѣ противъ ихъ угнетателей. «Unissez-vous donc, peuples» — «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!» — соединяйтесь, если у васъ хватитъ мужества освободиться отъ вашей общей нищеты. Ободрите другъ друга въ этомъ благородномъ и важномъ дѣлѣ! Сообщайте другъ другу тайно свои мысли и желанія, и распространяйте повсюду какъ можно искуснѣе летучіе листки, выясняющіе свѣту пустоту заблужденій и суевѣрій религій и возбуждающіе повсюду ненависть противъ королей и правителей міра! Помогайте другъ другу въ этомъ справедливомъ и необходимомъ дѣлѣ, касающемся общаго блага всѣхъ народовъ. Объединившимся народамъ удастся свергнуть троны тирановъ и уничтожить господство дворянства и богачей. Народы должны забыть всѣ распри и всю вражду между собою, они должны обратить всю ненависть и все негодованіе противъ своихъ

¹⁾ Le Testament etc., III, стр. 373 и слѣд.

общихъ враговъ, противъ надменной и гордой расы людей, которые дѣлають ихъ несчастными и отнимають у нихъ лучшіе плоды ихъ трудовъ. Когда высоко-мѣрные тираны съ ихъ интендантами, губернаторами, сборщиками податей и чиновниками, съ гордымъ дворянствомъ, великолѣпными прелатами, епископами, аббатами и монахами, вмѣстѣ со всѣми другими богатыми господами и дамами, которые живутъ только трудами бѣднаго народа, будутъ изгнаны; когда народы будутъ освобождены, а все порабоощающій общественный строй будетъ уничтоженъ. тогда надо будетъ приступить къ созданію новаго общества.

Мы попытаемся теперь, по нѣкоторымъ намекамъ Мелье, нарисовать картину этого новаго общественного строя. Само собою разумѣется, центръ тяжести книги Мелье лежитъ въ критикѣ, которая у него мѣстами прямо великолѣпна. Зато положительная часть книги бѣдна. Весь планъ книги, также какъ и цѣль ея, привелъ къ тому, что критика отгѣснила положительную часть на второе мѣсто. Мелье хотѣлъ указать людямъ на ихъ предрасудки и заблужденія, на несправедливости существующаго общества. Поэтому ему пришлось дать главнымъ образомъ критику и ограничиться только въ отдѣльныхъ мѣстахъ намеками на то, какимъ онъ представляетъ себѣ лучшее общество, и набросать только основныя черты такого общества: общность имущества, равная для всѣхъ обязанность трудиться, федерація общинъ, общественное воспитаніе дѣтей, новая форма брака и т. д. и т. д. Была, впрочемъ, еще и другая причина, оправдывающая краткость его въ этой области. Мелье писалъ для крестьянъ, и прежде всего, для французскихъ крестьянъ, для крестьянъ своего прихода, и когда онъ говорилъ объ общности имущества, какъ объ идеальной формѣ общественной жизни, то онъ не видѣлъ необходимости изображать общность имущества во всѣхъ подробностяхъ, какъ онъ представлялъ ее себѣ, быть можетъ, въ умѣ. Общность имущества отлично была знакома французскому крестьянину по его домашнимъ общинамъ, — *Communautés agricoles*. Въ Шампани, гдѣ находился приходъ Мелье, и гдѣ онъ провелъ большую часть своей жизни, домашнія общины въ большомъ числѣ существовали еще при Людовикѣ XIV дольше середины XVIII столѣтія. Французскій крестьянинъ прекрасно зналъ ихъ строй; къ чему Мелье сталъ бы излагать его подробно? Цѣль была знакома крестьянамъ, она представляла собой только распространеніе уже существующаго учрежденія на всю Францію. Такимъ образомъ, для Мелье были важны пути и средства къ достиженію этой цѣли, а ихъ онъ видѣлъ, прежде всего, въ просвѣщеніи и воспитаніи угнетеннаго крестьянства, которое, «согласно принципамъ просвѣщенной политики, держалось въ глубочайшемъ невѣжествѣ и страхѣ передъ Богомъ и вѣчными мученіями, для того, чтобы оно не выходило изъ повиновенія» ¹⁾. Кромѣ того, Мелье всѣмъ существомъ своимъ и уровнемъ своего духовнаго развитія настолько крестьянинъ, что промышленность и происшедшая или происходящая, благодаря ей развитію, революціи всѣхъ условій жизни, совершенно могла ускользнуть отъ его вниманія, такъ же, какъ и проблемы, которыя тогда представляли собою большіе города, какъ, напр., Ліонъ и Парижъ.

Основнымъ принципомъ новаго общества Мелье является положеніе, что люди отъ природы совершенно равны и притомъ не только въ юридическомъ, но прежде всего въ социальномъ отношеніи. Каждый гражданинъ имѣетъ право

¹⁾ Le Testament etc., III, стр. 391.

жить, пользоваться своей естественной свободой и своей долей въ благахъ этой жизни. Но это право на обезпеченное существованіе обуславливается обязанностью выполнять полезный трудъ для общества. Зло частной собственности уничтожено; всѣ блага и богатства земли составляютъ общую собственность. Всѣ жители одного города, мѣстечка или деревни объединяются въ одну большую семью, «считая себя братьями и сестрами, дѣтьми одного и того же отца, одной и той же матери. Поэтому они спокойно ведутъ совмѣстную жизнь, питаются одинаковой пищей, одинаково хорошо одѣваются, хорошо живутъ, хорошо спятъ и хорошо обуваются» ¹⁾). Подъ руководствомъ лучшихъ и мудрѣйшихъ людей общины, они всѣ, каждый въ своемъ ремеслѣ, занимается честнымъ и полезнымъ трудомъ для удовлетворенія своихъ потребностей, ибо, хотя всѣ они и равны, все же общество, именно потому, что это человѣческое общество, для выполненія своихъ цѣлей, для поддержанія порядка и снабженія своихъ членовъ необходимыми средствами къ жизни, нуждается въ извѣстномъ распредѣленіи людей и подчиненіи ихъ другъ другу. Последнее должно быть безусловно справедливымъ и хорошо разсчитаннымъ, и не должно ни возвышать однихъ чрезмерно, ни унижать другихъ. Не дѣти, глупцы и безумцы, не дурные и порочные люди, которые теперь, благодаря случайности рожденія, стоятъ во главѣ правительства, но мудрецы должны руководить и править другими и издавать хорошие законы, цѣлью которыхъ должно быть всегда общее благо. Если каждый будетъ исполнять честную работу, если блага земныя и плоды трудовъ и прилежанія гражданъ будутъ мудро распредѣляться, то всѣмъ будетъ хватать для довольной и счастливой жизни. Земля всегда почти производитъ достаточное количество необходимыхъ для пропитанія людей продуктовъ. Не рѣдко она производитъ ихъ даже въ избыткѣ. Въ такомъ благоустроенномъ обществѣ людямъ не пришлось бы заботиться ни о себѣ, ни о своихъ дѣтяхъ. Обманъ и надувательство исчезнуть; не будетъ больше процессовъ изъ-за имущества, изъ-за которыхъ никто уже не станетъ завидовать другому. Миръ общины не будетъ уже нарушаться ни кражей, ни буйствомъ.

Такимъ образомъ, общины мирно обрабатывали бы сообща свою землю и сообща наслаждались бы плодами своихъ трудовъ. Всѣ эти сельскія и городскія общины заключали бы между собою вѣчный миръ и союзъ, ибо безъ этого общее благо немислимо.

Въ этомъ новомъ федеративномъ обществѣ не будетъ новой религіи, ибо вѣра въ боговъ и въ ихъ изображенія снова сдѣлала бы людей несчастными, и если бы къ ней присоединилось упраздненіе общности имущества, снова повела бы къ старому рабству. Должно существовать только одно нравственное ученіе, основными принципами котораго должны быть справедливость и братство; оно даетъ людямъ благородство убѣжденій, научивъ ихъ трудиться для общаго блага и свободы. Но такъ какъ одинъ лишь свѣтъ истиннаго разума, а не ханжество можетъ привести людей къ совершенству въ наукѣ, искусствѣ и нравственности, невѣжество же и недостатокъ воспитанія дѣлаютъ людей порочными и злыми, то Мелье придаетъ величайшее значеніе воспитанію дѣтей. Между тѣмъ, какъ теперь многіе изъ нихъ страдаютъ отъ бѣдности и испорченности своихъ родителей или растутъ беззащитными сиротами, лишенными всякаго воспитанія и

¹⁾ Le Testament etc., II, стр. 211.

обученія, и нерѣдко вынуждены выпрашивать себѣ хлѣбъ у чужихъ дверей, въ государствѣ Мелье воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей занимается общество. Всѣ получаютъ одинаковое образованіе, какъ въ моральномъ, такъ и въ научномъ отношеніи, и такимъ образомъ становятся полезными членами общества. Во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ половъ также долженъ произойти полный переворотъ. вмѣсто нерасторжимаго католическаго брака, на который Мелье очень рѣзко нападаетъ, и пагубное вліяніе котораго на супруговъ и дѣтей, въ случаѣ неудачи выбора, онъ остроумно излагаетъ, явится свободное соединеніе двухъ совершенно равноправныхъ половъ, основанное на взаимной склонности. Такъ какъ лишь послѣдняя обезпечиваетъ счастливый бракъ, то онъ можетъ быть расторгнутъ тотчасъ же, какъ только склонность эта исчезнетъ, и новая склонность повлечетъ супруговъ къ вступленію въ новый бракъ.

Этотъ священникъ маленькой арденской деревушки, — удивительная личность. Онъ возмущается тѣмъ, что картезіанская школа не признаетъ за животными способности ощущенія и смотритъ на нихъ, какъ на простыя машины, онъ жадѣетъ о томъ, что нѣтъ больше на свѣтѣ тирано-убійцъ. Онъ вступаетъ въ споръ съ дворяниномъ, помѣщикомъ своей деревни, потому что послѣдній избилъ крестьянина, и терпѣливо переноситъ жизнь, которая представляетъ собой сплошное издѣвательство надъ всѣми его мыслями и чувствами. Собственныя страданія, — дѣтство Мелье было очень тяжелое, — и состраданіе къ бѣдствіямъ другихъ, со всею своей непосредственной силой воздѣйствовали на чуткую натуру, которая не могла понять, какъ Богъ любви могъ сдѣлать такими несчастными большинство людей. Несправедливость общественнаго строя, въ которомъ жилъ Мелье, поразила его смѣлый и свободный духъ, вывела его изъ равновѣсія и уничтожила покорность, которою грозила сковать его система его воспитанія. Такимъ образомъ, священническая сутана сдѣлалась для Мелье несовой одеждой ¹⁾, которая жгла его открытую, правдивую натуру огнемъ и превратила его природную доброту и мягкость въ ужаснѣйшую ненависть и горечь. Состраданіе къ тѣмъ, кто томился подъ почти невыносимымъ бременемъ жизни внушило ему слова ненависти ко всѣмъ угнетателямъ и эксплуататорамъ, слова, которыя своей демонической силой и теперь еще дѣйствуютъ на читателей. Гейне сказалъ когда-то про Канта: «Если бы добрые кенигсбергскіе бюргеры знали, какія разрушительныя мысли носятъ въ мозгу этого человѣка, съ которымъ они такъ любезно раскланивались, то они почувствовали бы передъ нимъ гораздо большій ужасъ, чѣмъ передъ палачомъ», но что такое Кантъ, въ сравненіи съ нашимъ священникомъ? Самъ дьяволъ не могъ показаться его прихожанамъ болѣе ужаснымъ и устрашающимъ, чѣмъ этотъ священникъ, который безпощадно сокрушалъ не только Бога и всѣ небесныя силы, но также короля и принцевъ, дворянство и духовенство.

¹⁾ Нессъ былъ центавръ, убитый Геркулесомъ. Послѣдній надѣлъ спую туннику, омоченную его ядовитой кровью и впоследствии могъ снять ее, явля сорвавъ вмѣстѣ съ кожей. Примѣч. перев.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Промышленность въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Въ совершенно иную область и притомъ на гораздо большую высоту заводитъ насъ первый великій французскій утопистъ Верассъ д'Алле. Изъ тѣсныхъ ограниченныхъ условий жизни мелкаго крестьянина и бѣднаго деревенскаго священника мы переносимся въ Лондонъ и Парижъ, два центра современной промышленности и торговли, изъ тишины деревенской жизни попадаемъ въ непрерывную городскую суету, на смѣлый, наполовину рискованный, наполовину строго рассчитанный путь, путь крупной торговли. Для Мелье, повидимому, промышленность, по крайней мѣрѣ какъ нѣчто самостоятельное, еще не существуетъ; онъ борется съ новымъ капиталистическимъ строемъ хозяйства лишь въ области его примѣненія къ земледѣлю, къ крупной арендѣ и превращенію крестьянъ въ деревенскихъ наемныхъ рабочихъ; Верассъ же, напротивъ, сынъ могуче развившагося при Кольберѣ индустриализма, проблемы котораго занимаютъ его больше всего. Его гугенотское происхожденіе,—въ рукахъ кальвинистовъ сосредоточивалась большая часть французской торговли и промышленности,—его поѣздки въ Англию и Голландію, изъ которыхъ въ особенности послѣдняя была наиболѣе промышленной страной той эпохи, наконецъ, его пребываніе въ Парижѣ во время управленія Кольбера, — все соединилось, чтобы дать ему основательное знаніе промышленности и правильный взглядъ на ея значеніе; въ то же время его обширныя географическія, историческія и политическія познанія помогли ему въ изученіи реальныхъ и идеальныхъ коммунистическихъ обществъ, каковы государство перуанцевъ и идеальное государство Мора, расширили его умственный кругозоръ и дали ему въ руки оружіе критики, которымъ онъ сумѣлъ воспользоваться съ величайшимъ успѣхомъ. Ниже мы рассмотримъ въ отдѣльности моменты, содѣйствовавшіе его развитію, и покажемъ, въ чемъ заключается оригинальность и успѣхъ его утопіи, здѣсь же теперь обратимся исключительно къ важнѣйшему фактору ея и дадимъ, правда, лишь ограниченное, описаніе французской промышленности, чтобы съ помощью его показать, какъ въ дѣйствительности могла появиться книга, подобная книгѣ Верасса. Для этой цѣли намъ необходимо обратиться къ исторіи промышленности съ начала XVI столѣтія.

Три большія группы войнъ занимаютъ XVI столѣтіе во французской исторіи: войны Карла VIII и Людовика XII въ Италіи, войны Франциска I съ Карломъ V и, наконецъ, религіозныя войны. Однако, въ то время, какъ послѣднія войны разорили въ конецъ земледѣліе, промышленность и торговлю, обѣ первыя оказали чрезвычайно выгодное вліяніе на развитіе французской промышленности. Французы, еще въ концѣ XV столѣтія полудикій народъ, вступили въ непосредственныя сношенія съ наиболѣе развитой націей Европы, италійцами. Къ началу XVI столѣтія италійскія государства, безъ сомнѣнія, достигли высшей степени своего промышленнаго расцвѣта. Венеція славилась своими шелковыми и суконными мануфактурами, а также прядильнями, красильнями и выдѣлкой кожи; ея кружева были ни съ чѣмъ несравнимы. Венеціанскіе сахарорафинадные, мыловаренные и стеклянные заводы, зеркальныя фабрики и типографіи снабжали

весь міръ своими продуктами и вызывали повсюду удивленіе и восхищеніе. Флоренція была не менѣе промышленнымъ городомъ, ея суконная промышленность занимала цѣлыхъ 30.000 рабочихъ. Остается еще назвать Геную и Миланъ. Въѣтъ съ промышленностью и торговлей развилась и вся система капиталистическаго хозяйства: банковое дѣло, особенно во Флоренціи, въ Венеціи обращеніе бумажныхъ денегъ, статистическія бюро и т. д. Вполнѣ естественно, что непосредственное соприкосновеніе французовъ съ столь высоко развитыми условіями жизни должно было оказать на нихъ чрезвычайно сильное вліяніе. Карль VIII привезъ съ собой изъ Неаполя во Францію цѣлую колонію архитекторовъ, скульпторовъ, художниковъ и ремесленниковъ. Его спутники изучили въ Неаполѣ и его окрестностяхъ крупное производство шелка и рѣшили пересадить его на французскую почву. Интересно послушать, что говоритъ по этому поводу Оливье де-Серръ, который, спустя сто лѣтъ, сдѣлалъ очень много для привитія культуры шелка во Франціи. «Нѣкоторые дворяне, — рассказываетъ онъ въ своемъ знаменитомъ «Théâtre d'agriculture», — изъ свиты Карла VIII, замѣтили въ неаполитанскомъ королевствѣ обиліе шелка и захотѣли набрать его во Францію, чтобы снабдить этимъ продуктомъ свои дома. Поэтому, по окончаніи итальянскихъ войнъ, они вывезли изъ Неаполя тутовое дерево и развели его въ Провансѣ, при чемъ незначительная разница въ климатѣ обѣихъ странъ облегчила предпріятіе» ¹).

Въ стараніяхъ привить во Франціи итальянскую промышленность гораздо далѣе Карла VIII вошли Людовикъ XII и его министръ, кардиналъ д'Амбуазъ, въ особенности же Францискъ I, и лучшимъ доказательствомъ того, что дѣятельность ихъ не осталась безрезультатной, можетъ служить свидѣтельство венеціанскихъ пословъ при французскомъ дворѣ. Не безъ нѣкоторой зависти рассказываютъ они о быстромъ расцвѣтѣ французской промышленности и о конкуренціи, которой эта послѣдняя угрожаетъ ихъ отечественнымъ мануфактурамъ ²). Въ нижней Нормандіи и Пикардіи водворилась шерстяная промышленность. Изъ лучшей французской шерсти выдѣлывалось обыкновенное сукно, а тончайшая англійская и испанская шерсть перерабатывалась въ самые цѣнные продукты. Было также значительно развито и процвѣтало производство полотна. Льнопрядильни имѣлись въ Лавалѣ, Камбре, Реймсѣ и въ Бовуази. Полотно вывозилось въ Англію, Испанію и Италію. Большіе успѣхи также сдѣлала шелковая промышленность въ Турени, гдѣ въ Турѣ свыше 8.000 станковъ занимались тканьемъ итальянскаго и испанскаго шелка (1546); тоже можно сказать и о ювелирной и ножевой отрасляхъ промышленности. Вообще Франція съ большимъ успѣхомъ и энергіей выступила на дорогу промышленности; продолжительныя войны Франциска I и Генриха II съ Габсбургскимъ домомъ прервали ея развитіе, а затѣмъ безпрерывныя повышенія вывозныхъ пошлинъ, практикуемыя изъ фискальныхъ соображеній, сдѣлали невозможной всякую торговлю, а въѣтъ съ тѣмъ уничтожили также и промышленность. Окончательный разгромъ ея произвели религіозныя войны. Лишь съ умиротвореніемъ Франціи Генрихомъ IV начинается

¹) Théâtre d'agriculture, кн. V, гл. XV.

²) Смотри эти донесенія въ Collection des Documents inédits sur l'histoire de la France. Оно относится къ періоду 1528—1560 гг., въ который происходитъ первый расцвѣтъ французской промышленности.

новый периодъ промышленнаго расцвѣта. Побуждаемый Оливье де Серъ и Бартеlemi де Лаффема, король очень энергично принялся за оживленіе мануфактуръ и оказалъ свою поддержку и поощреніе прежде всего и главнымъ образомъ производству предметовъ роскоши, не забывъ, впрочемъ, и отраслей, производящихъ предметы необходимости. Оливье де Серръ, давшій въ своемъ *Théâtre d'agriculture* первое руководство къ сельскому хозяйству, занялся главнымъ образомъ шелковой промышленностью и посвятилъ одну главу своей книги описанію лучшихъ пріемовъ акклиматизаціи культуры шелка во Франціи ¹⁾. Еще большее значеніе для промышленности имѣла дѣятельность Бартеlemi де Лаффема. Въ 1598 году онъ представилъ Генриху IV изложенную въ формѣ королевскаго эдикта памятную записку, въ которой развивалъ цѣлую программу индустріальной политики. Онъ начиналъ съ указанія, что Парижъ, Лионъ и Туръ уже въ прежніе годы показали, что они въ состояніи перерабатывать и красить шелкъ такъ же хорошо, какъ и извѣстнѣйшіе въ этомъ отношеніи города Италіи; что Шикардія, Шампань и Байона могутъ изготовлять столь же доброкачественныя полотна, какъ и Фландрія, что лангедокскія кружева такъ же тонки, какъ и голландскія, и что, наконецъ, покрывала, изготовляемыя въ Реймсъ и Амьенѣ, лучше, чѣмъ какія бы то ни было другія. Смѣшно продавать за границу сырые продукты, каковы ленъ, конопля, шерсть, чтобы снова получать ихъ назадъ въ обработанномъ видѣ. Если Франція сама займется ихъ обработкой, то вмѣстѣ съ тѣмъ значительно уменьшится количество бѣдняковъ, которые и бѣдны вслѣдствіе безработицы. Итакъ Франція вполне въ состояніи сдѣлаться промышленной страной и для нея даже будетъ въ высшей степени выгодно сдѣлаться ею. Для достиженія этой цѣли Лаффема предлагалъ прежде всего запретить ввозъ продуктовъ иностранной обрабатывающей промышленности, за исключеніемъ хорошихъ книгъ и предметовъ искусства, а также вывозъ всѣхъ сырыхъ продуктовъ и полуфабрикатовъ. Съ другой стороны онъ указывалъ, какъ необходимую мѣру, уничтоженіе всѣхъ внутреннихъ таможенныхъ границъ и замѣну всѣхъ налоговъ, обременяющихъ торговлю, однимъ единственнымъ, взимаемымъ впредь въ размѣрѣ съ одного су съ каждого ливра продаваемаго въ предѣлахъ государства зерна, равно какъ и другихъ товаровъ. Учрежденіе должности генеральнаго контролера и созданіе постоянной торговой палаты, задача которой состояла въ разсмотрѣніи нуждъ торговли и улучшеніи этой области законодательства и надзора въ случаѣ надобности, заканчивали цѣлый рядъ его важнѣйшихъ предложеній ²⁾.

Такъ старался Лаффема сразу вымести изъ своей земли безконечныя разнообразія и дифференціацію, благодаря которымъ феодализмъ, посредствомъ таможенныхъ и иныхъ границъ, разбилъ всю Францію на безчисленное количество отдѣльныхъ территорій, и установить для всей страны единообразіе, въ которомъ торговля того времени нуждалась такъ же, какъ и промышленность. Мысль эта была принята Кольберомъ, но и онъ осуществилъ ее лишь отчасти, пока

¹⁾ *La cueillète de la soye* въ *Théâtre d'agriculture*, ч. V, гл. XV, изд. Парижъ 1805 г., II, стр. 111.

²⁾ См. докладную записку Лаффема (также дѣятельность торговыхъ палатъ) въ *Collection des Documents inédits sur l'histoire de la France. Mélanges historiques* т. IV, стр. XV—XXXIII.

наконецъ французская революція не уничтожила названій старыхъ провинцій, не раздѣлила страны на извѣстное количество департаментовъ и, вмѣстѣ съ единствомъ административнымъ, не установила коммерческаго единства. Генрихъ IV осуществилъ лишь послѣднее предложеніе Лаффема: посредствомъ Lettres patentes отъ 20-го іюля 1602 года, онъ учредилъ торговую палату. Учрежденіе это первымъ дѣломъ обратило свое вниманіе на шелковую промышленность — развитіе этой промышленности до крупныхъ размѣровъ въ Лионѣ относится именно къ этому времени,—а затѣмъ также и на шерстяную промышленность, на производство холста въ предмѣстьяхъ Руана и на другія отрасли производства. Производствомъ ковровъ и gobelеновъ, а также хрустали и зеркалъ обязано своимъ возникновеніемъ тоже Генриху IV, который соблазнилъ венеціанскихъ мастеровъ высокою заработной платой и другими льготами, помогъ имъ тайно переселиться изъ Венеціи во Францію и натурализовалъ ихъ тамъ, чтобы защитить отъ местн изъ родного города. Однимъ словомъ, французская промышленность въ царствованіе Генриха IV пережила снова полное возрожденіе; но регентство Маріи Медичи скоро положило конецъ ея развитію. Ришелье былъ слишкомъ политикъ, и слишкомъ занятъ войной съ Габсбургскимъ домою, чтобы имѣть возможность обратить вниманіе на промышленность; при томъ же эпоха Fronды была эпохой полнаго разгрома Франціи, — тутъ ужъ было не до промышленности! Лишь въ послѣдніе годы правленія Мазарини, при министрѣ финансовъ Фуке, разоренная страна начала снова оживать, и Кольберъ ускорилъ переходъ вновь развившихся жизненныхъ силъ и энергій на путь промышленной дѣятельности. Какъ и Генрихъ IV до него, онъ также начинаетъ съ возстановленія отраслей промышленности, изготовляющихъ предметы роскоши, а затѣмъ все болѣе и болѣе распространяетъ свою поддержку на полезныя отрасли. Такъ онъ создалъ «Manufacture royale des meubles de couronne», управленіе которой поручилъ Ле Брюну, и съ этой же цѣлью собралъ въ Hôtel des Gobelins художниковъ, скульпторовъ, ювелировъ, искусныхъ столяровъ, короче говоря, всѣхъ опытѣйшихъ мастеровъ всѣхъ отраслей производства meubles, т.-е. всѣхъ предметовъ, служащихъ для обмѣблированія и декорированія дворцовъ. Далѣе онъ учредилъ двѣ новыя фабрики ковровъ, изъ которыхъ, впрочемъ, одна въ Бове прекратила свое существованіе, вслѣдствіе своихъ высокихъ цѣнъ. Но самаго колоссальнаго развитія достигъ при управленіи Кольбера Лионъ. Шелковая промышленность была основана въ Лионѣ Людовикомъ XI, первоначально противъ желанія обитателей города, но затѣмъ въ 1469 году была перенесена въ Турь ¹⁾, гдѣ очень скоро достигла полнаго расцвѣта. Разведеніе большихъ плантацій тутоваго дерева Генрихомъ IV и Оливье де Серръ снова перенесло центръ тяжести этой промышленности изъ Тура въ Лионъ; тому же содѣйствовало переселеніе туда Францискомъ I изъ Милана многихъ семей, занимающихся тканьемъ шелка, и уже въ началѣ XVII столѣтія Лионъ побилъ всякую конкуренцію своими искусными и прекрасными по качеству фабрикатами. Благодаря поддержкѣ Кольбера, городу удалось достигнуть монополіи на европейскомъ рынкѣ. Въ союзѣ съ Шарье, тогдашнимъ купеческимъ старшиною, Кольберъ осваивалъ фабрики шелковыхъ матерій, бархата, парчи, шелковыхъ чулокъ и т. д., съ помощью Lettres Pa-

¹⁾ См. Vital de Valour, Etienne Turquet et les origines de la fabrique lyonnaise, Лионъ, 1868 г.

tentes, привилегій, денежных подарковъ, запрещенія ввоза, короче говоря, съ помощью всѣхъ возможныхъ средствъ, съ успѣхомъ занимался искусственнымъ насажденіемъ промышленности, такъ что въ 1685 году въ Лионѣ вѣсчитывалось около 13.000 ткацкихъ станковъ, но число это, спустя 20 лѣтъ, благодаря преслѣдованію гугенотовъ и начавшейся войнѣ, упало до 2.000 штукъ и лишь въ 1753 году снова возросло до прежнихъ размѣровъ.

Въ другихъ отрасляхъ промышленности дѣло обстояло также какъ и въ шелковой. Съ помощью тайнаго привоза иностранныхъ рабочихъ, въ чемъ Кольберъ слѣдовалъ примѣру царствовавшихъ раньше королей, особенно Генриха VI, онъ пересаживалъ иноземную промышленность на французскую почву; такъ было, напр., съ венеціанскимъ производствомъ кружевъ и зеркалъ. Первая зеркальная фабрика была основана въ 1665 году, въ Сенъ-Антуанскомъ предмѣстьи Парижа, а вскорѣ за ней и другая, въ Неверѣ; Реймсъ сдѣлался центромъ новой промышленности, кружевной. Но Кольберъ не ограничивался отраслями производства предметовъ роскоши; онъ ввелъ суконную мануфактуру изъ Англии и въ особенности изъ Фландрій, съ продуктами которыхъ произведенія французскихъ фабрикъ не могли конкурировать ни въ отношенія прочности, ни въ отношенія красоты. Производство тонкихъ суконъ во Франціи ведетъ свое начало съ учрежденія Кольберомъ фабрики Робе въ Аббевилѣ, гдѣ вскорѣ на трехъ фабрикахъ работало уже 1692 рабочихъ и работницъ. Старыя суконныя мануфактуры въ Седанѣ, Лувьерѣ, Эльбефѣ были преобразованы и поставлены на уровень современной техники. Для поддержки суконной промышленности Кольберъ запретилъ въ 1666 году ввозъ всѣхъ англійскихъ шерстяныхъ матерій и съ помощью тарифа 1667 года обложилъ импортъ изъ Испаніи, Фландрій и другихъ мѣстъ высокими пошлинами. Статистическое изслѣдованіе 1669 года показываетъ, что подъ защитой тарифа работало 34.200 станковъ, производившихъ 671.000 кусковъ сукна, и занимавшихъ 60.000 рабочихъ. Также поддерживалъ Кольберъ и чулочнo-вязальное производство. Нѣкому купцу, по имени Камюзе, онъ выдалъ привилегію на эксплуатацію этого производства; городскіе и деревенскіе меры должны были доставлять ему удобныя мастерскія и принуждать безработныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, начиная съ десятилѣтняго возраста, работать въ нихъ. Безконечное число другихъ отраслей промышленности, распространяться о которыхъ здѣсь не мѣсто, поддерживались подобнымъ же образомъ. Докладныя записки, въ которыхъ интенданты сообщаютъ, въ концѣ управленія Кольбера, о состояніи своихъ округовъ, даютъ прекрасное изображеніе промышленной дѣятельности Франціи ¹⁾. Никогда еще французская промышленность не была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, и Франція стояла на вѣрномъ пути къ тому, чтобы сдѣлаться самой промышленной страной Европы; но послѣ смерти Кольбера, благодаря безсмысленной военной и церковной политикѣ Людовика XIV, новыя мануфактуры погибли съ такою же почти быстротою, съ какой достигли своего расцвѣта. Дѣло въ томъ, что большая часть промышленности, благодаря политикѣ, которой придерживалось правительство, сконцентрировалась въ рукахъ гугенотовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Ришелье уничтожилъ ихъ политическую самостоятельность и Нимскимъ эдиктомъ положилъ конецъ всѣмъ ихъ возмущеніямъ, пре-

¹⁾ Болѣе подробныя выдержки у Levasseur, Histoire des classes ouvrières en France jusqu'à la Révolution, Парижъ, 1859 г., II, стр. 259—277.

кратилось и существованіе ихъ государства въ государствахъ. Хотя имъ и представили религіозную свободу, — Мазарини и здѣсь вполнѣ слѣдовалъ политикѣ Ришелье и сумѣлъ такъ расположить гугенотовъ къ королевской власти, что называлъ ихъ своимъ «вѣрнымъ стадомъ» (*troupeau fidèle*), — но, несмотря на это, ихъ лишили всѣхъ придворныхъ и большинства государственныхъ должностей, а также участія въ промышленныхъ корпораціяхъ. Такъ какъ и въ арміи ихъ неохотно терпѣли и разумѣется лишь медленно повышали въ чинахъ, чему прирѣжъ можетъ служить нашъ Верасъ, — то имъ въ сущности оставалось только земледѣліе, промышленность и торговля, единственныя области дѣятельности, въ которыхъ они могли заниматься. Обладая въ общемъ болѣе высокімъ развитіемъ, чѣмъ католическое населеніе, и, благодаря своей религіи, находясь въ тѣснѣйшей связи съ наиболѣе трудолюбивыми промышленными протестантскими націями, какъ Голландія, Англія и Швейцарія, гугеноты безъ труда захватили въ свои руки почти всѣ вновь возникающія во Франціи производства. Большая часть морской торговли Бордо и Ла Рошели находилась въ ихъ рукахъ; въ Седанѣ, Аббевилѣ, Лувьерѣ, Эльбефѣ, Реймсѣ, въ Оверни, Турѣ и Лионѣ они также занимали господствующее положеніе какъ по своимъ капиталамъ, такъ и по количеству получаемыхъ продуктовъ суконнаго, шелковаго, полотнянаго и бумажнаго производства. Кольберъ, этотъ организаторъ современнаго индустриализма, всегда принималъ ихъ подъ свою защиту и насколько могъ, препятствовалъ преслѣдованіямъ, которыми имъ угрожали лицемѣрные приближенные ограниченаго короля. Спустя два года послѣ его смерти былъ отмѣненъ Нантскій эдиктъ, и началась эмиграція гугенотовъ. вмѣстѣ съ собой они унесли свои таланты, свое духовное превосходство, богатую сокровищницу опыта, которую они накопили во всѣхъ областяхъ промышленности годами прилежнаго труда, наконецъ, свои значительные капиталы, и, какъ миссіонеры французской промышленности, понесли все это въ большинство государствъ Европы, которыя оказали имъ радушный пріемъ¹⁾. Вскорѣ послѣ отмѣны эдикта и выселенія гугенотовъ интендантъ Турени констатировалъ, что шелковая промышленность въ Турѣ, занимавшая прежде 40.000 рабочихъ, включая женщинъ и дѣтей, занимаетъ ихъ теперь лишь 4.000, что число ткацкихъ станковъ съ 8.000 упало до 1.200, а число станковъ, приготавливающихъ ленты, съ 3.000 понизилось до 60. Лионъ понесъ такія же потери: число ткацкихъ станковъ въ немъ съ 13.000 сошло на 4.000.

Въ XII столѣтіи во Франціи возникла и начала развиваться крупная мануфактура. Само собою разумѣется, что она не могла не оказать вліянія на положеніе людей, въ ней занятыхъ; но во всякомъ случаѣ измѣненіе этого положенія далеко не было такимъ радикальнымъ и всеобщимъ, какъ это ныне склонны предполагать. Не слѣдуетъ забывать, что всѣ продукты текстильной промышленности и прялись, и ткались ручнымъ способомъ, и что значительное количество ткацкихъ станковъ, особенно для изготовленія обыкновенныхъ матерій, работало въ домахъ деревенскихъ обитателей или на отдѣльныхъ маленькихъ хуторахъ; вообще, соединеніе земледѣльческаго промысла съ домашней промышленностью было чрезвычайно распространено. Введенныя Генрихомъ IV производства шелка, ковровъ, кружевъ совсѣмъ почти не развивались первоначально

¹⁾ Ch. Gourand, Histoire de la politique commerciale. Парижъ, 1854 г., стр. 282 и слѣд.

въ городахъ, а только въ деревняхъ, куда они укрылись отъ зависти и враждебности городскихъ корпорацій. Кольберъ поставилъ своей первой и необходимою цѣлью освободить эту деревенскую домашнюю промышленность отъ препятствій и затрудненій, которыя ставили на ихъ пути корпораціи сосѣднихъ городовъ. Отъ толчка, который онъ далъ ткачеству и ряденію шерсти, льна и конопли, старый порядокъ вовсе не измѣнился, увеличилось лишь количество совершаемой въ домашней промышленности работы. Результатомъ этого промышленнаго развитія первоначально явился, такимъ образомъ, лишь ростъ домашнего производства: обстоятельство это далеко не вызвало опустѣнія деревни и переносленія городовъ, и въ большинствѣ случаевъ благотворно отразилось на сельскомъ населеніи. Тѣмъ не менѣе, промышленныя учрежденія Кольбера имѣли уже тенденцію въ извѣстной мѣрѣ производить работу въ мануфактурахъ, вмѣсто индивидуальной работы за отдѣльными станками. Интересно прослѣдить эту борьбу между домашнимъ производствомъ и мануфактурой въ новыхъ отрасляхъ производства, напр., въ производствѣ тонкихъ кружевъ. Первоначально тонкія кружева изготовлялись только въ Венеціи. Потомъ, когда Кольберу удалось добыть секретъ ихъ изготовленія, онъ сталъ стремиться сдѣлать эти новыя кружева, которымъ онъ далъ названіе «point de France», предметомъ національнаго производства. Поэтому онъ учредилъ товарищество, которому далъ исключительную привилегію изготовленія этихъ кружевъ и право вести производство во всѣхъ провинціяхъ королевства. Производство это возникло въ Реймсѣ, Бурбонне, Оверни и въ Нормандіи. Реймская мануфактура насчитывала, напримѣръ, въ самомъ началѣ 58 работницъ, а къ концу перваго года своего существованія 120; мануфактура въ Буржѣ имѣла 140 работницъ. При основаніи товарищества Кольберъ преслѣдовалъ двоякую цѣль: во-первыхъ, сдѣлать Францію независимой отъ иностраннаго производства, и во-вторыхъ, распространить по всей странѣ промышленность. Такъ какъ онъ выдалъ предпринимателямъ исключительную привилегію, то производство всякихъ иныхъ кружевъ было запрещено, и кружевницы, изготовлявшія раньше кружева другихъ сортовъ, принуждены были обучаться на-ново. Кромѣ того, предприниматели нашли для себя болѣе удобнымъ давать работу лишь тѣмъ кружевницамъ, которыя являлись на работу въ устроенныя ими мастерскія. Такъ какъ значительная часть работницъ была привязана къ дому, то такое рѣшеніе предпринимателей привело лишь къ борьбѣ между ними и работницами. Изъ 900 дѣвушекъ, изучившихъ въ Буржѣ технику этого кружевного производства, въ мастерскихъ осталось лишь 140, въ то время какъ остальные конкурировали съ ними, работая на дому. Въ Алансонѣ дѣло дошло почти до возстанія. Тамъ, уже въ теченіе долгаго времени, въ городѣ и его окрестностяхъ производился извѣстный сортъ обыкновенныхъ кружевъ, и этимъ производствомъ жило около 8.000 женщинъ и дѣтей. Когда же, путемъ введенія новаго образца, а также принужденія работать въ мастерскихъ ихъ хотѣли лишити работы, то вспыхнуло возстаніе, и агентъ Кольбера былъ избитъ почти до смерти возмущенными женщинами. Предложеніе посредничества работницами было отвергнуто; но несмотря на примѣненіе насильственныхъ мѣръ, изъ 8.000 работницъ администраціи не удалось привлечь къ новому способу производства въ мастерскихъ болѣе 250 человекъ.

Помимо объединенія въ одной отрасли промышленности большихъ массъ рабочихъ, мы должны рассмотретьъ вліяніе новаго способа производства еще въ

двух отношеніяхъ: въ отношеніи образованія новаго класса предпринимателей и новаго класса рабочихъ. Внутри цеховъ мануфактура, основной чертой которой является крупное производство, не могла развиваться, такъ какъ была со всѣхъ сторонъ сдавлена и связана. Лишь въ цеховъ могла она найти достаточно простора для своего роста и необходимую свободу движеній для своихъ членовъ. Возникъ новый классъ мастеровъ, пополнявшійся хозяевами и управляющими мануфактуръ, который не принадлежалъ ни къ одной старой корпораціи и въ то же время не образовалъ никакой новой. Они находились непосредственно подъ покровительствомъ короля и въ большинствѣ случаевъ пользовались чрезвычайными привилегіями; лишь съ помощью королевскихъ денегъ и власти, а также прибрѣтенныхъ монополій, они были въ состояніи начать борьбу съ завидующими имъ и прямо враждебно настроенными корпораціями. Монополіи необходимо было противопоставить монополію же. Этотъ новый классъ монополистовъ, благодаря развитію сосредоточенной въ ихъ рукахъ все революціонизирующей крупной промышленности, уничтожилъ всѣ законныя привилегіи старыхъ монополистовъ, чтобы позже замѣнить ихъ благоприятной для себя экономической монополіей. Название «Manufacture royale», которое Кольберъ далъ созданіямъ рукъ своихъ, было самой дѣйствительной охранной грамотой, защищавшей ихъ отъ процессовъ и инспекціи корпорацій и подвергавшей ихъ лишь государственной инспекціи, какъ подчиненныхъ непосредственно государственной власти. Кто работалъ *par privilège du roi*, тотъ могъ лишь пожимать плечами въ отвѣтъ на всѣ нападки цеховыхъ мастеровъ. Хотя такой промышленникъ также не былъ свободенъ отъ регламентаціи, но регламентація эта не только исходила отъ короля, но также и выполненіе ея находилось подъ наблюденіемъ короны, чиновники которой, въ противоположность чиновникамъ конкурирующихъ цеховъ, не имѣли никакого интереса путемъ разныхъ придирокъ вредить предпринимателю въ его дѣлѣ. Регламентація Кольбера стремилась, какъ въ интересахъ потребителей, такъ и въ интересахъ самой зарождающейся промышленности, воздѣйствовать на доброкачественность товаровъ; отсюда предписаніе употреблять новѣйшіе и лучшіе способы производства, отсюда же часто до мелочей доходящія распоряженія относительно ширины сукна, длины кусковъ и т. д., а также суровые штрафы, налагаемые на недобросовѣстныхъ предпринимателей, отсюда же, наконецъ, принципъ, что ни одна мануфактура, ни одно промышленное предпріятіе не можетъ быть учреждено безъ королевскаго разрѣшенія.

Въ законодательствѣ относительно рабочихъ въ мануфактурахъ Кольберъ не сдѣлалъ никакого измѣненія. Персональ, которымъ мануфактуры пользовались, онѣ нашли, въ сущности, уже подготовленнымъ системою корпорацій: это были рабочіе, которымъ не было возможности сдѣлаться мастерами цеха, и которые занимались своимъ ремесломъ, какъ свободные рабочіе, въ одиночку, въ деревняхъ, небольшихъ городахъ и предмѣстьяхъ крупныхъ городовъ. Эти выброшенные изъ своей среды корпораціями рабочія силы мануфактура привлекла къ себѣ, зачислила въ свои кадры и образовала изъ нихъ новый классъ привилегированныхъ рабочихъ¹⁾. Дѣйствительно положеніе многихъ изъ нихъ было настолько выгодно, что среди нихъ возникла даже тенденція монополизировать такое положеніе для своей семьи и передать его своимъ дѣтямъ. Въ зеркальномъ, ковро-

-) Cp. Du Cellier, Histoire etc., стр. 252 и слѣд.

вомъ и бумажномъ производствахъ среди нихъ образовались настоящія корпораціи, существованіе которыхъ умышленно игнорировалось властями. Надо было быть сыномъ или племянникомъ рабочаго, чтобы попасть въ этотъ союзъ (*compagnonnage*), существованію котораго благопріятствовали регламенты мануфактуръ, такъ какъ они обезпечивали старымъ рабочимъ пенсію и доставляли работу ихъ семьямъ. Далѣе, такъ какъ почти во всѣхъ грамотахъ на привилегію обозначались не только максимальныя цѣны товаровъ, но также давались серьезныя гарантіи противъ ихъ пониженія, и по этой, а также и по другимъ причинамъ конкуренція между предпринимателями была или очень мала, или даже совсѣмъ отсутствовала, то въ этотъ первый періодъ развитія промышленности рабочіе получали почти неизмѣняющуюся плату. Рабочимъ въ мануфактурахъ вовсе не надо было тратить время на обязательное обученіе; также мало нужно имъ было и свидѣтельство на званіе мастера, все равно отъ пеха или отъ правительства, чтобы заниматься на фабрикѣ своимъ ремесломъ. Но если съ этой стороны они пользовались необыкновенной свободой, за то во время работы въ мастерскихъ и даже внѣ ихъ, они подвергались чрезвычайно строгому надзору. При каждой попыткѣ какимъ-либо способомъ уклониться отъ выполненія заключеннаго контракта, на сцену тотчасъ выступала полиція со всей полнотою имѣющейся въ ея распоряженіи власти. Каждое отступленіе отъ фабричной дисциплины трактовалось полицейскими судьями, которымъ фабричныя рабочіе были непосредственно подчинены, какъ преступленіе противъ общественной безопасности. Фабричныя правила были необыкновенно строги и подчиняли жизнь рабочихъ также и внѣ фабрики множеству всякихъ предписаній. Правила на мануфактурѣ золотой парчи въ Сенъ-Морѣ, гдѣ работало вѣсколько сотъ человѣкъ, могутъ служить тому прекраснымъ примѣромъ¹⁾. Работа начинается съ наступленіемъ дня; рабочіе моютъ руки, крестятся, читаютъ утреннюю молитву и становятся на работу. Во время работы запрещалось не только браниться или шутить, но даже что либо разсказывать, ибо это могло развлекать рабочихъ. Ткачи почти не прерывали своей работы; все необходимое приносилось имъ помощниками, которые за общій счетъ рабочихъ содержали въ чистотѣ помѣщенія и зимой топили ихъ. Рабочимъ запрещалось ходить въ другія фабричныя помѣщенія, равно какъ и расхаживать въ своемъ. Малѣйшая утайка матеріала или инструмента строго наказывалась, какъ воровство. Для обѣда дѣлался часовой перерывъ; завтракъ и полдникъ съѣдался въ зданіи мануфактуры, при чемъ для каждаго изъ нихъ дѣлался получасовой перерывъ. Каждую субботу рабочій долженъ былъ расплачиваться съ своимъ квартирнымъ хозяиномъ, въ противномъ случаѣ послѣдній имѣлъ право конфисковать его мебель и одежду. Далѣе, каждый рабочій давалъ клятву вѣрно хранить секреты производства, насколько они были ему извѣстны, и обѣщалъ вести себя хорошо какъ на фабрикѣ, такъ и внѣ ея, посѣщать по праздникамъ обѣдню, позволять себѣ лишь благопристойныя развлеченія — распутство и попойки, игравшія столь видную роль въ братствахъ, были строжайше запрещены, — и наконецъ къ 10 часамъ вечера бывать дома.

Въ такомъ приблизительно видѣ представляется изслѣдователю положеніе

¹⁾ Напечатано у Levasseur, Histoire des classes ouvrières en France jusqu'à la Révolution II, стр. 520.

французской промышленности при Кольберѣ. Неутомимая, полная энергіи, дѣятельная жизнь ключемъ была во Франціи въ теченіе болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго управленія этого необыкновеннаго человѣка. Современная мануфактура совершила свое побѣдоносное вторженіе во Францію и тотчасъ же обнаружила здѣсь, какъ и вездѣ, обѣ свои характерныя черты, а именно способность сгущивать большія массы рабочихъ въ крупныхъ предіриятіяхъ, разлагать процессъ производства на отдѣльныя манипуляціи и съ другой стороны превращать самостоятельные процессы производства въ частичные процессы новаго, соединяющаго ихъ въ себѣ процесса производства. Достаточно привести примѣръ: основанная Ванъ Робе мануфактура имѣла 1.692 рабочихъ; въ ней имѣлись различныя мастерскія: столярная, слесарно-кузнечная, прачешная, красильная и т. д.; въ ткацкихъ мастерскихъ работали самые разнообразныя рабочіе — ткачи, подручные, сортовщики шерствъ, плющильщицы, шпудльницы, золотошвейки и т. д. Таковы двѣ эти черты, скорѣе лишь намѣченныя, но еще не проведенныя, охваченныя гениальнымъ взглядомъ Верасса, къ которому мы теперь и обратимся. Онъ прослѣдилъ эти тенденціи мануфактуры во всей ихъ послѣдовательности и построилъ на нихъ свою систему коммунистическаго государства. Въ этомъ именно и заключается причина того, почему его сочиненіе во многихъ отношеніяхъ представляетъ шагъ впередъ въ сравненіи съ «Утопіей» Томаса Мора.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Верассъ.

О жизни Дениса Верасса д'Алле — таково его полное имя, — намъ извѣстно чрезвычайно мало. По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ онъ былъ буржуазнаго происхожденія и назывался д'Алле по имени небольшого городка, Алле, въ Лангедокѣ, гдѣ католическое и протестантское вѣроисповѣданія были почти одинаково сильны, и поэтому религіозная экзальтація достигала высшей степени; но другимъ источникамъ онъ происходилъ изъ дворянской семьи той же провинціи. Шестнадцати лѣтъ Верассъ вступилъ во французскую армію и принималъ участіе въ походѣ въ Пьемонтъ, но вскорѣ затѣмъ оставилъ военное поприще и занялся изученіемъ права. Достигнувъ степени доктора, онъ отправился въ Англію, «чтобы проникнуть въ интриги англійскаго двора и изучить законы управленія этой страной». Въ 1665 году онъ находился на «Адмиралѣ Англіи», которымъ командовалъ во время морской войны съ Голландіей герцогъ Йоркскій, но затѣмъ чрезъ нѣкоторое время долженъ былъ покинуть Англію, такъ какъ его заподозрили въ соучастіи въ интригахъ одного англійскаго министра (лордъ Кларендонъ, 1667 г.?). Онъ снова вернулся въ Парижъ и въ 1672 году принялъ участіе въ походѣ противъ Голландіи. Но такъ какъ онъ увидѣлъ, что вражда къ реформистской партіи, къ которой принадлежалъ и онъ, все болѣе и болѣе разгорается, и понялъ полную безнадежность движенія по службѣ, то бросилъ военную службу вторично и старался найти себѣ въ Парижѣ средства къ существованію преподаваніемъ французскаго и англійскаго языковъ. Плодомъ

его дѣятельности на этомъ поприщѣ является «Grammaire méthodique, contenant les principes de cet art et les règles les plus nécessaires de la langue française dans un ordre clair et naturel, 1681, 12°», чрезвычайно расхваленная аббатомъ де ла Рокъ въ Journal des Savants, такъ же какъ и «A short and methodical Introduction to the French tongue, composed for the particular use and benefit of the English by D. V. d'Allais, a teacher of the French and English tongues et Paris 1683, 12°». Въ течение зимы Верассъ обыкновенно также читалъ лекціи по исторіи и географіи, которыя усердно посѣщались людьми науки ¹⁾. О времени его смерти ничего неизвѣстно. — въ 1675 году появилась первая часть главнаго сочиненія Верасса «Исторіи Севарамбовъ», книга, которой мы въ исторіи французской литературы должны отвести такое же мѣсто, какое занимаетъ «Утопія» Томаса Мора въ англійской. Эта первая часть была написана Верассомъ сначала по англійски и появилась въ Лондонѣ. Все сочиненіе цѣлкомъ вышло въ свѣтъ въ 1677—1679 гг. на французскомъ языкѣ въ Парижѣ, и очень скоро было переведено на голландскій, нѣмецкій и итальянскій языки. Въ самой Франціи появился цѣлый рядъ изданій — признакъ популярности, которой пользовалась эта книга въ ту эпоху ²⁾.

¹⁾ Биографія приводится по мемуару, который использовалъ Thomasius въ своихъ „Freymüthige, jedoch vernunft und gesetzmässige Gedanken über allerhand, fürnehmlich aber Neue Bücher, durch alle zwölf Monat des 1689 Jahres“, Галле 1690 г., стр. 963 и слѣд. См. еще Prosper Marchand, Dictionnaire historique стр. 10—20; Biographie Universelle, I., стр. 490. — Le Clerc, Biblioth. Choisie, vol. XXV, стр. 402, Амстердамъ, 1712 г., приписываетъ книгу нѣкому „Provençal Veiras“, который былъ близкимъ знакомымъ умершаго Локка, и опровергаетъ Геумана, который въ своемъ сочиненіи „De libris anonymis et pseudonymis schediasma“, допускаетъ возможность перевода книги съ англійскаго и приписываетъ ее некому д'Алле. На Ле-Клерка ссылается также Stolle въ своемъ „Anleitung zur Historie der Gelahrtheit“, Лена, 1727 г., стр. 778; онъ называетъ книгу Верасса „ученымъ трудомъ, выполненнымъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ“.

²⁾ Первая часть вышла подъ заглавіемъ: The History of Sevarites or Sevaramby, a Nation inhabiting Part of the third Continent commonly called Terrae Australes Incongnitae, with an Account of their admirable Government, Religion, Customs and Language, written by one Capitain Siden, a Worthy Person, Who together with many others, was cast upon those Coasts and lived many Jears in that Country. London Printed for Henry Brome, at the Gun at the West End of St. Pauls Church Yard 1675. Вторая часть more wonderful and delightful than the first 1679. Вторая часть не принадлежитъ перу Верасса и представляетъ собой до невѣроятнаго глупую вещь. Заглавіе перваго французскаго изданія таково: „Histoire des Sévarambes, Peuples qui habitent une Partie de troisième Continent ordinairement appellée Terre Australle, contenant un Compte exacte du Gouvernement, des Moeurs, de la Religion et du Langage de cette Nation, jusques aujourd'hui inconnue aux Peuples de l'Europe: Traduite de l'Anglois. I-e partie à Paris chez Claude Barbin en 1677, 12°. II-e partie à Paris chez l'Auteur, au bas de la Rue du Four, proche le petit Marché, Fauxbourg St. Germain, en 1678 et 1679, en trois volumes, 12°. Посвящается она монсиёору Ринку, барону де-Бонрена. Голландскій переводъ появился въ 1683 году, in 4° у Тимофея фонъ-Горна, въ Амстердамѣ, подъ заглавіемъ: Historie der Sevarambes Volkeren die een gedeelte van het derde vaste Landt bewonen, gemeenlyk Zuidland genaemd; затѣмъ, спустя шесть лѣтъ, появился нѣмецкій переводъ, озаглавленный: Geographisches Kleinod, ans zweyen sehr ungemeynen Edelgesteinen bestehend: darunter der erste: Eine Historie der neu-aufgefundenen Völker, Sevarambes genaunt, welche einen Theil des dritten festen Landes, so man sonst den Sudland nennet, bevohnen; darinnen eine gantz neue und

Въ предисловіи, предшествующемъ собственно сочиненію, Верасъ жалуется на то, что экспедиціи съ цѣлью открытій предпринимаются не на научныхъ основаніяхъ и взываетъ къ государямъ пожертвовать часть своихъ богатствъ для этой цѣли. Въ особенности голландцы въ своихъ путешествіяхъ руководятся лишь жаждой наживы. Несмотря на многія поѣздки, совершенныя ими въ Остъ-Индію, внутренность Зондскихъ острововъ, въ особенности Борнео, совершенно еще не изслѣдована. Точно также и берега третьяго континента при случаѣ посѣщаются верѣдко, но никѣмъ еще не изслѣдованы подробно и не описаны. Этому невѣдѣнію Верасъ теперь и намѣренъ помочь подробнымъ описаніемъ третьяго континента.

Дальнѣйшее изложеніе «утопіи» построено въ высшей степени искусно. Верасъ рассказываетъ, что онъ получилъ отъ одного доктора массу бумагъ, написанныхъ на разныхъ языкахъ, и теперь издалъ эти бумаги въ видѣ настоящей книги. Самому врачу бумаги были переданы нѣкимъ капитаномъ Сиденомъ, который рассказываетъ въ нихъ о своемъ пребываніи въ сказочной странѣ Севарамбіи, составляющей часть австралійскаго континента.

Здѣсь-то и начинается собственно романъ, въ формѣ мемуаровъ капитана Сидена. Во время одного плаванія въ Остъ-Индію на голландскомъ кораблѣ, Сиденъ вмѣстѣ съ послѣднимъ былъ выброшенъ бурей на берегъ австралійскаго, неизвѣстнаго ему континента. Командѣ и пассажирамъ удалось спастись. Вскорѣ тамъ основалась небольшая колонія, и колонисты прожили довольно долго, прежде чѣмъ вступили въ сношенія съ коренными обитателями страны, Севарамбами, которые приняли ихъ дружелюбно. Описанію государства и общественнаго строя этого народа и посвящена книга.

Континентъ былъ населенъ первоначально двумя различными народами, престарамбами и струкарамбами, общественный строй которыхъ и обычаи были почти одинаковы: они жили въ большихъ семейныхъ общинахъ, изъ которыхъ каждая имѣла свое особое управленіе. Община (*communauté*) время отъ времени избирала вождя, который наблюдалъ за работами и руководилъ ими. Совмѣстно съ совѣтомъ старшинъ онъ распоряжался имуществомъ и личностью членовъ общины. Оба народа существовали, главнымъ образомъ, земледѣіемъ, затѣмъ охотой и рыбной ловлей. Руководство дѣятельностью всего народа находилось въ рукахъ великаго совѣта, который составлялся изъ депутатовъ отъ семейныхъ общинъ. Для защиты отъ сосѣднихъ народовъ ежегодно избирался главный вождь, въ распоряженіе котораго каждая семья посылала опредѣленное число вооруженныхъ людей. Оба народа расходились лишь по вопросу о бракѣ. Въ то время, какъ престарамбы строго держались моногаміи, у струкарамбовъ сохранилась еще древняя форма брака. «Они нисколько не стыдились

eigentliche Erzählung von der Regierung, Sitten, Gottesdienst und Sprache dieser denen Europäischen Völkern biss anhero noch unbekannten Nation enthalten, etc. Зульбахъ, напечатано Авраамомъ Лихтенталеромъ въ 1679 году; новое изданіе вышло въ Нюрнбергѣ у Иоганна Фридриха Рюдигера, въ 1717 году. Далѣе слѣдуетъ переводъ І. Г. Мюллера въ двухъ частяхъ, Итгерое, 1783 г., 8°. Итальянскій переводъ появился въ 1728 г. въ Венеціи. Изъ французскихъ изданій я упомяну еще изд. 1682, 5 vols, in 12°, Брюссель; изд. 1702, 2 vols, in 12°, Амстердамъ; однотомное изданіе in 12°, тоже въ Амстердамѣ; изд. 1716, 2 vols, in 12°, Амстердамъ; изд. 1734, Амстердамъ; наконецъ, изданіе въ Собраніи „*Voyages imaginaires etc.*, т. V, по которому я цитировала.

вступать въ бракъ со своими дочерьми и сестрами, и даже у нихъ считалось болѣе почетнымъ соединиться бракомъ съ лицомъ своей крови, чѣмъ съ постороннимъ. Впрочемъ, они вступали въ бракъ и съ дочерьми своихъ сосѣдей; но юноши никогда не оставляли семей, къ которымъ принадлежали. Когда кто-нибудь вступалъ въ бракъ съ женщиной, то онъ не являлся ея единоличнымъ обладателемъ. Каждый мужчина семьи могъ вступать съ нею въ половыя сношенія, если хотѣлъ. Но если женщина вступала въ связь съ чужимъ мужчиной, или мужчина съ чужой женщиной, то это считалось величайшимъ преступленіемъ и каралось смертью».

Въ такихъ условіяхъ жили оба народа, когда Севарисъ, нѣкій персъ, объѣздившій всю Европу и Азію, узналъ объ ихъ существованіи отъ матросовъ, которые были выброшены бурей на ихъ берегъ; Севарисъ рѣшаетъ посѣтить эту страну и является туда съ двумя кораблями. Мы не станемъ здѣсь распространяться, какъ ему удалось сдѣлаться властителемъ обоихъ народовъ. Получивъ власть, онъ всѣ свои выдающіяся душевныя силы посвятилъ стремленію дать даровитымъ, но необразованнымъ народамъ форму государства и общества, которая вмѣстѣ съ болѣе высокой степенью культуры соединяетъ и большую сумму всеобщаго счастья. Чрезвычайно интересно изложить здѣсь, по какимъ соображеніямъ онъ, основываясь на существовавшихъ уже раньше учрежденіяхъ, особенно общности имущества, ввелъ именно ту форму государственнаго устройства, которую мы опишемъ ниже. Благодаря рѣзкой критикѣ государственнаго и общественнаго строя тогдашней Франціи, Верасъ пріобрѣтаетъ фундаментъ для основанія государства севарамбовъ. Здѣсь авторъ предвосхитилъ и изложилъ въ удобопонятной и привлекательной формѣ главныя идеи, ради которыхъ социалисты XVIII столѣтія, напримѣръ Морелли и Мабли, вели борьбу съ собственностью.

Севарисъ, или, какъ его называютъ его новые подданные, Севаріасъ, вмѣстѣ съ своимъ прежнимъ наставникомъ Джіовани, началъ свою работу съ разбора извѣстныхъ имъ формъ управленія. Одна изъ системъ, притомъ не нравившаяся Джіовани и прибывшимъ съ нимъ персамъ и существовавшая у всѣхъ почти народовъ континента, предлагала раздѣлить народъ на семь ¹⁾ различныхъ классовъ, а земли распредѣлить въ собственность между отдѣльными частными лицами. Изъ семи классовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ отдѣльное сословіе и носитъ особую одежду, первый долженъ состоять изъ поденщиковъ и сельскихъ рабочихъ, второй изъ низшихъ ремесленниковъ, каковы каменщики, столяры, ткачи и т. д., третій изъ болѣе искусныхъ рабочихъ, каковы живописцы, ювелиры и т. д., четвертый изъ купцовъ, пятый изъ богатыхъ буржуа и представителей либеральныхъ профессій, шестой изъ низшаго и наконецъ седьмой изъ высшаго дворянства. Очень странно, что духовенство не составляетъ никакого отдѣльнаго класса, но это находитъ себѣ объясненіе въ идеяхъ, которыя Верасъ развиваетъ далѣе по этому поводу. Изъ подлежащей раздѣлу земли значительная часть сохраняется для различныхъ надобностей государства. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ каждый классъ долженъ, согласно своему положенію и средствамъ, платить налогъ, и ни одинъ изъ нихъ не пользуется

¹⁾ Фенелонъ также предоставляет въ своемъ Телемакѣ, въ части XII, Ментору раздѣлить жителей Саленты на семь отличающихся другъ отъ друга по одеждѣ классовъ.

въ этомъ отношеніи привилегіей или исключительнымъ правомъ¹⁾. Считается несправедливымъ и противорѣчающимъ здравому смыслу, когда одни граждане пользуются защитой законовъ и общественными преимуществами, ничего при этомъ не дѣлая для поддержанія государства, въ то время, какъ другая часть подданныхъ государства обременена податями и тяготами. Лишь имущество, находящееся въ распоряженіи государя, освобождается отъ податей, всѣ же подданные несутъ общественное бремя въ зависимости отъ своего положенія и зажиточности на законныхъ началахъ. Кромѣ того, каждый гражданинъ, достигшій двадцатилѣтняго возраста, привлекается къ уплатѣ очень небольшого подушнаго налога. Далѣе, тѣ, которые достигли имущественнаго максимума своего класса и хотѣли бы перейти въ слѣдующій высшій классъ, должны покупать разрѣшеніе на это за опредѣленную сумму. Здѣсь такимъ образомъ феодальная обособленность сословій разбивалась путемъ обладанія имуществомъ, которое дѣлало возможнымъ переходъ въ высшій общественный классъ.

Таковъ былъ проектъ государственнаго и общественнаго устройства, который рекомендовался законодателю прежде всего благодаря тому, что въ главнѣйшихъ чертахъ подобное устройство существовало въ большинствѣ европейскихъ государствъ, и предлагаемый проектъ отличался лишь болѣе справедливой налоговой системой. Несмотря на это, Севаріасъ не могъ рѣшиться на принятіе его. Внутреннія несогласія, войны и другіе безчисленные недостатки показывали, что система должна быть несовершенна въ своемъ основаніи, и принудили его произвести тщательное изслѣдованіе причинъ этого. Онъ нашелъ, что причинами этими были гордость, алчность и праздность.

1. Природа сотворила насъ всѣхъ равными; она не знаетъ различія между знатыми и буржуазіей. Мы вступаемъ въ жизнь подверженные одинаковымъ слабостямъ, какъ одни, такъ и другіе; ни богатство, ни благородство происхожденія не могутъ продлить жизнь какъ государя, такъ и его подданныхъ хотя бы на одинъ день. Лучшее различіе, какое можетъ существовать между людьми, есть то, которое вытекаетъ изъ преимуществъ добродѣтели. Но въ государствѣ, гдѣ существуетъ наследственное дворянство, высокоуміе и честолюбіе поддерживаются преимуществами знатнаго происхожденія. Дворянство вѣрить, что оно создано только для господства, и требуетъ, чтобы другіе люди отдавали себя ему въ подчиненіе. Чтобы уничтожить притекающее отсюда зло, Севаріасъ уничтожилъ всякія неравенства происхожденія. Онъ выдѣлялъ только стариковъ, а также дѣлалъ различіе между должностными лицами и народомъ.

2. Далѣе, такъ какъ богатства, особенно владѣніе имѣніями является второй причиной различія въ средѣ буржуазнаго общества, а жадность, зависть, вымогательство и безчисленное множество другихъ пороковъ возникаетъ изъ института частной собственности, то Севаріасъ совершенно исключилъ послѣднюю изъ своего плана новаго государственнаго устройства. Вся земля и всѣ богатства принадлежать государству, которому предоставлено исключительное право распоряжаться ими, подданные могутъ владѣть лишь тѣмъ, что имъ пре-

¹⁾ Критика существующей французской и предложенія раціональной налоговой системы повторяются во многихъ описаніяхъ путешествій, которыя заводятъ читателя въ фантастическія страны. Ср. напр. Abbé Desfontaines, *Le nouveau Gulliver* въ *Voyages imaginaires* etc. т. XV, стр. 87 и сл.

доставлять должностныя лица ¹⁾). Севариасъ былъ увѣренъ, что вмѣстѣ съ институтомъ частной собственности, тотчасъ же исчезнутъ худшія и пагубнѣйшія бѣдствія человѣчества, каковы налоги, пошлины, голодь и бѣдность. Всѣ севариамбы сдѣлаются богатыми, хотя и не будутъ владѣть никакой собственностью; каждый изъ нихъ будетъ такъ же счастливъ, какъ богатѣйшій въ мірѣ монархъ. Всѣ потребности каждаго будутъ удовлетворяться. Никому не придется заботиться о пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, о пропитаніи жены и дѣтей, такъ какъ объ этомъ позаботится государство, безъ взиманія податей и пошлинъ.

3. Чтобы избѣжать при этомъ опасной праздности, каждый членъ общества обязывается исполнять полезную и умѣренную работу. День раздѣленъ на три части, изъ которыхъ одна предназначена для работы, другая для развлеченій и третья для отдыха. Отъ общеобязательной работы освобождены только старики, больные или люди, по какой либо другой причинѣ неспособные къ труду. При умѣренной работѣ бываютъ заняты и тѣло, и духъ, и при этомъ ихъ не терзаютъ и не разрушаютъ—тѣло непомѣрно тяжелое бремя работы, а духъ заботы и печали. Разговоры и развлеченія, слѣдующія за работой, освѣжаютъ и духъ и тѣло, а отдыхъ возвращаетъ обоимъ затраченныя силы.

Такимъ образомъ Севариасъ соединилъ въ своемъ проектѣ существенныя черты общности имущества съ существовавшимъ уже у туземцевъ общественнымъ строемъ и лишь шире развилъ его въ этомъ направленіи. Онъ и не подумалъ, подобно многимъ другимъ законодателямъ до него, запрещать дальнѣйшее развитіе законодательства, поскольку оно опиралось на естественное право и на основныя учрежденія государства, въ которыхъ естественное право нашло свое выраженіе.

Обратимся теперь къ описанію процесса производства въ частностяхъ. Основной чертой этого процесса являются товарищества, образованныя для работы въ какой-либо опредѣленной отрасли промышленности и представляющія изъ себя собранія значительнаго числа мужчинъ и женщинъ въ большомъ зданіи, называемомъ Осмазіей ²⁾. Осмазія,—это квадратное зданіе, имѣющее въ сторонѣ 50 шаговъ, высоту въ четыре этажа, дающее пристанище болѣе чѣмъ 1000 чело-

¹⁾ Интересно привести здѣсь взглядъ на общность имущества Prosper Marchand'a въ его *Dictionnaire historique*, стр. 14, прим. 59.—„Это равенство рожденіи и общность имущества,—говоритъ онъ,—кажутся нѣкоторымъ людямъ странными и непрактичными только потому, что люди эти знаютъ обычаи лишь своей страны и своего вѣка и, опираясь на эти обычаи, воображаютъ, что жить какъ-нибудь иначе невозможно. Еслибы они немного почитали, то не говорили бы такъ рѣшительно, и узнали бы, что эти два института существовали у различныхъ народовъ древности, которые чувствовали себя при этомъ очень хорошо и приводили въ пользу ихъ достаточно хорошіе аргументы“. Какъ примѣръ, онъ приводитъ первыхъ обитателей Италіи, Спартацевъ, древнихъ Германцевъ и даже утверждаетъ, что ни въ всякаго сомнѣнія всѣ древніе народы имѣли у себя эти установленія, чему можетъ служить указаніемъ то, что многіе вновь открытые народы имѣли еще общее имущество. Это было сказано въ 1758 году!

²⁾ Я не знаю, почему Клейнвехтеръ въ своей книгѣ „*Die Staatsromane*“ все время говоритъ объ Осмазіяхъ, а участниковъ въ нихъ называетъ Осмазіонтами. Лучше было бы, еслибъ этотъ вкладъ въ исторію социализма и коммунизма остался совсѣмъ не написаннымъ. Несмотря на токровительственное превосходство, съ которымъ Клейнвехтеръ обращается со старикомъ Молею, онъ самъ не даетъ почти ничего новаго; зато книга его блещетъ множествомъ неточностей, которыхъ бы не было, если бы онъ, въ интересахъ своихъ читателей, ограничился простымъ списываніемъ Моля.

вѣкъ. Внутри его находится большой дворъ, украшенный цвѣтниками и фонтанами. По внутреннему, равно какъ и по вѣшнему фасаду вокругъ зданія идутъ широкіе балконы, поддерживаемые желѣзными столбами, подъ которыми можно укрываться отъ солнца и дождя ¹⁾. На всѣхъ этихъ балконахъ размѣщены въ изобиліи вазы съ цвѣтами. Каждый городъ страны состоитъ изъ значительнаго числа осмазій, а главный городъ, Севаринда, изъ 267. Во главѣ различныхъ отраслей промышленности стоятъ префекты, которые должны заботиться о собираніи сырого матеріала и распредѣленіи его между промышленными осмазіями. Напр. «имѣются осмази, занимающіяся провзводствомъ хлопка, льна, конопли и шелка. Завѣдующіе соотвѣтственными отраслями производства собираютъ сырой матеріалъ и рассылаютъ его для переработки въ города, гдѣ изъ нихъ выдѣлываютъ матеріи, пряжу и проч. Изъ городовъ затѣмъ продукты рассылаются повсюду, гдѣ въ нихъ встрѣчается надобность». Каждая осмазія имѣетъ своихъ должностныхъ лицъ, рабовъ для грязныхъ работъ и свои магазины. Въ нихъ прежде всего складывается часть продуктовъ собственного производства, сколько нужно для своего потребленія. Избытокъ собирается въ большіе общественные склады, которые разбросаны по всей странѣ и вмѣщаютъ въ себѣ такимъ образомъ излишекъ производства осмазій, и откуда излишекъ этотъ снова распредѣляется какъ для цѣлей производства, такъ и для надобностей потребленія. Затѣмъ внутри осмазій происходитъ распредѣленіе между отдѣльными лицами, Осмази имѣются для всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности, какъ для строительнаго дѣла, такъ и для театралныхъ зрѣлищъ, для воспитанія дѣтей, какъ и для земледѣлія.

Лучше всего изложенный Верассомъ ходъ производства характеризуется его собственными словами. «Если кто-нибудь станетъ изслѣдовать образъ жизни другихъ народовъ,—говоритъ онъ,—то найдетъ, что повсюду имѣются магазины, что города получаютъ продукты деревни, а деревня продукты городовъ; что одни работаютъ своими руками, а другіе головой; что одни рождаются, чтобы повелѣвать, а другіе, чтобы повиноваться; что существуютъ школы для обученія юношества, и имѣются мастера для обученія ремесламъ; что изъ ремеслъ одни необходимы для жизненнаго обихода, другія дѣлаютъ существованіе болѣе удобнымъ, а третьи содѣйствуютъ лишь развлеченіямъ. Всѣ вещи въ основѣ своей одинаковы, но способъ ихъ распредѣленія различенъ. Мы имѣемъ въ своей средѣ людей, которые задыхаются отъ изобилія имущества и богатствъ, и другихъ, которые не имѣютъ ничего. Мы видимъ однихъ, которые всю свою жизнь проводятъ въ лѣни и наслажденіяхъ, и другихъ, которые безпрерывно мучаются, чтобы пріобрѣсти жалкія средства къ жизни. У насъ есть люди, занимающіе высокія должности, и совершенно неспособные и недостойные исполнять порученныя имъ обязанности, и есть люди, имѣющіе громадныя заслуги, но благодаря недостатку средствъ, погибающіе въ грязи и осужденные на вѣчное ничтожество.

«У севарамбовъ нѣтъ бѣдныхъ; никто не терпитъ недостатка въ необходимыхъ и полезныхъ для жизни вещахъ, и каждый имѣетъ свою долю въ общественныхъ увеселеніяхъ и театралныхъ зрѣлищахъ, и притомъ, чтобы пользоваться ими, не надо терзать свою душу и тѣло тяжелой непосильной работой.

¹⁾ Cp. Boissel, Les services publiques.

Умѣренный трудъ, по восемь часовъ въ сутки, доставляетъ гражданину всѣ эти удобства, и не только ему, но и семьѣ и дѣтямъ, хотя бы ихъ была у него цѣлая тысяча. Никто не думаетъ тамъ объ уплатѣ налоговъ и пошлинъ и не заботится о накопленіи богатства для дѣтей, о приданомъ для дочерей и о наслѣдствѣ. Они свободны отъ всѣхъ этихъ заботъ и богаты уже съ колыбели; и если они не всѣ могутъ достигнуть почетныхъ общественныхъ должностей, то утѣшеніемъ для нихъ въ этомъ случаѣ можетъ служить то, что въ должностяхъ этихъ они видятъ лишь людей пользующихся почетомъ и уваженіемъ своихъ согражданъ. Они всѣ одинаково знатны и въ одинаковой степени граждане; никто не можетъ попрекнуть другого низкимъ происхожденіемъ или хвалиться блескомъ своего рода. Никто тамъ не испытываетъ неудовольствія, видя какъ другіе живутъ въ праздности, въ то время какъ онъ работаетъ, чтобы питать ихъ высокоуміемъ и гордостью. Короче говоря, кто увидитъ счастливую жизнь этого народа, тотъ найдетъ, что счастье его настолько полно, насколько это вообще возможно въ семь мѣрѣ, и что всѣ другія націи, по сравненію съ этимъ народомъ, очень несчастны» ¹⁾.

Критика старыхъ социалистовъ неизбежно исходить отъ нераціональности и несправедливости существующаго способа распредѣленія, противъ котораго лишь они и направляютъ свои нападки. Исходя изъ этого пункта они, въ силу необходимости, приходятъ къ коммунистическому производству, которое единственно въ состояніи гарантировать справедливое распредѣленіе. Въ цитированномъ выше мѣстѣ Верассъ высказывается очень ясно относительно этого. Существеннымъ различіемъ между обществомъ севарамбовъ и обществомъ европейскихъ народовъ онъ считаетъ не коренное различіе въ способахъ производства, но различіе въ способахъ распредѣленія, которое у севарамбовъ основывается на принципахъ естественнаго права и естественной морали. Однако Верассъ въ двухъ мѣстахъ высказываетъ мысль, что организованное на коммунистическихъ началахъ общество, въ области производства превосходитъ всякое другое. Въ одномъ случаѣ онъ влгаетъ въ уста одного изъ осмазіонтовъ слова, что для севарамбовъ нѣтъ ничего невозможнаго, ибо государство имѣетъ все и не нуждается для устройства большихъ предпріятій ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ ²⁾, а въ другомъ рассказываетъ, что въ Севарамбіи нѣтъ техническихъ секретовъ, что тамъ каждое изобрѣтеніе, наоборотъ, становится немедленно всеобщимъ достояніемъ ³⁾. Первымъ, кто обстоятельно и талантливо всего показалъ бессмысленность и анархію, царящія въ буржуазномъ производствѣ, и кто доказалъ превосходство социалистическаго производства, былъ Шарль Фурье; процессъ развитія этой идеи былъ законченъ затѣмъ современными социалистами, доказавшими, что капиталистическое производство съ необходимостью порождаетъ социалистическое, а вмѣстѣ съ нимъ и соотвѣтствующее распредѣленіе.

Общюю вѣсьмъ социалистамъ, не исключая и социалистовъ нашего времени, мыслью является требованіе обязательной для всѣхъ трудовой повинности, которая у севарамбовъ также проводится со всей строгостью для обоихъ половъ, и отъ которой не освобождаются даже чужестранцы, если только они прожили въ странѣ

¹⁾ Hist. des Sev., стр. 273 и слѣд.

²⁾ Hist. des Sev., стр. 133.

³⁾ Ibid., стр. 170.

болѣ или менѣ продолжительное время. Отъ работы освобождены у нихъ лишь больные, беременныя и кормящія грудью женщины, а также всѣ граждане старше шестидесяти лѣтъ. Но такъ какъ у севарамбовъ трудъ очень уважается, то и освобожденные отъ него предпочитаютъ заниматься понемногу легкими работами, чѣмъ проводить время въ полномъ бездѣйствіи. Восемичасовой рабочей день установленъ строжайшимъ образомъ для всѣхъ, начало же работы передвигается, сообразно временамъ года.

Денегъ, само собою понятно, у нихъ нѣтъ совсѣмъ; впрочемъ севарамбы очень далеки отъ той странной боязни передъ драгоценными металлами, которая заставила Мора въ его Утопін ставить подъ кровати своихъ утопійцевъ золотые ночные горшки и заковывать въ золотыя или серебряныя цѣпи ихъ рабовъ и осужденныхъ. Севарамбы изъ золота и серебра дѣлаютъ то же употребленіе, къ какому они пригодны по самой своей природѣ, — изъ нихъ изготовляютъ предметы украшенія.

Очень рельефно отражается въ сочненіяхъ обоихъ утопистовъ, Мора и Верасса, тотъ гигантскій шагъ, который сдѣлало въ полуторастолѣтній промежутокъ времени капиталистическое производство изъ стадіи простой кооперации въ стадію мануфактуры. Въ эпоху Мора господствовало еще ремесло; поэтому и у утопійцевъ мы находимъ, за исключеніемъ общихъ трапезъ, отдѣльное домашнее хозяйство и отдѣльное ремесленное производство; у Верасса же мы находимъ соединеніе значительнаго числа занятыхъ одинаковой работой людей въ большихъ зданіяхъ, осмазіяхъ. Въ то время, какъ у Мора оставалось отдѣльное хозяйство патриархальной семьи, у Верасса оно отсутствуетъ. Въ осмазіяхъ, виѣщавшихъ въ себѣ свыше тысячъ человѣкъ обоого пола, и не только скученныхъ въ городахъ, но также раскиданныхъ по всей странѣ въ значительномъ отдаленіи другъ отъ друга, объ отдѣльномъ хозяйствѣ не могло быть и рѣчи, такъ что Верассъ и не упоминаетъ объ немъ ни слова. Образъ жизни севарамбовъ вполнѣ общественный. Изъ трехъ ежедневныхъ трапезъ, двѣ—завтракъ и обѣдъ,—были общими; ужинать же можно было либо въ тѣсномъ семейномъ кругу, либо въ болѣе многочисленномъ кружкѣ друзей. Но приготовленіе пищи производится только въ общихъ кухняхъ осмазін. Такимъ образомъ женщина совершенно освобождается отъ веденія домашняго хозяйства, и считается вполнѣ равной мужчинѣ; равенство это выражается даже въ одинаковой воинской повинности для обоихъ половъ; изъ этого существуетъ только одно исключеніе: женщины не могутъ быть должностными лицами. Хотя объ этомъ и не говорится нигдѣ прямо, но тотъ фактъ, что должностнымъ лицамъ разрѣшается жить въ многоженствѣ, какъ намъ кажется, съ достаточной ясностью говоритъ въ пользу этого предположенія.

Проникнутый сознаниемъ большого значенія, какое имѣетъ воспитаніе юношества для самаго существованія государства, основатель государства севарамбовъ, Севаріасъ, съ самаго начала обратилъ на него особенное вниманіе. Онъ учредилъ общественныя школы для всѣхъ дѣтей безъ различія. Учитъ въ нихъ и наставляютъ въ ненависти къ пороку и въ любви къ добродѣтели должны были избраны опытные учителя, безпристрастные во всѣхъ отношеніяхъ. Чтобы родители не могли внести въ воспитаніе какого-либо противоположнаго вліянія, онъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они, послѣ того какъ обнаружатъ въ первые годы жизни дѣтей свою родительскую заботливость и вѣжность, поступали въ

своимъ родительскимъ авторитетомъ и передавали его государству и чиновникамъ, политическимъ отцамъ отечества. Такимъ образомъ, когда дѣти достигаютъ семилѣтняго возраста, они посвящаются въ храмъ солнца божеству и получаютъ имя «дѣтей государства». По окончаніи этого торжества, они посылаются въ теченіе четырехъ лѣтъ въ государственныя школы, гдѣ учатся читать, писать, танцовать и владѣть оружіемъ. Затѣмъ слѣдуетъ трехлѣтнее обученіе сельскому хозяйству въ расположенныхъ ввѣ городовъ осмазіяхъ. Достигнувъ четырнадцатилѣтняго возраста, они обучаются основамъ грамматики и избираютъ себѣ какое-нибудь опредѣленное ремесло. Если въ періодъ испытанія они обнаружатъ пригодность къ ремеслу, то ремесленные мастера самымъ тщательнымъ образомъ обучатъ ихъ ему; въ противномъ же случаѣ имъ предоставляется выбирать между ремесломъ каменщика или поденной работой. Къ занятіямъ искусствами и наукой предназначаются лишь дѣти, обнаружившія выдающіяся способности. Они освобождаются отъ физическаго труда и обучаются въ особыхъ школахъ. Изъ числа ихъ выбираются лица, которыхъ севарамбы посылаютъ къ чужеземнымъ народамъ, на другой континентъ, чтобы изучить ихъ языкъ, а также усвоить ихъ успѣхи въ области науки и искусства. Дѣвочки воспитываются точно такъ же, какъ и мальчики, только въ отдѣльныхъ осмазіяхъ. Онѣ изучаютъ ремесла, которыя наиболѣе подходятъ для ихъ пола, и не требуютъ особенно сильнаго физическаго напряженія.

Когда юношамъ исполняется девятнадцать лѣтъ, а дѣвушкамъ шестнадцать, имъ разрѣшается думать о любви и бракѣ. Молодежь встрѣчается на балахъ, на охотѣ, во время военныхъ смотровъ и общественныхъ празднествъ, и можетъ пользоваться всѣми этими случаями для ухаживанія и для объясненій въ любви. «Въ собраніяхъ дѣвушекъ и юношей любовь играетъ свою великую роль». Здѣсь галантный французъ переходитъ къ живому, веселому и остроумному описанію любви у молодежи севарамбовъ. Любовь, чистая и свободная отъ расчетливости холоднаго разсудка, независимая отъ богатства, знатности происхожденія и положенія и т. д., одна только такая любовь укрѣпляетъ связи; эта любовь своимъ согрѣвающимъ и озаряющимъ огнемъ, поддерживаемымъ поэзіей и музыкой, украшаетъ собой восемнадцать мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ длится ухаживаніе. По истеченіи этого времени слѣдуетъ помолвка, а за нею и оффиціальныи бракъ въ одинъ изъ четырехъ предназначенныхъ для этого въ году сроковъ.

Бракъ у севарамбовъ моногамный; только должностнымъ лицамъ предоставляется большее число женщинъ, чтобы дѣвушки, не находящія себѣ жениха, путемъ выбора одного изъ должностныхъ лицъ, получили возможность вступить въ бракъ. Если бракъ въ теченіе пяти лѣтъ остается бездѣтнымъ, то мужчина можетъ жениться вторично или взять себѣ въ наложницы рабыню. Величайшій почетъ для женщины заключается въ томъ, чтобы произвести какъ можно больше дѣтей. Верасъ не скрываетъ, что результатомъ этого долженъ явиться необычайно быстрый ростъ населенія, и скоро можетъ наступить перенаселеніе страны. Но севарамбы устраиваютъ подобный исходъ расширеніемъ своей территоріи и колонизаціей. Такимъ путемъ Верасъ, подобно Мору, разрѣшаетъ проблему народонаселенія. Оба они удовлетворяются тѣмъ, что для людей имѣется еще въ изобиліи необработанная земля. Они даже не пытаются ломать свою голову надъ во-

просомъ, что будетъ дальше, когда вся необработанная земля будетъ наконецъ обработана.

«Образъ правленія у севарамбовъ монархической, деспотической и геліократической, т.-е. высшая власть и авторитетъ представляются монархомъ, который является единственнымъ господиномъ и собственникомъ всего имущества націи. И этотъ король и абсолютный властелинъ есть солнце (въ то же время и богъ этого государства). Однако, если разсматривать этотъ государственный строй съ общепринятой человѣческой точки зрѣнія, то окажется, что это государство есть деспотическая выборная монархія, смѣшанная изъ аристократіи и демократіи». Вицекороль, представитель солнца, бога-самодержца, выбирается по жребію изъ четырехъ выставленныхъ великимъ совѣтомъ членовъ его,—это аристократическій элементъ. Путемъ прямыхъ народныхъ выборовъ избираются представители осмазіи, такъ называемые осмазіонты, которые образуютъ общій совѣтъ,—это демократическій элементъ. Каждая восемь осмазіи представлены въ общемъ совѣтѣ (*conseil ordinaire*) бросмазіонтомъ. Изъ бросмазіонтовъ выбираются, по старшинству, 24 сенатора, которые образуютъ великій государственный совѣтъ и помогаютъ вицекоролю во всѣхъ его дѣлахъ. Они называются севаробастами и лучше всего могутъ быть сравнены съ современными министрами. Каждый севаробастъ завѣдуетъ или военной частью, или строительной, или продовольственной, школьнымъ дѣломъ, жертвами, театральными зрѣлищами и т. д. Губернаторы провинцій и крупнѣйшихъ городовъ выбираются изъ бросмазіонтовъ, при которыхъ, однако, какъ и при сенаторахъ, состоитъ специальный совѣтъ. Кромѣ этихъ высшихъ должностей имѣется еще рядъ низшихъ, среди которыхъ наиболѣе почетная должность воспитателя дѣтей.

Съ административнымъ положеніемъ связанъ цѣлый рядъ преимуществъ. Такъ напримѣръ должностныя лица пользуются правомъ имѣть многихъ женъ и владѣть для своихъ услугъ множествомъ рабовъ. Кромѣ того они пользуются лучшими жилищами, пищей и одеждой, чѣмъ частныя лица.

Власть вице-короля, представителя солнца, суверенна и можетъ быть лучше всего опредѣлена словами, которыми Севаріасъ, основатель государства, требовалъ у народа повиновенія своимъ выбраннымъ по жребію замѣстителямъ. «Онъ прежде всего объяснилъ имъ, что важнѣйшая обязанность подданныхъ заключается въ почтеніи, повиновеніи и вѣрности, которыя они должны обнаруживать по отношенію къ суверенному авторитету; что, хотя ихъ голосъ и ихъ согласіе необходимы для установленія этого авторитета, они однако не должны думать, что ихъ воля является главной причиной этого; что провидѣніе играетъ въ избраніи повелителя гораздо большую роль, чѣмъ избирательные листки чиновниковъ, и повелители эти должны быть разсматриваемы здѣсь, на землѣ, какъ живыя изображенія божества; что если даже они неправильно исполняютъ свои обязанности, то подданнымъ изъ-за этого не слѣдуетъ удалиться отъ нихъ; что небо часто само направляетъ неправильныя дѣйствія своего слуги, чтобы наказать народъ, если онъ своими пороками и проступками навлечетъ на себя судъ небесный; что они должны сносить наказанія безъ ропота, не слушаясь мятежныхъ подговоровъ; что мятежъ не только гнуснѣйшее преступленіе, но и величайшая глупость, такъ такъ вмѣсто того, чтобы дать участникамъ его свободу, онъ обыкновенно ввергаетъ ихъ въ еще болѣе суровое рабство, на чью бы сторону ни склонилась побѣда; что наконецъ, подчиненіе установленному закономъ

авторитету является не только обязанностью для подданныхъ, но и чрезвычайно выгодно для нихъ» ¹⁾). Какъ однако согласуется это провозглашеніе божественнаго достоинства короля, въ такой формѣ, что самъ Людовикъ XIV не смогъ бы выразить этого лучше, — съ существованіемъ судебного преслѣдованія противъ худого государя? Когда вице-король идетъ противъ основныхъ законовъ государства или начинаетъ управлять дѣйствительно безбожно и тиранически, то сначала слѣдуетъ попытаться вернуть его къ разсудку; когда же всѣ попытки окажутся безуспѣшными, общій совѣтъ постановляетъ назначить для вице-короля опекуна, т.-е. поступаютъ такъ какъ будто тотъ потерялъ разсудокъ. Признанный безумнымъ вице-король остается въ своемъ дворцѣ плѣнникомъ до тѣхъ поръ, пока не образумится. Противорѣчіе это проходитъ красной нитью черезъ всю книгу; подобную же вещь мы встрѣчаемъ и въ области религій. Верассъ дѣлаетъ напримѣръ сравненіе между вице-королемъ и государями другихъ странъ, и разумѣется сравненіе это оказывается въ пользу перваго, въ смыслѣ полноты и безопасности его власти. «Онъ полный хозяинъ всего имущества націи; ни одинъ изъ его подданныхъ не можетъ уклониться отъ повиновенія ему и отговориться какой нибудь привилегіей. Онъ даетъ и беретъ по своему усмотрѣнію; ведетъ войну и заключаетъ миръ, если пайдетъ это выгоднымъ. Вся страна повинуется ему, и никто не осмѣливается противиться его волѣ. Онъ не подверженъ ни мятежамъ, ни народнымъ волненіямъ; никто не сомнѣвается въ его авторитетѣ... Ибо кто же осмѣлится идти противъ солнца и его слугъ?» ²⁾). Но черезъ нѣсколько страницъ говорится, что севарамбы привыкли повиноваться законамъ, и повинуются тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе подвергаютъ ихъ критикѣ своего разсудка и признаютъ ихъ разумность и справедливость. Въ прямо таки смѣшномъ противорѣчій къ этой теоріи всемогущества вице-королей стоитъ также ихъ практическая дѣятельность. Всѣ ихъ административныя мѣропріятія, поскольку Верассъ счелъ нужнымъ разсказать намъ о нихъ, ограничиваются постройкой зданій, проведеніемъ улицъ, акведуковъ и т. п. Единственной попыткѣ, сдѣланной четвертымъ вице-королемъ, Думистасомъ, вести завоевательную политику, совѣтъ воспротивился съ величайшей энергіей и разъ навсегда крѣпко установилъ въ основу своей вѣдшей политики, никогда не вести войнъ съ цѣлью завоеваній, въ случаяхъ же, когда населеніе сдѣлается слишкомъ многочисленнымъ для территоріи, покупать необходимую землю у сосѣдей. Вліяніе совѣта заходило такъ далеко, что вице-король не могъ ничево предпринять помимо него ³⁾). Благодаря совѣту, всемогущество государя прямо сводится на нѣтъ. Какъ понимать эти взаимно діаметрально противоположныя объясненія Верасса?

Въ политическихъ вопросахъ Верассъ придерживается того метода, который былъ излюбленнымъ у писателей предшествовавшаго столѣтія, поскольку они являлись защитниками еретическихъ воззрѣній. Такой авторъ противопоставляетъ оба мнѣнія, существующее и новое, другъ другу, разбираетъ ихъ повидимому безпристрастно до мельчайшихъ подробностей и затѣмъ предоставляетъ читателю читать между строкъ истинное мнѣніе его, автора. Многіе, болѣе трус-

¹⁾ Hist. des Sev., стр. 251.

²⁾ Hist. des Sev., стр. 275, 76.

³⁾ Ibid., стр. 354.

ливые от природы писатели заходят так далеко, что въ діалогѣ съ новаторомъ сами защищаютъ съ притворнымъ успѣхомъ старыя общепринятые правила и идеи. Поэтому мы вовсе не ошибемся, если въ абсолютномъ вицѣ-королѣ, намѣстникѣ солнца, власть котораго кажется самодержавной, на самомъ же дѣлѣ зависитъ всецѣло отъ совѣта министровъ, — увидимъ скрытую сатиру на короля «солнце», Людовика XIV ¹⁾, который казался не менѣе самодержавнымъ, но и не менѣе находился въ рукахъ своего генеральнаго контролера и интендантовъ. Необычайная популярность книги, въ особенности также новыя ея изданія въ послѣднія двадцать лѣтъ царствованія Людовика XIV, въ теченіе которыхъ начинается шевелиться оппозиція противъ него самого и его системы, все это прямо говоритъ въ пользу нашего мнѣнія.

Такой же простотой, какъ внутренняя политика, отличается у нихъ и судебная процедура. «Такъ какъ они не имѣютъ никакой собственности, то у нихъ не бываетъ и гражданскихъ процессовъ» ²⁾. Остается такимъ образомъ лишь уголовное судопроизводство, которое находится въ рукахъ осмазіонтовъ во всѣхъ случаяхъ, входящихъ въ предѣлы ихъ юрисдикціи, т.-е. въ случаяхъ, касающихся подвѣдомственныхъ имъ осмазіевъ. Осмазіону помогаютъ два помощника и три старца, которыхъ можетъ выбирать обвиняемый. Въ случаѣ, если тяжущіяся стороны принадлежатъ къ различнымъ осмазіямъ, процессъ ведется бросмазіонтомъ, и т. д. Верассъ различаетъ не менѣе четырехъ различныхъ судебныхъ инстанцій, функціи которыхъ мы здѣсь не ставимъ разбирать. Къ смертной казни они не приговариваютъ, но практикуютъ тюремное заключеніе, которое отягчается еще тяжелыми работами и тѣлесными наказаніями. По словамъ Верасса, процессы разрѣшаются очень быстро, такъ какъ ни для кого не представляетъ какой-либо выгоды затягиваніе ихъ. Верассъ дѣйствительно не далекъ отъ утвержденія Морелли, Мабля и другихъ социалистовъ, что частная собственность является базисомъ существующаго общественнаго строя, съ его погоней за выгодой и со всѣми его недостатками.

Насколько поверхностно авторъ «утопіи» изображаетъ процессъ производства, настолько же обстоятельно и подробно описываетъ онъ религію севарамбовъ, представляющую смѣсь деизма съ первобытнымъ поклоненіемъ солнцу ³⁾.

¹⁾ Prosper Marchand, Dictionnaire historique, La-Hay, 1758, на стр. 16 говоритъ: Нѣкоторые видѣли въ книгѣ Верасса „лишь занимательный романъ, другіе до- вѣрчивые люди — рассказъ о новомъ открытіи, наконецъ третьи, болѣе проникательные, думали найти въ ней опасное произведеніе, которое подъ покровомъ выдумки прямо нападаетъ на религію и на правительство.

²⁾ Hist. des Sev., стр. 318.

³⁾ Prosper Marchand, Dict. hist., стр. 15, прим. 67, замѣчаетъ по этому поводу: „Въ концѣ концовъ оба первыя правила религіи севарамбовъ во всемъ такъ сходны съ тѣмъ, что разсказывается о религіи иеруанцевъ, что Севаріасъ отлично можетъ сойти за копію Манко Канака, перваго иика Перу и основателя этого государства. Послѣ того какъ этотъ принцъ объединилъ индѣйцевъ, цивилизовалъ ихъ и убѣдилъ, что онъ сынъ солнца, онъ научилъ ихъ внутренне поклоняться высшему и невѣдомому божеству Паха-кама, т.-е. душѣ или основѣ вселенной, а внѣшнее — подчиненному, но видимому и извѣстному божеству, солнцу, своему отцу“. Маршанъ ссылается при этомъ на книгу Garcilasso de la Vega, Histoire des Incas. Liv. II, chap. I, II, III, стр. 109—130. Было бы въ самомъ дѣлѣ интересно установить степень вліянія, какое оказало иеруанское государство ииковъ на авторовъ политическихъ сочиненій. Что вліяніе это было весьма значительно, на мой взглядъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; мы находимъ это у

Высказанныя Верассомъ религіозныя воззрѣнія, въ особенности же разсказъ объ основателѣ религіи и мошенникѣ Струкарѣ, навлекли на него со стороны различныхъ авторовъ совершенно неосновательныя обвиненія въ атеизмѣ. Такъ какъ здѣсь не мѣсто вдаваться въ религіозныя споры того времени и разсматривать отношеніе янсенизма и кальвинизма къ ультрамонтанству, то мы ограничимся утверженіемъ, что высказанныя Верассомъ взгляды являются чистѣйшимъ, лишь на разумѣ основаннымъ деизмомъ¹⁾.

Обращеніе севарамбовъ въ христіанство было невозможно, «потому что они столь сильно полагаются на человѣческой разумъ, что все, чему учить насъ (христіанъ) вѣра, осмѣиваютъ, если оно не подтверждается разсудкомъ... Они смѣются надъ чудесами и говорятъ, что причина ихъ можетъ быть только естественная и, хотя бы вытекающія изъ нихъ дѣйствія и были удивительны для насъ, и разсматривались нами какъ чудеса, но съ точки зрѣнія природы все совершается въ планомѣрномъ порядкѣ, согласно предпосылкамъ (dispositions). заключающимся въ естественныхъ вещахъ»²⁾. Съ деизмомъ у нихъ связана необычайная терпимость, доходящая до того, что въ назначенное время въ школахъ происходятъ большіе религіозныя диспуты, на которыхъ каждый можетъ совершенно свободно развѣивать свои воззрѣнія. Точно также при выборахъ должностныхъ лицъ, религіозныя воззрѣнія даннаго человѣка не играютъ никакой роли; имѣютъ значеніе лишь характеръ его и честность. Доходитъ до того, что даже духовные не устраниаются отъ общественныхъ должностей, несмотря на свое званіе³⁾. Конечно, слѣдствіемъ отдѣленія государства отъ церкви является то обстоятельство, что представители духовенства считаются такими же частными лицами, какъ и всякій другой. Однако въ государствѣ севарамбовъ здѣсь возникаетъ противорѣчіе, ибо въ немъ существуетъ государственная религія, которая не только признается государствомъ, но и поддерживается имъ⁴⁾. Такимъ образомъ, священники уже должностныя лица, и давать имъ еще гражданскія должности, значило бы устанавливать такое совмѣстительство, какого вообще не существуетъ тамъ. Но Верассъ предоставляетъ своимъ священникамъ даже имѣть собственныя религіозныя воззрѣнія (opinions particulières), разъ они виѣшнимъ образомъ исполняютъ свои обязанности и ведутъ честную и пристойную жизнь.

вѣхъ народовъ. Сказывается оно напримѣръ и въ утопіи James Burgh: An Account of the first settlement, laws, form of government and police of the Cessares, Лондонъ 1764, стр. 34—37.

¹⁾ Ср. Morhoff Polyhistor I, cap. VIII, стр. 75. Toto vero hoc libro nihil aliud ille (Vairasse) agit quam ut ostendat unam esse religionem naturae rerum conformem, quae Deum supremum, atque eius quasi vices in orbe hoc inferiore repraesentantem solem veneretur. Quare data occasione adversus trinitatem et Christianismum disputat. Illud vero ingenium hominis prodit, quod stratagemata sacerdotum gentis eius quam Stroukaros vocat, ad miraculorum, quae in Pentateucho habentur, formam confinxerit: quo manifeste patet illum historiae sacrae illudere. Эта нападка на христіанство, разумѣется, является въ глазахъ ортодоксовъ признакомъ его атеизма. Томазіи, въ цигриванномъ уже выше сочиненіи „Freymüthige Gedanken“, стр. 968—1005, принимаетъ его подъ свою защиту въ атомъ обвиненіи въ атеизмѣ. Верассъ былъ деистъ.

²⁾ Hist. des Sev., стр. 395.

³⁾ Hist. des Sev., стр. 379: Онъ (священникъ), не менѣ всякаго другого, гражданинъ государства и не менѣ всякаго другого принимаетъ участіе въ управленіи и общественной жизни.

⁴⁾ Hist. des Sev., стр. 378: Существуетъ лишь одинъ явный дозволенный культъ.

Однако, благодаря этому, весь культ солнца низводится до смѣшного фарса,— не хотѣлъ ли Верассъ показать, что всякая официальная религія должна, благодаря развитію сектавства, съ теченіемъ времени превратиться въ фарсъ и прійти въ противорѣчіе съ самой собою? Въ качествѣ причины мирной совмѣстной жизни севарамбовъ, несмотря на различія въ вѣрованіяхъ, Верассъ приводит то обстоятельство, что государственная религія содержитъ больше философіи и человѣческихъ разсужденій, чѣмъ откровеній и вѣрованій, и что поэтому къ ней относятся съ большимъ спокойствіемъ. Это, я думаю, даетъ намъ возможность отвѣтить на нашъ вопросъ утвердительно, и характеризуетъ Верасса какъ мыслителя, безусловно враждебнаго всякому откровенію ¹⁾).

Значеніе книги Верасса заключается не столько въ экономическихъ, сколько въ нравственно-философскихъ взглядахъ его. Прекраснымъ идеямъ Верасса о религіи и терпимости не уступаетъ его остроумное описаніе того вліянія, которое коммунистическій общественный строй производитъ на развитіе характера, ума и тѣла живущихъ при такомъ общественномъ строѣ людей. Двумя, наиболѣе яркими особенностями характера севарамбовъ являются правдивость, соединенная съ чрезвычайной искренностью чувствъ, и благородное честолюбіе, направленное на то, чтобы дѣлать какъ можно больше добра другимъ и пріобрѣсти уваженіе окружающихъ. Благодаря тому, что граждане и гражданки постоянно встрѣчаются между собою во время работы и во время отдыха, во время празднествъ и въ обыденной жизни, у нихъ выработалась утонченная свобода нравовъ, которая самымъ счастливымъ образомъ соединяетъ въ себѣ стыдливую скромность и полную искренность въ словахъ и чувствахъ. «Они стараются пріобрѣсти любовь и уваженіе всякаго, ибо это единственное средство достигнуть почетной должности. Поэтому-то между людьми, желающими получить какую-нибудь общественную должность, замѣчается достойное уваженія соревнованіе, заставляющее ихъ заботливо слѣдить за всѣми ихъ дѣйствіями для того, чтобы не повредить своей репутаціи. Сплетни и клевета строго наказываются, а если кто-нибудь обвиняетъ своего согражданина, будучи не въ состояніи доказать его виновность, то онъ не только объявляется безчестнымъ, но кромѣ того, строго наказывается закономъ» ²⁾). Поэтому же дѣтямъ съ малыхъ лѣтъ внушается, чтобы они говорили правду, а такъ какъ ни бѣдность, ни надежда на выгоды, ни желаніе понравиться своимъ начальникамъ, ни страхъ вызвать ихъ неудовольствіе не могутъ руководить ими, то неудивительно, что среди нихъ не встрѣчается лжецовъ или, во всякомъ случаѣ, встрѣчается очень мало. Два единственныхъ порока, къ которымъ они больше всего склонны отъ природы, это любовь и мстительность. Но первую мудрое законодательство отвело въ русло ранняго брака, а вторую— разумное воспитаніе предупреждаетъ тѣмъ, что обуздываетъ чрезмѣрную гордость раннимъ общеніемъ сверстниковъ между собою.

Про севарамбовъ можно также сказать, что у нихъ прекрасная душа заключается въ прекрасномъ тѣлѣ. «Они сильны и пользуются прекраснымъ здо-

¹⁾ Моръ также приписываетъ своимъ утопійцамъ государственной культъ, но такъ какъ утопійцы всѣ поклоняются единому божественному существу, то культъ этотъ нисколько не противорѣчитъ обрядамъ, составляющимъ принадлежность каждой секты и совершаемымъ приверженцами этихъ сектъ на дому.

²⁾ Hist. des Sov., стр. 290—291.

ровемъ. Причиной этого является ихъ рожденіе, ихъ образъ жизни и веселость»¹⁾). Ихъ рожденіе является причиной этого потому, что отцы и матери ихъ, соединившіеся благодаря одной лишь любви, любятъ другъ друга гораздо больше, чѣмъ вступившіе въ бракъ по другимъ побужденіямъ. Согласно древнему народному повѣрью, дѣти любви лучше дѣтей, зачатыхъ при лѣтливо и съ отвращеніемъ выполняемыхъ супружескихъ обязанностяхъ. Эта мысль у многихъ утопистовъ повліяла на выработку системы брака. Единственнымъ исключеніемъ является половой подборъ у Кампанеллы, не признающаго индивидуальной любви. Ихъ образъ жизни является причиной здоровья потому, что они ведутъ воздержную жизнь и не страдаютъ отъ голода и жажды, потому что они избѣгаютъ излишествъ и выполняютъ физическую работу не переутомляясь. Ихъ развлеченія и веселый нравъ опять-таки способствуютъ здоровью, ибо они не знаютъ ни заботъ, ни жадности, «пожирающихъ души тѣхъ, кто вынужденъ ежедневно заботиться о своихъ настоящихъ и будущихъ потребностяхъ»²⁾). Они ни въ чемъ не терпятъ недостатка, и главная ихъ забота направлена на то, чтобы съ умѣренностью пользоваться истинными наслажденіями жизни». Но все, что содѣйствуетъ здоровью севарамбовъ, въ такой же мѣрѣ содѣйствуетъ и красотѣ обоихъ половъ; хотя у нихъ и не встрѣчается утонченныхъ и нѣжныхъ красавицъ нашего времени, похожихъ больше на восковыя куклы, зато среди нихъ попадаются мужчины и женщины съ красивыми и правильными чертами, съ нѣжной и гладкой кожей, съ сильными, стройными тѣлами, со свѣжимъ и яркимъ цвѣтомъ лица и съ мужественной, избличающей здоровье осанкой, какіе у насъ встрѣчаются рѣдко³⁾).

Было бы чрезвычайно интересно и полезно болѣе детально сравнить англичанина Мора съ французомъ Верассомъ и показать, почему у этихъ двухъ, совершенно различно направленныхъ умовъ, на фундаментѣ, созданномъ рѣзкой критикой, возникли настолько различныя идеальныя зданія. Но, къ сожалѣнію, узкія рамки нашей статьи не позволили намъ сдѣлать этого, и намъ пришлось ограничиться лишь краткими намеками, разбросанными въ разныхъ мѣстахъ этой главы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Политическіе романы и описанія путешествій XVII и XVIII столѣтій.

Какъ «Утопія» Мора, такъ и Верассова «Исторія севарамбовъ» вызвала во Франціи безчисленное множество подражаній⁴⁾). Въ теченіе нѣкотораго времени чѣтатель чувствовалъ себя прямо заваленнымъ описаніями мудрыхъ и добродѣтельныхъ народовъ, обитавшихъ въ самыхъ разнообразныхъ, но въ большинствѣ случаевъ необыкновенно плодородныхъ и богато одаренныхъ природой странахъ міра. Однако, большинству этихъ подражателей недостаетъ, прежде всего,

¹⁾ Hist. des Sev., стр. 292.

²⁾ Hist. des Sev., стр. 293.

³⁾ Hist. des Sev., стр. 294.

⁴⁾ Cp. Voyages imaginaires, X. Введеніе, стр. 6—8.

творческой фантазія, которую Верассъ проявляетъ въ столь значительныхъ размѣрахъ, и благодаря которой его книга кажется скорѣе изображеніемъ дѣйствительно существующей страны, чѣмъ вымышленнаго идеальнаго государства; съ другой стороны они не въ состояніи понять глубокую тенденцію этого сочиненія. Вещь второстепенная, описаніе путешествія, становится для подражателей главнымъ предметомъ ихъ сочиненія и съ теченіемъ времени все болѣе увеличивается въ объемѣ, а въ то же время изображеніе идеальнаго государства совсѣмъ исчезаетъ, какъ вещь второстепенная. Одно приключеніе нагромождается на другое; кораблекрушенія слѣдуютъ одно за другимъ, до тѣхъ поръ, пока герою, или героямъ, которыхъ авторъ предназначилъ къ посѣщенію земнаго рая, не удастся, наконецъ, счастливо достигнуть его. Но часто и тутъ ихъ не оставляютъ въ покоѣ. Они проходятъ идеальную страну изъ конца въ конецъ и затѣмъ находятъ опять корабль, воздушный шаръ, птицу-великана или какой-либо другой экипажъ, который служить для странниковъ средствомъ вернуться на родину и рассказать своимъ удивленнымъ соотечественникамъ чудеса объ отдаленныхъ странахъ, и здѣсь авторъ книги слышитъ ихъ; бываетъ и такъ, что современный Одиссей много лѣтъ скитается изъ страны въ страну, терпитъ страданія и нужду, отъ которыхъ его спасаетъ сострадательная душа, — либо подоспѣвшій авторъ книги, либо его другъ, которые улачиваютъ по счету трактирщика, у котораго онъ живетъ, или издержки по возвращенію на родину и въ благодарность за это получаютъ отъ странника передъ смертью, — большею частью эти странники умираютъ не достигнувъ родины, — рукопись съ изложеніемъ его приключеній. Напрасно мы стали бы искать у подражателей Верасса золотой середины, которой онъ умѣлъ держаться въ своемъ изложеніи. На ряду съ искателями приключеній, для которыхъ главную роль играетъ вступленіе и заключеніе, описаніе же идеальнаго государства является лишь вводнымъ эпизодомъ, существуетъ другой классъ писателей, для которыхъ поэтическая оболочка является лишь стѣсненіемъ и которые поэтому ограничиваютъ ее одной-двумя страницами, не будучи въ состояніи совсѣмъ отдѣлаться отъ вошедшей въ обычай формы изложенія. Но насколько эти произведенія обнаруживаютъ поразительное однообразіе по формѣ, настолько же, съ другой стороны, они поразительно разнообразны по своему содержанію. Насъ вводятъ въ государства, въ которыхъ существуютъ всевозможныя формы управленія, отъ абсолютной монархіи, до полнѣйшей анархіи, а также смѣсь разныхъ формъ управленія, отъ аристократо-демократической монархіи до монархо-аристократической республики, часто еще съ примѣсью теократическаго элемента; мы знакомимся тамъ съ желтой, черной и бѣлой расами, съ великанами, карликами и обыкновенными людьми, съ животными-людьми и людьми-животными; мы скитаемся по невѣдомымъ землямъ внутри африканскаго материка, попадаемъ на отдаленнѣйшіе берега южнаго моря, спускаемся внутрь нашей земли, и переносимся въ предѣлы вселенной, съ луны на планету, съ одной планеты на другую, — короче говоря, всякая комбинація, какую только способна придумать самая богатая человѣческая фантазія, получаетъ здѣсь свое изображеніе, иногда отталкивающее, неуклюжее и шаблонное, иногда причудливое, но иногда также прекрасное и гармонически построенное¹⁾. Само собой понятно,

¹⁾ Собраніе такихъ сочиненій представляеть собой изданіе: *Voyages imaginaires*, Парижъ 1787—89 гг. 36 томовъ и три дополнительныхъ.

что изъ цѣлой груды этихъ произведеній, созданныхъ въ теченіе двухъ вѣковъ, нами будутъ рассмотрѣны лишь тѣ, въ которыхъ съ одной стороны сдѣлана серьезная попытка критики существующаго государственнаго и общественнаго строя, а съ другой стороны, какъ основа изображаемаго идеальнаго государства, выставлена коммунистическая форма собственности.

I. La Terre Australe.

Возьмемъ прежде всего книгу «La terre australe connue»¹⁾, которая вышла въ свѣтъ, спустя годъ послѣ англійскаго изданія сочиненія Верасса, но еще до появленія французскаго, такъ что безъ сомнѣнія она имѣетъ право на самостоятельность. Помѣщенное въ началѣ описаніе путешествія также необычайно, какъ и мысль о народѣ андрогиновъ, который будто бы населяетъ пятую, еще не изслѣдованную часть свѣта, но уже Байль обратилъ вниманіе на то, что въ книгѣ можно найти больше, чѣмъ это кажется сначала. Онъ приводитъ утвержденіе книги, что австралійцы происходятъ не отъ Адама, но отъ нѣкоего Андрогиана, который не выходилъ, подобно Адаму, изъ состоянія невинности. Авторъ, путемъ изображенія преадамитической системы, хотѣвшій будто бы опровергнуть ученіе церкви, выбралъ для этого такую фантастическую оболочку лишь съ цѣлью усыпить бдительность цензоровъ²⁾. Большую часть книги занимаютъ религіозныя разсужденія, останавливаясь на которыхъ здѣсь не мѣсто; главный интересъ для насъ составляютъ главы: пятая «de la constitution des Australiens et de leurs coûtumes» и седьмая «des sentiments des Australiens sur cette vie». Австралійцы представляютъ гермафродитическій народъ, живущій въ полнѣйшей невинности и потому не знающій употребленія одежды. Они не нуждаются ни въ какомъ управленіи и не знаютъ, что значить твое и мое³⁾. У нихъ все въ такой совершенной формѣ является общимъ, что европейскіе мужъ и жена не могутъ жить въ болѣе полной общности во всѣхъ отношеніяхъ. Передъ нами народъ, жизнь котораго построена на принципахъ коммунистическаго анархизма. Основанія анархіи слѣдующимъ образомъ излагаетъ

¹⁾ Полное ея заглавіе таково: La terre australe connue: c'est-à-dire la description de ce pays inconnu jusqu'ici, de ses moeurs et de ses coûtumes, par Mr. Sadeur, avec les aventures qui le conduisirent en ce continent, et les particularitez du séjour qu'il y fit durant trente-cinq ans et plus, et de son retour. Reduites et mises en lumière par les soins et la conduite de G. de E. à Vannes par Jacques Vernevil, rue St. Gilles 1676. Байль считаетъ авторомъ этой книги нѣкоего Габріэля Фуаньи, кордельера одного лотарингскаго монастыря, или же одного бретонскаго дворянина „grand admirateur de Lucrèce“. Bayle, Dictionnaire Historique, ed. tertia. Роттердамъ 1720, III, стр. 2509. Книга пользовалась большимъ успѣхомъ. Упомянемъ еще передѣлку ея F. Ragueneot'омъ: Les aventures de Jacques Sadeur dans la decouverte et le voyage de la terre australe à Paris 1692; затѣмъ изданія: Парижъ 1693, 12°, Парижъ, 1705, 8°; Амстердамъ 1732, 12°; наконецъ, англійскій переводъ, Лондонъ 1693, 12°.

²⁾ Bayle, Diction. Histor., III стр. 2509, Прим. G. Онъ прибавляетъ еще, что многіе авторы также избирали подобную форму, а въ числѣ прочихъ и авторъ „Исторіи севарамбовъ“.—Ср. ученіе Гармонистовъ въ Америкѣ.

³⁾ „Они не знаютъ, что означаетъ мое и твое“. La terre australe, ed. 1676 г., стр. 80.

старикъ австраліецъ въ разговорахъ, которые онъ ведетъ съ Жакомъ или върнѣе съ Николаемъ Садеромъ, потерпѣвшимъ у австралійскихъ береговъ кораблекрушеніе европейцемъ. Этотъ послѣдній доказывалъ, что толпа не можетъ существовать безъ порядка, чтобы при этомъ не впасть въ безпорядокъ, что всякій порядокъ необходимо предполагаетъ существованіе начальника, которому всѣ прочіе обязаны повиноваться. Возражая на это, австраліецъ развиваетъ слѣдующую мысль. Свойство человѣческой природы, что человѣкъ рождается свободнымъ; лишь отрекаясь отъ своей человѣческой природы, можетъ онъ подчиниться другому, но благодаря этому самому подчиненію своему, спускается на стенью животнаго. Какъ пѣлъ должна быть выше и благороднѣе причины, такъ и человѣкъ рождается не для служенія (service) другому человѣку. Существо человѣка заключается въ свободѣ, и лишить его свободы, значило бы заставить его существовать безъ своей сущности. Даже если связать человѣка и держать его въ заточеніи, и тогда онъ можетъ потерять внѣшнюю свободу движенія, но никакъ не внутреннюю свою свободу. Австраліецъ, которымъ руководятъ эти принципы, очень часто исполняетъ то, о чемъ просятъ его его соплеменники, но ничего не дѣлаетъ, если ему приказываютъ. Самое слово «приказаніе» ему ненавистно; онъ дѣлаетъ лишь то, что указываетъ ему его разумъ, такъ какъ собственный разумъ есть его законъ, его правило, его единственный руководитель¹⁾. Индивидуалистическій принципъ существуетъ у нихъ во всей полнотѣ и, совершенно послѣдовательно, этотъ австралійскій народъ не имѣетъ никакого управленія и никакихъ должностныхъ лицъ. Защита страны отъ вторженія враждебныхъ сосѣдей также совершается не по приказанію какого-либо вождя или учрежденія, но по свободному соглашенію и уговору жителей между собою. Трудность регулированія процесса производства у многочисленнаго народа лишь свободной волей отдѣльныхъ единицъ и безъ всякой верховной власти, авторъ разрѣшаетъ въ высшей степени просто: тамъ вовсе не существуетъ процесса производства. Роскошная и щедрая природа, благоприятный климатъ, а также отсутствіе потребностей у обитателей страны дѣлаютъ его совершенно излишнимъ. Каждый имѣетъ одинаковое съ другими право на всѣ плоды земные, и такъ какъ ихъ имѣется избытокъ и получаютъ они безъ всякаго труда, то никакихъ недоразумѣній никогда не бываетъ. Такъ же просто разрѣшается этимъ гермафродитическимъ народомъ и вопросъ о приростѣ народонаселенія, и эта проблема рѣшается тѣмъ, что ее прежде всего лишаютъ ея проблематическаго характера. Ростъ народа регулируется единственнымъ простымъ закономъ, что каждый австраліецъ долженъ доставить обществу по крайней мѣрѣ одного ребенка²⁾, а такъ какъ австралійцы лишены половых ощущеній, то они и ограничиваются однимъ ребенкомъ. Въ высшей степени странно, какъ авторъ книги не замѣтилъ, что этимъ закономъ нарушается принципъ неограниченной свободы личности.

Совмѣстная жизнь этихъ свободныхъ индивидовъ становится возможной,

¹⁾ La terre australe, стр. 107—108.

²⁾ Здѣсь другой образецъ небрежности, съ которой работала Клейнвехтеръ. Онъ говоритъ въ своей книгѣ „Die Staatsromane“, стр. 24: Каждый австраліецъ обязанъ ежегодно (!) доставить государству одного ребенка, въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ написано: Они обязаны доставить, по крайней мѣрѣ, одного ребенка, стр. 79, изд. 1676 г., а также изд. 1692 г.!

благодаря равному для всѣхъ ихъ воспитанію, главная задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы съ ранняго дѣтства вселять въ нихъ чувство полнѣйшаго равенства. Безусловную причину всѣхъ столкновеній и безпорядковъ слѣдуетъ искать въ неодинаковомъ воспитаніи, какое существуетъ въ европейскихъ странахъ. Ибо тотъ, кто знаетъ меньше, всегда будетъ стоять ниже знающаго больше, и будетъ чувствовать себя тѣмъ несчастнѣе, что по рожденію всѣ равны, и это каждому извѣстно. У австралийцевъ же, благодаря равенству воспитанія, всѣ почитаютъ для себя за честь быть во всѣхъ отношеніяхъ равными другимъ; гордость ихъ заключается въ томъ, чтобы казаться одинаковыми и быть одинаково образованными ¹⁾).

II. Жакъ Массе.

Въ книгѣ, повѣствующей намъ о «Путешествіяхъ и приключеніяхъ Жака Массе» ²⁾), религіозный вопросъ также стоитъ на первомъ планѣ. Религіей изображаемаго тамъ идеальнаго народа является чистый деизмъ. «Вѣрую — говорится въ ихъ символѣ вѣры — во врожденную субстанцію, во всеобщаго, безконечно мудраго, добраго и справедливаго духа, независимое и неизмѣнное существо, сотворившее небо и землю» ³⁾). Несмотря на это, безсмертіе души у нихъ не признается. Въ книгѣ вѣтъ недостатка въ рѣзкихъ нападкахъ на христіанство и въ особенности на его представительницу — церковь; къ нимъ присоединяется, какъ и у Мелье, ѣдкая критика воинственной политики еврейскихъ государей, которые вызываютъ войны по самымъ ничтожнымъ поводамъ, изъ-за честолюбія или каприза, лживости королей и священниковъ, изъ которыхъ послѣдніе своею проповѣдью божественнаго помазанничества своихъ господъ и богоугодности ихъ войнъ съ невѣрными и еретиками, крѣпко держатъ легко-вѣрный народъ въ рабствѣ и подчиненіи; наконецъ, глупость народа, который до того тупъ, что безъ сопротивленія позволяетъ вести себя на рѣзню и на уничтоженіе себѣ подобныхъ ⁴⁾).

Основанъ ли процессъ производства у идеальнаго народа на коммунистическихъ началахъ, на это мы не находимъ никакихъ прямыхъ указаній; но хотя въ одномъ мѣстѣ книги говорится о непосредственномъ обмѣнѣ товаровъ, въ другомъ о мѣдныхъ деньгахъ, все же, судя по всему строю государства, его городовъ и деревень, тамъ господствуетъ родъ коммунистическаго хозяйства. Вся страна раздѣлена на равные квадратной формы кантоны, окруженные со всѣхъ сторонъ каналами. Въ каждомъ кантонѣ имѣется судья и священникъ. Судьи каждаго губернаторства, которое состоитъ изъ десяти кантоновъ, отъ времени до времени устраиваютъ собранія, на которыхъ занимаются судебными дѣлами и устройствомъ общей полиціи. Кромѣ того, существуетъ еще «Assemblée illustre», которая состоитъ изъ депутатовъ, выбранныхъ отъ каждаго десяти губернаторовъ, и въ которой предсѣдательствуетъ король. Чѣмъ собственно за-

¹⁾ La terre australe, стр. 99.

²⁾ Voyages et aventures de Jacques Massé, Бордо, 1710 г.

³⁾ Voyages etc., стр. 157.

⁴⁾ Voyages etc., стр. 219—220.

нимается послѣдній и сама *Assemblée*,—остается неяснымъ. Дѣятельность короля въ этой исторіи ограничивается тѣмъ, что онъ обучается у пріѣзжихъ европейцевъ изготовленію часовъ и время отъ времени вступаетъ въ бракъ съ красавицей страны. Въ этой книгѣ изображеніе общественныхъ отношеній въ идеальномъ государствѣ слишкомъ отстаетъ на задній планъ, по сравненію съ безчисленными приключеніями, которымъ подвергаются оба героя, во время своего путешествія и возвращенія домой.

III. Республика философовъ.

Изъ міра приключеній Садера и Массе оставленное Фонтенелемъ сочиненіе вводитъ насъ въ обычныя условія жизни. Въ своей «Республикѣ философовъ, или исторіи ажаоивъ» ¹⁾ знаменитый философъ и писатель оставилъ намъ планъ коммунистическаго государства, въ которомъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто проглядываетъ его незаконченность. Прежде всего этому обстоятельству мы приписываемъ явныя, порой даже грубыя противорѣчія, которыя встрѣтятся намъ позже, при изложеніи этого сочиненія. Планъ сочиненія обнаруживаетъ необыкновенное сходство съ «Исторіей севарамбовъ» Верасса. Здѣсь, какъ и тамъ, фигурируютъ голландцы, которые выброшены бурей на берегъ неизвѣстной имъ страны и приняты самымъ дружелюбнымъ образомъ высоко-культурными обитателями ея. Сходство охватываетъ самыя мельчайшія подробности.

У обоихъ авторовъ, напримѣръ, потерпѣвшіе крушеніе первоначально были помѣщены въ большомъ домѣ, внѣ города, и прежде чѣмъ отправиться въ главный городъ, были облечены въ одежду, предназначенную обычаями страны для иностранцевъ. Но сухой тонъ книги Фонтенеля находится въ непріятномъ противорѣчій съ живымъ, подвижнымъ изображеніемъ Верасса. Столь же мало преимуществъ передъ Верассомъ можно констатировать какъ въ описаніи общественной жизни и изображеніи коммунистическаго производства, такъ и въ описаніи отношеній обоихъ половъ. Лишь религія ажаоивъ болѣе развита, а именно въ связи съ развитіемъ религіозныхъ воззрѣній XVIII столѣтія, на мѣсто деизма, который мы встрѣчали въ предыдущихъ утопіяхъ, здѣсь находимъ родъ атеистическаго поклоненія природѣ.

У ажаоивъ нѣтъ культа, ни священныя книгъ, ни храмовъ, ни алтарей, ни священниковъ. Два принципа, ведущіе свое начало отъ чистаго здраваго разсудка и отъ самой природы и обладающіе неоспоримой ясностью и точно-стью, служатъ у нихъ мѣриломъ для всѣхъ ихъ чувствъ и воззрѣній.

Первый изъ нихъ:

То, что не существуетъ, не можетъ дать существованія никакой вещи.

И второй:

Поступай по отношенію къ твоимъ ближнимъ такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы поступали по отношенію къ тебѣ.

Изъ этого перваго принципа ажаоивы выводятъ свои воззрѣнія на религію.

¹⁾ La Republique des Philosophes ou Histoire de Ajaoiens. Ouvrage posthume de M. de Fontenelle, Женевы, 1768 г.

Они смотрятъ на природу, какъ на свою добрую мать, которая вѣчно въ своемъ существованіи даетъ жизнь всѣмъ твореніямъ и во всемъ поддерживаетъ необходимый порядокъ. Вѣра въ высшее, невидимое существо, существованія котораго никогда нельзя доказать а priori, кажется имъ глупой. Къ чему, спрашиваютъ они, совершать длинную окольную дорогу отъ этого неизвѣстнаго Бога, черезъ природу, къ человѣку? Существуетъ лишь природа и она сотворила человѣка, какъ и все остальное. Но безличная, какова она есть, она не можетъ быть разсматриваема, какъ божество, и желать тронуть эту безличную сущность молитвами—абсурдъ. Законы природы неизмѣнны, круговоротъ ихъ совершается вѣчно въ одномъ и томъ же порядкѣ, и ничто не можетъ направить ихъ на другіе пути. Но такъ какъ ничто внѣ природы не существуетъ и все въ ней подвижно, то изъ этого необходимо вытекаетъ, что душа человѣческая преходяща, какъ и все прочее существующее, и что она не есть субстанція. Разумъ, который считается признакомъ отличія человѣка отъ животныхъ, ажаоими признается въ такой же мѣрѣ принадлежностью прочихъ живыхъ существъ, какъ и людей. Различіе существуетъ лишь количественное, но не качественное. Душа представляетъ лишь часть тонкой и чрезвычайно подвижной матеріи, которая въ большемъ или меньшемъ количествѣ находится во всѣхъ тѣлахъ и распространена во всей природѣ.

При такихъ философскихъ взглядахъ, разумѣется, не можетъ быть никакой религіи и никакого священства. Главы семей по вечерамъ разсказываютъ членамъ ихъ объ обязанностяхъ добраго гражданина, — въ этомъ и заключается богослуженіе ажаоивѣвъ. И несмотря на это государство ихъ существуетъ и находится въ болѣе здоровомъ состояніи, а также исполнено болѣе чистой нравственности, чѣмъ какое-либо другое, въ которомъ государственная церковь, съ ея пышнымъ культомъ и безчисленнымъ священствомъ, проповѣдуетъ ученіе одной изъ многочисленныхъ религій.

Островъ Ажао раздѣленъ на шесть округовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой главный городъ и представляетъ изъ себя своего рода республику. Вольшій изъ этихъ округовъ дѣлится на шесть треугольниковъ, которые образуютъ столько же кварталовъ. Въ каждомъ кварталѣ находится отъ шести до восьмисотъ домовъ (длинные, одноэтажные зданія съ плоской, сдѣланной изъ золота или кожи крышей), въ каждомъ изъ которыхъ обитаетъ двадцать семей. Основой всего государственнаго строя здѣсь служитъ, какъ и у Мора, семья, которая состоитъ изъ главы семьи, называемаго минхомъ, двухъ его женъ и дѣтей. Каждые двадцать отцовъ семейства совмѣстно выбираютъ двухъ минхистовъ, которые наблюдаютъ за цѣлымъ домою. Служебныя полномочія ихъ продолжаются два года, причемъ ежегодно одинъ изъ нихъ долженъ быть избираемъ вновь. Сорокъ минхистовъ, отъ каждыхъ двадцати расположенныхъ по сосѣдству домовъ, выбираютъ двухъ минхискоа. Эти восемьдесятъ представителей каждаго городского квартала имѣютъ свой домъ для собраній, гдѣ они рѣшаютъ дѣла. Изъ числа гражданъ, которые уже были минхискоа, они избираютъ двухъ минхискоа-адоё, образующихъ городской совѣтъ. Городскими совѣтами каждыхъ шести городовъ избирается по четыре старѣйшихъ и мудрѣйшихъ прежнихъ минхискоа-адоё, изъ которыхъ образуется суверенный совѣтъ страны, избираемый каждый разъ на шесть лѣтъ. Переизбраніе на ту же должность бываетъ рѣдко, ибо въ интересахъ государства, чтобы всѣ граждане по возможности достигали почетныхъ

должностей, чтобы такимъ образомъ пробудить ихъ честолюбіе и съ помощью надежды на почетныя мѣста, которыя даются лишь за заслуги, побудить ихъ вести безпорочную и добродѣтельную жизнь. Въ рукахъ этихъ четырехъ классовъ должностныхъ лицъ находится все управленіе, полиція, юстиція, а также завѣдываніе производствомъ и распредѣленіемъ. Высшая должность есть должность минхискоа-адоё, которые занимаются управленіемъ цѣлымъ округомъ. Они ведутъ точную запись рожденія и смерти гражданъ; точный кадастръ всѣхъ земель своего округа и всѣхъ принадлежащихъ къ нему деревень, въ которомъ записано какъ состояніе полей, такъ и пропорціональное соотношеніе различныхъ культуръ; далѣе — учетъ всѣхъ работниковъ, занятыхъ въ ремеслахъ и искусствахъ, а также количества выработанныхъ ими продуктовъ, чтобы на основаніи ихъ имѣть возможность установить число гражданъ, которые должны обучиться тому или иному ремеслу. Кромѣ того минхискоа-адоё заботятся еще объ обмѣнѣ остатковъ произведеній деревни и перевозкѣ продуктовъ въ городъ, а также объ обмѣнѣ продуктами отдѣльныхъ округовъ. Далѣе они осматриваютъ общественныя зданія, каковы школы, госпитали, общественныя магазины, жилища рабовъ, безъ которыхъ, по примѣру Мора и Верасса, ни одна утопія той эпохи, кажется, не могла существовать, затѣмъ устраиваютъ засѣданія, въ которыхъ принимаютъ жалобы частныхъ лицъ, — короче говоря, ведутъ непрерывно трудовую, безпокойную жизнь. Собственно судебная дѣятельность находится въ рукахъ минхискоа, право наказывать которыхъ очень велико и простирается вплоть до отдачи въ рабство. Несмотря на утверженіе автора книги, что должность адоё-реци, члена верховнаго совѣта, очень утомительна и терниста, такъ какъ они наблюдаютъ за порядкомъ и управленіемъ въ шести городахъ и принадлежащемъ къ нимъ округѣ, мы должны сознаться, что на нашъ взглядъ она вовсе не такъ утомительна. Верховный совѣтъ завѣдуетъ военнымъ дѣломъ, финансами, налогами, постройками, проведеніемъ дорогъ и улицъ, а также обмѣномъ продуктовъ между отдѣльными округами, въ случаѣ если хлѣба окажется не вездѣ одинаково достаточно, — что, впрочемъ, случается очень рѣдко. Во главѣ государственнаго совѣта не стоитъ никакой президентъ, такъ что засѣданія его происходятъ совсѣмъ какъ у современныхъ анархистовъ, безъ предсѣдателя.

Насколько подробно знакомить насъ авторъ съ государственнымъ устройствомъ ажаойевъ, настолько же кратко излагаетъ онъ процессъ производства въ этой странѣ, такъ богато одаренной природою. Разумѣется, нѣтъ ничего легче, какъ набросать схематическій планъ административнаго устройства, установить то или иное число классовъ чиновниковъ и распредѣлить между ними должности, существующія на родинѣ автора, и эта часть сочиненія даже и наименѣе талантливыми утопистами развивается не безъ успѣха. Но заслуга въ этомъ невелика; главный пробный камень для испытанія достоинства утопіи заключается въ описаніи процесса производства. Постигъ ли авторъ тенденціи развивающейся крупной промышленности, увидѣлъ ли онъ въ самомъ ростѣ ея возникающіе зародыши социалистическаго производства, сумѣлъ ли онъ развить ихъ въ своемъ умѣ, какъ въ теплицѣ, гдѣ они могли достигнуть полнаго развитія раньше, чѣмъ при естественныхъ условіяхъ, и включилъ ли онъ ихъ въ свое изображеніе идеальнаго государства, — вотъ вопросы, съ которыми каждый долженъ подходить къ произведеніямъ утопистовъ, и главнымъ образомъ по нимъ долженъ оцѣнивать значеніе этихъ произведеній для исторіи социализма. Если мы приложимъ

этотъ масштабъ къ нашей книгѣ, «Республикѣ философовъ», то найдемъ, что по сравненію съ Верассомъ, она не только не обнаруживаетъ ни малѣйшаго прогресса, но дѣлаетъ значительный шагъ назадъ. Въ изложеніи процесса производства книга являетъ столь полное непониманіе коммунистическаго строя общества, столько грубѣйшихъ противорѣчій, что мы съ своей стороны склонны отвѣтственность за все это возложить не на автора ея, Фонтенеля, а на неизвѣстнаго издателя.

«Мое и твое на островѣ Ажао неизвѣстныя понятія; между тѣмъ тамъ не все абсолютно общее. Никто не владѣеть землей на правѣ частной собственности. Вся земля принадлежитъ государству, которое обрабатываетъ ее и продукты распредѣляетъ между отдѣльными семьями» ¹⁾. Главную роль въ производствѣ, естественно, играетъ земледѣліе. Занимаются имъ молодые пары новобрачныхъ, которыя тотчасъ послѣ бракосочетанія покидаютъ городъ и поселяются въ деревнѣ, въ жилищахъ, предназначенныхъ для нихъ минхискоа-адоѣ. Деревни съ своей стороны пользуются подобіемъ самоуправленія; онѣ выбираютъ минхиста и минхискоа, подобно тому, какъ это дѣлаютъ дома и округа городовъ. Но всѣ эти должностныя лица зависятъ отъ минхискоа-адоѣ городовъ и обязаны представлять имъ ежемѣсячно докладъ обо всемъ. Въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ имѣются хлѣбный амбаръ и магазинъ. Изъ деревень привозится необходимое для потребностей города количество зерна и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Пищевые продукты, собранные въ большихъ рынкахъ города, распредѣляются здѣсь между его кварталами. Минхискоа распредѣляютъ соответствующія доли между домами, минхисты—между семьями. Распредѣленіе это производится каждыя четыре дня. Того же способа придерживаются и относительно одежды населенія. Здѣсь также минхискоа-адоѣ заботятся о заготовленіи достаточнаго количества матерій, которая затѣмъ, сообразно потребностямъ населенія, распредѣляется между нимъ минхискоа или минхистами. Изготовленіе одежды лежитъ на обязанности женщинъ; на Ажао совсѣмъ нѣтъ портныхъ ¹⁾. «Всѣ же прочія второстепенныя вещи—я привожу это мѣсто цѣликомъ, чтобы показать заключающееся въ немъ грубое противорѣчіе,—какъ мебель, обувь, шляпы, кухонная утварь, приобрѣтаются путемъ обмѣна. Благодаря этому обычаю, каждый занимается какою либо профессією, чтобы не терпѣть нужды. Часто случается, что люди для того, чтобы сдѣлать самимъ себѣ удовольствіе, помогаютъ другъ другу въ удовлетвореніи потребностей, какъ подобаетъ людямъ, считающимся братьями и признающимъ одну мать, которой они обязаны своимъ существованіемъ. Такъ что, напримѣръ, жители одного и того же дома, даже принадлежа къ другимъ профессіямъ, сами предлагаютъ другимъ вещи, въ которыхъ тѣ нуждаются, не ожидая просьбы, причѣмъ оставляютъ за собой право, при случаѣ, попросить данное лицо о чемъ-нибудь для себя взамѣнъ. Не менѣе часто случается, что частное лицо, нашедшее нужный ему предметъ у другого, которому ничего не нужно изъ того, что первый могъ бы дать ему въ обмѣнъ, все-таки

¹⁾ La République etc., стр. 70.

²⁾ Объ изготовленіи одежды должностными лицами, по мѣрѣ надобности въ ней, нѣтъ и рѣчи, какъ это утверждаетъ Клейнвектеръ въ „Die Staatsromane“, стр. 68. Въ соответствующемъ мѣстѣ книги говорится объ изготовленіи матерій, а не одежды. Ср. La République, стр. 73 и далѣе стр. 78, гдѣ, какъ и у Мора, написано: каждая женщина шьетъ одежду для всей семьи.

получаетъ этотъ предметъ. Однимъ словомъ, всѣ считаютъ особеннымъ удовольствіемъ обязывать другъ друга, и такое убѣжденіе господствуетъ у всѣхъ жителей этого острова»¹⁾.

Еще въ большемъ противорѣчїи ко всему сказанному въ предыдущихъ главахъ не только относительно производства, но также и относительно географическаго дѣленія страны, находится мѣсто, непосредственно примыкающее къ изложенному выше и описывающее горные промыслы ажаойевъ. Какъ и вся вообще земля, промыслы принадлежать государству, и каждый ажаой посѣщаетъ ихъ по крайней мѣрѣ разъ въ жизни, чтобы увидѣть тамъ чудеса природы и унести съ собою оттуда столько, сколько ему нужно, причемъ такой оборотъ рѣчи оставляетъ неяснымъ, чего унести, чудеса природы или чего-либо другого. Жители этого округа Калюки, который оказывается явившимся вдругъ откуда-то седьмымъ округомъ, — въ то время какъ на стр. 33 и въ другихъ мѣстахъ упоминается лишь шесть округовъ, — занимаются преимущественно обработкой металловъ, такъ какъ земля тамъ мало плодородна. Они обмѣниваютъ эти металлы на товары, которые привозятъ съ собою прїѣзжіе изъ другихъ округовъ, помимо того, что они поставляютъ каждые семь мѣсяцевъ опредѣленное количество металловъ въ магазины пяти другихъ городовъ²⁾. Было бы напраснымъ трудомъ пытаться распутать безконечную цѣпь противорѣчїй, заключающихся въ этомъ и въ вышеприведенномъ мѣстахъ. Съ другой стороны, было бы также чрезвычайно несправедливо приписывать автору книги, будь это Фонтенель или кто-либо другой, такое тупоуміе, что отъ него могли ускользнуть при составленїи книги такія, болѣе чѣмъ грубыя противорѣчїя. Итакъ опустимъ эти страницы, витіеватый стиль которыхъ также не гармонируетъ съ простымъ слогомъ другихъ частей книги, и постараемся такимъ образомъ внести единство въ блѣдное, правда, изображеніе производства ажаойевъ, которое даетъ намъ авторъ.

Каждый ажаой, по достиженїи двадцатилѣтняго возраста, вступаетъ въ бракъ и притомъ съ двумя женами. Мудрый законъ! прибавляетъ авторъ, который, повидимому, испытываетъ передъ женщинами робость, смѣшанную съ нѣкоторымъ ужасомъ, ибо тогда между женами возникнетъ дѣятельное соревнованіе изъ-за привязанности супруга, и онѣ станутъ избѣгать всего, что могло бы причинить ему огорченіе, безпокойство или заботу, которыя такъ обычны въ странахъ, гдѣ женщина часто является болѣе госпожей въ домѣ, чѣмъ бѣдный супругъ, жизнь котораго превращается въ безконечную цѣпь страданій или чаще всего въ настоящій адъ³⁾. Мы не будемъ касаться здѣсь предшествующаго браку ухаживанія, а также церемонїй при его заключенїи, ибо въ существенныхъ чертахъ онѣ позаимствованы авторомъ у Верасса. Освидѣтельствованіе дѣвушки, не скрываетъ ли она какой-нибудь безобразной уродливости, производится по способу, приведенному въ «Утопїи» Мора, но съ маленькимъ видоизмѣненіемъ, которое очень характерно для уточненнаго восемнадцатаго столѣтїя. Наивный Моръ показываетъ будущихъ супруговъ другъ другу совершенно нагими; для нашего автора это слишкомъ грубо! Предусмотрительная мать надѣваетъ на дочь, подъ верхнюю одежду, нѣчто вродѣ рубахи изъ тончайшаго газа. Когда

¹⁾ La République etc., стр. 74, 75.

²⁾ La République etc., стр. 75, 76.

³⁾ La République etc., стр. 112, гдѣ, такимъ образомъ, вопреки Клейнвехтеру, приводятся мотивы двоеженства.

же наступаетъ обрученіе, и всѣ пункты церемоніала бывають выполнены, тогда присутствующіе при этомъ чиновники, также какъ и отецъ невѣсты, на время выходятъ, и гутъ мать снимаетъ съ нея верхнюю одежду и позволяетъ своему будущему зятю разсмотрѣть черезъ газъ всѣ прелести, которыми наградила природа ея дочь ¹⁾). Дѣти, рождающіяся отъ такого брака, воспитываются, каждый полъ отдѣльно, въ большихъ школахъ, которыхъ имѣется по двѣ въ каждомъ городѣ страны. Они постушаютъ туда, достигнувъ пятилѣтняго возраста, и съ этихъ поръ государство все ихъ воспитаніе беретъ на себя. Планъ воспитанія не даетъ ничего новаго. Мы здѣсь также находимъ соединеніе техническаго труда съ духовнымъ и физическимъ развитіемъ, которыя являются неизмѣннымъ пунктомъ воспитательныхъ программъ утопистовъ и отъ нихъ переходятъ и въ программы социалистическихъ партій. Тѣ ученики, которые достигли установленнаго возраста, днемъ отправляются въ городъ, учиться у мастеровъ, обыкновенно своихъ отцовъ, ремеслу, а вечеромъ снова возвращаются въ школу. Дѣвушки воспитываются подобнымъ же образомъ, только начиная съ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ онѣ съ величайшей заботливостью готовятъ себя къ роли будущей матери семейства и поэтому въ особенности обучаются домашнему хозяйству, такъ какъ веденіе его лежитъ всецѣло на женщинахъ. Все воспитаніе ихъ направлено къ тому, чтобы развивать свойства, которыя должны сдѣлать ихъ пріятными и милыми будущему супругу. Обученіе письму считается для нихъ совершенно лишнимъ, ибо онѣ никоимъ образомъ не могутъ принимать участія въ управленіи государствомъ.

Вся культура ажаойевъ зиждется на рабствѣ коренныхъ обитателей страны, участь которыхъ не представляетъ ничего пріятнаго. Пришельцы ажаойи завладѣли островомъ путемъ завоеванія и при этомъ перебили большую часть кореннаго населенія страны; лишь незначительной части его они даровали жизнь, чтобы внослѣдствіи употреблять его въ качествѣ рабовъ. Эти послѣдніе, какъ и ихъ потомство, являются собственностью государства. Чтобы избѣгнуть слишкомъ большого размноженія ихъ, первоначально излишнихъ дѣтей убивали, а потомъ стали отвозить ихъ на китайскій берегъ и тамъ подкидывать. Живутъ рабы въ особыхъ казармахъ, гдѣ ихъ черезъ часъ послѣ захода солнца запирають; всякія сношенія съ рабами другихъ кварталовъ строго запрещены. Это совсѣмъ не гуманное, основанное на рабскомъ трудѣ хозяйство, при изображеніи котораго автору представлялись Спарта съ ея илотами, а также рабство негровъ, не стоить ни въ какой связи съ прочими учрежденіями государства, такъ какъ ажаойи вовсе не ведутъ жизнь лѣнивыхъ туендцевъ—рабовладѣльцевъ, которые весь трудъ сваливали бы на своихъ многочисленныхъ государственныхъ рабовъ, но сами являются прилежными работниками, какъ въ земледѣліи, такъ и въ ремеслѣ.

IV. La découverte australe et Lettre d'un singe Ретифа.

Отъ Фонтенеля къ Ретифу ²⁾! Отъ сухой разсудочности къ самой безудержной фантазіи—вотъ скачекъ, который намъ теперь предстоитъ сдѣлать, чтобы послѣднее изъ утопическихъ описаній путешествій и въ то же время

¹⁾ La République etc., стр. 114

²⁾ Ретифъ, Николай Эдмъ (изъ Бретани), родился въ Саси (Бургонь) 23 октября 1734 года. Первые годы своей жизни онъ провелъ въ родной деревнѣ, гдѣ отецъ

последній изъ коммунистическихъ политическихъ романовъ XVIII столѣтія присоединить, въ качествѣ послѣдняго звена, къ цѣпи уже описанныхъ раньше. Совсѣмъ сумасбродная книжка—такъ называется Моль ¹⁾ книгу Ретифа *La découverte australe*; Клейнвехтеръ ²⁾ называетъ эту книгу четырехтомной глупостью, съ проблескомъ серьезности въ послѣднемъ томѣ, а авторъ *Schlaraffia politica* ³⁾ разумѣется повторяетъ этотъ приговоръ безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Лишь въ одномъ пунктѣ его признають, по примѣру Моля, и оба другіе критика, а именно въ томъ, что онъ считаетъ необходимымъ своего рода переходное состояніе, чтобы привести европейцевъ отъ основаннаго на частной собственности и конкуренціи общественнаго строя, къ строю коммунистическому. Но если бы эти господа потрудились познакомиться съ Ретифомъ нѣсколько основательнѣе, то они нашли бы, что его отношеніе къ коммунизму гораздо серьезнѣе,—настолько серьезно, что въ своихъ романахъ онъ не упускалъ случая критиковать существующее общество и рекомендовать коммунизмъ, какъ единственное средство избавленія отъ всѣхъ золъ и пороковъ, какъ единственное средство спасенія для больнаго общества; и не было бы надобности критикамъ ломать голову надъ намѣреніями автора, такъ какъ онъ очень обстоятельно говоритъ намъ о планѣ своей книги. Въ своей извѣстной автобіографіи «Мосье Николая» онъ подробно говоритъ о цѣляхъ, которыя преслѣдовало изданіе этой книги. «Извѣстно, что «*Découverte australe*» ⁴⁾ представляетъ изъ себя физическій романъ, за исключеніемъ исторіи Викторина... Вазисъ физической системы покоится на той идеѣ, что первоначально было создано только одно животное, и далѣе, что это единственное живое существо образовало бы лишь одинъ единственный родъ, еслибы на земномъ шарѣ повсюду была одинаковая поверхность и одинаковая температура. Но такъ какъ всѣ пункты земнаго шара немного различаются между собою, и такъ какъ поверхность его производитъ повсемѣстно животныя и растительныя существа, то вслѣдствіе этого съ неизбѣжностью случилось, что живыя существа обнаружили безконечное разнообразіе, какъ по физическому строенію, такъ и по моральнымъ качествамъ, но переходъ отъ одного къ другому долженъ былъ совершиться съ почти незамѣтной постепенностью. При первоначальномъ образованіи живыхъ существъ, а именно, когда наша планета вышла въ формѣ кометы изъ давшаго ей начало солнца, зародыши, находящіеся почти въ состояніи кипѣнія, создали живыя существа, представляющія смѣсь изъ различныхъ видовъ, напр. альбиносы и проч... Всѣ живыя существа смѣ-

его занимался земледѣліемъ, затѣмъ поступилъ въ ученіе къ типографу въ Оксеррѣ, а оттуда отправился въ Парижъ, гдѣ и сталъ вести чрезвычайно дѣятельную, полную превратностей жизнь, сначала въ качествѣ наборщика, а затѣмъ—писателя. Умеръ онъ въ Парижѣ 3 февраля 1806 года. Потомъ мы еще подробнѣе остановимся на этомъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова необыкновенномъ, теперь забытомъ человѣкѣ.

¹⁾ Mohl, *Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften*, Эрлангенъ 1855 г., I. стр. 198.

²⁾ Kleinwächter, *Die Staatsromane*, стр. 24.

³⁾ *Schlaraffia politica*, Лейпцигъ, 1892, стр. 212.

⁴⁾ Полное заглавіе книги таково: *La Découverte australe par un homme volant ou le Dédale français; nouvelle très philosophique, suivie de la Lettre d'un Singe etc.* Imprimé à Leipsick; et se trouve à Paris. На имѣющемся въ нѣкоторыхъ экземплярахъ подѣльномъ заглавномъ листѣ выставленъ 1781 годъ. См. подробную бібліографію у Jacob'a, *Bibliographie et Iconographie de tous les ouvrages de Restif de la Bretonne*, Парижъ 1875 г., стр. 198—207.

шались въ цѣляхъ воспроизведенія, но мало-по-малу образовались отдѣльные роды... Въ моральной области дѣло было гораздо легче, такъ какъ я надѣлилъ различные народы науками, нравами и обычаями, какъ то указала мнѣ моя философія. Это можно видѣть на ученіяхъ такъ называемыхъ мегалатагонцевъ, идеи которыхъ совершенно соотвѣтствуютъ природѣ» ¹⁾).

Изложеніе нравственнаго романа, исторія Викторина, представляется намъ очень смѣлымъ, но тогда было необычное время, воздухоплаваніе дѣлало свои первые шаги, и открываемыя имъ перспективы вскружили головы многимъ людямъ. Фантастическій духъ Ретифа былъ захваченъ страстной мечтой увидѣть человѣка господиномъ воздушнаго океана, и онъ съ настойчивостью ухватился за нее ²⁾. Къ изобрѣтенію летанія въ этомъ романѣ побудила крестьянскаго юношу любовь, эта «все побѣждающая богиня», служенію которой Ретифъ посвятилъ всю свою жизнь. Съ помощью изобрѣтенной имъ могучей летательной машины, юноша устраиваетъ на недоступномъ плато небольшой поселокъ, приноситъ туда нѣсколькихъ людей, въ томъ числѣ священника, затѣмъ, необходимыхъ животныхъ и другіе предметы, и наконецъ, когда все было готово для принятія своей госпожи, онъ переноситъ туда также и избранницу своего сердца, дочь своего сеньора. Подъ его управленіемъ маленькая колонія быстро разрастается и ведетъ необыкновенно счастливую жизнь. «Что за прелестная республика,—воскликаетъ восхищенный поэтъ,—и развѣ это такъ необходимо, чтобы люди могли быть счастливы, собираясь лишь въ небольшомъ числѣ? Тамъ не было вовсе пороковъ и господствовали всѣ добродѣтели... Всѣ люди тамъ жили настолько же для другихъ, какъ и для себя... Не было никакихъ отдѣльныхъ интересовъ, никакихъ пороковъ. Пороки были бы тамъ глупостью, и человѣкъ никогда не бываетъ пороченъ, развѣ только тогда, когда социальная система, при которой онъ живетъ, настолько плоха, что порокъ представляетъ выгоду... Каждое общество, которое настолько невелико, что отдѣльныя личности тамъ всѣ равны, всѣ другъ друга знаютъ, всѣ другъ другу необходимы,—такое общество, въ силу необходимости, счастливо и добродѣтельно, въ этомъ вся суть. Я не знаю, открылъ ли ее какой-нибудь моралистъ» ³⁾. Когда же населеніе становится слишкомъ значительнымъ для плато, Викторинъ и его сыновья, которые точно такъ же научились летать, переносятъ излишнее населеніе, *bag and baggage* (со всѣми пожитками),

¹⁾ Monsieur Nicolas ou le Coeur-humain dévoilée, publié par lui même, ч. VIII, стр. 4719—22.

²⁾ На Ретифа сильно подѣйствовали различныя книги, въ которыхъ высказывалась мысль о летаніи людей, а также и практическія попытки этого летанія. Изъ книгъ прежде всего надо назвать кн. Père Galien, L'Art de naviger dans les airs, 1755 г., новое изд. 1757 г. Въ 1772 году аббатъ Дефоржъ построилъ летательную машину, описанія которой были помѣщены въ журналахъ того времени. Не подлежить сомнѣнію вліяніе романа „Les hommes volants par Pierre Wilkins“, Парижъ 1763 г. 6 т. Книга содержитъ рядъ рисунковъ, на которыхъ летающіе люди изображены въ различныхъ стадіяхъ своего полета. Но Ретифъ заходитъ еще дальше, чѣмъ книга Вилькинса. Въ то время, какъ у послѣдняго летающіе люди рождаются съ летательной перепонкой, у Ретифа на воздухъ поднимаются обыкновенные смертные съ помощью особаго аппарата. Достоинно вниманія еще и то, что механизмъ Ретифа соединяетъ въ себѣ приспособленіе для поступательнаго движенія, похожее на крылья птицъ, съ парашютомъ: Авторъ „Schlaraffia politica“ избавился бы отъ совершенно невѣрныхъ догадокъ относительно времени и условій созданія „Découverte australe“, если бы далъ себѣ трудъ заглянуть въ цитируемую имъ же книгу Tissandier, La navigation aérienne etc.

³⁾ La Découverte etc. I., стр., 140, 141.

на одинъ изъ острововъ Южнаго Океана. Отсюда летающая семья предпринимаетъ рядъ полетовъ, которые даютъ Ретифу поводъ къ его физическимъ разсужденіямъ. Во время одной изъ такихъ экспедицій, Викторинъ попадаетъ въ страну патагонцевъ, которые отводятъ его къ мегапатагонцамъ; ихъ государство и является столь долго отыскиваемымъ идеальнымъ государствомъ ¹⁾.

Мораль мегапатагонцевъ въ высшей степени эвдемонична. Всѣ стремленія ихъ направлены къ тому, чтобы избѣгать непріятныя впечатлѣнія, и наоборотъ воспринимать всѣ тѣ, которыя нормальнымъ образомъ вызываютъ пріятныя ощущенія, не ослабляя и не притупляя при этомъ органовъ. Вслѣдствіе этого у нихъ существуетъ основной законъ, согласно которому, цѣлью общества является максимумъ наслажденія для живущихъ въ немъ индивидовъ. Такимъ образомъ мораль ихъ заключается въ томъ, чтобы кратчайшимъ и свободнымъ отъ помѣхъ путемъ добиваться средствъ, ведущихъ къ благоденствію. Но необычайную устойчивость этой морали придаетъ то обстоятельство, что она не предоставлена, подобно европейской капризу каждаго отдѣльнаго человѣка. Благодаря равенству и общности, она дѣйствуетъ цѣлессобразно и открыто: равенство подрѣзываетъ корни всѣхъ пороковъ. Вотъ краткія правила, содержащія главные пункты ихъ общественной морали:

1. Будь справедливъ къ брату твоему, т. е. не требуй отъ него ничего, и не причиняй ему ничего, чего ты самъ не хотѣлъ бы дать, или чего ты не хотѣлъ бы, чтобы тебѣ причинили.

2. Будь справедливъ къ животнымъ и обращай съ ними такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы высшее существо обращалось съ тобою.

3. Между равными все должно быть общимъ.

4. Каждый трудись для общаго блага.

5. Каждый получай въ немъ одинаковую долю.

Таковы тѣ немногіе законы, которыхъ исполнѣе достаточно тамъ, гдѣ господствуетъ равенство; лишь подчиненный и рабскій народъ нуждается въ большомъ количествѣ законовъ, чтобы узаконивать и поддерживать несправедливость, неравенство и тиранію незначительнаго меньшинства.

У мегапатагонцевъ, никто ничего не можетъ присвоить себѣ въ собственность, у нихъ все принадлежитъ всѣмъ. Молодежь работаетъ и ведетъ полезную, дѣятельную жизнь, старики же пользуются покоемъ, и по большей части имъ ввѣряется руководство дѣлами. Такъ какъ работаютъ всѣ, то трудъ отдѣльныхъ личностей не великъ. Наоборотъ, онъ является лишь удовольствіемъ, такъ какъ отдѣльныя лица не работаютъ до полного утомленія, но члены ихъ, благодаря упражненію, дѣлаются лишь болѣе гибкими. Такимъ образомъ здѣсь даже чисто физическій трудъ содѣйствуетъ развитію духа, вмѣсто того, чтобы вредить ему, какъ это бываетъ у европейцевъ, гдѣ, вслѣдствіе царящаго неравенства, каждый долженъ чувствовать себя несчастнымъ: одинъ потому, что заваленъ работой, другой—вслѣдствіе недостатка какого бы то ни было занятія. У европейцевъ всѣ должны быть большими дураками, ибо рабочіе низведены на степень животного, а бездѣльники отупѣли отъ причудливыхъ и ненормальныхъ страстей. У мегапатагонцевъ, напротивъ, наклонности каждаго человѣка развиваются въ нормальныхъ условіяхъ.

¹⁾ La Découverte etc., III., стр. 480 и сл.

День у них дѣлится на двѣ части: двѣнадцать часовъ сна или вообще покоя, и двѣнадцать часовъ общественной дѣятельности; въ первые двѣнадцать часовъ люди принадлежать себѣ и своей семьѣ, въ другую же половину сутокъ, съ шести часовъ утра до шести часовъ вечера,—общественной дѣятельности. Работа продолжается четыре часа; затѣмъ всѣ собираются въ большихъ столовыхъ для трапезы, которая готовится другими гражданами. Послѣ этого наступаетъ отдыхъ, длящейся полтора часа, который въ жаркомъ климатѣ необходимъ. Послѣполуденное время до самаго ужина посвящено разнообразнѣйшимъ общественнымъ развлечениямъ, по окончаніи которыхъ каждый гражданинъ уходитъ съ женой и дѣтьми домой и проводитъ остальные часы дня въ тѣсномъ семейномъ кругу. Работы распредѣляются представителями кварталовъ между гражданами, сообразно ихъ способностямъ, и даже философы обязаны сдѣлать свою четырехчасовую работу, раньше чѣмъ предаваться своимъ частнымъ занятіямъ. Особенная черта, которая, насколько намъ извѣстно, составляетъ особенность Ретифа, послѣдствіемъ же, воспринятая Фурье, играетъ выдающуюся роль въ его системѣ, заключается въ стараніи сдѣлать работу пріятной, путемъ частыхъ перемѣнъ въ ней. «Никто не долженъ быть принужденъ долго дѣлать одну и ту же работу, наоборотъ, гражданъ убѣждаютъ мѣнять ее, и одной и тою же работой занимаются лишь тѣ, кто особенно хочетъ этого». Болѣе тяжелыя работы, которыя ведутся внѣ дома и требуютъ большого напряженія силъ, предоставлены мужчинамъ; болѣе же легкія домашнія работы исполняютъ женщины. Такимъ образомъ работа является для мегалатагонцевъ развлеченіемъ и забавой, а забавы служатъ у нихъ вмѣсто поученій.

Отношенія половъ у нихъ вообще отличается большой свободой, и этому обстоятельству Ретифъ приписываетъ отсутствіе всякихъ нарушеній брака. Каждые два года супруги могутъ разлучаться, такъ какъ женщины должны въ теченіе второго года кормить ребенка, если таковой у нихъ родится, и во время кормленія не способны къ брачному сожителству. Мужчины же имѣютъ право, уже въ то время какъ жена ихъ кормитъ, жить съ одной изъ излишнихъ дѣвушекъ страны. Всѣ незамужнія, равно какъ и беременныя и кормящія грудью, живутъ въ общихъ домахъ, отдѣльно отъ прочихъ гражданъ. Дѣти, послѣ отнятія ихъ отъ груди, переходятъ въ руки государственныхъ воспитателей, которые выбираются изъ достоинѣйшихъ лицъ обоюга пола. Званіе воспитателя пользуется со стороны всѣхъ величайшимъ уваженіемъ, всякій гражданинъ услуживаетъ воспитателямъ и на общественныхъ празднествахъ имъ отводятся почетныя мѣста. Молодежь вступаетъ въ бракъ, какъ только достигнетъ возмужалости. Брачный возрастъ для дѣвушекъ наступаетъ лишь въ двадцать пять лѣтъ, такъ какъ мегалатагонцы—великаны, мужчины ихъ достигаютъ полнаго развитія къ пятидесяти годамъ и живутъ до 220 лѣтъ. Въ изображеніи положенія женщины проявляется до болѣзненности развитая галантность Ретифа. Женщину онъ рассматриваетъ какъ полъ, подчиненный мужчинѣ, хотя это подчиненіе не рабское, какъ у другихъ народовъ. Съ дѣтства уже дѣвушка учится, что она создана для мужчины, а мужчина для отечества; она развиваетъ свою красоту путемъ танцевъ и граціозныхъ игръ, — короче говоря, здѣсь все разсчитано на то, чтобы сдѣлать ее наиболѣе полнымъ источникомъ наслажденія для мужчины. Дальше этого низменнаго представленія о значеніи женщины, Ретифъ, проведшій большую

часть своей жизни въ общеніи съ любовниками то изъ высшаго дворянства, то изъ низшихъ слоевъ народа, въ сущности, никогда не сумѣлъ пойти.

Летающіе люди очень восхищались всѣми этими учрежденіями мегапатагонцевъ и рѣшили завести такія же и на своемъ островѣ. Но Викторинъ видѣлъ, что благодаря полной противоположности между воззрѣніями европейцевъ и мегапатагонцевъ, это будетъ невозможно безъ постепенности, и посовѣтовалъ поэтому своему внуку—самъ онъ по старости лѣтъ уже удалился отъ дѣлъ.—постепенно улучшать старые законы, приближать ихъ къ идеалу и шагъ за шагомъ превращать старыя государственныя и общественныя формы въ новыя, коммунистическія. Съ этой цѣлью былъ изданъ рядъ законовъ, изъ которыхъ мы приведемъ здѣсь важнѣйшіе:

1. Все имущество должно быть общимъ. Трудъ распредѣляется равномерно. Но принадлежащіе къ давнему поколѣнію продолжаютъ заниматься своими прежними ремеслами, которыя на будущее время считаются всѣ одинаково почетными.

3. Дѣти, независимо отъ происхожденія и положенія ихъ родителей, обучаются ремесламъ и искусствамъ, сообразно ихъ способностямъ.

4. Чтобы скорѣе провести общность имуществъ и уравненіе, все купленное частными лицами должно быть выкуплено на средства общества, а за товары должно быть уплачено производителямъ не по стоимости работы, но сообразно дѣйствительной потребности рабочаго.

6. Рабочій день устанавливается шестичасовой.

7. Всѣ долги и прежнія денежныя обязательства теряютъ свою силу; но каждый можетъ сохранить за собой занимаемый имъ домъ, чтобы жить въ немъ съ женой и дѣтьми.

11. Должностныя лица должны быть лишь устами закона; гражданскіе процессы почти всѣ прекращаются на основанія предыдущихъ законовъ, уголовныя же становятся чрезвычайно рѣдки, ибо причиной всѣхъ преступленій среди людей является жадность.

Въ видѣ приложенія къ «*Découverte australe*» Ретифъ даетъ «Письмо обезьяны къ своимъ соплеменникамъ» ¹⁾, въ которомъ со смѣлой ироніей пародируетъ общепринятый способъ писанія сочиненій. На этотъ разъ у него фигурируетъ не европеецъ, который былъ случайно заброшенъ бурей на берега чуждаго народа и теперь повѣствуетъ намъ о томъ, что онъ пережилъ тамъ, но обезьяна, помѣсь павіана съ негритяжкой, которая явилась въ Европу, и спеціально во Францію, и оттуда пишетъ своимъ соплеменникамъ не объ идеальномъ государствѣ, но объ адѣ земномъ. Критика, которой эта обезьяна подвергаетъ государственныя и общественныя учрежденія Франціи, необычайно сурова и пріобрѣтаетъ особенную остроту еще вслѣдствіе того, что съ ножомъ критики оперируетъ именно обезьяна. Цезарь изъ Малакки,—таково имя этого ученаго убудка,—высказывается передъ своими соплеменниками съ величайшей похвалой о естественномъ состояніи, въ которомъ они ведутъ счастливую жизнь, и въ противоположность этому выставляетъ ужасныя бѣдствія, которыя терпятъ культурныя расы. Люди причиняютъ другъ другу больше страданій, чѣмъ они когда бы то ни было причинили всѣмъ видамъ животнымъ, и весь свой умъ

¹⁾ Lettre d'un singe aux êtres de son espèce, въ третьей части „*Découverte etc.*“

направляют на избрѣтеніе того, что дѣлаетъ ихъ самихъ несчастными. Такимъ образомъ, они, напр., прежде всего, установили, что не всѣ равны въ дѣйствительности, но что между ними, принадлежащими къ одному и тому же племени, должны быть съ одной стороны обладающіе всѣмъ, а съ другой — неимѣющіе ничего. На чемъ основывается это различіе? Я не знаю, — восклицаетъ павіанъ патетически, — но величайшій абсурдъ заключается въ томъ, что ихъ религія учитъ, будто всѣ люди братья, будто они происходятъ отъ одного и того же человѣка, и что та же религія чтобы отнять всякій поводъ къ неравенству, также братаетъ ихъ еще другимъ способомъ и соединяетъ извѣстнымъ образомъ въ одну семью. Она же повелѣваетъ имъ милосердіе, взаимную дружбу и раздѣленіе имущества, и запрещаетъ сильнымъ возноситься надъ своими братьями, а слабымъ признавать когонибудь своимъ господиномъ или отцомъ. Но несмотря на то, что люди — другъ другу братья, это варварское чудовищное неравенство продолжаетъ существовать. Развивается оно благодаря богатству и избытку средствъ къ поддержанію существованія, которыя, въ свою очередь, являються продуктомъ алчности этого ужаснаго порока. «Вы — пишеть Цезарь своимъ соплеменникамъ — смѣялись бы презрительно или кричали бы отъ негодованія, если бы услышали доводы, посредствомъ которыхъ люди стараются доказать необходимость существующаго среди нихъ неравенства. Богатые громко рукоплещутъ этому порядку, благодаря которому всѣ работы, даже самыя грязныя, выполняются безъ жалобъ; кто же выполнялъ бы тѣ или иныя неприятныя работы, спрашиваютъ они смѣясь, не замѣчая иятендантовъ и прокуроровъ, которые въ одинъ прекрасный день сдѣлаются повелителями ихъ самихъ или ихъ внуковъ». Менѣе всего понятно такое противорѣчіе между закономъ и религіей. Последняя запрещаетъ месть, споры, частную собственность и повелѣваетъ любить даже враговъ; первый же узаконяетъ процессы, допускаетъ нападенія и освящаетъ частную собственность. У нихъ есть законы, которые осуждаютъ на смерть нищаго брата ихъ, если онъ, для спасенія своей жизни, возьметъ чтонибудь у того, у кого слишкомъ много всего. Какъ много стоитъ богатство человѣческому роду усталости физической и духовной, жестокости и крови! Люди сами себя убиваютъ работой; заботы мучатъ и поглощаютъ ихъ; они приносятъ жалобы и, благодаря тяжбамъ, теряютъ больше, чѣмъ стоитъ самый предметъ, изъ-за котораго начато дѣло. Короче говоря, законъ собственности, этотъ враждебный религіи законъ, является источникомъ всѣхъ человѣческихъ страданій; онъ ставитъ человѣка, царя природы, очень часто даже ниже обезьянъ. Человѣкъ сдѣлалъ величайшую глупость, установивъ себѣ этотъ законъ, который во всѣ времена приноситъ массамъ людей непрерывное страданіе и пониженіе благосостоянія и въ то же время не дѣлаетъ великихъ и богатыхъ дѣйствительно счастливыми. А если бы царилъ общность имущества и братская любовь, это великое единеніе душъ и сердецъ, предписываемое религіей, то всѣ испытывали бы счастье, о которомъ имѣютъ представленіе лишь животныя въ тѣхъ мѣстахъ, куда человѣкъ еще не успѣлъ проникнуть. Таковы-то люди, которыхъ вы, обезьяны, считаете счастливыми и которыми восхищаетесь, какъ совершенными существами: они шпионятъ другъ за другомъ, другъ друга ловятъ, заковываютъ въ цѣпи; они ввергаютъ другъ друга въ темницы, куда не въ состояніи проникнуть свѣтъ солнца; бичуютъ и калѣчатъ другъ друга, клеймятъ каленымъ желѣзомъ; другъ друга вѣшаютъ, колесуютъ, жгутъ и обезглавливаютъ; подвергаютъ пыткамъ, четвертуютъ и са-

жають на колъ; вспариваютъ другъ другу брюхо; наконецъ, убиваютъ другъ друга на смерть дубинами, вырываютъ глаза и подвергаютъ дѣйствию жгучаго солнца, — и почему все это? потому, что одинъ изъ нихъ владѣютъ рѣшительно всеѣмъ, другіе, вслѣдствіе этого, принуждены силой или хитростью урывать у нихъ часть.

Среди людей есть бѣдняки, которые либо дѣлаются преступниками, — и тогда ихъ вѣшаютъ и колесуютъ, — либо, если они слишкомъ слабы и трусливы для этого, становятся нищими или занимаются какимъ-нибудь другимъ ремесломъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ развился мой разсудокъ, я не могъ и думать увидѣть среди людей бѣдняковъ!» Что такое бѣднякъ? Это немущее существо, стоящее безконечно ниже насѣкомыхъ, птицъ, крысъ и мышей; это одинокое существо, не имѣющее ни на что въ мірѣ никакихъ правъ, лишенное социальныхъ богатствъ и не имѣющее уже въ своемъ распоряженіи богатствъ природы, которыми оно пожертвовало для приобрѣтенія богатствъ социальныхъ. Вотъ до чего дошло одаренное разумомъ, предназначенное для господства существо! Это гордое созданіе, сдѣлавшееся ниже всякаго животнаго, не вольно болѣе добывать себѣ пропитаніе изъ кишасей рыбою рѣки или искать его въ лѣсу и въ полѣ. Среди богатствъ, въ которыхъ буквально захлебываются ихъ ближніе, они томятся отъ голода и страданій! Они не могутъ, они не смѣютъ протянуть руку къ виноградной кисти, чтобы освѣжить свой засохшій языкъ, сорвать съ дерева плодъ, чтобы не умереть съ голода. Такъ-то терзается это жестокое алчное созданіе. Но этого мало! Люди создали законы, которые лишаютъ ничего не имѣющихъ несчастныхъ воздуха и свободы лишь за то, что они такъ бѣдны. «Я думалъ, — здѣсь нашъ павіанъ забирается въ область государственнаго права, — когда видѣлъ бѣдняковъ, не извлекающихъ для себя никакой выгоды изъ социального порядка, что имъ, по крайней мѣрѣ, предоставлена естественная свобода, что общественный договоръ теряетъ силу, какъ скоро онъ оказывается невыгоднымъ для одного изъ договаривающихся. Богачи, думалъ я, владѣющіе всеѣми богатствами, могутъ продолжать жить въ обществѣ; но зачѣмъ нужно бѣдняку общество, которое губитъ его, — онъ отрекается отъ него. Но я ошибался! Люди стремятся, чтобы бѣднякъ оставался въ обществѣ, которое лишило его всего; они даже добиваются, чтобы тотъ любилъ и почиталъ это общество и замучивалъ себя до смерти на непосильной работѣ, — если онъ этого не дѣлаетъ, его сажаютъ въ тюрьму. Каждый богачъ обладаетъ священнымъ правомъ на услуги и почтеніе бѣдняковъ, и такъ какъ ни одинъ законодатель не опредѣлялъ объема этого права, то богачъ постоянно старается расширить его, насколько только возможно, требуетъ услугу за услугу и продолжаетъ мучить, обдирать, унижать и истязать бѣдняковъ».

Эта краткая выдержка изъ письма обезьяны, въ которомъ мы ограничились лишь мѣстами, касающимися вопроса о собственности, позволяетъ, надѣмся, достаточно хорошо понять, какъ живо и рѣзко нападалъ Ретифъ на тогдашнее общество. Истязанія и рабство негровъ; глупость юриспруденціи, которая, вмѣсто того, чтобы пресѣкать въ самомъ корнѣ проступки и преступленія, путемъ уменьшенія возможности ихъ совершать, стремится, наоборотъ, усилить ихъ; противорѣчіе между закономъ и религіей; общественные предрасудки въ области моды и нравовъ; непонятная глупость и позоръ войнъ; легкомысліе въ половыхъ отношеніяхъ; — короче говоря, всѣ государственныя и общественныя учрежденія онъ

подвергает критикѣ, каждое по его мнѣнію глупо и вредно для общества. Центральныи пунктъ, вокругъ котораго долженъ вращаться всякій истинный общественный строй, составляетъ равенство и братство, соединенныя съ общностью имущества (*communauté*)! «Цѣль этого письма,—такъ пишетъ самъ Ретифъ,—лежитъ дальше; оно старается уяснить богатымъ, которые только захотятъ его читать, что они пользуются имуществомъ неправильно, если злоупотребляютъ имъ; что они имѣютъ на это имущество не естественное право, но лишь сомнительное обычное; и такое уясненіе,—прибавляетъ онъ наивно,—могло бы только послужить къ тому, чтобы они сдѣлались человѣчнѣе и справедливѣе ¹⁾».

V. „Телемакъ“ Фенелона.

Ретифъ завелъ насъ со своими сочиненіями во вторую половину XVIII столѣтія; однако, чтобы закончить первый періодъ въ развитіи французскаго социализма, намъ приходится еще разъ вернуться къ концу XVII столѣтія и упомянуть нѣсколькими словами Фенелона и его знаменитое произведение: «Телемакъ». Мы уже раньше имѣли случай указать, что Фенелонъ ²⁾, несмотря на свое знатное происхожденіе, а быть можетъ именно благодаря ему, стоялъ въ оппозиціи къ политикѣ Людовика XIV и его двора, и благодаря этой оппозиціи, былъ удаленъ изъ Парижа въ Камбре. Фенелонъ былъ прежде воспитателемъ герцога Бургонскаго, и первоначально этому послѣднему предназначался «Телемакъ», который кладетъ начало новому роду идеальныхъ описаній путешествій. Книга подробно излагаетъ сущность, цѣли и обязанности монарха и будетъ разсмотрѣна нами въ той лишь ея части, гдѣ въ описаніи путевыхъ приключеній Телемака, сына Одиссея, отправившагося на поиски за своимъ отцомъ, она даетъ изображеніе двухъ общинъ—Ветика и Саленты, изъ которыхъ одна основана на общности владѣнія землею, а другая имѣетъ дѣленіе на классы и раздѣленіе имущества, которое внутри классовъ совершается пропорціонально величинѣ семьи.

Обитатели Ветика почти всѣ земледѣльцы или пастухи; ремесленниковъ среди нихъ почти нѣтъ, и всѣ искусства они считаютъ бесполезными, изнѣживающими и развращающими нравы. Такъ какъ они придерживаются взгляда, что съ увеличеніемъ потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію среди людей

¹⁾ Примѣчаніе къ „*La Découverte australe*“, ч. IV, стр. 133.

²⁾ Фенелонъ родился въ 1651 году въ замкѣ Фенелонъ, въ провинціи Перигоръ, и умеръ въ 1715 году; происходилъ онъ изъ знатной семьи и заранѣе былъ назначенъ къ духовному званію. Въ 1675 году онъ былъ постриженъ и быстро стяжалъ славу проповѣдника. Будучи воспитателемъ герцога Бургонскаго, внука Людовика XIV, онъ сочинилъ для него свои басни *Les aventures de Aristonous, Les dialogues des morts* и „Телемакъ“. Цѣлью его воспитательной дѣятельности было сдѣлать изъ своего воспитанника *roi philosophe*. Неумолимый врагъ протестантовъ, онъ восхвалялъ отміну нантскаго эдикта; какъ человѣкъ знатнаго происхожденія, онъ считалъ справедливымъ удерживать низшіе классы въ ихъ бѣдности и подчиненности, но въ своей діоцезѣ Камбре проявилъ самую широкую благотворительность. Онъ былъ врагомъ абсолютной монархіи, которой противопоставлялъ королевскую власть, ограниченную сильной аристократіей и генеральными штатами. Политика Фенелона чрезвычайно ординарна, а его оппозиція Людовику XIV слаба и ничтожна. Его мягкая, чувствительная натура соединяла въ себѣ чрезвѣдную любовь и милосердіе, съ твердостью и даже жестокостью по отношенію къ иновѣрцамъ.—„Телемакъ“ его появился впервые въ свѣтъ въ 1698 году, противъ его желанія, съ тѣхъ поръ вышло безчисленное количество изданій и переводовъ.

рождаются зависть и ненависть, высокоуміе и алчность, то они презирають утонченную культуру и находят залогъ счастья въ милой ихъ сердцу простотѣ и простосердечіи. Живуть они всѣ вмѣстѣ, не подѣливъ между собой земли; каждая семья управляется старшимъ членомъ, который является настоящимъ королемъ. Имущество у нихъ все общее; плоды деревьевъ и плоды земные, а также молоко стадъ имѣются въ такомъ изобиліи, что при умѣренности жителей и отсутствіи потребностей, нѣтъ никакой надобности дѣлить ихъ. Не имѣя отдѣльныхъ интересовъ, которые могутъ противопоставить однихъ другимъ, они любятъ другъ друга братской любовью, которую ничто не можетъ уничтожить. Отказъ отъ суетныхъ богатствъ и пустыхъ развлеченій охраплетъ этотъ миръ, это единство и свободу. Всѣ они свободны и равны. Среди нихъ нѣтъ никакихъ отличій, кромѣ предпочтенія, отдаваемого опытности старшихъ. Ложь, насиліе, клятвопреступленіе, тяжбы и войны никогда не поднимаютъ своего жестокаго ненавистнаго голоса въ этой любимой богами странѣ ¹⁾.

Менѣ просты и идилличны отношенія въ Салентѣ. Любовь къ роскоши и высокоуміе короля Идомея привели страну къ полному опустошенію и другъ и совѣтникъ Телемака, Менторъ, занялся установленіемъ въ странѣ новаго порядка управленія и устройствомъ разумныхъ основаній для ея развитія. Съ этой цѣлью онъ раздѣлилъ населеніе страны на семь классовъ и установилъ для каждаго изъ нихъ особую форму жилища, одежды, мебели и пищи, а также размѣры имущества каждой семьи. Каждая семья каждаго класса не должна имѣть земли болѣе, чѣмъ безусловно необходимо для пропитанія тѣхъ лицъ, изъ которыхъ она состоитъ; такимъ образомъ, благодаря этому закону, для дворянства сдѣлалось невозможнымъ обогащеніе на счетъ бѣдняковъ. Итакъ, каждый тамъ владѣетъ участкомъ земли, но во всякомъ случаѣ лишь небольшимъ. Общемъ владѣніи въ Салентѣ нѣтъ и рѣчи. Тамъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и во Франціи, процвѣтаетъ торговля, существуютъ различные классы и неограниченная королевская власть, преимущество которой передъ французской состоитъ лишь въ томъ, что временный властелинъ достаточно разуменъ для того, чтобы слѣдовать совѣтамъ философски образованнаго государственнаго человѣка.

Въ строѣхъ обоихъ государствъ, какъ Саленты, такъ и Ветика, ясно выражена реакціонная мечта Фенелона, задержать, въ интересахъ морали и счастья человѣчества, развитіе искусствъ и промышленности. Наблюдательному взору Фенелона казалось, что они, видѣвъ съ пороками алчности и честолюбія, поддерживаютъ суровое господство эгоизма; даже болѣе того: онъ видѣлъ въ нихъ причину этихъ пороковъ и общественныхъ бѣдствій. И онъ не зналъ иного средства избавиться отъ нихъ, кромѣ возвращенія къ первобытному состоянію, которое онъ однако видѣлъ не въ одинокомъ блужданіи самодержавнаго индивида въ дѣвственномъ лѣсу, какъ это рисовалъ Руссо черезъ полвѣка послѣ него, но въ невинномъ существованіи пастуховъ и земледѣльцевъ. Мысль о возвращеніи къ природѣ нашла себѣ позже искусственное и фальшивое выраженіе въ пасторальныхъ забавахъ высшаго класса и въ пасторальной литературѣ XVIII столѣтія, и встрѣчается во враждебной культурѣ и преувеличенно аскетической формѣ у цѣлаго ряда социалистическихъ писателей. Поэтому въ высшей степени интересно послушать, какъ отзывался объ идеальномъ описаніи Теле-

¹⁾ Les aventures de Télémaque, кн. VIII.

мака французскій, совершенно забытый коммунистъ, который жилъ почти столѣтїе спустя. «Его (Фенелона) прекрасная душа обрисовывается въ законахъ, которые онъ даетъ Салентѣ устами Идоменей: но она выступаетъ во всей красѣ, когда онъ отъ лица Адоама излагаетъ нравы Ветика. Чувствуется, что для него, который, по своей горячей любви къ человѣчеству и по здравости сужденій, былъ ревностнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ послѣдователемъ Иисуса Христа, было настоящимъ несчастьемъ, что занимаемое имъ положеніе дѣлало для него невозможнымъ отыскать настоящую причину человѣческихъ пороковъ... Мы видимъ также, какія необычайныя, но въ то же время тщетныя усилія онъ дѣлаетъ, чтобы примирить въ Салентѣ такіе разнородныя, прямо-таки противорѣчивыя элементы, какъ рабство и счастье людей... Тогда становится понятнымъ, что онъ далъ бы своимъ идеямъ совершенно иное направленіе вмѣсто того, чтобы создавать почти непроходимую границу между семью классами, а изъ счастливыхъ и мирныхъ жителей Ветика добрый Фенелонъ не сдѣлалъ бы маленькаго народа, вполне зависящаго отъ милости окружающихъ его могущественныхъ сосѣдей. Онъ, далѣе, не заставлялъ бы его искусство остановиться послѣ первыхъ же шаговъ развитія, между тѣмъ какъ всѣ окружающія націи могли развиваться, пріобрѣтать на Бетеку непреодолимое вліяніе и должны были привить ей всѣ пороки, составляющіе несчастье человѣчества»¹⁾.

VI. Les Voyages de Cyrus Рамзая.

Изъ безчисленныхъ подражаній, вызванныхъ Телемакомъ Фенелона, въ которыхъ французскіе писатели заставляли античныхъ героевъ странствовать рѣшительно по всѣмъ странамъ свѣта, мы упомянемъ въ краткихъ словахъ лишь о двухъ: а именно о путешествіяхъ Кира—Рамзая²⁾ и о Телефѣ Пехмейн³⁾. Въ первомъ сочиненіи для насъ представляетъ интересъ лишь противопоставленіе Аѳинъ и Спарты и опирающаяся на него критика общности имущества. Относительно государственнаго строя Ликурга Рамзай произноситъ уничтожающій приговоръ: люди, которые, подобно лакедемонянамъ, воспитываются только для войны, которые не знаютъ никакой другой работы, никакого занятія, никакого призванія, кромѣ истребленія себѣ подобныхъ, такіе люди должны быть разсматриваемы, какъ враги всякаго общества⁴⁾. Въ противоположность имъ онъ съ энтузіазмомъ восхваляетъ Аѳины, государство частной собственности, являющееся, благодаря этому, творцомъ культуры, искусствъ, короче говоря, всего того, что краситъ жизнь. Безъ сомнѣнія Рамзай намекаетъ на утопистовъ и выставляемая ими равенство и общность имущества въ своемъ изложеніи солонвскаго законодательства, влагаемаго имъ въ уста самого Солона. Первымъ и величайшимъ

¹⁾ La philosophie du Rucvarebohni II, стр. 116, 118.

²⁾ Рамзай, Андре Мишель де, родился въ 1686 году въ Айрѣ въ Шотландіи, умеръ въ 1743 году, въ Сень-Жерменѣ въ Лаф. Въ 1709 году онъ, благодаря сочиненіямъ Фенелона, обратился въ католичество и сдѣлался ревностнѣйшимъ послѣдователемъ его также и въ области политики, какъ это обнаруживается въ его Essai philosophique sur le Gouvernement civil. Лондонъ 1721, а также въ его книгѣ „Les voyages de Cyrus“, Парижъ 1727, 2 части.

³⁾ Téléphe par Pechméja, Лондонъ и Парижъ 1784.

⁴⁾ Ramsay. Les Voyages etc., I, стр. 165.

сточникомъ бѣдствій, отъ которыхъ страдалъ, по мнѣнію Солона, афинскій народъ, былъ излишекъ вліянія народа, господство поверхностныхъ талантовъ, которые подъ предлогомъ, что всѣ люди равны по рожденію, старались соединять сословія и проповѣдовали химерическое равенство лишь для того, чтобы самимъ господствовать. Первый шагъ, предпринятый поэтомъ Солономъ, заключался въ томъ, что онъ сталъ строго наказывать всѣхъ, распространяющихъ въ народѣ эти нелѣпныя ученія о равенствѣ. Затѣмъ онъ доказываетъ, что естественное равенство не болѣе какъ фантазія, основанная на поэтическихъ сказкахъ, что съ окончаніемъ золотого вѣка неравенство сдѣлалось необходимымъ и, наконецъ, что патриархальный строй долженъ быть образцомъ для всѣхъ правительствъ. Короче говоря, Солонъ Рамзая начинаетъ свою дѣятельность прямо съ отрицанія всего того, что законодатели-утописты обыкновенно считали непреложными истинами. Съ другой стороны онъ, однако, второй причиной бѣдствій Афинъ признаетъ чрезвычайное имущественное неравенство, благодаря которому въ рукахъ немногихъ собраны безчисленныя богатства, въ то время какъ громадное большинство находится въ самой глубокой бѣдности; однако онъ не считаетъ средствомъ спасенія отъ этого общность имущества, существовавшую у спартанцевъ. Такъ какъ онъ крѣпко держится за частную собственность, то единственными средствами помочь у него были лишь самое широкое сложеніе долговъ, упрощеніе безчисленныхъ законовъ, которые, всегда служа признакомъ испорченности, со всѣхъ сторонъ опутывали жизнь афинскихъ гражданъ и, наконецъ, улучшеніе воспитанія дѣтей.

VII. Téléphe Пехмей.

Пехмейя ¹⁾ въ своемъ Телефѣ, наоборотъ, нападаетъ на частную собственность въ очень рѣзкой формѣ. Онъ является панегиристомъ законодательства Миноса, «раздѣлившаго имѣнія поровну и создавшаго сладкую свободу», и въ яркихъ краскахъ рисуетъ счастье Крита, принявшаго законы Миноса. Въ то время какъ Телефъ, такъ назывался сынъ полубога, много извѣдавшій въ годы ученія и странствій, въ Малой Азіи видѣлъ, что богатая земля находится исключительно во владѣніи немногихъ богачей, которые поѣдаютъ ея плоды, украшаютъ себя ея цвѣтами и безъ состраданія и укоровъ совѣсти поливаютъ ее потомъ бѣдняковъ, на Критѣ онъ почувствовалъ себя перенесеннымъ въ рай земной. Здѣсь нѣтъ никакой частной собственности, никакихъ наслѣдствъ. Родителямъ здѣсь не дозволяется болѣе накоплять для своихъ, даже еще не существующихъ дѣтей, безчисленныя сокровища, съ помощью которыхъ они пріобрѣтали позорное право на трудъ ограбленнаго народа. Здѣсь не видно болѣе цѣлыхъ поколѣній, осужденныхъ отъ самаго рожденія на презрѣніе и рабство; не

¹⁾ Жанъ Пехмейя родился въ 1741 году въ Виллафранкѣ (Руэрнъ) и умеръ въ 1785 году въ Сень-Жерменѣ въ Лаф. Онъ участвовалъ въ конкурсѣ на составленіи похвального слова Кольберу въ 1773 году, но побѣдителемъ оказался Неккеръ. Будучи другомъ Райналя, онъ работалъ вмѣстѣ съ нимъ надъ его „Histoire philosophique du commerce des Européens dans les deux Indes“. Въ 1784 году появился его „Téléphe“, сначала пользовавшійся большимъ успѣхомъ, но скоро совершенно забытый. Въ томъ же году появились нѣмецкій (Губеръ, Лейпцигъ, 1784 г.), и англійскій переводы этой книги; второе французское изданіе вышло въ 1795 году.

видно небольшого числа граждан, которые еще съ колыбели вознаграждаются за несуществующія заслуги своихъ отцовъ, и которымъ напередъ платится за ту службу, какую они можетъ быть будутъ нести для государства. Низкое происхожденіе, полезная и тяжелая работа не разсматриваются болѣе, какъ преступленіе, которое слѣдуетъ клеймить презрѣніемъ, и торжествующая праздность не требуетъ себѣ болѣе почестей и похвалъ ¹⁾.

Первый періодъ социализма во Франціи закончился. Онъ охватываетъ XVII и первое двадцатилѣтіе XVIII столѣтія. Къ очерку дѣятельности величайшаго французскаго утописта Верасса мы могли прибавить изложеніе нѣсколькихъ политическихъ романовъ XVIII столѣтія, потому что они возникли, безъ сомнѣнія, подъ влияніемъ Верасса и по идейному своему содержанию врядъ ли представляютъ собой что-либо новое въ сравненіи съ его произведеніемъ. Со смертью Людовика XIV, съ полнымъ банкротствомъ его внутренней и внѣшней политики начинается новая эпоха. «Что можетъ спасти насъ, если мы выйдемъ изъ этой войны (за испанское наслѣдство) не до конца еще униженными!»—воскликаетъ Фенелонъ. Королевская власть, дворянство, крестьяне, всѣ были разорены войной за испанское наслѣдство. Единственнымъ классомъ, перенесшимъ военныя бури и не разорившимся, не только сохранившимъ жизнеспособность и силу для дальнѣйшаго развитія, но еще увеличившимъ ихъ, была буржуазія, которая принесла спасеніе, хотя и не такое, какого ждалъ Фенелонъ. Начался золотой вѣкъ буржуазіи. Неудивительно, что мыслители и пионеры буржуазіи обращали свой взоръ на классическую страну сѣ, Англию, что они у нея брали оружіе для борьбы противъ стараго порядка, пока не научились сами выковывать такое оружіе и при томъ болѣе острое. Соціалисты XVIII столѣтія, Морели, Мабли, Ретифъ, Бабефъ и другіе,—всѣ выросли подъ влияніемъ идей буржуазіи XVIII столѣтія. Но изъ буржуазной философіи, политики и политической экономіи они сдѣлали выводы, отрицающіе «естественный порядокъ» (*ordre naturel*) буржуазіи и доказывающіе его «неестественность». Общественному порядку, который, выражая классовые интересы буржуазіи, является для нея естественнымъ, а потому и неизмѣннымъ идеаломъ, восхваляемымъ и защищаемымъ въ безчисленныхъ сочиненіяхъ, соціалисты противопоставили новый общественный строй, который сначала тоже претендовалъ на то, что онъ единственно естественный. Мысль, что буржуазный общественный строй былъ необходимымъ подготовительнымъ фазисомъ для соціалистическаго, завершаетъ собой развитіе социализма въ XVIII столѣтіи.

К. Гуго.

¹⁾ Хотя въ двухъ словахъ слѣдуетъ здѣсь упомянуть еще о книгѣ Сильвена Марешала, извѣстнаго атеиста и бабуиста, называющейся „*Voyages de Pythagore*“ (Парижъ 1799, 6 частей). Но такъ какъ центръ тяжести сочиненія составляетъ проектъ закона, заключающійся въ 5 и 6 томахъ и не имѣющій связи съ путешествіями Пифагора по различнымъ странамъ стараго свѣта, то о немъ говорить здѣсь неумѣстно. Это еще въ большей степени относится къ роману Морели „*La Basiliade*“ и книгѣ „*La Philosophie du Rucarebohni*“, которыя могутъ быть поняты только въ связи съ умственнымъ движеніемъ середины и конца XVIII столѣтія.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Религіозныя и коммунистическія общины въ Сѣверной Америкѣ.

Сѣверная Америка является страной коммунистическихъ общинъ, которыя на ея плодородной почвѣ вырастаютъ быстро и въ большомъ количествѣ, какъ грибы, но въ большинствѣ случаевъ также быстро и безслѣдно исчезаютъ, какъ и послѣдніе. Уже очень рано, въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, мы находимъ тамъ подобную общину, и затѣмъ, въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка, мы снова можемъ наблюдать возникновеніе ихъ въ большомъ числѣ. При ближайшемъ разсмотрѣніи коммунистическія общины могутъ быть разбиты на двѣ большія категоріи, къ первой изъ которыхъ слѣдуетъ отнести секты чужеземныя, какъ по происхожденію ихъ ученій, такъ и по племенному составу ихъ послѣдователей, ко второй же—секты національно-американскія. Эта послѣдняя категорія, къ которой, на ряду съ другими, должны быть причислены также общины перфекціонистовъ въ Онейдѣ, можетъ быть основательно изучена лишь въ тѣснѣйшей связи съ политической и въ особенности религіозной исторіей Соединенныхъ Штатовъ въ первой половинѣ XIX вѣка, и потому не вмѣщается въ рамки настоящаго очерка.

Изъ первой категоріи чужеземныхъ коммунистическихъ общинъ намъ также придется выдѣлить тѣ, которыя преимущественно относятся къ исторіи современнаго социализма, и такимъ образомъ нашему разсмотрѣнію будутъ подлежать лишь слѣдующія коммунистическія общины: Ефрата, колонія шекеровъ, колонія раппистовъ Зоаръ, колонія сновбергеровъ, общины Аврора и Ветель, Амана и община Вишопъ-Гилль. Всѣ онѣ находятъ себѣ мѣсто здѣсь, въ первой части сочиненія, тѣмъ болѣе, что по существу онѣ являются лишь продолжателями различныхъ сектъ, возникшихъ въ эпоху реформаціи (такъ, напр., община Ефрата сходна съ сектой анабаптистовъ), и по своимъ религіознымъ взглядамъ и вѣрованіямъ несомнѣнно стоятъ ближе къ той эпохѣ, чѣмъ къ концу XVIII или началу XIX вв., когда онѣ возникли.

Коммунизмъ во всѣхъ этихъ различныхъ общинахъ развитъ въ большей или меньшей степени. Въ то время какъ у шекеровъ, гармонистовъ и общинъ Амана и Вишопъ-Гилль коммунизмъ на средства потребленія идетъ рука объ

руку съ коммунизмомъ на средства производства, у зوارитовъ и въ общинахъ Аврора и Бетель, основанныя на единобрачїи семьи, состоящія изъ отца, матери и дѣтей, ведутъ свое отдѣльное хозяйство, и такимъ образомъ у нихъ существуетъ коммунизмъ лишь въ производствѣ. Точно такъ же различны и основанія, которымъ мы можемъ приписать введеніе въ общинахъ коммунизма. Въ самой тѣсной связи съ религіозными воззрѣніями онъ находится у шекеровъ, гармонистовъ и у общины Бишонъ-Гилль; всѣ они основываютъ свой коммунизмъ на примѣрѣ первыхъ христіанскихъ общинъ, ученія которыхъ стараются возстановить. Наоборотъ, у сепаратистовъ и въ общинахъ амана коммунизмъ возникъ на экономической подкладкѣ; они находятъ въ немъ средство объединять, во исполненіе своего религіознаго ученія, болѣе или менѣе зажиточныхъ и бѣдныхъ членовъ своей общины. Обѣ вышеназванныя секты начали съ частной собственности, а кончили коммунизмомъ.

І. Е ф р а т а.

Основателемъ этой общины былъ Конрадъ Бейссель, который призвалъ ее къ жизни вмѣстѣ съ шестью другими сочленами, тункерами (Täufer) или нѣмецкими баптистами; эти послѣдніе, чтобы избѣгнуть преслѣдованій въ Германіи, переселились въ началѣ XVIII столѣтія въ Пенсильванію. Бейссель ¹⁾ учредилъ въ 1728 году вѣтвь баптистовъ седьмого дня (Seventh Day German Baptists), а въ 1733 году основалъ колонію Ефрата. Въ эпоху своего расцвѣта она насчитывала около трехсотъ членовъ. «Библия была ихъ вождемъ; все имущество они считали общимъ, жили въ строгомъ безбрачїи, возрастали въ числѣ и были богаты. Бейссель стоялъ во главѣ всего; онъ былъ солнцемъ, отъ котораго всѣ прочіе получали лучи жизни и воодушевленія. Онъ достигъ глубокой старости; но съ нимъ произошло то же, что и со всѣми людьми, солнце его стояло въ зенитѣ не всю его жизнь, но къ концу ея склонилось къ закату. Лучи его не имѣли болѣе силы, какъ въ дни молодости, согрѣвать тысячи членовъ общины: онъ, глава, сталъ старъ и безсиленъ, и члены общины начали покидать его. Онъ назначилъ своимъ замѣстителемъ способнаго, достойнаго любви человѣка, но тотъ не могъ прекратить распаденія общины. Имущество общины находится теперь въ рукахъ мірскихъ властей и приноситъ 1200 долларовъ ежегоднаго дохода. Имѣется человѣкъ двѣнадцать или пятнадцать престарѣлыхъ членовъ общины. Стоять еще нѣкоторыя старыя постройки. Такова была первая коммунистическая община въ Америкѣ». Вотъ что писалъ А. Якоби въ 1858 году ²⁾. Я не имѣлъ возможность получить какія-либо дальнѣйшія свѣдѣнія объ этой колоніи.—Повидимому, отпрыскомъ Ефраты является колонія, основанная въ 1820 году Самуиломъ Сновбергеромъ въ Сновгиллѣ, въ Пенсильваніи. Послѣдователи этого человѣка вѣрятъ въ библию такъ, какъ она истолкована въ сочине-

¹⁾ І. Конрадъ Бейссель родился въ 1690 году въ Эбербахѣ (Пфальцъ) и умеръ въ Ефратѣ, въ графствѣ Ланкастерскомъ, въ Пенсильваніи въ 1768 году. Въ Пенсильваніи онъ поселился около 1720 г. Ср. Appleton, Cyclopaedia of American Biography, Нью-Йоркъ 1887 г. ч. I, см. Бейссель.

²⁾ Ср. I. H. Noyes, History of American Socialisms, Philadelphia 1870, стр. 133. Encyclopaedia Americana, ч. II, стр. 715.

нiякъ Бейссея. Они жили зажиточно и насчитывали въ 1858 году около 30 членовъ ¹⁾). Теперь эта вѣтвь баптистской секты совершенно исчезла.

II. Шекеры.

«Тысячелѣтняя церковь или соединенное общество вѣрующихъ, обыкновенно называемыхъ шекерами», получило свою настоящую организацію въ сентябрѣ 1787 года, въ одной деревнѣ графства Колумбiи, Нью-Леванонѣ, въ штатѣ Нью-Йоркѣ, спустя три года послѣ смерти основательницы секты, Аннѣ Ли. Происходила эта послѣдняя отъ англійскихъ родителей и была однимъ изъ восьми дѣтей въ семьѣ; родилась она 29 февраля 1736 года въ Манчестерѣ, гдѣ отецъ ея былъ кузнецомъ. Достигнувъ двадцати-трехъ лѣтъ, Аннѣ Ли вступила въ одну общину квакеровъ, которые вслѣдствiе своеобразныхъ движенiй, сопровождавшихъ проявленiя ихъ религiознаго чувства, приобрѣли названiе «Shaking Quakers». Секта эта перенесла много преслѣдованiй. Многие изъ ея членовъ подвергались тюремному заключенiю; въ числѣ ихъ была и Аннѣ Ли, которая въ тюрьмѣ (въ 1770 году), путемъ особеннаго откровенiя, нашла свое новое призванiе. Спустя три года въ новомъ откровенiи ей было указано переселиться въ Америку. Съ восемью своими приверженцами она послѣдовала этому призыву, покинула въ 1774 году Ливерпуль и, прибывъ въ Нью-Йоркѣ, поселилась въ Нискейунѣ, въ семи миляхъ отъ Альбани. Но ученiе ихъ стало распространяться въ Массачузетѣ и Коннектикутѣ лишь въ 1780 году, и число приверженцевъ секты стало возрастать. Аннѣ Ли съ тѣхъ поръ до самой своей смерти была проповѣдницей своего евангелiя. Секта развивалась очень медленно. Въ периодъ времени съ 1787 по 1792 гг. основалось одиннадцать новыхъ общинъ, всѣ въ Нью-Йоркѣ, Массачузетѣ, Нью-Гампширѣ, Мевѣ и Коннектикутѣ; лишь послѣ 1805 года удалось основать нѣсколько общинъ также въ Огио и въ Кентуки. Всѣ нынѣ существующiя 18 (по Эли—17 ²⁾) общинъ были основаны еще до 1830 года. Каждая изъ этихъ общинъ заключаетъ нѣсколько семействъ, которыя фактически являются совершенно самостоятельными единицами. Въ этихъ 58 семьяхъ (по Эли—70) по свѣдѣнiямъ Нордгофа ³⁾ заключается 2415 (по Эли—4000) человекъ, которые всѣ вмѣстѣ владѣютъ приблизительно 100.000 акровъ земли.

Ихъ теологическiя теорiи, какъ онѣ были впервые провозглашены Аннѣ Ли, а затѣмъ разработаны ея послѣдователями, крайне фантастичны. Богъ по ихъ воззрѣнiямъ есть дуалистическое существо, заключающее въ себѣ оба естества, какъ мужское, такъ и женское. Адамъ, сотворенный Богомъ по своему образу и подобию, также существо двуполое. Христосъ есть одинъ изъ высшихъ духовъ, который проявилъ въ Иисусѣ мужской элементъ божества, а въ Аннѣ

¹⁾ Тоже по свѣдѣнiямъ Якоби у Noyes etc., стр. 136.

²⁾ Ely, The Labor Movement in America, Лондонъ 1890 г., стр. 12.

³⁾ Nordhoff, The Communistic Societies of the United States. Лондонъ 1875 г., стр. 117. Эта книга служила главнымъ источникомъ для меня. Кромѣ того, можно указать еще: Н. Noyes, County Histories разныхъ штатовъ Америки; Т. Ely, The Labor Movement in America, Лондонъ 1890 г., стр. 7—33; Hinds, American Communities, Онейда 1878 года.

Ли женскій. Какъ утверждаютъ шекеры, они одни только возвратились къ основамъ пентекостальной церкви, отъ которой всѣ прочіе отпали, и важнѣйшіе ихъ принципы на практикѣ заключаются въ общности имущества, въ половомъ воздержаніи, въ ученіи о непротивленіи (non resistance), въ своемъ особомъ управленіи и, наконецъ, въ еще недостигнутой ими власти надъ физическими недугами. Бракъ и собственность они не считаютъ преступленіемъ, но рассматриваютъ ихъ какъ установленія низшаго общественнаго строя, которыя они въ своей церкви, какъ учрежденія евангельскомъ, уже преодолѣли. Они спиритуалисты и вѣрятъ въ общеніе съ духами, въ демономанію и т. д. По ихъ ученію лишь тотъ истинный слуга божій, кто ведетъ незапятнанную, безгрѣшную жизнь, и такую жизнь должны вести всѣ члены секты.

Шекерская семья состоитъ изъ 30—90 человѣкъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, принятыхъ въ качествѣ учениковъ. Всѣ живутъ вмѣстѣ, въ одномъ большомъ домѣ, верхній этажъ котораго раздѣленъ на комнаты для 4—8 человѣкъ каждая. Большая зала отдѣляетъ мужскія спальни отъ женскихъ. Въ первомъ этажѣ помѣщаются кладовыя, кухня и общая столовая. Вокругъ дома группированы хозяйственныя постройки: мастерскія сестеръ, въ которыхъ производятся изготовленіе одежды, плетенье корзинъ и другія женскія работы; мастерскія братьевъ, прачешныя, хлѣвы, помѣщенія для машинъ, лѣсопильни и проч., все необходимое для ремесла, которымъ община занимается наряду съ земледѣліемъ. Главныя ихъ занятія земледѣліе и садоводство; но у нихъ также въ ходу и нѣкоторыя ремесла, напр. производство щетокъ, корзинъ, мебели, прачешныхъ и гладильныхъ станковъ, прялокъ и т. д. Главная цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы насколько только это возможно, самимъ удовлетворять свои потребности. Такимъ образомъ, они изготовляютъ всю одежду и обувь, которую употребляютъ, а раньше фабриковали даже шерстяныя ткани для своихъ надобностей. Всѣ плотничныя и столярныя работы они выполняютъ сами, также точно по мѣрѣ возможности стараются сами добывать необходимыя для жизни средства. Очень славятся ихъ сѣмена, которыми они снабжаютъ своихъ сосѣдей, а также скотоводство и экономное устройство житницъ. Свои сбереженія они вкладываютъ въ землю, и многія общины владѣютъ огромными имѣніями, помимо обрабатываемыхъ ими самими полей, лежащихъ внутри границъ колоніи. Землю, которую они не въ состояніи сами обработать, обрабатываютъ съ помощью наемныхъ рабочихъ, для которыхъ строятъ удобные дома. Такъ какъ къ своимъ служащимъ они относятся дружелюбно и щедро ихъ вознаграждаютъ, то служить у нихъ считается очень выгоднымъ.

Управленіе въ общинахъ шекеровъ частью духовное, частью свѣтское. Видимая власть въ церкви христовой представлена министерствомъ, которое обычно образуется изъ двухъ мужчинъ и столько же женщинъ; одинъ изъ членовъ этого министерства считается руководителемъ и старшиной общины. Этотъ послѣдній назначаетъ также замѣстителей. «Всѣ, кто призванъ къ трудному дѣлу управленія, именно къ веденію и направленію церкви христовой, должны обладать безупречнымъ характеромъ, быть вѣрными, честными и открытыми, должны быть проникнуты духомъ кротости и смиренія и исполнены мудрости, разсудительности и величайшей опытности въ дѣлахъ религіозныхъ. Какъ вѣрные посланники христовы, они должны быть надѣлены чрезъ божественное откровеніе мудростью и осмотрительностью, чтобы вести на землѣ церковь свою по духов-

ному пути, учить, руководить и помогать совѣтами во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, какъ духовныхъ такъ и мірскихъ»¹⁾). Министерство такимъ образомъ обладаетъ правомъ назначать священниковъ, старшинъ и діаконовъ и вмѣстѣ со старѣйшинами ставить довѣренныхъ должностныхъ лицъ, братьевъ и сестеръ, кого они изберутъ для этого. Эти назначенія на должности сообщаются членамъ соотвѣтствующей церкви, для утверженія. Каждая община имѣетъ двухъ священниковъ, на обязанности которыхъ лежитъ обученіе и наставленіе новообращенныхъ, и которые должны затѣмъ отпрапляться въ среду мірянъ, для проповѣди шекерскаго евангелія, если это будетъ признано желательнымъ. Каждая семья въ свою очередь имѣетъ двухъ старшинъ, мужчину и женщину, которые поучаютъ и руководятъ ею въ дѣлахъ духовныхъ. Діаконы и діакониссы заботятся объ удобствахъ и пропитаніи семьи, о регулированіи разныхъ отраслей производства, которыми заняты члены общины, наконецъ, о сношеніяхъ съ людьми, не состоящими въ общинѣ. За діаконами слѣдуютъ мастера обоого пола. Такимъ образомъ шекерскія общины организованы далеко не демократически. Министерство, стоящее во главѣ общины, обновляетъ себя путемъ кооптаціи и назначаетъ и утверждаетъ всѣхъ другихъ подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ: если оно и отвѣтственно передъ членами общины, то лишь морально. Такъ какъ всѣ члены общины обязаны, сообразно своимъ способностямъ, служить общему благу, то всѣ они должны также свой физическій трудъ примѣнить къ какой-нибудь отрасли производства на пользу и благо всей общины или семьи, къ которымъ они принадлежатъ. Священники, старшины, діаконы, короче говоря, всѣ безъ исключенія, должны заниматься физическимъ трудомъ въ часы, когда они свободны отъ занятій, къ которымъ спеціально призваны; даже сами четыре главныхъ лица въ шекерской церкви не составляютъ исключенія изъ этого правила.

Намъ остается лишь въ немногихъ словахъ упомянуть о распредѣленіи дня въ общинахъ шекеровъ, которое вообще почти одинаково во всѣхъ религіозныхъ общинахъ. Въ семьяхъ шекеровъ встаютъ рано, лѣтомъ въ половинѣ пятаго, зимой въ пять часовъ утра. Завтракаютъ въ шесть или въ половинѣ седьмого, обѣдаютъ въ двѣнадцать, ужинаютъ въ шесть часовъ вечера, а въ девять или половинѣ десятаго всѣ уже въ постеляхъ, и огни въ лампахъ и на очагахъ вездѣ бывають погашены. Послѣ завтрака начинается работа подъ руководствомъ назначенныхъ діаконами мастеровъ. Женщины не принимаютъ участія въ полевыхъ работахъ, за исключеніемъ самыхъ легкихъ отраслей ихъ. Вмѣсто этого онѣ наблюдаютъ за домомъ и спальнями, приводятъ въ порядокъ одежду мужчинъ и занимаются приготовленіемъ пищи и стиркой бѣлья. Шекеры работаютъ не слишкомъ ретиво — характерное явленіе, съ которымъ мы встрѣтимся въ большинствѣ общинъ, — такъ какъ не заинтересованы совершенно въ быстромъ обогащеніи и находятъ, что для удовлетворенія своихъ повседневныхъ потребностей, совсѣмъ нѣтъ надобности обременять своихъ братьевъ работой. По ихъ мнѣнію, работать слѣдуетъ ради удовольствія, и это вполне возможно тамъ, гдѣ всѣ равнымъ образомъ заинтересованы въ общемъ благѣ. Вечера посвящаются невиннымъ развлечениямъ, насколько это допускаетъ ихъ вѣроученіе.

¹⁾ Ср. Nordhoff, The communistic etc. стр. 138.

III. Гармонисты.

Основателемъ секты гармонистовъ былъ Георгъ Раппъ, родившійся 1-го ноября 1757 года въ Иптингенѣ (Вюртембергъ). Раппъ происходилъ изъ бѣдной семьи; онъ посѣщалъ народную школу въ своей деревнѣ, научился ткацкому ремеслу, затѣмъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ путешествіяхъ и наконецъ въ 1780 году снова возвратился въ свою родную деревню. Склонный съ дѣтства къ мечтательности и терзаемый религіозными сомнѣніями, онъ принялся усердно читать библію. Его не удовлетворяли окаменѣлость и безжизненность, царившія въ вюртембергской церкви. Евангелическое населеніе Вюртемберга, особенно деревенская его часть, находилось тогда въ сильномъ религіозномъ замѣшательствѣ. Пнѣгистическія и хилиастическія идеи глубоко виѣдрились въ него и пробуждали сектантскія и сепаратистскія наклонности. И Раппъ сдѣлался сепаратистомъ. «Обладая статной, сильной фигурой, пророческимъ взоромъ, природнымъ краснорѣчіемъ и несомнѣннымъ умѣніемъ властвовать», онъ скоро приобрѣлъ громадное вліяніе среди своихъ односельчанъ и сосѣдей, и вліяніе это только разрослось, благодаря преслѣдованіямъ, начатымъ государственной церковью. Число приверженцевъ Раппа быстро возрастало, и скоро образовалась община, члены которой стали подъ его начало. Чтобы избѣгнуть непрекращавшихся придирокъ государственной церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ осуществить идеалъ истинной христіанской общины, какъ его представлялъ себѣ Раппъ, онъ рѣшился переселиться вмѣстѣ со своими послѣдователями въ Америку, ибо они были увѣрены, что найдутъ тамъ необходимую свободу въ своемъ служеніи Богу. Въ 1803 году онъ выполнилъ свой планъ, отправился въ сопровожденіи пока только сына и двухъ учениковъ, и еще въ томъ же году высадился въ Балтиморѣ. Послѣ продолжительныхъ поисковъ въ Мерилендѣ, Пенсильваніи и Огіо, онъ нашелъ вблизи Питтсбурга отдѣльный участокъ еще необработанной земли, мѣрою около 5.000 акровъ. Между тѣмъ, его пріемный сынъ, Ф. Рейхертъ-Раппъ, принявшій на себя руководство общиной въ Вюртембергѣ, сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія для переселенія значительнаго количества приверженцевъ секты, такъ что когда извѣстіе о пріобрѣтеніи земли было получено, часть эмигрантовъ высадилась въ Балтиморѣ уже 4-го іюля 1804 года, а другая часть въ Филладельфіи, въ сентябрѣ. Большинство, 600 раппистовъ, состояло изъ крестьянъ и ремесленниковъ; почти никто изъ нихъ не получилъ болѣе или менѣе сноснаго образованія, и среди нихъ не было вовсе представителей высшихъ классовъ общества. Иные изъ нихъ имѣли довольно значительное состояніе и лишь немногіе не имѣли ничего. Въ общественный договоръ, заключенный 15-го февраля 1805 года, Раппу удалось внести пунктъ, гласящій, что его приверженцы все свое имущество, равное приблизительно 20.000 долларомъ, складываютъ въ общую кассу. Взносы отдѣльныхъ членовъ вносились въ книгу, которая позже, въ 1818 году была сожжена, «чтобы установить большую гармонию и равенство между старыми и вновь поступающими членами общины». Такимъ образомъ возникло общество гармонистовъ, съ полной общностью имущества и труда, мнимое подобіе первой христіанской общины. Прилежнымъ швабамъ удалось въ короткое время превратить въ цвѣтущую колонію дикую страну, которую они нашли, переселившись сюда. Въ первые два года было обработано 550 акровъ земли,

построены церковь, школа, различные мастерскія, амбары, лѣсопильня, винокуренный заводъ, а вскорѣ затѣмъ и суконная фабрика, такъ что община была теперь въ состояніи удовлетворять всѣ свои потребности. Все завѣдываніе работами лежало на Раппѣ и его пріемномъ сынѣ Рейхертѣ, двухъ людяхъ съ большимъ организаторскимъ талантомъ.

До 1807 года гармонисты жили семьями и на бракъ и на отношенія между полами не выказывали никакихъ особенныхъ воззрѣній. Въ этомъ же году общину охватило глубокое религіозное движеніе, важнѣйшимъ результатомъ котораго было рѣшеніе большинства членовъ общины жить въ болѣе тѣсномъ соответствіи съ духомъ ученія Іисуса Христа, и прежде всего отказаться отъ брачнаго сожителства. Какъ это ни странно, такое рѣшеніе относительно воздержанія исходило отъ младшихъ членовъ общины, и Раппъ сначала ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ на него согласиться, хотя и не относился враждебно къ усиливающемуся аскетическому направленію въ общинѣ. Часть молодыхъ членовъ, для которыхъ воздержаніе не представляло ничего привлекательнаго, ушли изъ колоніи, зато оставшіеся совершенно прекратили брачное сожителство. Въ Гармони не заключалось болѣе браковъ, и рожденіе дѣтей поэтому совершенно прекратилось. «Убѣжденные, — пишетъ одинъ членъ общины въ 1862 году, — въ истинѣ и святости нашего намѣренія, мы добровольно и единогласно установили у себя половое воздержаніе лишь изъ мотивовъ религіозныхъ, чтобы любовь нашу отвлечь совершенно отъ плотскихъ наслажденій, и вотъ теперь, уже въ теченіе пятидесяти лѣтъ, мы успѣшно достигаемъ этого съ помощью божіей и путемъ многихъ молитвъ и духовной борьбы»¹⁾. Всякій надзоръ за сближеніемъ половъ отвергается ими, какъ нѣчто безумное, ибо, говорятъ они въ поясненіе, отъ людей, которыхъ надо еще стеречь, лучше сразу отказаться.

Такъ какъ положеніе колоніи въ Пенсильваніи было признано неудобнымъ, то община продала въ 1814 году свою землю за 100.000 долларовъ и переселилась въ слѣдующемъ году въ Вабашъ-Таль, въ графствѣ Позей, въ штатѣ Индіана. Тамъ быстро возникъ новый городъ, съ болѣе крупными фабриками и лучшими, чѣмъ прежде, домами, и очень скоро превратился въ значительный промышленный центръ для обширнаго окрестнаго раіона. Здѣсь община, число членовъ которой вслѣдствіе болѣзней значительно сократилось, получила новое подкрѣпленіе изъ Вюртемберга, приблизительно въ 130 человекъ. Въ 1824 году она вторично перемѣнила свое мѣстопробываніе. Она продала свой Новый Гармони, съ 20.000 акровъ земли, Роберту Оуэну, который произвелъ тогда здѣсь свой крупный экспериментъ соціалистической колонизаціи. Община снова вернулась въ Пенсильванію и основалась приблизительно въ разстояніи шести часовъ пути отъ своего перваго мѣста жительства, Стараго Гармони. Новый городъ получилъ названіе Экономіи. Въ первые годы, слѣдовавшіе за этимъ переселеніемъ, община достигла, повидимому, кульминаціонной точки своего процвѣтанія. Близость Питтсбурга и удобное водное сообщеніе съ нимъ, вызвали развитіе промышленности. Возникли хлопчатобумажныя и суконныя мануфактуры, были построены мельницы и лѣсопильни, разведены сады и виноградники и даже была предпринята, съ большимъ при томъ же успѣхомъ, культура шелка. Всѣ отрасли

¹⁾ Nordhoff, The communistic societies etc., стр. 73.

хозяйства общины велись образцово, и финансовые результаты этого были весьма значительны. Но прежде чѣмъ община достигла своей тихой пристани, ей предстоялъ еще одинъ кризисъ. Въ 1831 году въ колоніи появился, съ шайкой приверженцевъ, числомъ около шестидесяти, нѣкій авантюристъ, Бернардъ Мюллеръ, называвшій себя графомъ Максимилианомъ де Леонъ, и послѣ выраженного имъ желанія быть послѣдователемъ гармонистовъ въ религіозныхъ дѣлахъ, встрѣтилъ здѣсь дружелюбный пріемъ. Тогчасъ же онъ началъ заводить очень ловко интриги противъ существующаго строя и управленія колоніи; провозглашалъ самыя необыкновенныя религіозныя доктрины, проповѣдовалъ бракъ и веселое наслажденіе жизнью и вообще дѣйствовалъ съ такимъ успѣхомъ, что пріобрѣлъ среди гармонистовъ значительное число приверженцевъ. Послѣ долгой борьбы, дѣло дошло до голосованія, при которомъ 500 человекъ высказались за «отца Раппа», а 250 за мнимаго графа; состоялось соглашеніе, по которому община, за отказъ со стороны меньшинства отъ всякихъ правъ на общую собственность, обязывалась уплатить имъ въ теченіе года 105.000 долларовъ. Все это произошло въ мартѣ 1832 года. Леонъ и его приверженцы покинули общину и основали въ Филипебургѣ, въ десяти миляхъ отъ Экономіи, новую колонію, которая, однако, очень скоро распалась, послѣ того, какъ крупная сумма денегъ, полученная ими отъ гармонистовъ, была растрачена. Съ тѣхъ поръ въ общинѣ не возникало больше никакихъ крупныхъ, сколько-нибудь значительныхъ несогласій. Съ теченіемъ времени, число ея членовъ сильно уменьшилось, такъ какъ притока вновь поступающихъ не было ¹⁾). Сильно развившаяся въ эпоху ея расцвѣта промышленность теперь пришла въ упадокъ; изъ общества трудящихся крестьянъ и ремесленниковъ колонія превратилась въ богатыхъ капиталистовъ, владѣющихъ акціями каменноугольныхъ копей, лѣсопильнъ, нефтяныхъ промысловъ и крупныхъ фабрикъ и ведущихъ простую, спокойную, благочестивую жизнь.

Конституціей общины, за все время ея существованія, служилъ упомянутый уже выше общественный договоръ 1805 года, лишь въ 1836 г. получившій незначительное измѣненіе. Согласно этому договору, вся общая собственность, равно какъ и экономическое и религіозное управленіе колоніей, при жизни Раппа, безъ всякихъ исключеній и оговорокъ, находилась въ рукахъ этого послѣдняго. Послѣ его смерти управленіе перешло къ двумъ кураторамъ и семи старшинамъ.

Ихъ религіозное ученіе содержитъ рядъ пунктовъ, согласующихся съ догматами шекеровъ. Подобно послѣднимъ, они вѣрятъ, что Богъ есть гермафродитное существо, и что Адамъ, какъ сотворенный по образу божію, заключалъ въ себѣ оба пола. Если бы Адамъ удовлетворялся этимъ и оставался въ своемъ первобытномъ состояніи, то онъ размножился бы безъ помощи женщины и населилъ бы землю подобными себѣ существами ²⁾). Но такъ какъ онъ выказалъ недовольство, то Богъ отдѣлилъ отъ него женскій элементъ. Въ этомъ, по ихъ вѣрованію, именно и заключалось грѣхопаденіе, и поэтому они также вѣрятъ, что состояніе безбрачія очень пріятно Богу. Относительно Христа они вѣрують,

¹⁾ По Эли, I. с. стр. 15 въ 1890 году число членовъ общины (не превышало 40 человекъ).

²⁾ Ср. I. Sadeur, *La terre australe connue*, гдѣ эта идея положена въ основу политическаго романа.

что онъ также имѣлъ двойственную природу. Важнѣйшій пунктъ ихъ ученія заключается въ скоромъ новомъ появленіи Христа и близкомъ наступленіи тысячелѣтняго царствія, блага котораго хотя и достанутся въ удѣлъ всѣмъ людямъ, но лишь послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго очищенія. Коммунизмъ ихъ носитъ исключительно религіозный характеръ, проповѣдь его они находятъ въ словахъ Иисуса Христа и образцомъ для себя берутъ первыя христіанскія общины.

Относительно ихъ образа жизни мы замѣтимъ только, что отъ шекеровъ они отличались лишь въ одномъ пунктѣ, а именно у нихъ группы или семьи, состоящія изъ 4—8 лицъ обоого пола, живутъ въ отдѣльныхъ домахъ и ведутъ отдѣльное домашнее хозяйство. Эти группы составляютъ единицы общины въ то время, какъ у шекеровъ таковыми являются семьи, состоящія изъ 30—90 лицъ. Образъ жизни гармонистовъ, за единственнымъ исключеніемъ полового воздержанія, не носитъ аскетическаго характера.

IV. Зоаръ.

Подобно гармонистамъ Экономін, обитатели коммунистической общины Зоаръ, въ графствѣ Тускарава, штатъ Огіо, также происходили изъ Вюртемберга и также, подобно имъ, являлись сепаратистами вюртембергской государственной церкви. Воззрѣнія ихъ изложены въ 12 правилахъ, которыя, кажется, составлены были еще въ Вюртембергѣ и должны были оправдывать все ихъ поведеніе. Эти сепаратисты отвергаютъ всѣ религіозныя церемоніи, считая ихъ бесполезными и даже вредными, и указываютъ на нихъ, какъ на главный поводъ для разрыва всякой связи съ государственной церковью. Всякое половое общеніе они считаютъ грѣховнымъ, если только оно не имѣетъ своей цѣлью воспроизведеніе потомства. Полное воздержаніе все же лучше брака. Далѣе, они избѣгаютъ посылать своихъ дѣтей въ школы, ибо тамъ имъ предстоитъ усваивать принципы иные, чѣмъ какіе признаютъ они сами; они отказываются отдавать свою молодежь въ солдаты, ибо христіанинъ не долженъ убивать своего врага. Далѣе они признаютъ правительство весьма необходимымъ для защиты добрыхъ и честныхъ и для наказанія порочныхъ, и готовы оказывать ему почтительное повиновеніе. Въ особенности уклоненіе отъ посѣщенія дѣтьми школы и отъ солдатчины навлекло на нихъ преслѣдованія, какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ властей, которыя, путемъ обычныхъ наказаній, старались загнать заблудшее стадо въ стойло единственно спасительнаго авторитета, какъ церковнаго, такъ и свѣтскаго. Послѣ десяти или двѣнадцатилѣтнихъ преслѣдованій сепаратисты получили, наконецъ, разрѣшеніе поселиться въ одной части Вюртемберга, но затѣмъ, спустя нѣсколько лѣтъ, снова были оттуда изгнаны. Единственный способъ помочь себѣ они видѣли лишь въ эмиграціи въ Америку. Въ этомъ своемъ тогда еще чрезвычайно трудномъ предпріятіи они были поддержаны нѣсколькими англійскими квакерами, которые помогли имъ значительной суммой денегъ. Въ августѣ 1817 года они прибыли въ Филадельфію и купили по совѣту своихъ друзей квакеровъ удобно расположенный участокъ земли въ 5600 акровъ. Іосифъ Веумлеръ, котораго они избрали своимъ вождемъ, подготовилъ съ передовымъ отрядомъ въ теченіе зимы переселеніе, и оно совершилось въ слѣдующемъ году весной. Такъ какъ значительная часть колонистовъ была очень бѣдна, то въ концѣ концовъ они были при-

нуждены поступить въ услуженіе на сосѣднія фермы, чтобъ только имѣть возможность содержать свои семьи, ибо до этого времени среди колонистовъ не возникла даже мысль основать коммунистическое общество. Каждая семья жила сама по себѣ, купленная земля должна была быть распределена между ними и ими оплачена. Такъ какъ однако между ними было много стариковъ и людей бѣдныхъ, которые не были въ состояніи заработать сумму, нужную на уплату за участокъ земли, то все предпріятіе угрожало распаденіемъ, если только его не поставятъ на иныхъ основаніяхъ. Это сознавали также и руководители дѣла. Въ апрѣлѣ 1819 года между членами общины состоялся договоръ, и общность имущества была признана приблизительно 225 лицами основнымъ принципомъ вновь возникающей колоніи. Лишь путемъ общности имущества стало возможнымъ собрать вѣрующихся, которыхъ бѣдность ихъ разсыла по окрестностямъ ихъ колоніи. «Мы никогда бы не были въ состояніи заплатить за свою землю, если бы не учредили коммунистической общины», рассказывали старые сепаратисты Нордгофу при его посѣщеніи ¹⁾. Такимъ образомъ здѣсь общность имущества была установлена не по религіозной, но по чисто экономическимъ причинамъ, хотя сдѣлавшаяся возможною благодаря ей совмѣстная жизнь членовъ общины и опирается на религіозные мотивы. Сначала бракъ среди нихъ былъ запрещенъ и лишь въ 1828 или въ 1830 году законъ этотъ былъ уничтоженъ. Самъ вождь ихъ, I. Беумлеръ не преминулъ вступить въ бракъ. Окончательная конституція колоніи была выработана въ 1832 году и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени остается неизмѣнной.

Уставъ дѣлитъ членовъ общины на двѣ категоріи: на новичковъ, которые должны выдержать испытаніе въ теченіе одного года, и полноправныхъ членовъ. Первые при вступленіи не отказываются отъ своихъ правъ на имущество въ пользу общины, но всѣ имѣющіяся у нихъ деньги сдаютъ подъ росписку. Они обязываются подчиняться всѣмъ правиламъ, установленіямъ и указаніямъ распорядителей, направлять все свое прилежаніе и свои способности на удовлетвореніе интересовъ общины, и предоставить своихъ дѣтей исключительно опецѣ и надзору руководителей. За это они, подобно всѣмъ прочимъ членамъ общины, получаютъ отъ нея полное содержаніе. По истеченіи года новичекъ, если къ тому не встрѣчается ни съ чьей стороны возраженія, подписываетъ точно формулированный контрактъ, опредѣляющій отношеніе къ собственности, и уставъ, и дѣлается полноправнымъ членомъ общины.—Уставъ опредѣляетъ далѣе управленіе колоніей. Всѣ должностныя лица избираются на общемъ собраніи членовъ колоніи, мужчинъ и женщинъ, простымъ большинствомъ голосовъ. Община ежегодно избираетъ одного куратора и одного члена постояннаго комитета, затѣмъ, каждые четыре года, кассира и одного уполномоченнаго, въ случаѣ если имѣется вакансія. Три куратора избираются на три года, но не исключается возможность и переизбранія. Они пользуются неограниченнымъ правомъ распоряженія имуществомъ общины, но обязаны доставлять всѣмъ членамъ достаточныя средства къ жизни и всѣми способами оберегать интересы общины. Они назначаютъ руководителей для всѣхъ отраслей труда и каждому указываютъ его работу. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ они запрашиваютъ мнѣнія состоящаго изъ пяти членовъ постояннаго комитета. Уполномоченный является посредникомъ

¹⁾ Nordhoff, The communistic societies etc., стр. 101.

во всѣхъ сношеніяхъ общины съ вѣшнимъ міромъ, а также завѣдуетъ всѣми покупками и продажами. Въ вѣдѣніи кассира находятся всѣ денежные средства общины, ему какъ агентъ, такъ и кураторы передаютъ денежные суммы, полученные ими. Онъ ведетъ книги и представляетъ ежегодный балансъ. Эта сравнительно сложная административная машина, какъ кажется, за время своего существованія работала безусловно удовлетворительно. Во всякомъ случаѣ эта община такъ же мало страдала отъ недобросовѣстности своихъ чиновниковъ, какъ и община гармонистовъ.

Въ высшей степени интересно прослѣдить, какъ эти сепаратисты, набравшіеся преимущественно изъ рядовъ трудящагося класса, крестьянъ и ремесленниковъ, и вслѣдствіе этого совсѣмъ незнакомые съ разными теоріями, благодаря экономическимъ явленіямъ дошли до установленія общности имущества, а благодаря послѣднему, до цѣлаго ряда другихъ учреждений, которыя современными имъ утопистами социализма признавались необходимыми основами новаго общественнаго строя. Такова, напр., прежде всего связь между бракомъ и общностью имущества, о которой мы еще скажемъ подробнѣе въ своемъ заключительномъ обзорѣ. Сначала сепаратисты относились враждебно къ браку; подобно шекерамъ и гармонистамъ, они проповѣдовали половое воздержаніе и допустили бракъ лишь около 1830 года, вѣроятно въ виду его цѣлесообразности для обновленія и поддержанія колоніи. Во всякомъ случаѣ они всегда придерживались взгляда, что бракъ просто-напросто не гармонируетъ съ жизнью въ коммунистической общинѣ, а потому, не видя иного выхода, и предпочли безбрачіе. Хотя введеніе брака и не влекло за собой неизбѣжнымъ образомъ гибели общины, но все же оно причиняло больше неудобствъ и затрудненій въ жизни послѣдней, чѣмъ безбрачіе. Съ установленіемъ брака, естественно, возникла и другая проблема,—вопросъ о воспитаніи дѣтей. Сначала было установлено правило, чтобы дѣти до трехлѣтняго возраста оставались на попеченіи и подъ надзоромъ своихъ родителей, а затѣмъ, каждый ноль отдѣльно, помѣщались въ большихъ домахъ, гдѣ воспитаніемъ ихъ занимались избранные для этого члены общины, такъ что, начиная съ трехлѣтняго возраста, контроль родителей совершенно устранялся. Такая система воспитанія практиковалась до 1846 года, когда, по неизвѣстнымъ причинамъ, была оставлена. Теперь молодое поколѣніе живетъ въ родительскомъ домѣ до 21 года или до вступленія въ бракъ и до 15 лѣтъ посѣщаетъ общинную школу. Домашнее хозяйство каждой семьи ведется совершенно отдѣльно, даже если нѣсколько семей живетъ въ одномъ домѣ.

Колонія находится въ очень цвѣтущемъ состояніи. Въ 1890 году она состояла приблизительно изъ 400 членовъ, имущество ея обладало цѣнностью около шести милліоновъ марокъ. Съ величайшей настойчивостью вели бѣдныя крестьяне изъ Вюртемберга борьбу за существованіе и оказались побѣдителями; успѣхъ ихъ тѣмъ болѣе достоинъ вниманія, что они не имѣли во главѣ, подобно гармонистамъ, столь богато одаренныхъ вождей, какими были Раппъ и его сынъ. Зоаръ является результатомъ дѣятельности цѣлой группы лицъ.

У. Общины Аврора и Бетель.

Община Аврора, находящаяся вблизи Портланда (штатъ Орегонъ), является сестрой основанной на тѣхъ же началахъ общины Бетель (въ графствѣ Шельби, въ штатѣ Миссури) и обѣ онѣ обязаны своимъ возникновеніемъ нѣкому доктору Кейлю, который и донинѣ еще стоитъ во главѣ ихъ. Кейль, по происхожденію пруссакъ, проживалъ нѣкоторое время въ Нью-Йоркѣ, затѣмъ въ Питсбургѣ, гдѣ выдавалъ себя за врача и занимался лѣченіемъ магнетизмомъ, а также объявлялъ себя обладателемъ чудесной, написанной человѣческой кровью, книги рецептовъ. Затѣмъ онъ прикнулъ къ методистамъ, сжегъ свою книгу, снова разошелся съ методистами и основалъ свою собственную секту. Ему удалось собрать вокругъ себя нѣкоторое количество нѣмецкихъ крестьянъ, которые почитали его, какъ какое-то божественное существо. Когда къ нему присоединилась часть послѣдователей проходимца Леона, въ свое время покинувшихъ колонію Экономію, въ настроенной на фанатически-религіозный ладъ головѣ Кейля возникъ планъ основать коммунистическую общину. Въ графствѣ Шельби (въ штатѣ Миссури) отыскано было удобное для устройства поселенія мѣсто, и здѣсь постепенно возникла колонія Бетель. Сначала было куплено 2560 акровъ земли, но постепенно площадь ея увеличилась до 400 акровъ. Винокуренные заводы, мельницы, лѣсопильни, суконныя фабрики строились одна за другой, и вокругъ стараго поселка раскинулся небольшой цвѣтущій городокъ. Но безпокойный духъ Кейля стремился къ новымъ экспериментамъ. Поэтому въ 1855 году, въ сопровожденіи десяти или двѣнадцати семействъ, числомъ около 80 человѣкъ, Кейль пустился въ путь къ берегамъ Тихаго океана и въ іюнѣ 1856 года поселился въ мѣстности Шольватеръ-Бай, въ Аврорѣ, въ штатѣ Орегонъ. Благодаря пригоу членовъ извнѣ, а также переходу изъ Бетеля, новая община мало-по-малу приобрѣла до 400 членовъ. Она владѣетъ 18000 акровъ земли, которая разбросана въ нѣсколькихъ графствахъ, а также имѣетъ собственныя лѣсопильни, кожевенный заводъ, столярную мастерскую, кузницы, портняжныя и сапожныя мастерскія, мельницу, нѣсколько чесальныхъ, сукноткацкихъ станковъ, сушилку для фруктовъ, лавку для потребностей окрестныхъ фермеровъ и проч., и проч., Въ особенности община славится своими обширными фруктовыми садами, продукты которыхъ постукаютъ въ продажу въ свѣжемъ и сушеномъ видѣ.

Уставъ общины и ея религіозныя правила чрезвычайно просты и могутъ быть резюмированы въ немногихъ словахъ. Всякая власть должна подражать отеческой власти Бога и потому сама быть отеческой. Вслѣдствіе этого общины должны быть устроены по образцу семьи и обязаны имѣть какъ интересы, такъ и имущество общіе, т.-е. всѣ члены ихъ должны усердно трудиться для общаго блага и пользы, и за это получать отъ общины все необходимое для жизни, Обобщественіе, заходящее далѣе имущества и труда, не оправдывается ни религіей, ни природой; поэтому раздѣльная жизнь отдѣльныхъ семей должна быть берегаема строжайшимъ образомъ. Бракъ и семейныя отношенія почитаются приверженцами Кейля, какъ обязанности, налагаемыя религіей. Дѣти также живутъ въ семьѣ и получаютъ отъ общины лишь свободное школьное образованіе, при чемъ занятія, также какъ и въ Зоарѣ, не прерываются никакими ваканціями.

Система управленія также упрощена до послѣдней возможности. Кейль президентъ общины и самодержавный властитель; помощниками и совѣтниками у него состоятъ четыре старшіе члены общины, которыхъ онъ впрочемъ назначаетъ самъ. Лишь особо важныя обстоятельства, при которыхъ дѣло идетъ о самомъ существованіи или благѣ всей общины, обсуждаются цѣлой общиной, и безъ ея согласія тогда ничто не предпринимается. Съ самаго возникновенія общины до 1872 года все имущество ея числилось за Кейлемъ. Въ этомъ же году оно было раздѣлено между семьями, и каждому главѣ семьи былъ выданъ документъ на владѣніе, причемъ, однако, благодаря этой формальности, въ коммунистическомъ строѣ общины не произошло никакого измѣненія. Въ такихъ же обстоятельствахъ находилась и первоначальная колонія Ветель. Здѣсь также первоначально все имущество считалось общимъ, но уже въ 1847 году, спустя три года послѣ основанія общины, недовольные члены стали добиваться его раздѣленія. Желаніе ихъ было исполнено. Все имущество было раздѣлено, и каждому члену общины выдана его часть. Значительная часть прибылей, полученныхъ за три года, а также фабрики и мельницы, были предназначены на содержаніе стариковъ и больныхъ. Недовольные члены общины продали свои участки и ушли, оставшіеся же продолжали, какъ и до того, пользоваться имуществомъ на коммунистическихъ началахъ.

Предполагается, что каждый членъ общины долженъ работать на общую пользу, но какое-либо принужденіе къ труду, такъ же какъ и установленіе количества рабочаго времени совершенно отсутствуютъ. Каждая мастерская имѣетъ своего главу, «который, повидимому, занимаетъ этотъ постъ путемъ естественнаго подбора». Они строго придерживаются правила, чтобы никто не былъ постоянно занятъ одной и той же работой. Если напримѣръ ощущается недостатокъ въ кирпичѣ, а въ сапожныхъ мастерскихъ дѣлать нечего, то эти послѣднія закрываются, и всѣ сапожники принимаются за изготовленіе кирпича. Весной и лѣтомъ весьма значительная часть населенія бываетъ занята полевыми работами. Въ концѣ осени они возвращаются въ городъ и работаютъ въ теченіе зимы на лѣсопильняхъ, на фабрикахъ и въ разныхъ мастерскихъ. Для ихъ проживанія въ городѣ были построены большіе дома, въ которыхъ помѣщаются состоящіе въ бракѣ члены общины. Иногда для общины работаютъ наемные рабочіе. Кто хочетъ быть принятымъ въ общину, сначала работаетъ у ней за плату и принимается лишь тогда, когда жизнь въ общинѣ его удовлетворяетъ, и прочіе члены ничего противъ него не имѣютъ. Все имущество, какимъ владѣетъ вновь вступающій членъ, онъ долженъ сдать въ общинную кассу, ибо прежде всего онъ долженъ прійти къ убѣжденію, «что эгоистическое накопленіе имущества дурно и противно заповѣдямъ божескимъ и законамъ природы».

Такъ какъ всѣ трудятся на общую пользу, то и все, въ чемъ они нуждаются, получаютъ изъ общественныхъ складовъ, сообразно своимъ потребностямъ, опредѣлять которыя предоставляется исключительно ихъ усмотрѣнію. Бухгалтерскія книги поэтому существуютъ въ общинѣ только для торговыхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Каждая семья живетъ либо въ отдѣльномъ домѣ, либо занимаетъ рядъ комнатъ въ большихъ общинныхъ домахъ. Она имѣетъ свой садъ, держитъ домашнюю птицу и выкармливаетъ ежегодно извѣстное количество поросятъ, которыхъ получаетъ отъ общины, сообразно числу своихъ членовъ. Овощей каждый получаетъ, сколько ему понадобится, изъ большихъ общихъ

огородовъ. Впрочемъ, деньги не совсѣмъ вышли изъ употребленія въ общинѣ, и кажется, членамъ ея, подобно тому, какъ это было въ старыхъ земледѣльческихъ общинахъ Франціи, не запрещается имѣть немного денегъ. По крайней мѣрѣ Нордгофъ говоритъ, что путемъ продажи меда и излишнихъ плодовъ, нѣкоторые члены общины добываютъ себѣ деньги на табакъ и на украшенія для своихъ дочерей.

Религіозная жизнь ограничивается воскресными богослуженіями, духовная же жизнь, по свидѣтельству Нордгофа, совсѣмъ не развита. Населеніе Авроры, какъ и Бетеля, состоитъ главнымъ образомъ изъ крестьянъ, духовное развитіе которыхъ само по себѣ незначительно, и подъ вліяніемъ ограниченнаго, враждебно относящагося къ высшему образованію фанатика, какимъ былъ Кейль, осуждено на полную неподвижность. Зато въ области нравственности успѣхи колоніи весьма важны. Со времени основанія ея, изъ среды ея членовъ не вышло ни одного преступника, ни одинъ судебный процессъ, какъ членовъ ея между собою, такъ и съ ближайшими сосѣдями, не нарушилъ мирнаго теченія ихъ жизни. Не было ни одного случая сумасшествія, слѣпоты, глухоты или нѣмоты, ни одного случая уродства какого бы то ни было рода. Здѣсь мы видимъ несомнѣнное подтвержденіе мнѣнія социалистовъ, что общество, освободившееся отъ заботъ о хлѣбѣ и отъ борьбы за существованіе, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи освобождается, какъ отъ разнаго рода преступленій, такъ и отъ духовныхъ и тѣлесныхъ недуговъ, которыми въ настоящее время неудержимое развитіе капитализма съ такой щедростью награждаетъ культурныя націи.

Старшая, но по размѣрамъ меньшая община Бетель обладаетъ приблизительно 4.000 акровъ хорошей земли и состоитъ изъ 25 семей, число членовъ которыхъ свыше 200. Она имѣетъ лѣсопильню, мельницу, кожевенный заводъ, нѣсколько ткацкихъ станковъ и мастерскія, столярную, кузнечную, бондарную, портняжную, сапожную и шапочную, всѣ въ небольшомъ масштабѣ, но вполне достаточныя для того, чтобы снабжать своими продуктами не только свою общину, но и сосѣднія фермы. Жизнью общины руководятъ шесть кураторовъ, которые выбираются изъ среды членовъ ея и несутъ эти обязанности до тѣхъ поръ, пока не провинятся въ чемъ-нибудь. Наибольшаго числа членовъ община достигла въ 1855 году, но за періодъ съ 1854 по 1863 годъ, вслѣдствіе переселенія въ Орегонъ, число это съ 650 человекъ уменьшилось до 250. Оставляющій общину получаетъ нѣкоторую сумму денегъ, которая бываетъ различна, въ зависимости отъ продолжительности пребыванія въ общинѣ. Образъ жизни въ Бетелѣ таковъ же, какъ и въ Аврорѣ, такъ какъ обѣ общины, въ сущности, придерживаются одного и того же направленія. Характерной чертой обѣихъ является слабость связи, существующей между ихъ членами. Они имѣютъ возможность, безъ всякихъ затрудненій, въ каждый данный моментъ прервать коммунистическій образъ жизни и повести свое хозяйство самостоятельно, и несмотря на это, поддерживаютъ общность имущества въ теченіе уже 50 лѣтъ. Религіозныя воззрѣнія ихъ очень просты, безъ всякаго слѣда фанатизма, но, какъ кажется, достаточно крѣпки, чтобы поддерживать связь между ними. Въ области брака и въ воспитаніи дѣтей они ничѣмъ особенно не отличаются отъ обычаевъ своихъ сосѣдей, образъ жизни ихъ также подобенъ обычному образу жизни буржуазныхъ семей, и тѣмъ не менѣе они продолжаютъ поддерживать коммунизмъ въ области производства. Теперь, повидимому, ихъ связываетъ скорѣе всего сила

привычки, ибо мы вряд ли ошибемся, если припишем первоначальную причину возникновенія колоніи религиозному фанатизму, который теперь, послѣ цѣлаго ряда лѣтъ, совершенно улетучился.

VI. Амана.

Истинныя «вдохновенныя общины», какъ онѣ сами себя называютъ, образуютъ коммунистическую общину въ штатѣ Іова. Въ 1880 году онѣ имѣли 1.633 (по Эли въ 1890 году около 1.800) членовъ и владѣли приблизительно 25.000 акровъ земли. Основа ихъ организациіи религиозная; они пѣтисты и вѣрятъ, что Богъ время отъ времени вдохновляетъ (инспирируетъ) отдѣльныхъ избранныхъ людей, отсюда и ихъ названіе «инспираціонисты» или вдохновенные. Происходитъ секта изъ Германіи и именно Южной Германіи, гдѣ возникновеніе ея относится къ началу XVIII столѣтія, но исторію ея въ XVIII вѣкѣ мы можемъ здѣсь обойти молчаніемъ. Въ 1816 году начинаются явленія «вдохновенія», которое, по ихъ вѣрованію, время отъ времени исчезаетъ, а затѣмъ вновь пробуждается къ жизни и находитъ себѣ удобное орудіе въ лицѣ Михаила Креузерта изъ Страсбурга, Филиппа Мершеля, Христіана Меца и наконецъ, еще въ 1818 году въ лицѣ Варвары Гейнеманъ, «бѣдной, совершенно необразованной служанки изъ Эльзаса». Общины были разбросаны по всей Германіи и имѣли связь между собою черезъ посредство своихъ вдохновенныхъ, которые переходили отъ одной къ другой, проповѣдуя и поучая. Подъ руководствомъ Христіана Меца и другихъ, удалось, въ промежутокъ времени съ 1825 по 1839 годъ, собрать значительное число вѣрующихъ въ Арменбургъ, гдѣ они начали работать на мануфактурахъ. Но ихъ отказъ отъ присяги и нежеланіе посылать своихъ дѣтей въ школы, руководимыя духовенствомъ господствующей церкви, вызвали гоненіе противъ нихъ какъ со стороны правительства, такъ и со стороны духовенства. Наконецъ въ 1842 году Христіанъ Мець получилъ откровеніе собрать всѣхъ вѣрующихъ и увести подальше отъ родины и отъ преслѣдованій. Поэтому онъ, въ сопровожденіи четырехъ товарищей, отплылъ въ сентябрѣ 1842 года въ Америку и тамъ направилъ свой путь въ Балтимору, гдѣ купилъ 5.000 акровъ земли; впоследствии къ ней былъ присоединенъ еще почти такой же по величинѣ участокъ. 350 вѣрующихъ переселились туда въ 1843 году, а 217 въ 1844. Число ихъ съ теченіемъ времени еще возросло, такъ что въ концѣ концовъ въ разныхъ деревняхъ проживало свыше 1.000 человекъ. Въ Германіи инспираціонисты совсѣмъ не были коммунистами да и по переселеніи въ началѣ и въ мысляхъ не имѣли устанавливать общности имущества. И въ данномъ случаѣ къ этому привела ихъ экономическая необходимость. А именно, среди переселенцевъ было много ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ, которые не привыкли къ крестьянской жизни и не имѣли къ ней никакой склонности. Чтобы избѣжать раскола, колонія увидѣла себя принужденной устроить мастерскія и фабрики для принадлежащихъ къ ней промышленныхъ рабочихъ, а такъ какъ вожди признали, что сдѣлать это было бы невозможно безъ учрежденія общности имущества, то чрезъ посредство откровенія они отдали вѣрующимъ приказаніе сдать все свое имущество въ общую кассу и жить съ этого времени въ общности имущества. Въ 1854 году община получила путемъ вдохновенія приказаніе отправиться на за-

падъ. Въ виду дешевизны земли они избрали своимъ будущимъ отечествомъ штатъ Юву и въ 1855 году послали туда передовой отрядъ для покупки земли и подготовки мѣста для новаго поселенія. Показателемъ ихъ трудолюбія можетъ служить тотъ фактъ, что имъ удалось продать безъ убытка свою прежнюю землю близъ Буффало. Переездъ изъ Эбевъ-Эцера въ Амана занялъ цѣлыхъ десять лѣтъ. Въ 1859 году они превратили свою колонію законнымъ путемъ въ зарегистрированную корпорацію и въ учредительномъ актѣ объявили, что главная цѣль ихъ заключается въ стремленіи къ физическому и духовному благу и счастью членовъ общины. Законодательное учрежденіе общины должно состоять изъ тринадцати кураторовъ, избираемыхъ ежегодно, исполнительный же органъ состоялъ изъ директора, вице-директора и секретаря, которые назначаются кураторами изъ своей среды, также на годъ ¹⁾).

Теперешняя колонія инспираціонистовъ состоитъ изъ семи деревень, при устройствѣ которыхъ было принято въ соображеніе удобство при обработкѣ земли. Краткаго описанія этихъ деревень и производствъ, которыми онѣ занимаются, будетъ достаточно, чтобы дать картину процвѣтанія колоніи.

Восточная Амана: населеніе состоитъ изъ 120 человекъ ²⁾. Имѣются портняжныя и столярныя мастерскія; на большихъ скотныхъ дворахъ разводятся овцы.

Амана: самая старая и большая деревня, приблизительно съ 550 жителями; имѣетъ большой магазинъ, гостинницу, школу, домъ для собраній и значительное число большихъ домовъ. Крупное шерстяное производство ведется на большой фабриктѣ, оборудованной всѣми современными машинами, и доставляетъ лучшіе шерстяные товары; потребляетъ ежегодно 150.000 фунтовъ шерсти. Ситценабивныя фабрики красятъ и печатаютъ ежедневно 800—1.000 ярдовъ. Кромѣ того въ Амана имѣются большая мельница, кирпичный и мыловаренный заводъ, лѣсопильня, машинная, портняжная и другія мастерскія. Управляется Амана шестнадцатью старшинами.

Средняя Амана: жителей 380 человекъ; имѣетъ большую шерстяную мануфактуру, крахмальный заводъ, машинную и кузнечную мастерскія, лавку, типографію, школу и домъ для собраній.

Верхняя Амана: жителей 730 человекъ; имѣетъ лавку, лѣсопильню, машинную мастерскую, кузницу и другія мастерскія.

Западная Амана: жителей 170 человекъ; въ ней есть лавка и мельница.

Южная Амана: населенія имѣетъ 200 человекъ; въ ней находятся станція желѣзной дороги, почта, депо, элеваторъ, лѣсопильня, гостинница и т. д. Здѣсь производится нагрузка зерна и скота.

Гомстедъ: населенія 210 человекъ; имѣетъ депо, гостинницу, почтовую станцію, элеваторъ, домъ для собраній, школу, складъ дерева и громадный товарный складъ. Онъ является главнымъ складочнымъ мѣстомъ колоніи.

Кромѣ названныхъ здѣсь производствъ, само собою разумѣется, въ каждой деревнѣ ведется полевое хозяйство и скотоводство. Въ 1880 году у нихъ было

¹⁾ Ср. „Articles of Incorporation“ въ „The History of Iowa County“. 1881 г. стр. 767.

²⁾ Приводимъ цифры по переписи 1880 года; данныя Нордгоффа болѣе стары.

скота: крупнаго 1.256 штукъ, лошадей 206, овецъ 3.190, свиней 1.088. Въ производство было вложено около 85.000 долларовъ, и товарный складъ оцѣнивался въ 35.000 долларовъ. Движимое имущество колоніи въ 1880 году оцѣнивалось въ 214.000 долларовъ, земля и постройки — въ 215.000 долларовъ.

Деревни обыкновенно состоятъ изъ одной длинной главной улицы, по обѣ стороны которой высятся дома, предназначенные для жительства отдѣльныхъ семей; амбары, фабрики, мельницы и мастерскія расположены въ сторонѣ. Жилые дома построены прочно, и при каждомъ имѣется довольно большой садъ. На неодинаковомъ разстояніи одинъ отъ другого находятся дома бѣльшаго размѣра, въ которыхъ готовится пища и происходятъ общія трапезы. Въ Амана такихъ столовыхъ имѣется пятнадцать, и въ нихъ хозяйничаютъ молодыя женщины и дѣвушки подъ наблюденіемъ пожилыхъ женщинъ. Во время ѣды каждый полъ и дѣти сидятъ отдѣльно. Тѣмъ, кто вслѣдствіе болѣзни или изъ-за маленькихъ дѣтей принужденъ сидѣть дома, пища относится на домъ. Ёда хороша и обильна. Кромѣ трехъ главныхъ трапезъ, бываетъ еще второй завтракъ и полдникъ.

Общее управленіе колоніей находится въ рукахъ тринадцати кураторовъ, и специальное завѣдываніе дѣлами каждой деревни въ рукахъ старшинъ и выборныхъ представителей. Каждая деревня имѣетъ свои собственныя счетоводныя книги и ведетъ свои дѣла; но всѣ отчеты въ концѣ года посылаются въ Амана, гдѣ проверяются кураторами и гдѣ подводится балансъ прихода и расхода какъ отдѣльныхъ деревень, такъ и всей колоніи. Старшины представляютъ многочисленную корпорацію, въ которую черезъ инспирацію избираются наибѣе благочестивые граждане общины, независимо отъ ихъ возраста. Четыре или пять изъ нихъ образуютъ въ каждой деревнѣ нѣчто вродѣ совѣта, который собирается каждое утро, принимаетъ отчетъ отъ завѣдующихъ работами и распределяетъ работы. Завѣдующіе, назначаемые кураторами, собираются каждый вечеръ и распределяютъ работы на слѣдующій день. Женщины не принимаютъ въ управленіи дѣлами никакого участія.

Для распредѣленія одежды и другихъ предметовъ потребленія, они завели у себя простую систему бухгалтеріи. Для каждого члена общины предназначена определенная сумма денегъ, равняющаяся для мужчинъ 40—100 долларамъ, смотря по ихъ работѣ, для женщинъ 25—30 долларамъ и для каждого ребенка 5—10 долларамъ, и эта сумма записывается въ расчетной книжкѣ каждого, какъ его имущество. Всѣ забираемые продукты, которые только можно купить въ лавкахъ колоніи, засчитываются покупателю по цѣнѣ ихъ стоимости и заносятся въ его книжку. Получившійся остатокъ приписывается къ суммѣ слѣдующаго года, или же владѣльцу, если онъ это предпочитаетъ, предоставляется подарить его кому-нибудь.

Колонисты чрезвычайно осмотрительны въ приемѣ новыхъ членовъ, хотя ихъ по временамъ прямо заваливаютъ письменными просьбами о приемѣ; такъ какъ ихъ община имѣетъ религіозную подкладку, то приемъ просителей зависитъ исключительно отъ ихъ религіозныхъ воззрѣній. Большая часть вновь поступающихъ является изъ Германіи, и принимается послѣ подробнаго вопроса относительно мотивовъ поступленія, религіозныхъ воззрѣній и т. д., а также послѣ изслѣдованія ихъ характера путемъ «вдохновенія». Обыкновенно неопиту назначаютъ время испытанія въ два года, и онъ подписываетъ условіе, въ которомъ обязывается работать добросовѣстно, подчиняться правиламъ общины и

не требовать никакого вознаграждения за свой трудъ. Когда, послѣ успѣшнаго испытанія, онъ дѣлается полноправнымъ членомъ, то вноситъ все свое имущество въ общую кассу и подписываетъ уставъ общины.

У инспираціонистовъ бракъ также не пользуется почетомъ, хотя и разрѣшенъ, и большинство колонистовъ женаты. Раздѣленіе половъ проведено съ величайшею строгостью. За трапезой, при религіозныхъ церемоніяхъ, въ школѣ, каждый полъ сидитъ отдѣльно, и женскій полъ обыкновенно покидаетъ свое мѣсто раньше мужского. Дѣло заходитъ такъ далеко, что даже дѣтямъ не позволяютъ играть съ дѣтьми другого пола, и подрастающее поколѣніе, юноши и дѣвушки, совершаютъ свои воскресныя прогулки въ различныхъ направленіяхъ, чтобы не встрѣчаться другъ съ другомъ; само собою разумѣется, что и во время работы они отдѣлены другъ отъ друга. Если поэтому юная парочка все-таки найдетъ способъ влюбиться и, объяснившись въ любви, вступаетъ въ бракъ, то оба, благодаря этому акту, свергаются съ высоты религіознаго благочестія, которой они, можетъ быть, достигли до этого, въ разрядъ дѣтей, степень благочестія которыхъ считается самой низкой. Вѣрующіе, по степени ихъ благочестія и глубинѣ вдохновенности, раздѣляются собственно на три класса, и, благодаря акту брака, участникъ перваго класса низвергается снова въ третій классъ, классъ дѣтей. Положеніе женщины у нихъ, разумѣется, не можетъ быть высокимъ. «Избѣгай общества женщинъ, насколько только можешь, какъ очень опаснаго магнита и волшебнаго огня», гласитъ одно изъ двадцати одного «правила повседневной жизни».

Дѣти посѣщаютъ школу съ 6 до 13 лѣтъ, но оба пола учатся въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ. Ученье начинается въ семь часовъ и продолжается до половины десятаго; съ половины десятаго до одиннадцати, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, занимаются рукодѣльемъ. Съ часу до трехъ снова идетъ ученье, а съ трехъ до половины пятаго шьютъ и вяжутъ. Обученіе крайне элементарно: библія и катехизисъ занимаютъ въ немъ главное мѣсто. Въ колоніи имѣется семь школъ, въ которыхъ двѣнадцать учителей учатъ безъ перерыва, такъ какъ каникулъ не полагается. Содержаніе учителей обходится среднимъ числомъ въ 20 долларовъ въ мѣсяцъ. Количество учениковъ по спискамъ значитъ 427, и ежедневно школу посѣщаетъ среднимъ числомъ 343. Стоимость школьныхъ зданій достигаетъ 7100 долларовъ.

Религіозная жизнь членовъ общины необыкновенно дѣятельна и отнимаетъ у нихъ большую часть ихъ времени.

VII. Община Бишопъ-Гилль.

Основателями и этой общины также были крестьяне, которые сначала изъ религіозныхъ побужденій отдѣлились отъ государственной церкви своей страны, а затѣмъ принуждены были эмигрировать изъ-за начавшихся преслѣдованій. Только родиной этихъ крестьянъ на этотъ разъ была не Германія, а Швеція. Эта религіозная секта возникла въ Швеціи около 1830 года; въ 1843 году главный ея проповѣдникъ, Эрикъ Явсонъ, человекъ громадн. энергіи, провозгласилъ, что обязанность всѣхъ вѣрующихъ вести, по образцу первыхъ христіанскихъ общинъ, смиренную, благочестивую жизнь, соблюдая полное равенство и

общность имущества. Уклоненіе сектантовъ отъ посѣщенія церкви и проповѣдь общности имущества обратили на себя вниманіе властей, которыя начали запрещать ихъ собранія и угрожать имъ самымъ денежными штрафами и тюремнымъ заключеніемъ. Подвергнутые этимъ стѣсненіямъ, сектанты рѣшили переселиться. Въ 1845 году они послали въ Америку одного изъ членовъ секты, Олафа Ольсона, который нашелъ въ штатѣ Иллинойсъ удобный для колоніи участокъ земли. Въ 1846 году часть общины приступила къ переселенію и въ октябрѣ того же года прибыла въ Бишопъ-Гилль. Другіе послѣдовали за ними, и въ 1848 году колонія состояла приблизительно изъ 800 человекъ. Такъ какъ большую часть своихъ средствъ они потратили на переѣздъ, то въ первый годъ могли купить только 40 акровъ земли и прожили первые 18 мѣсяцевъ въ крайней бѣдности. Церковью въ это время имъ служила парусинная палатка, и, чтобы поддержать свое существованіе, они обрабатывали поля сосѣднихъ фермеровъ за часть урожая. Лихорадка и другія болѣзни увеличивали ихъ страданія. Къ 1849 году они приобрѣли двѣсти акровъ земли, но зато задолжали 1400 долларовъ. Въ слѣдующемъ году они построили большое прочное зданіе, которое служило имъ кухней и столовой. Между тѣмъ братъ главы общины, Олафъ Янсонъ, снова отправился въ Швецію, чтобы собрать тамъ деньги колонистовъ, розданныя въ долгъ, и въ 1850 году вернулся съ нѣсколькими тысячами долларовъ назадъ, благодаря чему колонисты получили возможность еще прикупить земли. Спустя три года послѣ этого община получила актъ, которымъ дозволялось перевести землю на имя ея кураторовъ, и всѣ дѣла совершать отъ имени общины, тогда какъ до сихъ поръ все ихъ имущество числялось за нѣсколькими членами общины. Развитіе колоніи совершалось очень медленно. Контрактъ на сооруженіе желѣзнодорожной насыпи доставилъ колонистамъ значительную сумму свободныхъ денегъ, которыя они употребили на приобретеніе машинъ и другія улучшенія. Постепенно возникли ратуша, гостинница, большая общая столовая, съ кухней и хлѣбопечкарней при ней. Въ 1859 году община достигла высшей степени своего развитія. Теперь она владѣла уже 10.000 акровъ земли, хорошо обработанной и окруженной изгородью. Путемъ продажи изъ складовъ продуктовъ своихъ фабрикъ сосѣднимъ фермерамъ, она получала немалыя суммы. Скотъ колоніи славился во всей округѣ.

Семьи жили отдѣльно, но питались вмѣстѣ. Организація у нихъ была довольно несовершенная; у нихъ не было никакого президента, и завѣдываніе дѣлами лежало на кураторахъ, которые черезъ неправильныя промежутки времени давали отчетъ о положеніи общины. Религіозная жизнь у нихъ была чрезвычайно проста и скорѣе приближалась къ таковой же у общинъ Аврора и Бетель, чѣмъ къ задултанному культу, какой мы находимъ у шекеровъ и инспираціонистовъ Амана. По воскресеньямъ два раза совершалась церковная служба, и при хорошей погодѣ ежедневно происходили собранія. Они относились отрицательно ко всякимъ мірскимъ наслажденіямъ, которыя считали несовмѣстимыми съ истинно-религіознымъ образомъ жизни.

Около 1859 года, среди молодыхъ людей, выросшихъ въ общинѣ, пробудился духъ недовольства. Они выражали это недовольство, находили жизнь въ общинѣ монотонной и пустой, не проявляли никакого интереса къ религіознымъ воззрѣніямъ стариковъ и уже готовы были покинуть общину. Здѣсь отсутствіе организаціи оказалось роковымъ. Для энергичнаго и твердаго управленія было бы

вполнѣ возможно удалить недовольныхъ или уничтожить источникъ недовольства; но при существующей организаціи общинѣ именно и недоставало такого управленія. Молодежи удалось привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ изъ старыхъ членовъ общины, и такимъ образомъ возникло двѣ партіи. Послѣ долгихъ переговоровъ въ февралѣ 1860 года пришли къ рѣшенію произвести раздѣлъ имущества. Партія Ольсона, заключающая въ себѣ около двухъ третей всѣхъ членовъ общины, намѣревалась сохранить общность имущества, въ то время какъ партія Янсона хотѣла раздѣлить свою часть. Въ теченіе еще цѣлаго года обѣ партіи жили вмѣстѣ въ Бишопъ-Гилль, и въ это время партія Ольсона распалась на три части. Наконецъ въ 1862 году все имущество было раздѣлено, и колонія прекратила свое существованіе. Но тутъ среди кураторовъ послѣдняго года оказался спекулянтъ, которому удалось въ кратчайшее время обременить колонію долгомъ свыше 100.000 долларовъ. Поэтому, при распаденіи колоніи, въ интересахъ кредиторовъ ея было учреждено конкурсное управленіе. Часть имущества пошла на покрытіе стороннихъ долговъ, все же остальное было подѣлено поровну. Но такъ какъ первой части оказалось недостаточно, то часть долга была переложена на ферму каждаго члена колоніи. Вслѣдствіе дурного управленія и неуплаты процентовъ со времени возникновенія въ колоніи дезорганизаціи, долгъ ея возросъ, и еще въ теченіе тринадцати лѣтъ послѣ окончательнаго раздѣла тянулся цѣлый рядъ процессовъ съ колоніей и ея кураторами. Нордгоффъ нашелъ колонію Бишопъ-Гилль въ полномъ упадкѣ. Большая часть домовъ была еще обитаема, но болѣе крупныя сооруженія быстро приходили въ упадокъ, такъ какъ некому было заботиться объ ихъ поддержаніи. Большинство прежнихъ коммунистовъ мирно проживало на своихъ маленькихъ фермахъ.

Во всякомъ случаѣ эта колонія показываетъ, чего можно достигнуть посредствомъ коммунистической организаціи, а также какое значеніе имѣетъ для коммунистическихъ общинъ организація со стоящимъ во главѣ ея авторитетомъ.

VIII. Заключение.

Этотъ краткій обзоръ показалъ намъ, что, за единичнымъ исключеніемъ общины Бишопъ-Гилль, всѣ эти коммунистическія колоніи имѣютъ огромный успѣхъ, и успѣхъ этотъ покажется намъ тѣмъ значительнѣе, если мы сравнимъ его съ неудачами, постигшими эксперименты Оуэна и фурьеристовъ, несмотря на большія денежныя средства и высшій умственный уровень участниковъ ихъ. Тщательное изслѣдованіе причинъ этого успѣха обнаруживаетъ три условія его: особенное и равное социальное положеніе членовъ колоній (крестьянъ и ремесленниковъ), далѣе имѣющіяся налицо, во всѣхъ общинахъ болѣе или менѣе развитый религіозный факторъ и наконецъ другой факторъ, враждебный семьѣ.

Всѣмъ этимъ колоніямъ для ихъ успѣха необходимъ былъ громадный запасъ энтузіазма, который, принимая во вниманіе социальное положеніе элементовъ, входящихъ въ нихъ, могъ проявиться лишь въ формѣ религіозной. Поэтому религіозное воодушевленіе не безъ основанія играетъ во многихъ колоніяхъ такую выдающуюся роль. Несокрушимая вѣра въ библію, какъ она толкуется вдохновеннымъ медіумомъ, часто главой общины, во многихъ общинахъ является основой самаго ихъ существованія. Духъ (spirit) руководитъ общиной

въ ея духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ, и, по словамъ инспираціонистовъ Амана, члены общины никогда не обманываются, если ради своей пользы слѣдуютъ своимъ совѣтникамъ. Noues очень удачно опредѣляетъ это оригинальное религиозное настроеніе словомъ *afflatus* и дѣлаетъ правильный выводъ, что ни одна изъ разсмотрѣнныхъ нами общинъ не обходилась безъ этого *afflatus*'а. Личное предводительство имѣетъ при этомъ, разумѣется, весьма большое значеніе, въ виду того, что религиозный *afflatus* требуетъ личнаго посредничества. Но съ другой стороны онъ долженъ являться преобладающимъ и постоянно и непрерывно дѣйствующимъ на общину элементомъ. Ибо, такъ какъ личность вождя не вѣчна, то въ тѣхъ случаяхъ, когда она имѣетъ преобладающее значеніе, грозитъ опасность, что съ его смертію исчезнетъ *afflatus* и наступитъ гибель колоніи. Примѣромъ можетъ, напр., служить колонія Зоаръ, гдѣ подрастающее поколѣніе не воодушевляется религиознымъ пыломъ, которымъ обладали старшіе члены общины, и гдѣ, вслѣдствіе этого, религиозный *afflatus* исчезаетъ все болѣе и болѣе. Непосредственнымъ результатомъ этого здѣсь является проявленіе эгонстическихъ побужденій, мірскихъ стремленій и т. д., которыя естественно подрываютъ колонію въ самомъ ея основаніи. Религія, не какъ ученіе съ тщательно разработанной догматикой, но какъ *afflatus*, дѣйствующій непосредственно на чувство, и сохраненіе котораго составляетъ главную заботу общины, является такимъ образомъ дѣятельнымъ началомъ, объединяющимъ членовъ общины и устанавливающимъ ихъ отношенія. И начало это должно быть, какъ мы видѣли, достаточно сильнымъ, чтобы господствовать надъ всякимъ личнымъ вліяніемъ, чтобы, въ случаѣ смерти вождя, найти новаго, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворять другому, столь же важному условію: оно должно быть достаточно сильно для того, чтобы одолѣть семейное начало и сдѣлать коммунизмъ основой всей жизни.

Наиболѣе характерную черту всѣхъ религиозныхъ колоній составляетъ болѣе или менѣе полное уничтоженіе единобрачія; это убѣдительнѣйшимъ образомъ показываетъ слѣдующій обзоръ брачныхъ отношеній въ такихъ колоніяхъ.

1. Коммунисты Ефраты жили въ строжайшемъ воздержаніи.
2. Рапписты живутъ въ безбрачій съ 1807 года.
3. Зоариты жили сначала въ воздержаніи; затѣмъ былъ установленъ бракъ, чтобы поддержать самое существованіе колоніи. Однако, они сами признаютъ, что бракъ и коммунизмъ исключаетъ другъ друга.
4. Сновбергеры жили въ строжайшемъ воздержаніи.
5. Инспираціонисты Амана допускаютъ бракъ, но онъ не пользуется почетомъ, и общеніе половъ въ общинѣ подвергнуто крайнимъ ограниченіямъ. По Noues они одно время были практическими мальтузіанцами; когда они выселились изъ Германіи, то рѣшили, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ число дѣтей не должно увеличиваться.
6. Члены общины Вишопъ-Гилль вѣрили, что воздержная жизнь болѣе способствуетъ развитію внутренняго чловѣка; но бракъ у нихъ не былъ запрещенъ.

Такимъ образомъ, во всѣхъ общинахъ, за исключеніемъ Авроры и Бетель, мы констатировали существованіе прямо враждебнаго отношенія къ браку и убѣжденіе, что бракъ, который они признаютъ лишь какъ моногамію, и коммунизмъ, который, по ихъ мнѣнію, является неизбѣжнымъ условіемъ христіанскаго

братства и равенства. — взаимно исключаютъ другъ друга. Изъ этой диллемы они не знаютъ иного выхода, кромѣ уничтоженія брака, сопряженнаго съ подавленіемъ всякихъ половыхъ сношеній и крайняго ограниченія всякихъ вообще сношеній между полами, или, какъ въ общинахъ Зоаръ и Амана, признанія брака ради поддержанія рода, причѣмъ бракъ подчиняется коммунистическому принципу. Наибольшій успѣхъ имѣли коммунистическія колоніи шекеровъ и раппистовъ, которыя совершенно отрицали бракъ, такъ что съ извѣстнымъ правомъ можно утверждать, что существуетъ зависимость между успѣшнымъ развитіемъ коммунистической общины этого рода и силой антисемейнаго теченія въ ней. Провѣтаніе подобной колоніи идетъ рука объ руку со строгимъ контролемъ надъ половыми отношеніями ея членовъ со стороны самой общины. Отсюда, однако, нельзя еще утверждать, что шекерское рѣшеніе проблемы, путемъ подчиненія семейнаго начала коммунизму, является для подобныхъ колоній единственно возможнымъ и вѣрнымъ. Община Онеида, напр., которая посмотрѣла на этотъ вопросъ съ строго научной точки зрѣнія и найденное научное рѣшеніе его примѣнила съ большимъ успѣхомъ на практикѣ, утверждала, что контроль ея надъ половыми сношеніями былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ у шекеровъ, потому что она чувства и страсти, возникающія на почвѣ стремленія къ воспроизведенію, подчинила коммунизму, вмѣсто того, чтобы разрѣшать конфликтъ между обоими подавленіемъ первыхъ ¹⁾.

Насколько успѣшно религиозныя общины, путемъ многочисленныхъ примѣровъ, доказали, что для нихъ легко было, безъ чрезмѣрнаго труда, не только добывать себѣ средства къ жизни, но и собрать богатства, настолько же мало успѣха онѣ обнаружили въ отношеніи своей численности. Ефрата Бесселя уже въ 1858 году съ нѣсколькихъ сотъ членовъ сошла до 12—15 человекъ; рапписты насчитывали въ свои лучшія времена 800—1.000 членовъ, отъ которыхъ въ настоящее время осталось лишь 40 стариковъ. Только шекеры, — мы не говоримъ здѣсь объ Амана — сумѣли съ успѣхомъ поддержать свои силы, хотя о ростѣ ихъ давно уже нѣтъ и рѣчи. Для полнаго успѣха колоніи, кромѣ поддержанія ея, необходимо еще и возрастаніе числа членовъ естественнымъ путемъ, что, при аскетическихъ отношеніяхъ между полами, само собою разумѣется, невозможно. Приѣмъ чужихъ дѣтей является лишь слабой и невѣрной замѣной. Идеаль коммунистическихъ общинъ, быть «въ полномъ смыслѣ слова разсадникомъ человѣческихъ существъ», не выполнила ни одна изъ религиозныхъ общинъ, но — чтобы быть къ нимъ справедливымъ, слѣдуетъ прибавить это, — ни одна изъ нихъ и не пыталась выполнить.

Намъ остается коснуться еще одного пункта, который на нашъ взглядъ, по своему значенію, можетъ быть поставленъ наряду съ рассмотрѣнными уже двумя факторами — религиознымъ *afflatus*'омъ и антисемейственностью. Пунктъ этотъ — равенство составляющихъ общину членовъ въ отношеніи умственнаго развитія, соціальнаго положенія, а въ большинствѣ случаевъ и въ племенномъ отношеніи, а также принадлежность ихъ къ рабочему классу. Крестьяне и рабочіе, — вотъ два класса, изъ которыхъ набирались секты; большинство ихъ происходило изъ деревень и мелкихъ городковъ южной Германіи, гдѣ противорѣчіе

¹⁾ По вопросу о „stirpiculture“ общины Онеида, коммунистическій строй которой исчезъ въ 1881 году, мы можемъ указать на сочиненія ея основателя I. H. Noyes.

между обоими классами не достигло еще своей современной остроты. Все члены общин были привычны к физическому труду, жизнь их была весьма скромна, по большей части даже убога, духовный горизонт крайне тесен и ограничен. Благодаря жизни в коммунистической общине, люди эти действительно поднялись на высшую ступень, чем на какой стояли прежде. Дома, в которых они теперь жили, были больше и гигиеничней; пища, которою они питались, была обильней и лучше; благодаря постоянному общению с товарищами и участию в руководстве и управлении делами колонии, умственный горизонт их расширялся; разнообразие их деятельности, обусловливаемое самой общинной кооперацией, в свою очередь, развивало их способности, короче говоря, сектанты не только ничего не теряли, замыкаясь в своих коммунистических общинах, но во всех отношениях выигрывали. Без сомнения, и национальное равенство, вместе с обусловливаемым им равенством в жизненных привычках и воззрениях, в отдельных общинах оказывало свое влияние на гармоническую совместную деятельность членов. Община Бишоп-Гилль состояла из шведов, община шекеров — первоначально из англичан, а впоследствии только из американцев; община Амана и другие происходят из южной Германии; все они еще на родине были крепко спаяны религиозными преследованиями. Интересен тот факт, что основатели большинства коммунистических общин — немцы. Замечание Нордгоффа по этому поводу достойно внимания. «Мне кажется, — говорит он, — что выгоды, предоставляемые коммунистическими общинами, а именно обеспеченность семьи, избыток средств пропитания и независимость от каких бы то ни было господ, для немцев дороже, чем для какой бы то ни было другой нации, и поэтому они в коммунистических экспериментах действуют более успешно. Я замечал у Амана и раньше у других немецких коммунистических общин довольство своей жизнью, горделивое сознание равенства, гарантируемого коммунистическим строем, а также сознательное стремление каждого индивидуума к общему благу, которая не так ясно и определенно сознаются представителями других наций»¹). Действительно ли немецкому характеру более других сроден коммунизм, — этот вопрос мы не беремся решить.

В 1874 году — более новых данных у меня, к сожалению, нет под руками — в коммунистических общинах жило приблизительно 5000 человек; общины эти, разбросанные на территории 13 штатов, владели почти 180.000 акров земли и состоянием около 12 миллионов долларов, — это их, так сказать, материальный успех. Все это состояние было создано трудолюбивыми руками честных рабочих, хотя рабочими при этом вовсе не руководило стремление сделаться богачами. Волне того, успех этот был достигнут без всякой жертвы с их стороны своими удобствами, «какие они могли создать себе сообразно со своими средствами. Наоборот, жизнь их была всегда лучше жизни соседних фермеров, и только с ними можно сравнивать коммунистические общины, если у кого-либо явится желание делать сравнение. Жизнь в них называют монотонной и лишенной интереса, не сознавая при этом крупной своей ошибки, так как сравнивают жизнь большого города, в большинстве случаев даже жизнь привилегированных классов, с жизнью простых крестьян

¹) Nordhoff, The communistic societies etc., стр. 411.

въ отдаленныхъ мѣстахъ, часто лишенныхъ всякаго сообщенія съ окружающимъ міромъ; какъ примѣръ ихъ безуспѣшности, приводятъ то обстоятельство, что лишь съ большимъ трудомъ удается удержать молодежь въ колоніи. Въ дѣйствительности насъ не должно удивлять, что тяготѣніе къ городу, которое роковымъ образомъ завладѣло современнымъ обществомъ, оказываетъ свое дѣйствіе также и на молодежь коммунистовъ. Но съ другой стороны слѣдуетъ также принять во вниманіе, что проявляется оно у коммунистовъ въ значительно болѣе слабой степени. Вообще, общинамъ удавалось съ успѣхомъ удерживать свою молодежь у себя; въ Аманѣ, самой крупной колоніи, это затрудненіе вообще и не возникало, и лишь община Бишопъ-Гиллъ погибла отчасти благодаря недовольству молодежи коммунистическимъ строемъ. Нордгоффъ вполне справедливо заявляетъ, что, при правильномъ сравненіи, всѣ выгоды окажутся на сторонѣ общинъ. «Когда я, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — сравниваю жизнь въ цвѣтущей спокойной общинѣ съ жизнью простыхъ фермеровъ и ремесленниковъ въ деревнѣ или, тѣмъ болѣе, съ жизнью рабочихъ и ихъ семей въ нашихъ крупныхъ городахъ, то долженъ признать, что жизнь коммунистовъ настолько болѣе свободна отъ заботъ и опасностей, настолько легче во всѣхъ отношеніяхъ съ матеріальной стороны, вообще настолько лучше, что я отъ души желаю этимъ общинамъ дальнѣйшаго распространенія въ Соединенныхъ Штатахъ»¹⁾. Благодаря соединенію промышленности и земледѣлія и, сдѣлавшемуся такимъ образомъ возможнымъ, планомерному разнообразію дѣятельности, жизнь отдѣльнаго лица пріобрѣтаетъ содержательность и многосторонность въ такой мѣрѣ, въ какой это недостижимо въ современномъ капиталистическомъ обществѣ. Способности человека развиваются, и благодаря этому возникаютъ новыя отрасли дѣятельности. Прямо удивительно, напримѣръ, какого развитія достигаютъ въ коммунистическихъ общинахъ изобрѣтательность въ области механики и административный талантъ. Руководящая всѣми ими идея, самимъ стараться, насколько только это возможно, объ удовлетвореніи своихъ потребностей, естественно много содѣйствовала проявленію и развитію этихъ чертъ.

Обычно въ основѣ всѣхъ коммунистическихъ общинъ лежитъ земледѣліе, къ которому, затѣмъ, присоединяется рядъ промышленныхъ производствъ. Лѣсопильни, мельницы, шерстяныя мануфактуры, консервированіе фруктовъ, щеточное и корзиночное производство, выдѣлка шкуръ, приготовленіе мыла и кирпича и т. д. — вотъ важнѣйшія отрасли промышленности, распространенныя въ колоніяхъ и приведшія большую часть изъ нихъ въ цвѣтущее состояніе. Коммунисты, въ качествѣ земледѣльцевъ, садовниковъ и скотоводовъ превосходятъ окрестныхъ фермеровъ, хозяйство ихъ служитъ образцомъ, и слава о нихъ часто идетъ далеко за границы округа; то же самое можно сказать и о продуктахъ ихъ промышленности. Качество и чистота ихъ товаровъ всегда обезпечиваютъ имъ сбытъ въ странѣ, гдѣ капиталистическое производство болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было раскрываетъ свои темныя стороны.

Необычайная честность проникаетъ все существованіе коммунистическихъ общинъ; въ ихъ патріархальномъ демократизмѣ, въ простотѣ управленія, въ отсутствіи бухгалтеріи, въ боязни долговъ, въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ сосѣдями, въ простотѣ и чистотѣ ихъ одежды, въ строгой безыскусственности ихъ трапезъ,

¹⁾ Nordhoff, The communistic societies etc., стр. 417.

короче говоря, въ каждой области ихъ жизни честность эта выступаетъ на свѣтъ, является характерной отличительной чертой всѣхъ общинъ, которая примиряетъ насъ съ ихъ странной аскетической враждебностью къ искусству и наукамъ. Проблема хорошей, назидательной и полезной жизни, безъ сомнѣнiя, рѣшена этими коммунистическими сектантами. Пороковъ и всяческихъ проступковъ и преступленiй у нихъ нѣтъ; во всей ихъ исторiи нельзя найти примѣра чего-либо подобнаго, точно такъ же у нихъ нельзя встрѣтить ни одного идиота или страдающаго какой-нибудь другой душевной болѣзью. «Здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ» и «здоровые духъ и тѣло въ здоровой обстановкѣ»—вотъ два изреченiя, въ которыхъ соединена вся сумма житейской мудрости, предлагаемая намъ коммунистическими общинами. Послушаемъ въ заключенiе, какъ отвѣчалъ старый зоаритъ, на вопросъ о преимуществахъ ихъ жизни: «Выгоды велики и многочисленны; всѣ различiя между богатыми и бѣдными уничтожены. У членовъ общины нѣтъ иной заботы, кромѣ заботы о духовномъ воспитанiи (spiritual culture). Коммунизмъ заботится о больныхъ, слабыхъ и убогихъ одинаковымъ образомъ, что дѣлаетъ жизнь ихъ относительно легкой и прiятной. Въ случаяхъ бѣдствiя отъ огня, или воды, или отъ другой какой причины, бремя, которое придавило бы отдѣльнаго человѣка, легко переносится многими. Христіанское прощенiе и истинная взаимная любовь, эта основа истиннаго христіанства, легче осуществляется на дѣлѣ въ коммунистической общинѣ, чѣмъ въ живущей изолированно. Наконецъ, коммунистическая община является лучшимъ мѣстомъ для полнаго искорененiя эгоизма, упрямства, дурныхъ привычекъ и пороковъ, ибо мы подвергаемся постоянному наблюденiю и порицанiю постороннихъ, что, если это принимать надлежащимъ образомъ, имѣетъ большое значенiе для подготовки къ великой общинѣ на небесахъ»¹⁾.

Какъ сторонники, такъ и враги коммунизма, старались въ разныя времена и каждый сообразно своему отношенiю, извлекать пользу изъ опыта коммунистическихъ общинъ. Въ особенности враги стараются первымъ дѣломъ выставить многочисленные неудачные эксперименты фурьеристовъ и овенистовъ, но они пользуются также и религіозными коммунистическими общинами для обоснованiя своего утвержденiя, что только монастырская форма коммунизма осуществима. По той же самой причинѣ они могли бы добавить, что для коммунистическихъ общинъ годятся только крестьяне и неразвитые ремесленники, но тогда имъ пришлось бы безусловно отказаться отъ басни объ антиколлективистическомъ строенiи крестьянскихъ головъ. Всѣ религіозныя коммунистическія общины избѣгаютъ современнаго общества; когда жизнь этого общества начинала ихъ захватывать, то многiя изъ нихъ не разъ удалялись отъ нея подальше въ болѣе дикiя страны; современный же социализмъ, напротивъ, является замѣстителемъ современнаго общества и немислимъ безъ него. Религіозныя коммунистическія общины вербовались изъ отсталыхъ слоевъ общества, крестьянъ и ремесленниковъ; современный же социализмъ возможенъ лишь при наибольшей развитой техники производства. Рядъ такихъ противопоставленiй можно продолжать до безконечности. Короче говоря, религіозный и современный коммунизмъ по природѣ своей совершенно различны, и было бы прямо смѣшно по даннымъ одного дѣлать выводы относительно другого.

К. Гуго.

КОНЕЦЪ II ТОМА.

¹⁾ Hinds, American Communities, стр. 38.

III.

П.-Ж. ПРУДОНЪ.

ЧТО ТАКОЕ СОБСТВЕННОСТЬ?

ИЗСЛѢДОВАНИЕ О ПРИНЦИПѢ ПРАВА И ВЛАСТИ.

I. Методъ, принятый въ этомъ сочиненіи. — Понятіе революціи. — II. Собственность, рассматриваемая какъ естественное право. — Завладѣніе и гражданскій законъ, какъ дѣйствительныя причины господства собственности. — Опредѣленія. — III. О трудѣ, какъ дѣйствительной причинѣ собственности. — IV. Собственность невозможна. — V. Психологическое обоснованіе понятій справедливаго и несправедливаго и опредѣленіе принципа власти и права.

Полный переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ.

Цѣна 75 коп.

Отзывы печати: „Блестящее опроверженіе святости, вѣчности, необходимости и справедливости частн. собственности, причемъ ученые сторонники нерѣдко побиваются ихъ собственными доводами, остроумное обоснованіе положенія „собственность—кража“... рядъ вѣрныхъ мыслей о коллективномъ трудѣ, заработной платѣ и проч... Книга переведена безъ всякихъ пропусковъ и переведена, въ общемъ, хорошо“... (Книга, № 11).

„Впервые Прудонъ приобрѣлъ извѣстность съ появленіемъ его знаменитой книги „Что такое собственность“. Въ этомъ сочиненіи Прудонъ рѣзко критикуетъ право собственности. Свою критику онъ выразилъ въ извѣстной формулѣ: „собственность есть кража“. (Handwörterbuch d. Staatswissenschaften).

Приготовляются къ печати другія соч. Прудона.

Книгепродавцамъ 25% уступки.

Цѣна за оба тома 3 р.
отдѣльнаго тома 1 р. 50 к.

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича
(С.-Петербургъ, Вас. остр., 5 л., д. 28)